ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 1 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
№ 1 2026

Главный редактор:
академик АН РТ, доктор исторических наук *А.Г. Ситдиков*

Редакционный совет:

Г. Атанасов, д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **А. Авербух**, д-р, (Париж, Франция); **Х.А. Афонсо Марреро**, проф. (Гранада, Испания); **Б.В. Базаров**, д.и.н., проф., академик РАН (Улан-Удэ); **Н. Бороффка**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Н.Б. Виноградов**, д.и.н., проф. (Челябинск); **А.Р. Канторович**, д.и.н., проф. (Москва); **В. Кожокару**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Н.Н. Крадин**, д.и.н., академик. РАН (Владивосток); **В.В. Напольских**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Казань); **А. Самзун**, д-р. (Париж Франция); **В. Франсуа**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Е.Н. Черных**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **М.В. Шуньков**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Ю. Янхунен**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственные редакторы номера:
канд. ист. наук *М.Ш. Галимова, Е.Н. Голубева*

Редакционная коллегия номера:

М.Ш. Галимова к.и.н. (Казань); **А.М. Губайдуллин** д.и.н. (Казань); **Ю.А. Зеленеев** д.и.н. (Йошкар-Ола); **Д.Г. Мухаметшин** к.и.н. (Болгар); **Ф.Ш. Хузин**, д.и.н., член-корр. АН РТ (Казань); **А.А. Чижевский** к.и.н. (Казань); **Е.М. Пигарев** д.и.н. (Казань); **Г.М. Сайфутдинова** к.т.н. (Казань).

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Адрес редакции, издателя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
Телефон: (843)236-55-42
Адрес учредителя:
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20
E–mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru
Индекс ПП754, электронный каталог печатных изданий
«Почта России»
Выходит 6 раз в год

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

Учредитель: Академия наук Республики Татарстан
© Академия наук Республики Татарстан, 2026
© Журнал «Археология Евразийских степей», 2026

ISSN 2587-6112
e-ISSN 2618-9488

ARKHEOLOGIIA EVRAZIISKIKH STEPEI
ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES
No 1 2026

Editor-in-Chief:
Academician of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Airat G. Sitdikov**

Executive editors:

Georgy Atanasov, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **José Andrés Afonso Marrero**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Aline Averbouh**, Dr. (Paris, France); **Boris V. Bazarov,** Doctor of Historical Sciences, Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); **Nikolaus Boroffka**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Nikolay B. Vinogradov**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Evgenii N. Chernykh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Victor Cojocaru**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Véronique François**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Anatolii R. Kantorovich**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Nikolay N. Kradin,** Doctor of Historical Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok); **Vladimir V. Napolskikh**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Kazan); **Anaick Samzun,** Dr. (Paris, France); **Michael V. Shunkov**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Juha Janhunen**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland).

Executive Editors:
Candidate of Historical Sciences **Madina Sh. Galimova,**
Ekaterina N. Golubeva

Editorial board:

Madina Sh. Galimova, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Airat M. Gubaidullin**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Yurii A. Zeleneev,** Doctor of Historical Sciences (Yoshkar-Ola); **Dzhamil G. Mukhametshin**, Candidate of Historical Sciences (Bolgar); **Fayaz Sh. Khuzin**, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan); **Andrei A. Chizhevsky,** Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Evgeni M. Pigarev**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Guzel M. Sayfutdinova,** Candidate of Technical Sciences (Kazan).

Executive Secretary: Antonina S. Bespalova

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)236-55-42
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

© Tatarstan Academy of Sciences, 2026
© Archaeology of the Eurasian Steppes Journal, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Междисциплинарные исследования в археологии: достижения и вызовы

Назаров Х.А. *(Ташкент, Узбекистан)* Палеоэкологические условия, миграции и автохтонное развитие культур Центральной Азии раннего и среднего палеолита 8

Шапулатов У.Х. *(Термез, Узбекистан),* **Сайфутдинова Г.М.** *(Казань, Россия)* Земледельческие оазисы сапаллинской культуры в Южном Узбекистане: модель культурно-хозяйственного районирования 19

Вальков И.А. *(Кемерово, Россия)***, Идимешев А.А.** *(Ташкент, Узбекистан)***, Головко М.А.** *(Томск, Россия)***, Есин Ю.Н.** *(Майнц, Германия)* Стержневидные роговые псалии с Еловского поселения на юге Томской области из коллекции МАЭС ТГУ 31

Калашников М.Г., Воробьева Е.Е. *(Казань, Россия)* Культура «текстильной» керамики: определения и интерпретации 42

Машкова А.Ж., Лейбова Н.А. *(Москва, Россия)* Одонтологическая характеристика носителей сарматской культуры II–IV вв. н.э. с территории Нижнего Поволжья 52

Муминов А.Г., Назаров Х.А., Муминов О.У. *(Ташкент, Узбекистан)* Миграция юэчжей в Бактрию: анализ исторических концепций 67

Юрков А.Г. *(Москва, Россия)* Пример обряда вторичного погребения в Абхазии в эллинистический период 80

Волкова Е.В. *(Казань, Россия)* Отражение религиозно-мифологических представлений в нагрудных украшениях мари и мордвы 90

Абрамова А.Н. *(Москва, Россия)* Новые краниологические данные средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья 96

Медведева М.В. *(Краснодар, Россия)* Половозрастная структура позднесредневекового населения Закубанья (по материалам могильника поселения Первомайское-1) 106

Калугина Е.М. *(Санкт-Петербург, Россия)* Ганзейская торговля фламандскими тканями на Руси в XIV–XV вв. 114

Павлюк Ю.Д., Смертин П.Р., Жижин С.П. *(Пермь, Россия)* К изучению надгробий Егошихинского некрополя: первые результаты 122

Муратбакиева А.Д. *(Санкт-Петербург, Россия)* Назначение сосудов, обернутых берестой, по археологическим и этнографическим источникам 136

Археология каменного века: задачи и решения

Филатов Е.А., Глушкова Н.В. *(Новосибирск, Россия)* Закономерности пространственной локации и хроностратиграфическая корреляция палеолитических памятников Сухотинского района (Восточное Забайкалье) 145

Тетенькин А.В. *(Иркутск, Россия)* Морфо-типологическая характеристика каменного инвентаря жилища 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка (Байкало-Патомское нагорье, поздний палеолит) 160

Сомов А.В. *(Самара, Россия)* Особенности заселения среднего течения реки Сок в мезолите-энеолите 173

Карманов В.Н. *(Сыктывкар, Россия)***, Несанелене В.Н.** *(Архангельск, Россия)* Клад каменных артефактов Ёвдино V: проблема атрибуции 187

Васильева И.Н. *(Самара, Россия)* Гончарная технология энеолитического населения Гундоровского поселения 207

Проблемы и перспективы изучения бронзового и раннего железного веков

Курбонов А.М. *(Термез, Узбекистан)* К вопросу о религиозных воззрениях Окской цивилизации 220

Бородовский А.П., Волков П.В. *(Новосибирск, Россия)* Каменный «топор с ушками» и добыча золота на Салаире в древности 229

Ткачев А.А. *(Тюмень, Россия)* К проблеме внутренней хронологии Бегазы-Дандыбаевских комплексов могильников Измайловка 242

Денисенко В.Л., Филатов Е.А., Лямина В.А. *(Новосибирск, Россия)* Миграция саков на территорию Северной Индии: к постановке проблемы 257

Уланов И.В., Уланова А.В., Иванов Г.Л. *(Иркутск, Россия)*
Ранний железный век Южного Приангарья:
современное состояние проблемы и перспективы 272

Бодрова М.Г. *(Москва, Санкт-Петербург, Россия)* Нововавиловская печать
в контексте могильника сарматской эпохи у станицы Тбилисской 293

Вахонеев В.В. *(Санкт-Петербург, Севастополь, Россия)*
Защитная стена с контрфорсами на Южном пригороде Херсонеса Таврического:
реконструкция античной инженерной стратегии 293

Свиридов А.Н. *(Москва, Россия)* Крышки на сосудах в погребальных комплексах
римского времени Юго-Западного Крыма (по материалам могильника Фронтовое 3).
К постановке вопроса 309

Критика и библиография

Мыц В.Л. *(Санкт-Петербург, Россия)*
Рецензия на издание: Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т.7. Позднее средневековье
(середина XV – XVII вв.)/ Институт археологии им.А.Х.Халикова АН РТ; под общ.ред.
А.Г.Ситдикова; отв. ред.. Ф.Ш.Хузин. – Казань: Изд-во АН РТ, 2022. – 534 с.: ил. 325

Хроника

Пежемский Д.В., Лейбова Н.А. *(Москва, Россия)***, Вагнер-Сапухина Е.А.**
(Санкт-Петербург, Россия) Секция «Палеоантропология» международной археологической
школы в Болгаре и ее значение для биолого-антропологического образования в России 330

Леонтьев А.Е., Медынцева А.А. ***(Москва, Россия)*****, Мусион А.Е.** *(Париж, Франция),*
Петрухин В.Я., Чернецов А.В. *(Москва, Россия)***, Хузин Ф.Ш.** *(Казань, Россия)*
Памяти Александра Петровича Моци (30 мая 1950–18 ноября 2025) 338

Хузин Ф.Ш., Казаков Е.П., Баранов В.С., Урбушев А.У., Мухаметшин Р.Р. *(Казань, Россия)*
Археология Татарстана в трудах и научной деятельности Н.А. Макарова
(к 70-летию академика Н.А. Макарова) 343

Назаров А.А. *(Москва, Россия)***, Белова А.М.** *(Пермь, Россия)*
К вопросу о «марксистской» науке на рубеже 1920-х- 1930-х гг.
на примере «дела российской национальной партии»:
С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп и Г.А. Бонч-Осмоловский 350

Список сокращений.....360

Правила для авторов.....361

CONTENT

Interdisciplinary Research in Archaeology: achievements and challenges

Nazarov Kh.A. *(Tashkent, Uzbekistan)* Paleoecological Conditions, Migrations, and Indigenous Development of Cultures in Central Asia during the Lower and Middle Paleolithic 8

Shapulatov U.Kh. *(Termez, Uzbekistan),* **Sayfutdinova G.M.** *(Kazan, Russian Federation)* Agricultural Oases of the Sapalli Culture in the Southern Uzbekistan: a model of cultural and economic zoning 19

Valkov I.A. *(Kemerovo, Russian Federation)***, Idimeshev A.A.** *(Tashkent, Uzbekistan)***, Golovko M.A.** *(Tomsk, Russian Federation)***, Esin Yu.N.** *(Mainz, Germany)* Rod-Like Bit Shanks Made of Antler from the Elovka Settlement in the South of the Tomsk Region (from the MAES TSU collection) 31

Kalashnikov M.G., Vorobeva E.E. *(Kazan, Russian Federation)* Textile Ceramic Culture: definition and interpretation 42

Mashkova A.Zh., Leibova N.A. *(Moscow, Russian Federation)* Odontological Characteristics of the Sarmatian Culture Bearers of 2nd-4th Centuries A.D. from the Lower Volga Region 52

Muminov A.G., Nazarov Kh.A., Muminov O.U. *(Tashkent, Uzbekistan)* The Yuezhi Migration to Bactria: analysis of historical concepts 67

Yurkov A.G. *(Moscow, Russian Federation)* An Example of a Secondary Burial Rite in Abkhazia during the Hellenistic Period 80

Volkova E.V. *(Kazan, Russian Federation)* Religious and Mythological Concepts as Reflected in the Pectoral Ornaments of the Mari and Mordvins 90

Abramova A.N. *(Moscow, Russian Federation)* New Craniological Data on the Medieval Population of the North-Estern Black Sea Region 96

Medvedeva M.V. *(Krasnodar, Russian Federation)* Age and Sex Structure of the Trans-Kuban Late Medieval Population (based on the materials from the burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement) 106

Kalugina E.M. *(Saint Petersburg, Russian Federation)* Hanseatic Trade in Flemish Fabrics with Rus in the 14th–15th Centuries 114

Pavlyuk Yu.D., Smertin P.R., Zhizhin S.P *(Perm, Russian Federation)* On the Study of the Tombstones from the Yegoshikha Necropolis: the first results 122

Muratbakieva A.D. *(Saint Petersburg, Russian Federation)* The Purpose of Vessels Wrapped in Birch Bark, according to Archaeological and Ethnographic Sources 136

Stone Age Archaeology: Challenges and Solutions

Filatov E.A., Glushkova N.V. *(Novosibirsk, Russian Federation)* Patterns of Spatial Localization and Chronostratigraphic Correlation of Paleolithic Sites at the Sukhotino Paleolithic District (Eastern Transbaikalia) 145

Tetenkin A.V. *(Irkutsk, Russian Federation)* Morpho-Typological Characteristics of Lithic Tools from the Dwelling of the Cultural Horizon 3Б at the Kovrizhka IV Site (Baikal-Patom Upland, Late Paleolithic) 160

Somov A.V. *(Samara, Russian Federation)* Settlement Peculiarities of the Middle Course of the Sok River during the Mesolithic-Eneolithic Periods 173

Karmanov V.N. *(Syktyvkar, Russian Federation)***, Nesanelene V.N.** *(Arkhangelsk, Russian Federation)* Yovdino V Stone Artifact Cache: the problem of attribution 187

Vasilieva I.N. *(Samara, Russian Federation)* Pottery-Making Technology of the Eneolithic Inhabitants of the Gundorovka Settlement 207

Issues and prospects of studying the Bronze and Early Iron Ages

Kurbonov A.M. *(Termez, Uzbekistan)* On the Question of the Religious Views of the Oxus Civilization 220

Borodovskiy A.P., Volkov P.V. *(Novosibirsk, Russian Federation)* Stone "Axe With Lugs" and Gold Mining in Salair Region in Ancient Times 229

Tkachev A.A. *(Tyumen, Russian Federation)* On the Issue of the Internal Chronology of the Begazy-Dandybai Culture Complexes of the Izmailovka Burial Ground 242
Denisenko V.L., Filatov E.A., Lyamina V.A. *(Novosibirsk, Russian Federation)* The migration of the Sakas to the Northern India: outlining the key issues.....257
Ulanov I.V., Ulanova A.V., Ivanov G.L. *(Irkutsk, Russian Federation)* Early Iron Age of the Southern Angara Region: current issues and research prospects 272
Bodrova M.G. *(Moscow, Saint Petersburg, Russian Federation)* Neo-Babylonian Seal in the Context of a Sarmatian Period Barrow Field Nearby the Village of Tbilisskaya.....287
Vakhoneev V.V. *(Saint Petersburg, Sevastopol, Russian Federation)* Defensive Wall with Buttresses at the South Suburb of Tauric Chersonesos: reconstruction of classical engineering practices.....293
Sviridov A.N. *(Moscow, Russian Federation)* Lids on Vessels in Roman Period Burial Assemblages in Southwestern Crimea (based on the materials of the Frontovoye 3 Burial Ground): raising an issue.....309

Critics and Bibliography

Myts V.L. *(Saint Petersburg, Russian Federation)* Review for: Archaeology of the Volga-Urals. In 7 vols. Vol. 7: Late Middle Ages (the middle of the XV – XVII centuries) / Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences; under the general editorship of A.G. Sitdikov; ex. ed. F.Sh. Khuzin. – Kazan: Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. – 534 pp.: ill. 325

Chronicle

Pezhemsky D.V., Leibova N.A. *(Moscow, Russian Federation)***, Vagner-Sapukhina E.A.** *(Saint Petersburg, Russian Federation)* Section "Paleoanthropology" of the International Archaeological School in Bolgar and its Significance for Biological and Anthropological Education in Russia 330
Leontyev A.E., Medyntseva A.A. *(Moscow, Russian Federation)***, Musion A.E.** *(Paris, France),* **Petrukhin V.Ya, Chernetsov A.V.** *(Moscow, Russian Federation)***, Khuzin F.Sh.** *(Kazan, Russian Federation)* In Memoriam Aleksandr Petrovich Motsia (30.05.1950 – 18.11.2025) 338
Khuzin F. Sh., Kazakov E.P., Baranov V.S., Urbushev A.U., Mukhametshin R.R. *(Kazan, Russian Federation)* Archaeology of Tatarstan in the Works and Scientific Activity of N. A. Makarov (on the 70th Anniversary of Academician N. A. Makarov) 343
Nazarov A.A. *(Moscow, Russian Federation)***, Belova A.M.** *(Perm, Russian Federation)* On the Question of «Marxist» Science at the Turn of the 1920s - 1930s: The Russian National Party Case: S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup and G.A. Bonch-Osmolovsky 350
List of Abbreviations.....360
Instructions for Authors.....361

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

УДК 904.54(584.4) 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.8.18

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ, МИГРАЦИИ И АВТОХТОННОЕ РАЗВИТИЕ КУЛЬТУР ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ РАННЕГО И СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА

© 2026 г. Х.А. Назаров

В статье комплексно анализируются взаимосвязи климатических условий, природной среды и хозяйственно-культурных систем Центральной Азии от палеолита до исторических эпох. Основное внимание уделено влиянию чередования ледниковых и межледниковых фаз на трансформацию обитаемости региона, формирование «миграционных коридоров» и адаптацию древних популяций к изменяющимся экологическим условиям. Периоды относительной стабильности и изобилия ресурсов способствовали формированию локальных хозяйственно-культурных традиций, включая ранние формы охоты, собирательства, кочевого скотоводства и земледелия, что существенно влияло на демографическую структуру и плотность населения. Особое внимание уделено автохтонным палеолитическим традициям Центральной Азии. Проведённый анализ каменной индустрии показывает технологический континуум от раннего к среднепалеолитическим индустриям, выявляет аналогичные типы ядер и приёмы расщепления, а также единичные инновационные формы, свидетельствующие о контактах с соседними регионами. Исследование подчёркивает значимость локального (автохтонного) развития культур Центральной Азии, выявляет закономерности миграций, адаптационных стратегий и технокультурной преемственности в среднем плейстоцене, систематизируя материалы о хозяйственно-культурных практиках раннего и среднего палеолита и уточняя вклад региона в эволюцию человеческих сообществ и их адаптацию к изменяющимся климатическим условиям.

Ключевые слова: археология, автохтонное развитие, миграции, палеоэкология, Центральная Азия, ранний палеолит, средний палеолит, адаптация, палеолитические индустрии

PALEOECOLOGICAL CONDITIONS, MIGRATIONS, AND INDIGENOUS DEVELOPMENT OF CULTURES IN CENTRAL ASIA DURING THE LOWER AND MIDDLE PALEOLITHIC

Kh.A. Nazarov

The article provides a comprehensive analysis of the interrelations between climatic conditions, natural environment, and socio-cultural systems of Central Asia from the Paleolithic to historical periods. Emphasis is placed on the impact of glacial and interglacial phases on the transformation of the region habitability, the formation of "migration corridors," and the adaptation of ancient populations to changing ecological conditions. Periods marked by stability and resource abundance promoted the emergence of local economic and cultural traditions such as early hunting, gathering, nomadic herding, and farming, which substantially affected demographic structures and population density. Special attention is given to the indigenous Paleolithic traditions of Central Asia. The analysis of lithic industries reveals a technological continuum from early to Middle Paleolithic industries, identifies similar core types and flaking techniques, as well as isolated innovative forms indicating contacts with neighboring regions. The research underscores the significance of local development of the culturals in Central Asia, reveals migration trends, adaptive strategies, and technological-cultural continuity in the Middle Pleistocene, organizes data on Lower and Middle Paleolithic economic-cultural practices, and refines the understanding of the role of the region in human evolutionary history and ecological adaptation

Keywords: archaeology, indigenous development, migrations, paleoecology, Central Asia, Lower Paleolithic, Middle Paleolithic, adaptation, lithic industries

Климатические условия Центральной Азии в плейстоцене, особенно в период Среднего плейстоцена, играли ключевую роль в формировании адаптационных стратегий древних популяций. Чередование аридных и более увлажнённых фаз приводило к существенным изменениям ландшафтной структуры региона, смещению зон обитаемости и трансформации ресурсной базы. В условиях климатической нестабильности население концентрировалось в предгорных районах и речных долинах, где сохранялись водные источники и охотничьи ресурсы, тогда как в относительно стабильные межледниковые периоды происходило расширение освоенных территорий и закрепление локальных технологических традиций. Таким образом, палеоэкологическая динамика региона выступала не фоновым фактором, а структурообразующим механизмом, определявшим характер миграций, плотность расселения и формирование устойчивых хозяйственно-культурных комплексов (Doniyorov et al., 2024).

Динамика хозяйственно-культурного развития в Центральной Азии тесно коррелировала с изменениями природной среды и ресурсной базы. В эпоху раннего и среднего палеолита основу жизнедеятельности составляли охотничье-собирательские стратегии, эффективность которых напрямую зависела от продуктивности ландшафта и сезонной доступности фаунистических ресурсов. Пространственная организация расселения определялась необходимостью поддержания баланса между мобильностью групп и концентрацией в ресурсно насыщенных зонах, прежде всего в предгорных районах и долинах рек. Позднейшие формы хозяйства — скотоводство и земледелие — в данном контексте рассматриваются как результат длительной адаптационной эволюции, корни которой восходят к палеолитическим моделям освоения природной среды. Этнографические и археоэкономические исследования подтверждают зависимость плотности населения от природной продуктивности ландшафта. По данным, приведённым Н.Н. Воронцовым, численность доаграрных коллективов определялась объёмом ежегодного прироста биомассы и доступностью охотничьих ресурсов.

Так, тундровые территории площадью около 100 км² могли обеспечивать существование 1–2 человек, таёжные — до 3, лесные зоны умеренного пояса — 7–8. Лесостепные ландшафты отличались наибольшей продуктивностью (до 15–17 человек), тогда как степные и полупустынные территории ограничивали плотность населения примерно до 8 человек. Средиземноморский тип ландшафта обеспечивал около 10–12 человек на аналогичной площади (Воронцов, 1999).

Представленные данные отражают прямую зависимость демографической динамики от природной продуктивности ландшафта. В условиях плейстоценовых климатических колебаний изменение площади ресурсно обеспеченных территорий определяло плотность расселения и мобильность групп: в аридные фазы сокращение кормовой базы усиливало миграционную активность и концентрацию населения в устойчивых экозонах, тогда как в гумидные периоды происходило расширение освоенных пространств. Тем самым демографические процессы раннего и среднего палеолита Центральной Азии определялись преимущественно динамикой природной среды и доступностью ключевых ресурсов. В сопоставлении с сопредельными территориями Ближнего Востока предгорья Тянь-Шаня и Памиро-Алая в Среднем плейстоцене формировали экологические ниши, функционально сходные с ландшафтами Передней Азии, что создавало условия для периодических контактов и обмена технологическими традициями при сохранении локальной специфики. Анализ взаимосвязи природных условий, мобильности групп и структуры каменной индустрии позволяет реконструировать адаптационные механизмы и уточнить характер миграционных процессов в пределах Евразии. Исследование основано на междисциплинарном подходе, объединяющем палеоэкологический анализ, технико-типологическое и сравнительно-стратиграфическое изучение материалов Малого Каратау, Кызылтау, Оби-Рахмата, Угама, Вахша, Кошкургана и Шоктаса, включая морфологическую классификацию нуклеусов и орудий, анализ способов расщепления, вторичной обработки и сырьевой базы с учётом палеоклиматических реконструкций Среднего плейстоцена.

Технико-типологический анализ проводился с учётом формы заготовки, характера ударной площадки, направления и последовательности снятий, а также степени и типа вторичной обработки. Отдельное внимание

уделялось влиянию сырья на морфологическую стандартизацию изделий. Статистическая обработка включала количественный анализ соотношения категорий нуклеусов и орудий, что позволило выявить структурные параметры индустрий и сопоставить комплексы в рамках единой методической схемы; интерпретация осуществлялась с привлечением палеоклиматических реконструкций, отражающих чередование аридных и гумидных фаз как факторов динамики зон обитаемости и направлений миграционных потоков (Finestone et al., 2022).

Комплексный анализ источников позволил рассмотреть индустрии раннего и среднего палеолита Центральной Азии в контексте локальной технологической эволюции и возможных межрегиональных взаимодействий. Сопоставление комплексов осуществлялось по совокупности устойчивых технико-типологических признаков, включая типологию нуклеусов, способы и направленность расщепления, характер и интенсивность ретуши, а также особенности сырьевой базы и степень её влияния на морфологию изделий. Такой подход позволил выявить структурные закономерности индустрий и оценить степень их преемственности без абсолютизации отдельных типологических показателей.

В течение Среднего плейстоцена климатическая динамика Центральной Азии определялась чередованием аридных и более увлажнённых фаз, что существенно трансформировало структуру ландшафтов и доступность ресурсов. В межледниковые периоды расширялись степные и лесостепные зоны, увеличивалась концентрация фаунистических ресурсов и формировались устойчивые территории обитания; напротив, в фазы аридизации сокращались продуктивные пространства и население концентрировалось в предгорных районах и долинах постоянных водотоков, где складывались рефугиальные зоны. Такая пространственная перестройка ресурсной базы усиливала мобильность групп и способствовала формированию повторяющихся миграционных маршрутов. Палеоклиматические реконструкции и археологические данные свидетельствуют, что стоянки раннего палеолита степных и пустынных зон региона могли функционировать как элементы более широкой системы расселения древних гоминид в Евразии в фазы климатического оптимума (Finestone et al., 2022).

Накопленные археологические данные свидетельствуют о существенной роли автохтонного развития в формировании палеолитических индустрий Центральной Азии как на этапе перехода от среднего к верхнему палеолиту, так и в более ранний период эволюции каменной технологии. Ключевое значение для изучения нижнего палеолита региона имеют материалы, выявленные на склонах Малого Каратау на юге Казахстана. С конца 1990-х гг. в ходе работ Российско-Казахстанской экспедиции были собраны и систематизированы сопоставимые по хронологии комплексы северо-восточных склонов Каратау, включая местонахождения Бориказган, Таннирказган и Акколь (Деревянко, 2003; Цыбанков, 2004). Проведённая морфологическая классификация и статистическая обработка коллекций выявили устойчивость технико-типологических признаков, что позволяет интерпретировать рассматриваемые комплексы как результат длительного локального технологического развития, обусловленного спецификой палеоэкологических условий и характером сырьевой базы региона.

Природно-сырьевой контекст Кызылтау оказывал непосредственное влияние на морфологические и технологические особенности инвентаря. Выходы окремнённого известняка, представленные обнажениями и осыпями, рассечёнными оврагами, обеспечивали доступ к пластичному и относительно легко обрабатываемому сырью. Прилегающие равнинные участки с системой озёр и водоёмов формировали устойчивые зоны концентрации ресурсов, вдоль берегов которых локализовались стоянки. Тугаи и пойменные экосистемы создавали благоприятные условия для обитания крупных копытных, что делало район привлекательным для охотничьих коллективов.

Протяжённость памятников на десятки километров позволяет квалифицировать их как систему открытых стоянок, часть которых использовалась многократно и, вероятно, в течение длительного времени. Количественные показатели (площадка 1 — 10 536 артефактов при площади 25 м²; площадка 2 — 4709 артефактов при 18 м²) свидетельствуют о высокой интенсивности деятельности. Различия в степени дефляции и патинизации

изделий указывают на многократные эпизоды заселения и разновременность накопления материала (Деревянко, 2003; Цыбанков, 2004). При этом учитывалась вариативность исходного сырья: фрагменты известняка различной плотности по-разному реагировали на атмосферные воздействия, что отражается в степени сохранности артефактов.

Результаты технико-типологической классификации нуклеусов из комплексов Каратау (n = 1017) демонстрируют чёткую структурную направленность индустрии. Преобладают дисковидные (38%) и веерообразные (34%) формы, суммарно составляющие около 72% выборки. Ортогональные разновидности представлены приблизительно 5%. Нуклеусы параллельного расщепления (одноплощадочные и двуплощадочные) образуют около 15%. Кроме того, зафиксированы призматические формы (более 19%), а также нуклеусы беспорядочного расщепления с элементами круговой оббивки. В отдельных случаях отмечены леваллуазские черты, представленные единичными экземплярами.

Подобная структура свидетельствует о доминировании дисковидно-веерообразной традиции расщепления, характерной для клектонского круга индустрий средних широт Евразии, при наличии отдельных технологических элементов, указывающих на постепенное усложнение техники расщепления.

Сопоставление демонстрирует эволюционную динамику от доминирования дисковидно-веерообразной техники расщепления в раннепалеолитических комплексах к усилению призматического и леваллуазского расщепления в среднепалеолитических индустриях. Данная тенденция отражает не резкий культурный разрыв, а постепенное технологическое усложнение в рамках локальной традиции, адаптированной к региональной сырьевой базе и палеоэкологическим условиям Среднего плейстоцена.

К веерообразным нуклеусам, традиционно описываемым в рамках клектонской индустрии, отнесены овальные ядрища с ударной площадкой, занимающей от 1/4 до 1/3 периметра гальки. Негативы снятий сходятся к дистальному концу, обеспечивая получение удлинённых треугольных отщепов и пластинчатых заготовок. При увеличении протяжённости ударной площадки свыше 1/2 периметра такие формы классифицируются как дисковидные. Совокупная доля дисковидных и веерообразных нуклеусов достигает около 80% выборки, что свидетельствует о доминировании данной технологической стратегии. Наряду с ними представлены ортогональные формы и редкие нуклеусы параллельного расщепления с леваллуазскими чертами, придающие индустрии переходный характер.

Морфологические различия между веерообразными и дисковидными формами во многом обусловлены пропорциями ударной площадки и направлением снятий; при определённых приёмах веерообразный или двуплощадочный нуклеус мог трансформироваться в дисковидный. Это отражает внутритрадиционную вариативность, а не присутствие разнородных культурных компонентов. Зафиксированы также вторичные нуклеусы на массивных сколах, полученных от крупных

Таблица 1. Структура нуклеусов в индустриях Центральной Азии (ранний-средний палеолит).
Table 1. Structure of core eypes in the lithic industries of Central Asia (Lower-Middle Paleolithic).

Тип нуклеусов	Каратау (n=1017), %	Оби-Рахмат	Кошкурган 1	Шоктас 1
Дисковидные	38,0	++	++	++
Веерообразные	34,0	+	++	++
Ортогональные	~5,0	+	+	+
Параллельного расщепления	~15,0	++	++	++
Призматические	>19,0	+++	+	++
Леваллуазские	<1,0	+++	++	+++

Примечание: +++ — доминирующая категория (>30%); ++ — устойчивая представленность (10–30%); — редкие формы (<10%); ~ — приблизительное значение.

галек или блоков сырья — приём, характерный и для оби-рахматской культуры, хотя в ином количественном соотношении (Деревянко, 2017). По технике расщепления материалы Каратау особенно близки стоянке Тешик-Таш.

Вторичная обработка орудий представлена преимущественно лёгкой ретушью и подтёской; интенсивная крутая ретушь практически отсутствует. Ретушь чаще наносилась со стороны брюшка отщепа, преобладает чешуйчатая, реже — ступенчатая; на толстых заготовках она нередко переходит в крупные утончающие сколы. Зафиксированы единичные случаи бифасной и чередующейся ретуши, а также крупные клектонские выемки (анкоши) на массивных сколах. Основную категорию ретушированных изделий составляют прямые скребла с чешуйчатой, иногда выравнивающей ретушью вдоль латерального края. Отмечена также техника намеренного рассечения отщепов и пластин, характерная для оби-рахматской традиции.

Орудийный комплекс Каратау (n = 621) представлен преимущественно крупными ретушированными отщепами (около 75%). К редким категориям относятся выемчатые орудия и скребла с интенсивной чешуйчатой ретушью (примерно по 5%). Часть скребел на нуклевидных обломках морфологически сопоставима с образцами из Оби-Рахмата. Значительную группу составляют тяжёлые ретушированные пластины (около 7%) с зубчатой, неравномерной по глубине и протяжённости ретушью, нередко латеральной или двусторонней. Единично представлены резцы, струги и скобели на концах отщепов и грубых пластин, интерпретируемые также как полиэдрические или плоские резцы. Зафиксированы клювовидные формы, оформленные двумя глубокими встречными сколами. Отмечены и изделия с заоваленным абрисом, внешне сходные с рубилами, однако лишённые характерной ашельской заострённости, известной по материалам Мугожара.

К редким категориям относятся галечные орудия, изготовленные на небольших гальках посредством двусторонней отески. Более распространены нуклевидные изделия на массивных фрагментах породы с крутым скоблящим рабочим краем, которые могут быть интерпретированы как орудия скребкового типа. Зафиксированы также крупные массивные отщепы с ретушью по режущему краю, функционально сходные с рубящими формами.

Совокупно изделия на гальках, массивных отщепах, обломках и переработанных нуклеусах составляют около 5% орудийного набора. Эти количественные показатели не подтверждают ранее высказывавшееся мнение о «галечном характере» индустрии Каратау. В целом коллекции северных склонов Каратау характеризуются преобладанием орудий на отщепах, что позволяет рассматривать их в русле отщеповых индустрий средних и высоких широт Евразии (Mode 1).

Вопрос соотношения галечных орудий и нуклеусов на гальках имеет принципиальное значение для культурно-хронологической атрибуции комплексов. В историографии интерпретации материалов Каратау существенно различались. Х.А. Алпысбаев

Таблица 2. Структурные параметры орудийных комплексов индустрий Центральной Азии (ранний-средний палеолит).
Table 2. Structural parameters of tool assemblages in the lithic industries of Central Asia (Lower-Middle Paleolithic).

Категория изделий	**Каратау (n = 621)**	**Оби-Рахмат**	**Кошкурган 1**	**Шоктас 1**
Ретушированные отщепы	≈75%	Высокая доля	Доминируют	Доминируют
Скребла	≈5%	Значительная доля	Представлены	Значительная доля
Резцы / струги / скобели	Единичные	Диагностическая категория	Редкие	Редкие
Изделия типа *bek burinât alterné*	Единичные	Характерная форма	Не зафиксированы	Редкие
Галечные орудия	≈5%	Присутствуют	Присутствуют	Присутствуют
Нуклеовидные изделия	Представлены	Представлены	Представлены	Представлены

первоначально относил находки к шелль-ашельскому кругу (Алпысбаев, 1961, 1970; Алпысбаев, Костенко 1972). В дальнейшем, под влиянием В.А. Ранова и других исследователей, часть изделий была выделена как галечные орудия и сопоставлена с соанской культурой (Деревянко и др., 2002), хотя отдельные формы продолжали интерпретироваться как рубила. З.А. Абрамова подвергла такую атрибуцию критике, указав на необходимость более строгого разграничения галечных орудий и нуклеусов (Абрамова, 1984). А.Г. Медоев, напротив, рассматривал материалы восточных склонов Каратау в контексте леваллуазской традиции (Медоев, 1982). Развёрнутый анализ коллекций Южного Каратау представлен в XI томе труда А.П. Деревянко (Деревянко, 2017).

Таким образом, расхождения в интерпретациях во многом обусловлены различными подходами к разграничению понятий «галечное орудие» и «нуклеус на гальке». Проведённый количественный и морфологический анализ позволяет утверждать, что индустрия Каратау не является галечной по своей структуре, а демонстрирует устойчивую отщеповую технологическую традицию.

Различия в интерпретациях во многом связаны со стремлением соотнести материалы Каратау со схемой Х. Мовиуса (Movius, 1948), предполагающей разделение индустрий Евразии по наличию или отсутствию ручных рубил. Существенным источником противоречий является изготовление значительной части нуклеусов на галечном сырье. При использовании простой ударной техники морфологические различия между нуклеусами и галечными орудиями сглаживаются, что затрудняет их однозначную атрибуцию.

Подобные методологические трудности отмечены и в других регионах. Так, галечные нуклеусы клектонской индустрии (Англия) морфологически сходны с галечными орудиями и в отдельных случаях могли использоваться как таковые (Брей, Трамп, 1990). При этом наличие единичных бифасов в коллекциях Берхема не послужило основанием для пересмотра культурно-исторической принадлежности индустрии, что подчёркивает необходимость комплексного, а не формального подхода к интерпретации отдельных категорий изделий.

При формальной морфологической оценке часть веерообразных нуклеусов на гальках из коллекций Каратау действительно может быть интерпретирована как галечные орудия, особенно при опоре исключительно на иллюстративный материал. Однако разграничение проводилось на основе совокупности признаков: массы изделия, характера ударной площадки и направленности снятий. Нуклеусы на гальках, как правило, отличаются крупными размерами (до 3–4 кг) и наличием фасетированной ударной площадки, с которой вдоль плоской поверхности снималась серия удлинённых треугольных сколов. Галечные орудия, напротив, изготовлены на небольших плоских гальках (обычно до 1 кг), удобных для удержания в руке, и формировались двусторонней отеской с созданием рабочего лезвия.

Распространение галечных орудий в Средней Азии, по-видимому, коррелирует с использованием мелкогалечного сырья, как это фиксируется на Кутурбулаке (Самаркандская область) и Карабуре (юг Таджикистана). Однако даже в этих случаях функциональная возможность использования нуклеуса в качестве орудия не означает их типологического тождества. В условиях Малого Каратау, где наряду с блоками материковых пород широко представлены россыпи крупной гальки, в орудийном комплексе безусловно доминируют изделия на отщепах, что подтверждает отщеповой характер индустрии.

Отдельные галечные орудия фиксируются как в комплексе Оби-Рахмат, так и на типологически близких памятниках; их относительная доля несколько выше в коллекциях Тешик-Таша. Однако в обоих случаях они не определяют культурно-хронологическую атрибуцию комплексов. Так, несмотря на трактовку Х. Мовиуса, рассматривавшего Тешик-Таш как памятник «восточноазиатского» круга (Movius, 1948), большинство исследователей относят его к леваллуа-мустьерской традиции Ближнего Востока.

Принципиально важно, что местонахождения Кызылтау вовсе не содержат галечных орудий (Деревянко, 2003; 2019), при общем объёме коллекции свыше 16 тыс. артефактов. По данным А.А. Цыбанкова, различия в степени дефляции и патинизации позволили выделить четыре хронологических этапа — от древнейших до позднепалеолитических,

при этом индустрия в целом демонстрирует гомогенность и преемственность технологических признаков (Цыбанков, 2004). Эти данные существенно ослабляют гипотезу о «галечном» характере ранних комплексов региона.

Следует учитывать, что историко-культурные реконструкции, основанные на археологических материалах, по своей природе носят вероятностный характер. Особенно это касается разграничения понятий «галечное орудие» и «нуклеус», когда индустрия базируется на галечном сырье, как в случае подъёмных материалов склонов Каратау. Тем не менее комплексный морфологический анализ позволяет с высокой степенью вероятности дифференцировать рубящие формы и нуклеусы на гальках. При этом функциональная трансформация нуклеуса в орудие и наоборот отражает технологическую гибкость, что оправдывает использование термина «нуклеовидное орудие».

Более значимыми для реконструкции культурно-исторического положения нижнего палеолита Каратау являются редкие формы, типологически родственные среднепалеолитическим комплексам Средней Азии, прежде всего оби-рахматской культуре. К ним относятся резцы на грубых пластинах и отщепах, изделия с подтёской ударной площадки и усечённые ретушированные формы. Приёмы мелкой подтёски вокруг бугорка отщепа, фиксируемые в этих материалах, характерны для оби-рахматской традиции. В коллекции грота Оби-Рахмат аналогичные изделия определены как струги и скобели. Отмечены также смежные анкоши на концах сколов, формирующие клювовидные или короткие резцовые формы (bek burinât alterné), которые получают полное развитие именно в комплексах оби-рахматской культуры (Деревянко, 2017).

Сопоставительный анализ показывает, что в раннепалеолитических индустриях северо-восточных предгорий Каратау отсутствуют категории, принципиально отличные от набора более поздней оби-рахматской культуры. В ранних комплексах доминируют дисковидные, веерообразные и ортогональные нуклеусы клектонского облика, тогда как в среднем палеолите возрастает роль одноплощадочных призматических форм пластинчатого расщепления. Аналогичная эволюция прослеживается и в орудийных наборах — от массивных архаических форм к стандартизированным ретушированным пластинам. В Кызылтау зафиксированы струги и «орудия с носиком» (bek burinât alterné), выступающие диагностическими признаками оби-рахматской традиции.

Совокупность этих данных позволяет предполагать генетическую связь оби-рахматской культуры с автохтонной раннепалеолитической индустрией клектонского типа Средней Азии (Mode 1). Такая модель представляется более вероятной, чем её прямое происхождение от леваллуа-мустьерских комплексов Ближнего Востока. Географическая близость Каратау, Оби-Рахмата и Тешик-Таша и их расположение в единой экологической зоне западных предгорий Тянь-Шаня создавали условия для устойчивых контактов и постепенной технологической трансформации.

Для Малого Каратау и оби-рахматской культуры характерны грубые скоблящие формы типа «рабо», которые в Оби-Рахмате приобретают более стандартизированные очертания. Эти изделия связаны с орудиями на концах массивных отщепов и пластин (струги, скобели усечённо-тронкированного типа), которые могли функционировать как вторичные нуклеусы. Сходство и различия индустрии Оби-Рахмата и комплекса Табун D отмечены Р.Х. Сулеймановым (Сулейманов, 1972; Fuensanta et al., 2019).

Наличие культурных контактов между Центральной Азией и Ближним Востоком не вызывает сомнений и подтверждается совокупностью археологических данных. Однако совпадение ключевых диагностических признаков индустрий нижнего палеолита степной зоны Центральной Азии с индустриями пещерных памятников региона в эпоху среднего палеолита позволяет рассматривать их не только в контексте межрегиональных связей, но и как результат внутренней генетической преемственности.

Дополнительные аргументы в пользу данной гипотезы предоставляют материалы, выявленные в 2012 г. в долине северного притока р. Чирчик (правобережье р. Угам). Подъёмный материал, морфологически идентичный индустрии грота Оби-Рахмат, был зафиксирован в зоне разрушения культуросодержащего горизонта. Последующее обследование в 2013 г. установило наличие погребённой почвы четвертичного возраста на высоте

50–70 м над поймой реки, где в небольшом разведочном раскопе (3×2 м; глубина 130 см) получен in situ комплекс изделий оби-рахматского облика (Сулейманов и др., 2014).

Каменные изделия из Угама изготовлены из того же розоватого кремня, что и материалы Оби-Рахмата, и демонстрируют идентичные технико-типологические характеристики. Выходы этого сырья фиксируются в обнажениях скальной гряды, что подтверждает локальный характер ресурсной базы. Таким образом, местонахождение Угама занимает промежуточное положение между Оби-Рахматом и Малым Каратау и усиливает аргументацию в пользу региональной технологической преемственности.

Сопоставимые параллели фиксируются и за пределами Казахстана. В Южном Таджикистане, в долине р. Вахш, выявлены индустрии сходного облика, датируемые 100–300 тыс. лет (Ранов, Шефер, 2000), что соответствует хронологии среднего палеолита. На юге Казахстана открытые стоянки Кошкурган 1 и Шоктас 1 демонстрируют иной вариант адаптации к локальным природно-сырьевым условиям.

По данным А.П. Деревянко, в коллекции Кошкургана 1 (n = 3436) доминирует кварц (46%), далее следуют крупнозернистый песчаник (17%), кремень (14,5%), кремнистый известняк (7,9%), кварцит (6%), тонкозернистый песчаник (5%), эффузивы (4%) и гравелиты (0,5%). Ограниченность и неоднородность сырья обусловили миниатюризацию и аморфность изделий: размеры варьируют от 2 до 7 см, большинство орудий не превышает 5 см. Технология представлена леваллуазскими и биполярными нуклеусами наряду с аморфными формами; часть изделий изготовлена на расколотых гальках.

Аналогичная картина наблюдается в Шоктас 1 (n = 1479): кварц (33%), кремень (27%) и кварцит (31%) составляют основу сырьевой базы. Более высокое содержание кремня способствовало более широкому применению леваллуазской техники и получению продольных ретушированных скребел (Деревянко, 2017).

Таким образом, вариативность размеров и морфологии изделий в указанных комплексах определяется прежде всего качеством и доступностью сырья, а не принципиально различными культурными традициями. Это обстоятельство подтверждает, что в пределах Центральной Азии прослеживается единая технологическая линия развития, модифицируемая локальными палеоэкологическими условиями.

Сопоставление материалов южнотаджикских галечно-отщеповых индустрий с комплексами Кошкургана 1 и Шоктаса (Казахстан), датированных по костным останкам в пределах 500–178 тыс. лет, выявляет принципиальные различия. Как подчёркивает А.П. Деревянко, «между местонахождениями Кульдара и стоянками Кошкурган 1 и Шоктас 1–3 в Казахстане не отмечается никаких аналогий по технико-типологическим показателям. Их объединяет только малоразмерность каменного инвентаря» (Деревянко, 2017).

Таблица 3. Сырьевая база индустрий Центральной Азии и её морфо-технологические последствия.
Table 3. Raw material resources of the lithic industries of Central Asia and their morpho-technological implications

Памятник	**Доминирующее сырьё**	**Удельный вес**	**Морфо-технологические особенности**
Каратау	Окремнённый известняк	Преобладает	Крупные нуклеусы, развитая отщеповая техника
Кызылтау	Известняк, кремнистые породы	Преобладают	Гомогенность индустрии, стабильность форм
Кошкурган 1	Кварц	46%	Миниатюризация изделий, аморфность форм
Шоктас 1	Кварцит (31%), кварц (33%), кремень (27%)	Смешанный состав	Более выраженная леваллуазская техника
Оби-Рахмат	Розоватый кремень	Преобладает	Пластинчатое расщепление, развитая вторичная обработка

Наиболее близкие параллели индустриям Кошкургана и Шоктаса выявляются в материалах Малого Каратау и Кызылтау. Наблюдаемые различия в размерах изделий между Кошкурганом и Каратау, по-видимому, обусловлены спецификой доступной сырьевой базы, что подтверждается сравнительным анализом (табл. 3). Следовательно, морфотехнологическая вариативность комплексов региона определяется прежде всего качеством и структурой сырья, а не их культурной принадлежностью.

Проведённый анализ позволяет датировать ранний палеолит Малого Каратау и Кызылтау интервалом 500–178 тыс. лет, что согласуется с хронологией комплексов Кошкургана и Шоктаса. Пластинчатая индустрия среднего палеолита долины Вахша (200–100 тыс. лет) может рассматриваться как результат эволюционного развития северной клектонской традиции Казахстана с ранним формированием элементов леваллуазской техники.

Сопоставление материалов Малого Каратау, Кызылтау, Кошкургана, Шоктаса, Оби-Рахмата, Тешик-Таша, Угама и Вахша свидетельствует о существовании в Центральной Азии единой региональной культурно-технологической линии, охватывающей период от раннего до среднего палеолита. Различия в морфологии и размерах артефактов обусловлены преимущественно качеством сырья, тогда как принципы расщепления и структура нуклеусов демонстрируют устойчивую преемственность. Усиление пластинчатого и леваллуазского расщепления отражает технологическое усложнение без разрыва с ранней традицией; единичные ближневосточные параллели указывают на контакты, но не на замещение локальной основы.

Палеоэкологическая динамика Среднего плейстоцена выступала ключевым фактором расселения, формируя миграционные коридоры и зоны концентрации населения в предгорьях Тянь-Шаня и Памиро-Алая. В этих условиях складывались устойчивые автохтонные традиции обработки камня, адаптированные к локальной сырьевой базе и сохранявшие преемственность при включённости региона в общеевразийские процессы.

Таким образом, индустрии раннего и среднего палеолита Центральной Азии представляют собой структурированную эволюционную систему, уточняющую место региона как самостоятельного центра технологического развития плейстоценовой Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР / Археология СССР. Т. 5 (20) / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 302–134.

Алпысбаев Х.А. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане // СА. 1961. № 1. С. 128–138.

Алпысбаев Х.А. Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древних культур Казахстана / Отв. ред. М. К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука АН КазССР, 1970. С. 227–240.

Алпысбаев Х.А., Костенко Н.Н. Геолого-исторические условия хребта Каратау в эпоху палеолита Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 5–20.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 367 с.

Воронцов Н.Н. Экологические кризисы в истории человечества // Соросовский образовательный журнал. 1999. № 10. С. 2–10.

Деревянко А.П. Две основные миграционные волны древних популяций человека в Азию // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. Вып. 1 / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Наука, 2003. С. 11–24.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 883 с.

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. Т. IV. Ашельская и бифасальная индустрия в Китае, Корее, Монголии, Туркменистане, Узбекистане и на Кавказе. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. 947 с.

Деревянко А.П., Холюшкин Ю.П., Ростовцев П.С., Воронин В.Т. Корреляция среднепалеолитических индустрий Ближнего Востока и Кавказа. Новосибирск: СО РАН, 2002. 188 с.

Медоев А.Г. Геоархеология палеолита Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1982. 48 с.

Ранов В.А., Шефер Й. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 20–33.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: ФАН, 1972. 170 с.

Сулейманов Р.Х., Подушкин А.Н. Новое местонахождение среднего палеолита в долине реки Угам // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 626–638.

Цыбанков А.А. Палеолитические комплексы Кызылтау (Южный Казахстан). Автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 28 с.

Doniyorov A., Karimov N., Bakhtiyarov S., Abidova Z., Morkhova I., Kaldibekova A., Muminov A. Distinctive Architectural Technique in the Construction of Religious Structures in Central Asia // Archives for Technical Sciences. 2024. No. 2 (31). P. 351–358.

Finestone E.M., Breeze P.S., Breitenbach S.F.M., Drake N., Bergmann L., Maksudov F., Muhammadiyev A., Scott P., Cai Y., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Nehrke G., Boivin N., Petraglia M. Paleolithic occupation of arid Central Asia in the Middle Pleistocene // PLOS ONE. 2022. October 21. 31 p.

Fuensanta J.G., Suleymanov R.K., Muminov O.U., Muminov A., Annaev J.T. Yerkurgan, los valles de Surjandarya y Kashkardarya: Surpad, primeros resultados de un proyecto arqueohistórico Hispano-Uzbeko // Orientalística en tiempos difíciles: Actas del VII Congreso Nacional del Centro de Estudios del Próximo Oriente. 2019. P. 167–182.

Movius H.L. The Lower Paleolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // Transactions of the American Philosophical Society. 1948. Vol. 38. No. 4. P. 12–20.

Информация об авторе:

Назаров Хумоюн Алишерович, PhD, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); humoyunjon1992@gmail.com

REFERENCES

Abramova, Z. A. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Paleolit SSSR (Paleolithic of USSR).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 5(20). Moscow: “Nauka” Publ. 302–134 (in Russian).

Alpysbaev, Kh. A. 1961. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 128–138 (in Russian).

Alpysbaev, Kh. A. 1970. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Po sledam drevnikh kul'tur Kazakhstana (In the Footsteps of the Ancient Cultures of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 227–240 (in Russian).

Alpysbaev, Kh. A., Kostenko, N. N. 1968. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Novoe v arkheologii Kazakhstana (Recent studies in the Archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 5–20 (in Russian).

Bray, W., Trump, D. 1990. *Arkheologicheskiy slovar' (The Penguin dictionary of archaeology).* Moscow: “Progress” Publ. (in Russian).

Vorontsov, N. N. 1999. In *Sorosovskii obrazovatelnyi zhurnal (Soros Educational journal)* 10, 2–10 (in Russian).

Derevyanko, A. P. 2003. In Tishkov, V. A. (ed.). *Trudy Otdeleniia istoriko-filologicheskikh nauk RAN (Proceedings of the Department of Historical and Philological Sciences RAS)* 1. Moscow: “Nauka” Publ., 11–24 (in Russian).

Derevyanko, A. P. 2017. *Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii: (Three global human migrations in Eurasia).* II Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Derevyanko, A. P. 2019. *Tri global'nye migratsii cheloveka v Evrazii. Tom IV. Ashelsskaya i bifasialnaya industriya v Kitaye, Koreye, Mongolii, Turkmenistane, Uzbekistane i na Kavkaze (Three global human migrations in Eurasia.* Vol. IV *Acheulean and bifacial industry in China, Korea, Mongolia, Turkmenistan, Uzbekistan, and the Caucasus)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Derevyanko, A. P., Kholyushkin Yu.P., Rostovtsev P.S., Voronin V.T. 2002. *Korrelyatsiya srednepaleoliticheskikh industriy Blizhnego Vostoka i Kavkaza (Correlation of Middle Paleolithic industries of the Near East and the Caucasus).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Medoev, A. G. 1982. *Geoarkheologiya paleolita Kazakhstana (Geoarchaeology of the Paleolithic of Kazakhstan).* Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

Ranov, V. A., & Schäfer, J. 2000. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 2 (2), 20–33 (in Russian).

Suleymanov, R. Kh. 1972. *Statisticheskoe izuchenie kul'tury grota Obi-Rakhmat (A statistical study of the culture of the Obi-Rakhmat grotto)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Suleymanov, R. Kh., Podushkin, A. N. 2014. In Khabdulina, M.K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan)*. Astana: "Saryarka" Publ., 626–638 (in Russian).

Tsybankov, A. A. 2004. *Paleoliticheskie kompleksy Kyzyltau (Yuzhnyy Kazakhstan) (Paleolithic complexes of Kyzyltau (Southern Kazakhstan)).* Thesis of Diss. of Candidate of historical sciences. Novosibirsk (in Russian).

Doniyorov, A., Karimov, N., Bakhtiyarov, S., Abidova, Z., Morkhova, I., Kaldibekova, A., Muminov, A. 2024. In *Archives for Technical Sciences*, (2), 351–358.

Finestone, E. M., Breeze, P. S., Breitenbach, S. F. M., Drake, N., Bergmann, L., Maksudov, F., Muhammadiyev, A., Scott, P., Cai, Y., Khatsenovich, A. M., Rybin, E. P., Nehrke, G., Boivin, N., & Petraglia, M. 2022. In *PLOS ONE*. October 21.

Fuensanta, J. G., Suleymanov, R. K., Muminov, O. U., Muminov, A., Annaev, J. T. 2019. In *Orientalística en tiempos difíciles: Actas del VII Congreso Nacional del Centro de Estudios del Próximo Oriente*, 167–182.

Movius, H. L. 1948. In *Transactions of the American Philosophical Society*, 38(4), 12–20.

About the Author:

Nazarov Khumoyun A. PhD in the History of Science, National University of Uzbekistan, named after Mirzo Ulugbek, University street 4, Tashkent city, Almazar district, 100174, Uzbekistan; humoyunjon1992@gmail.com

Статья поступила в журнал 13.02.2026 г.
Статья принята к публикации 17.02.2026 г.

УДК 902.2 +913 (575.173) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.19.30

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОАЗИСЫ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОМ УЗБЕКИСТАНЕ: МОДЕЛЬ КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ

© 2026 г. У.Х. Шапулатов, Г.М. Сайфутдинова

В статье представлены результаты изучения и систематизации памятников сапаллинской культуры эпохи бронзового века на территории Южного Узбекистана. На основе анализа архивных данных и результатов новейших полевых исследований предложена модель культурно-хозяйственного районирования с выделением четырех ключевых земледельческих оазисов: Шерабадского, Кугитангского, Миршадийского и Бандиханского. Для каждого оазиса охарактеризованы специфические особенности систем расселения, хозяйственной адаптации и внутренней структуры микрооазисов. Центральное место в исследовании занимает анализ памятников, ранее малоизученных микрооазисов горного массива Кугитанг (Майдон, Пашхурт, Газ, Чарбаг, Зарабаг, Карабаг, Кампыртепа), где идентифицированы как долговременные поселения, так и специализированные производственные комплексы, включая соледобывающий центр Каттабулак. В работе детально исследуются стратегии освоения территории, основанные на использовании локальных водных источников и развитии искусственного орошения. Проведенный комплексный анализ существенно расширяет представления о географическом распространении, хронологических рамках и хозяйственно-экономических механизмах адаптации носителей сапаллинской культуры к аридным условиям Сурхандарьинского региона.

Ключевые слова: археологический памятник, бронзовый век, земледельческие оазисы, ирригационные системы, Кугитанг, микрооазисы, сапаллинская культура, Сурхандарья, Южный Узбекистан

AGRICULTURAL OASES OF THE SAPALLI CULTURE IN THE SOUTHERN UZBEKISTAN: A MODEL OF CULTURAL AND ECONOMIC ZONING

U.Kh. Shapulatov, G.M. Sayfutdinova

This paper deals with the results of research and systematization of the Sapalli culture sites of the Bronze Age in Southern Uzbekistan. Based on the analysis of archival data and recent field studies, a model of cultural-economic zoning is proposed, encompassing four key agricultural oases: the Sherabad, Kugitang, Mirshadi, and Bandikhan oases. For each oasis, the characteristics of settlement patterns, economic adaptation, and the internal structure of the micro-oases are described. Special attention is given to the study of the little-explored micro-oases of the Kuhitang mountain range (Maydon, Pashkhurt, Gaz, Charbag, Zarabag, Karabag, Kampyrtepa), where both long-term settlements and specialized production complexes have been identified, including the Kattabulak salt-mining center. The work details the strategies of territory development, based on the use of local water sources and the development of artificial irrigation. The conducted analysis significantly expands the knowledge of the geographical distribution, chronology, and economic mechanisms of adaptation of the Sapalli culture bearers to the arid conditions of the Surkhandarya region.

Keywords: archaeological site, Bronze Age, agricultural oases, irrigation systems, Kugitang, micro-oases, Sapalli culture, Surkhandarya, Southern Uzbekistan

История изучения и географические особенности сапаллинской культуры Южного Узбекистана. Качественно новый этап в изучении бронзового века связан с деятельностью А.А. Аскарова. Переломным моментом стало открытие в 1968 году поселения Сапаллитепа Л.И. Альбаумом и последующие масштабные раскопки этого памятника А.А. Аскаровым (Аскаров, 1977), материалы которого позволили выделить самостоятельную сапаллинскую культуру средней бронзы.

Ареал культуры характеризуется специфическим расположением. Как отмечал Ф. Коль (Kohl et al., 1984), ее памятники отсутствуют вблизи крупных рек (Амударья, Сурхандарьи), поскольку их глубокие русла делали

невозможным забор воды для примитивного орошения. Это наблюдение развил Т. Ширинов (Ширинов, 2011), указав, что носители культуры целенаправленно осваивали зоны исторических оазисов, привязывая поселения к локальным водным источникам, что типично для аридных регионов. Таким образом, сапаллинская культура сформировалась как культура оазисного земледелия, зависящего от искусственного орошения, что предопределило компактно-кластерный характер расселения в предгорьях.

Модель расселения и хозяйственного освоения: земледельческие оазисы сапаллинской культуры. Вопросы освоения древних земледельческих оазисов и географического районирования Северной Бактрии в эпоху бронзы нашли отражение в фундаментальных трудах А.А. Аскарова (Аскаров, 1976, 1977). Исследователем были выделены три освоенных оазиса позднего бронзового века: Шерабадский (включая системы р. Бустонсоя и р. Уланбулаксоя), Бандиханский и Шурчинский (Миршадийский), что заложило основу для понимания структуры расселения носителей сапаллинской культуры.

Подавляющее большинство археологических памятников Сурхандарьинской области связано с оседлым населением, экономика которого базировалась на развитом ирригационном земледелии. Исследователь Себастьян Страйт, изучавший этот регион, предложил детальное районирование Сурхандарьи по принципам водопользования. Предложенная им система районирования делит регион на северную и южную части. Северная часть подразделяется на два ландшафта и шесть ирригационных районов, а южная часть – на два ландшафта и семь ирригационных районов (Stride, 2004, p. 171–260). Методологическая ценность схемы районирования С. Страйта заключается в том, что она учитывает археологические объекты всех исторических периодов.

Исследования последних десятилетий позволили значительно расширить географию известных памятников сапаллинской культуры. По данным на 2020 год, общее количество памятников в Сурхандарьинском регионе достигло 45 (Augustinova et al., 2016, P. 262–281; Stanco et al., 2014, p. 37; Kaniuth, 2020, p. 460–469 и др.). Однако проведенный анализ выявил проблемы источникового характера. В частности, к числу памятников отнесены местонахождения с единичными фрагментами керамики эпохи бронзы, не имеющие выраженного культурного слоя или архитектурных остатков, что затрудняет их идентификацию и статистическую обработку.

В рамках данного исследования с учетом новейших данных и критического пересмотра имеющейся информации предлагается уточненная модель культурно-хозяйственного районирования ареала сапаллинской культуры (рис. 1). Все выявленные памятники предлагается систематизировать в рамках четырех крупных земледельческих оазисов: Шерабадского, Кугитангского, Миршадийского и Бандиханского. Каждый из этих оазисов характеризуется собственной системой водоснабжения и внутренней структурой, в рамках которой правомерно выделение более мелких таксономических единиц – микрооазисов, объединяющих группы памятников в пределах локальных систем орошения (например, по малым речным долинам или группам родников). Такой подход позволяет перейти от простого перечисления памятников к анализу системы расселения и хозяйственного освоения территории как сложного иерархически организованного комплекса.

I. Шерабадский земледельческий оазис: природная среда и археологическая структура. Шерабадский оазис сформировался в дельте реки Шерабаддарья на аллювиально-пролювиальной равнине четвертичного периода. В предгорной зоне, характеризующейся глубоким залеганием грунтовых вод, хорошим стоком и низкой степенью минерализации, сложились наиболее благоприятные условия для развития орошаемого земледелия. В южной части равнины, прилегающей к долине реки Амударьи, наблюдается близкое к поверхности земли залегание грунтовых вод, обусловливающее процессы засоления почв и требующее проведения мелиоративных мероприятий. Крайние части оазиса пригодны для мелиорации, тогда как пролювиальные равнины низкогорий и предгорий в силу особенностей рельефа традиционно использовались как пастбищные угодья.

Освоение территории Шерабадского оазиса началось в эпоху бронзы. Археологические памятники концентрируются вдоль древних русел рек и саев, что отражает стратегию адаптации к условиям аридной зоны. А.А. Аска-

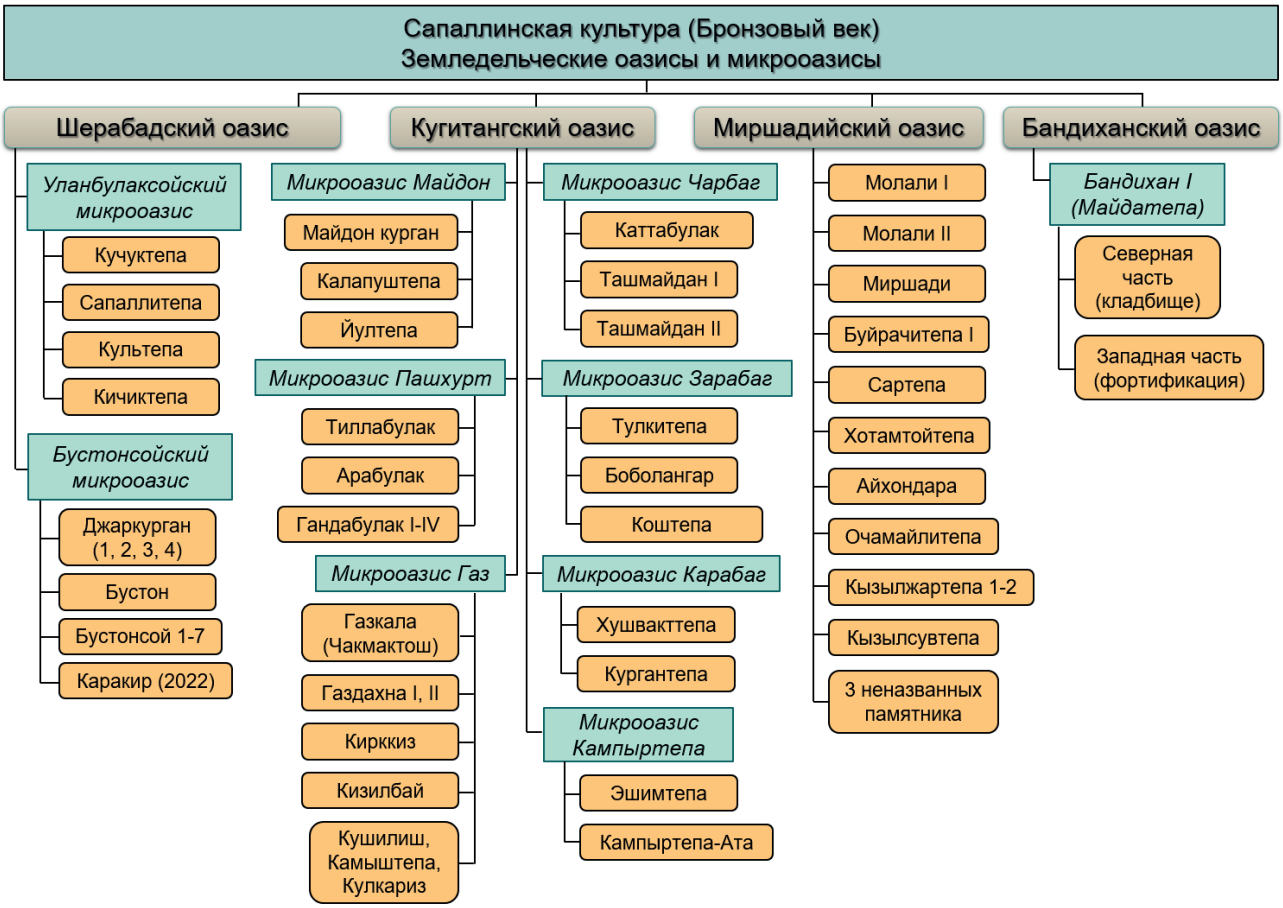


Рис. 1. Структурно-иерархическая модель земледельческих оазисов сапаллинской культуры
Fig. 1. Structural and hierarchical model of agricultural oases of the Sapalli culture

ров выделил в пределах оазиса два ключевых микрооазиса, связанных с основными водными артериями: р. Уланбулаксой и р. Бустонсой (Аскаров, 1977, с. 9).

Уланбулаксойский микрооазис объединяет памятники, тяготеющие к одноименному древнему руслу, берущему начало в юго-восточной части Кугитангского хребта. По данным археолого-топографических исследований, русло р. Уланбулаксоя пересекало район современного кишлака Музрабад и достигало р. Амударьи. А.А. Аскаров зафиксировал здесь концентрацию поселенческих памятников эпохи бронзы, в том числе Кучуктепа, Сапаллитепа, Культепа, Кичиктепа, что свидетельствует о плотном заселении этой территории в древности.

Бустонсойский микрооазис включает памятники, расположенные в среднем течении древнего русла Бустонсоя, вдоль реки Шерабаддарья и её западной дельте. К числу важнейших объектов относятся:

Джаркурган и Бустон – поселения и некрополи в русле р. Бустонсоя;

Джаркурган 1 и 2 – крупный протогородской центр, Джаркурган 3 и 4 – некрополь (Аскаров, Абдуллаев, 1983); комплекс памятников на левом берегу Бустонсоя;

Бустонсой 1-7 – группа поселений на правом берегу р. Бустонсоя;

памятник Каракир, обнаруженный в 2022 году в ходе археологических разведок.

Шерабадский оазис представляет собой классический пример сложно структурированной системы расселения эпохи бронзы, где размещение археологических памятников определено гидрологической сетью. Выделение двух микрооазисов (Бустонсойского и Уланбулаксойского) отражает внутреннюю структуру освоения территории и подчёркивает значение локальных водных источников в формировании устойчивых земледельческих обществ.

II. Кугитангский земледельческий оазис: сводная характеристика микрооазисов. Кугитангский горный массив представляет собой уникальный регион для изучения древнего земледелия. Изучение сельских поселений

Кугитанга началось в 1960-х годах с этнографических работ Б.Х. Кармышевой (Кармышева, 1976) и археологических разведок Э.В. Ртveладзе, З.А. Хакимова (Ртveладзе, Хакимов, 1973; Ртveладзе, 1974). В последующие десятилетия исследования продолжили как узбекские (С.Б. Болелов, Д.Я. Ильясов, Ш.Б. Шайдуллаев и др. (Болелов, Ильясов, 2006)), так и международные экспедиции (К. Каниут, Л. Станчо, А. Аугустинова и др.), выявившие к настоящему времени 27 стратифицированных памятников сапаллинской культуры, сконцентрированных в семи микрооазисах: Майдон, Зарабаг, Карабаг, Пашхурт, Газ, Чарбаг, Кампыртепа (рис. 2). Эта концентрация представляет собой классический пример кластерно-микрооазисной модели расселения (табл. 1).

Типология памятников и хронология. Набор объектов разнообразен и образует сложную иерархическую систему. Наиболее значимым является многослойное укрепленное поселение Тиллабулак (4 га) в микрооазисе Пашхурт, относящееся к финальному этапу бронзового века. Серия радиоуглеродных дат, полученных для памятника, позволяет определить его в рамках культуры Намазга VI и датировать в интервале 1950-1800 гг. до н.э. (калиброванные значения) (Kaniuth, 2010, 2016; Kaniuth et al., 2010; Шайдуллаев, 2017). В микрооазисах Газ и Зарабаг выявлены сельские поселения, оборонительные сооружения (Газдахна I, II) и погребальные комплексы (Киркkиз), датируемые ранним и развитым этапами поздней бронзы (Augustinova et al., 2016, 2018; Kaniuth, 2020). Уникальным объектом является специализированный соледобывающий комплекс Каттабулак (Шайдуллаев, Шайдуллаев, 2023a, с. 10–14, 2023b, с. 15–18) в микрооазисе Чарбаг, связанный с переработкой ресурсов месторождения Ходжаикон. Кроме того, в микрооазисах зафиксированы оборонительные сооружения. В микрооазисах Майдон, Карабаг и Кампыртепа памятники представлены, главным образом, стратифицированными поселениями (Тулкитепа, Боболангар, Эшимтепа) и местонахождениями с подъемным материалом, что свидетельствует об освоении территории на разных этапах сапаллинской культуры (Augustinova et al., 2018; Kysela et al., 2018).

Состояние сохранности. Памятники подвержены интенсивному антропогенному воздействию. Многие объекты (например, Коштепа в Зарабаге) сильно разрушены современной хозяйственной деятельностью, дорогами и застройкой (Augustinova et al., 2016, 2017). Некоторые (Кургантепа, Кампыртепа-Ата) используются как современные кладбища. Наиболее сохранившиеся стратифицированные памятники (Тиллабулак, Тулкитепа, Боболангар) требуют проведения срочных охранных раскопок.

Таким образом, Кугитангский оазис, с его высокой плотностью памятников, сложной внутренней иерархией и наличием специализированных производственных зон, служит эталонной моделью для анализа сложно организованной системы расселения сапаллинской культуры в горно-предгорных условиях.

III. Оазис Миршади и его археологические памятники. Оазис Миршади расположен на территории современных Алтинсайского и Шурчинского районов Сурхандарьинской области. Первые археологические исследования проведены в 1970 году экспедицией Института искусствоведения Узбекистана под руководством Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1972), обнаружившей археологический памятник бронзового века – стоянку Миршади. Последующие исследования проводились международными коллективами с участием специалистов из Узбекистана, России, Германии и Франции (Беляева , Хакимов, 1973, с. 35-51; Пугаченкова, 1972, с. 47–49; Аршавская и др., 1982; Сагдуллаев, 1989, с. 8–19; Luneau et al., 2022, p. 100-392; Stride, 2004).

Основными памятниками оазиса являются:

Молали I: находится на правом берегу Кызылжарсая. Памятник обнаружен в 1970 году и исследован в 1972-1973 годах. Зафиксированы 7 разрушенных погребений сапаллинской культуры. На сегодняшний день памятник полностью уничтожен (Пугаченкова, 1972, с. 47–49);

Молали II: выявлен в 1975 году в 2 км к северо-востоку от Молали I. Обнаружены остатки сооружений из сырцового кирпича (толщина стен до 1,3 м), каменные орудия, гончарная печь (диаметр 0,9 м) фрагменты керамики и следы сильного пожара. На основе этих находок Молали II выделен в отдельный «Муллалийский этап» сапаллинской культуры. В 2012 году здесь проводились совместные узбекско-германские археологические исследования (Сверчков, Бороффка, 2015, с. 75–88);

Миршади: зарегистрирован в 1970 году Г.А. Пугаченковой, исследовался Т.В. Беляевой и З.А. Хакимовым (Беляева, Хакимов, 1973). Находится в Алтинсайском районе, в 2 км к западу от правого берега Кызылжарсая. Точная локализация в настоящее время затруднена;

Буйрачитепа I: расположен на левом берегу Кызылжарсая, в 500 м к югу от Кызылтепа. Стратиграфические шурфы А.С. Сагдуллаева выявили культурный слой мощностью 0,5-0,9 м. Датирован поздним бронзовым веком;

Сартепа: находится в центре кишлака Кичик Вахшувор (высота 1458 м над у.м.). Первоначально датирован XI-XIV веками, однако керамические материалы свидетельствуют о заселении в бронзовом веке (Stride, 2004);

Хотамтойтепа: расположен на левом берегу Халкжарсая (479 м над у.м.). Керамика культурного периода Намазга IV позволила в 1974 году А.С. Сагдуллаеву датировать памятник эпохой бронзы, что позднее подтвердил С. Страйд (Stride, 2004);

Айхондара: зарегистрирован французским археологом С. Страйдом в районе выхода Коракамарского ущелья. Уничтожен современной деятельностью, однако найденные многочисленные целые керамические сосуды указывают на функционирование здесь некрополя бронзового века.

В оазисе зафиксированы также Очамайлитепа, Кызылжартепа 1-2, Кызылсувтепа и три неназванных памятника Номизтепа с материалами сапаллинской культуры.

Выявление 14 археологических объектов в оазисе Миршади значительно расширяет известные границы распространения сапаллинской культуры. Комплекс памятников демонстрирует сложную систему расселения с разнофункциональными объектами (поселения, некрополи, производственные центры). Проведенные исследования подчеркивают важную роль региона в системе культурных и хозяйственных связей древнего населения Средней Азии в эпоху бронзы.

Анализ локализации выявленных памятников показывает ключевую особенность организации пространства в этом оазисе. В отличие от кластерной модели Кугитанга, для Миршадийского оазиса характерен линейно-приречный тип расселения, приуроченный к долинам саев Кызылжарсай и Халкжарсай. Ключевое отличие заключается в отсутствии выраженных микрооазисов и большей зависимости от сезонного стока. Основные типы выявленных памятников – некрополи (Молали I, Айхондара) и поселения с элементами производственной деятельности (Молали II), что может указывать на иную, сезонно обусловленную модель хозяйственной адаптации.

IV. Бандиханский земледельческий оазис: история изучения и характеристика памятников. Основным водным источником оазиса является р. Кофрун, берущая начало в горах Бойсун. Основное русло реки впадает в р. Сурхандарью, тогда как ее древний рукав – Ургулисой – направляется на юго-запад и теряется в пределах современных сельскохозяйственных угодий.

Археологическое изучение оазиса началось в 1970-х годах экспедициями под руководством Э.В. Ртвеладзе, З.А. Хакимова, М.Х. Исхакова, А.С. Сагдуллаева (Ртвеладзе, 1974; Сагдуллаев, 1989). В последующий период детальные исследования проводились Л.М. Сверчковым, Н. Бороффкой, В.В. Мокробородовым (Сверчков, Бороффка, 2007; Мокробородов, 2006), которые выявили памятники позднего бронзового и раннего железного веков.

Ключевым объектом оазиса является многослойный памятник Бандихан I (Майдатепа) зарегистрированный Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1974) в 1970-х годах на высоте 455 метров над уровнем моря. Памятник характеризуется сложной планиграфической структурой: состоит из двух частей, разделенных древним каналом. Северная часть (диаметр 200 м) полностью преобразована в современное кладбище, а западная часть представляет собой внешний фортификационный пояс высотой 1 м.

Стратиграфические исследования 2005 года выявили шесть строительных горизонтов, при этом материалы сапаллинской культуры зафиксированы исключительно в нижних слоях памятника (Сверчков, Бороффка, 2007, с. 97–131). Исследования показали, что памятник имеет шесть периодов. Данный объект демонстрирует непрерывность культурной традиции от эпохи бронзы до современности.

Длительная непрерывность заселения, зафиксированная в виде многослойного куль-

турного слоя, определяет Бандиханский оазис как территорию с моноцентрической моделью расселения. В отличие от кластерной структуры Кугитангских микрооазисов, здесь сложилась точечная концентрация населения вокруг постоянного водного источника (р. Кофрун), что привело к формированию единого устойчивого центра, а не распределенной сети поселений.

Сравнительный анализ моделей расселения в четырех оазисах (табл. 1). Проведенное исследование позволяет выделить три основных модели расселения сапаллинской культуры в Южном Узбекистане:

1. Кластерно-микрооазисная (Кугитангский оазис): высокая плотность памятников, четкая иерархия и специализация микрооазисов;

2. Линейно-приречная (Миршадийский и Шерабадский оазисы): привязка к постоянным или сезонным водотокам, формирование вытянутой структуры вдоль русел;

3. Моноцентрическая (Бандиханский оазис): формирование одного крупного многослойного центра с долговременной преемственностью.

Такое разнообразие отражает высокую адаптивность носителей сапаллинской культуры к различным ландшафтно-гидрологическим условиям региона. В частности, выявленные модели расселения – от плотной сети микрооазисов в Кугитангском массиве до моноцентрической структуры в Бандихане – демонстрируют широкий спектр адаптационных стратегий. Детализация описания Кугитангского оазиса обусловлена не только его лучшей изученностью, но и его репрезентативностью как сложноорганизованной системы, в то время как другие оазисы представляют собой иные, но не менее важные варианты хозяйственного освоения аридных зон.

Межоазисные связи в системе сапаллинской культуры. Предложенная модель культурно-хозяйственного районирования позволяет поставить вопрос о характере взаимодействия между выделенными оазисами. Анализ географических и археологических данных указывает на наличие потенциальных связей. Прежде всего, гидрологическое единство таких систем, как р. Уланбулаксой, связывающий горные микрооазисы Кугитанга (Газ) с равнинным Шерабадским оазисом, создавало естественную основу для коммуникации. Наиболее убедительным свидетельством существования региональной экономической сети является специализированный соледобывающий комплекс Каттабулак в микрооазисе Чарбаг. Такой транспортабельный и жизненно важный ресурс, как соль, с высокой долей вероятности распределялся по соседним оазисам, превращая Чарбаг в ключевой производственный и, возможно, торговый узел. Культурная однородность материалов сапаллинского типа на всей исследованной территории также косвенно свидетельствует об устойчивых контактах между общинами разных оазисов.

Таким образом, несмотря на компактно-кластерный характер расселения, оазисы сапаллинской культуры, вероятно, не были изолированными анклавами, а формировали слабосвязанную, но функционально взаимодействующую систему, основанную на обмене ресурсами (соль, минералы, возможно, скот, зерно) и поддерживаемую общей культурной традицией. Детальная реконструкция этих связей требует применения специальных методов (трасология, изотопный анализ) и является задачей будущих исследований.

Заключение. Проведенное исследование позволило не только систематизировать разрозненные данные, но и предложить новую модель культурно-хозяйственного районирования ареала сапаллинской культуры. Ключевым ее результатом является выявление и характеристика четырёх крупных земледельческих оазисов (Шерабадский, Кугитангский, Миршадийский, Бандиханский), каждый из которых демонстрирует уникальную модель адаптации к конкретным ландшафтно-гидрологическим условиям (табл. 1).

Сводные данные, представленные в таблице 1, дают ясное представление о том, как формируется общее количество выявленных объектов. На сегодняшний день учтено 79 объектов, связанных с сапаллинской культурой: это 60 стратифицированных памятников и 19 местонахождений с подъемным материалом. Их распределение по оазисам неравномерно и отражает как степень изученности, так и историческую специфику: в Кугитангском оазисе сконцентрировано 27 стратифицированных памятников, в Шерабадском – 17, в Миршадийском – 14, тогда как в Бандиханском оазисе, при всего двух стратифицированных памятниках, фиксируется наиболее

Таблица 1. Сравнительная характеристика моделей расселения в земледельческих оазисах сапаллинской культуры
Table 1. Comparative analysis of settlement patterns in the agricultural oases of the Sapalli culture

Критерий сравнения	**Шерабадский оазис**	**Кугитангский оазис**	**Миршадийский оазис**	**Бандиханский оазис**
Основная модель расселения	Линейно-приречная	Кластерно-микрооазисная	Линейно-приречная	Моноцентрическая
Гидрологическая основа	Постоянные водотоки (р. Шерабаддарья, русла р. Уланбулаксой, р. Бустонсой)	Сеть локальных родников и сезонных водотоков в предгорьях	Сезонные водотоки (саи) в предгорной зоне (Кызылжарсай, Халкжарсай)	Крупный постоянный водоток (р. Кофрун)
Количество выявленных памятников (объектов)	17 памятников (основные: Джаркурган, Сапаллитепа, Бустон, Каракир)	27 памятников, сконцентрированных в 7 микрооазисах	14 археологических объектов	Ключевой объект – Бандихан I (Майдатепа)
Внутренняя структура и иерархия	Два четких микрооазиса (Уланбулаксойский, Бустонсойский) с группами поселений	Сложная иерархия: 7 микрооазисов с центральными поселениями, сельскими поселками, специализированными комплексами	Рассредоточенные памятники разных типов (поселения, некрополи, производственные центры) без выраженных микрооазисов	Единый крупный многослойный центр с долговременной стратиграфией
Преобладающий тип памятников	Крупные долговременные поселения, некрополи	Разнообразие: укрепленные поселения (Тиллабулак), сельские поселения, производственные (Каттабулак), погребальные комплексы	Поселения (Молали II), некрополи (Молали I, Айхондара)	Многослойный телль с культурной преемственностью
Хозяйственная специфика	Классическое ирригационное земледелие	Комплексное хозяйство: земледелие, специализированные промыслы (добыча соли)	Земледелие, вероятно, с большей ролью скотоводства; гончарное производство	Долговременное земледельческое поселение у постоянного водного источника
Хронологические рамки (в рамках сапаллинской культуры)	Период расцвета культуры	Тиллабулак, 1950-1800 гг. до н.э.	Представлены различные этапы, включая «Муллалийский»	Материалы зафиксированы в нижних, наиболее ранних слоях
Отличительная черта модели	Четкая привязка к древним руслам, формирование двух четких ареалов освоения	Максимальная адаптация к горно-предгорному ландшафту, высокая степень специализации микрооазисов	Освоение зон сезонного стока, мозаичность размещения памятников	Уникальная непрерывность заселения одного места от бронзового века

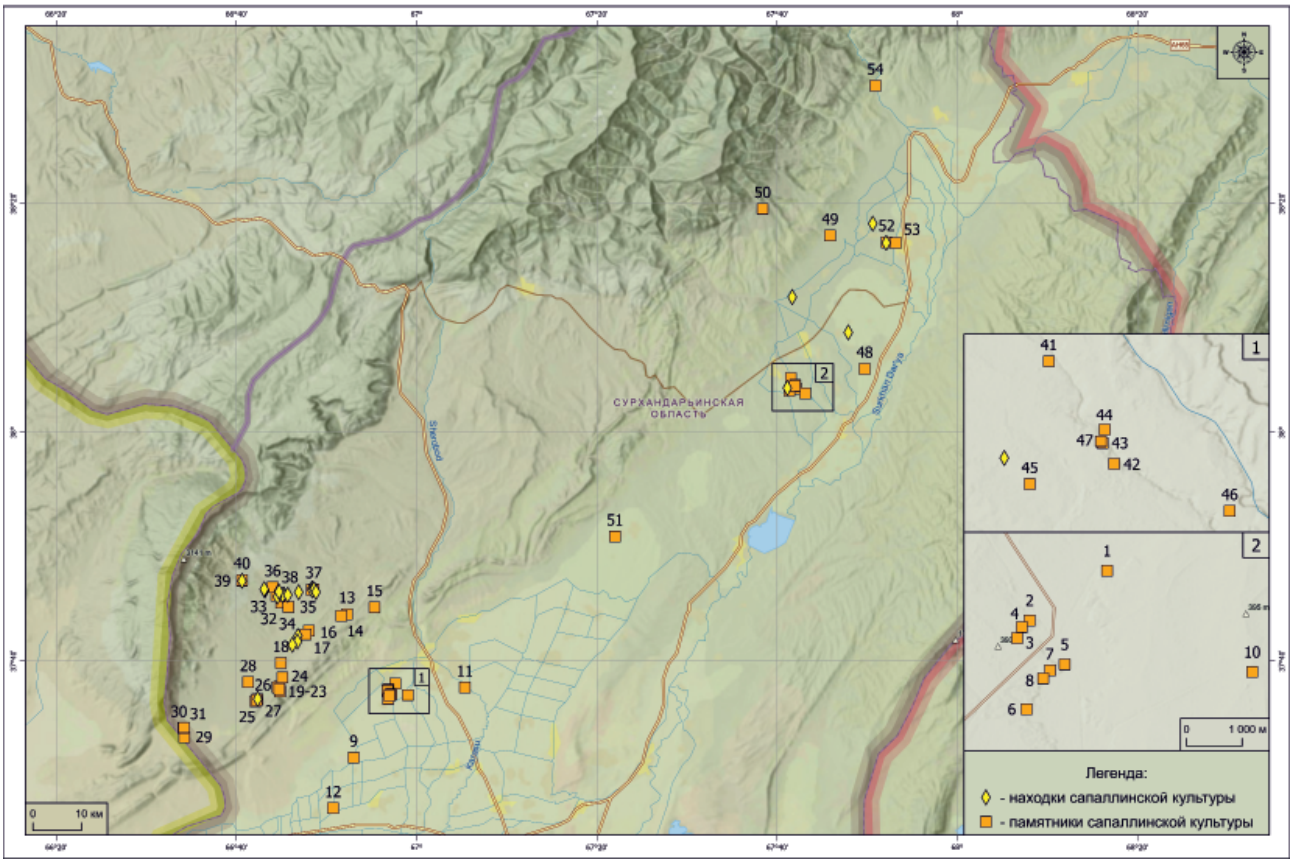


Рис. 2. Карта распространения археологических памятников сапаллинской культуры на территории Сурхандарьинского региона

Fig. 2. Map of the distribution of archaeological sites of the Sapalli culture in the Surkhandarya region

крупный и многослойный центр. Детализированная карта распространения памятников (рис. 2), созданная с применением геоинформационных систем, наглядно демонстрирует широкое освоение носителями сапаллинской культуры не только предгорных, но и горных районов. Для картографирования были использованы данные по 73 объектам с точно установленными координатами, что обеспечило репрезентативность выборки для анализа пространственной организации культуры. Работа по уточнению локализации остальных памятников, известных по литературным и архивным данным, определена как одна из задач будущих исследований.

Предложенная модель выходит за рамки простой констатации фактов и ставит ряд важных дискуссионных вопросов для будущих исследований:

Природа иерархии и взаимодействия. Если микрооазисы внутри Кугитанга образуют явную систему, то какова была природа связей между самими крупными оазисами? Был ли это обмен ресурсами (как в случае с солью из Чарбага), сезонные миграции или культурно-информационные контакты, обеспечивающие единство материальной культуры? Являлись ли выявленные модели расселения (кластерная, линейная, моноцентрическая) полностью автономными адаптациями или элементами более сложной, слабо связанной региональной системы?

Генезис и хронология специализации. Что обусловило возникновение таких уникальных для региона специализированных производственных центров, как соледобывающий комплекс Каттабулак, именно в эпоху средней бронзы? Была ли эта специализация внутренней эволюционной реакцией на конкретные природные условия или результатом внешних культурных влияний и ростом межобщинного обмена?

Социально-экономическая интерпретация моделей. Отражают ли различные модели расселения (например, сложная иерархия Кугитанга и моноцентризм Бандихана) различия в уровне социальной сложности, организации труда или системах управления ресурсами внутри единой сапаллинской культуры?

Таким образом, полученные данные не только значительно расширяют географию распространения сапаллинской культуры, но и переводят ее изучение в новую плоскость – от инвентаризации памятников к анализу сложноорганизованного общества с развитыми механизмами адаптации, внутренней дифференциацией и потенциальными межоазисными связями.

Перспективы дальнейших исследований лежат в двух плоскостях: методической и проблемной. Необходимо проведение системных охранных раскопок на ключевых, но разрушающихся памятниках (например, в микрооазисах Зарабаг и Карабаг) с обязательным применением комплекса естественнонаучных методов (трасология, палеоботаника, изотопный анализ – для изучения питания и миграций древнего населения, археометрия керамики). Это позволит перейти от гипотез о связях к их доказательной реконструкции. Одновременно требуется детальное картографирование и создание ГИС всей совокупности памятников, что станет основой для пространственного анализа и моделирования древних ландшафтов. Реализация этих направлений позволит ответить на поставленные вопросы о природе иерархии, причинах специализации и истинном масштабе взаимодействия древних земледельческих сообществ Южного Узбекистана в эпоху бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1982. 150 с.

Аскаров А.А. Бронзовый век Южного Узбекистана (К проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1976. 44 с.

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент: Фан, 1983. 120 с.

Беляева Т.В., Хакимов З.А. Древнебактрийские памятники Миршаде // Из истории античной культуры Узбекистана / ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1973. С. 35–51.

Болелов С.Б., Ильясов Дж.Я. Археологические исследования в Пашхуртской котловине // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд: Фан, 2006. С. 89–94.

Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана: по этнографическим данным. М.: Наука, 1976. 322 с.

Мокробородов В.В. Керамика эпохи бронзы из кишлака Пашхурт // Археологические исследования в Узбекистане. Вып. 5 / Отв. ред. Ш.Р. Пидаев. Самарканд: Фан, 2006. С. 160–164.

Пугаченкова Г.А. Новый памятник древнебактрийской культуры // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1 / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1972. С. 47–49.

Ртвеладзе Э.В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия: Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана / Отв. ред. В.М. Массон. Л.: Наука, 1974. С. 74–85.

Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана / Ред. Г.А. Пугаченкова. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1973. С. 10–34.

Сагдуллаев А.С. К изучению поселения Муллали // Краеведение Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1989. С. 8–19.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3 / Под ред. Э.В. Ртвеладзе. Ташкент: Санъат, 2007. С. 97–131.

Сверчков Л.М., Бороффка Н. Материалы поселения эпохи поздней бронзы Молали // Археология Узбекистана. 2015. № 1 (10). С. 75–88.

Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданияти глиптикаси ва сфрагистикаси. Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) диссертация матни. Тошкент, 2017. 53 б.

Шайдуллаев Ш.Б., Шайдуллаев А.Ш. Каттабулоқ пайконлари // Бронза ва илк темир асрида Марказий Осиё халқларининг моддий маданияти: материалы Респ. науч.-практ. конф. (Самарканд, 2023 г.) / Масъул муҳаррир М. М. Саидов. Самарканд, 2023. С. 10–14.

Шайдуллаев Ш.Б., Шайдуллаев А.Ш. Каттабулоқ туз ва гипс ишлаб чиқариш корхонаси // Бронза ва илк темир асрида Марказий Осиё халқларининг моддий маданияти: материалы Респ. науч.-практ. конф. (Самарканд, 2023 г.) / Масъул муҳаррир М. М. Саидов. Самарканд, 2023. С. 15–18.

Ширинов Т.Ш. Религиозная среда Средней Азии во II тыс. до н.э. // Тарихимиз этюдлари – Этюды нашей истори. / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Илмий-оммабоп нашр., 2011. С. 195–213.

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Khamidov O., Kolmacka T., Shaydullaev Sh. Archaeological Survey in the Oases of Maydon and Goz in the Piedmont of the Kugitang Mountains (South Uzbekistan) – Preliminary Report for Season 2017 // Studia Hercynia. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 139–159.

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Mrva M., Shaydullaev Sh. Archaeological Survey of the Oases of Zarabag, Karabag and Kampyrtepa in the Piedmont of the Kugitang Mountains, South Uzbekistan – Preliminary Report for the Season 2016 // Studia Hercynia. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 104–148.

Augustinova A., Stanco L., Shaydullaev Sh., Mrva M. Archaeological Survey in Micro-Oasis Zarabag (South Uzbekistan): Preliminary Report for Season 2015 // Studia Hercynia. 2016. Vol. 19. No. 1–2. P. 262–281.

Kaniuth K. Long-Distance Imports in the Bronze Age of Southern Central Asia: Recent Finds and Their Implications for Chronology and Trade // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2010. Vol. 42. P. 3–22.

Kaniuth K. Life in the Countryside: The Rural Archaeology of the Sapalli Culture // The World of the Oxus Civilization / Ed. by B. Lyonnet, N.A. Dubova. L.; N.Y.: Routledge, 2020. P. 457–486.

Kaniuth K., Gruber M., Kurmangaliev A., Sachs F., Sajdullaev A., Makki M., Biro P. Tilla Bulak 2009 – Vorbericht zur dritten Kampagne // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2010. Vol. 42. P. 129–163.

Kohl P.L., Francfort H.P., Gardin J.C. Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1984.

Kysela J., Augustinova A., Kinaston R. Preliminary Reports on the Excavations at Burgut Kurgan and Bobolangar in 2017 // Studia Hercynia. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 158–182.

Luneau E., Martínez Ferreras V., Boroffka N., Sverchkov L. Archaeometric Investigations of the Molali Pottery Complex (Bronze Age, Uzbekistan): New Data on Technology and Exchanges at the End of the Oxus Civilization // Archaeological Research in Asia. 2022. Vol. 31. 100392.

Stanco L., Shaydullaev Sh., Bendezu Sarmiento J., Pažout A., Vondrova H. Kayrit Burial Site (South Uzbekistan): Preliminary Report for Season 2014 // Studia Hercynia. 2014. Vol. 18. No. 1–2. P. 32–41.

Stride S. Geographie Archeologique de la Province du Surkhan Darya: Vol. I–V. Paris: De Boccard, 2004.

Информация об авторах:

Шапулатов Улугбек Холтожиевич, старший преподаватель, Термезский государственный университет (г. Термез, Республика Узбекистан) shapulatov87@gmail.com.

Сайфутдинова Гузель Маратовна, кандидат технических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан; доцент, Институт геологии и нефтегазовых технологий, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); saif_gm@mail.ru.

REFERENCES

Arshavskaya, Z. A., Rtveladze, E. V., Khakimov, Z. A. 1982. *Srednevekovye pamiatniki Surkhandari (Medieval sites of Surkhandarya).* Tashkent: “Izd-vo literatury i iskusstva” Publ. (In Russian).

Askarov, A. A. 1976. *Bronzovyi vek Iuzhnogo Uzbekistana (K probleme razvitiia lokalnykh ochagov drevnevostochnykh tsivilizatsii) (Bronze Age of Southern Uzbekistan (On the issue of development of local centres of ancient eastern civilizations)).* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan (k probleme protogorodskoi tsivilizatsii na iuge Uzbekistana) (Dzharkutan (On the issue of Proto-Urban civilization in the South of Uzbekistan)).* Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Belyaeva, T. V., Khakimov, Z. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoi kultury Uzbekistana (From the history of the ancient culture of Uzbekistan).* Tashkent: “Izd-vo literatury i iskusstva” Publ., 35–51 (in Russian).

Bolelov, S. B., Ilyasov, Dzh. Ya. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archeological researches in Uzbekistan)* 5. Samarkand: "Fan" Publ., 89–94 (in Russian).

Karmysheva, B. Kh. 1976. *Ocherki etnicheskoi istorii iuzhnykh raionov Tadzhikistana i Uzbekistana: po etnograficheskim dannym (Essays on the ethnic history of the southern regions of Tajikistan and Uzbekistan: based on ethnographic data).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Mokroborodov, V. V. 2006. In Pidaev, Sh. R. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane (Archeological researches in Uzbekistan)* 5. Samarkand: "Fan" Publ., 160–164 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1972. In Masson, V. M. (ed.). *Uspekhi sredneaziatskoy arkheologii (Achievements of Central Asian archaeology)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 47–49 (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1974. In Masson, V. M. (ed.). *Drevniaia Baktriia: Predvaritelnye soobshcheniia ob arkheologicheskikh rabotakh na iuge Uzbekistana (Ancient Bactria: preliminary reports on archaeological work in Southern Uzbekistan)*. Leningrad: "Nauka" Publ.,. 74–85 (in Russian).

Rtveladze, E. V., Khakimov, Z. A. 1973. In Pugachenkova, G. A. (ed.). *Iz istorii antichnoi kultury Uzbekistana (From the history of the ancient culture of Uzbekistan)*. Tashkent: 'Izd-vo lit. i iskusstva" Publ., 10–34 (in Russian).

Sagdullaev, A. S. 1989. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Kraevedenie Surkhandari (Local History of Surkhandarya)*. Tashkent: Uzbekistan, 8–19 (in Russian).

Sverchkov L.M., Boroffka N. 2007. In Rtveladze, E. V. (ed.). *Trudy Baisunskoi nauchnoi ekspeditsii (Proceedings of the Baysun Scientific Expedition)* 3. Tashkent: "Fan" Publ., 97–131 (in Russian).

Sverchkov, L. M., Boroffka, N. 2015. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan)* 1 (10), 75–88 (in Russian).

Shaydullaev, A. Sh. 2017. *Sopolli madaniyati gliptikasi va sfragistikasi (Glyptics and sphragistics of the Sapalli culture)*. PhD Diss. Toshkent (in Uzbek).

Shaydullaev, Sh. B., Shaydullaev, A. Sh. 2023. In Saidov, M. M. (ed.). *Bronza va ilk temir asrida Markaziy Osiyo xalqlarining moddiy madaniyati (Material culture of the peoples of Central Asia in the bronze and early Iron Ages).* Samarkand, 10–14 (in Uzbek).

Shaydullaev, Sh. B., Shaydullaev, A. Sh. 2023. In Saidov, M. M. (ed.). *Bronza va ilk temir asrida Markaziy Osiyo xalqlarining moddiy madaniyati (Material culture of the peoples of Central Asia in the bronze and early Iron Ages).* Samarkand, 15–18 (in Uzbek).

Shirinov, T. Sh. 2011. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *(Tarikhimiz etyudlari – Etyudy nashey istorii) (Etudes of our history)* Tashkent: "Fan" Publ., 195–213 (in Russian).

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Khamidov O., Kolmacka T., Shaydullaev Sh. 2018. In *Studia Hercynia* 21 (2), 139–159.

Augustinova A., Stanco L., Damašek L., Mrva M., Shaydullaev Sh. 2017. In *Studia Hercynia* 21 (1), 104–148.

Augustinova, A., Stanco, L., Shaydullaev, Sh., Mrva, M. 2016. In *Studia Hercynia* 19 (1–2), 262–281.

Kaniuth, K. 2010. In *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* (42), 3–22 (in English).

Kaniuth, K. 2020. In Lyonnet, B., Dubova, N. A. (ed.). In *The World of the Oxus Civilization*. L.; N.Y.: Routledge, 457–486.

Kaniuth, K., Gruber, M., Kurmangaliev, A., Sachs, F., Sajdullaev, A., Makki, M., Biro, P. 2010. In *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan* (42), 129–163.

Kohl, P. L., Francfort, H. P., Gardin, J. C. 1984. *Central Asia: Palaeolithic Beginnings to the Iron Age*. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations,

Kysela, J., Augustinova, A., Kinaston, R. 2018. In *Studia Hercynia* 22 (1), 158–182.

Luneau, E., Martínez Ferreras, V., Boroffka, N., Sverchkov, L. 2022. In *Archaeological Research in Asia* (31), 100392.

Stanco, L., Shaydullaev, Sh., Bendezu Sarmiento, J., Pažout, A., Vondrova, H. 2014. In *Studia Hercynia* 18 (1–2), 32–41.

Stride, S. 2004. *Geographie Archeologique de la Province du Surkhan Darya*: Vol. I–V. Paris: De Boccard.

About the Authors:

Shapulatov Ulugbek Kh. Termez State University, Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; shapulatov87@gmail.com.

Sayfutdinova Guzel M., Candidate of Technical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.; saif_gm@mail.ru

Статья поступила в журнал 24.01.2026 г.
Статья принята к публикации 15.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.01/903.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.31.41

СТЕРЖНЕВИДНЫЕ РОГОВЫЕ ПСАЛИИ ЕЛОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ЮГЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МАЭС ТГУ[1]

© 2026 г. И.А. Вальков, А.А. Идимешев, М.А. Головко, Ю.Н. Есин

Данная статья посвящена детальному исследованию видоизменений поверхности пяти псалиев с Еловского поселения ирменской археологической культуры Западной Сибири (XIV–X вв. до н.э.), полученных в ходе полевых работ В.И. Матющенко в 1960-1961 гг. Один из этих артефактов, являющийся заготовкой псалия, публикуется впервые и представляет значительный интерес в силу сохранившихся следов технологической разметки. Все проанализированные изделия относятся к группе стержневидных с тремя отверстиями. Несмотря на использование традиционного для данного типа изделий сырья, а также характерной формы, они демонстрируют ряд особенностей: во-первых, на их поверхности зафиксированы следы осуществления предварительной разметки в местах будущих отверстий; во-вторых, на основании сопоставления следов разметки с характером стенок отверстий на готовых предметах и заготовке выдвигается гипотеза о возможности их проделывания без применения традиционного приема сверления; в-третьих, выявленное разнообразие подходов к оформлению псалиев служит аргументом в пользу неспециализированного характера их производства. Значительное количество находок псалиев на Еловском поселении и ряде соседних археологических памятников позволяет рассматривать лесостепь на юге Томской области как северную часть ареала активного транспортного использования лошади в позднем бронзовом веке.

Ключевые слова: археология, Западная Сибирь, стержневидные псалии, поздний бронзовый век, трасологический анализ, косторезное дело, ирменская культура

ROD-LIKE BIT SHANKS MADE OF ANTLER FROM THE ELOVKA SETTLEMENT IN THE SOUTH OF THE TOMSK REGION (FROM THE MAES TSU COLLECTION)[2]

I.A. Valkov, A.A. Idimeshev, M.A. Golovko, Yu.N. Esin

This article provides a detailed analysis of surface modifications on five bit shanks from the Elovka settlement, associated with the Irmen archaeological culture of Western Siberia (14th–10th centuries BC). The artifacts were recovered during excavations by V.I. Matyushchenko in 1960–1961. Among them, a previously unpublished bit shank blank is of particular interest due to its preserved technological markings. All examined artifacts belong to the category of rod-like bit shanks with three perforations. While they conform to the typical raw material and form standards of this artifact type, several distinctive features are observed. First, traces of preliminary marking are present at the intended perforation sites. Second, a comparison of these marking traces with the perforation walls on both the finished artifacts and the blank suggests that the perforations may have been made without the use of traditional drilling techniques. Third, the variety of design approaches evident in the bit shanks supports the hypothesis of non-specialized production. The considerable number of bit shanks discovered at the Elovka settlement and nearby archaeological sites indicates that the forest-steppe zone of the southern Tomsk region constituted the northern extent of the area characterized by active horse transport during the Late Bronze Age.

[1] Работа И.А. Валькова по анализу видоизменений на поверхности псалиев проведена в рамках государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН по теме: «Динамика культурно-исторических процессов в Сибири и сопредельных районах Центральной Азии от древности до Нового времени: тенденции и локальная специфика» (№ гос. регистрации 1023032300037-2-6.1.2).

[2] The work by I.A. Valkov was carried out as a part of the state assignment of the Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry SB RAS «Dynamics of cultural and historical processes in Siberia and adjacent regions of Central Asia from antiquity to the early modern period: general trends and local specificity» (state registration No. 1023032300037-2-6.1.2).

Keywords: archaeology, Western Siberia, rod-like bit shanks, Late Bronze Age, use-wear analysis, bone carving, Irmen culture, Western Siberia

Введение

Изготовленные из рога парные предметы стержневидной формы, которые крепились к концам удил и позволяли соединить их в единую систему с ремнями оголовья и поводьями, являлись важной частью лошадиной узды некоторых ранних типов. Эти предметы, в русскоязычных публикациях называемые *псалии* или *нащёчники*, уже давно занимают важное место в археологических исследованиях, посвящённых как снаряжению лошади, так и косторезному делу населения степной и лесостепной зон Евразии в эпохи бронзы и раннего железа. При этом первоочередное внимание было сфокусировано на проблемы их типологии, хронологии, культурной атрибуции, ареалов распространения (Смирнов, 1961; Кузьмина, 1994; Пыслару, 2000; Подобед и др., 2014; Боковенко, 2017; Марсадолов, 2021). Установлено, что в истории роговых и костяных псалиев этого пространства стержневидные формы приходят на смену щитковым и желобчатым формам, а их широкое распространение характеризует особый этап в эволюции узды. Вопросы, связанные с технологией изготовления, до настоящего времени остаются менее изученными. Они привлекали внимание лишь отдельных исследователей, описавших особенности подбора сырья для этих изделий и общую последовательность операций при их изготовлении (Бородовский, 1997, с. 87; Усачук, 1998, с. 77–78). В связи с этим, такие предметы, особенно их серии с одного памятника, по-прежнему заслуживают пристального внимания.

В лесостепном ландшафте на юге Томской области (Томское Приобье) известно два крупных поселенческих памятника эпохи поздней бронзы с представительными сериями роговых стержневидных деталей от узды лошади: поселения Еловское и Чекист. Еловское поселение было выявлено В.И. Матющенко в 1959 г. вблизи дер. Еловка Кожевниковского района на участке левобережной террасы протоки Симан реки Обь. В 1960-1961 гг. в ходе археологических раскопок под его руководством была исследована часть памятника площадью 850 кв. м., а в 1982 г. – еще 1360 кв. м. (Матющенко, 1974). В настоящее время коллекция первого этапа исследований (1961-1962 гг.) хранится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ, г. Томск) и включает пять псалиев. Находки более позднего этапа полевых работ (1982 г.) находятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета (МАЭ ОмГУ, г. Омск) и включают еще девять подобных предметов (Тихонов, 2023). Материалы с поселения Чекист, расположенного в нижнем течении р. Томь севернее Еловского поселения, пока почти не введены в научный оборот (Васильев, 1994; Васильев, Плетнева, 1995).

В рамках изучения коллекции костяных и роговых артефактов из фондов МАЭС ТГУ авторами статьи были детально изучены все пять нащечных элементов узды, полученных в ходе археологических раскопок на Еловском поселении в 1960–1961 гг. В ходе исследования использованы стереоскопические бинокулярные микроскопы МБС-10 и Zeiss Stemi 2000C. Для фиксации следов на поверхности изделий применялись микрофотонасадка Zeiss Axiocam, а также зеркальный фотоаппарат Canon 60D с макрообъективами EF-S 35mm f/2.8 Macro IS STM и Laowa 25mm f/2.8 2.5-5X Ultra Macro.

Стоит отметить, что настоящая статья является не первым обращением к рассматриваемой коллекции. Первоначально схематичные рисунки четырех стержневидных псалиев публиковались автором полевых работ В.И. Матющенко (Матющенко, 1974, с. 58–60), который отнес их к ирменской археологической культуре бронзового века и датировал XI–VIII вв. до н.э. В дальнейшем отдельные технологические наблюдения относительно данных предметов были включены в монографию А.П. Бородовского (Бородовский, 1997, с. 87–89), посвященную древнему косторезному делу Западной Сибири. Тем не менее, проведенная авторами в 2023 г. работа с коллекцией с применением трасологического анализа позволила получить новые сведения, существенно дополняющие реконструкцию технологии изготовления стержневидных псалиев в Сибири. Кроме того, при осмотре всей коллекции костяных артефактов Еловского поселения, хранящейся в МАЭС ТГУ, был

выявлен еще один экземпляр, представляющий собой заготовку псалия, который ранее не попадал в поле зрения исследователей.

Основной целью данной статьи является введение в научный оборот результатов трасологического изучения серии роговых псалиев Еловского поселения из коллекции МАЭС ТГУ и их анализ в контексте проблем изготовления данного типа артефактов, а также предварительное обсуждение некоторых дискуссионных вопросов возраста и назначения ранних стержневидных псалиев в Томском Приобье.

Описание предметов и анализ технологических следов

Все пять псалиев из коллекции МАЭС ТГУ относятся к категории стержневидных, но с точки зрения морфологии демонстрируют значительное разнообразие (рис. 1: 1-4; 2: 1). Хотя изделия имеют повреждения, частично фрагментированы, это, однако, не оказывает значительного влияния на возможность оценить форму и расположение изготовленных или запланированных мастером отверстий. За исключением одного из артефактов, все сохранили на себе следы технологической обработки и, возможно, использования. Их сравнение с ранее разработанной исследователями типологией стержневидных псалиев Евразии (см., например: Подобед и др., 2014, с. 88–89) показывает, что каждая из четырех завершённых форм из МАЭС ТГУ находит соответствие с отдельным типом в существующей классификационной схеме. При этом, несмотря на типологические различия, все изделия объединяет общая конструктивная особенность – наличие трёх отверстий, включающих одно центральное и два периферийных.

Расположение отверстий не является строго унифицированным. У двух изделий они выполнены в одной плоскости (рис. 1: 2-3). Еще два псалия демонстрируют иную конфигурацию, при которой отверстия располагаются в разных плоскостях (рис. 1: 1, 4). В отношении заготовки, сохранившей лишь одно отверстие, реконструкция предполагаемой схемы их размещения основана на анализе нанесённой мастером разметки. Характер и направление разметочных линий позволяют предполагать, что мастер изначально планировал формирование трёх отверстий, расположенных в одной плоскости.

Технологические наблюдения, сделанные в процессе изучения предметов с Еловского поселения, не противоречат выделенным ранее основным этапам изготовления стержневидных псалиев (Усачук, 1998, с. 77–78). Предварительно производилась вырезка роговой закраины (для рассматриваемых предметов сырьем предположительно выступал рог лося или оленя) и изготовление грубой заготовки. Затем осуществлялась наметка будущих отверстий, которая, судя по сохранившимся следам, могла включать как локальные насечки, так и опоясывающие стержень разметочные линии. После этого производилось формирование отверстий, причём в первую очередь изготавливалось центральное. Лишь после выполнения перфорации мастер переходил к обработке краёв изделия, в отдельных случаях – художественному их оформлению. Завершался процесс финальной полировкой всего предмета. Стоит отметить, что завершающая стадия технологического процесса включала обработку поверхности, направленную на сглаживание следов предшествующих операций и устранение неровностей. Очевидно, что именно по этой причине, имея дело в основном с готовыми предметами, другие исследователи не фиксировали следы разметки поверхности, подобные обнаруженным на псалиях Еловского поселения.

Как было отмечено выше, при изготовлении стержневидных псалиев использовалась роговая закраина с естественным изгибом, что соответствовало широко распространённой в позднем бронзовом веке Западной Сибири практике. Характер вычленения закраины и последовательность формирования первичной заготовки хорошо прослежены на материалах ряда памятников региона, в частности поселения Чича-1, где данные этапы представлены наиболее наглядно (Бородовский, 2007, с. 75, рис. 48). В то же время в составе коллекции Еловского поселения заготовки, находящиеся на ранних стадиях обработки, отсутствуют, что не позволяет проследить начальные операции производства непосредственно по местным материалам. Однако со значительной долей уверенности можно предположить, что какие-либо расхождения на этом этапе производства маловероятны. Также стоит отметить, что форма стержневидных псалиев является полностью искусственной. Единственной морфологической

Рис. 1. Стержневидные псалии с Еловского поселения: 1–4 – фото артефактов; a, d, f, g – фото отверстий; b, c – заполировка, перекрывающая технологические следы на поверхности; e – следы шабрения на боковой грани.

Fig. 1. Rod-like bit shanks from the Elovka settlement: 1–4 – photos of the artifacts; a, d, f, g – photos of the perforations; b, c – polish overlying technological traces on the surface; e – traces of scraping on the lateral face.

особенностью конечного изделия, обусловленной исходным сырьем, является характерный небольшой изгиб псалиев.

Заготовка псалия (рис. 2: 1) из МАЭС ТГУ представляет значительный интерес для исследования технологии изготовления подобных артефактов на более поздних этапах их производства. Анализ данного предмета позволяет выделить два ключевых аспекта.

Первой и наиболее показательной особенностью заготовки является наличие отчётливо выраженных следов предварительной разметки, намечающей предполагаемые места формирования отверстий. В отличие от боль-

шинства известных стержневидных псалиев Сибири, на которых подобные признаки вообще отсутствуют, в данном случае разметка полностью опоясывает стержень псалия, не ограничиваясь локальными насечками исключительно в плоскости будущей перфорации (рис. 2: d). Профиль и длина разметочных линий указывают на то, что они, скорее всего, оставлены лезвием ножа, а не его острием или любым другим острым предметом (рис. 2: e). Остатки более грубых и расположенных аналогично наметок видны на еще одном анализируемом предмете из коллекции (рис. 1: 3, a).

Стоит отметить, что на поверхности заготовки отчётливо фиксируется незначительная заполированность (рис. 2: c, e). Её возникновение не следует связывать ни с эксплуатационным износом, ни с финальной намеренной полировкой изделия. Хотя природа формирования заполированности на артефактах из кости и рога во многом остаётся неясной, можно утверждать, что её появление связано не только с утилизацией и намеренной технологической полировкой, но и с другими производственными процессами. В частности, подобная заполированность нередко формируется на поверхностях, обработанных строганием.

Второй важной особенностью рассматриваемой заготовки является фиксация неординарного приёма формирования отверстия, который, по всей видимости, осуществлялся без использования сверления (рис. 2: a, b). Аналогичный способ обработки отмечен и на одном из готовых псалиев из той же коллекции (рис. 1: g). Это позволяет нам рассматривать данный случай не как единичную аномалию, а как вариант, по крайней мере эпизодически, принимавшегося технологического решения. Нанесённая по периметру (то есть не только в плоскостях расположения отверстий) и опоясывающая стержень разметка, вероятно, служила ориентиром при встречном прорезании отверстия с противоположных сторон. При использовании сверления необходимость в подобной разметке, по нашему мнению, значительно ниже или даже полностью отпадает. В пользу данной гипотезы может свидетельствовать также характер стенок на сломанных отверстиях двух предметов (рис. 1: 2, g; 2: 1, a, b). Несмотря на явную незавершенность проработки отверстий ножом, они не имеют каких-либо признаков сверления, а в одном из случаев встречные части сломанного отверстия расположены под косым углом по отношению друг к другу, чего не должно было случиться при использовании предварительного сверления отверстий. Впрочем, данные наблюдения являются в большей степени гипотезой и не могут быть подкреплены весомыми доказательствами.

В целом, можно сделать вывод, что данный способ не являлся преобладающим. Для большинства псалиев, включая заготовку из другой части коллекции Еловского поселения, хранящейся в МАЭ ОмГУ, характерно применение более распространённого приёма перфорации с использованием сверления. При этом изготовление отверстий, как правило, предшествовало приданию изделию окончательной формы, что, вероятно, было обусловлено риском поломки заготовки на этой стадии. Заготовка псалия из коллекции МАЭС ТГУ является в этом отношении показательной, и ее разрушение, по всей видимости, произошло именно на этапе создания центрального отверстия.

По проанализированным предметам из фондов МАЭС ТГУ хорошо видно, что форма отверстий отличается неоднородностью. Даже в пределах серии всего из пяти предметов фиксируются круглые, овальные, прямоугольные, а также прямоугольные со скруглёнными краями отверстия. Подобное разнообразие может отражать как различия в технологических приёмах, так и возможную хронологическую неоднородность. Например, Л.С. Марсадолов выдвинул гипотезу о более раннем возрасте псалиев с подпрямоугольными отверстиями, связывая начало распространения скругленных форм с рубежом IX–VIII вв. до н.э. (Марсадолов, 2021, с. 121). Изменение конфигурации отверстий могло быть обусловлено попыткой более равномерного распределения нагрузки на тело псалия, так как давление ремней снаряжения на острые углы отверстий создавало участки повышенного напряжения и кратно увеличивало риск разрушения изделия (Подобед и др., 2014, с. 96). Обращает на себя внимание и тот факт, что все рассмотренные нами предметы с Еловского поселения сломаны. И если относительно заготовки нами был сделан вывод о поломке в процессе изготовления отверстия, то судить об остальных предметах достаточно сложно.

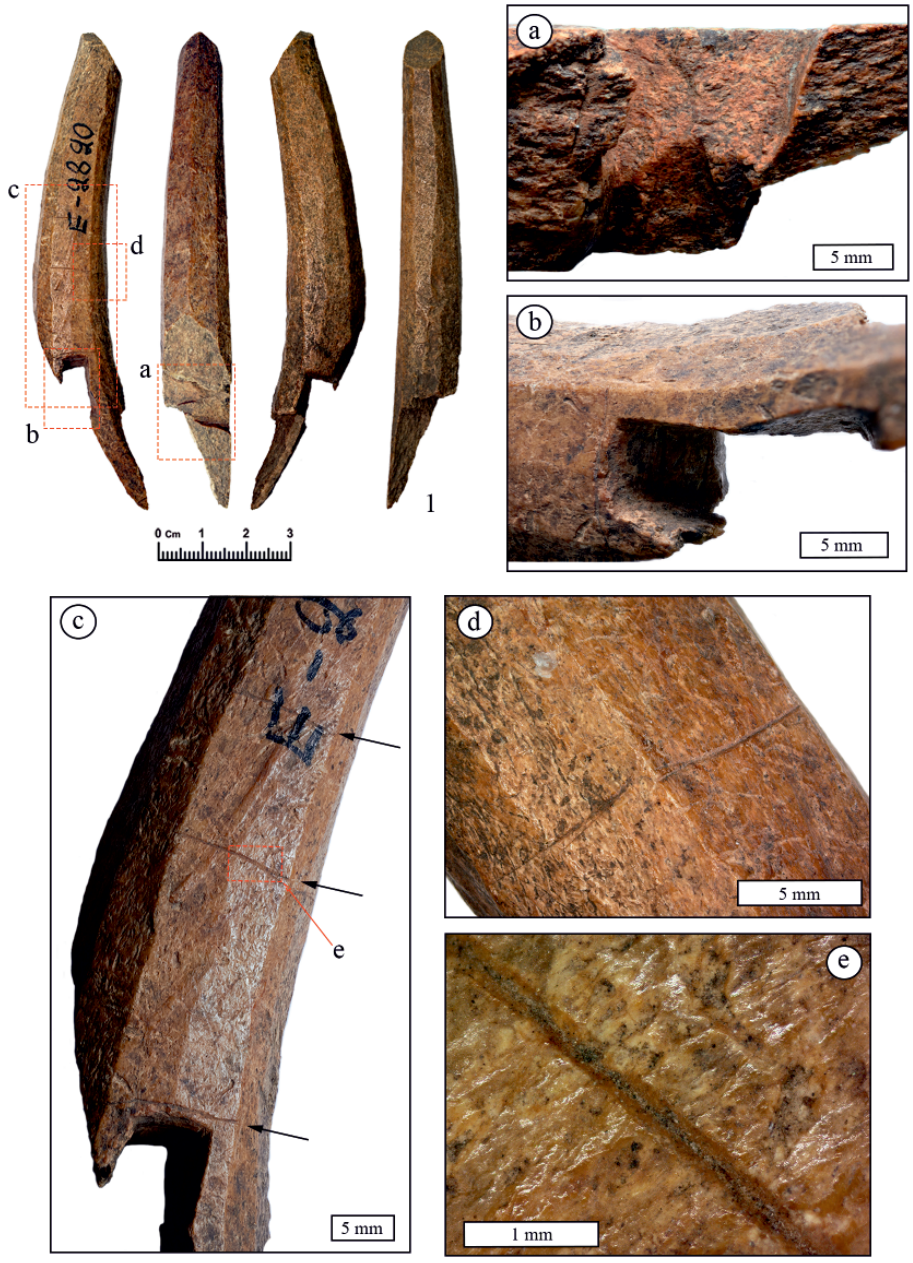


Рис. 2. Заготовка стержневидного псалия с Еловского поселения: 1 – фото артефакта; a–b – отверстие со следами прорезания; c–e – следы разметки на поверхности и заполированность, возникшая от строгания.
Fig. 2. Preform of a rod-like bit shanks from the Elovka settlement: 1 – photos of the artifact; a–b – a perforation bearing traces of cutting; c–e – marking traces on the surface and polish resulting from planing.

По-видимому, находившиеся в эксплуатации предметы могли получить продольный или поперечный надлом именно в силу повышенного давления ремня на один из краев.

После формирования отверстий для ремней в теле псалия изделию придавалась окончательная форма, а затем выполнялась финальная обработка поверхности. Трасологические наблюдения показывают, что этот этап не ограничивался только шлифовкой и полировкой. Наряду с абразивной обработкой (а в ряде случаев и вместо неё) применялось строгание для выравнивания уплощённых сторон, а при обработке острых граней и рёбер стержня использовалось шабрение (рис. 1: b, e). Вероятно, выбор данных приёмов был обусловлен исходной гранёной формой заготовки.

Особое значение в технологическом процессе имела полировка, завершавшая изготовление изделия, обеспечивавшая гладкость и однородность поверхности. Художественное оформление и орнаментация стержневидных

псалиев в сибирских коллекциях встречаются крайне редко и в материалах Еловского поселения не представлены. Однако два экземпляра имеют фигурное оформление концов стержня.

Если принадлежность одного рассмотренного предмета к категории заготовок вполне очевидна, то остальные четыре псалия были условно отнесены нами к готовым изделиям. Представляется, что один из них, тем не менее, мог быть поврежден до завершения процесса изготовления: хотя предмет и имеет неравномерную, но достаточно интенсивную заполированность некоторых участков, одно из периферийных отверстий не обладает признаками какой-либо изношенности и, судя по всему, не было до конца оформлено (рис. 1: 2, g). Два фрагмента псалиев несут отчетливые признаки использования по назначению. На это указывают скругленные края отверстий и интенсивная заполировка их внутренней поверхности, а также частичное перекрытие полировкой технологических следов (рис. 1: b, e, f). Тем не менее, уверенно определить по имеющимся следам износа особенности крепления данных псалиев нам не удалось.

Возраст и функциональное назначение

Определяя возраст псалиев Еловского поселения, большинство авторов относили их к периоду с XI по VIII вв. до н.э. (Матющенко, 1974, с. 59–60; Матвеев, 1993, с. 126–127; Подобед и др., 2014, с. 90–91; Тихонов, 2023, с. 117). В настоящее время, однако, датировка ирменской археологической культуры пересмотрена в сторону удревнения и определяется в рамках XIV–X вв. до н.э. (Молодин и др., 2014). Такая же корректировка возраста произошла и в отношении других андроноидных культур Сибири (Поляков, 2022, с. 298). Связанное с этим неизбежное удревнение стержневидных псалиев Еловского поселения хорошо согласуется с современными радиоуглеродными датами для такого типа изделий с территории Казахстана, где они зафиксированы уже в середине II тыс. до н.э. (Бесетаев и др., 2024). При этом отмеченные нами различия в морфологии и особенностях обработки еловских изделий могут указывать на хронологическую неоднородность этой серии, которая заслуживает дальнейшего изучения с использованием методов естественно-научного датирования.

Анализируемые находки представляют также значительный интерес в контексте истории наземного транспорта на востоке евразийского пояса степей и лесостепей. В частности, актуальным остается вопрос назначения лошадиной узды со стержневидными псалиями. Хорошо известно, что в эпоху раннего железа подобные по форме детали в культуре скотоводов по всему степному поясу являлись типичным элементом снаряжения для верховой езды. Это стало одной из основных причин, по которой ряд исследователей противопоставляет стержневидные псалии щитковым, считая их атрибутом снаряжения для управления лошадью при верховой езде, а не колесничной упряжки (Кузьмина, 1994, с. 188; Широкова, 2013; Чечушков и др., 2020). Такая интерпретация в полной мере распространялась и на стержневидные изделия ирменской культуры Приобья (Матющенко, 1974; Ковалевский, 2020, с. 171).

Сегодня эта гипотеза, однако, не кажется вполне убедительной. Например, в Китае, испытывавшем значительное влияние северных кочевников на многие технологии, связанные с использованием лошади, стержневидные псалии (как роговые, так и отлитые из бронзы) используются в качестве детали упряжи колесниц наряду с другими типами на протяжении всей эпохи Чжоу (Wu, 2013, Fig. 11.1). Аналогичным образом, стержневидные псалии из кургана Аржан в Туве (Грязнов, 1980), в основном отлитые из бронзы и датируемые концом IX в. до н.э., сочетаются с находками деталей ярм колесниц (Смирнов, 2012), поэтому, как минимум, часть из них могла являться принадлежностью захороненных здесь упряжных лошадей.

Показательна также ситуация в эпоху поздней бронзы на территории Минусинской котловины в Южной Сибири, где известно около 50 изображений колесниц на скалах и каменных плитах, а также находки бронзовых поясных пластин с парными симметричными дугами-крюками, которые интерпретируются как приспособления для временного закрепления поводьев на поясе колесничего (Lin, 1986). В русскоязычных публикациях последние ошибочно называют «пряжками колесничего» (Варенов, 1984, с. 50; Выборнов, Тимощенко, 2023), хотя к застегиванию пояса они не имеют отношения. При этом единственная группа псалиев этого времени в Минусинской

котловине – это роговые стержневидные предметы, которые, очевидно, использовались как универсальный элемент оголовья для контроля над лошадью независимо от способа ее использования (и в упряжке, и для верховой езды).

Исходя из этих параллелей, находки псалиев на Еловском и других поселениях ирменской культуры позволяют рассматривать лесостепные районы на юге Томской области как северную часть ареала транспортного, в том числе упряжного, использования лошади в эпоху поздней бронзы. В пользу этой гипотезы дополнительно свидетельствует наличие полноразмерной бронзовой поясной пластины с двумя дугами-крюками для крепления поводьев упряжки в погребении Томского могильника (Комарова, 1952) – самая северо-западная находка атрибутов колесничего такого типа.

Заключение

Проведённый анализ серии роговых стержневидных псалиев из коллекции МАЭС ТГУ показал, что эти предметы были изготовлены с применением технологических приёмов, укладывающихся в рамки традиций культур позднего бронзового века Западной Сибири. Вместе с тем изучение сохранившихся на целых предметах и заготовке следов обработки выявляет отсутствие строгой унификации производственного процесса. Способы нанесения разметки, формирования и обработки отверстий, а также приёмы окончательной отделки поверхности отличаются заметной вариативностью. Использование разных технологических решений в рамках одной серии находок указывает, на наш взгляд, на отсутствие специализированного производства стержневидных псалиев.

С точки зрения функции самих стержневидных предметов, есть достаточно оснований полагать, что псалии такой формы использовались для управления как верховыми, так и упряжными лошадьми. Это полностью справедливо и для лесостепных районов на юге Томской области в эпоху поздней бронзы. Поскольку предметы с Еловского поселения относятся к ирменской археологической культуре, на данном этапе исследований их возраст может быть определен в широких рамках XIV–X вв. до н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Бесетаев Б.Б., Мерц И.В., Тулегенов Т.Ж. Новые находки позднего бронзового века в юго-восточном Казахстане // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 69–82.

Боковенко Н.А. Формирование конского снаряжения ранних кочевников Центральной Азии // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 8–42.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.

Варенов А.В. О функциональном предназначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / История и культура востока Азии / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.

Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск. История и современность / Отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск: ТГУ, 1994. С. 12–21.

Васильев Е.А., Плетнева Л.М. Исследование многослойного памятника в устье Большой Киргизки // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.Е. Ларичев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 8–10.

Выборнов А.В., Тимощенко А.А. Пряжки колесничего из погребений Могильника Станция Камышта-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 1120–1126.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 64 с.

Ковалевский С.А. К вопросу об использовании конской узды ирменским населением // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 6 / Отв.ред. Н.П. Матвеева, Н.Е. Рябогина. Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, 2020. С. 168–172.

Комарова М.Н. Томский могильник – памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / МИА. № 24 / Ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1952. С. 7–50.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Изд-во ВИНИТИ, 1994. 464 с.

Марсадолов Л.С. О хронологии евразийских роговых псалиев X-VII вв. до н.э. // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан) / Отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. СПб.; Абакан: ИИМК РАН, 2021. С. 115–123.

Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: НГУ, 1993. 182 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 4: Еловско-ирменская культура / Из истории Сибири. Вып. 12.Томск: ТГУ, 1974. 191 с.

Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: Принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3. С. 136–167.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7 (19) / Отв. ред. Н.А. Константинов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 85–118.

Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 364 с.

Пыслару И. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // Stratum Plus. 2000. № 2. С. 322–345.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46–72.

Смирнов Н.Ю. На чем ездил аржанский «царь»? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Кн. 2 / Ред. В.А. Алекшин и др. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 424–432.

Тихонов С.С. Псалии Еловского поселения: поздний бронзовый век (по материалам комплекса памятников у д. Еловка Томской области) // Теория и практика археологических исследований. 2023. № 35 (3). С. 113–119.

Усачук А.Н. Технология изготовления стержневидных псалиев (на примере изделия из Дереивки) // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона: Материалы 4 Украинско-Российского полевого археологического семинара. Киев-Воронеж, 1998. С. 77–80.

Чечушков И.В., Овсянников А.А, Усманова Э.Р. К вопросу о времени начала использования желобчатых псалиев и возникновения всадничества (по материалам могильника Новоильиновский II в Северном Казахстане) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 2. С. 49–58.

Широкова М.А. Классификационная схема псалиев бронзового века юга Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 7. С. 142–149.

Lin Yun. A Reexamination of the Relationship between Bronzes of the Shang culture and of the Northern Zone // Studies of Shang Archaeology / Ed. K. C. Chang. New Haven and London: Yale University Press, 1986. P. 237–274.

Wu Hsiao-Yun. Chariots in Early China: Origins, cultural interaction, and identity. Oxford: Archaeopress, 2013. 135 p.

Информация об авторах:

Вальков Иван Александрович, старший инженер, Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН (г. Кемерово, Россия); valkow92@mail.ru

Идимешев Асап Алексеевич, младший научный сотрудник Лаборатории APSACA; Национальный археологический центр Академии наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан); asapidimeshev@gmail.com

Головко Мария Алексеева, младший научный сотрудник, Томский областной краеведческий музей (г. Томск, Россия); mariakilli@yandex.ru

Есин Юрий Николаевич, кандидат исторических наук, постдок Центр археологии Лейбница (г. Майнц, Германия); yuri.esin@leiza.de

REFERENCES

Besetayev, B. B., Merts, I. V., Tulegenov, T. Zh. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 69–82 (in Russian).

Bokovenko, N. A. 2017. In *Mir Bol'shogo Altaya (World of the Great Altay)* 3 (4), 8–42 (in Russian).

Borodovsky, A. P. 1997. *Drevnee kostoreznoe delo iuga Zapadnoi Sibiri (vtoraia polovina II tys. do n.e. – pervaa polovina II tys. n.e.). (Ancient Bone Carving in the South of Western Siberia (Second Half of the 2nd Millennium BC - First Half of the 2nd Millennium AD).).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Borodovsky, A. P. 2007. *Drevniy reznoy rog Yuzhnoy Sibiri (epokha paleometalla) (Ancient Carvers in Antler of Southern Siberia (Paleometal Era)).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Varenov, A. V. 1984. In Larichev, V. E. (ed.). *Novoe v arkheologii Kitaia. Issledovaniia i problemy (New perspectives in Chinese archaeology. research and issues).* Series: Istoriia i kultura vostoka Azii (History and culture of East Asia). Novosibirsk: "Nauka" Publ., 42–51 (in Russian).

Vasiliev, E. A. 1994. In Pletneva, L. M. (ed.). *Seversk. Istoriya i sovremennost' (Seversk. History and modernity).* Tomsk: Tomsk State University Publ., 12–21 (in Russian).

Vasiliev, E. A., Pletneva, L. M. 1995. In Derevyanko, A. P., Larichev, V. E. (eds.). *Obozrenie rezul'tatov polevyh i laboratornyh issledovanij arheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu (Review of the results of the field and laboratorial investigations of archaeologists, ethnographers and anthopologists of Siberia and the Far East in in 1993)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 8–10 (in Russian).

Vybornov, A. V., Timoshchenko, A. A. 2023. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 29. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 1120–1126 (in Russian).

Griaznov, M. P. 1980. *Arzhan. Tsarskii kurgan ranneskifskogo vremeni (Arzhan. Royal Barrow of the Early Scythian Time)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kovalevsky, S. A. 2020. In Matveeva, N. P., Ryabogina, N. E. (eds.). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshhestv (Ecology of Ancient and Traditional Societies)* 6. Tyumen: Tyumen State University, 168–172 (in Russian).

Komarova, M. N. 1952. In Kiselev, S. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Sibiri (Materials and research on the archaeology of Siberia)* 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR., 7–50 (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of Andronovo Communion and the Origin of the Indo-Iranians).* Moscow: "VINITI" Publ. (in Russian).

Marsadolov, L. S. 2021 In Polyakov, A. V., Kashuba, M.T., Tsybiktarov, A. D. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (8–11 sentyabrya 2021 goda, g. Abakan) (Ancient cultures of Mongolia, South Siberia and North China: Proceedings of the XI International Scientific Conference (September 8-11, 2021, Abakan).* Saint Petersburg; Abakan: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 115–123 (in Russian).

Matveev, A. V. 1993. *Irmenskaia kultura v lesostepnom Priobe (Irmen culture in the forest-steppe Ob region).* Novosibirsk: Novosibrsk State University (in Russian).

Matyushchenko, V. I. 1973. Drevniaia istoriia naseleniia lesnogo i lesostepnogo Priobia (neolit i bronzovyi vek) *(The ancient history of the population of the forest and forest-steppe of the Ob region (Neolithic and Bronze Age))* Part 4. Series: Iz istorii Sibiri (From the history of Siberia) 12. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

Molodin, V. I., Epimakhov A. V., Marchenko Zh. V. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, philology)* 13 (3), 136–167 (in Russian).

Podobed, V. A., Usachuk, A. N., Tsimidanov, V. V. 2014. In Konstantinov, N. A. (ed.). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii (Antiquities of Siberia and Central Asia)* 19 (7), 85–118 (in Russian).

Poliakov, A. V. 2022. *Khronologiia i kulturogenez pamiatnikov epokhi paleometalla Minusinskikh kotlovin (Chronology and cultural genesis of the Paleometal epoch sites in Minusinsk basins).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pyslaru, I. 2000. In *Stratum plus* (2), 322–345 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 46–72 (in Russian).

Smirnov, N. Yu. 2012. In Alekshin, V. A. et.al. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 2. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 424–432 (in Russian).

Tikhonov, S. S. 2023. In *Teoriia I praktika arheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* 35 (3), 113–119 (in Russian).

Usachuk, A. N. In *Epokha bronzy Dono-Donetskogo regiona: Materialy 4 Ukrainsko-Rossiiskogo polevogo arkheologicheskogo seminara (The Bronze Age of the Don-Donetsk region: proceedings of the 4th Ukrainian-Russian field archaeological seminar)*. Kiev; Voronezh, 77–80 (in Russian).

Chechushkov, I. V., Ovsyannikov, A. A., Usmanova, E. R. 2020. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 48 (2), 49–58 (in Russian).

Shirokova, M A. 2013. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 12 (7), 142–149 (in Russian).

Lin Yun. 1986. In Chang, K. C. (ed.). *Studies of Shang Archaeology*. New Haven and London: Yale University Press, 237–274.

Wu Hsiao-Yun. 2013. *Chariots in Early China: Origins, cultural interaction, and identity*. Oxford: Archaeopress.

About the Authors:

Valkov Ivan A. Senior Engineer, The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Sovetskiy Ave., 18, Kemerovo, 650099, Russian Federation; valkow92@mail.ru

Idimeshev Asap A. Junior Researcher, APSACA Laboratory, National Center of Archaeology, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Mirzo Ulugbek St., 81, Tashkent, 100060, Uzbekistan; asapidimeshev@gmail.com

Golovko Maria A. Junior Researcher, Tomsk Regional Museum of Local Lore, Lenina Ave., 75, Tomsk, 634050, Russian Federation; mariakilli@yandex.ru

Esin Yury N. PhD, Postdoc, Leibniz-Zentrum für Archäologie, Ludwig-Lindenschmit-Forum, 1, 55116, Mainz, Germany; yuri.esin@leiza.de

Статья поступила в журнал 02.10.2025 г.
Статья принята к публикации 17.02.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 9.902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.42.51

КУЛЬТУРА «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В XX В.

© 2026 г. М.Г. Калашников, Е.Е. Воробьева

В данной статье представлен всесторонний анализ научных дискуссий, связанных с идентификацией и интерпретацией археологической культуры «текстильной» керамики (КТК) в историографии XX в. Основное внимание уделено формированию и развитию ключевых дискуссий о статусе КТК, её терминологии, хронологии в контексте этнокультурных процессов эпохи поздней бронзы. На основе ретроспективного изучения научной литературы и материала археологических исследований выделены четыре этапа изучения: начальный этап накопления материалов и гипотеза о «финской» принадлежности (конец XIX – начало XX вв.), довоенный период становления терминологии и культурной атрибуции (1920-е – 1940-е гг.), послевоенный этап углублённого изучения технологии и систематизации (1950-е – 1980-е гг.) и заключительный (конец 1980-х – 1990-е гг.), отмеченный началом применения естественнонаучных методов. Особый акцент сделан на становлении двух основных терминологических традиций («текстильная» и «сетчатая» керамика) и переходе от описательных построений к технологическому и систематическому анализу, завершившемуся началом применения естественнонаучных методов.

Ключевые слова: археология, культура «текстильной» керамики, сетчатая керамика, эпоха поздней бронзы, историография, финно-угорские народ, XX в.

TEXTILE CERAMIC CULTURE: DEFINITION AND INTERPRETATION

M.G. Kalashnikov, E.E. Vorobeva

This paper presents a comprehensive analysis of the scientific debates concerning the identification and interpretation of the Textile Ceramic culture (TCC) in the historiography of the XX century. The primary focus is on the formation and development of key debates regarding the status of the TCC, its terminology, and its chronology within the context of the ethnic-cultural processes of the Late Bronze Age. Based on a retrospective study of scientific literature and archaeological research materials, four stages of study have been identified: the initial stage of material accumulation and the hypothesis of «Finnish» identity (late XIX – early XX centuries), the pre-war period of terminology and cultural attribution (1920s – 1940s), the post-war stage of in–depth study of technology and systematization (1950s – 1980s) and the final (late 1980s - 1990s), marked by the beginning of the application of natural science methods. Particular emphasis is placed on the formation of two main terminological traditions («textile» and «net-impressed» ceramics) and the transition from descriptive models to technological and systematic analysis, culminating in the beginning of the application of natural science methods.

Keywords: archaeology, Textile Ceramic culture, net-impressed ceramics, Late Bronze Age, historiography, Finno-Ugric people, XX century

Данная статья посвящена историографическому анализу изучения культуры «текстильной» керамики (КТК) в рамках археологической науки конца XIX – начала XX вв. КТК представляет собой один из ключевых феноменов эпохи палеометалла обширной лесной зоны Восточной Европы, традиционно связываемый исследователями с процессами формирования финно-угорской этнической общности. Несмотря на значительный объем публикаций, посвященных археологическим объектам с «текстильной» керамикой, целостный анализ эволюции научных представлений о КТК, особенно в рамках определенного исторического периода, остается актуальной задачей.

На основании вышесказанного цель статьи – выявить основные этапы и факторы эволюции в решении дискуссионных проблем и смены парадигм в изучении КТК на протяжении XX столетия. При этом в фокусе анализа находятся не столько детали археологическо-

го материала разных хронологических эпох (поздней бронзы и раннего железа), сколько сами историографические концепции, которые зачастую развивались без их жёсткого разграничения.

Основное внимание сосредоточено на исследовании КТК в её «классическом» варианте, связанном с анализом работ, посвящённых памятникам Волго-Окского региона, где были выработаны фундаментальные концепции, определившие развитие темы. Хронологический охват сознательно ограничен XX в., что позволяет целостно рассмотреть путь от первичного открытия феномена до становления основ его современного изучения.

Финно-угорские народы, к числу которых относятся мордва, марийцы, удмурты, коми, карелы, саамы, ханты, манси и другие, представляют собой важнейший компонент историко-культурного наследия России. Их языковая общность, а также своеобразие мифологических представлений неизменно привлекают внимание специалистов в области археологии, этнологии, антропологии и лингвистики. Однако, несмотря на значительный объём накопленных знаний, вопросы их происхождения и миграционных путей остаются дискуссионными. В современной науке сосуществуют две основные гипотезы. Первая, восходящая к трудам М. Кастрена, локализует прародину в урало-западносибирском регионе. М. Кастрен, опираясь на лингвистические и этнографические изыскания, выдвинул идею о родстве уральских и алтайских языков (Кастрен, 1860). Позднее В.В. Напольских уточнил, что обособление предков финно-угров от прауральской общности произошло в южной части Обь-Иртышского бассейна в VI–V тыс. до н. э. (Напольских, 2002), связав этот процесс с так называемой культурой гребенчатой керамики Западной Сибири, а последующее развитие – с льяловской и волосовской культурами Волго-Окского междуречья.

Альтернативную точку зрения, известную как «финский автохтонизм», разделяют некоторые западные, преимущественно финские исследователи, например K. Wiik, J. Koivulehto (Kalevi, 2006; Koivulehto, 1994, 2003). Они помещают прародину финно-угров в Прибалтику или на территорию современной Финляндии, а в качестве основы этногенеза рассматривают так называемые постсвидерские археологические культуры (Кунда, Суомусъярви, Веретье и т. п.). Однако данный подход часто критикуется за недостаточную доказательную базу.

Особое место в дискуссии об этногенезе финно-угорских народов занимает культура «текстильной» керамики (далее по тексту – КТК), рассматриваемая многими учёными как возможный этноинтегрирующий элемент на обширных пространствах Восточной Европы.

КТК представляет собой своеобразный археологический феномен, ареал которого простирается от Среднего Поволжья до Балтийского региона. Важной особенностью рассматриваемой культуры является её редкая встречаемость в «чистом» виде. Чаще всего КТК сопровождает комплексы других археологических культур (дьяковской, городецкой, поздняковской, ананьинской и др.). Это свидетельствует о включенности носителей культуры текстильной керамики в сложные процессы культурного взаимодействия, ассимиляции и интеграции. Способность ассимилировать разнородные группы населения указывает на её роль в консолидации финноязычной общности (Патрушев, 1992, с. 4). Помимо этого, многие исследователи отводят КТК одну из ключевых ролей в распространении финноволжских языков, видя в них предков прибалтийских и волжских финнов (Кузьминых, Азаров, 2015; Parpola, 2017). Исходя из вышесказанного, В.С. Патрушев приходит к выводу, что носители КТК являлись неким суперэтносом, который объединил под собой все финноязычные этносы, сохранив их локальные особенности, где главным маркером выступает именно «текстильная» керамика (Патрушев, 1992, с. 30–32). Таким образом, «текстильная» керамика рассматривается не только как технологический или стилистический маркер, но и как важный этнокультурный индикатор.

Хочется отметить, что, прежде чем непосредственно перейти к историографическому обзору, необходимо прояснить терминологическую дилемму, проходящую красной нитью через всю историю изучения. В современном понимании термин «текстильная керамика» используется как обобщающее понятие для всей керамики, поверхность которой несёт отпечатки, имитирующие ткань, сетку, плетение, сделанные с помощью различных приспособлений (колотушек, обёрнутых тканью, тканевых чехлов и т. д.).

Изучение объектов археологического наследия с материалами «текстильной» керамики ведется более столетия. Вопрос о существовании КТК был уже в конце XIX в. был вынесен на научное обсуждение ведущими русскими исследователями так называемых городищ «дьякова типа» в Волго-Окском междуречье В.А Городцовым и А.А. Спицыным (Лопатина, 2014). Городища «дьякова типа» представляют собой небольшие по площади (редко превышающие 3000 кв. м), расположенные на возвышенностях у рек поселения, укрепленные с напольной стороны одним – тремя валами (Успенский, Чаукин, 2016, с. 74). Внимание В.А. Городцова и А.А. Спицына на указанных городищах привлекло наличие в нижних слоях лепной керамики с оттисками сетки или ткани. В конце XIX – начале XX вв., а именно в 1897–1900 гг., В.А. Городцов и А.А. Спицын впервые обратили внимание на специфическую керамику на городищах центра Русской равнины. Однако обнаруженная на этих памятниках керамика с необычными отпечатками не укладывалась в существовавшие тогда хронологические схемы неолита и железного века. Это позволило В.А. Городцову говорить о «…промежуточной культурной эпохе – палеометалле» (Городцов, 1900, с. 26).

А.А. Спицын, отметив визуальное единообразие городищ и особенности напластований, а также обилие костей, выдвинул идею о жертвенных функциях городищ. Впоследствии А.А. Спицын объединил подобные памятники Волго-Окского междуречья, связав их с финским населением (Спицын, 1903). Отметим, что в настоящее время объекты археологического наследия, исследованные А.А. Спицыным, относятся к таким культурам, как дьяковская, верхнеокская и городецкая. Согласно мнению А.А. Спицына, ареал распространения керамики с текстильными отпечатками включал территорию Верхнего Поволжья, Поочья в окрестностях г. Калуги и г. Рязани, Волго-Окского междуречья и междуречья Саратовской губернии (Успенский, Чаукин, 2016). Чуть позже, в связи с открытием новых археологических памятников, А.А. Спицын расширил ареал распространения городищ «дьякова типа» в сторону северо-запада, включив верховья рек Мсты и Мологи, а также территорию Западной Двины (Спицын, 1905). Следует отметить, что специально признаки материальной культуры вновь выделенных археологических памятников А.А. Спицын не рассматривал.

В.А. Городцов развил идею А.А. Спицына о так называемой «финской принадлежности населения городищ с сетчатой керамикой» (Лопатина, 2014), говоря о культуре «финского корня», отличительным признаком которой является орнамент «печатного» типа (Городцов, 1910). В результате, помимо городищ «дьякова типа», указанных А.А. Спицыным, В.А. Городцов включил в этот круг ряд памятников, расположенных в рязанском Поочье (атрибутированных в предвоенный период как городецкая культура). Этим расширением исследователь продемонстрировал культурное единство городищ центральных и северных регионов Европейской России, выделив в качестве их определяющего признака керамику, украшенную сетчатыми отпечатками.

Занимаясь вопросом территориального распространения городищ «дьякова типа», А.А. Спицын в 1912 г. также относил городища, зафиксированные на севере Саратовской губернии, к данному типу: «…среди финских древностей Саратовского края в настоящее время особенно интересны обрядовые городища, только что открытые... На них, кроме различных вещей, находят слои золы, разбитые кости животных, битые камни, и характерные черепки, различные в различных местах, но с преобладанием одного излюбленного орнамента, «сетчатого»…» (Спицын, 1912, с. 3). Как можно заметить, согласно предположениям А.А. Спицына, ареал распространения городищ «дьякова типа» был достаточно широк: от Чудского озера и р. Великой до р. Волги и р. Камы и от Галичского озера до р. Десны.

Найденные М.А. Радищевым на саратовских (хвалынских) городищах фрагменты керамики с так называемыми «рогожными» отпечатками, согласно точке зрения В.А. Городцова, были аналогичны керамическому материалу с Городецкого городища. Любопытно, что при этом В.А. Городцов отмечал: «…Хвалынские городища на первые вовсе не похожи, и скорее соотносятся с городищем «Топорок», которое содержало в себе только сетчатую керамику…» (Городцов, 1910).

Вместе с тем именно особенности поверхности керамических сосудов легли в основу системы аргументов для разграничения

территорий распространения древнейших культур лесной зоны Восточной Европы. Активное изучение памятников, содержащих в себе керамику с текстильными отпечатками, закономерно вызвало необходимость в исследовании и классификации данного орнамента. В самом начале XX в. наблюдается появление первых научных публикаций, посвященных систематизации и определению рельефных оттисков на керамических черепках. Среди них особо хочется отметить такую научную работу В.А. Городцова, как «Русская доисторическая керамика» (Городцов, 1901), в которой он объединил отпечатки в «семейство печатных орнаментов», а также труды А.А. Спицына и В.И. Каменского (Каменский, Спицын, 1903).

На основании вышеизложенного, можно сказать, что изначально В.А. Городцов и А.А. Спицын не считали возможным на основе текстильной керамики, учитывая ее специфику, выделять её в отдельную археологическую культуру. В.А. Городцов и А.А. Спицын скорее являлись сторонниками существования обширной финской общности с характерной для неё как сетчатой, так и рогожной керамикой.

Таким образом, период конца XIX – начала XX вв. был отмечен накоплением эмпирического материала о КТК, его первичным описанием и попытками систематизации. В этот период сформировались два ключевых подхода: хронологический (выделение эпохи палеометалла) и этнический (связь КТК с финским населением). При этом в научном обиходе сосуществовала пёстрая терминология: «сетчатый орнамент», «рябчатый орнамент», «нитчатая», «рогожная», «тканная» керамика и др. (Сизов, 1897; Городцов, 1901, 1910; Каменский, Спицын, 1903). Это разнообразие порой создавало определённую терминологическую путаницу, так как одно и то же явление у разных исследователей называлось по-разному. Например, отпечатки в виде нитей В.А. Городцов уже интерпретирует как «тонкотканные», в то время, когда А.А. Спицыным и В.И. Каменским они признавались «веревочными». Некоторые исследователи, как, например, Ф.В. Покровский, и вовсе сомневались в орнаментальной природе отпечатков, считая их следом технологической обработки сосуда: «…на большинстве черепков наблюдаются… неправильные линии, идущие… по направлению высоты сосудов. Но линиям этим едва ли нужно усвоять значение орнамента. Они, по всей вероятности, образовались во время самого изготовления сосудов, – при отделке при помощи инструмента вроде голика (веник без листьев)» (Покровский, 1897, с. 144).

Итогом данного этапа стало накопление первичного материала, осознание его хронологической и культурной специфики, но без выделения КТК в самостоятельную археологическую культуру. Доминировала идея об обширной финской общности, для которой характерна керамика с рельефными отпечатками.

Начинается период активной систематизации и формирования понятийного аппарата вокруг КТК. Именно в этот период оформилось терминологическое размежевание и становление таких устойчивых понятий, как «дьяковская культура» и «городецкая культура».

С 1920 г. упоминания об этих двух культурах регулярно встречаются в работах В.А. Городцова. Важно отметить, что употребление данных терминов несет за собой сугубо предварительный характер и скорее отражает этническую принадлежность: «… несомненно, обитатели Огубского городища принадлежали народности, имевшей весьма широкое распространение в Средней России, причем эта народность делилась на две ветви: северную, создавшую характерную «культуру Дьякова типа», и южную – создавшую культуру Городецкого типа. Обе культуры очень близки друг другу… носители их принадлежали одной народности, но к двум разным ее племенам» (Городцов, 1926, с. 115). При описании «Огубской культуры» как части «Дьяковой» В.А. Городцов попытался обобщить присущие первой черты финской материальной культуры. Заметим, что среди всех этих черт керамика отсутствует (Городцов, 1926, с. 123)

Чуть позднее В.А. Городцов более четко заявил о смежных особенностях дьяковой и городецкой культур. В отношении их ареалов он пишет о «дьяковой культуре… Средней и Северной России», а «…городецкая культура занимала более южную область, простиравшуюся от Средней Оки до Нижней Волги» (Городцов, 1928, с. 8).

В начале XX столетия отечественный исследователь Б.С. Жуков адаптировал заим-

ствованную у скандинавских ученых номенклатуру для обозначения керамических изделий с текстурированной поверхностью. Европейская научная традиция использовала аналогичные наименования: немецко-скандинавский вариант «textilkeramik» (Ailio, 1922) и финский «tekstiilikeramiikka» (Pälsi, 1916). В русской академической практике же до этого периода преобладала альтернативная номенклатура, основанная на морфологических характеристиках керамических образцов. Археологические работы, которые Б.С. Жуков организовал на территории Волго-Окского междуречья и на р. Ветлуге, а также проведенные исследования коллективом палеоэтнологической лаборатории Института антропологии МГУ, которую также возглавлял Б.С. Жуков, были нацелены на исследование процесса «модификаций культур», имеющих немалую хронологическую разобщенность в определенном, отдельно взятом регионе. Основываясь на исследованном массовом керамическом материале, Б.С. Жуков предложил хронологическую схему развития керамических комплексов региона(Жуков, 1929):

1) «костеносные»;

2) «дьяковые»;

3) городища с керамикой типа «рогожных».

Также, основываясь на трудах А.А. Спицына, Б.С. Жуков выдвинул гипотезу о генетической связи КТК с более ранними неолитическими традициями, а именно с ямочно-гребенчатыми (Жуков, 1929).

В результате в этот период формируются две научные традиции в терминологии: школа Б.С. Жукова (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский и др.) использовала термин «текстильная керамика», а школа В.А. Городцова (М.Е. Фосс, А.Я. Брюсов и др.) – «сетчатая».

Данные научные подходы к определению и интерпретации КТК привели к тому, что в довоенный период исследователи начинают использовать характеристики керамики для реконструкции этнической карты. Так, А.Н. Лявданский, изучая городища Смоленщины и Белоруссии, сделал предположение, что облик керамики был значимым в процессе территориального деления городищ и наличие или отсутствие сетчатой керамики отражает племенные различия населения (Лявданский, 1926).

Концепция городищ, разработанная А.А. Спицыным, позволила выдвинуть ряд предположений не только об их датировке, закономерности распространения, но и об их этнической принадлежности. Рассматриваемые городища занимали обширную территорию, на которой располагались известные сегодня такие археологические культуры, как дьяковская, городецкая, днепродвинская и другие. Характерно, что область, включавшая в себя эти древности, включала в себя известные к тому времени памятники, керамический комплекс которых сильно различался. Во-первых, это было связано с массовостью находок керамики с рельефными отпечатками на поверхности. Во-вторых, морфология этих отпечатков также имела значение. Например, для московских и тверских городищ были характерны массовые находки сетчатой керамики, в то время как для калужских городищ они были незначительными, а рязанские отличались керамикой с рогожными отпечатками на поверхности.

Таким образом, массовость находок и морфология отпечатков стали рассматриваться как ключевые признаки для дифференциации дьяковской, верхнеокской и городецкой культур.

В зарубежной науке также начинают выдвигаться гипотезы о происхождении КТК. В северо-западной Европе Аарне Айряпяа выдвигает гипотезу о том, что прародина текстильной керамики, выявленной на территориях Финляндии и Балтии, имеет центральноевропейские корни (в частности, территория современной Чехии), а проникновение в центр Русской равнины происходит посредством фатьяновской культуры (Äyräpää, 1933).

На основании вышесказанного можно признать, что итогом довоенного периода (1920–1940 гг.) стало формирование основ для признания КТК самостоятельным археологическим явлением, а также закрепление двух терминологических традиций и начало системного изучения «текстильной» керамики как этнокультурного маркера.

В послевоенный период интерес к проблемам культуры «текстильной» керамики возрастает. В 1950-е гг. разворачиваются бурные дискуссии вокруг технологии происхождения отпечатков и хронологии. Н.В. Трубникова предполагала возможным нанесение текстильных отпечатков на сосуды с помощью камней с неровной, так называемой «рваной», поверхностью (Трубникова, 1952). Предположение

Н.В. Трубниковой подтверждает также и то, что на дьяковских городищах часто фиксируют такие камни. М.Е. Фосс видела истоки техники в традициях поздней ямочно-гребенчатой керамики (Фосс, 1947), а В.П. Третьяков, напротив, отрицал такую связь из-за хронологического разрыва и указывал на вероятные балтийские истоки (Третьяков, 1975). Большинство исследователей склоняются к мнению, что отпечатки связаны с распространением своеобразных технологических приемов изготовления глиняной посуды с целью уплотнения глиняной массы путем выбивания колотушкой, обернутой тканью (Семенов, 1955; Фоломеев, 1975), кожей, зубчатым штампом или благодаря использованию тканевых и кожаных форм-емкостей для создания сосудов. Однако вопрос о процессе нанесения орнамента остается открытым.

Таким образом, послевоенный период характеризуется переходом от общих культурно-исторических построений к углублённому технологическому и типологическому анализу самого керамического материала, что заложило фундамент для последующего комплексного изучения КТК.

С конца 1980-х гг. в изучении КТК наметился качественный сдвиг, связанный с постепенным внедрением методов естественных наук и междисциплинарного подхода. Развитие радиоуглеродного датирования позволило уточнить хронологию. Полученные датировки, например для поселения Нармус в Среднем и Верхнем Поволжье, памятника Шагара V на Средней Оке, свидетельствуют о быстром распространении «текстильных» традиций в конце II – начале I тыс. до н. э. (Патрушев, Лавенто, 2015).

Значительный вклад в систематизацию знаний о КТК внес В.С. Патрушев, работы которого стали своеобразным «мостом» между предыдущим и ныне описываемым этапами. В частности, он выделил комплекс признаков «текстильной» керамики: горшковидные формы с валикообразным венчиком, сплошное покрытие поверхности ниточными или рябчатыми отпечатками, примесь песка или дресвы, дополнительная орнаментация ямками или оттисками шнура (Патрушев, 2016). Использование статистических методов позволило исследователю разработать детальную классификацию из 34 вариантов отпечатков, которые исследователь подразделил на четыре категории: рябчатые, ниточные, смешанные (ниточно-рябчатые) и смешанные (ниточно-рябчатые) с применением штриховки поверхности сосуда. В результате В.С. Патрушев показал сходство керамики на обширной территории при наличии локальных особенностей.

Важным направлением в современной археологической науке становятся экспериментальные реконструкции технологии нанесения текстильного отпечатка на керамические сосуды. Работы И.Г. Глушкова и Т.Н. Глушковой (Глушков, Глушкова, 2009), Н.Б. Виноградова (Виноградов, Алаева, 2013) и других позволили проверить гипотезы об использовании тканевых чехлов, колотушек, обернутых материалом, или кожаных форм-основ.

Перспективным инструментом в изучении КТК становится применение геоинформационных систем (ГИС) для пространственного анализа памятников, изучения закономерностей расселения и взаимодействия с ландшафтом. Создание специализированных баз данных, включающих описание локальных керамических типов, открывает перспективы для исследования миграций, культурных контактов и эволюции КТК.

Данный период, хотя и ограниченный концом XX в., ознаменовал переход от классической историографии к новой исследовательской парадигме, основанной на комплексных данных. Однако детальное рассмотрение результатов, полученных уже в XXI в., выходит за рамки данной статьи, посвящённой эволюции научной мысли в XX столетии.

На основании проведенного историографического анализа можно утверждать, что изучение культуры «текстильной» керамики в XX в. прошло через четыре последовательных этапа, отражающих эволюцию научной мысли:

1. Конец XIX – начало XX вв. – этап первичного накопления и описания материала, формирования первых хронологических и этнических гипотез в рамках концепции обширной финской общности.

2. 1920–1940-е гг. – период становления ключевых понятий («дьяковская», «городецкая» культуры) и окончательного оформления двух терминологических линий – «текстильной» (школа Б.С. Жукова) и «сетчатой» (школа В.А. Городцова) керамики. Начинается использование керамики как критерия для культурного и племенного размежевания.

3. 1950–1980-е гг. – послевоенный этап углублённого изучения, отмеченный оживлёнными дискуссиями о технологическом происхождении отпечатков и активной систематизацией материала. Фокус смещается с общих исторических построений на детальный анализ самого источника.

4. Конец 1980-х – 1990-е гг. – заключительный этап XX в., ознаменованный началом применения естественно-научных методов (радиоуглеродное датирование, эксперимент, ГИС), что заложило основу для современной междисциплинарной парадигмы.

Эволюция взглядов на КТК демонстрирует движение от её восприятия как частного признака «финских» древностей к пониманию в качестве самостоятельного и сложного археологического феномена эпохи поздней бронзы, требующего для своего изучения специального понятийного аппарата и комплексных методов. Дальнейшее изучение, основанное на достижениях конца XX в., видится в интеграции данных археологии, палеогенетики и палеоэкологии, что позволит перейти к целостной реконструкции роли «текстильной» керамики в этнокультурной истории Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов Н.Б., Алаева И.П. Керамическая коллекция из раскопок укрепленного поселения Устье I // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н.Б. Виноградов. Челябинск: Абрис, 2013. С. 143–178.

Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как археологический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Сургут: РИО СурГПУ, 2009. 190 с.

Городцов В.А. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки в 1897 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XVII / Ред. В.К. Трутовский. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1900. С. 1–37.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда в Киеве (1899) Т. I. / Ред. графиня Уварова, С.С. Слуцкий. М.: Типография Г. Лисснера и А. Гепеля, 1901. С. 567–672.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Болотное Огубское городище // Труды ГИМ. Вып. 1. М.: ГИМ, 1926. С. 105–124.

Городцов В.А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // Труды секции археологии РАНИОН. Т. II. М.: РАНИОН, 1928. С. 5–11.

Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. №1. С. 54–77.

Каменский В.И., Спицын А.А. Раскопки Н.А. Смирнова в Клинском уезде (1902) // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 143–149.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. СПб: в Типографии Александра Семена, 1860. 495 с.

Кузьминых С.В., Азаров Е.С. Сетчатой керамики культура // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М.: БРЭ, 2015. С. 113–114.

Лопатина О.А. Начало изучения культур раннего железного века центральной части Русской равнины в контексте данных о керамике // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 /отв. ред. Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Казань, 2014. С. 67–76.

Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. 1926. № 3 (3). С. 179–296.

Напольских В.В. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 1. Народы степной Евразии в древности / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. Казань: Рухият, 2002. С. 195–203.

Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с.

Патрушев В.С. Археологические памятники с «текстильной» керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 194–224.

Патрушев В.С., Лавенто М. Развитие и хронология текстильной керамики в среднем и Верхнем Поволжье: критический взгляд на условно принятые 14С-даты, АМС-датирование и типологическую хронологию // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 160–188.

Покровский Ф.В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды IX Археологического съезда. Т. II / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. С. 138–196.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды // КСИИМК. Вып. LVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1955. С. 137–144.

Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Труды IX Археологического съезда. Т. II / Под ред. графини Уваровой и С.С. Слуцкого. М. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. С. 256–267.

Спицын А.А. Городища Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1903. Т. V. Вып. 1. С. 111–142.

Спицын А.А. Новые сведения о городищах Дьякова типа // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. 1905. Т. VII, вып.1. С. 83–93.

Спицын А.А. Саратовские древности // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1912. Вып. 28. Прибавление. С. 1–7.

Трубникова Н.В. О технике нанесения узоров на посуду городецких и дьяковских городищ // КСИИМК. Вып. XLVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР,1952. С. 125–129.

Третьяков В.П. Соотношение поздняковских памятников и культуры сетчатой керамики // КСИИМК. Вып. 142 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1975. С. 62–67.

Успенский П. С., Чаукин С.Н. Ареал городищ дьякова типа // КСИА. 2016. № 242. С. 71–80.

Фоломеев Б.А. Тюков городок // СА. 1975. № 1. С. 154–170.

Фосс М.Е. Новые памятники в районе галичской культуры (Раскопки Галичской экспедиции 1945 г.) // КСИИМК. Вып. XVII / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 63–69.

Ailio J. Fragen der russischen Steinzeit // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgeselschaft. T. XXIX:1. Helsingfors, 1922. 110 p.

Äyräpää A. Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolitischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki, 1933. 159 p.

Kalevi W. Who are the Finns? Helsinki: SKY Journal of Linguistics, vol. 19. 2006. P. 97–108.

Koivulehto J. Who Are the Finns? Indogermanisch - Uralisch: Lehnbeziehungen oder (auch) Urverwandschaft // Bopp-Symposium 1992 der Humboldt - Universität zu Berlin Akten der Konf. vom 24.3.- 26.3.1992 aus Anlaβ von Franz Bopps zweihundertjährigem Geburtstag am 14. 9. 1991 / Hrsg. von Reinhard Sternemann. Heidelberg: Winter, 1994. IX. 313 p.

Koivulehto J. Frühe Kontakte zwischen Uralisch und Indogermanisch im nordwestindogermanischen Raum / Languages in Prehistoric Europe / A. Bammesberger; T. Vennemann (eds.). Heidelberg: Winter, 2003. P. 279–316.

Pälsi S. Tekstiilikeremiikka // Suomen Museo. 1916. P. 66–72.

Parpola A. Finnish vatsa – Sanskrit vatsá – and the formation of Indo-Iranian and Uralic languages// Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2017. №96. P. 245–278.

Информация об авторах:

Калашников Марк Глебович, магистрант 2 года обучения, Института международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет; техник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); marckalashnikov@yandex.ru

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

REFERENCES

Vinogradov, N. B., Alaeva, I. P. 2013. In Vinogradov, N. B. (ed.). *Drevnee Ust'e: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e (Ancient Ustye: Fortified Settlement of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals).* Chelyabinsk: “Abris” Publ., 143–178 (in Russian).

Glushkov, I. G., Glushkova, T. N. 2009. *Tekstilnaia keramika kak arkheologicheskii istochnik (po materialam bronzovogo veka Zapadnoi Sibiri) (Textile ceramics as an archaeological source (based on materials from the Bronze Age of Western Siberia)).* Surgut: Surgut State Pedagogical University (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1900. In Trutovsky, V. K. (ed.). *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society*) XVII. Moscow: "Tipografiia G. Lissnera i A. Geshelia" Publ., 1–37 (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1901. In countess Uvarova, Slutsky, S. S. (ed.). *Trudy XI arkheologicheskogo s"ezda v Kieve (Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kiev)* I. Moscow: "Tipografiya G. Lissnera i A. Gepelya" Publ., 567–672 (in Russian).

Gorodtsov, V. A. 1910. *Bytovaia arkheologiia. Kurs lektsii, chitannykh v Moskovskom Arkheologicheskom Institute (Household Archaeology. Course of Lectures Read at the Moscow Archaeological Institute*). Moscow: A.I. Snegireva Publ. (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1926. In *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 1. Moscow: State Historical Museum, 105–124 (in Russian).

Gorotsov, V. A. 1928. In *Trudy sektsii arkheologii Instituta arkheologii i iskusstvoznaniia RANION (Proceedings of the Department for Archaeology of the Archaeology Institute and Art Studies of the Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences)* vol. II. Moscow: Russian Association of Institutes for Research in Social Sciences, 5–11 (in Russian).

Zhukov, B. S. 1929. In *Etnografiia (Ethnography)* (1), 54–77 (in Russian).

Kamenskyi, V. I., Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Transactions of the Russian Archaeological Society s of the Department of Russian and Slavic Archaeology)* vol V, issue 1, 143–149 (in Russian).

Kastren, M. A. 1860. *Puteshestvie po Laplandii, Severnoi Rossii i Sibiri v 1838–1844, 1845–1849 gg. (A journey through Lapland, Northern Russia and Siberia in 1838-1844, 1845–1849).* Saint Petersburg: "Tipografiia Aleksandra Semena' Publ. (in Russian).

Kuz'minykh, S. V., Azarov, E. S. 2015. In *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia (Great Russian Encyclopedia*). Vol. 30. Moscow: "Great Russian Encyclopedia" Publ., 113–114 (in Russian).

Lopatina, O. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 67–76 (in Russian).

Lyavdansky, A. N. 1926. In *Nauchnye izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific proceedings of Smolensk State University)* 3 (3), 179–296 (in Russian).

Napol'skikh, V. V. 2009. In Kliashtornyi, S. G. (ed.). *Istoriia tatar (History of the Tatars)* 1. Kazan: "Rukhiiat" Publ., 195–203 (in Russian).

Patrushev, V. S. 1992. *Finno-ugry Rossii (The Finno-Ugric Peoples of Russia).* Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S. 2016. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 194–224 (in Russian).

Patrushev, V. S., Lavento, M. 2015. In *Povolzhskaya arheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 160–188 (in Russian).

Pokrovskyi, F. V. 1897. In Uvarova, P. S., Slutskyi, S. S. (eds.). *Trudy IX arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the Ninth Archaeological Congress).* II. Moscow: "Tip. E. Lessnera i Yu. Romana" Publ., 138–196 (in Russian).

Semenov, S. A. 1955. In Udal'tsov, A. D. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* LVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 137–144 (in Russian).

Sizov, V. I. 1897. In Uvarova, P. S., Slutskyi, S. S. (eds.). *Trudy IX arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the Ninth Archaeological Congress).* II. Moscow: "Tip. E. Lessnera i Yu. Romana" Publ., 256−267 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1903. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Transactions of the Russian Archaeological Society of the Department of Russian and Slavic Archaeology)* vol. V, issue 1, 111–142 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1905. In *Zapiski Otdeleniia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (Transactions of the Russian Archaeological Society of the Department of Russian and Slavic Archaeology)* vol. VII, issue 1, 83–93 (in Russian).

Spitsyn, A. A. 1912. In *Trudy Saratovskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Proceedings of Saratov Scientific Archive Commission)* 28, appendix, 1–7 (in Russian).

Trubnikova, N. V. 1952. In Udal'tsov, A. D. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XLVII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 125–129 (in Russian).

Tret'yakov, V. P. 1975. In Kruglikova, I. T. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 142. Moscow: "Nauka" Publ., 62–67 (in Russian).

Uspenskyi, P. S., Chaukin, S. N. 2016. In *Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii (Brief communications of Institute of Archaeology)* 242, 71–80 (in Russian).

Folomeev, B. A. 1975. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 154–170 (in Russian).

Foss, M. E. 1947. In Udal'tsov, A. D. (ed.) *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XVII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 63–69 (in Russian).

Ailio, J. 1922. In *Zeitschrift der Finnischen Altertumsgeselschaft* vol. XXIX: 1. Helsingfors.

Äyräpää, A. 1933. *Über die Streitaxtkulturen in Rußland. Studien über die Verbreitung neolitischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten*. Series: Eurasia Septentrionalis Antiqua VIII. Helsinki.

Kalevi, W. 2006. In *SKY Journal of Linguistics* (19), 97–108.

Koivulehto, J. 1994. In *Bopp-Symposium 1992 der Humboldt - Universität zu Berlin Akten der Konf. vom 24.3.- 26.3.1992 aus Anlaß von Franz Bopps zweihundertjährigem Geburtstag am 14. 9. 1991* / Hrsg. von Reinhard Sternemann. Heidelberg: Winter, IX, 313c.

Koivulehto J. 2003. In Bammesberger, A., Vennemann, T. (eds.), *Languages in Prehistoric Europe.Frühe Kontakte zwischen Uralisch und Indogermanisch im nordwestindogermanischen Raum*. Heidelberg: Winter, 279–316.

Pälsi, S. 1916. In *Suomen Museo*, 66–72.

Parpola, A. 2017. In Journal de la Société Finno-Ougrienne (96), 245–278.

About the Author:s

Kalashnikov Mark G., Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; marckalashnikov@yandex.ru

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Статья поступила в журнал 15.10.2025 г.
Статья принята к публикации 03.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 572 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.52.66

ОДОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОСИТЕЛЕЙ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ II-IV ВВ. Н.Э. С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ[1]

©2026 г. А.Ж. Машкова, Н.А. Лейбова

В статье приводятся новые данные по одонтологии представителей (36 индивидов) сарматской археологической культуры (II-IV вв. н.э.) с территории Нижнего Поволжья. Для статистического анализа были привлечены сравнительные серии бронзового и раннего железного веков. В результате было выявлено, что в исследуемой серии преобладают признаки западного одонтологического ствола. Полученные данные демонстрируют сходство со скифами (VI-IV вв. до н.э.) и «черняховцами» (II-IV вв. н.э.) Северного Причерноморья и культурами Южной Сибири раннего железного века. В сравнении с группами бронзового века наибольшая близость прослеживается со среднеазиатскими культурами.

Ключевые слова: археология, одонтология, позднесарматская археологическая культура, ранний железный век, Нижнее Поволжье.

ODONTOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE SARMATIAN CULTURE BEARERS OF 2ND-4TH CENTURIES A.D. FROM THE LOWER VOLGA REGION[2]

A.Zh. Mashkova, N.A. Leibova

The paper introduces new information about the odontological characteristics of the representatives (36 individuals) of the Sarmatian archaeological culture (2nd-4th centuries AD) from the territory of the Lower Volga region. Comparative series of the Bronze and Early Iron Ages were incorporated into the statistical analysis. As a result, it was revealed that the features characteristic of the Western odontological branch were predominant in the series. The data obtained show similarities with the Scythian (6th-14th centuries BC) and Chernyakhov (2nd-4th centuries AD) cultures of the Northern Black Sea region, as well as with the cultures of Southern Siberia of the Early Iron Age. In comparison with the Bronze Age groups, the strongest affinity with the Central Asian cultures is observed.

Keywords: archaeology, odontology, Late Sarmatian archaeological culture, Early Iron Age, Lower Volga region.

Введение. Позднесарматская археологическая культура была выделена на материалах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, для нее характерны подкурганные захоронения, в прямоугольных ямах или узких подбоях, в основном с северной ориентировкой погребенных и искусственной деформацией черепов (Малашев, 2009, с. 47). Хронологические границы определяются серединой II–IV вв. н.э.

В изучении ранних кочевников Нижнего Поволжья можно выделить ряд проблем, которые на сегодняшний день являются дискуссионными в археологической науке.

Проблема периодизации. Комплексы позднесарматской культуры были выделены П.Д. Рау как Stufe B и датированы III–IV вв. (Rau, 1927). К.Ф. Смирнов на основании сравнительного материала из сарматских погребений Нижнего Поволжья и Южного Приуралья впервые выделил этапы сарматской культуры и уточнил хронологические границы (Смирнов, 1947, с. 75–78, 82). К.Ф. Смирнов датировал позднесарматский этап II–IV вв. н.э. А.С. Скрипкин предложил считать моментом полного оформления позднесарматского археологического комплекса середину II в. н.э. (Скрипкин, 1984, с. 101–102). М.В. Кривоше-

[1] Исследование выполнено по проекту РНФ 25-28-01350 «Фенетическая дифференциация населения степей и лесостепей Северной Евразии раннего железного века в контексте популяционной истории»

[2] The study was carried out as a part of the RSF project 25-28-01350 “Phenetic differentiation of the population of steppes and forest-steppes of Northern Eurasia of the Early Iron Age in the context of population history”

евым была предложена периодизация позднесарматской культуры в пределах южной части Волго-Донского междуречья. Верхняя граница (II в. н.э.) была откорректирована С.И. Безугловым и С.Ю. Внуковым. В.Ю. Малашев ограничил финал позднесарматской культуры IV в. н.э. без последней четверти данного столетия (Малашев, Кривошеев, 2022, с. 20–21).

*Проблема происхождения***.** Первым исследователем попытавшимся определить этническую принадлежность памятников позднесарматской культуры был П.С. Рыков. По его мнению, исходными районами продвижения данной культуры были Северный Кавказ и Кубань (Рыков, 1925, с. 25).

П.Д. Рау, опираясь на работы П.С. Рыкова, связывал позднесарматскую культуру с аланами (Rau, 1927). Данную точку зрения поддержал Б.Н. Граков, но полагал, что она развилась на основе среднесарматской культуры. К.Ф. Смирнов носителей позднесарматской культуры также связывал с аланами. Но позже подчеркивал, что позднесарматская культура генетически связана со среднесарматской (Смирнов; 1950, с. 112–114).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что исходной территорией миграции населения были отдельные районы Средней Азии. В пользу среднеазиатского региона свидетельствует и распространение обычая искусственной деформации головы с V–III вв. до н.э. Полной смены населения в Волго-Уральском регионе не произошло, отдельные элементы среднесарматской культуры продолжают существовать и в последующее время (Малашев, Мошкова 2010; Скрипкин, 2017).

Исследование памятников сарматского периода представляет определенные трудности и в антропологическом аспекте. Это обусловлено сложностью антропологического состава предшествующего населения VI в. до н.э. – II в. н.э., нехваткой сравнительных одонтологических данных II–IV вв. н.э. из сопредельных культур, а также ограниченностью доступных для исследования сарматских серий. Привлечение антропологических данных позволит дополнить историческую картину, созданную на основе анализа археологического источника. Без их учета зачастую сложно установить причины изменений культурных традиций на конкретной территории: были ли они следствием эволюции местного населения или же вызваны появлением новых групп.

Краниологические исследования сарматских погребений II–IV вв. н. э. показывают, что основной расовый тип сарматов был европеоидным, но к позднесарматскому этапу происходит сдвиг в сторону монголоидности. В.В. Гинзбург и Б.В. Фирштейн зафиксировали изменение формы черепа от мезобрахикрании к долихокрании и распространение искусственной деформации связывали с процессами миграции с Востока (Гинзбург, 1959; Тот, Фирштейн, 1970). Схожие выводы в исследовании М.А. Балабановой позволили ей выдвинуть гипотезу южно-сибирского или центрально-азиатского происхождения ранних кочевников этого периода (Балабанова, 2013). Л.Т. Яблонский выделил три морфологических компонента: 1. мужские и женские черепа с искусственной деформацией, сходные с раннесарматской серией; 2. преимущественно мужские черепа с выраженной деформацией, имеющие параллели в Средней Азии, данное сходство отмечает и Е.П. Китов (Китов, 2014); 3. слабо деформированные черепа, находящие аналогии на территории Закавказья (Малашев, Яблонский, 2008). К аналогичным выводам пришел Д.В. Пежемский, изучая остеологический материал из КМ Покровка 10. Он сделал предположение о существовании тесной взаимосвязи данной группы с синхронными популяциями Нижнего Поволжья, и кочевниками Восточного Приаралья (Пежемский, 2008).

Исследование Н.А. Багдасаровой КМ Казыбаба на плато Устюрт позднесарматского времени продемонстрировало преобладание черт западного одонтологического ствола. Проведенное автором сопоставление современных и древних серий выявило сходство с носителями южного грацильного типа и с населением Приуралья (Багдасарова, 2000). Одонтологический анализ серии из КМ Покровка 10, проведенный Н.А. Лейбовой (Суворовой) показал, что носители позднесармтаской культуры характеризуются повышением частот признаков восточного одонтологического ствола. Это позволило автору предположить, что в генезисе поздних сармат могли принять участие группы морфологически близкие к носителям тагарской культуры Минусинской котловины (Лейбова, 2008).

Таким образом, хотя результаты изучения краниометрии, одонтологии и остеометрии позднесарматского населения Нижнего

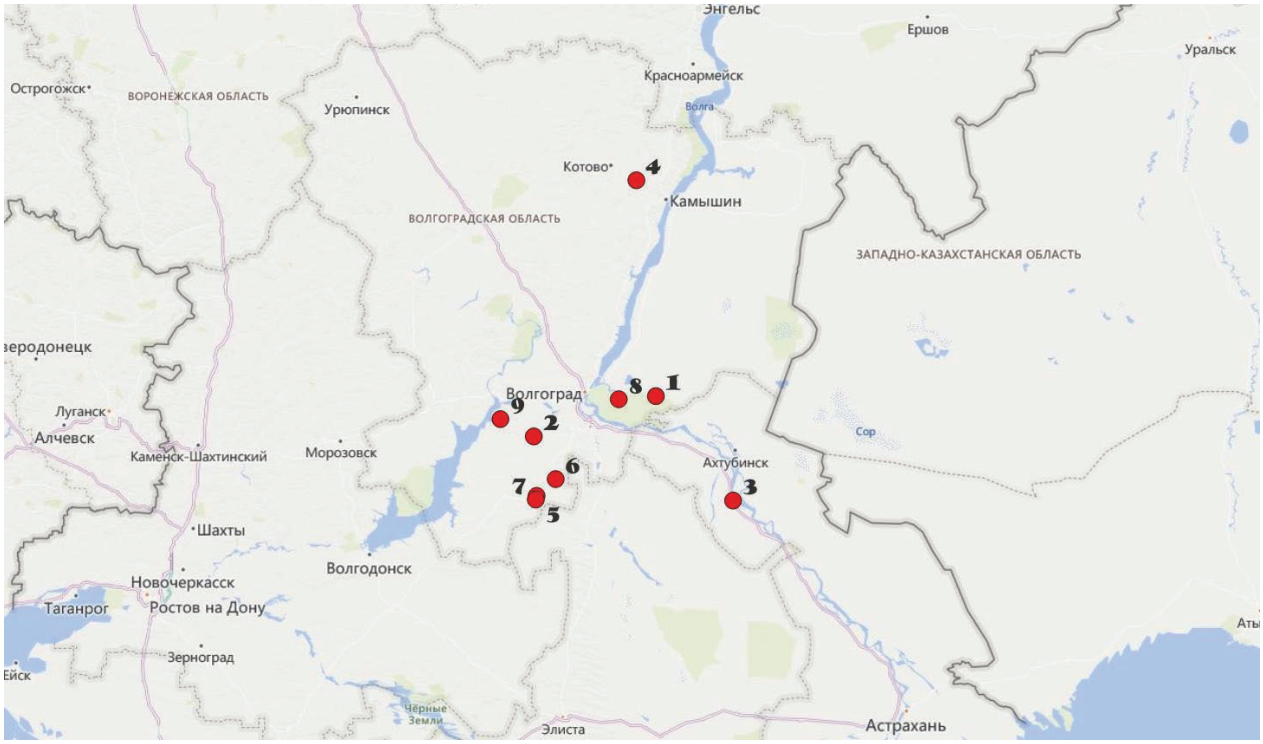


Рис. 1. Расположение изученных памятников позднесарматской культуры:
1 – Маляевка I; 2 – Степаневка; 3 – Соленое Займище III; 4 – Авилово II; 5 – Аксай I, II, IV, V; 6 – Абганерево II; 7 – Перегрузное; 8 – Первомайский VII; 9 – Вербовский I.
Fig. 1. Location of the studied sites of Late Sarmatian culture:
1 – Malyaevka I; 2 – Stepanevka; 3 – Solyonoye Zaymishche III; 4 – Avilovo II; 5 – Aksay I, II, IV, V; 6 – Abganerevo II; 7 – Peregruznoye; 8 – Pervomaysky VII; 9 – Verbovsky I.

Поволжья в целом согласуются с гипотезой археологов о взаимодействии пришлых и местных групп, многие детали этого процесса остаются неизвестными, в том числе, по причине недостаточности материала.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот новых одонтологических данных, характеризующих носителей позднесарматской археологической культуры с территории Нижнего Поволжья, выявление возможных истоков их формирования и определение круга связей с населением раннего железного и бронзового веков.

Объекты и методика исследования

В фондах лаборатории археологических исследований ВолГУ Н.А. Лейбовой были изучены по одонтологической программе принятой в отечественной одонтологии материалы из следующих могильников: Степаневка (2), Соленое Займище III (1), Авилово II (7), Аксай – I/II/IV/V (10), Абганерево II (9), Перегрузное (2), Первомайский VII (1), Вербовский I (1), Маляевка I (3) (рис. 1) (Балабанова, 2013). Они относятся к позднесарматскому этапу (II–IV вв. н.э). Суммарная выборка представлена 36 индивидами.

Программа исследования включала регистрацию 25 одонтоскопических и одонтоглифических признаков. В работе обсуждаются ключевые одонтологические фены, по которым имеются сравнительные данные в литературе: бугорок Карабелли на первом верхнем моляре (Cara UM1 (2–5)), редукция гипоконуса на втором верхнем моляре (Hy UM2 (3, 3+)), число бугорков на нижних молярах (LM1(6), LM1(4), LM2(4)), дистальный гребень тригонида (dtc) и коленчатая складка метаконида (dw), затеки эмали на верхних (enamel ext. UM2) и нижних молярах (enamel ext. *LM2*). Оценка признаков и дальнейший их анализ производились в соответствии с методикой и методологией, содержащейся в трудах А.А. Зубова (Зубов, 1968, 1979; Зубов, Халдеева, 1993).

Для межгруппового анализа привлекаются серии эпохи бронзы и раннего железного века с территории Западной, Южной и Восточной Сибири, Южного Приуралья, Приаралья, Центрального и Западного Казахстана.

Визуализация комбинативной изменчивости признаков в сериях позднесарматской культуры производилась с помощью круговых полигонов, которые строились по 8 одонтологическим признакам. Центр окружности соответствует минимальному значению каждого признака, величина радиуса — мировому межгрупповому размаху изменчивости частот, принятому за 100%. Значения лимитов для каждого признака брались из обобщающих мировых сводок и корректировались в случае выхода минимальных или максимальных значений в изучаемых сериях за их пределы (Зубов, Халдеева, 1993; Scott, Turner II, 1997). Построение круговых полигонов выполнялось в программе GROUP COMPARISON, предназначенной для обработки одонтологических данных (автор – О.М. Лейбова).

Межгрупповая вариабельность 6 одонтологических признаков в группах эпохи бронзы и раннего железного века была исследована с применением анализа соответствий (*Correspondence analysis*, пакет программ Statistica 12.0). Определение «биодистанций» производилось посредством средней меры расхождения С. Смита (C.A.B. Smith's mean measure of divergence – MMD). Расстояния MMD были рассчитаны с использованием пакета AnthropMMD для программной среды R (Santos, 2018).

Результаты и обсуждение.

Признаки восточного комплекса, такие как лопатообразная форма верхних резцов, коленчатая складка метаконида, дистальный гребень тригонида на первых нижних молярах в изученной серии не наблюдаются, отмечено незначительное повышение частоты шестибугорковых нижних моляров (4,3%) и присутствие межкорневых затеков эмали на верхних – 33,3 % и нижних молярах – 42,1 % (табл. 1).

Характерные признаки западного одонтологического ствола включают в себя бугорок Карабелли на первых верхних молярах, четырехбугорковые первые и вторые нижние моляры. В анализируемой позднесарматской группе отмечена высокая частота бугорка Карабелли (50,0%) четырехбугоркового первого нижнего моляра (21,7%) и четырехбугоркового второго нижнего моляра (100%).

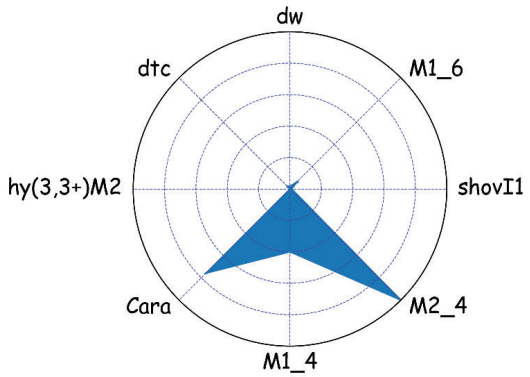
Таким образом, мы можем отнести исследованную серию к кругу грацильных европеоидных одонтотипов с небольшим участием восточных компонентов.

Таблица. 1. Одонтологическая характеристика серии позднесарматского времени с территории Нижнего Поволжья
Table. 1. Odontological characteristics of the Late Sarmatian series from the Lower Volga region

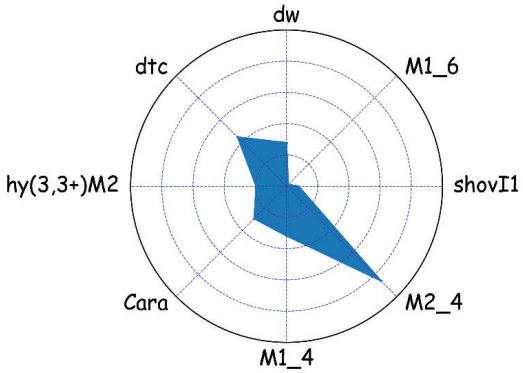
	Сборная серия % (n/N)
cr UI2	0,0 (0/23)
dia	4,5 (1/22)
shovel UI1 (2+3)	0,0 (0/7)
shovel UI2 (2+3)	0,0 (0/3)
red UI2	0,0 (0/4)
c-r groove UI2	0,0 (0/1)
dar UC	0,0 (0/0)
hy UM2 (3, 3+)	5,6 (1/18)
hy UM3 (3, 3+)	28,6 (2/7)
Cara UM1 (2–5)	50,0 (5/10)
LM1(4)	21,7 (5/23)
LM1(6)	4,3 (1/23)
LM2(4)	100,0 (22/22)
LM2(6)	0,0 (0/22)
protostylid LM1	0,0 (0/8)
protostylid LM1 (p)	25,0 (2/8)
tami LM1	4,8 (1/21)
dtc LM1	0,0 (0/9)
dw LM1	0,0 (0/9)
eext UM2	33,3 (6/12)
eext LM2	42,1 (8/19)

С целью визуализации одонтологических комплексов, выявленных в группах позднесарматского времени, были построены круговые полигоны (рис. 2). Мы видим, что группа поздних сармат с территории Нижнего Поволжья демонстрирует более выраженный западный одонтологический комплекс, тогда как восточный комплекс наиболее ярко проявлен в памятнике Казыбаба по признаку дистального гребня тригонида. Все группы сближаются друг с другом по частотам четырехбугорковых форм второго нижнего моляра.

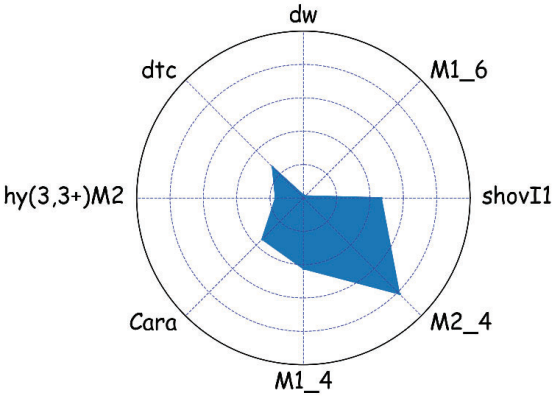
Получив представление об одонтологическом комплексе популяций поздних сармат, мы попытались выявить их место среди других групп раннего железного века с территории Северной Евразии. Для оценки межгрупповой вариабельности признаков в выбранных сериях использовался анализ соответствий по шести одонтологическим фенам, по каждому из которых имелось не меньше девяти наблю-



1



2



3

Рис. 2. Круговые полигоны серий позднесарматского времени: 1 – Нижнее Поволжье; 2 – Казыбаба; 3 – Покровка 10.

Fig. 2. Circular testing of the series of the Late Sarmatian period: 1 – Nizhnee Povolzhye; 2 – Kazybaba; 3 – Pokrovka 10.

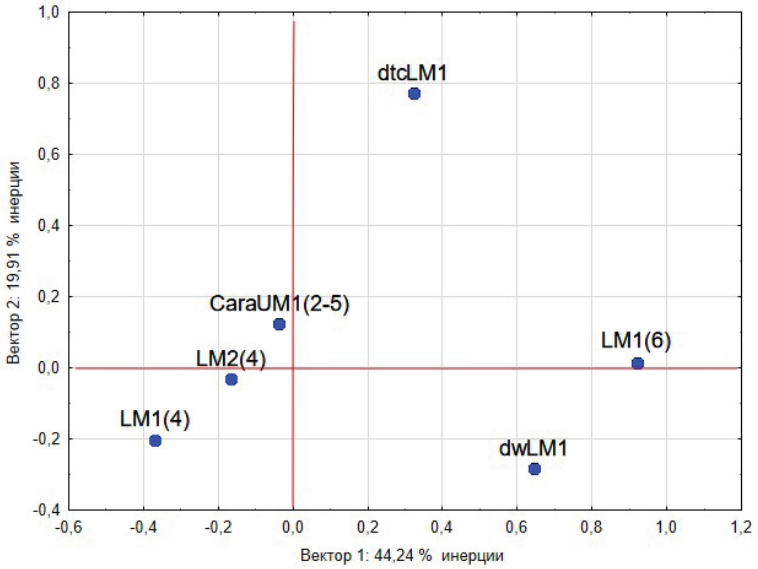


Рис. 3. Результаты анализа соответствий: положение одонтологических признаков в пространстве I и II векторов (серии раннего железного века).

Fig. 3. The results of the correspondence analysis: the position of odontological features in the space of dimensions I and II (Early Iron Age series).

дений. В большинстве групп число наблюдений по такому признаку как форма верхних медиальных резцов ниже указанного порога, поэтому мы вынуждены были исключить его из анализа. Редукция гипоконуса вторых верхних моляров также не рассматривалась, ввиду отсутствия в публикациях данных для некоторых групп.

Вектор I, с которым связано 44,24 % общей вариабельности, четко дифференцирует группы в зависимости от выраженности черт восточного и западного одонтологических стволов. По II-му вектору (19,91% инерции) противопоставляются группы с чертами северного грацильного комплекса (LM1(4), dw) и группы с повышенными частотами дистального гребня тригонида, который ассоциируется с южным и восточным влиянием (рис. 3).

Размах изменчивости одонтологических комплексов по первому вектору задают серии с территории Южной Сибири, которая наибо-

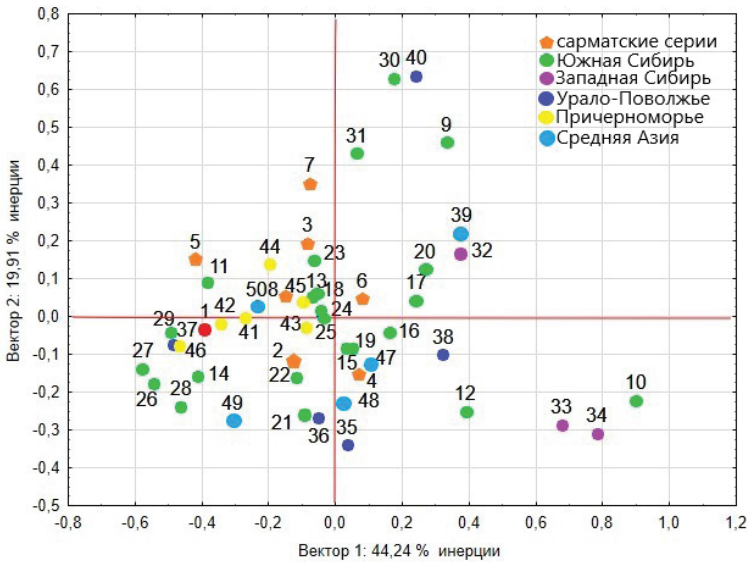


Рис. 4. Положение изученной серии на фоне групп раннего железного века по результатам анализа соответствий: 1 – позднесарматская (Нижнее Поволжье); 2 – Казыбаба (савроматская); 3 – Казыбаба (позднесарматская); 4 – Покровка 10 (раннесарматская); 5 – Покровка 10 (позднесарматская); 6 – Лебедевка; 7 – Новый Кумак; 8 – Усть-Каменка; 9 – Тагарская (Назаровск. котл.); 10 – Казановская-I; 11 – Смирновка-4; 12 – Пазырыкская (Ниж. Катунь); 13 – Пазырыкская (Сред. Катунь); 14 – Пазырыкская (Ханкаринский дол); 15 – Фирсово 14; 16 – Обские плесы; 17 – Айрыдаш I; 18 – Бош-Туу I; 19 – Булан-Кобы 4; 20 – Рогозиха; 21 – Объездное 1; 22 – Камень 2; 23 – Кирилловка 3; 24 – Новотроицкое 1,2; 25 – Масляха I; 26 – Пазырыкская (р. Уландрык); 27 – Пазырыкская (р. Юстыд); 28 – Пазырыкская (пл. Укок); 29 – Пазырыкская (рр. Чуя и др.); 30 – Копто; 31 – Догээ-Баары II; 32 – Быстровка 3; 33 – Быстровка 2; 34 – Большереченская (Новосиб. Приобье); 35 – Гороховская (Притоболье); 36 – Саргатская (Притоболье); 37 – Саргатская (Приишимье); 38 – Саргатская (Приртышье); 39 – Алтынасар 4; 40 – Луговской; 41 – Медвинский; 42 – Светловодский; 43 – Николаевско-Казацкий; 44 – Скифская (СЗ Причерноморье); 45 – Николаевский; 46 – Черняховская (Молдавия); 47 – Сакская (Семиречье); 48 – Сакская (Притяньшанье); 49 – Тасмолинская (Цент. Казахстан); 50 – Узбойская (СЗ Туркменистан).

Fig. 4. The position of the studied series against the background of the groups of the Early Iron Age according to correspondence analysis results. 1 – Late Sarmatian (Lower Volga); 2 – Kazybaba (Savromatian); 3 – Kazybaba (Late Sarmatian); 4 – Pokrovka 10 (Early Sarmatian); 5 – Pokrovka 10 (Late Sarmatian); 6 – Lebedevka; 7 – Novy Kumak; 8 – Ust-Kamenka; 9 – Tagar (Nazarovo Basin); 10 – Kazanovskaya I; 11 – Smirnovka-4; 12 – Pazyryk (Lower Katun); 13 – Pazyryk (Middle Katun); 14 – Pazyryk (Khankharinsky Valley); 15 – Firsovo 14; 16 – Obskie Plesy; 17 – Ayrdash I; 18 – Bosh-Tuu I; 19 – Bulan-Koby 4; 20 – Rogozikha; 21 – Obyezdnoe 1; 22 – Kamen 2; 23 – Kirillovka 3; 24 – Novotroitskoe 1, 2; 25 – Maslyakha I; 26 – Pazyryk (r. Ulandryk); 27 – Pazyryk (Justyd River); 28 – Pazyryk (Ukok Plateau); 29 – Pazyryk (Chuya River, etc.); 30 – Kopto; 31 – Dogee-Baary II; 32 – Bystrovka 3; 33 – Bystrovka 2; 34 – Bolsherechenskaya (Novosibirsk Ob region); 35 – Gorokhov (Tobol region); 36 – Sargat (Tobol region); 37 – Sargat (Ishim region); 38 – Sargat (Irtysh region); 39 – Altynasar 4; 40 – Lugovskoy; 41 – Medvinsky; 42 – Svetlovodsky; 43 – Nikolaevsko-Kazatsky; 44. Scythian (Northwestern Black Sea region); 45 – Nikolaevsky; 46 – Chernyakhov (Moldova); 47 – Saka (Semirechye); 48 – Saka (Tian Shan region); 49 – Tasmola (Central Kazakhstan); 50 – Uzboy (Northwestern Turkmenistan).

*Примечание. * Источник данных: 2-3 (Багдасарова, 2000); 4-5; 12-14; 17-19 (Лейбова (Суворова), 2008; 2022; 2019); 6-8 (Сегеда, 2006); 9,11 (Ковзунова, 2023); 10; 32-34 (Кишкурно, 2021; 2023); 15-16; 20-25 (Лейбова, Тур, 2020); 26-31 (Чикишева, 2012); 35-38 (Слепцова, 2020; 2021); 39 (Рыкушина, 1993); 40, 46 (Гравере, 1987); 41-45 (Сегеда, 2006); 47-48 (Китов и др., 2019); 49 (Бейсенов и др., 2019); 50 (Аксянова, Гельдыева, 2002).*

*Notes. * Sources: 2–3 (Bagdasarova, 2000); 4–5; 12–14; 17–19 (Leibova (Suvorova), 2008; 2022; 2019); 6–8 (Segeda, 2006); 9, 11 (Kovzunova, 2023); 10 (Kishkurno, 2021); 15–16; 20–25 (Leibova, Tur, 2020); 26–31 (Chikisheva, 2012); 35–38 (Sleptsova, 2020; 2021); 39 (Rykushina, 1993); 40, 46 (Gravere, 1987); 41–45 (Segeda, 2006); 47–48 (Kitov et al., 2019); 49 (Beisenov et al., 2019); 50 (Aksyanova, Geldyeva, 2002).*

лее полно изучена в одонтологическом отношении – группы этого региона составляют половину от общего числа анализируемых. Сарматские серии на графике не образуют сколько-нибудь компактного скопления, все они достаточно удалены друг от друга. Изученные нами поздние сарматы Нижнего Поволжья оказались на границе области, образованной «пазырыкцами», преимущественно южного ареала распространения этой культуры (Чикишева, 2012) и серией тагарской культуры (тесинский этап), с одной стороны, и сериями с территории Причерноморья и Молдавии (ранними скифами и «черняховцами») – с другой. Близка к поздним сарматам оказалась и группа саргатской культуры с территории Приишимья (рис. 4). Для всех этих групп характерно снижение концентрации восточных фенов вплоть до полного их отсутствия (Чикишева, 2012; Слепцова, 2020; Сегеда, 2006; Аксянова, 2002). Полученная картина отражает сложные «горизонтальные»

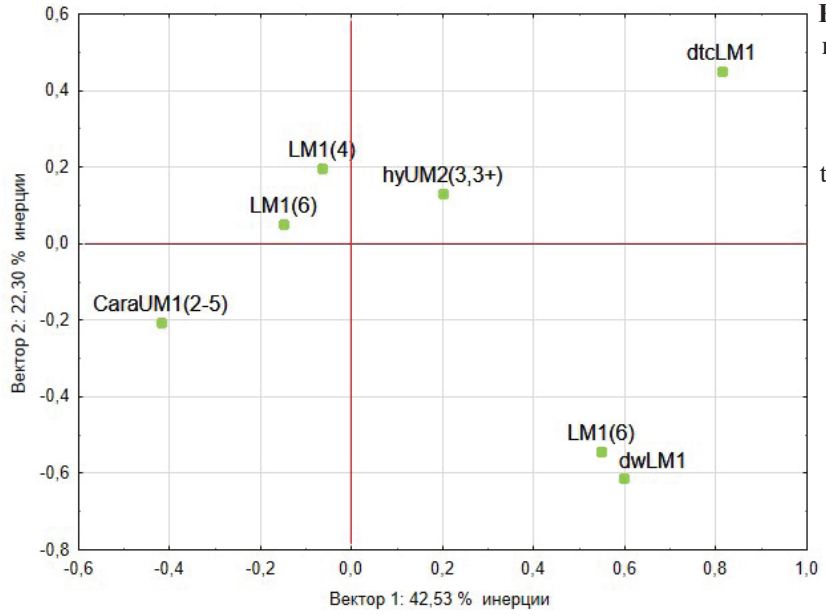


Рис. 5. Результаты анализа соответствий: положение одонтологических признаков в пространстве I и II векторов (серии бронзового века).

Fig. 5. Correspondence analysis results: the position of odontological features in the space of dimensions I and II (Bronze Age series).

(территориальные) и «вертикальные» (хронологические) связи населения раннего железного века преимущественно степного пояса и примыкающей к нему лесостепи.

Показательно, что из сарматских серий относительную близость к рассматриваемой нами серии демонстрирует только выборка позднесарматского времени из могильника Покровка 10 с территории Южного Приуралья. Судя по графику, участие раннесарматских групп в сложении одонтологического комплекса поздних сармат читается лишь опосредованно через значительное сходство с морфокомплексом саргатской серии Приишимья (III в. до н.э. – III в.н.э.). По мнению А.В. Слепцовой, для саргатского населения из Притоболья, Приишимья и Прииртышья основным стал именно компонент, привнесенный савроматами и сарматами Южного Приуралья (Слепцова, 2020).

В целях уточнения генезиса одонтологических особенностей населения позднесарматской культуры, исследованная серия была сопоставлена с группами эпохи бронзы Северной Евразии по семи одонтологическим фенам с помощью анализа соответствий.

По первому вектору (42,53% инерции) вклад признаков в общую изменчивость анализируемых групп оказался очень близок картине, полученной для раннего железного века: в отрицательном поле расположены признаки, традиционно трактуемые как «западные», а в положительном – относящиеся к восточному одонтологическому стволу. Второй вектор (22,30% инерции) отображает грацилизацию верхних и нижних моляров в сочетании с высокой частотой дистального гребня тригонида (рис. 5).

На фоне групп эпохи бронзы Северной Евразии поздние сарматы Нижнего Поволжья заняли периферийное положение, демонстрируя максимальную выраженность черт западного одонтологического ствола в его грацилизированном варианте (рис. 6). Достаточно близко к ним оказались представители культур крашеной керамики – с территории Туркмении и трипольской, а также балановской культуры Восточно-Европейской равнины. По данным краниологии, носители трипольской культуры (IV – сер. III тыс. до н.э.) относились к южным европеоидам, представителям западного варианта древнесредземноморского типа (Сегеда, 2006). Выявление средиземноморского компонента прослеживается и в культуре крашеной керамики Туркменистана (Кондукторова, 1973). Сходство этих групп согласно данным одонтологии неоднократно отмечалась исследователями (Гравере, 2002; Карапетян и др., 2020). Эта близость указывает нам на истоки грацильного комплекса, характерного для большинства сарматских групп (Гравере, 2002), в том числе для поздних сармат Нижнего Поволжья.

С помощью вычисления таксономических расстояний Смита (Smith's Mean Measure Divergence – MMD) мы попытались проверить выводы, полученные в ходе проведения анализа соответствий, имеющего разведоч-

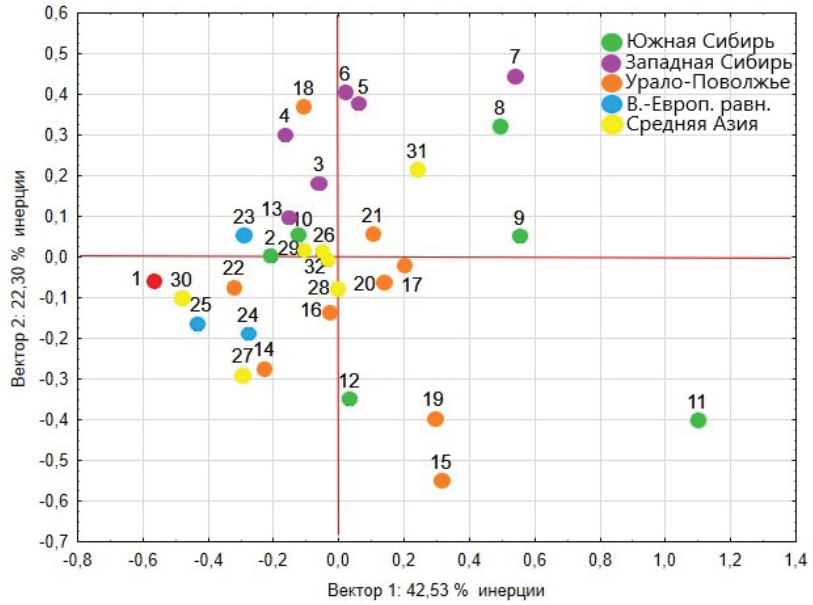


Рис. 6. Положение изученной серии на фоне групп бронзового века по результатам анализа соответствий: 1 – позднесарматская (Нижнее Поволжье); 2 – андроновская (Алтай); 3 – федоровская; 4 – Ермак-4; 5 – Ирменская (Новосиб. Приобье); 6 – Ирменская (Кузнецкая котл.); 7 – Сопка-2/4; 8 – Сопка 2; 9 – Сопка 2/2,2/3,2/3А; 10 – афанасьевская (Горный Алтай); 11 – Черновая VIII; 12 – Карасукская; 13 – Танай 12; 14 – Неплюевский; 15 – Синташтинская (Зауралье); 16 – срубно-алакульская; 17 – алакульская (Оренбуржье); 18 – алакульская (Цент. Казахстан); 19 – синташтинская (Приуралье); 20 – потаповская (Зауралье); 21 – покровская (Зауралье); 22 – Баланово; 23 – фатьяновская; 24 – ямная; 25 – трипольская; 26 – Сапалли; 27 – Джаркутан; 28 – Алтын-Депе; 29 – Дальверзин; 30 – культура крашенной керамики (Туркмения); 31 – Бустон VI; 32 – Гонур-Депе.

Fig. 6. The position of the studied series against the background of the Bronze Age groups according to correspondence analysis results: 1 – Late Sarmatian (Lower Volga); 2 – Andronovo (Altai); 3 – Fedorovo; 4 – Ermak-4; 5 – Irmen (Novosibirsk Ob region); 6 – Irmen (Kuznetsk Basin); 7 – Sopka-2/4; 8. Sopka 2; 9 – Sopka 2/2, 2/3, 2/3A; 10 – Afanasievo (Altai Mountains); 11 – Chernovaya VIII; 12 – Karasuk; 13 – Tanai 12; 14 – Nepluevsky; 15 – Sintashta (Trans-Urals); 16 – Srubno-Alakul; 17 – Alakul (Orenburg region); 18 – Alakul (Central Kazakhstan); 19 – Sintashta (Cis-Urals); 20 – Potapovka (Trans-Urals); 21 – Pokrovka (Trans-Urals); 22 – Balanovo; 23 – Fatyanovo; 24 – Yamnaya; 25 – Tripolye; 26 – Sapalli; 27 – Dzharkutan; 28 – Altyn-Depe; 29 – Dalverzin-Tepe; 30 – Painted Pottery culture (Turkmenistan); 31 – Buston VI; 32 – Gonur-Depe.

*Примечание. * Источник данных: 2 (Тур, 2009); 3-6; 10; 13 (Зубова, 2011; 2012; 2010; 2014); 7-9 (Чикишева, 2012); 11 (Зубов, 1980); 12; 26, 27; 31 (Рыкушина, 2007; 1993; Рыкушина и др., 2003); 14 (Карапетян и др., 2020); 15-21 (Китов, 2011); 22-25 (Гравере, 1987); 30 (Дубова, Куфтерин, 2015).*

*Notes. * Sources: 2 (Tur, 2009); 3–6; 10; 13 (Zubova, 2011; 2012; 2010; 2014); 7–9 (Chikisheva, 2012); 11 (Zubov, 1980); 12; 26, 27, 31 (Rykushina, 2007; 1993; Rykushina et al., 2003); 14 (Karapetyan et al., 2020); 15–21 (Kitov, 2011); 22–25 (Gravere, 1987); 30 (Dubova, Kufterin, 2015).*

ный характер. В анализ вошли 38 серий раннего железного века с территории Западной, Южной Сибири и юга Восточной Сибири, Южного Приуралья, Приаралья, Центрального и Западного Казахстана, Северного Причерноморья которые были проанализированы по пяти расоводиагностическим одонтологическим фенам. Стремясь получить статистически более корректный результат, мы были вынуждены еще строже произвести отбор признаков и групп для анализа. Из исходного набора признаков для анализа соответствий, помимо лопатообразной формы UI1 и редукции гипоконуса UM2 пришлось исключить и коленчатую складку метаконида. Таким образом, MMD были вычислены по пяти признакам: *Cara UM1(2–5)*, *LM1(6)*, *LM1(4)*, *LM2(4)*, *dtc*. Набор групп так же редуцирован, исключены некоторые серии каменской культуры (Рогозиха, Кирилловка 3, Быстровка 3), пазырыкской (р. Уландрык), алдыбельской (Копто и Догээ-Баары II), саргатской с территории Приишимья, ананьинской, тасмолинской и ряд скифских серий (Медвинский, «Чауш», Плавни-1, Мреснота, Николаевский). В анализе остались только те группы, где общее количество наблюдений (N) на признак было не менее девяти.

Фенетические дистанции (MMD), приведенные в таблице 3, количественно отражают степень близости одонтологических комплексов позднесарматской выборки Нижнего Поволжья и прочих групп раннего железного века. Указаны значения MMD, которые не достигают статистически значимого уровня различий.

Изменение набора групп и признаков не могло не повлиять на результаты анализа в

Таблица. 2. Расстояния MMD между сериями раннего железного века
Table. 2. MMD distances between Early Iron Age series

	Нижнее Поволжье
Лебедевка	0*
Фирсово 14	0*
Обские плесы	0*
Черняховская (Молдавия)	0*
Пазырыкская (Сред. Катунь)	0,007
Смирновка-4	0,009
Пазырыкская (Ханкаринский дол)	0,015
Покровка 10 (раннесарматская)	0,016
Масляха 1	0,016
Николаевский	0,023
Казыбаба	0,027
Светловодский	0,029
Сакская (Притяньшанье)	0,038
Новотроицкое 1,2	0,047
Усть-Каменка	0,059
Камень 2	0,063
Булан-кобы 4	0,071
Айрдаш 1	0,082
Сакская (Семиречье)	0,094
Покровка 10 (позднесарматская)	0,096
Гороховская (Притоболье)	0,106

**Расстояния Смита могут иметь отрицательный знак, это происходит тогда, когда в выборках небольшого размера частоты признаков не различаются или различаются очень мало. Для последующего анализа отрицательные значения приравниваются к нулю.*

сравнении с анализом соответствий. Главное отличие в том, что большинство серий ранних и поздних сармат оказались все-таки близки к поздним сарматам Нижнего Поволжья, что не визуализировалось на графике анализа соответствий (рис. 4).

В то же время, подтвердилось промежуточное положение одонтологического статуса поздних сармат Нижнего Поволжья между группами Северного Причерноморья, с одной стороны, и Южной Сибири – с другой. Почти все группы, продемонстрировавшие максимальное сходство на первом этапе анализа, показали и малые фенетические расстояния с изученной нами серией. С территории европейской части это серия черняховской культуры и скифы из Светловодского могильника. Анализ антропологического состава носителей черняховской культуры в междуречье Дуная и Днестра свидетельствует о неоднородной его структуре. В ингумациях погребались выходцы из тех этнокультурных групп, где был распространен данный обычай. Чаще всего в археологических работах делается акцент на происхождении этой погребальной традиции из ираноязычной среды (позднескифской, сарматской, аланской) (Рудич, 2010). Второй блок серий, продемонстрировавших малые расстояния с сарматами Нижнего Поволжья: серии пазырыкской культуры из Ханкаринского дола и тагарской/тесинской.

Расстояния MMD были вычислены и для серий эпохи бронзы. Сокращен был только перечень групп до 24, набор признаков удалось сохранить идентичный анализу соответствий. Мы видим, что число групп эпохи бронзы, обнаруживших малые расстояния с поздними сарматами Нижнего Поволжья совсем невелико, что полностью соответствует графику (рис. 6). В виду того, что группы балановской и трипольской культур были исключены из анализа MMD, наиболее близкими оказались, в первую очередь, выборки с территории Средней Азии, в том числе, культура крашеной керамики с территории Туркмении.

Таблица. 3. Расстояния MMD между сериями бронзового века
Table. 3. MMD distances between Bronze Age series

	Нижнее Поволжье
Дальверзин	0,027
Туркмения	0,031
Алтын-Депе	0,033
Джаркутан	0,036
Неплюевский	0,062
Афанасьевская	0,098
Ермак-4	0,103
Танай 12	0,114

Заключение

Впервые получены представления об особенностях морфологии зубной системы носителей позднесарматской культуры с территории Нижнего Поволжья.

В ходе анализа, было выявлено, что данная группа может быть отнесена к представите-

лям грацильного комплекса западного одонтологического ствола, для которого характерно практически полное отсутствие фенов восточного одонтологического ствола.

Результаты проведенного нами исследования не противоречат выводам, полученным на основании изучения краниологической изменчивости, согласно которым представители позднесарматской культуры имеют морфологическое сходство с группами поздних скифов, «черняховцев», отдельными группами Средней Азии и некоторыми группами «пазырыкцев» Горного Алтая (Балабанова, 2013).

Картина межпопуляционных связей населения Северной Евразии эпохи раннего железа, полученная в результате одонтологического анализа, дает и дополнительные аргументы в поддержку гипотезы об «азиатском» происхождении скифов (Козинцев, 2007; Казарницкий, 2017). Однако выявленная близость поздних сармат Нижнего Поволжья по данным одонтологии со скифами и «черняховцами» Северного Причерноморья, с одной стороны, и носителями нескольких культур с территории Южной Сибири (пазырыкская, тагарская/тесинская, староалейская, каменская) – с другой, не позволяет реконструировать на данном этапе исследований, через какие группы этот компонент, объединяющий скифов и ранних кочевников Алтая, был унаследован поздними сарматами. Вполне вероятно, что эти группы, так или иначе, связаны с территорией Средней Азии. Для ответа на этот вопрос на одонтологическом материале у нас недостаточно репрезентативных выборок разных этапов сарматской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Аксянова Г.А., Гельдыева Г. Морфологические особенности зубной системы населения античного времени северо-запада Туркменистана // На путях биологической истории человечества. Т. II / Отв. ред. А.А. Зубов, Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 5–55.

Багдасарова Н.А. Одонтологическая характеристика кочевников Устюрта савромато-сарматского времени (по материалам могильника Казыбаба) // Этнографические и антропологические сведения о населении Средней Азии. Вып. 2. / Отв. ред. Г.В. Рыкушина, Н.А. Дубова. М.: Старый сад, 2000. С. 113–124.

Балабанова, М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2013. 65 с.

Б*ейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О.* Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2015. 188 с.

Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 524–594.

Глазкова М.Н., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // Древности Нижнего Поволжья (итоги работ Сталинградской археологической экспедиции). Т. II / МИА. № 78 / Отв. ред. Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 285–292.

Гравере Р.У. Этническая одонтология латышей. Рига: Зинатне, 1987. 240 с.

Гравере Р.У. Одонтологический аспект этногенеза и этнической истории восточнославянских народов // Восточные славяне. Антропология и этническая история / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Научный мир, 2002. С. 205–218.

Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). М.: Старый сад, 2015. 186 с.

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.

Зубов А.А. Этническая одонтология СССР. М.: Наука, 1979. 259 с.

Зубов А.А. Характеристика зубной системы в черепной серии из Окуневского могильника // Палеоантропология Сибири / Отв. ред. А.П. Окладников, В.П. Алексеев. М.: Наука, 1980. С. 9–18.

Зубов А.А., *Халдеева Н.И.* Одонтология в антропофенетике. М.: Наука, 1993. 226 с.

Зубова А.В. Одонтологическая характеристика афанасьевцев Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XVI / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. С. 340–345.

Зубова А.В. Одонтологические данные по проблеме происхождения алакульской культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 143–153.

Зубова А.В. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 70–78.

Зубова А.В. Население Западной Сибири во II тысячелетии до нашей эры (по антропологическим данным). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. 228 с.

Казарницкий А.А. Данные физической антропологии о формировании населения Северного Причерноморья в античное время // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. – VII в. н. э.) / Отв. ред. А.И. Иванчик, В.И. Мордвинцева. М., Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2017. С. 213–302.

Карапетян М.К., Лейбова Н.А., Шарапова С.В. Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганного могильника Неплюевский // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №3 (50). С. 133–148.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы. Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.

Китов Е.П. Население позднесарматской культуры Южного Урала (по данным антропологии) // Известия СНЦ РАН. 2014. Т. 16. № 3 (2). С. 611–616.

Китов Е.П., Тур С.С., Иванов С.С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья. Алматы: Хикари, 2019. 300 с.

Кишкурно М.С. Одонтоскопическая характеристика серии тагарской культуры из курганного могильника Станция Казановская-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVII / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 459–468.

Кишкурно М.С. Антропологический состав населения Новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным). Дисс… канд. ист. наук. Новосибирск, 2023. 230 с.

Ковзунова П.В. Проблема генезиса тагарской культуры по данным одонтологии: магистерская диссертация. М.: МГУ, 2024. 65 с.

Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография, и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 143–157.

Кондукторова Т.С. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973. 127 с.

Лейбова (Суворова) Н.А. Одонтологическая характеристика ранних кочевников Южного Приуралья по материалам могильника Покровка-10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. С. 87–95.

Лейбова Н.А. Одонтологическая характеристика населения Горного Алтая гунно-сарматского времени // Известия ИГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2019. Т. 30. С. 34–49.

Лейбова Н.А., Тур С.С. Одонтологические особенности населения лесостепного Алтая скифского времени // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 171–186.

Лейбова Н.А., Тур С.С. Новые данные к одонтологии носителей пазырыкской культуры // ВА. 2022. № 2. С. 174–192.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // РА. 2009. № 1. С. 47–52.

Малашев В.Ю., Мошкова М.Г. Происхождение позднесарматской культуры (к постановке проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным). Материалы центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 37–56.

Малашев В.Ю., Кривошеев М.В. Позднесарматские памятники Волго-Уралья // Эпоха Великого переселения народов / Археология Волго-Уралья. Т. 4. / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. Р.Д. Голдина. Казань: АН РТ, 2022. С. 18–37.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 365 с.

Пежемский Д.В. Морфология длинных костей скелета и конституциональные особенности поздних сармат по материалам могильника Покровка 10 // Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. С. 95–100.

Рудич Т.А. Сарматы в составе черняховской культуры (по материалам антропологии) // Готы и Рим / Отв. ред. Р.В. Терпиловский. Киев: Стилос, 2010. С. 73–86.

Рыков П.С. Сусловский курганный могильник. Саратов: б. и., 1925. 54 с.

Рыкушина Г.В. Одонтологическая характеристика населения карасукской культуры // ВА. Вып. 57. М.: МГУ, 1977. С. 143–154.

Рыкушина Г.В. Материалы по одонтологии джетыасарской культуры. Грунтовые погребения могильников Косасар 2, Косасар 3, Томпакасар, Бедаикасар // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. III. Джетыасарская культура. Ч. II. Могильники Томпакасар и Косасар. / Ред. Л.М. Левина. М.: ИЭА РАН, 1993. С. 194–205.

Рыкушина Г.В., Дубова Н.А., Суворова Н.А. Одонтологическая характеристика древнего населения Туркменистана (по материалам могильника эпохи бронзы Гонур-депе) // Наука о человеке и обществе: итоги, проблемы, перспективы / Отв. ред. Г.А. Аксянова. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 130–140.

Сегеда С.П. Ранние сарматы Южного Приуралья по данным одонтологии (на материалах могильника Лебедевка) // *Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В.* Древности Лебедевки (VI–II вв. до н. э.). М.: Восточная литература, 2006. С. 155–159.

Слепцова А.В. Происхождение и хронологическая динамика состава населения саргатской культуры эпохи раннего железного века Западной Сибири по одонтологическим данным // Camera praehistorica. 2020. №1 (4). С. 139–155.

Слепцова А.В. Происхождение населения Западной Сибири раннего железного века по данным одонтологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 3 (54). С. 163–175.

Смирнов К.Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения ист. фа-а МГУ. Вып. V. М., 1947. С. 75–78.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. Вып. 34 / Отв. ред. А.Д. Удальцов. М.: АН СССР, 1950. С. 97–114.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: СГУ, 1984. 150 с.

Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград: ВолГУ, 2017. 293 с.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2. С 228–236.

Тот Т.А., Фиртейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселнии народов. Авары и сарматы. Л.: Наука, 1970. 146 с.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 468 с.

Santos F. AnthropMMD: An R package with a graphical user interface for the mean measure of divergence // American Journal of Physical Anthropology. 2018. Vol. 165 (1). P. 200–205.

Scott G.R., Turner C.G. II. The anthropology of modern human teeth: Dental morphology and its variation in recent human population. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1997. 382 p.

Rau P. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag, 1927. 112 S.

Информация об авторах:

Машкова Алия Жулмагамбетовна, стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); sukhamberlieva@mail.ru

Лейбова Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия); nsuvorova@mail.ru

REFERENCES

Aksyanova, G. A., Geldyeva, G. 2002. In Zubov, A. A., Aksyanova, G. A. (eds.). *Na putyakh biologicheskoi istorii chelovechestva (On the Paths of the Biological History of Humanity)* Vol. 2. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 5–55 (in Russian).

Bagdasarova, N. A. 2000. In Rykushina, G. V., Dubova, N. A. (eds.). *Antropologicheskie i etnograficheskie svedeniya o naselenii Sredney Azii (Anthropological and Ethnographic Information about the Population of Central Asia)*. Moscow: "Staryi Sad" Publ., 113–124 (in Russian).

Balabanova, M. A. 2013. *Pozdnesarmatskoe naselenie Nizhnego Povolzh'ya i sopredel'nykh territoriy v antropologicheskom kontekste rannego zheleza i rannego srednevekov'ya (Late Sarmatian Population of the Lower Volga Region and the Adjacent Territories in the Anthropological Context of the Early Iron Age and the Early Middle Ages)*. Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Beysenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naselenie Tsentral'nogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n. e. (Population of Central Kazakhstan in the 1st millennium BC).* Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Ginzburg, V. V. 1959. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. (Antiquities of the Lower Volga Region)* Vol 1. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 60. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 524–594 (in Russian).

Glazkova, M. N., Chtetsov, V. P. 1960. In Krupnov, E. I., Smirnov, K. F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. (Antiquities of the Lower Volga Region)* Vol. 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 78. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 285–292 (in Russian).

Gravere, R. U. 1987. *Etnicheskaya odontologiya latyshey (Ethnic Odontology of the Latvians).* Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

Gravere, R. U. 2002. In: Alekseeva, T. I. (ed.). *Vostochnye slavyane. Antropologiya i etnicheskaya istoriya (The Eastern Slavs. Anthropology and Ethnic History).* Moscow: "Nauchnyy Mir" Publ., 205–218 (in Russian).

Dubova, N. A., Kufterin, V. V. 2015. *Antropologiya naseleniya Yuzhnogo Uzbekistana epokhi pozdney bronzy (po materialam nekropolya Buston VI) (Anthropology of the Late Bronze Age Population of Southern Uzbekistan (Materials of the Buston VI Necropolis).* Moscow: "Staryi Sad" Publ. (in Russian).

Zubov, A. A. 1968. *Odontologiia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Odontology. Anthropological Reseach Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Zubov, A. A. 1979. *Etnicheskaya odontologiya SSSR (Ethnic Odontology of the USSR).* Moscow: "Nauka" Publ (in Russian).

Zubov, A. A. 1980. In Okladnikov, A. P., Alekseev, V. P. (eds.). *Paleoantropologiya Sibiri* (*Palaeoanthropology of Siberia*). Moscow: "Nauka" Publ., 9–18 (in Russian).

Zubov, A. A., Khaldeeva, N. I. 1993. *Odontologiya v antropofenetike (Odontology in Anthropophenetics)*. Moscow: "Nauka" Publ (in Russian).

Zubova, A. V. 2010. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 16. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 340–345 (in Russian).

Zubova, A. V. 2011. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (3), 143–153 (in Russian).

Zubova, A. V. 2012. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 17 (3), 70–78 (in Russian).

Zubova, A. V. 2014. *Naselenie Zapadnoy Sibiri vo II tysyacheletii do n.e. (po antropologicheskim dannym) (Population of Western Siberia in the 2nd Millennium BC (According to Anthropological Data)).* Novosibirsk: Siberian Branch Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kazarnitsky, A. A. 2017. In Ivanchik, A. I., Mordvintseva, V. I. (ed.). *Krymskaya Skifi ya v sisteme kul'turnykh svyazey mezhdu Vostokom i Zapadom (III v. do n. e. – VII v. n. e.) (Crimean Scythia in the system of cultural relations between the East and the West (3rd century BC – 7th century AD)).* Moscow, Simferopol: "Zueva T.V." Publ., 213–224 (in Russian).

Karapetyan, M. K., Leibova, N. A., Sharapova, S. V. 2020. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 50 (3), 133–148 (in Russian).

Kitov, E. P. 2011. *Paleoantropologiia naseleniia Iuzhnogo Urala epokhi bronzy (Paleoanthropology of the Population of the Southern Urals in the Bronze Age*). Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Kitov, E. P. 2014. In *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3 (2), 611–616 (in Russian).

Kitov, E. P., Tur, S. S., Ivanov, S. S. 2019. *Paleoantropologiya sakskikh kul'tur Prityanshan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.) (Paleoanthropology of the Saka cultures of the Tian Shan region (8th–1st half of the 2nd century BC))*. Almaty: "Khikari" Publ (in Russian).

Kishkurno, M. S. 2021. In Derevyanko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)* Vol. 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 459–468 (in Russian).

Kishkurno, M. S. 2023. *Antropologicheskiy sostav naseleniya Novosibirskogo Priob'ya rannogo zheleznogo veka (Anthropological Composition of the Early-Iron-Age Population of the Novosibirsk Ob Region)*. Diss. of Candidate of historical sciences. Novosibirsk (in Russian).

Kovzunova, P. V. 2024. *Problema genezisa tagarskoi kul'tury po dannym odontologii: magistratskaya dissertatsiya (The issue of the genesis of the Tagar culture based on odontological data: Master's thesis).* Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

Kozintsev, A. G. 2007. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 32 (4), 143–157 (in Russian).

Konduktorova, T. S. 1973. *Antropologiya naseleniya Ukrainy mezolita, neolita i epokhi bronzy* (*Anthropology of the Population of Ukraine in the Mesolithic, Neolithic and Bronze Age*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Leibova (Suvorova), N. A. 2008. In Malashev, V. Yu., Yablonskii, L. T. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 87–95 (in Russian).

Leibova, N. A. 2019. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 30, 34–49 (in Russian).

Leibova, N. A., Tur, S. S. 2020 In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 51 (4), 171–186 (in Russian).

Leibova, N. A., Tur, S. S. 2022. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (2), 174–192 (in Russian).

Malashev, V. Yu. 2009. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 47–52 (in Russian).

Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. 2010. In Skripkin, A. S. (ed.). *Stanovlenie i razvitie pozdnesarmatskoy kul'tury (Formation and development of the Late Sarmatian culture)* III. Volgograd: Volgograd State University, 37–56 (in Russian).

Malashev, V. Yu., Krivosheev, M. V. 2022. Sitdikov, A. G., Goldina, R. D. (eds.). *Epokha Velikogo pereseleniya narodov (The Great Migration Period)* Series: Arkheologiia Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 4. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences, 18–37 (in Russian).

Malashev, V. Yu., Yablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

Pezhemsky, D. V. 2008. In Malashev, V. Yu., Yablonskii, L. T. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 95–100 (in Russian).

Rudich, T. A. 2010. In Terpilovskiy, R. V. (ed.). *Goty i Rim (The Goths and Rome)*. Kiev: "Stilos" Publ., 73–86 (in Russian).

Rykov, P. S. 1925. *Suslovskiy kurgannyy mogil'nik (The Suslovskiy Burial Mound).* Saratov (in Russian).

Rykushina, G. V. 1977. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* (57). Moscow: Moscow State University, 143–154 (in Russian).

Rykushina, G. V. 1993. In Levina, L. M. (ed.). *Nizov'ia Syrdar'i v drevnosti. Vyp. III. Dzhetyasarskaia kul'tura. Ch. 2. (Lower Reaches of the Syr Darya in Antiquity. Iss. 3. Jetyasar culture. Pt. 2)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 194–205 (in Russian).

Rykushina, G. V., Dubova, N. A., Suvorova, N. A. 2003. In Aksyanova, G. A. (ed.). *Nauka o cheloveke i obshchestve: itogi, problemy, perspektivy (The science of man and society: results, issues, prospects)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 130–140 (in Russian).

Segeda, S. P. 2006. In Zhelezchikov, B. F., Klepikov, V. M., Sergatskov, I. V. *Drevnosti Lebedevki (VI-II vv. do n. e.) (Antiquities of Lebedevka (VI–II centuries BC)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ., 155–159 (in Russian).

Sleptsova, A.V. 2020. *Camera praehistorica* 1 (4), 139–155 (in Russian).

Sleptsova, A.V. 2021. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii)* 54 (3), 163–175 (in Russian).

Smirnov, K. F. 1947. In *Doklady i soobshcheniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo Gosudarstvennogo Universiteta (Reports and reports from the Faculty of History of Moscow State University) V. Moscow 75–78* (in Russian).

Smirnov, K. F. 1950. In Udaltsov, A. D. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* 34. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 97–114 (in Russian).

Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (The Lower Volga Region in the First Years of the Current Era).* Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A. S. 2017. *Sarmaty* (*(The Sarmatians*). Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Tur, S. S. 2009. In *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta (Izvestiya of Altai State University)* 4–2, 228–236 (in Russian).

Tot, T. A., Firshtein, B. V. 1970. *Antropologicheskie dannye o velikom pereselenii narodov: avary i sarmaty (Anthropological Data on the Great Migration of Peoples: Avars and Sarmatians)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Chikisheva, T. A. 2012. *Dinamika antropologicheskoy differentsiatsii naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri v epokhi neolita–rannego zheleza (Dynamics of the Anthropological Differentiation of the Population of the Southern Part of Western Siberia in the Neolithic – Early Iron Age)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Santos, F. 2018. In *American Journal of Physical Anthropology* 165 (1), 200-205.

Scott G. R., Turner C. G. II. 1997. *The anthropology of modern human teeth: Dental morphology and its variation in recent human population.* Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Rau, P. 1927. *Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga* (Roman-Period Barrow Graves on the Lower Volga). Pokrowsk: Deutscher Staatsverlag (in German).

About the Authors:

Mashkova Aliya Zh., N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119991, Russian Federation; sukhamberlieva@mail.ru

Leibova Natalia A., Candidate of Historical Sciences, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS. Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119991, Russian Federation; nsuvorova@mail.ru

Статья поступила в журнал 08.06.2025 г.
Статья принята к публикации 19.11.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.2(575.3)+94(510:575.3)"–02" https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.67.79

МИГРАЦИЯ ЮЭЧЖЕЙ В БАКТРИЮ: АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

© 2026 г. А.Г. Муминов, Х.А. Назаров, О.У. Муминов

В статье рассматривается миграция племенного союза юэчжей во II–I вв. до н.э. из Восточной Азии в регион Бактрии (Тохаристана) и ее последствия, с акцентом на археологические свидетельства, культурные трансформации, эволюцию власти и материальное наследие. Проанализированы письменные источники – китайские хроники и античные авторы – и различные историографические подходы к этой проблеме. Обсуждаются взгляды ученых на этнокультурную принадлежность юэчжей и характер их государства, включая мнения Э.В. Ртveладзе, Л.А. Боровковой, Е.А. Давидович, А.М. Мандельштама, Г.А. Пугаченковой, Х. Фалка и др. Археологические материалы из Северной Бактрии (Дальверзинтепа, Зартепа, Халчаян, Бешкапа и др.) свидетельствуют об урбанизации и оседании юэчжийской знати, синтезе кочевых и местных традиций и формировании Кушанского царства. Особое внимание уделено тому, как юэчжи, будучи изначально кочевниками, восприняли греко-бактрийское культурное наследие, способствовали этнокультурному синтезу и развитию городов, а также трансформировали политическую систему региона. В заключение подчёркивается значение миграции юэчжей как важного фактора формирования среднеазиатской цивилизации и необходимость комплексного подхода (исторического и археологического) для ее изучения.

Ключевые слова: археология, юэчжи, Бактрия, Кушанское царство, миграция, урбанизация, культурная трансформация, этнокультурный синтез, Тохаристан, историография.

THE YUEZHI MIGRATION TO BACTRIA: ANALYSIS OF HISTORICAL CONCEPTS

A.G. Muminov, Kh.A. Nazarov, O.U. Muminov

The paper examines the migration of the Yuezhi tribal confederation in the II–I centuries BC from East Asia to the Bactria region (Tokharistan) and its consequences, focusing on archaeological evidence, cultural transformations, power evolution and material heritage. It analyzes written sources such as Chinese chronicles and accounts by ancient authors, alongside different historiographical perspectives. The views of scholars on the ethnical and cultural identity of the Yuezhi and the nature of their state are discussed, including opinions by E.V. Rtveladze, L.A. Borovkova, E.A. Davidovich, A.M. Mandelstam, G.A. Pugachenkova, H. Falk and others. Archaeological findings from Northern Bactria (Dalverzin Tepe, Zar Tepe, Khalchayan, Beshkapa) reveal processes of urbanization and the settling down of the Yuezhi elites, a fusion of nomadic and indigenous traditions, and the emergence of the Kushan Empire. Special attention is given to how the nomadic Yuezhi, being originally nomads, absorbed the Greek-Bactrian cultural legacy, contributed to ethnic and cultural integration and urban development, and transformed the political structure of the region. In conclusion, the article emphasizes the significance of the Yuezhi migration as a crucial factor in shaping Central Asian civilization and the need for an integrated historical and archaeological approach to its study.

Keywords: archaeology, the Yuezhi, Bactria, Kushan Empire, migration, urbanization, cultural transformation, ethnical and cultural synthesis, Tokharistan, historiography.

Введение. Миграция юэчжей в Бактрию – одно из ключевых событий древней истории Центральной Азии, оказавшее значительное влияние на этнополитические процессы региона. Юэчжи (кит. 月氏, Yuèzhī) – крупное племенное объединение, изначально проживавшее на северо-западе Китая (район Ганьсу) и относящееся к кочевникам евразийских степей (Ртveладзе, 2009). Под давлением гуннских племён (сюнну) во II в. до н. э. юэчжи были вынуждены покинуть родные земли и мигрировать на запад, вызвав цепную реакцию среди соседних народов.

Большая часть племени («великие юэчжи») достигла Согдианы и Бактрии – региона современного Северного Афганистана, Узбекистана и Таджикистана, где ранее процветало Греко-Бактрийское царство. Здесь юэчжи сыграли

важную роль в падении власти греко-македонской династии и создании нового политического образования – Кушанского царства.

Цель исследования – комплексный анализ миграции юэчжей в Бактрию с позиций истории и археологии, включая культурные изменения, трансформацию политической структуры и материальное наследие. Работа опирается на древние письменные источники (китайские хроники, античные авторы) и современные археологические данные. Обзор историографии учитывает мнения ведущих специалистов: Э.В. Ртвеладзе, Л.А. Боровкова, Е.А. Давидович, А.М. Мандельштам, Г.А. Пугаченкова, Х. Фалк и др.

Статья структурирована следующим образом: вводная часть, обзор источников и историографии, анализ миграции и формирования государства, рассмотрение археологических памятников, культурные и политические трансформации, заключение с выводами. Такой подход позволяет показать, как переселение юэчжей стало ключевым фактором в истории Евразийских степей и древних цивилизаций Средней Азии.

Источники и историография. Юэчжи представляли собой не однородное кочевое племя, а сложную конфедерацию, способную интегрировать оседлое население и поддерживать устойчивую политическую организацию на обширных территориях (Benjamin, 2007). Основные сведения о переселении юэчжей содержатся в древнекитайских хрониках и трудах античных авторов. В «Ши цзи» (Исторические записки) Сыма Цяня и особенно в историях Ханьской династии зафиксированы важные сведения о юэчжийских племенах. Китайский посол Чжан Цянь, посетивший Среднюю Азию около 126 г. до н. э., сообщил, что «великие юэчжи» поселились в Дахе (Тахиа, то есть Бактрии) после изгнания из своих земель. Они разделили территорию на пять уделов, каждый из которых возглавлял племенной вождь. Китайские источники называют этих вождей си хоу («сяохоу», в русской передаче Бичурина – «ху-хэу»), что, предположительно, соответствует титулу «ябгу».

Пять владений юэчжей описаны в «Истории Старшей (Большой) Хань» и «Истории Поздней Хань» (цзюань 96 «Западный край»). Там также отмечено последующее возвышение одного племени – Гуйшуаня (Кушан) – над остальными и создание Кушанского царства во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. (Бичурин, 1950).

Античные источники дополняют картину. Страбон упоминает вторжение в Бактрию племен азиев, тохаров, ассеев и пасианов, что, вероятно, относится к юэчжийским и сакским группам, разгромившим Греко-Бактрийское царство в середине II в. до н. э. (Страбон, 1964). Римский историк Юстин (по труду Помпея Трога) писал, что «народ тохаров» вместе с другими кочевниками уничтожил греческое царство в Бактрии и убил последнего бактрийского царя (Юстин, 1954). Эти данные согласуются с китайскими источниками: юэчжи были основными завоевателями Бактрии. Античные авторы, однако, менее детальны в описании внутренней структуры юэчжийского союза и последующей истории их государства. Эти пробелы восполняют китайские хроники.

Историографические подходы. В конце XIX – начале XX в. юэчжей нередко отождествляли с тохарами и рассматривали как носителей индоевропейских языков, включая тохарские или восточноиранские диалекты (Sims-Williams, 1988). Современные исследования указывают на их восточноиранское происхождение либо быструю иранизацию после переселения в Среднюю Азию (Sims-Williams, 2002). Э. Ртвеладзе относил юэчжей к восточно-персоязычному этносу с возможным тохарским компонентом (Ртвеладзе, 2009), тогда как Б.А. Литвинский и Б.Я. Ставиский подчёркивали культурно-лингвистическую близость к сако-скифским племенам и местным ираноязычным группам Бактрии (Ставиский, 1977).

Аргументом в пользу восточноиранской принадлежности служит переход юэчжей после завоевания Бактрии с греческого на бактрийский язык в официальной и бытовой коммуникации. Ранние надписи II в. н. э. и монеты V–VI вв. отражают использование бактрийского языка и почитание иранских божеств – Митры, Охщу, Луны (Мао) и других (Sims-Williams, 1988). Нумизматические данные подтверждают официальное использование иранских форм имен и титулов, демонстрируя синкретизм культуры Центральной Азии с преобладанием ираноязычных элементов.

Гипотеза о тюркском компоненте, основанная на интерпретации титула «си-хоу»

Рис. 1. Карта-схема миграции юэчжей в Бактрию и сопредельные регионы (II–I вв. до н. э.)
Fig. 1. Diagram of the the Yuezhi migration to Bactria and adjacent regions (II–I centuries BC)

как «ябгу» (Ходжаев, 2018), спорна. Англоязычные исследования трактуют «си-хоу» как титул союзного князя у Хань, применявшийся как к юэчжам, так и к вусуньям, а иероглиф «си» не имеет однозначного значения (Bosworth, 2007). Предположительная тюркская этимология *yamuka/*yavuka подвергается сомнению. Предложения Р. Фрая и И. Бейли о иранском происхождении титула подтверждаются отсутствием в эпиграфике Кушанов несомненных тюркских заимствований; «ябгу» мог быть заимствован как политический титул, не отражая этнической принадлежности.

Таким образом, совокупность лингвистических, нумизматических и археологических данных указывает на индоевропейскую (восточноиранскую) природу юэчжей, а попытки включить их в тюркскую или тохарскую категорию основаны на устаревших или спорных интерпретациях (Sims-Williams, 1988; Bosworth, 2007).

Весомый вклад внесли советские и современные исследователи. Л.А. Боровкова подробно изучила китайские хроники о кушанах, реконструировав хронологию и маршруты миграции юэчжей (Боровкова, 2005). Е.А. Давидович анализировала политическую историю и монетное дело Бактрии и Кушанского царства, выявив трансформацию власти от греко-бактрийских царей к кушанским князьям (Давидович, 1976). А.М. Мандельштам уточнял хронологию переходного периода и систематизировал археологический материал (Мандельштам, 1966).

Г.А. Пугаченкова и Э.В. Ртveладзе проводили комплексные археологические исследования в Южном Узбекистане (Дальверзинтепе, Халчаян и др.) в 1960–70-х гг. Они раскрыли картину культурного синтеза греко-бактрийских и кочевых традиций. Г.А. Пугаченкова показала, что в раннекушанский период (I в. до н. э. – I в. н. э.) появляются синкретические художественные образы, совмещающие элементы эллинистического реализма и кочевой культуры (Пугаченкова, 1966). Эти данные легли в основу концепции «культурной адаптации» юэчжей: кочевники быстро освоили достижения оседлой Бактрии, привнеся собственные степные элементы.

В последние десятилетия тема миграции юэчжей изучается с междисциплинарными методами. Международная конференция в Берлине (2013) и сборник под редакцией Х. Фалка (Falk, 2015) объединили востоковедов, археологов и лингвистов. Они представили новые данные письменных источников (включая Рабатакскую надпись) и уточнили хронологические рамки. Исследования подтвердили, что миграция юэчжей была

катализатором больших геополитических изменений – от падения эллинистических царств до подъема Кушанской империи. Они также подчеркнули необходимость переосмысления устоявшихся историографических стереотипов.

Таким образом, историография богата и разнородна: обсуждаются этническая принадлежность юэчжей, характер их государства (конфедерация кочевых княжеств или ранняя империя) и степень интеграции в оседлую цивилизацию. Ниже, опираясь на эти исследования, мы перейдём к реконструкции миграции юэчжей и археологическим свидетельствам.

Миграция юэчжей из Центральной Азии в Бактрию была длительным и сложным процессом, а не одномоментным бегством под давлением хунну (рис. 1). В 176–160 гг. до н. э. они потерпели поражение от войск шаньюя Модэ; часть племени («малые юэчжи») откочевала в Тибетское нагорье и Кукунор, а основная масса («великие юэчжи») двинулась в Семиречье и долину Или, вытеснив саков и столкнувшись с усунями (Wusun), союзниками ханьцев. Около 140 гг. до н. э. они через Фергану вторглись в Греко-Бактрийское царство, ослабленное внутренними распрями (Юстин, 1954).

Кто стал главным «могильщиком» греческого господства – саки или юэчжи – спорно. По современному мнению, действовали последовательно: сначала саки нанесли удар с севера, затем юэчжи закрепили успех, разгромив остатки греко-бактрийских войск (Ставиский, 1977).

После завоевания великие юэчжи не создали единого государства, а «разделили страну Дася (Бактрию) на пять владений» по племенному принципу, где каждому правил си-хоу («князь») – среди них выделялось Гуйшуань (Куйшанг), будущие кушаны (Бичурин, 1950).

Первоначально сохранялось относительное равновесие между князьками. Возможно, они признавали старшего вождя – ябгу, что китайское «си-хоу» изначально отражало. Однако никаких «царских» титулов они не принимали, что подтверждают нумизматические данные: местные правители конца II – начала I вв. до н. э., такие как Сападбиз (Sapadbizes), чеканили монеты без царских титулов. Это позволяет предположить, что юэчжийские князья формально были вассалами или частью конфедерации, не претендуя на статус самодержавных царей (Ртвеладзе, Алимова, 2021).

В I в. до н. э. одно из пяти юэчжийских княжеств – племя кушан (гуйшуань) – стало усиливаться и постепенно подчинять соседние племена. Согласно «Хоу Ханьшу», вождь Кьюйцюцзю (丘就却, Qiujiuque), отождествляемый с Кудзулой Кадфизом, объединил под своей властью все пять племён юэчжей (Fan, 1965; Боровкова, 2005). Датировка этого объединения спорна: западные исследователи опираются на нумизматические и археологические данные и относят события к середине или второй половине I в. до н. э., тогда как китайские источники фиксируют завершённую стадию формирования власти – начало I в. н. э.

Нумизматические источники отражают переход от племенной раздробленности к единовластию: ранние монеты юэчжийских вождей подражали греко-бактрийским и не имели царских титулов, тогда как Герей (Heraos), вероятный предшественник Кудзулы Кадфиза, уже использовал титул TYPANNOY – «властитель» (Шаймарданов, 2025). Это свидетельствует о постепенной консолидации и переходе к царской власти. Кудзула Кадфиз, провозгласив себя «σαϕαο» (шах), закрепил создание Кушанского царства, которое позже при его потомках, особенно Канишке, стало обширной империей от Гиндукуша до Ганга (рис. 2).

Таким образом, ядро государства сложилось в Бактрии в I в. н. э., что подтверждает постепенный, многоэтапный характер политической консолидации юэчжей и роль нумизматических и письменных источников в реконструкции событий.

Таким образом, миграция юэчжей завершилась не просто переселением, но коренной перестройкой политической карты региона. На месте разоренного эллинистического царства возникло новое кочевое (по происхождению) государство – конфедерация юэчжийских княжеств, эволюционировавшая затем в раннефеодальную империю кушанов. Но важно отметить, что завоевание Северной Бактрии юэчжами сопровождалось сохранением и адаптацией городских и хозяйственных структур, а не их разрушением (Benjamin, 2007).

Следующие разделы посвящены тому, как эти политические перемены отражены в археo-

Рис. 2. Монеты Кушанских царей: а – монета Герая (I в. до н.э.); б – тетрадрахма Кудзулы либо Вимы Кадфиза (I в. н.э.); в – монеты Канишки I (нач. II в.); г – Хувишка (II в.) (Манаобаго, Ахурамазда, Ардохшо); д – Васудева I (кон. II – нач. III вв.) (Охшо); е – Kanishka II (III в.) (Ардохшо); ж – Vasishka (III в.); з – Vasudeva II, (III в.).

Fig. 2. Coins of the Kushan rulers: а – coin of Heraios (I century BC); б – tetradrachm of Kujula or Vima Kadphises (I century AD); в – coins of Kanishka I (beginning of the II century AD); г – Huvishka (II century AD) (Manaobago, Ahura Mazda, Ardoxsho); д – Vasudeva I (end of the II – beginning of the III centuries AD) (Oesho); е – Kanishka II (III century AD) (Ardoxsho); ж – Vasishka (III century AD); з – Vasudeva II (III century AD).

логических материалах и какие культурные сдвиги сопровождали оседание юэчжей в Бактрии.

Археологические свидетельства: оседание юэчжей и урбанизация Бактрии Археологические памятники Северной Бактрии (на территории современного Южного Узбекистана и прилегающих районов Таджикистана) дают богатый материал, иллюстрирующий процесс адаптации юэчжей к оседлой жизни и их роль в развитии городов региона. После вторжения кочевников часть греко-бактрийских поселений была разрушена, однако многие города продолжили существование, перейдя под власть новых хозяев. Юэчжи, утвердившись в Бактрии, постепенно перешли от кочевого образа жизни к оседлому – по крайней мере, их элита стала базироваться в городских центрах, используя их как резиденции и опоры власти.

Одним из ключевых памятников этого периода является Дальверзинтепа – крупное городище в долине Сурхандарьи (юг Узбекистана), раскопанное экспедицией Г.А. Пугаченковой и Э.В. Ртveладзе в 1960–70-х гг. Дальверзинтепа была основана еще в эллинистический период (III–II вв. до н.э.), но особого расцвета достигла в кушанское время (I–II вв. н.э.), когда превратилась в процветающий город с цитаделью, храмами и ремесленными кварталами (Пугаченкова, Ртveладзе, 1978). Площадь городища (около 100 га) и мощные

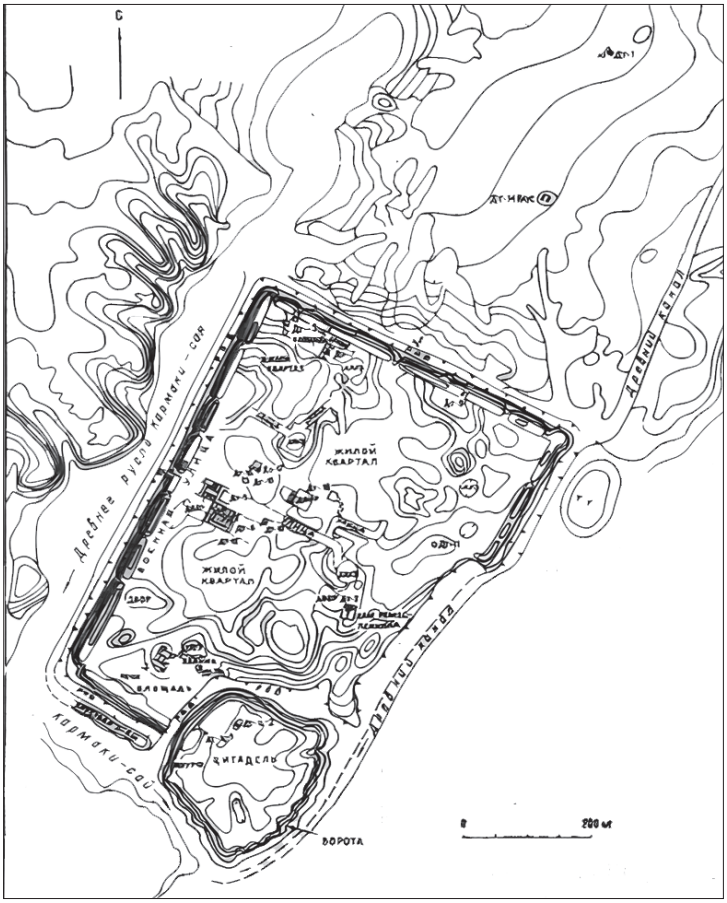


Рис. 3. Общий план городища Д Дальверзинтепе. Выполнен Э. В. Ртвеладзе.
Fig. 3. General plan of the Dalverzin Tepe fortified settlement. Drawn by E.V. Rtveladze.

укрепления свидетельствуют о значительной концентрации населения и богатства. В слоях I в. н.э. обнаружены многочисленные находки, указывающие на пребывание здесь кушанской администрации: монетный двор, где чеканились монеты по образцу греко-бактрийских (причем анализ металла и клейм показал локальное производство), сокровища золотых украшений и монет (так называемый «клад Дальверзинтепе», включавший золотые изделия с номадическими мотивами и монеты кушанских царей), а также жилые и хозяйственные постройки, перестроенные по новым планировочным решениям. Найдены фрагменты керамических оссуариев (костехранилищ) кушанского времени с рельефными изображениями культовых сцен (в одном случае – фигуры жрецов с сосудами), что говорит о распространении зороастрийского обряда захоронения (характерного для оседлого иранского населения) среди новой знати. Все это указывает, что Дальверзинтепа в кушанский период служила одной из столиц или важных резиденций юэчжийских царей, играя ключевую роль в контроле над территорией Тохаристана (рис. 3).

Другой важнейший памятник – комплекс Халчаян в долине реки Шерабад. Халчаян представлял собой укрепленное дворцовое сооружение (или храмовый комплекс) I в. до н.э. – I в. н.э., связанный, вероятно, с ранними кушанскими правителями. Раскопки Г.А. Пугаченковой выявили остатки большого здания с залом, украшенным уникальной серией скульптурных изображений. Глиняные статуи и рельефы Халчаяна изображают всадников, вождей в характерных костюмах (в том числе в длинных кафтанах и высоких конических шапках – типичной одежде кочевой знати) и сцены торжеств или битв (рис. 4). Искусствоведческий анализ показал синтез разных традиций: черты греко-эллинистического реализма в передаче человеческих фигур сочетаются с локальными центральноазиатскими мотивами. Г.А. Пугаченкова интерпретировала халчаянские скульптуры как портретную галерею ранних кушанских князей, возможно, отпраздновавших победу

Рис. 4. Скульптурное оформления центрального зала в Халчаяне. (реконструкция Г.А. Пугаченковой).
Fig. 4. Sculptural design of the central hall in Khalchayan (reconstruction by G.A. Pugachenkova).

над сакскими племенами (Пугаченкова, 1966). Среди изображений выделяется фигура молодого вождя со специфическими чертами лица, которого отождествляют с представителем династии юэчжей (возможно, с самим Кудзулой Кадфизом в юности). Рядом присутствуют фигуры, напоминающие греческих богов или идеализированных героев. Таким образом, комплекс Халчаян дает бесценное свидетельство культурной трансформации: пришлый кочевой правитель утвердился в бывшей греко-бактрийской столице и заказал декоративную программу, соединившую греческие художественные приемы с прославлением собственной, кочевой по происхождению, династии. Этот памятник прямо указывает на процесс этнокультурного синтеза – рождение новой художественной культуры кушанского Тохаристана (рис. 5).

Важными узлами расселения юэчжей стали и другие городища северной Бактрии. Зартепа – городище близ современного Шерабада – существовало с эпохи эллинизма, а в кушанский период (I–III вв. н.э.) было реконструировано и укреплено (Альбаум, 1960). Раскопки Зартепы обнаружили типичные жилища кушанского времени, глинобитные стены, планировку кварталов с жилыми домами, где наряду с керамикой эллинистической традиции появляются новые формы посуды и терракотовые статуэтки, отражающие вкусы пришлого населения (например, фигурки всадников, женщин в характерных головных уборах и т.д.). Верхние слои Зартепы содержат также следы кушано-сасанидского времени (III–IV вв.), показывая преемственность городской жизни после падения, собственно, кушанской династии. Таким образом, юэчжи не разрушили городской уклад, а, напротив, способствовали его продолжению и развитию на новых основаниях.

Бешкапа – городище в долине Вахша (южный Таджикистан) – интересный пример основания нового поселения в кушанское время. Этот город, возникший, вероятно, уже при кушанах, имел прямоугольный план, укрепления из сырцовых кирпичей и, судя по раскопкам, выполнял функцию район-

ного центра в сельской округе. На Бешкапе обнаружены погребальные сооружения в виде оссуариев с росписями и рельефами, изображающими сцены жертвоприношений и культовых церемоний (две мужские фигуры, несущие подносы и кувшин). Это свидетельствует о распространении среди кушан местных религиозных практик, прежде всего зороастризма, с характерным обрядом очищения костей. Появление оседлых некрополей с оссуариями указывает, что кочевая аристократия обосновалась и укоренилась: вместо степных курганных захоронений они стали использовать оседлый (иранский) погребальный обряд. Следовательно, Бешкапа демонстрирует процесс оседания юэчжей и их адаптации к оседлой культуре вплоть до деталей идеологии и обряда.

Дополняют картину и археологические комплексы за пределами Северной Бактрии, связанные с юэчжами. В частности, на территории современного Афганистана ярким свидетельством синтеза культур является Тиллятепа – курганный некрополь I в. н.э., раскопанный в 1970-х гг. В шести погребениях кургана Тиллятепе обнаружены богатейшие погребальные дары – золотые украшения с сочетанием степных (скифо-сибирских) мотивов и эллинистически-римских форм, наряду с монетами, в том числе римскими денариями и парфянскими драхмами. Это захоронение, вероятно принадлежащее знатным кочевникам в Бактрии накануне или в начале правления кушанов, демонстрирует международные связи и культурное разнообразие элиты юэчжей: они имели предметы из разных концов Евразии, будучи вовлечены в ранние процессы торговли по Шелковому пути. В то же время факт курганного погребения (в отличие от оссуариев на севере) показывает, что часть юэчжей еще сохраняла степные обычаи погребения по крайней мере до рубежа эр.

Археологические материалы свидетельствуют, что к I–II вв. н.э. регион Бактрии (Тохаристана) переживает новый подъем городской жизни и экономики под властью кушанских царей. Старые города (Бактры, Термез, Эрк-курган и др.) были восстановлены или продолжали процветать, а новые крепости и поселения возникали в ранее периферийных областях, куда до того урбанизация не достигала. Юэчжи принесли с собой определенные новые технологии (например, некоторые виды конской амуниции, оружия), но в целом быстро переняли местные традиции земледелия и строительства. В материальной культуре I–III вв. н.э. прослеживается интересное сочетание: сосуды и утварь греко-бактрийского образца соседствуют с кочевыми деталями (например, бронзовыми зеркалами и бляхами с «звериным стилем»), а буддийские ступы возводятся рядом со святилищами огня. Такое смешение археологи интерпретируют как прямое следствие юэчжийской миграции – встречи кочевой и оседлой цивилизаций.

Оседание юэчжей в Бактрии привело к глубоким культурным изменениям как среди пришлого народа, так и в обществе региона в целом. Произошел многосторонний этнокультурный синтез, заложивший основы новой кушанской культуры, объединившей элементы греко-римского, иранского, индийского и кочевого наследия.

Во-первых, изменилась социальная структура и образ жизни юэчжей. Из кочевников-скотоводов, кочевавших в степях Восточного Туркестана, они превратились в правящий слой оседлого аграрно-городского общества. Это отразилось в переходе от юртов и кибиток к дворцам и городским усадьбам, от кочевой мобильности – к контролю над определенной территорией с городскими центрами. Юэчжийская знать приняла формы оседлого досуга и статуса: вместо эпической устной традиции степняков – эллинистические атрибуты власти (диадема, трон), вместо сезонных кочевий – жизнь в резиденциях. Однако некоторые аспекты их степной традиции сохранились и видоизменились: например, привычка возводить курганы трансформировалась в сооружение монументальных царских храмов-хранилищ (как храм с подписью Канишки в Сурх-Котале, Афганистан), служивших местом памяти предков династии (рис. 5).

Во-вторых, произошла религиозно-идеологическая трансформация. Юэчжи встретились в Бактрии с богатым религиозным миром: здесь сосуществовали эллинистические культы, зороастризм местного населения, буддизм, начавший проникать с юга, и верования самих юэчжей. Последние, по мнению некоторых исследователей, изначально могли поклоняться небесным богам или предкам (как другие восточные кочевники).

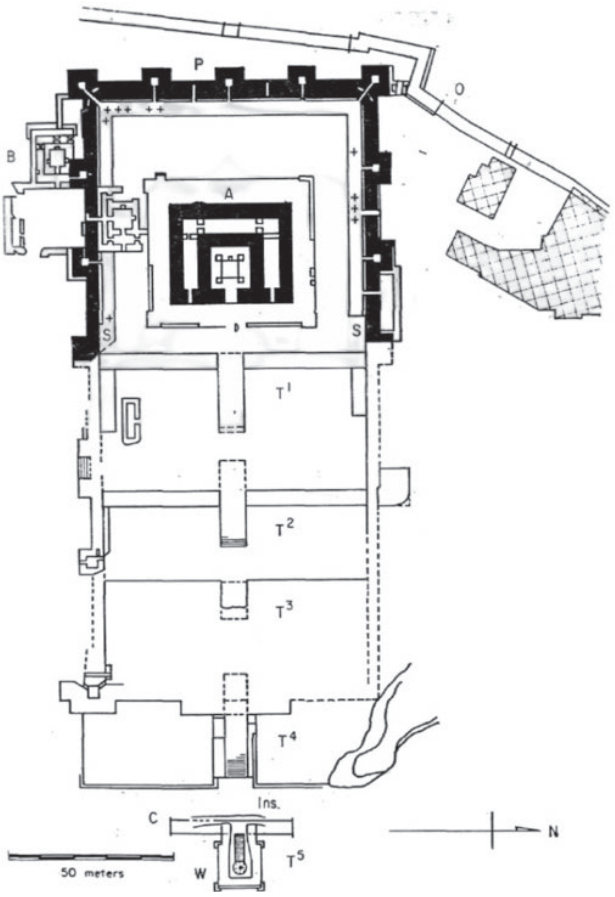


Рис. 5. План культового центра в Сурх-Котале (по Д. Шлюмберже).
Fig. 5. Plan of the cult center in Surkh Kotal (by D. Schlumberge).

В процессе синтеза кушанские цари стали покровителями разнообразных культов. Они чеканили монеты с изображениями греческих богов (Зевс, Гелиос), индийских и иранских божеств (Шива/Оэшо, Нана, Атуарма) и даже Будды (начиная с Канишки) – что свидетельствует о их политике религиозной толерантности и стремлении легитимировать власть в глазах разных подданных. Археологические находки – буддийские монастырские комплексы позднекушанского времени (например, Термезский кара-тепе, Аджина-тепе в Тохаристане), огнехрам в Дальверзинтепе, ансамбли скульптур в Халчаяне – указывают, что кушанская элита патронировала *одновременно* буддизм, зороастризм и греко-римский культ царя. Именно при кушанах буддизм получил мощный импульс для распространения на Север – известна традиция, что кушанский царь Канишка созвал буддийский собор и поддерживал отправку буддийских миссий в Китай (Falk, 2015). Таким образом, религиозный синкретизм стал отличительной чертой кушанской эпохи, в основе которого лежала изначальная гибкость юэчжей в усвоении новых верований.

В-третьих, заметен синтез в материальной культуре и искусстве. Как упоминалось, искусство кушанской Бактрии вобрало в себя эллинистические художественные приемы (реалистичная скульптура, греческие орнаменты) и скифо-томирисовские мотивы (стилизованные звери, сцены охоты, кочевая атрибутика). На стенописях и рельефах кушанских храмов рядом могут соседствовать фигуры в греческих хитонах и в степных кафтанах. В городищах находят керамику смешанного характера: наряду с типично эллинистическими амфорами – горшки и блюда с росписью, характерной для кушанского времени, иногда с мотивами, идущими от саков. Нумизматическое искусство эволюционировало: ранние монеты подражали греческим, с греческими надписями, но постепенно язык надписей сменился на бактрийский (аранский) на греческой графике, а иконография стала оригинальной (например, изображение самого кушанского правителя в уборе с пламенеющей нимбом на золотых монетах Канишки). Этот переходный процесс хорошо прослежен Е.А. Давидович и другими нумизматами: он отражает, как юэчжи сначала переняли греко-бактрийскую систему монет и титулов, а затем выработали собственную, отвечавшую их представлениям о царской власти (Davidovich, 1983).

Изменения коснулись и политической культуры. Власть юэчжийских вождей из родоплеменной стала территориально-административной. Как указывал Э.В. Ртвеладзе, кушанское государство сначала носило черты конфедерации кочевых племен, но по мере оседания превратилось в раннегосударственное образование восточного типа (Ртвеладзе, 1997). Кушанские цари переняли часть административных практик греко-бактрийцев и ахеменидских традиций: например, сохранили деление на сатрапии/наместничества, систему сбора налогов с оазисов, ведение делопроизводства. Рабатакская надпись (ок. II в. н.э.) свидетельствует о сложной административно-социальной терминологии кушан – упоминаются должности, титулы, ранги, отражающие расслоение общества и функционирование государственного аппарата. Хотя юэчжи пришли как кочевники-завоеватели,

они довольно быстро переняли опыт управления оседлыми областями, накопленный предшественниками (ахеменидскими наместниками, греко-бактрийскими царями). В то же время они внесли и свои элементы – например, институт соправительства или разделения царства на части между представителями правящей династии (отголосок прежней племенной автономии) прослеживается в первых поколениях кушанских правителей.

С точки зрения этногенеза, миграция юэчжей привела к формированию новой этнополитической общности – кушан. В этом названии отразилось имя одного из племен («кушань» = *kushan*), но со временем оно стало обозначать весь конгломерат народов, вошедших в империю. Собственно юэчжи, слившиеся с местным бактрийским населением и частично с другими пришлыми (саками, парфянами в северных оазисах), дали начало народу, известному в поздней античности как тохары (тохарцы) – носители согдийско-бактрийской культуры поздней античности. Можно сказать, что юэчжи в значительной степени ассимилировались в иранской среде, однако и их потомки повлияли на генезис ряда народов региона (например, участие кушанского компонента предполагается в этногенезе таджиков южного Узбекистана и Северного Афганистана, а также некоторых групп пуштунов и узбеков через более поздние миграции). Так или иначе, в культурном плане уже к III в. н.э. потомки юэчжей были носителями высокосинкретичной кушанской культуры, отличимой как от исходной культуры степных кочевников, так и от греко-бактрийской, но вобравшей черты обеих. Формирование Кушанской империи стало итогом длительной трансформации юэчжийского общества (Benjamin, 2007).

Заключение. Миграция юэчжей в Бактрию во II—I вв. до н.э. стала переломным моментом в истории Евразийских степей и Центральной Азии. Проникновение сильного союза кочевых племен в оседлую цивилизацию привело к разрушению эллинистических государственных структур и формированию новых: сначала конфедерации юэчжийских княжеств, затем Кушанской империи. Исторический анализ свидетельствует, что переселение юэчжей не было стихийным набегом с последующим исчезновением кочевников, а положило начало длительному процессу социально-культурной трансформации. Завоевав богатую Бактрию, юэчжи не только удержали ее, но и интегрировались в местную цивилизацию, играя созидательную роль в ее развитии.

Археологические данные подтверждают вклад юэчжей в урбанизацию региона. Под их эгидой старые города возродились, появились новые укрепленные поселения на стратегических точках. Постепенно кочевая знать трансформировалась в городской класс, что нашло отражение в архитектуре: Дальверзинтепа как крупный административный центр Кушанской державы и роскошные дворцы Халчаяна демонстрируют художественные программы, ранее нехарактерные для степных народов.

Эволюция власти юэчжей — от племенных вождей к царям мирового уровня, таким как Канишка — отражает политическую гибкость и способность к адаптации. Первоначальная племенная демократия уступила место монархии восточного типа, интегрировавшей элементы прежних государственных систем региона. Административное деление, налоговая система и титулатура претерпели изменения, демонстрируя синтез кочевых традиций управления и оседлой бюрократической практики.

Культурный синтез в Кушанском царстве оказал влияние далеко за пределами региона. Держава связывала торговые пути от Рима до Китая, способствуя обмену товарами и идеями на Великом шелковом пути. Юэчжи содействовали распространению буддизма из Индии в Центральную Азию и Китай, а элементы эллинистического искусства проникли в глубь Евразии. В самом Тохаристане сформировалась уникальная культура, объединяющая греко-римские, индоиранские и кочевые элементы, что подтверждают археологические находки в бактрийских храмах, гробницах и сокровищницах.

Современные источники позволяют утверждать, что юэчжи принадлежали к индоевропейской (вероятно иранской) общности, хотя позднее их этногенез мог включать тюркский компонент. Миграция юэчжей традиционно рассматривалась как часть широкого процесса борьбы кочевников и земледельцев. Однако опыт юэчжей показывает, что такие переселения не всегда ведут к разрушению: взаимодействие различных культур могло стимулировать расцвет новых государственности и оригинальной культуры.

Статья демонстрирует, что только комплексное использование источников — хроник, трудов древних историков и археологических данных — обеспечивает целостное понимание миграции юэчжей и ее последствий. Уже сейчас очевидно: миграция в Бактрию стала поворотным событием, приведшим к формированию средневековой цивилизации Центральной Азии. Кушанское царство унаследовало как кочевые импульсы, так и оседлые традиции, заложив фундамент для дальнейшего развития региональных культур Тохаристана, Согда и Гандхары. Опыт юэчжей убедительно свидетельствует: взаимодействие степных и земледельческих миров, сочетание конфликта и сотрудничества — мощный двигатель исторического процесса в Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. Ташкент: АН УзССР, 1960. 228 с.

Бичурин Н.Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: АН СССР, 1950. 328 с.

Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). М.: Вост. лит., 2005. 312 с.

Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ. 1976. № 4. С. 56–78.

Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана / Отв. ред. Л.И. Ремпель. Ташкент: Фан, 1978. 250 с.

Мандельштам А.М. Раскопки памятников кушанского времени в Северной Бактрии // СА. 1966. № 4. С. 53–64.

Пугаченкова Г.А. Халчаян (к проблеме художественной культуры Северной Бактрии). Ташкент: Фан, 1966. 288 с.

Ртвеладзе Э.В. Новые данные к истории государства Кушан // Общественные науки в Узбекистане. 1997. № 5. С. 67–70.

Ртвеладзе Э.В. Цивилизации, государства, культуры Центральной Азии. 2-е изд., доп. Ташкент: Патент-пресс, 2009.

Ртвеладзе Э.В., *Алимова Д.А.* История государственности Узбекистана. Ташкент: Академнашр, 2021. 552 с.

Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977. 296 с.

Страбон. География / Пер. Г.А. Стратановского, под ред. С.Л. Утченко, О.О. Крюгера. М.: Наука, 1964. 943 с.

Ходжаев А.Х., Каримова Н. Сведения китайских источников по истории государственности Центральной Азии (переводы и исследования). Ташкент: Фан, 2018. 182 с.

Шаймарданов А.З. Представление титулов ранних кушанских правителей в материальных источниках // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 91–98.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа» (кн. XLI–XLII) / пер. А. А. Деконского, М. И. Рижского // ВДИ. 1954. № 2. С. 206–224.

Benjamin Craig G.R. The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria / Silk road studies. Vol. 14. Turnhout: Brepols Publishers, 2007. 245 p.

Bosworth C.E. JABḠUYA // Encyclopaedia Iranica. Vol. XIV, Fasc. 3, 2007. P. 314–317.

Davidovich E.A. The First Hoard of Tetradrachmas of the Kuṣāna “Heraios” // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1983. T. XXVIII, fasc. 1–4. P. 147–177.

Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013 / Monographien Zur Indischen Archäologie, Kunst Und Philologie 23 / ed. H. Falk. Heidelberg: Heidelberg Asian Studies Publishing, 2015.

Fan Ye. Hou Hanshu (Book of the Later Han). Vol. 3. 1965.

Sims-Williams N. Ancient Afghanistan and its invaders: Linguistic evidence from the Bactrian documents and inscriptions // Indo-Iranian Languages and Peoples / Proceedings of the British Academy. Vol. 116 / ed. Sims-Williams N. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 225–242.

Sims-Williams N. Bactrian language // Encyclopaedia Iranica. Vol. III, Fasc. 4, 1988. P. 344–349.

Информация об авторах:

Муминов Алишер Гаффарович доктор политических наук, профессор, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); alisher.nuuz@gmail.com

Назаров Хумоюн Алишерович PhD, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); humoyunjon1992@gmail.com

Муминов Отабек Уктамович Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Узбекистан); otabekmuminov@gmail.com

REFERENCES

Albaum, L. I. 1960. *Balalyk-tepe. K istorii materialnoi kultury i iskusstva Pravoberezhnogo Tokharistana (Balalyk Tepe. On the history of material culture and art of the right-bank Tokharistan).* Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR (in Russian).

Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena (Collection of Details of the Peoples Living in Central Asia in Ancient Times)* 1. Moscow, Lenindrag: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Borovkova, L. A. 2005. *Kushanskoe tsarstvo (po drevnim kitaiskim istochnikam) (Kushan Empire (according to ancient Chinese sources)).* Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).

Davidovich, E. A. 1976. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (4), 56–78 (in Russian).

Rempel, L. I. (ed.). *Dalverzintepe – kushanskii gorod na iuge Uzbekistana (Dalverzin Tepe is a Kushan urban settlement in southern Uzbekistan)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Mandelshtam, A. M. 1966. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 53–64 (in Russian).

Pugachenkova, G. A. 1966. *Khalchaian (k probleme khudozhestvennoi kultury Severnoi Baktrii) (Khalchayan (on the issue of artistic culture of Northern Bactria)).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1997. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* (5), 67–70 (in Russain).

Rtveladze, E. V. 2009. *Tsivilizatsii, gosudarstva, kultury Sredney Azii (Civilizations, States, Cultures of Central Azia).* Tashkent: "Patent-press" Publ. (in Russian).

Rtveladze, E. V., Alimova, D. A. 2021. *Istoriia gosudarstvennosti Uzbekistana (History of the statehood of Uzbekistan).* Tashkent: "Akademnashr" Publ. (in Russian).

Stavitskiy, B. Ya. 1977. *Kushanskaia Baktriia: problemy istorii i kultury (Kushan Bactria: issues of history and culture).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Strabon. 1964. Geografiia (Geography). Stratanovskii, G. A. (transl.)., Utchenko, S. L. Kriuger, O. O. (eds.). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khodzhaev, A. Kh., Karimova, N. 2018. *Svedeniia kitaiskikh istochnikov po istorii gosudarstvennosti Tsentralnoi Azii (perevody i issledovaniia) (Information from Chinese sources on the history of statehood in Central Asia (translations and research)).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Shaimardanov, A. Z. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 91–98 (in Russian).

Yustin. 1954. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (2), 206–224 (in Russian).

Benjamin Craig, G. R. 2007. *The Yuezhi: Origin, Migration and the Conquest of Northern Bactria*. Series: Silk road studies. Vol. 14. Turnhout: Brepols Publishers.

Bosworth, C. E. 2007. In *Encyclopaedia Iranica*. Vol. XIV, Fasc. 3, 314–317.

Davidovich, E. A. 1983. In *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, T. XXVIII, fasc. 1–4, 147–177.

Falk, H. (ed.). 2015. *Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013*. Series: Monographien Zur Indischen Archäologie, Kunst Und Philologie 23. Heidelberg: Heidelberg Asian Studies Publishing (in German).

Fan, Ye. 1965. *Hou Hanshu (Book of the Later Han).*

Sims-Williams, N. 2002. In Sims-Williams, N. (ed.). *Indo-Iranian Languages and Peoples*. Series: Proceedings of the British Academy. Vol. 116. Oxford: Oxford University Press, 225–242.

Sims-Williams, N. 1988. In *Encyclopaedia Iranica*. Vol. III, Fasc. 4, 344–349.

About the Authors:

Muminov Alisher G. DSc in political science, professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University street 4., Tashkent city, 100174, Almazor district, Uzbekistan; alisher.nuuz@gmail.com

Nazarov Khumoyun A. PhD in the History of Science, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University street 4., Tashkent city, 100174, Almazor district, Uzbekistan; humoyunjon1992@gmail.com

Muminov Otabek U. , National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek. University street 4., Tashkent city, 100174, Almazor district, Uzbekistan; otabekmuminov@gmail.com

Статья поступила в журнал 13.02.2026 г.
Статья принята к публикации 16.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902; 572 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.80.89

ПРИМЕР ОБРЯДА ВТОРИЧНОГО ПОГРЕБЕНИЯ В АБХАЗИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

© 2026 г. А.Г. Юрков

В статье представлены описание и интерпретация двух эллинистических погребений, выявленных в ходе исследования склепа на участке «Котёл» Маркульского городища - памятнике культуры местного населения, находящемся в юго-восточной части Республики Абхазия, примерно в 10 км от морского побережья и в непосредственной близости от античного греческого полиса Гюэнос, колонии на территории Колхиды. Большая часть склепа была разрушена грабителями, что привело к перемешиванию культурного слоя и утрате стратиграфии и планиграфии. Однако, часть склепа осталась нетронутой. Именно здесь, в северной части склепа были обнаружены погребения 6 и 7. Несмотря на то, что данные погребения не были разрушенными, палеоантропологические останки были вне анатомического порядка. Данная статья посвящена описанию данных погребений, на основе анализа палеоантропологических останков. Удалось выявить, что погребение 6 – детское, а погребение 7 – взрослое. В каждом погребении захоронено минимум по два индивидуума. Учитывая отсутствие какого-либо намёка на анатомический порядок костей, нами выдвигается версия, что мы имеем дело с обрядом вторичного погребения. В данной статье представлены описание и интерпретация двух погребений, а также реконструкция погребального обряда древнего населения Абхазии в период эллинизма.

Ключевые слова: археология, погребальные комплексы, палеоантропология, античность, эллинизм, вторичное погребение, Колхида, Маркульское городище

AN EXAMPLE OF A SECONDARY BURIAL RITE IN ABKHAZIA DURING THE HELLENISTIC PERIOD

A.G. Yurkov

The article presents a description and interpretation of two Hellenistic burials discovered during the study of a crypt at the «Kotyol» site within the Markul fortified settlement – a cultural monument of the local population located in the southeastern part of the Republic of Abkhazia, approximately 10 km from the sea coast and near the ancient Greek polis of Gyuenos, a colony in Colchis. Most of the crypt was destroyed by looters, causing the mixing of the cultural layer and loss of stratigraphy and planigraphy. However, part of the crypt remained intact. In its northern section, burials No. 6 and No. 7 were uncovered. Although these burials were undisturbed, the paleoanthropological remains were disarticulated. The article analyzes these remains, establishing that burial 6 belonged to a child, while burial 7 belonged to an adult. Each burial contained at least two individuals. Due to the lack of anatomical order of the bones, the authors hypothesize that the burials represent a secondary burial rite. The article provides a detailed description and interpretation of these burials and reconstructs the burial ritual practiced by the ancient population of Abkhazia during the Hellenistic period.

Keywords: archaeology, burial complexes, paleoanthropology, antiquity, Hellenism, secondary burial, Colchis, Markula fortifiied settlement.

Введение

Колхида обладает богатой мифологической историей, она известна по сказаниям об аргонавтах. На сегодняшний день территория, на которой располагалось легендарное государство, недостаточно исследована с археологической точки зрения (Бгажба, Воронов, 1982; Нюшков, 2013). Особую выраженность приобретает дефицит палеоантропологических исследований (Абдушелишвили, 1978; Квициния, 2000, с. 4), тогда как другие территории Северного Кавказа (Алексеев, 1974; Алексеев, Гохман, 1984; Герасимова, 1997, 2004; Герасимова, Фризен, 2007; Герасимова и др., 2009; Герасимова, Пежемский, 2013) и Закавказья (см., например: Мкртчян, Мовсесян, 2020) в этом отношении изучены гораздо более основательно.

Основная задача данной работы – реконструкция погребального обряда древнеабхазского населения в эллинистический период на примере палеоантропологического источника из погребений на участке «Котёл» на Маркульском городище. Данный памятник исследу-

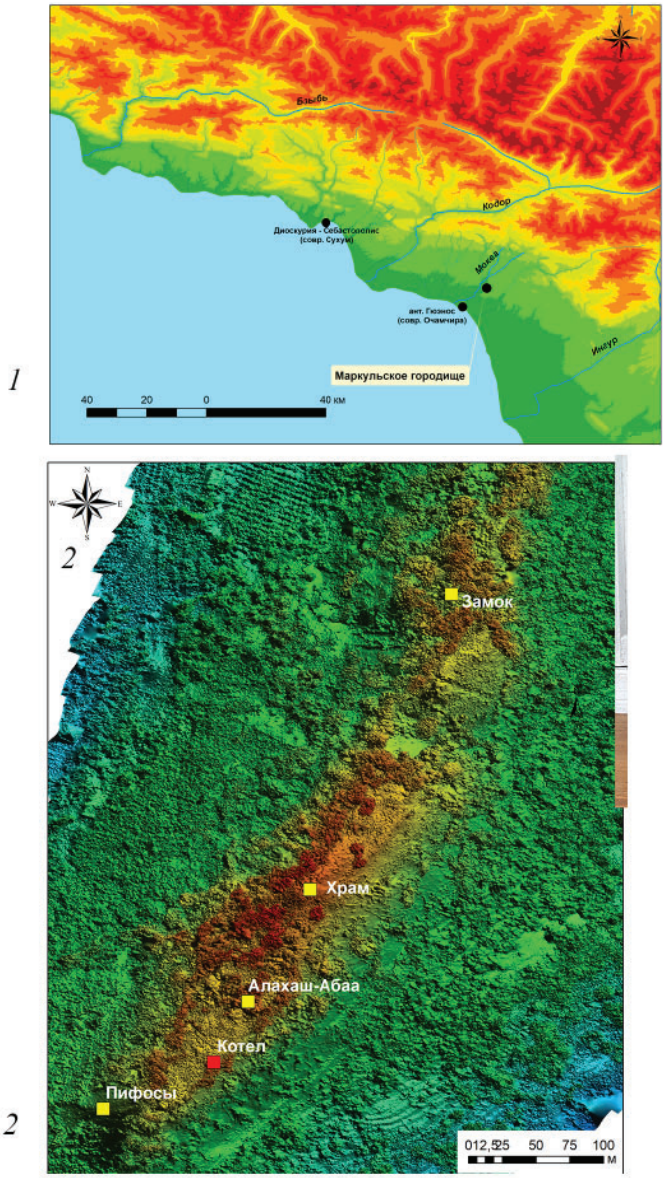


Рис. 1. Карта месторасположения городища (1) и ЦММ городища на основе фотограмметрии, с указанием участков раскопа (2)
Fig. 1. Map of the location of the settlement (1) and its CMM based on photogrammetry, indicating the excavation sites (2)

ется Маркульской международной российско-абхазской археологической экспедицией, организованной Институтом археологии РАН (ИА РАН) совместно с Абхазским институтом гуманитарных исследований Академии наук Абхазии (АбИГИ АНА). Исследования ведутся на памятнике, получившим название по топониму села в Очамчирском районе Республики Абхазия - Маркульское городище с 2014 г. Памятник расположен на левом берегу реки Моква и в 10 км от побережья Чёрного моря, места, где локализуется древнегреческий город Гюэнос (Шамба, 1988) (рис. 1: 1).

В ходе археологических исследований были изучены различные зоны городища: комплекс, условно обозначенный как «Храм» (раскопки проводились в 2014–2017 и 2022–2023 гг.), южная башня (Алахаш–абаа, 2018 г.), северная башня (2019–2021 гг.), сооружение под названием «Стена 2» (2020–2021 гг.), участок «Дорога» (2020–2023 гг.) и зона «Котел» (2023–2025 гг.). На юго-западном склоне выполнены археологические работы на следующих участках: шурф № 2 (2016 г.), шурф «Менгир» (2023 г.), раскопы «Нижний» и «Колодец» (2017–2019 гг.), а также участок

«Пифосы» (2021–2024 гг.). На 5 участках были найдены погребения (Юрков, 2025. с.101). Особенно важным в контексте данной статьи является участок «Котел» (2023–2025 гг.), где был выявлен склеп эллинистического времени (рис. 1: 2).

Участок «Котел» расположен у восточного края первого плато, в 57 метрах к югу от известной башни Алахаш-абаа. В июле 2023 г. на месте, несанкционированных раскопок, был заложен разведочный шурф размером 2 × 1,5 м, ориентированный по сторонам света (длинной стороной с севера на юг). В ходе исследования был выявлен нарушенный и перемешанный культурный слой, содержащий уникальные артефакты: медную ситулу, бронзовые браслеты, золотые бляшки (Сапрыкина и др., 2024), а также фрагменты костей животных и человека, разбросанные хаотично.

В ноябре того же года участок вновь стал объектом незаконных раскопок со стороны «чёрных копателей», которые оставили, кроме мелких углублений, крупную яму, размером 2×3 м. Систематические грабительские раскопки вынудили заложить здесь раскоп, до проведения геофизических исследований. В июле 2024 г. здесь был организован систематический раскоп площадью 7×4 м. В ходе работ был выявлен склеп эллинистического времени, вырубленный непосредственно в песчаниковом массиве. Датировка сооружения — середина III века до н.э. — подтверждается находкой клеймёной черепицы синопского типа. Склеп был заглублен на 40 см вглубь песчаникового слоя материка, верхняя часть стен не сохранилась, а нижняя представляла собой каменную кладку с глиняной обмазкой. В ходе исследования оставшегося перемешанного грунта культурного слоя было обнаружено значительное количество богатых и интересных артефактов: предметы из золота, серебра, бронзы, а также фрагменты железной руды, крицы, металлургических шлаков и готовых изделий из железа. Наличие шлаков, крицы и большого количества изделий из железа позволило сделать предположение, что погребенные здесь были связаны с кузнечным делом или культом бога-кузнеца, что косвенно говорит о том, что захоронения связаны с абхазской традицией погребения. Эти данные косвенно указывают на связь данного захоронения с местными абхазскими погребальными традициями.

К сожалению, большая часть (2/3) склепа была нарушена грабителями, что привело к перемешиванию культурного слоя и утрате стратиграфии и планиграфии (рис. 2). Однако, часть склепа осталась нетронутой, и предметы были найдены in situ, в частности погребения 6 и 7.

Материалы и методы

Большая часть исследованного участка (склепа) представляет собой переотложенный грунт из грабительских отвалов. Однако северная часть склепа осталась нетронутой грабителями, что позволило проследить обряд погребения. При снятии слоя «штык 3» был обнаружен завал черепицы, полностью перекрывающий исследуемый участок. Под слоем черепицы было обнаружено погребение 7 (рис. 3), представленное расставленным инвентарем и костными останками без какого-либо анатомического порядка. Но, так как данные артефакты лежали под сплошным слоем черепицы, мы можем говорить, что они располагались in situ. На западной стороне обнаружено перевернутое античное чернолаковое блюдо для рыбы. С южной стороны найдены два крупных (около 50 см длиной) гвоздя. Эти гвозди схожи с теми, что были ранее найдены в отвале грабительской ямы в ноябре 2023 г., но в этот раз они были обнаружены in situ. Первый гвоздь хорошо сохранился, тогда как второй сильно поврежден коррозией и разложился, вероятно, вместе с частью конструкции, в которую был вбит. Фрагменты подобных гвоздей, имеющих следы «деревянной поверхности», также были найдены в грабительском перекопе. В центральной части сосредоточены кости, битая керамика, украшения, под костями было обнаружено согнутое пополам медное блюдо. С северной стороны погребение примыкало к каменной выкладке и сверху по камням в погребение опустились железные скобы, в восточной части стоял маленький лепной горшочек.

Погребение 6 было найдено западнее погребения 7. Оно также примыкало к камням, которыми выложена по периметру вся яма склепа.

Артефакты здесь представлены трёхгранной бронзовой стрелой, миниатюрной чернолаковой тарелочкой, фрагментом чернолаковой тарелки с клеймом в виде пальметты, причём остальные фрагменты данной тарелки были обнаружены среди битой посуды в

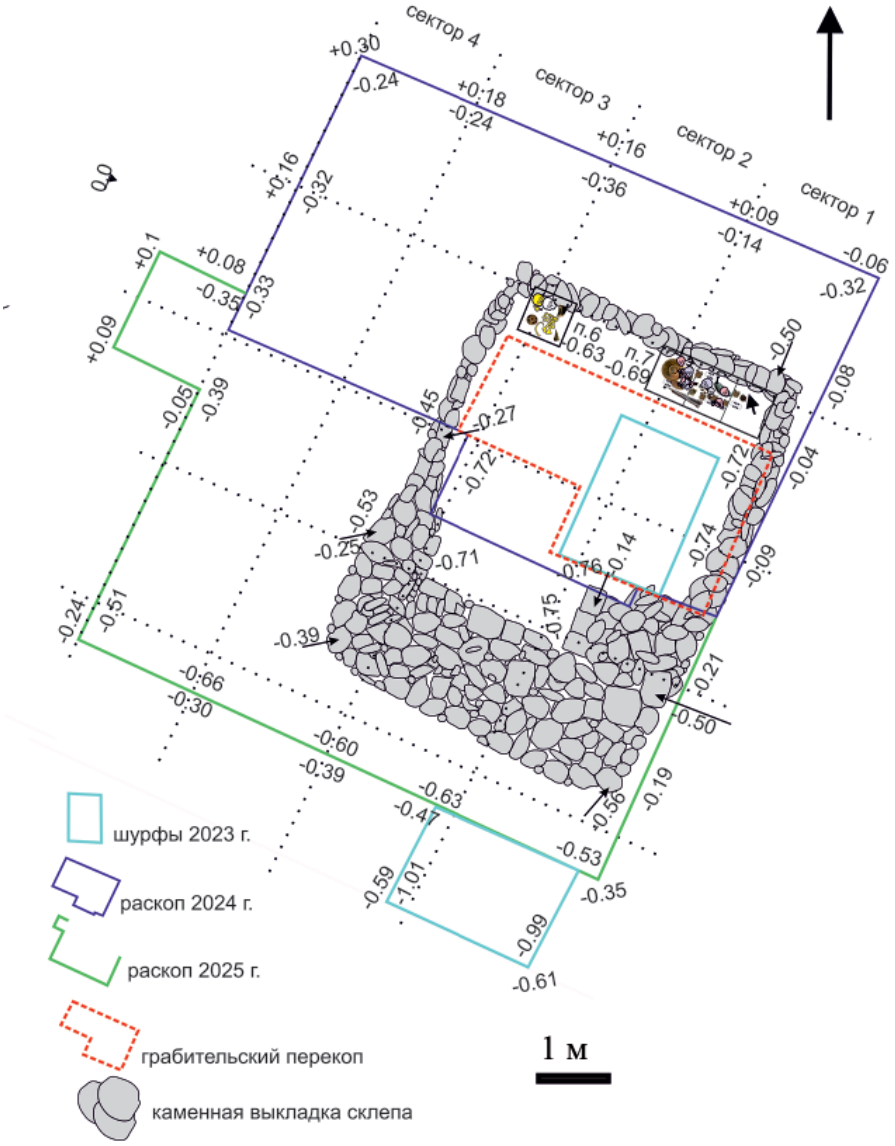


Рис. 2. План участка «Котел»
Fig. 2. Plan of the «Kotyol»

погребении 7, двумя фрагментами стеклянных сосудов, бусиной.

Используемые методы можно разделить на три группы: непосредственно полевые, камеральные и аналитические.

Полевые методы представляли собой расчистку костных останков, точную фиксацию их расположения (используя в том числе метод фотофиксации), извлечение, упаковку и шифровку их. Из-за некоторых особенностей раскопа, оговоренные выше полевые методы имели определённую специфику. Из особенностей можно выделить:

1) Раскоп проводился без присутствия профессионального палеоантрополога;

2) Грунт на памятнике представляет собой глинистые и суглинистые почвы, пронизанные большим количеством мелкой и средней гальки;

3) Неглубокое залегание погребений относительно дневной поверхности (менее 1 м), а следовательно большое количество корней растений (в том числе деревьев), которых в данном регионе (субтропического климата) огромное количество, что сильно затрудняет расчистку;

4) Плохая сохранность костных останков, характерная для данного региона;

5) Неанатомический порядок расположения костей, даже без какого-либо намека на него;

6) Кости сильно фрагментированы и перемешаны с костями животных.

Из-за данных особенностей остро стояла проблема провести максимально точную фиксацию расположения костных останков.

Погребение 6 было представлено компактно (в пределах до 40 см) расположенными костями черепа и частью иных костей под ним, и тут же около него сложенного инвентаря. А вот погребение 7 было достаточно протяженным (180 см). Поэтому, после максимальной возможной расчистки, оно было разделено на три сектора: Запад, Центр и Восток, для более точной фиксации местоположения находок. Кости снимались послойно в соответствующие секторам пакеты. По погребениям 6 и 7 получилось 9 пакетов с палеоантропологическим источником.

Камеральные методы можно подразделить на два этапа: первичный анализ в Абхазии и обработка материала в Москве.

Первый этап: кости животных были отсортированы от человеческих археозоологом Л.В. Яворской.

Второй этап: опись человеческих останков Д.В. Пежемским и автором статьи.

Аналитические методы включали в себя подробную отрисовку погребений с фиксацией местоположения костей и артефактов, для реконструкции погребального обряда, представленного в погребениях 6 и 7, что необходимо для верной интерпретации захоронений.

Погребение 7. Палеоантропологический источник был найден в секторе Центр и секторе Запад, в то время как в секторе Восток не было обнаружено костей человека.

В ***центральной части*** погребения были найдены фрагменты черепа в количестве 21 о.е. (фрагменты мозгового черепа и верхней челюсти), принадлежащие минимум трём индивидам:

Череп 1 представлен минимум десятью фрагментами лобной и обеих теменных костей. На покровных костях этого черепа (особенно теменных) фиксируются следы медных окислов. По швам предположительный возраст – 20(25) – 35 лет, пол женский. К данному черепу предположительно относится верхняя челюсть, но она также может принадлежать к черепу 2.

Череп 2 представлен фрагментами лобной и теменных костей. Швы открытые и внутри, и снаружи. Череп гипоморфный. Предположительный возраст adultus. Кроме всего прочего, к данному черепу относятся фрагменты черепа из пакета №2.

Череп 3 представлен тремя тонкокостными фрагментами.

Также в секторе Центр в верхнем слое непосредственно с перекрывающей погребение черепицей был найдены фрагмент дистальной части левой плечевой кости, а также несколько мелких фрагментов костей руки. Скорее всего плечевая кость индивида женского пола возраста adultus.

Кроме этого, в данном секторе были обнаружены: 1 зуб, 26 фрагментов костей взрослого. В основном, осколки длинных костей, есть осколок нижней челюсти (скорее всего женской). Имелись фрагмент ключицы; поясничный позвонок (juvenilis II – adultus); правая и левая височные кости; 2 фрагмента нижней челюсти с тремя зубами (adultus, может даже juvenilis II).

Сектор Запад представлен фрагментами мозгового черепа в количестве 20 о.е., а также фрагментами посткраниального скелета в количестве 11 о.е., Посткраниальный скелет в данной части погребения представлен двумя левыми бедренными костями (левая бедренная 1 и бедренная 2 в количестве трёх и двух фрагментов, соответственно); также были обнаружены два фрагмента левых тазовых костей (условно обозначены как «левая тазовая 1» и «левая тазовая 2», по одному фрагменту от каждой); к одной из них примыкает фрагмент крыла подвздошной кости. Также найдены: один фрагмент правой плечевой кости, один фрагмент диафиза плечевой кости и один фрагмент первого левого ребра. Кроме этого, в западном секторе были обнаружены 49 костей человека (16 из которых – фрагменты черепа): основание черепа взрослого индивида. Судя по подвздошной кости с неприросшим гребнем - индивид возраста infantilis II (10 – 12 лет) – juvenis II (до 22 лет). Также были 11 о.е. и два зуба. Среди них - фрагмент крупного ребра (скорее всего мужского), всё остальное - фрагменты черепа.

Погребение 6 представлено костями животных (к.ж.); костями взрослых (возможно из погребения 7); а также скелетом ребёнка (infantilis I), включающим многочисленные мелкие фрагменты черепа, часть правой плечевой кости, два отломка правой лучевой кости (предполагаемая длина — до 65 мм) и

Рис. 3. План погребения 7 с нанесением местоположения палеоантропологических останков.
Fig. 3. Plan of the burial 7 with the location of paleoanthropological remains

фрагмент бедренной кости, сохранившийся от средней части диафиза, двумя фрагментами большеберцовых костей (двух правых, одна из них по цвету и сохранности соотносится с лучевой), лучевой костью (ориентировочная длина не более 90 мм). По лучевой и бедренной кости, ребенок ⩽ 0.5 года. Встречены несколько дуг позвонков и рёбер, представлены 4 фрагмента лобной кости, которые, как и фрагменты двух большеберцовых, указывают на двух индивидов.

Второй ребёнок представлен только фрагментами черепа и зубами. Его возраст 2 – 3 года, т.к. имеет сросшующуюся лобную кость.

Фрагментов черепа для одного индивида много, они распадаются на две группы по толщине, что также свидетельствует о наличие двух детских индивидов.

Кроме всего прочего, представлены 3 фрагмента нижней челюсти с молочными зубами m2 с недоформированными на одну треть корнями.

Также имеется правый фрагмент верхней челюсти с молочным клыком и верхним моляром. Корни сформированы, кроме широко открытого апикса. Здесь же представлена коронка первого нижнего правого постоян-

ного моляра, сформированная на ¾. Шейка сформировалась не до конца.

Челюсти и зубы принадлежат одному и тому же ребёнку возраста 2 – 3 года.

Обсуждение

Из вышесказанного прослеживается явно, что погребение 6 – погребение детское, а погребение 7 – взрослое, так как наличие взрослых костей в погребение 6 и детских в погребение 7 представлено отдельными фрагментами, положенными туда явно не специально, их наличие объясняется характерными для региона движениями грунтов, а также высокой сейсмологической активностью (фиксируется крупное землетрясение в VII в.).

Учитывая отсутствие какого-либо намёка на анатомический порядок костей, нами выдвигается версия, что мы имеем дело с обрядом вторичного погребения.

Во-первых, на Маркульском городище уже встречалась данная погребальная традиция: погребение 2 на участке «Пифосы», датированное II в.н.э., представленное черепом ребёнка, аккуратно поставленным на длинные кости ног (Требелева и др., 2023, с.186 - 187), в определённой степени данное погребение похоже на детское погребение 6

Во-вторых, описание обряда вторичного погребения встречается в нарративных источниках:

У Аполлона Родосского:

«В ряд обильно ракиты росли и плакучие ивы,

К их вершинам веревками были привязаны трупы.

Даже теперь у колхов преступным считается делом

Тела почивших огню предавать. Не дозволено также,

Их обрядив, на земле насыпать могилу над ними.

Но, закутанных в сыромятные шкуры воловьи,

Мертвых за городом на деревьях принято вешать.

С воздухом равную долю, однако, земля получает.

Женщин они хоронят в земле. Таковы их законы.» [Apol. Rhod. Arg. , III, 199-207] (Родосский, 2001. с.102).

И у османского путешественника XVII в. - Эвлия Челеби: «Два дня ходьбы далее к западу, по морскому берегу, находятся развалины древнего замка Срубишь … Этот абхазский народ странным образом хоронит своих беков; тело усопшего кладут в деревянный ящик, который прикрепляется к ветвям высокого дерева; под головой в ящике оставлено отверстие, дабы бек мог, как они говорят, видеть небо (Челеби, 1983. с.52).

В-третьих, в пользу данной версии говорят вышеописанные археологический и палеоантропологический контекст этих погребений – кости найдены под завалом черепицы в нетронутой грабителями части склепа, то есть in situ, по найденному инвентарю можно сказать, что посвящено данное погребение богу-кузнецу (то есть мы имеем дело с погребальными традициями местного населения), погребения без какого либо намёка на анатомический порядок скелетов, погребения с анатомической неполнотой, т.е. не все кости скелета представлены.

Однако, стоит отметить, что для взрослого погребения 7 можно выдвинуть и иную версию: для античных склепов отсутствие анатомического порядка характерно по причине их многоразового использования, когда нового погребенного кладут на уже ранее захороненного, сдвигая и разрушая тем самым анатомический порядок последнего. В погребении 7 мы фиксируем минимум 2 взрослых индивидуума, оно имеет вытянутую форму, и два слоя инвентаря: медная тарелка и часть битой керамики лежат под основным слоем костей. Поэтому нельзя исключать данную версию. Хотя не исключено, что и каждое последующее захоронение было совершенно в форме вторичного, а вытянутость формы объясняется смещением в расстановке инвентаря и укладке костяков.

Погребение 6, детское, скорее всего, вторичный обряд. В пользу этой версии говорят компактное расположение костей, и аналогия с погребениями на участке «Пифосы», где именно детское погребение было совершено по вторичному обряду, а взрослые были в форме ингумаций.

Выводы

1)Описанные погребения имеют возрастную корреляцию. Погребение 6 – детское, погребение 7 – взрослое.

2)Скорее всего мы имеем дело с такой погребальной традицией древнеабхазского населения, как обряд вторичного погребения, для которого характерны компактное распо-

ложение костей без анатомического порядка, и, как правило, не в полном комплекте: чаще всего представлены череп и длинные кости. Именно такой набор мы и наблюдаем в исследованных погребениях.

3) Погребение 7 имеет вторую интерпретацию: склеп использовался древнеабхазским населением не один раз и более поздние захоронения сдвигали более ранние.

4) Обряд вторичного погребения характерен для населения Абхазии начиная с эпохи бронзового в. (Лордкипанидзе, 1974. с.180), но не характерен для греческого населения.

В тоже время, сама форма склепов не характерна для Абхазии и ранее здесь не встречалась. Такой тип погребений признак, скорее, эллинистической традиции. Наиболее известны боспорские каменные склепы (Савостина, 1984). Таким образом, можно сделать вывод, что данный погребальный памятник оставило местное абхазское население, подвергшееся эллинистическому влиянию.

Благодарности:

Выражаю багодарность к.и.н., н.с. отдела классической археологии ИА РАН – Г.В. Требелевой и к.и.н, с.н.с. отдела искусств и отдела археологии АбИГИ АНА С.М. Саканиа, являющимися руководителями Маркульской экспедиции ИА РАН – АбИГИ АНА, за возможность использовать и опубликовать материал. А также к.б.н., с.н.с. НИИ и Музея антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Д.В. Пежемскому за помощь в обработке палеоантропологического источника.

ЛИТЕРАТУРА

Абдушелишвили М.Г. Антропология населения Кавказа в позднеантичном времени. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 310 с.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 323 с.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с.

Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. История изучения археологии Абхазии (до 1975 г.). Тбилиси: Мецниереба, 1982. 81 с.

Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавкасионской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого города. Ч. 2 / Отв. ред. А.А. Зубов. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1997. С. 606–654.

Герасимова М.М. Население Северного Кавказа в раннем железном веке // Вестник антропологии. 2004. Вып. 11. С. 76–86.

Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Палеоантропология населения кобанской культуры. // Международная научная конференция «Население Юга России с древнейших времен до наших дней» (Донские антропологические чтения (26–30 авг. 2013 г., Ростов-на-Дону, Россия) / Отв. ред. Д.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2013. С. 24–32.

Герасимова М.М., Суворова Н.А., Фризен С.Ю. Палеоантропологические материалы ранних алан с территории Северной Осетии – Алании // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа / МИАР. № 11. М.: ИА РАН, ТАУС, 2009. С. 324–340.

Герасимова М.М., Фризен С.Ю. Население Ставрополья в сарматское время (по краниологическим данным) // Северный Кавказ и мир кочевников в Раннем железном веке / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев, Р.М. Мунчаев / МИАР. № 8. М.: Таус, 2007. С. 491–497.

Кэыҷниа П.К. Аҧсуаа рантропологиа азҵааразәа. Сухум: Алашара, 2000. 106 с.

Лордкипанидзе Г.А. Древняя Колхида в VI-II вв. до н.э. Историко-археологическое исследование. Дисс. … докт. истор. наук. Тбилиси, 1974. 170 с.

Мкртчян Р.А., Мовсесян А.А. Древнее население бассейна озера Севан (палеофенетический анализ) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2020. № 4. С. 79–89.

Нюшков В.А. Апсилы и Апсилия в историографии последних десятилетий // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. / Отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: ИВ РАН, 2013. С. 76–94.

Родосский Аполлоний. Аргонавтика / Изд. подгот. Н. А. Чистякова. М.: Наука, 2001. 237 с.

Савостина Е.А. Боспорские склепы: Типология, эволюция, историческая интерпретация. Дисс. ... канд. истор. М., 1984. 205 с.

Сапрыкина И.А., Требелева Г.В., Касинцева Е.О. Золотые изделия из склепа III в. до н.э. на Маркульском городище // КСИА. 2024. Вып. 277. С. 92–112.

Требелева Г.В., Шведчикова Т.Ю., Юрков В.Г., Яворская Л.В. Раскопки на Маркульском городище (2021–2022 гг.) // Hyparnis. 2023. 5. С.178 – 196

Челеби Э. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 3 Земли сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М. Наука, 1983. 377 с.

Шамба С.М. Гюэнос-I. Тбилиси: Мецниереба, 1988. 133 с.

Юрков А.Г. Обзор погребальных и палеоантропологических комплексов Маркульского городища (Очамчирский район, Республика Абхазия) // Археология Евразийских степей. 2025. № 2. С. 99–111.

Информация об авторах:

Юрков Альберт Глебович, лаборант, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); albertyurkov@yandex.ru

REFERENCES

Abdushelishvili, M. G. 1978. *Antropologiia naseleniia Kavkaza v pozdneantichnom vremeni (Anthropology of the population of the Caucasus in late Antiquity).* Tbilisi: “Metsniereba” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (Kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (Craniological research)).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Gokhman, I. I. 1986. In Alekseev, V. P (ed.). *Problemy antropologii drevnego i sovremennogo naseleniya Sovetskoy Azii* (*Issues of the Anthropology of the Ancient and Contemporary Population of Soviet Asia*). Novosibirsk: “Nauka” Publ., 87–107 (in Russian).

Bgazhba, O. Kh., Voronov, Yu. N. 1982. *Istoriia izucheniia arkheologii Abkhazii (do 1975 g.) (History of the study of the archaeology of Abkhazia (untill 1975))*. Tbilisi: “Metsniereba” Publ. (in Russian).

Gerasimova, M. M. 1997. In Zubov, A. A. (ed.). *Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda (The unity and diversity of the human city)* Part 2. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, 606–654 (in Russian).

Gerasimova, M. M. 2004. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 11, 76–86 (in Russian).

Gerasimova, M. M., Pezhemskyi, D. V. 2013. In Matishov, D. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Naselenie Iuga Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei» (Donskie antropologicheskie chteniia (26–30 avg. 2013 g., Rostov-na-Donu, Rossiia) (International scientific conference «Population of the south of Russia from ancient Ttmes to the present day» (Don anthropological readings (August 26-30, 2013, Rostov-on-Don, Russia)).* Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 24–32.

Gerasimova, M. M., Suvorova, N. A., Frizen, S. Yu. 2009. In Gabuev, T. A., Malashev, V. Yu. *Pamiatniki rannikh alan tsentral’nykh raionov Severnogo Kavkaza (Sites of the Early Alans of Central Areas of the Northern Caucasus)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 11. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; “Taus” Publ., 324–340 (in Russian).

Gerasimova, M. M., Frizen, S.Yu. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu., Munchaev, R. M. (eds.). *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v Rannem zheleznom veke (The North Caucasus and the world of nomads in the early Iron Age).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 8. Moscow: “Taus” Publ., 491–497 (in Russian).

Kvitsinia, P. K. 2000. *Aŋsuaa rantropologia azʔaarakəa (Issues of Abkhaz arthropology).* Sukhum: “Alashara” Publ. (in Abkhaz).

Lordkipanidze, G. A. 1974. *Drevniaia Kolkhida v VI-II vv. do n.e. Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Ancient Colchis in the 6th–2nd centuries BC. Historical and archaeological research).* Diss. of Doctor of Historical Sciences. Tbilisi (in Russian).

Mkrtchyan, R. A., Movsesyan, A. A. 2020. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*) (4), 79–89 (in Russian).

Nyushkov, V. A. 2013. In Skakov, A.Yu. (ed.). *Uchenye zapiski Tsentra izucheniia Tsentralnoi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzhia Instituta Vostokovedeniia RAN (Transactions of the Center of IOS, RAS, for Studies of Central Asia, the Caucasus and Urals-Volga Region)* Vol. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 76–94(in Russian).

Apollonius of Rhodes. 2001. *Argonavtika (Argonautics).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Savostina, E. A. 1984. *Bosporskie sklepy: Tipologiia, evoliutsiia, istoricheskaia interpretatsiia (Bosporan crypts: Typology, evolution, historical interpretation).* Diss. of Doctor of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Saprykina, I. A., Trebeleva, G. V., Kasintseva, E. O. 2024. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology*) 277, 92–112 (in Russian).

Trebeleva, G. V., Shvedchikova, T. Yu., Yurkov, V. G., Yavorskaya, L. V. 2023. In *Hypanis*. (5), 178–196 (in Russian).

Chelebi, E. 1983. *Kniga puteshestviya (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka*) *(Travel book. (Extracts from the writing of Turkish traveler of the 17th century)* 3. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Shamba, S. M. 1988. *Guenos-I*. Tbilisi: "Metsniereba" Publ. (in Russian).

Yurkov, A. G. 2025. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* (*Archaeology of the Eurasian Steppes)* 2, 99–111 (in Russian).

About the Author:

Yurkov Albert G. Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova str., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; albertyurkov@yandex.ru

Статья поступила в журнал 03.11.2025 г.
Статья принята к публикации 21.01.2026 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.90.95

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В НАГРУДНЫХ УКРАШЕНИЯХ МАРИ И МОРДВЫ

© 2026 г. Е.В. Волкова

В статье рассматривается феномен традиционных нагрудных украшений финно-угорских народов как маркера этнической и мировоззренческой идентичности. Исследование сосредоточено на анализе семантики орнаментации женских нагрудных украшений мари и мордвы. Основная цель работы – интерпретация символических значений, заложенных в декоративных элементах сюльгам, на примере коллекции Археологического музея КФУ. Сравнительный анализ орнаментов на металлических изделиях и традиций вышивки марийцев и мордвы позволил преодолеть фрагментарность археологических находок. В результате исследования были выявлены и интерпретированы ключевые орнаментальные мотивы. Основной вывод исследования заключается в том, что орнамент на сюльгамах не был просто декоративным элементом, а выполнял важную знаковую функцию. Он интегрировал владелицу украшения в систему мифологических координат и обеспечивал её защиту.

Ключевые слова: археология**,** нагрудные украшения, финно-угорские народы, мари, мордва, сюльгама, религиозно-мифологические представления.

RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL CONCEPTS AS REFLECTED IN THE PECTORAL ORNAMENTS OF THE MARI AND MORDVINS

E.V. Volkova

The article examines the phenomenon of traditional Finno-Ugric pectoral ornaments as a marker of ethnic and ideological identity. The study focuses on the analysis of the semantics of the ornamentation of Mari and Mordovian female pectoral ornaments. The main purpose of the work is to interpret the symbolic meanings embedded in the decorative elements of the sulgama using the example of the collection of the Archaeological Museum Kazan Federal University. A comparative analysis of the ornaments on metal artifacts and the embroidery traditions of the Mari and Mordva made it possible to overcome the fragmentary nature of the archaeological finds. As a result of the research, key ornamental motifs were identified and interpreted. The main conclusion of the study is that the ornament on the sulgams was not just a decorative element, but served as an important symbolic function. It integrated the ornaments wearer into a system of mythological coordinates and ensured her protection.

Keywords: archaeology, pectoral ornaments, Finno-Ugric peoples, Mari, Mordvins, sulgama, religious and mythological representations

Нагрудные и шейно-нагрудные украшения это один из ключевых элементов традиционного финно-угорского костюма. Данная статья будет в большей степени посвященный только одному роду украшений – сюльгамам.

Сюльгама представляет собой металлическую застёжку-фибулу с круглой или овальной дужкой и подвижной иглой. Прототипы данных застежек известны с раннего железного века и сохраняли свою актуальность вплоть до XIX века.

Основным материалом нашего исследования послужили сюльгамы из коллекций АКУ-79 и АКУ-80 из фонда Археологического музея КФУ. Полная характеристика предметов затруднена, так как они поступили в музей в 1913 году.

Из архивных записей нам известно, что коллекция АКУ-79 состоит из украшений, обнаруженных в мордовских погребениях Ардатовского уезда Симбирской губернии (Ныне Ардатовский район Республика Мордовия) и датированных не ранее чем XVII веком (по монете – английский токен XVII века времён Вильгельма III из этой же коллекции). В данной коллекции 13 сюльгам.

Коллекция АКУ-80 включает материалы раскопок Стоянова (ныне Горно-марийский район Республики Марий Эл) близ р. Малого Сундыря, а также предметы из могилы

марийского кладбища близ деревни Нурбель Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Уржумский район Кировской области). Данная коллекция насчитывает 18 сюльгам. С помощью археологической карты республики Марий Эл (Никитин, 2009. с. 30) удалось выяснить, что в 1870 году близ Малого Сундыря Е. В. Стояновым впервые были проведены раскопки марийского языческого кладбища XVI-XVII веков. Вероятно, часть материалов именно этих раскопок и была передана Географическому кабинету в 1913 году.

Таким образом, в поле нашего внимания – 31 сюльгама.

Несмотря на то, что материалы коллекций относятся к различным группам финно-угорского населения, мы посчитали возможным объединить их, поскольку они представлены одним видом нагрудных украшений.

Данная статья сосредоточена на выявлении и систематизации общих черт. Анализ этих ранее неопубликованных материалов позволил выделить три основных типа сюльгам: кольцевидные с несомкнутыми концами (14 экз.), овальные с несомкнутыми концами (15 экз.) и лопастные (2 экз.), а также восемь вариаций внутри типов.

В ходе исследования мы обратили внимание на орнаментацию некоторых украшений. Возникло предположение, форма самого украшения, его расположение и орнаментация имеют сакральное значение в марийской и мордовской культурах и отражают определенные мифологические взгляды.

Все три представленные группы (мордва-эрзя, луговые и горные марийцы) принадлежат к поволжским финнам, что предполагает глубокие исторические связи, общее мифологическое наследие в дохристианский период. Они долгое время находились в схожих природных и географических условиях Среднего Поволжья и подвергались аналогичным внешним воздействиям. Это позволяет предполагать, что базовые символы должны иметь сходное значение. К примеру, форма украшения (овальные и кольцевидные, стремятся к кругу) с высокой вероятностью символизирует солнце.

Исследования декоративно-прикладного искусства показывают, что в большинстве случаев оно содержит свою систему понятий, знаков и символов. Понимание этой системы и анализ сохранившихся элементов культуры (таких как форма и орнамент) позволяет спустя столетия определять этническую принадлежность, пол, социальный статус в семье и обществе, а также символическое значение предметов (свадебное, погребальное, культовое) (Никитин, Никитина, 2004, с. 55). Благодаря этому же можно сделать некоторые предположения о религиозно-мифологических представлениях носителей культуры.

Для интерпретации элементов орнамента нагрудных украшений мы использовали этнографические данные, которые описывают восприятие символов самими носителями культуры. Для сравнения была выбраны орнаментальные мотивы вышивки, поскольку она является наиболее устойчивым выражением культурной традиции. Орнамент на вышивке, зафиксированной в средневековых марийских захоронениях, имеет общие черты с более поздними этнографическими образцами, что подчеркивает преемственность культурной традиции (Никитина, Ефремова, 2012, с. 339). Кроме того, как отмечала этнограф Г.И. Соловьева, нагрудная вышивка перенимала сакральную «обережную» функцию сюльгам, по мере того как металлические украшения упрощались и исчезали из употребления (Соловьева, 1982, с. 20).

Орнаментацию имеют украшения преимущественно из коллекции АКУ-80, они и представляют наибольший интерес. Эти дореволюционные сборы, которые были обнаружены Н.Ф. Калининым и обработаны Н.Д. Аксеновой.

Виды орнаментов всего можно поделить на три основные группы – зооморфный (и антропоморфный), растительный и геометрический (Молотова, 1992, с. 11). Непосредственно на сюльгамах из коллекции присутствуют последние два.

Среди кольцевидных сюльгам орнаментация встречается двух видов – либо это наклонные линии от центра, похожие на еловую ветвь растительные мотивы; либо это образованные наклонными линиями треугольники, составляющие узор. Ещё один примечательный предмет из этой серии – сюльгама, которая сочетает в себе два вида орнамента. Первая половина украшена узором из треугольников, а вторая – только наклонными насечками с одной стороны (рис. 1).

Растительный орнамент в марийской культуре выполняет обережную функцию. Мотив

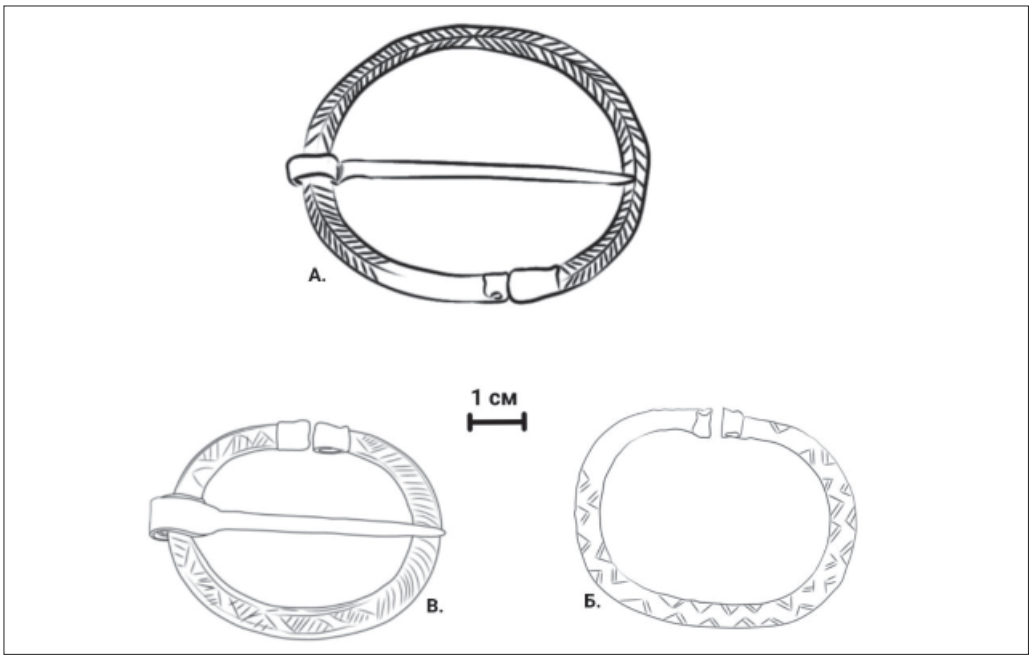


Рис. 1. Орнамент на сюльгамах: А – растительный; Б – геометрический; В – сочетание двух видов
Fig. 1. Ornament on *sulgamas*: А – floral; Б – geometric; В – combination of two types.

«древа» выражал защиту от злых сил, олицетворяя могущество природы и связь с жизненным началом. Ветка, согласно традиционным представлениям, символизировала источник сверхъестественной силы (Соловьева, 2002, с. 24–27).

Отдельно этнографом Г.И. Соловьевой выделяется орнаментальный мотив «сосна», «сосновая ветвь». Хвойная символика, по её мнению, воплощает связь с верхними мирами и Дочерью Бога (Соловьева, 2002, с. 26). Аналогичный мотив часто встречается и в мордовской вышивке (Белицер, 1979, с. 363–368).

Для овальных сюльгам характерно преобладание геометрического орнамента из треугольников. Среди данной группы особо выделяются две сюльгамы с широким и плоским дротом, на который нанесены два ряда треугольников, вершины которых направлены к центру. Между треугольниками нанесены две пунктирные линии (рис. 2).

В последней группе всего два экземпляра (рис. 3.). Это лопастные сюльгамы с двумя прямоугольными треугольниками, декорированные геометрическим орнаментом (включающим круги, полукруги и зигзаги). По периметру каждой лопасти расположены кольца для привесок. Согласно классификации В. Н. Блицер, такие сюльгамы бытовали у мордвы-мокши в XVIII – первой половине XIX века (Белицер, 1977, с. 196–197). Однако рассматриваемые предметы (АКУ-80/29-1 и АКУ-80/29-2) архивно атрибутированы как находки из марийских погребений (экземпляр АКУ-80/29-2 сохранился фрагментарно: одна лопасть утрачена вследствие коррозии).

Такие геометрические фигуры как треугольники и ромбы в финно-угорских культурах традиционно ассоциируются с женским началом, материнством и плодородием. Округлые фигуры чаще всего представляют солярные символы (Бортникова, 2014, с. 90-93). Кроме того, в марийской вышивке треугольные мотивы имеют специфические названия: «рыбий глаз», «вороний глаз», «утиный глаз». Сочетанием ромба и треугольника создаются условные изображения женских силуэтов (Соловьева, 2002, с. 23-24). Ромб и различные его варианты являются основным элементом мордовской вышивки (Мартьянов, 1991, с. 13-14).

По мнению этнолога П. А. Космено геометрический орнамент распространен преимущественно на изделиях обиходно-бытового назначения, и несет в себе защитную символику (Космено, 2011, с. 264). Для исполнения закладываемых в них функций орнаменты имели строго определенное расположение: на пограничных элементах костюма (воротниковой зоне, подоле, рукавах, груди и т. д.), дома (ворота, окна), ритуальных предметах быта (Бортникова, 2014, с. 88–89).

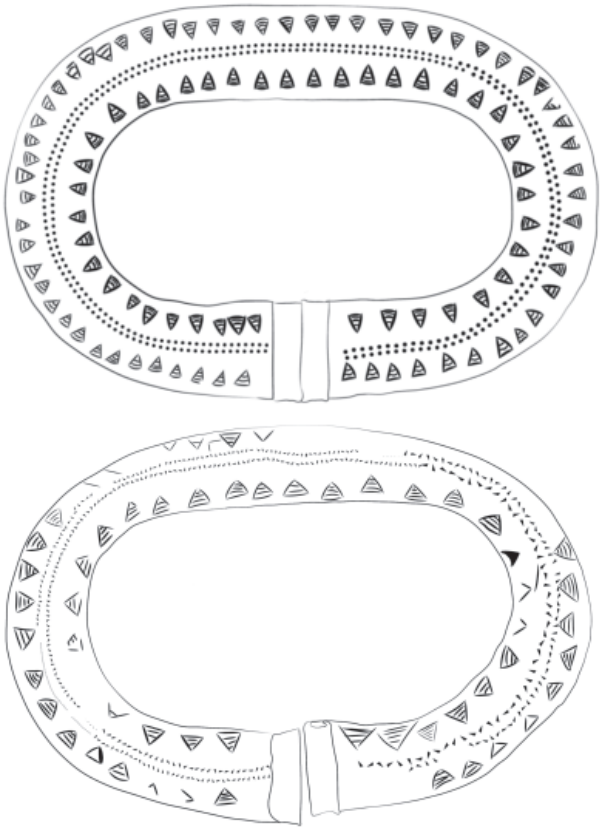


Рис. 2. Орнамент на сюльгамах с широким дротом
Fig. 2. Ornament on sulgamas with a wide base.

Стоит также учитывать, что семантическое значение узора может зависеть от его местоположения (Соколова, Кудрявцев, 2019, с. 135). Таким образом, сами символы могут нести разные значения – ромбический узор на подоле костюме это, например, поле и плодородие. Те же символы, но в головном уборе находятся в другом контексте и могут символизировать связь с небесными силами. Не менее существенна и функциональная нагрузка, которую предполагалось нести орнаментированному предмету (Мартьянов, 1991, с. 8). Практическое и семиотическое назначение неразрывно связано с общей символической системой костюма.

Рассматриваемые нами сюльгамы обнаружены в мордовских и марийских погребениях. У поволжских финнов доминировал обряд трупоположения, при котором погребенный облачался в костюм, отражавший его социальный статус. Это прослеживается как у марийцев (Павлова, 2020, с. 424), так и у мордвы в XVI –XIX веках (Малкова, 2025, с. 24). Однако украшение могло попасть в погребение не только как деталь костюма, но и в качестве жертвенной вещи. Такая практика характерна для многих народов и достаточно широко распространена в мордовских погребениях (Малкова, 2025, с. 50–52). Сюльгамы часто встречаются в составе даров в погребениях, что может косвенно подтверждать их сакральное значение.

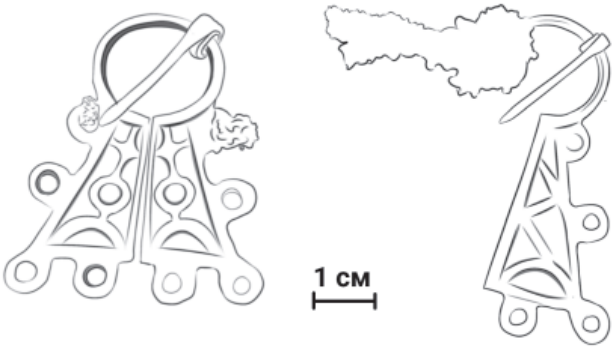


Рис. 3. Лопастные сюльгамы
Fig. 3. Lobed sulgamas.

Первичная функция сюльгам утилитарная: они служат для скрепления вырезов на рубахах в мордовском и марийском традиционном костюме (Гаген-Торн, 1960, с. 78–82). Помимо своего прямого назначения эти украшения являлись так же оберегами и показателями статуса владелицы. С помощью растительного и геометрического орнамента в украшения должна была вплетаться защитная сила, ассоциируемая с этими изображениями.

Таким образом, религиозно-мифологическое представление пронизывало все сферы жизни человека и наделяло сакральным смыслом обыденные предметы. Женские нагрудные украшения не были исключением из этого правила.

ЛИТЕРАТУРА

Белицер В.Н. Мордовские сюлгамы // СА. 1977. № 2. С. 193–200.

Белицер В.Н. Терминология мордовской вышивки и ее характерные особенности // Вопросы финно-угроведения. Вып. IV / Отв. ред. И.С. Бузаков. Саранск: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, 1979. С. 363–368.

Бортникова Н.В. Орнаментальная культура удмуртов. Семантика женских образов // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 2 (33) / Отв. ред. А.И. Гулин. Новосибирск: СибАК, 2014. С. 86–93.

Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.

Косменко А.П. Послания из прошлого. Традиционный орнамент финноязычных народов северо-запада России. Петрозаводск: Скандинавия, 2011. 304 с.

Малкова Н.М. Погребальные традиции мордвы в XVI – начале XIX вв. / Археология евразийских степей. Вып. 35. Казань: АН РТ, 2025. 240 с.

Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. 112 с.

Мартьянов В.Н. Мордовская народная вышивка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1991. 114 с.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: ОАО «МПИК», 2009. 416 с.

Никитин В.В. Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю. Женщины-«Литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. Как носители этнической традиции // Труды КАЭЭ. Вып. VIII / Под ред. А.М. Белавина. Пермь: ПГГПУ, 2012. С. 336–344.

Павлова А.Н. Костюм в погребальной обрядности марийского народа // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 423–429.

Соколова М. Н., Кудрявцев В. Г. Образная структура марийского народного костюма // Современное общество: актуальные проблемы и перспективы развития в социокультурном пространстве: Сборник научных трудов VI Международная научно-практическая конференция, Чебоксары, 19 марта 2019 года / Под ред. Г.Н. Петрова. Чебоксары: Плакат, 2019. С. 131-136.

Соловьева Г.И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1982. 107 с.

Соловьева Г.И. Терминология марийской вышивки. Ч. 1. Йошкар-Ола, 2002. 136 с.

Информация об авторе:

Волкова Евгения Викторовна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия), volkova.yevgeniya.06@mail.ru

REFERENCES

Belitser, V. N. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 193–200 (in Russian).

Belitser, V. N. 1979. In Buzakov, I. S. (ed.). *Voprosy finno-ugrovedeniia (Issues of Finno-Ugric studies)* 4. Saransk: Scientific Research Institute of Language, Literature, History and Economics under the Council of Ministers of the Mordovian ASSR, 363–368 (in Russian).

Bortnikova, N. V. 2014. In Gulin, A. I. (ed.). *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniia i kulturologii (In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies).* Novosibirsk: "SibAK" Publ., 86–93 (in Russian).

Gagen-Torn, N. I. 1960. *Zhenskaia odezhda narodov Povolzh'ia (Women Dress of Peoples of the Volga Region)*. Cheboksary: "Chuvashgosizdat" Publ. (in Russian).

Kosmenko, A. P. 2011. *Poslaniia iz proshlogo. Traditsionnyi ornament finnoiazychnykh narodov severo-zapada Rossii (Messages from the past. Traditional ornament of Finno-Ugric peoples of Northwestern Russia).* Petrozavodsk: "Skandinaviia" Publ. (in Russian).

Malkova, N.M. 2025. *Pogrebalnye traditsii mordvy v XVI – nachale XIX vv. (Burial rites of the Mordvins in the 16th - Early 19th centuries).* Series: Arkheologiia evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 35. Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Molotova, T. L. 1992. *Mariiskii narodnyi kostium (Mari Popular Costume)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Mart'ianov, V. N. 1991. *Mordovskaia narodnaia vyshivka (Mordovian folk embroidery).* Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Nikitin, V. V. 2009. *Arkheologicheskaia karta Respubliki Marii El (Archaeological Map of the Mari El Republic)*. Yoshkar-Ola: "Mariiskii poligrafichesko-izdatel'skii kombinat" Publ. (in Russian).

Nikitin, V. V. Nikitina, T. B. 2004. *K istokam mariiskogo iskusstva (To the Origins of the Mari Art)*. Yoshkar-Ola: Mari Scientific and Research Language, Literature, History and Ethnography Institute (in Russian).

Nikitina, T. B., Efremova, D. Yu. 2012. In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition)* VIII. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 336–344 (in Russian).

Pavlova, A. N. 2020. In *Finno-ugorskii mir (Finno-Ugric World)* 12 (4), 423–429 (in Russian).

Sokolova, M. N., Kudryavtsev, V. G. 2019. In Petrov, G. N. (ed.). *Sovremennoe obshchestvo: aktualnye problemy i perspektivy razvitiia v sotsiokulturnom prostranstve (Modern society: Current issues and development prospects in the social and cultural space).* Cheboksary: "Plakat" Publ., 131–136 (in Russian).

Soloveva, G. I. 1982. *Ornament mariiskoi vyshivki (Ornament of Mari embroidery*). Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Soloveva, G. I. 2002. *Terminologiia mariiskoi vyshivki (Terminology of Mari embroidery)* Part 1. Yoshkar-Ola. (in Russian).

About the Author:

Volkova Eugeniya V. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation.;volkova.yevgeniya.06@mail.ru

Статья поступила в журнал 18.09.2025 г.
Статья принята к публикации 11.02.2026 г.

УДК 902/904 572.71 572.781.2 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.96.105

НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ[1]

© 2025 г. А.Н. Абрамова

В статье представлены результаты изучения краниологической серии, происходящей из могильника XI-XIII вв. Данный памятник расположен близ села Южная Озереевка, входящего в г.о. Новороссийска (Краснодарский край). По краниометрической программе было изучено 12 мужских и 4 женских черепа. В ходе работы удалось показать морфологическое однообразие группы. Кроме того, нельзя исключать наличие небольшой монголоидной примеси, которая может быть результатом влияния золотоордынских переселенцев, однако без подробного анализа погребального инвентаря данный тезис пока остается неподтвержденным. В ходе сравнения с помощью t-критерия Стьюдента выборки из Южной Озереевки с другими средневековыми сериями, происходящими из могильников, расположенных также близ города Новороссийска, достоверных морфологических различий обнаружено не было. Еще одна более поздняя серия из раскопок мусульманского памятника Катусвина Кривица (г.о. Новороссийска) отличается от средневекового населения более протяженной мозговой коробкой и низким лицом, однако женская подгруппа не показала достоверных отличий ни по одному из признаков. В результате проведенного анализа мы можем заключить, что на обсуждаемой территории, в границах муниципальных образований городов Анапа и Новороссийск в XI-XIII вв., обитало морфологически схожее население, сохранившее свой облик вплоть до Нового времени.

Ключевые слова: археология, палеоантропология, краниометрия, эпоха Средневековья, адыги, черкесы, Причерноморье.

NEW CRANIOLOGICAL DATA ON THE MEDIEVAL POPULATION OF THE NORTH-ESTERN BLACK SEA REGION[2]

A.N. Abramova

The article presents the results of a study on a craniological series from an XI-XIII century burial ground located near the village of Yuzhnaya Ozereevka, part of the city of Novorossiysk. Using a craniometric program, 12 male and 4 female skulls were analyzed, revealing the morphological homogeneity of the group. The presence of a minor Mongoloid admixture cannot be excluded, potentially due to the influence of settlers from the Golden Horde; however, this hypothesis remains open pending a detailed analysis of the burial inventory. A comparison using Student's t-test between the Yuzhnaya Ozereevka sample and two other series from nearby burial grounds also near Novorossiysk showed no significant morphological differences. A more recent series from the Muslim monument of Katusvin Krivitsa differs from the medieval population by exhibiting a longer braincase and a shorter face, though its female subgroup remains morphologically similar to the medieval series. Overall, the analysis suggests that a morphologically consistent population inhabited the region within the current municipalities of Anapa and Novorossiysk, maintaining its appearance into modern times.

Keywords: archaeology, paleoanthropology, craniometry, the Middle Ages, the Adygs, the Circassians, Black Sea region.

Сегодня морфологический облик средневекового населения Предкавказья и Северного Причерноморья изучен достаточно хорошо. Краниологические серии, соотносимые с адыгами, были впервые опубликованы еще в конце XIX в. А.А. Тихомировым (Тихомиров, 1882) и А.П. Богдановым (Богданов, 1882). Традиция, начавшаяся более 140 лет назад, продолжилась и в XX веке. Г.Ф. Дебец отметил сходство черкесского населения XIV–XV вв. с выборкой из Мощевой Балки и с современными западными черкесами, а

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00869, https://rscf.ru/project/23-1800869/ «Мамлюки на Северном Кавказе в XIV–XVI вв.».

[2] The paper was prepared as a part of the Russian Science Foundation project No. 23-18-00869, https://rscf.ru/project/23-18-00869/»

также отсутствие связи с сарматскими сериями из Усть-Лабинского и Елизаветинского могильников (Дебец, 1948, с. 277). Конечно же, нельзя не упомянуть труд В.П. Алексеева, который не только подтвердил сходство черкесских средневековых выборок с населением Мощевой Балки, но и выявил наличие небольшой монголоидной примеси, которую автор связал с проникновением степных кочевников на территорию Предкавказья еще до золотоордынского нашествия (Алексеев, 1961; 1974). Исследовать средневековые выборки из могильников юга России продолжила М.М. Герасимова. Именно ею была изучена серия, происходящая из могильника Казазово-1. В результате этих исследований был подтвержден вклад аланских племен в сложение адыгской народности Западного Кавказа (Герасимова, Тихонов, 2003, с. 290). Также, благодаря Маргарите Михайловне, были изучены и введены в научный оборот три серии, ассоциирующиеся с черкесскими племенами и адыгами. Первая происходит из могильника Псебепс-3, датирующегося XIV–XV вв., и отличается долихокранией, а также высоким, широким и резко профилированным лицом (Герасимова и др., 2018, с. 108). Выборка из Кабардинки, относящаяся к тому же времени, оказалась неоднородной, с мезокранной мозговой коробкой, узким и средневысоким лицом (Там же, с. 109). Последний опубликованный в данной работе могильник Церковная щель датируется более поздним временем, XVII–XVIII вв., и, по мнению И.А. Дружининой, оставлен представителями адыгских племен (Дружинина, 2010, с. 102). Данная крайне малочисленная серия отличается долихокранией и узким и среднеширокими резко профилированным лицом (Герасимова и др., 2018, с. 110).

Е.Ф. Батиевой была изучена серия черепов из грунтового могильника Жукова, датирующегося XIII–XIV вв. Мужское население отличается мезодолихокранной черепной коробкой и узким лицом и схоже с выборкой из «черкесских курганов» XIV–XVI вв. (Батиева, 2011, с. 167). В этой работе впервые проводится анализ не только краниометрических данных средневековых черкесов, но и палеодемографических показателей и маркеров стресса, которые свидетельствуют о неблагополучных условиях жизни изученной группы. Следующая работа включает в себя, помимо краниометрического исследования, еще и одонтологическое (Батиева, Кашибадзе, 2020). Изучив серию из грунтового могильника Аушедз XIII–XIV вв., авторы также пришли к выводу о неблагополучии условий жизни населения. Морфологически же серия оказалась схожа с выборкой, происходящей из могильника Жукова. С точки зрения зубной системы одним из авторов была показана древность популяционного пласта, к которому относится население, погребенное на Аушедзе (Там же, с. 111).

Можно заключить, что средневековое население, обитавшее на территории Предкавказья, изучено достаточно хорошо. Причем не только с точки зрения морфологии. Археологические памятники Закубанья и Прикубанья также исследуются уже около 150 лет. Обширный корпус накопленных знаний нашел свое отражение в целом ряде трудов, подробный свод которых был приведен в диссертационном исследовании И.А. Дружининой (см. обзор литературы: Дружинина, 2018, с. 20–50). Однако, несмотря на столь давнее исследование средневекового оседлого населения юга России, все еще остается ряд нерешенных вопросов, связанных с процессами сложения и формирования полиэтничной среды на указанной территории как в период, предшествующий золотоордынскому нашествию, так и после него. Сегодня, благодаря работам В.П. Алексеева, М.М. Герасимовой и других исследователей, мы можем говорить, что в формировании средневековых черкесов приняли участие не только аланские племена, но и тюркское население, привнесшее в их среду монголоидный компонент. Однако до сих пор на палеоантропологическом материале не выделены и не описаны представители многочисленных племенных образований, о существовании которых мы знаем из письменных свидетельств средневековых авторов. Именно по этой причине изучение новых памятников дает нам больше возможностей понять сложные межэтнические процессы, протекавшие в Предкавказье в Средние века.

В 2024 году в ходе раскопок поселения Южная Озереевка Восточное, располагавшегося в городском округе Новороссийска (Краснодарский край), был открыт биритуальный могильник XI–XIII вв. (Голубев, 2025). Автором раскопок на палеоантропологическое исследование было передано более

100 скелетов, происходящих как из кремационных, так и из ингумационных погребений. После изучения пола и возраста погребенных было установлено, что средневековое население Северо-Восточного Причерноморья проживало в достаточно благополучных условиях, что отразилось на их высокой средней продолжительности жизни (Абрамова, 2025). Данная же работа, являющаяся следующим этапом запланированного комплексного исследования могильника Южная Озереевка Восточное, посвящена вопросам, связанным с морфологией черепа населения, погребенного на нем. После тщательной реставрации нам удалось изучить 12 мужских и четыре женских черепа по стандартной краниометрической программе (Дебец, 1935; Алексеев, Дебец, 1964; Martin, 1928).

Все морфометрические характеристики были сведены в базу данных на основе программы Excel, описательная статистическая информация представлена в табличной форме (табл. 1). Для межгруппового сопоставления использовался t-критерий Стьюдента.

Цель работы заключается в антропологической характеристике населения, погребенного на могильнике Южная Озереевка Восточное, на основании краниометрических данных. В задачи входило не только описать морфологические особенности данной выборки, но и провести сравнение с другими сериями, происходящими с территории памятников, расположенных близ Анапы и Новороссийска.

Нейрокраниум у мужчин характеризуется мезокранией, что обусловлено средними значениями продольного и поперечного диаметров (табл. 1). В целом размеры мозгового отдела соответствуют средним величинам. Лицо, как и нос, высокое и среднеширокое, при этом носовые кости средневыступающие, глазницы широкие и средневысокие. Переносье широкое и высокое. В горизонтальной плоскости лицо резко профилировано. Если же мы обратимся к индивидуальным величинам угловых размеров, несложно заметить, что у некоторых индивидов они находятся в категории средних значений, особенно сильно профилировка ослаблена на верхнем этаже лица у индивидов из погребений 16 и 11 (табл. 2).

Женские черепа брахикранные. Большинство размеров мозговой коробки, как и в случае с мужским населением, описываются средними значениями, кроме высотного диаметра, находящегося на границе средних и больших величин, и длины основания черепа, находящейся между малыми и средними размерами. Лицо среднеширокое и высокое. Нос высокий и узкий, угол выступания находится на границе малых и средних величин. Глазницы средней высоты и ширины.

Как уже говорилось выше, в первую очередь обращает на себя внимание то, что максимальные и минимальные значения углов горизонтальной профилировки лица на индивидуальном уровне у мужского населения колеблются от очень маленьких до средних значений, а выступание носа от малых до очень больших (табл. 2). Особенно обращают на себя внимание два мужских черепа. Один из них происходит из погребения 16. Череп данного индивида при больших значениях черепного указателя отличается средней высотой, широким лбом и средней ширины лицом. При этом нос у него выступает очень слабо, а лицо среднепрофилировано в горизонтальной плоскости. Индивид из погребения 11 имеет мезокранную и высокую черепную коробку, широкое лицо, слабо выступающий нос и среднепрофилированное лицо на верхнем его этаже. Вероятно, полученные данные могут свидетельствовать о наличии небольшой монголоидной примеси: в пользу этого говорит не только ослабленная профилировка лица, но и слабое выступание носовых костей. Данный результат можно сопоставить с ранее полученными В.П. Алексеевым данными, который также зафиксировал на материалах средневековых выборок, происходящих из подкурганных погребений с территории Черкессии, признаки смещения в сторону монголоидности (Алексеев, 1961). Несмотря на то что сегодня выводы В.П. Алексеева, сделанные им более 60 лет назад, требуют пересмотра в связи со слабой изученностью археологических данных по большинству памятников, давших ему материал для работы (Дружинина, 2016, с. 212), очевидно, что полное отсутствие представителей монголоидной расы на территории Предкавказья в период, непосредственно предшествующий золотоордынскому нашествию, исключать нельзя. К сожалению, из-за малочисленности изученной серии мы не можем провести внутригрупповой анализ с привле-

чением современных методов многомерной статистики, хотя с привлечением данных археологии это помогло бы по-новому взглянуть на особенности формирования Северо-Восточного Причерноморья в Средние века.

Следующим шагом нашего исследования проверим однородность изучаемой серии, для чего обратимся к анализу величин дисперсии, приведенных в таблицах сопоставления, составленных Г.Ф. Дебецем (Алексеев, Дебец, 1964). Некоторые признаки показывают повышенную изменчивость, в частности размеры, связанные с высотой и шириной черепной коробки и скуловым диаметром. Учитывая то, что период существования могильника приходится на время проникновения кочевого населения на территорию Предкавказья, выявленная неоднородность по данным признакам может быть связана именно с этим явлением. О присутствии тюрков в составе средневекового населения левобережья нижней Кубани также свидетельствуют и особенности погребального инвентаря из могильников, расположенных в районе г.-к. Анапы и ст. Гостагаевской (Дружинина, 2018, с. 287). Так как подробного анализа археологических находок из могильника Южная Озереевка Восточное еще не проводилось, выводы о присутствии в среде черкесов кочевников преждевременны и требуют дальнейшего изучения, в том числе с привлечением данных археологии.

Одним из вопросов, обсуждаемых в последнее время в среде специалистов, является область расселения известных черкесских племен. Очевидно, что на территории как Прикубанья, так и Закубанья существовало несколько племенных образований, для которых были свойственны свои обряды и обычаи (Алексеева Е.П., 1959, с. 21–22). При этом об особенности морфологического облика представителей данных сообществ нам ничего не известно. В свете этого факта достаточно интересно сравнить между собой с точки зрения морфометрических особенностей черепа синхронные серии, происходящие с небольшой территории Северо-Восточного Причерноморья. На сегодняшний день, помимо обсуждаемой выборки из могильника Южная Озереевка Восточное, нам известна еще одна серия, происходящая из раскопок другого курганного средневекового могильника, расположенного также недалеко от г. Новороссийска. Эта коллекция была получена в ходе раскопок в 2014–2015 гг. под руководством Л.Э. Голубева и В.В. Верещагина и датируется серединой XII – XIII вв. (Верещагин В.В., Верещагина Е.Л., 2017, с. 328, Верещагин, Голубев, 2020). Несмотря на то, что в ходе раскопок было исследовано два могильника, вошедших в учетную документацию под названием «Гос. № 258» и «Гостагаевская-1», после анализа краниометрических данных нам удалось показать морфологическую однородность двух выборок (Абрамова, 2024). В силу малочисленности обеих серий для дальнейшего анализа было принято решение объединить их. Следующая выборка, выбранная нами для анализа, также расположена близ города Новороссийска, однако датируется XVIII–XIX вв. Серия происходит из могильника Катусвина Кривица, погребения на котором совершены по мусульманскому обряду. Памятник был исследован в 2023 г. под руководством Голубева Л.Э., и черепа из него также были изучены (Абрамова, 2024). Помимо указанных серий, население, проживавшее в Средние века близ г. Новороссийска, изучал также В.П. Алексеев (Алексеев, 1961). Описанные им черепа происходят из курганов «близ города Новороссийска» и не имеют иной атрибуции, кроме зарегистрированной в НИИ и Музее антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова, как «принадлежащие предкам современных западных адыгейцев». В силу сомнительности их атрибуции, а также из-за малочисленности серии было принято решение не использовать эти данные для анализа (Алексеев, 1961, с. 209). Еще одна выборка, опубликованная В.П. Алексеевым, происходит из могильника Глебовка, который расположен в непосредственной близости от обсуждаемого нами памятника Южная Озереевка Восточное. Поэтому, несмотря на то что археологические материалы из могильника Глебовка так и остались неизученными, эта серия была использована нами при сравнении.

Как уже говорилось выше, для сопоставления населения, погребеного на могильниках Гостагаевская-1 и № 258, Катусвина Кривица и Глебовка, с выборкой, полученной при раскопках Южной Озереевки, был использован t-критерий Стьюдента (табл. 3). Достоверные различия по нескольким признакам мы наблюдаем только с мужским населением, обитавшим в XVIII–XIX вв. близ станицы Натухаевской. Для выборки из могильника

Катусвина Кривица характерна более протяженная черепная коробка, чем у населения XI–XIII вв., что отразилось и на значениях черепного указателя, который у позднего населения гипердолихокранный в отличие от мезокранного у средневековой выборки. Также достоверные отличия достигаются по высоте лица, глазниц и ширине носа (средневековое население более высоколицее, имеет относительно более высокие глазницы и узкий нос). При этом в случае с женской подгруппой, там, где это позволяла численность измерений, достоверных различий зафиксировано не было ни в случае с поздним населением Катусвиной Кривицы, ни в случае с немногочисленной и сильно фрагментированной средневековой выборкой из Гостагаевской.

Что касается двух других анализируемых выборок из средневековых могильников, то здесь достоверные различия фиксируются только по высоте глазниц, которая у группы из Южной Озереевки оказалась самой высокой. Полученный результат свидетельствует о морфологической однородности населения, обитавшего на территории Северо-Восточного Причерноморья в Средние века. При этом более позднее население с этой же территории, несмотря на различия по некоторым признакам, также значительно не отличается от выборки из Южной Озереевки.

В заключение необходимо отметить, что в целом для мужского населения, погребенного на могильнике Южная Озереевка Восточное, характерно высокое и среднеширокое лицо со средневыступающим носом и широкими и средневысокими глазницами. При этом мы не можем исключать наличие незначительной монголоидной примеси у некоторых представителей данной выборки. Также изученная серия оказалась морфологически однородной по большинству проанализированных краниометрических показателей.

Что касается сопоставления с другими синхронными сериями, происходящими из могильников, расположенных близ городов Новороссийска и Анапы, нами не было зафиксировано статистически значимых различий ни для мужского, ни для женского населения, кроме высоты глазницы, которая у мужчин обсуждаемого памятника оказалась несколько выше, чем у других привлеченных к анализу серий. К периоду Нового времени у мужского населения, обитавшего на территории современного г. о. Новороссийска, увеличилась протяженность мозговой капсулы, а лицо стало более низким. Женское же население с течением времени морфологически не изменилось. Однако здесь необходимо помнить в целом о более слабой морфологической изменчивости женщин. Также не следует забывать, что мужское население традиционно более мобильно, из-за чего зафиксированные изменения в строении черепа могут быть связаны с прибытием в среду обитателей ст. Натухаевской XVIII–XIX вв. представителей других групп. Важным результатом исследования можно считать зафиксированное морфологическое однообразие населения, обитавшего на территории Северо-Восточного Причерноморья с XI века вплоть до Нового времени. Однако здесь необходимо помнить о малочисленности привлеченных к анализу выборок и о необходимости верифицировать результат с накоплением данных.

Таблица 1. Морфометрическая характеристика мужских и женских черепов из могильника Южная Озереевка Восточное XI-XIII вв. (Краснодарский край, г.о. Новороссийск).
Table 1. Morphometric characteristics of male and female skulls from the Yuzhnaya Ozereyevka Vostochnoye burial ground, XI–XIII centuries (Krasnodar Krai, Novorossiysk urban district).

Признак	**Мужчины**			**Женщины**	
	N	M	σ	N	M
1. Продольный диаметр	11	181,1	4,3	4	171,5
8. Поперечный диаметр	11	143,5	**5,0**	4	135,5
8:1. Черепной указатель	10	79,2	**3,4**	4	79,9
17. Высотный диаметр	7	136,1	**7,0**	3	130,7
17:1. Высотно-продольный указатель	7	75,4	3,1	3	76,8
17:8. Высотно-поперечный указатель	7	96,3	**5,8**	3	97,8
20. Ушная высота	10	116,4	**4,9**	4	110,6
5. Длина основания черепа	7	101,4	1,6	2	94,5

9. Наименьшая ширина лба	11	98,0	3,7	3	93,7
9:8. Лобно-поперечный указ.	9	69,3	2,9	3	69,9
11. Ширина основания черепа	11	123,9	5,9	4	118,3
12. Ширина затылка	11	109,8	4,4	4	103,8
45. Скуловой диаметр	10	132,6	**7,9**	3	123,0
40. Длина основания лица	6	93,4	3,9	2	88,5
40:5. Указатель выступания лица	6	91,9	4,7	2	93,7
48. Верхняя высота лица	10	71,7	2,6	2	70,0
48:45. Верхний лицевой указ.	8	54,7	3,3	2	57,5
47. Полная высота лица	8	120,4	5,2	2	116,5
43. Верхняя ширина лица	11	106,7	3,2	3	101,6
46. Средняя ширина лица	8	95,3	2,7	3	89,0
55. Высота носа	9	54,0	2,2	2	51,8
54. Ширина носа	9	25,0	1,3	2	23,1
54:55. Носовой указатель	8	46,1	2,2	2	44,6
51. Ширина орбиты от *mf*	8	42,2	1,1	2	39,7
51a. Ширина орбиты от *d*	4	41,1	0,9	1	37,6
52. Высота орбиты	8	34,6	1,8	2	33,6
52:51. Орбитный указатель I	8	82,0	5,5	2	84,7
52:51a. Орбитный указатель II	4	84,1	-	1	85,6
SC. Симотическая ширина	7	10,8	1,5	2	8,6
SS. Симотическая высота	7	4,5	0,8	1	3,6
SS:SC. Симотический указатель	7	41,4	3,8	1	41,9
MC. Максиллофронтальная ширина	9	21,7	2,7	2	18,9
MS. Максиллофронтальная высота	8	9,6	1,4	1	9,2
MS:MC. Максиллофр. указатель	8	45,1	2,5	1	53,5
DC. Дакриальная ширина	4	20,3	-	1	19,6
DS. Дакриальная высота	4	11,6	-	1	13,6
DS:DC. Дакриальный указатель	4	57,4	-	1	69,4
77. Назомалярный угол	9	138,1	4,3	3	137,7
<Zm' Зигомаксиллярный угол	9	122,8	4,9	2	122,0
75(1). Выступание носа	5	26,2	6,4	1	19,7

Таблица 2. Индивидуальные данные черепов, происходящих из могильника Южная Озереевка Восточное XI-XIII вв.
Table 2. Individual data of skulls originating from the Yuzhnaya Ozereyevka Vostochnoye burial ground, XI–XIII centuries.

Признак	**Мужчины (мм)**							
	п. 16 рас. 2 чел. 1	п. 16 рас. 2 чел. 2	п. 15 рас. 2 чел. 1	п. 2 рас. 1 чел. 2	п. 24 рас. 1 чел. 1	п. 10 рас. 2	п. 11 рас. 1	п. 24 рас. 2 чел. 1
1. Продольный диаметр	174	183	175	181	187	183	184	184
8. Поперечный диаметр	143	145	141	x	143	142	141	135
8:1. Черепной указатель	82,2						76,6	
17. Высотный диаметр	134	141	133	x	x	x	144	136
20. Ушная высота	114	118	111	x	123	119	118	114
5. Длина основания черепа	101	104	100	x	x	x	103	101
9. Наименьшая ширина лба	101	97	95	91	x	101	104	96
11. Ширина основания черепа	129	121	121	x	124	122	125	117
12. Ширина затылка	114	112	106	109	112	107	116	106
45. Скуловой диаметр	133	129	128	x	x	127	139	127

40. Длина основания лица	90	93	100,5	x	x	x	93	93
48. Верхняя высота лица	74	70	74	73	x	72	68	67
47. Полная высота лица	124	114	125	116	x	124	118	x
43. Верхняя ширина лица	111	104	104	103	x	106	111	105
46. Средняя ширина лица	94	95	96	94	101	95	96,5	93
55. Высота носа	55	52	53	53,2	x	57	52	50
54. Ширина носа	25,8	23	22,4	x	26	24,5	24,3	24
51. Ширина орбиты от *mf*	41,5	41,5	44	40,7	x	x	41,9	43,2
51a. Ширина орбиты от *d*	41,2	40,1	42	x	x	x	x	41
52. Высота орбиты	37	34,3	34	34,1	x	x	37,2	32,8
SC. Симотическая ширина	10,1	13,2	9,4	11,3	x	x	10,3	9,3
SS. Симотическая высота	3,7	5,1	3,1	5	x	x	4,1	3,4
MC. Максиллофронтальная ширина	23,4	21,1	17,1	24,4	24,9	x	20,4	19,8
MS. Максиллофронтальная высота	10,2	9,9	7,3	10,4	x	x	8,6	8,4
DC. Дакриальная ширина	22,7	20,5	17,5	x	x	x	x	20,3
DS. Дакриальная высота	11,2	11,9	10,9	x	x	x	x	12,2
77. Назомалярный угол	143,7	134,2	140,8	142,2	x	137,6	141,4	131,4
<Zm' Зигомаксиллярный угол	132,1	122	115,6	118,4	121,8	122,2	128,7	122
75(1). Выступание носа	18,6	28,4	x	x	x	x	20,5	32

Признак	**Мужчины (мм)**				**Женщины (мм)**			
	п. 63	п. 67	п. 13 рас. 2	п. 62	п. 24 рас. 2 чел. 2	п. 16 рас. 1	п. 4 рас. 2	п. 24 рас. 2 чел. 5
1. Продольный диаметр	178	178	185	x	169	175	176	166
8. Поперечный диаметр	150	144	141	153	130	140	141	131
8:1. Черепной указатель					76,9			
17. Высотный диаметр	x	124	141	x	129	137	x	126
20. Ушная высота	x	106	122	119	106	115	110	111
5. Длина основания черепа	x	100	101	x	98	x	x	91
9. Наименьшая ширина лба	99	99	96	99	95	x	98	88
11. Ширина основания черепа	137	120	123	x	117	122	120	114
12. Ширина затылка	116	104	106	x	101	101	109	104
45. Скуловой диаметр	139	125	130	149	125	125	x	119
40. Длина основания лица	x	x	91	x	90	x	x	87
48. Верхняя высота лица	73	x	72,5	73	68	x	x	72
47. Полная высота лица	127	x	121	115	118	x	x	115
43. Верхняя ширина лица	107	109	103	111	102,5	x	105	97,3
46. Средняя ширина лица	x	x	x	98	94	x	85	88
55. Высота носа	x	x	58	55,5	52,6	x	x	51
54. Ширина носа	x	x	30	24,4	24	x	x	22,2
51. Ширина орбиты от *mf*	x	x	42,5	42,5	40	x	x	39,3
51a. Ширина орбиты от *d*	x	x	x	x	37,6	x	x	x
52. Высота орбиты	x	x	34,5	32,8	32,2	x	x	34,9
SC. Симотическая ширина	x	x	11,7	x	8,6	x	x	8,5
SS. Симотическая высота	x	x	7,1	x	3,6	x	x	x
MC. Максиллофронтальная ширина	x	x	20,9	23,5	17,2	x	x	20,5
MS. Максиллофронтальная высота	x	x	10,8	11,4	9,2	x	x	x
DC. Дакриальная ширина	x	x	x	x	19,6	x	x	x
DS. Дакриальная высота	x	x	x	x	13,6	x	x	x

77. Назомалярный угол	x	x	135,8	136,2	145,1	x	127,2	140,8
<Zm' Зигомаксиллярный угол	x	x	x	122,2	121,3	x	x	122,7
75(1). Выступание носа	x	x	31,5	x	19,7	x	x	x

Таблица 3. Значения t-критерия Стьюдента между краниометрическими признаками серии из могильника Южная Озереевка Восточное и привлекаемыми для сравнения группами.
Table 3. Student's t-test values between craniometric features of the series from the Yuzhnaya Ozereevka Vostochnoye burial ground and the groups used for comparison.

№ по Мартину, признак	**«Гостагаевская-1» и «№258»**		**Катусвина Кривица**		**Глебовка**
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.
	t=				
1. Продольн. диаметр	1,67	0,67	4,40	1,88	1,94
8. Поперечн. диаметр	0,97	0,08	1,44	0,34	0,65
8:1. Черепной указ.	1,59	0,15	**3,85**	1,77	0,87
17. Высотный диам	0,11	-	1,14	0,73	0,67
9. Наим. ширина лба	0,30	0,44	1,98	0,29	0,10
45. Скуловой диаметр	0,17	-	0,46	0,00	0,85
48. Верхн. выс. лица	0,89	-	**2,19**	1,41	0,14
47. Полн. высота лица	0,60	-	1,50	0,42	0,51
51. Ширина орбиты от *mf*	0,47	-	0,25	0,38	0,39
52. Высота орбиты	**3,48**	-	**3,61**	0,18	2,18
55. Высота носа	1,42	-	1,97	2,04	0,74
54. Ширина носа	1,56	-	**2,09**	1,28	0,40
SC. Симотич. ширина	-	-	1,95	0,08	1,40
SS. Симотич. высота	-	-	0,00	-	0,99
77. Назо-молярн. угол	0,84	-	0,71	0,14	0,04
<Zm. Зиго-макс. угол	0,90	-	1,51	0,74	1,47

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.Н. Население Север-Восточного Причерноморья Нового времени по данным палеоантропологии // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Отв.ред. Л.Э. Голубев, Г.Б. Луганская. Майкоп: Магарин О.Г., 2024. С. 216–224.

Абрамова А.Н. Половозрастная структура средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2025. № 3. С. 94–103 https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-25-3-8.

Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II / Ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1961. С. 208–220.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование). М.: Наука. 1974. 318 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Е.П. Очерки по истории черкесов в XIV–XV вв. // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. III. Черкесск: Книжное издательство. 1959. С. 3–82.

Батиева Е.Ф. Антропологические материалы из могильника XIII-XIV века средневекового поселения «Жукова» // Вестник антропологии. 2011. № 19. С. 161–168.

Батиева Е.Ф., Кашибадзе В.Ф. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Кавказа (по материалам могильника Аушедз) // В поисках неслучайной изменчивости. Сборник статей в честь 90-летия Генриэтты Леонидовны Хить / Отв. ред. И. Г. Широбоков. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 96–115.

Богданов А.П. О черепе из кавказских дольменов и о черепах из кавказских курганов и могил // Известия ОЛЕАЭ. 1882. Т. XXXV. Вып. 4. 1882. С. 1–15.

Верещагин В.В., Верещагина Е.Л. Средневековые курганы с каменными оградками под Новороссийском // Археологические записки. 2017. Вып. 9. С. 328–352.

Верещагин В.В., Голубев Л.Э. Всадники шегаков // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. А.Х. Тлеуж. Майкоп: Магарин Олег Григорьевич, 2020. С. 166–219.

Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20–22 сентября 1994 г. / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Наука, 2003. С. 286–290.

Герасимова М.М., Фризен С.Ю., Васильев С.В. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 108–119. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-108-119.

Голубев Л.Э. Отчет о проведении археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Поселение «Южная Озереевка Восточное» в пос. Южная Озереевка г. Новороссийска Краснодарского края Открытый лист № Р018-00103-00/01031957 от. 25.01.2024.

Дебец Г.Ф. К унификации краниологических исследований // Антропологический журнал. 1935. № 1. С. 118–124.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Дружинина И.А. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3. С. 102–106.

Дружинина И.А. К изучению этногенеза адыгов по данным краниологии: археологический контекст // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения / Отв. ред. М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского государственного университета, 2016. С. 211–214.

Дружинина И.А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов. Дисс. … канд. истор. наук, 2018, 479 с.

Тихомиров А.А. К антропологии современных кавказских рас // Известия ОЛЕАЭ. 1882. Т. XXXV. Вып. 4. С. 417–419.

Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie. Jena: Gustav Fisher, 1928. 754 s.

Информация об авторе:

Абрамова Александра Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (г. Москва, Россия); abramovasacha0902@gmail.com

REFERENCES

Abramova, A. N. 2024. In Golubev, L. E., Luganskaya, G. B. (eds.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea)*. Maikop: “Magarin O.G.” Publ., 216–224 (in Russian).

Abramova, A. N. 2025. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*) (3), 88–94–103 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1961. In Anfimov, N. V. (ed.). *Sbornik materialov po arkheologii Adygei (Collection of Materials on the Archaeology of Adygea).* 2. Maikop: “Adyg. kn. izd-vo” Publ., 208–220 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (Kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (Craniological research)).* Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Alekseeva, E. P. 1959. In *Trudy Karachaevo-CHerkesskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii, yazyka i literatury (Proceedings of the Karachay-Cherkess Scientific Research Institute of History, Language and Literature)* III. Cherkessk: “Knizhnoe izdatel'stvo “ Publ., 3–82 (In Russian).

Batieva, E. F. 2011. In *Vestnik antropologii (Bulletin of Anthropology)* 19, 161–168 (in Russian).

Batieva, E. F., Kashibadze, V. F. 2020. In Shirobokov, I. G. (ed.). *V poiskakh nesluchainoi izmenchivosti. Sbornik statei v chest 90-letiia Genrietty Leonidovny Khit (In search of non-random variability. Collection of articles in honor of the 90th anniversary of Genriyetta Leonidovna Khit)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriya" Publ., 96–115 (in Russian).

Bogdanov, A. P. 1882. In *Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University)* XXXV (4), 1–15 (in Russian).

Vereshchagin, V. V., Vereshchagina, E. L. 2017. In *Arkheologicheskie zapiski (Archaeological Notes)* (9), 328–352 (In Russian).

Vereshchagin, V. V., Golubev, L. E. 2020. In Tleuzh, A. Kh. (ed). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea).* Maikop: "Magarin O.G." Publ., 166–219 (in Russian).

Gerasimova, M. M., Tikhonov, A. G. 2003. Alekseeva, T. I. (ed.). *Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati akademika V.P. Alekseeva (Horizons of Anthropology: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Academician V.P. Alekseev. Moscow, Saltykovka, September 20-22, 1994).* Moscow: "Nauka" Publ., 286–290 (in Russian).

Gerasimova, M. M., Frizen, S. Yu., Vasiliev, S. V. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 43 (4), 108–119 (in Russian).

Golubev, L. E. 2024. *Otchet o provedenii arheologicheskih raskopok na territorii vyyavlennogo ob"ekta arheologicheskogo naslediya «Poselenie «Yuzhnaya Ozereevka Vostochnoe» v pos. Yuzhnaya Ozereevka g. Novorossijska Krasnodarskogo kraya Otkrytyj list № R018-00103-00/01031957 ot. 25.01.2024 (Report on archaeological excavations on the territory of the identified archaeological heritage site "Yuzhnaya Ozereevka Vostochnoye settlement" in the village of Yuzhnaya Ozereevka, Novorossiysk, Krasnodar Krai, excavation license No. R018-00103-00/01031957 dated 01/25/2024)* (in Russian).

Debets, G. F. 1935. In *Antropologicheskiy zhurnal (A Anthropological Journal)* (1), 118–124 (In Russian).

Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiia SSSR (Paleoanthropology of the USSR).* Series: *Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series* vol. IV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Journal of Historical, Philological and Cultural Studies)* (3), 102–106 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2016. In Bagaev, M. Kh., Mamaev, Kh. M. (eds.). *Izuchenie i sokhranenie arkheologicheskogo naslediya narodov Kavkaza. XXIX Krupnovskie chteniya (Study and Preservation of Archaeological Heritage of the Peoples of Caucasus. The 29th Krupnov's Reading).* Groznyy: Chechen State University Publ., 211–214 (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2018. *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygskih narodov (Funerary monuments of the North-Eastern Black Sea region and the North Caucasus of the XIII-XVIII centuries. as a source on the history of the Adyghe peoples*) Thesis of the Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Tikhomirov, A. A. 1882. In *Izvestiia Obshchestva liubitelei estestvoznaniia, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete (Bulletin of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University)* XXXV (4), 417–419 (in Russian).

Martin, R. 1928. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer darstellung. Bd. II. Kraniologie. Osteologie*. Jena: Gustav Fisher.

About the Author:

Abramova Alexandra N. Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Rozhdestvenka St., 12, Moscow, 107031, Russian Federation; abramovasacha0902@gmail.com

Статья поступила в журнал 08.10.2025 г.
Статья принята к публикации 12.12.2025 г.

УДК 902/904 572.026 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.106.113

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАКУБАНЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ПОСЕЛЕНИЯ «ПЕРВОМАЙСКОЕ 1»)

© 2026 г. М.В. Медведева

В статье приведена половозрастная структура позднесредневекового населения, погребенного на могильнике поселения «Первомайское 1». Памятник расположен близ хутора Кеслерово в Краснодарском крае и датирован автором раскопок XIV-XVII вв. Материалом для исследования послужили скелетные останки 126 индивидов, полученные в результате археологических работ 2021 года. Морфологический пол и биологический возраст определялись принятым в современной палеоантропологии способом. Половозрастные расчеты выполнены по методике, недавно предложенной Д.В. Пежемским. Для исследуемой палеопопуляции характерна высокая детская смертность с пиком в возрасте 7-12 лет. При этом зафиксировано почти полное отсутствие погребений детей до 1 года, что нетипично для древних сообществ. Соотношение полов среди взрослых близко к биологической норме (1,1:1), что также отличается от обычной картины, характерной для средневекового населения Европы. В женской части изучаемого населения отмечена низкая смертность в репродуктивном возрасте и высокий процент умерших в пострепродуктивном возрасте. Такое распределение не характерно для большинства традиционных обществ и связано с репродуктивной нагрузкой на женский организм. Средний возраст смерти у мужчин составил 41 год, у женщин - более 45 лет, что является очень высоким показателем для палеопопуляций.

Ключевые слова: археология, физическая антропология, палеодемография, позднее средневековье, мусульманские погребения, Закубанье

AGE AND SEX STRUCTURE OF THE TRANS-KUBAN LATE MEDIEVAL POPULATION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE BURIAL GROUND OF THE PERVOMAYSKOYE 1 SETTLEMENT)

M.V. Medvedeva

This paper examines the age and sex structure of the Late Medieval population buried at the burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement. The site is situated near the Keslerovo farmstead in the Krasnodar Krai and is dated by the excavating archaeologist to the 14th–17th centuries. The study is based on skeletal remains of 126 individuals recovered during archaeological excavations in 2021. Morphological sex and biological age were determined using standardized paleoanthropological methods. Age and sex distributions were analyzed following the methodology recently proposed by D.V. Pezhemsky. The studied paleopopulation is characterized by high child mortality, with a pronounced peak in the 7–12 age group. Notably, there is an almost complete absence of burials of infants under one year of age, which is atypical for pre-modern communities. The adult sex ratio is close to the biological norm (1,1:1), a pattern that also differs from the typical demographic profile observed in medieval European populations. Within the adult cohort, the female segment displays low mortality during reproductive age and a comparatively high proportion of deaths in post-reproductive age – a deviation from the mortality patterns commonly associated with traditional societies, where risks related to childbirth often affect life expectancy. The average age at death for men was 41 years, while for women it exceeded 45 years, which is notably high for a paleopopulation.

Keywords: archaeology, physical anthropology, paleodemography, Late Middle Ages, muslim burials, Trans-Kuban region

Введение

Исламизация народов Северного Кавказа – долгий и сложный процесс. Важную роль здесь сыграли как Золотая Орда, где ислам утвердился в XIII–XIV вв., так и военные походы Тимура. Однако в этот период данная религия смогла утвердиться в качестве господствующей лишь в Южном и Центральном Дагестане (История народов…, 1988, с. 233). Широкое распространение исламских

традиций в среде местного населения Северо-Западного Кавказа началось значительно позже.

На территории Закубанья в Средние века и в эпоху Нового времени проживали две группы населения, исповедовавшие ислам, – это адыги и ногайцы. Адыгские племена полностью принимают мусульманский обряд погребения, который предполагает наличие безынвентарной узкой могилы с западной ориентацией, только в XVII–XVIII вв. При этом у них сохранялась традиция подкурганного обряда (Дружинина, 2010, с. 105).

Массовая исламизация ногайцев происходила в эпоху Золотой Орды. Особенно широко этот процесс развернулся после 1312 г., когда хан Узбек провозгласил ислам государственной религией (Ярлыкапов, 2008, с. 23).

Мусульманское население Закубанья как с точки зрения археологии, так и антропологии изучено очень слабо. Интерес исследователей к данной теме невысок, и связано это с целым рядом причин. В первую очередь археологическое изучение данного населения затруднено в силу полного или почти полного отсутствия погребального инвентаря, в связи с чем датировка таких погребений без применения специальных методов невозможна. В условиях, когда единственным источником информации, помимо формы погребальной конструкции, являются скелетные останки, казалось бы, палеоантропологические исследования должны пролить свет на этнокультурную историю мусульманского населения региона. Однако данному вопросу также посвящено немного работ, и в большинстве из них обсуждаются вопросы морфометрического изучения черепа. При этом домусульманское население изучено достаточно хорошо. Здесь мы упомянем лишь работы Г.Ф. Дебеца и В.П. Алексеева, чьи труды и сегодня остаются этапными для исследования этой тематики (Дебец, 1948, с. 276–278; Алексеев, 1961; 1974). Именно благодаря исследованию В.П. Алексеева была выявлена небольшая монголоидная примесь в составе средневекового населения Черкесии, которую он связывал с проникновением тюркских племен на эту территорию.

Что касается изучения мусульманского населения, то здесь нужно упомянуть работу, выполненную коллективом авторов, посвященную комплексному палеоантропологическому исследованию калаусских ногайцев, (Материалы по изучению…, 2003). В ней рассматривается не только особенности изменчивости черепа данного позднего населения, но и строение скелетной системы, приведены одонтологические характеристики, а также демографические показатели серии. В недавнем краниологическом исследовании приазовских ногайцев авторы установили, что большинство ногайских серий характеризуется смешанным, европеоидно-монголоидными особенностями (Комаров, Чхаидзе, 2013). Половозрастной анализ мусульманского населения, оставившего грунтовый могильник на территории Новосёловского городища, представлен в работе А.А. Казарницкого (Казарницкий, 2015). Материалы из памятников XIV–XV и XVII–XVIII вв. введены в научный оборот коллективом авторов (Герасимова и др., 2018). Мусульманское население, погребенное близ станицы Натухаевской, проживавшее там в эпоху Нового времени, рассмотрено А.Н. Абрамовой как в половозрастном аспекте, так и в рамках краниологического исследования (Абрамова, 2024).

При этом изучение позднесредневекового мусульманского населения проливает свет на историю Краснодарского края и распространение религии в регионе, поэтому важно комплексно подходить к вопросу исследования по сути единственного источника информации, получаемого при раскопках таких могильников, – скелетных останков. Что и определило цель нашей работы, заключающейся в изучении половозрастной структуры данного населения. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: исследовать процент детской смертности в изучаемой палеогруппе; проанализировать соотношение полов; определить средний возраст смерти, характерный для изучаемой группы и дать оценку полученной структуре.

Материалы и методы

В 2021 г. на территории Крымского района, близ хутора Кеслерово, под руководством М.А. Деняева были проведены охранно-спасательные археологические раскопки поселения Первомайское 1, выявленного еще в 2010 г. В ходе исследования было вскрыто 222 погребальных сооружения разных эпох. Среди них выделяется группа погребений, включающая останки 126 индивидов, которые автор раскопок датирует XIV–XVII вв[1]. Безынвентарность этих погребений и соблюдение киблы

позволяют предположить, что они принадлежат мусульманскому населению.

Все скелетные останки после полевых работ были переданы на палеоантропологическое исследование, в результате которого удалось изучить и определить морфологический пол и биологический возраст 126 индивидов из безынвентарных погребений. Данная работа – лишь первый этап из планируемых в дальнейшем, посвященных вопросам морфологии выборки, погребенной на поселении Первомайское 1.

Пол и возраст погребенных определялись по принятой в отечественной палеоантропологии методике (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966). Для установления возраста у неполовозрелых индивидов использовались данные о развитии скелетной системы (Пашкова, 1963) и схемы прорезывания зубов (Ubelaker, 1978). Кроме того, для определения биологического возраста скелетов применялась дробная схема, предложенная Пежемским Д.В. (Пежемский, 2003), а также его методика проведения палеодемографического анализа (Пежемский, 2010, с. 49–50).

Результаты и обсуждение

Детская смертность составила 34,1%. Для большинства древних популяций такой процент этого показателя считается нормальным (Алексеева и др., 2003, рис. 15, с. 33). Однако в нашем случае обращает на себя внимание почти полное отсутствие новорожденных и детей до 1 года (табл. 1); так как именно на этот возрастной интервал приходится основная масса детской смертности, полученные значения уже не кажутся низкими. Вероятно, данное явление связано с особенностями погребального обряда, плохой сохранностью костей или неглубоким захоронением детей до 1 года, могилы которых были уничтожены в ходе хозяйственной деятельности. Эти факторы уже ранее обсуждались для средневековых скелетных останков с территории Краснодарского края (Абрамова, 2025). Пик детской смертности приходится на второе детство – 7–12 лет, что также не характерно для древних популяций. Вероятно, это можно связать с вовлечением детей этого возраста в трудовую деятельность.

Размер юношеской когорты составляет 8,7%, что представляет собой вполне обычную картину для традиционных обществ. Основную же часть исследуемой выборки формируют взрослые, чья доля равна 57,1%. В изучаемой палеогруппе мы наблюдаем близкое к биологической норме соотношение полов, которое составило 1,1:1. В отличие от представленного случая, для средневекового населения Европы была характерна половая диспропорция в сторону преобладания мужского населения, что находит подтверждение в палеодемографических исследованиях, при этом такой дисбаланс характерен

Таблица 1. Половозрастная структура позднесредневекового населения поселения «Первомайское 1».
Table 1. Sex and age structure of the late medieval population of the Pervomayskoye 1 settlement

Возраст / Пол	**Мужчины**	**Женщины**	**Оба пола**
Natus (новорожденные)	-	-	1 (0,8%)
Lacteus (до 1 года)	-	-	3 (2,4%)
Infantilis primus (1-3 года)	-	-	10 (7,9%)
Infantilis I (3-7 лет)	-	-	12 (9,5%)
Infantilis II (7-12)	-	-	17 (13,5%)
Все дети			**43 (34,1%)**
juvenilis I (12/13-18 лет)	-	-	3 (2,4%)
juvenilis II (18/20-25 лет)	6 (-%)	2 (-%)	8 (6,3%)
Все юноши и девушки			**11 (8,7%)**
adultus (25-35 лет)	13 (36,1%)	11 (30,6%)	24 (19%)
maturus I (35-45 лет)	7 (19,4%)	6 (16,7%)	13 (10,3%)
maturus II (45-55 лет)	8 (22,2%)	8 (22,2%)	16 (12,7%)
senilis (старше 55 лет)	8 (22,2%)	11 (30,6%)	19 (15,1%)
Мужчины и женщины суммарно	**36 (50 %)**	**36 (50%)**	**72 (57,1%)**
Все индивиды суммарно	**126 (100%)**		

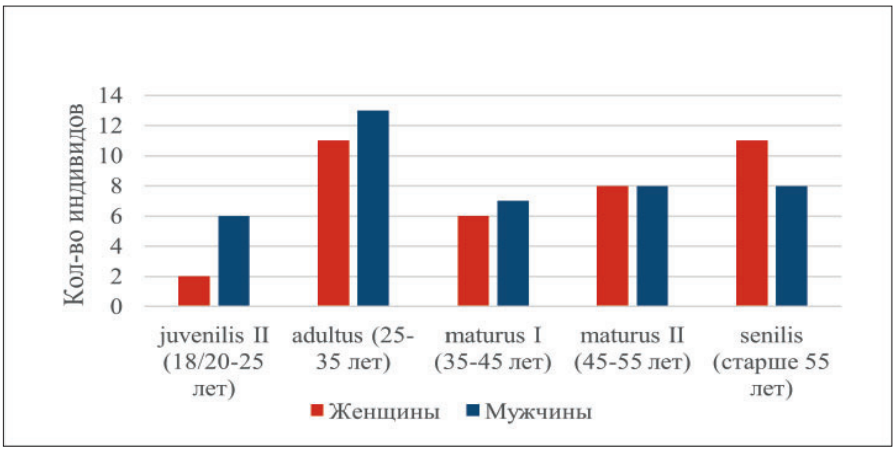


Рис. 1. Возрастная динамика смертности мужского и женского населения, погребенного на могильнике поселения «Первомайское 1».
Fig. 1. Age dynamics of mortality in the male and female population buried at the burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement.

для ископаемого населения вплоть до конца XIX в. (Алексеева и др., 2003, с. 44).

Пик женской смертности приходится на возраст 25–35 лет, что традиционно связывается с репродуктивной нагрузкой на молодых женщин (Алексеева и др., 2003, с. 44) (рис. 1). При этом второй пик смертности этой подгруппы приходится на старческий возраст, что редко встречается при изучении ископаемых групп и может быть объяснено относительно благополучным проживанием женского населения, переживших фертильный возраст.

Пик мужской смертности, как и в случае с женским населением, приходится на возраст 25–35 лет. Это можно было бы объяснить особенностями жизни изучаемого населения и неблагополучными санитарными условиями. Однако данный вывод не согласуется с большим процентом женщин, доживших до пострепродуктивного возраста. Учитывая, что именно женский организм наиболее уязвим в период беременности и в послеродовой период, чаще всего именно у женского населения фиксируется пик смертности в первом репродуктивном периоде. Однако здесь мы этого не наблюдаем, почти 53% женского населения умерло в пострепродуктивный период.

В репродуктивном возрасте умерло больше мужчин, чем женщин (табл. 2). Традиционно это связывается с результатами военных столкновений, однако в нашем случае при осмотре скелетов не было зафиксировано следов боевых травм, например рубленных без следов заживления. Из-за этого нельзя интерпретировать повышенную мужскую смертность в молодом возрасте как последствие военных конфликтов.

Процент умерших в старческом возрасте (15,1%) нормальный по сравнению с опубликованными данными (Алексеева и др., 2003, табл. 16, с. 35). При этом соотношение полов в пострепродуктивном периоде (1:1,4) показывает, что умерших женщин в данной возрастной когорте больше, чем мужчин. Данное явление уже обсуждалось выше и чаще всего не согласуется с данными, получаемыми при изучении других древних популяций.

Советский антрополог В.П. Алексеев определяет продолжительность жизни взрослого населения в эпоху Средних веков около 40 лет, а включение в подсчет детей позволяет установить размер этого признака немногим больше 20 лет (Алексеев, 1972, с. 19–20). Сравнив полученные показатели со средней величиной, рассчитанной В.П. Алексеевым, отметим довольно высокие показатели этого демографического признака как с учетом детей, так и без них. В силу неполноты имеющейся у нас информации по смертности в детском возрасте средний возраст смерти, рассчитанный с учетом детской смертности, не отражает реального положения вещей у населения, оставившего поселение Первомайское 1. В связи с этим обратим внимание на взрослое население. Средний возраст смерти мужчин составил 41 год, что соотносимо с данными по большинству древних серий. Однако средний возраст смерти женщин составляет более 45 лет, что очень высоко. С чем связана обсуждаемая выше относительно невысокая женская смертность в репродуктивном возрасте и зафиксированный нами один из пиков смертности в пострепродуктивном периоде, нам только предстоит выяснить. Пока мы можем с осторожностью предположить включение женского населения в среду обсуждаемой

Таблица 2. Половозрастные показатели позднесредневекового населения, погребенного на могильнике поселения «Первомайское 1».
Table 2. Sex and age indicators of the Late Medieval population buried at burial ground of the Pervomayskoye 1 settlement

№ п/п	Признак	Первомайское 1
1	Соотношение полов/Sex ratio	1,1:1
2	Sex ratio в репродуктивной части популяции	1,8:1
3	Размер репродуктивной части населения	42,1%
4	Размер дорепродуктивной части	36,5%
5	Размер 1 репродуктивного поколения	60,4%
6	Размер пострепродуктивной части	15,1%
7	Соотношение полов в пострепродуктивной части	1:1,4
8	Средний возраст смерти с учетом детской смертности (лет)	29,7
9	Средний возраст смерти без учета детей (лет)	42,2

Примечания. * При расчете среднего возраста смерти были приняты следующие величины возрастных интервалов: juvenilis II – 22 лет; adultus – 30 лет; matures I – 40 лет; matures II – 50 лет; senilis – 65 лет (Южакова, 2018, с. 169).

** Соотношение полов во всех случаях указано в формате мужчины:женщины

Notes. * For calculating the average age of death, the following age intervals were used: juvenilis II – 22 years; adultus – 30 years; matures I – 40 years; matures II – 50 years; senilis – 65 years (Yuzhakova, 2018, p. 169).

**The sex ratio is in all cases in the male:female format

выборки извне. Однако данный тезис требует дополнительного изучения с применением других инструментов палеоантропологии и археологических данных.

В связи с отсутствием погребального инвентаря датировка позднесредневековых погребений остается весьма широкой. Тем не менее перспективным направлением дальнейших исследований может стать применение радиоуглеродного анализа. Его использование позволит уточнить время функционирования данного могильника.

Вопрос о принадлежности населения, погребенного на Первомайском 1, к адыгским или ногайским племенам мы также оставляем пока открытым. Планируемое краниометрическое исследование серии позволит пролить свет на вопрос о морфологическом сходстве обсуждаемой выборки с теми или иными группами, обитавшими на территории Северного Кавказа и Предкавказья в Средние века и в Новое время.

Выводы

1. В ходе палеоантропологического анализа выборки было выявлено почти полное отсутствие захоронений младенцев и детей до 1 года. Эта особенность может быть объяснена спецификой погребальных традиций, связанных с неглубоким погребением детей до определенного возраста. Тогда их отсутствие объясняется уничтожением погребений в ходе плантажной распашки и хозяйственного освоения территории памятника. Или же погребение детей этой возрастной когорты осуществлялось на отдельном участке могильника, не выявленном в ходе археологических работ.

2. Детская смертность для населения Первомайское 1 оказалась очень высокой, с пиком в возрасте 7–12 лет. В условиях выявленного почти полного отсутствия детей до 1 года данный показатель в изучаемой группе мог достигать крайне высоких значений.

3. Соотношение полов в изучаемой выборке (1,1:1) близко к биологической норме, что нетипично для средневековых ископаемых серий Европы, так как для последних характерно меньшее количество женщин по отношению к мужчинам. Пик женской смертности пришелся на пострепродуктивный возраст, что также не характерно для традиционных обществ. Выявленные особенности женского населения, погребенного на поселении Первомайское 1, вероятно, в будущем решит планируемое исследование с привлечением инструментов палеоантропологии и археологии.

4. Средний возраст смерти изучаемого населения несколько выше средних значений, фиксируемых на других средневековых выборках. В значительной степени данный показатель связан с высокими значениями

этого показателя в женской подгруппе и тем, что один из пиков смертности женского населения приходится на возраст старше 55 лет. Полученный результат не находит аналогий среди других древних выборок, у которых основной пик женской смертности приходится на возраст фертильности.

Примечание:

[1] В настоящее время отчет по результатам раскопок поселения Первомайское 1 находится на этапе написания. При написании этой работы автор руководствовался техническим отчетом, предоставленным автором раскопок (Деняев, 2024).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова А.Н. Население Северо-Восточного Причерноморья Нового времени по данным палеоантропологии // Вопросы археологии Адыгеи / Отв. ред. Г.Б. Луганская. Майкоп: Магарин О.Г., 2024. С. 216–224.

Абрамова А.Н. Половозрастная структура средневекового населения Северо-Восточного Причерноморья // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2025. № 3. С. 94–103.

Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II / Ред. Н.В. Анфимов. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1961. С. 208–220.

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Алексеев В.П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–21.

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М.: Наука, 1974. 323 с.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Алексеева Т.И., Богатенков Д.В., Лебединская Г.В. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового могильника Мистихали). М.: Научный мир, 2003. 132 с.

Герасимова М.М., Фризен С.Ю., Васильев С.В. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 108–119.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР / Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 391 с.

Деняев М.А. Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках на территории объекта археологического наследия поселение «Первомайское 1» в Крымском районе Краснодарского края в 2021 году / ООО «ОКН-проект». Ростов-на-Дону, 2024.

Дружинина И.А. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII-XVIII вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С 102–106.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / Отв. ред. В. Б. Пиотровский. М.: Наука, 1988. 554 с.

Казарницкий А.А. Палеоантропологические материалы античного и нового времени из Новоселовского городища (Краснодарский край) // Записки ИИМК РАН. Вып. 11 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб: Дмитрий Буланин, 2015. С. 109–124.

Комаров С.Г., Чхаидзе В.Н. Ногайцы Восточного Приазовья по данным краниологии // Вестник ЧелГУ. 2013. № 2 (303). С. 17–27.

Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 4: Антропология ногайцев / Отв. ред. А.А. Калмыков. М.: «Памятники исторической мысли», 2003. 244 с.

Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 154 с.

Пежемский Д.В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России / Отв. ред. В.А. Тишков. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 255.

Пежемский Д.В. Половозрастная структура населения Петровского конца средневекового Пскова // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы 55-го заседания, посвящ. юбилею проф. И.К. Лабутиной (13–15 апреля 2009 г.) / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. Псков-Москва: ИА РАН, 2010. С. 47–55.

Южакова А.В. Палеодемографическая характеристика старожильческого населения Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. (по материалам памятника Изюк I) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 162–175.

Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев. М.: ИЭА РАН, 2008. 266 с.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution. Chicago, 1978. 172 p.

Информация об авторе:

Медведева Марина Владимировна, студентка 4 курса бакалавриата, Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Россия); medvedevamarina514@gmail.com

REFERENCES

Abramova, A. N. 2024. In Luganskaya, G. B. (ed.). *Voprosy arkheologii Adygei (Issues of Archaeology of Adygea).* Maikop: "Magarin O.G." Publ., 216–224 (in Russian).

Abramova, A. N., Druzhinina, I. A. 2025. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXIII. Antropologiya (Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria XXIII. Antropologia*) (3), 94–103 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1961. In Anfimov, N. V. (ed.). *Sbornik materialov po arkheologii Adygei* T. II *(Collection of Materials on the Archaeology of Adygea. Vol. II).* Maykop: "Adyg. kn. izd-vo" Publ., 208–220 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P 1972. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 3–21 (in Russian).

Alekseev, V. P. 1974. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza (Kraniologicheskoe issledovanie) (The origin of the peoples of the Caucasus (Craniological research)).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Alekseeva, T. I., Bogatenkov, D. V., Lebedinskaia, G. V. 2003. *Vlakhi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo mogil'nika Mistikhali) (The Vlachs. Anthropo-ecological study (based on materials from the medieval Mistikhali burial ground))*. Moscow: "Nauchnyi mir" Publ. (in Russian).

Gerasimova, M. M., Frizzen, S. Yu., Vasiliev, S. V. 2018. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 43 (3), 108–119 (in Russian).

Debets, G. F. 1948. *Paleoantropologiia SSSR (Paleoanthropology of the USSR).* Series: Trudy Instituta etnografii imeni N. N. Miklukho-Maklaia. Novaya seriia (Proceedings of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. New Series) 4. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Denyaev, M. A. 2024. *Otchet ob arkheologicheskikh okhranno-spasatel'nykh raskopkakh na territorii ob"ekta arkheologicheskogo naslediia poselenie «Pervomaiskoe 1» v Krymskom raione Krasnodarskogo kraia v 2021 godu. (Report on archaeological rescue excavations at the archaeological heritage site Pervomaiskoe 1 settlement in the Krymsk district of Krasnodar Krai in 2021)*. Rostov-on-Don (in Russian).

Druzhinina, I. A. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury* (*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*) 29 (3), 102–106 (in Russian).

Piotrovskii, V. B. (ed.). 1988. *Istoriia narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. (History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kazarnitskii, A. A. 2015. In Nosov, E. N. (ed.). *Zapiski instituta istorii material'noy kul'tury (Transactions of the Institute for the History of Material Culture)* (11). Saint Petersburg: "Dmitry Bulanin" Publ., 109–124 (in Russian).

Komarov, S. G., Chkhaidze, V. N. 2013. In *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriia «Istoriia». (Bulletin of the Chelyabinsk State University History Series)* 303 (2), 17–27 (in Russian).

Kalmykov, A. A. (ed.). 2003. *Materialy po izucheniiu istoriko-kul'turnogo naslediia Severnogo Kavkaza (Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus)* 4. Moscow: "Pamiatniki istoricheskoi mysli" Publ. (in Russian).

Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii (Essays on Forensic Osteology).* Moscow: "Medgiz" Publ. (in Russian).

Pezhemskii, D. V. 2003. In Tishkov, V. A. (ed.). *V Kongress etnografov i antropologov Rossii (5th Congress of Russian Ethnographers and Anthropologists)*. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 255 (in Russian).

Pezhemskii, D. V. 2010. In Gaidukov, P. G. (ed.). *Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli: materialy 55-go zasedaniia, posviashch. iubileiu prof. I.K. Labutinoi (13–15 aprelia 2009 g.)* (*Archaeology and History of Pskov and Pskov Land*). Pskov-M.: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 47–55 (in Russian).

Yuzhakova, A. V. 2018. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) (25), 162–175 (in Russian).

Yarlykapov, A. A. 2008. *Islam u stepnykh nogaitsev (Islam among the Steppe Nogais)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ubelaker, D. H. 1978. *Human skeletal remains: excavation, analysis, interpretation. Smithsonian institution*. Chicago.

About the Author:

Medvedeva Marina V. Kuban State University. Stavropolskaya str., 19, Krasnodar, 350040, Russian Federation; medvedevamarina514@gmail.com

Статья поступила в журнал 14.10.2025 г.
Статья принята к публикации 21.01.2026 г.

УДК 902/904:94(430+47) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.114.121

ГАНЗЕЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ ФЛАМАНДСКИМИ ТКАНЯМИ НА РУСИ В XIV–XV ВВ.

© 2026 г. Е.М. Калугина

В статье исследуются археологические данные о ввозе Ганзой на Русь фламандских тканей в XIV–XV вв. Основными материальными свидетельствами ганзейско-русской торговли указанным товаром стали обнаруженные в Новгороде и на других территориях Руси находки археологического текстиля и текстильных пломб. Рассмотрение находок текстиля дало сведения о характере поступавших на Русь фламандских тканей и о происходивших изменениях в их структуре; изучение находок пломб способствовало получению информации о фламандских городах, производивших сукно для ввоза на Русь. Анализ находок показал разнообразие технических характеристик фламандского текстиля, в том числе присутствие во фламандском импорте тканей, различающихся по расцветке, качеству, плотности нитей, фактуре поверхности. Кроме того, в рассматриваемый период произошло изменение технологических характеристик тканей сторону их упрощения, что явилось отражением изменений во фламандском сукноделии, связанных с изменением сырья и возникновением «новых» текстильных центров. Также исследование показало, что в Новгород ввозились фламандские ткани, изготовленные в Ипре, Сент-Омере, Турне, Поперинге, Брюгге, Аррасе, Тинене. При этом фламандская продукция составила основную часть находок импортного текстиля рассматриваемого периода.

Ключевые слова: археологические данные, Новгород, Ганзейский союз, продукция фламандского производства, торговля тканями, находки текстиля, текстильные пломбы, вид сырья

HANSEATIC TRADE IN FLEMISH FABRICS WITH RUS IN THE 14TH–15TH CENTURIES

E.M. Kalugina

The article deals with the archaeological data concerning the import of Flemish textiles to Rus by the Hanseatic League in the 14th–15th centuries. The main material evidence of the Hanseatic–Russian trade in this sort of product are the finds of archaeological textiles and textile seals discovered in Novgorod and other regions of Rus. The examination of textile finds provides information about the nature of Flemish fabrics arriving in Rus and the changes that occurred in their structure; the study of seal finds has contributed to obtaining information about the Flemish cities that produced cloth for import to Rus. The analysis of the finds demonstrated a variety of technical characteristics of Flemish textiles, including the presence within Flemish imports of fabrics differing in color, quality, thread density, and surface texture. Besides, during that period, there was a change in the technological characteristics of fabrics towards their simplification, which reflected changes in Flemish textile production related to the changes in raw materials and to the emergence of "new" textile centers. The research also indicated that fabrics, imported to Novgorod, included items manufactured in Ypres, Saint-Omer, Tournai, Popering, Bruges, Arras, Tienen. Furthermore, Flemish products constituted the majority of the finds of imported textiles of that period.

Keywords: archaeological data, Novgorod, Hanseatic League, Flemish-made products, archaeological data, fabrics trade, finds of textiles, textile seals, sort of raw material

В XIV–XV вв. торговля между Русью и странами Запада находились под контролем Ганзы. Ганзейцы приобретали у русских купцов товары, предназначенные для западного рынка, и ввозили на Русь продукцию европейских производителей, в том числе ткани. При этом в рассматриваемый период основную часть тканей, ввозившихся Ганзой на Русь, составляло сукно фламандского производства. Фламандские ткани различались по качеству и по цене, в связи с чем могли удовлетворить потребности разных слоев населения.

В отличие от предыдущих периодов, XIV–XV вв. освещаются в ряде письменных источников (например, договорах, рецессах ганзейских съездов, ганзейской переписке и пр.), которые сохранились до наших дней и

затрагивают некоторые вопросы, связанные с ганзейско-русской торговлей, в том числе и торговлей тканями. Вместе с тем представляется, что данное обстоятельство не снижает ценности археологических находок, которые могут использоваться для подтверждения или опровержения указанных источников либо рассматриваться вместе с ними для установления специфики экономических отношений изучаемого периода, а также могут дать дополнительную информацию, отсутствующую в документах, например о технологических характеристиках тканей, форме их поступления на Русь (упаковка текстиля, наличие пломб и пр.), о местах и некоторых особенностях торговли.

Основные особенности развития фламандского текстильного производства в XIV–XV вв.

Фламандское текстильное производство достигло своего расцвета еще до начала рассматриваемого периода (в первой половине XIII в.). При этом оно всегда развивалось как отрасль, имеющая экспортный характер (Пиренн, 2001, с. 148). К началу XIV в. во Фландрии уже действовали крупные текстильные центры, изготавливавшие высококачественное сукно (такие как Ипр, Брюгге, Гент и пр.). Основой фламандского сукноделия являлась овечья шерсть из Англии, но в XIV в. фламандское производство перешло на испанскую шерсть, поскольку ввоз английского сырья фактически прекратился (Пиренн, 2001, с. 425). В связи с изменением сырья текстильному производству требовалась существенная перестройка, но в «старых» центрах, имевших сильную специализацию, часто не удавалось упростить технологический процесс и, соответственно, удешевить производство. Указанные изменения сопровождались ростом «новых» текстильных центров, которые использовали более простые технологии и вырабатывали более простые виды сукна (Майзлиш, 2016, с. 182, 191). Стоимость производства в «новых» центрах стала ниже и их ткани составили конкуренцию крупным городам. Но, несмотря на возникшие проблемы, Фландрия оставалась одним из основных мировых производителей сукна на экспорт (Хорошкевич, 1963, с. 176).

При этом взаимоотношения Фландрии с Ганзой сформировались еще в XIII в., а в XIV в. ганзейцы уже контролировали весь экспорт фламандских сукон в Восточную Европу, в том числе и на Русь. Особое место в ганзейской торговле занимал Новгород, так как преимущественно через него ганзейские купцы ввозили на Русь западноевропейскую продукцию, которая уже из Новгорода поступала на рынки других регионов Руси.

Находки археологического текстиля фламандского происхождения

Факт широкого ввоза на Русь фламандских тканей подтверждается археологическими данными, в первую очередь находками археологического текстиля. Поскольку основным путем поступления указанного товара на Русь являлся его ввоз ганзейцами в Новгород, особое значение для рассмотрения торговли фламандским текстилем имеют новгородские находки.

В Новгороде наиболее многочисленными стали находки тканей из Неревского раскопа. Среди них преобладали ткани из шерсти. В частности, из слоев XIV–XV вв. происходит 166 фрагментов шерстяных тканей, из числа которых не менее 52 экземпляров являются текстилем западноевропейского происхождения (Нахлик, 1963, с. 307–313). При этом большая часть находок представлена окрашенными валяными сукнами – 33 находки, меньше количество окрашенных неваляных тканей – девять находок, тканей «специального типа» выявлено лишь четыре фрагмента, «полосатых» – три, по одной находке – окрашенное сукно, валяное сукно и неваляная ткань «с крестообразным переплетением» (Нахлик, 1963, с. 231, 307–313).

При изучении состава сырья, использованного при изготовлении тканей XIV–XV вв., было установлено, что ткани западноевропейского производства были произведены из двух видов шерсти: ткани «специального типа» были выработаны из шерсти английских тонкорунных овец, а сукно – из английской тонкорунной шерсти, а также из шерсти испанских мериносов (Нахлик, 1963, с. 271, 274). В частности, из шерсти испанских мериносов были изготовлены находки окрашенного сукна и часть находок валяного неокрашенного сукна. При этом, поскольку в XIV–XV вв. испанская шерсть стала основным сырьем для большинства производственных центров Фландрии, находки окрашенного и валяного сукна были определены как фламандские ткани.

Необходимо отметить, что увеличение ввоза в Новгород фламандского валяного сукна произошло еще в XII в. При этом если до середины XIII в. практически все привозные суконные ткани (кроме одной находки) были сделаны из английской шерсти (Нахлик, 1963, с. 290), то в рассматриваемый период резко возросло количество тканей из шерсти испанского мериноса, то есть фламандской продукции. Причем среди находок суконных тканей основное место занимало окрашенное валяное сукно (33 находки). Оно отличалось высоким качеством, хорошей окраской и хорошо свалянной поверхностью. Также следует упомянуть, что в XIV–XV вв. окрашенные ткани были дороже, чем другие виды текстиля (Dollinger, 1970, p. 248). Вместе с тем описанные материи были менее плотными, чем ткани «специального типа», преобладавшие среди привозного текстиля до XIII в. и производившиеся в Англии. Ввоз указанных тканей «специального типа» в Новгород уменьшился с XIII в. и в рассматриваемый период их число являлось незначительным по сравнению с количеством фламандских тканей (к XIV–XV вв. относится лишь четыре ткани «специального типа»). При этом наибольшее число находок окрашенного валяного сукна, являвшегося продукцией фламандского текстильного производства, зафиксировано в слоях XIV в. (Нахлик, 1963, с. 288, 292). Такие процессы были обусловлены как ростом фламандского текстильного производства, произошедшим в XIII в., так и развитием связей между Фландрией и Ганзой, ставшей единственным поставщиком фламандского сукна в прибалтийский регион, а также возрастанием роли ганзейских купцов в новгородской торговле (Angermann, 1980, s. 79).

Кроме того, необходимо обратить внимание на изменение технологических характеристик найденных в Новгороде фламандских тканей. В частности, в XIV–XV вв. подавляющее большинство валяных и окрашенных сукон имели полотняное переплетение в отличие от более раннего периода, когда преобладали ткани с саржевым переплетением 2/1. Так, из 44 находок фламандского валяного и окрашенного сукна полотняное переплетение имели 30 экземпляров (Нахлик, 1963, с. 291). Указанное изменение связано с тем, что во Фландрии в данный период складывались новые центры сукноделия, которые применяли более простую технологию и стали вырабатывать «сукно облегченного типа» (Нахлик, 1963, с. 292). В таком типе ткани использовалось полотняное переплетение нитей, являвшееся более простым по сравнению с саржевым (2/1).

При этом в XIV в. «новые» центры сукноделия постепенно преобразовывали свой текстиль в подражание продукции «старых» производителей, в результате чего их ткани стали очень похожими по составу, размерам, весу и иным характеристикам на ткани, уже пользующиеся спросом (Munro, 2005, p. 442). Однако продукция «новых» центров с точки зрения технологических признаков имела более низкое качество (3 и 4 сорта ткани по классификации А. Нахлика) по сравнению со «старыми» производителями, делавшими высококачественное тонкое сукно, отличавшееся большей плотностью нитей (1 и 2 сорта ткани) (Нахлик, 1963, с. 290–291). Исходя из указанного различия, из новгородского археологического материала следует, что среди фламандского валяного и окрашенного сукна преобладала продукция «новых» текстильных центров (35 из 44 находок). Это соответствует ходу развития сукноделия во Фландрии, где в XIV–XV вв. активно развивались «новые» центры производства, составившие конкуренцию «старым» производителям.

Окраска находок фламандского сукна была разной, но наиболее часто встречалось сукно красного цвета. Так, среди 43 окрашенных сукон красный цвет имели 35 находок (Нахлик, 1963, с. 307–131). Также имелись экземпляры коричневого, бежевого, зеленого, голубого цвета.

Необходимо отметить, что в ходе первоначального исследования обнаруженных в Новгороде суконных валяных тканей принадлежность к иностранным текстильным центрам была установлена не для всех находок, впоследствии оказавшихся импортными. Тканями фламандского производства были признаны лишь окрашенные ткани с хорошо свалянной поверхностью, а ткани, поверхность которых была сваляна некачественно и позволяла видеть под ворсом фактуру материи, были определены как сукно местной выработки (Черных, 19958, с. 103, 104). Однако впоследствии исследование сырья показало, что подавляющее большинство находок

суконных тканей, и в частности те, поверхность которых плохо сваляна или не сваляна, изготовлены из импортной шерсти, в том числе часть из них – из шерсти испанских мериносов (Нахлик, 1963, с. 274, 288). Учитывая то обстоятельство, что в рассматриваемый период западноевропейские товары поставлялись на Русь ганзейскими купцами, при этом овечья шерсть, включая испанскую, не относилась к объектам ганзейского ввоза и, соответственно, не являлась сырьем для местного сукноделия, исследование состава указанных выше находок из шерсти мериноса дало основания рассматривать их как ткани фламандского происхождения.

Следует упомянуть, что, наряду с составом сырья, имелся ряд дополнительных технологических характеристик, способствовавших отнесению новгородских находок к группе тканей, произведенных во Фландрии, хотя основным признаком всё же оставался состав шерсти. Так, исследование состава шерсти показало фламандское происхождение «полосатых» тканей (3 экз.), найденных в слоях XIV в. (Нахлик, 1963, с. 254). Эти ткани основаны на полотняном переплетении нитей, но в них полосы полотняного переплетения (1/1) чередуются с полосами репсового переплетения (2/2). Изготовление «полосатых» тканей было характерно для крупных центров сукноделия Фландрии. Заслуживает внимания и единичная находка тонкой неваляной ткани с саржевым переплетением в четыре нити (2/2) («крестообразным» переплетением, по определению А. Нахлика), характеризовавшейся последовательно сменой каждой третьей и четвертой нити основы в очередном раппорте переплетения (Нахлик, 1963, с. 257, 309). Данный текстиль имел очень высокое качество (1 сорт) и был выполнен из тонкой чесаной шерсти, не имевшей остевых волокон. Материя была произведена из шерсти мериноса.

Изучение археологического текстиля подтвердило факт широкого поступления на Русь через Новгород фламандских тканей, однако не позволило установить конкретные города, изготавливавшие ввозившийся ганзейцами текстиль. Это связано в первую очередь с тем, что в XIV–XV вв. большинство фламандских производителей вырабатывало ткани из шерсти испанских мериносов. Лишь в отдельных немногочисленных городах применявшееся в текстильном производстве сырье отличалось – например, Брюгге перешел на испанскую шерсть уже в XIII в., когда другие текстильные центры Фландрии еще продолжали использовать английскую шерсть, а в Сент-Омере, напротив, использование испанской шерсти не разрешалось даже в начале XV в. (Нахлик, 1963, с. 286–287). Учитывая указанное различие, среди находок середины XIII в. удалось выявить фрагмент сукна высокого качества из шерсти мериносов, который был определен как продукция Брюгге. Что касается периода XIV–XV вв., то, принимая во внимание использование фламандскими городами аналогичного сырья (испанского) и схожих технологий выработки тканей, исследование находок текстиля, как правило, не позволяет определить конкретного производителя продукции.

При этом многочисленность находок фламандских тканей говорит о том, что они занимали существенное место среди товаров, поступавшихся на Русь с Запада. В то же время, учитывая то, что рассмотренные находки найдены на территории боярской усадьбы, следует согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что большое количество импортных тканей могло быть обусловлено положением владельцев усадьбы и не говорит о таком же широком распространении импортных тканей среди простых горожан (Хорошкевич, 1963, с. 162). Вместе с тем представляется, что находки тканей свидетельствуют о том, что фламандский текстиль был разным по качеству, расцветке и технологическим характеристикам, что он ввозился ганзейцами весь рассматриваемый период и пользовался спросом на Руси.

Археологические находки фламандских текстильных пломб

В XIV–XV вв. ткани фламандского производства различались по качеству, размеру, окраске, упаковке (Dollinger, 1970, p. 249). Чтобы обеспечить качество продукции и воспрепятствовать фальсификации товара, во Фландрии, как и в других западноевропейских странах, вырабатывавших ткани на экспорт, осуществлялась процедура осмотра и опломбирования товара, которая подтверждалась путем навешивания на упаковки сукна (лакены) свинцовых пломб. Причем при изготовлении тканей высокого качества, в том числе предназначенных на экспорт, пломбы могли ставиться как по окончании отдельных произ-

водственных операций (тканья, окраски, валяния), так и после завершения технологического процесса (Майзлиш, 2016, с. 189). Пломбы позволяли покупателям удостовериться в происхождении товара и его качестве.

Представляется, что находки текстильных пломб имеют важное значение при рассмотрении вопросов ганзейско-русской торговли, поскольку они не только подтверждают факт ввоза на Русь фламандских тканей, но во многих случаях также позволяют определить города, из которых ганзейцы поставляли текстиль. Так, в Новгороде и на ближайших к нему территориях были найдены многочисленные текстильные пломбы. В частности, в Новгороде была найдена 171 пломба, на Новгородском городище – три и одна в Перыни (то есть рядом с Новгородом) (Гайдуков, Олейников, 2019, с. 2–3). В Новгороде пломбы выявлены в 35 раскопах, причем 131 находка происходит с Торговой стороны. Основную часть находок составили пломбы различных городов Фландрии, в том числе среди находок имелись пломбы из Ипра, Сент-Омера, Турне, Поперинге, Арраса, Брюгге, Тинена.

При этом в одном лишь Рогатицком-3 раскопе, находящемся рядом с Торгом и Немецким двором, обнаружено 68 текстильных пломб (Гайдуков, Олейников, 2019, с. 4), из них в слоях XIV–XV вв. – 61 пломба (46 пломб XIV в. и 15 пломб XV в.). Из числа пломб, происхождение которых удалось установить, подавляющее большинство (28 экземпляров) происходит именно из городов Фландрии. В частности, из Ипра происходит пять пломб (2-я половина XIV в.); из Сент-Омера – пять пломб (последняя четверть XIV в.); из Турне – 14 пломб (десять – 2-я половина XIV в., четыре – XV в.); из Поперинга – три пломбы (две – XIV в., одна – 3-я четверть XV в.); из Арраса и Тинена – по одной пломбе второй половины XIV в. (Гайдуков, Олейников, 2019, с. 7–8). Выяснить принадлежность 31 находки XIV–XV вв. к определенным западноевропейским городам не представилось возможным по причине их неудовлетворительной сохранности.

Интересным является тот факт, что большая часть пломб, выявленных на указанной торговой территории, происходит из Турнэ (14 экз.). Турнэ являлся одним из центров фламандского сукноделия и поставлял ткани в Новгород уже в XII вв. Пломбы из Турнэ обычно содержали в центре изображение лилии (Рыбина, 2009, с. 192).

Находок пломб из Ипра и Сент-Омера в Рогатицком-3 раскопе было меньше, чем из Турнэ (по пять экземпляров). При этом Ипр и Сент-Омер относились к числу старых крупных центров сукноделия Фландрии (Хорошкевич, 1963, с. 174, 176). Они производили высококачественные сукна, имевшие большой спрос на Руси. Пломбы из Ипра и Сент-Омера на лицевой стороне, как правило, имели изображение патриархального (шестиконечного) креста, который присутствовал на гербах этих городов (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 148, 149). На обратной стороне пломб Сент-Омера иногда изображался бюст Св. Омера.

Количество поперинских пломб на данном раскопе было незначительным (три штуки), хотя этот вид сукна являлся наиболее распространенным на Руси (Хорошкевич, 1963, с. 182). В изучаемый период пломбы Поперинге обычно включали изображение правой руки в перчатке, держащей посох (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 148). Такое изображение присутствовало и на гербе города. Развитие Поперинге шло за счет перехода на сырье из Испании и применения более простых технологий производства. Благодаря достаточно невысокой цене ткани из Поперинге пользовалась повышенным спросом, и их ввоз Ганзой на Русь в рассматриваемый период постоянно рос (Хорошкевич, 1963, с. 183). При этом поперингские сукна характеризовались достаточно высоким качеством и к середине XV в. смогли конкурировать с ипрскими.

Необходимо отметить, что пломбы, аналогичные найденным на Рогатицком-3 раскопе, были выявлены и на других раскопах Новгорода и окрестностей. Например, пломба из Турнэ обнаружена на Дубошином раскопе в слоях рубежа XIV–XV вв. (Рыбина, 1981, с. 298); ипрская пломба – на Прусской улице; на ряде других новгородских раскопов выявлено более 10 находок поперингских пломб (Беляев, 2018, с. 24), а в раскопе Конюшенный-1 и у Великого моста найдены пломбы из Брюгге, которые в Рогатицком-3 раскопе отсутствовали. Также пломба из Турнэ выявлена на Городище (Рыбина, 1981, с. 299).

При этом к особенности пломб из Турнэ следует отнести тот факт, что в отличие от пломб других фламандских городов на турнэй-

ских находках иногда встречалась надпись об их происхождении – «de tournai» («из Турнэ») (Рыбина, 1981, с. 298). Кроме того, необходимо упомянуть, что на одной из найденных в Новгороде пломб из Турнэ имелся на обороте ганзейский купеческий знак (Рыбина, 2009, с. 192), что стало дополнительным свидетельством участия ганзейских купцов в торговле фламандским текстилем.

Важным является тот факт, что находки из тех же фламандских городов, пломбы которых обнаружены в Новгороде, имелись и на других территориях Руси. Так, пломбы из Ипра и Турнэ найдены в Твери (Коваль, 2015, с. 214); многочисленные поперингские пломбы выявлены в Москве, в том числе в Зарядье в районе Мытного двора – шесть пломб, в районе торговой улицы Ильинки – не менее девяти пломб (Беляев, 2018, с. 24); пломбы из Тинена раскопаны на подоле Кремля в Москве в количестве шести экземпляров (Беляев, 2018, с. 23).

Следует отметить, что обнаруженные в Новгороде пломбы в целом отражают круг основных фламандских производственных центров, из которых ткани поступали на Русь. Однако в настоящее время находки дают сведения не обо всех фламандских городах, из которых происходили ткани. Также представляется, что количественное соотношение пломб из разных городов Фландрии не может рассматриваться как доказательство количественного распределения производителей импортных тканей. Так, обращает на себя внимание тот факт, что среди находок с раскопа Рогатицкий-3 наибольшее число турнэйских пломб, в то время как наибольшее распространение имели на Руси иные виды сукна (например, поперингское и пр.). Такое количественное соотношение, как и отсутствие пломб некоторых производителей, может быть объяснено тем, что происхождение многих находок не было определено (в частности, в Рогатицком-3 раскопе не определена 31 пломба из 61 пломбы XIV–XV вв.), причем перечень новгородских находок не является завершенным и может пополняться. Кроме того, часть поступивших в Новгород фламандских тканей могла вывозиться вместе с пломбами в другие регионы Руси. Еще одной причиной могли стать особенности самих пломб (такие как степень четкости изображения, наличие надписи), способствующие выявлению их происхождения (например, на пломбах из Турнэ, в отличие от других пломб, иногда встречалась надпись об их происхождении – «de tournai»). При этом большинство находок фактически не имело надписей или их надписи не сохранились. Также на возможность атрибуции влияет отсутствие полной информации о средневековых официальных гербах городов (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 146). Более того, на пломбы зачастую помещались не сами гербы городов, а более простые изображения, сделанные на их основе.

Кроме того, необходимо упомянуть, что фламандские текстильные пломбы были обнаружены не только непосредственно в пределах Руси, но и в близлежащих регионах, например на приволжских территориях, подчинявшихся Золотой Орде. Так, на Селитреном городище были обнаружены фламандские текстильные пломбы XIV–XV вв., в том числе семь ипрских пломб, четыре поперингские пломбы, из Турнэ – две пломбы, из Сент-Омера – одна пломба; на Водянском городище – одна поперингская пломба XIV в.; на Торецком поселении – одна пломба из Сент-Омера XV в.; на городище Каменный Бугор – две пломбы из Сент-Омера и одна пломба из Турнэ XV в.; в Старом Крыму (Солхат) – одна пломба из Турнэ конца XIV – начала XIV вв. (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 148–149, 150, 154, 156, 158, 159).

Представляется, что находки фламандских пломб на вышеуказанных территориях имеют значение и при рассмотрении вопроса о ввозе ганзейцами фламандского текстиля на Русь. При этом следует учитывать, что в приволжские города фламандские ткани могли поступать как «южным», так и «северным» путем, в частности ткани могли доставляться не только по Средиземному и Черному морям через Крымский полуостров или Азак, но и могли привозиться Ганзой Балтийским путем через Новгород (Лаере, Тростьянский, 2012, с. 145).

Результаты исследования

Таким образом, археологические находки подтверждают, что фламандские ткани являлись одним из важных объектов ганзейско-русской торговли в XIV–XV вв. Сукно, как и другие товары, ввозилось ганзейцами на Русь через Новгород, в связи с чем ценным свидетельством ганзейско-русской торговли фламандскими тканями являются новгородские находки археологического текстиля и текстильных пломб.

Изучение археологического текстиля показало, что фламандская продукция составляла основную часть находок импортных тканей рассматриваемого периода. Также находки свидетельствуют о разнообразии фламандских тканей по качеству, расцветке, иным технологическим характеристикам. Основным признаком для отнесения находок к фламандскому текстилю стал состав их сырья, представляющий собой шерсть испанских мериносовых овец; также учитывался ряд дополнительных технологических характеристик (особенности нитей, ткацких переплетений и пр.).

Кроме того, находки указывают на изменение технологических характеристик фламандских тканей, подавляющее большинство которых в рассматриваемый период имело полотняное переплетение нитей. Это явилось отражением изменений во фламандском сукноделии, связанных с возникновением «новых» текстильных центров, в которых применялись более простые технологии производства тканей. При этом большинство валяных и окрашенных сукон XIV–XV вв., найденных в Новгороде, были произведены в «новых» текстильных центрах.

Вместе с тем, характеристики тканей не позволяют определить конкретные города, изготовившие ввезенные ганзейцами ткани. Получить данные о фламандских городах, производивших сукно для ввоза на Русь, помогают находки текстильных пломб. В частности, в Новгороде и его окрестностях были обнаружены пломбы из различных городов Фландрии, в том числе из Ипра, Сент-Омера, Турне, Поперинге, Брюгге, Арраса, Тинена. При этом фламандские пломбы были обнаружены не только в Новгороде и близлежащей местности, но также на других территориях Руси (например, в Москве, в Твери), что может указывать на то, что ввезенные ганзейцами в Новгород фламандские ткани далее поступали в другие регионы Руси.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев Л.А. Свинцовые пломбы Москвы и стратиграфия раскопа № 7/2015 в Зарядье // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред., сост. В.К. Сингх. М.; Великий Новгород: Типография Любавич, 2018. С. 23–25.

Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Западноевропейские текстильные пломбы из раскопок в Великом Новгороде // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1–8. DOI: 10.34680/2411-7951.2019.5(23).11

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 211–221.

Лаере Р. Ван, Тростьянский О.В. Западноевропейские товарные пломбы XIV–XV вв. с территории Золотой Орды // Нумизматика Золотой Орды. Вып. 2 / Ред. И.М. Миргалеев. Казань: Яз; Ин-т истории АН РТ, 2012. С. 144–162.

Майзлиш А.А. Такая разная Фландрия: монополия Гента, Брюгге и Ипра на производство тканей и ее пределы (XIV – первая половина XV в.) // Средние века. Исследования по истории средневековья и раннего Нового времени. Вып. 77 (1–2) / Ред. П.Ю. Уваров. М.: Наука, 2016. С. 180–204.

Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV / МИА. № 123 / Отв. ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: АН СССР, 1963. С. 228–313.

Пиренн А. Средневековые города Бельгии / пер. с фр. под ред. Е.А. Косминского. СПб.: Евразия, 2001. 512 с.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Рыбина Е.А. Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде // СА. 1981. № 1. С. 298–300.

Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М.: АН СССР, 1963. 365 с.

Черных Н.Б. Новгородские ткани из Неревского раскопа // Вестник Московского Университета. 1958. № 4. С. 101–111.

Angermann N. Der Hansehandel mit Nov gorod nach dem Zeugnis Archäologischer Quellen // Hansische Geschichtsblätter. 98. Jahrgang. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1980. P. 76–84.

Dollinger Ph. The German Hansa / trans. from French and edited by D.S. Ault and S.H. Steinberg. Stanford: Stanford University Press, 1970. 474 p.

Munro J.H. Spanish Merino Wools and the Nouvelles Draperies: an Industrial Transformation in the Late Medieval Low Countries // The Economic History Rewiew: A Journal of economic and social history. 2005. Vol. 58. No 3. P. 431–484.

Информация об авторе:

Калугина Елизавета Михайловна, аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород, Россия); kalugina_lizaa@mail.ru

REFERENCES

Belyaev, L. A. 2018. In Singkh, V. K. (ed.). *Neskonchaemoe leto. Sbornik statei v chest Eleny Aleksandrovny Rybinoi (The endless summer. Collected articles in honor of Yelena Aleksandrovna Rybina).* Moscow; Veliky Novgorod: “Tipografiia Liubavich” Publ., 23–25 (in Russian).

Gaidukov, P. G., Oleinikov, O. M. 2019. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Iaroslava Mudrogo (Memoirs of NovSU)* 23 (5), 1–8 (in Russian).

Koval, V. Yu. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (237), 211–221 (in Russian).

Laere, R. van, Trost’ianskii, O. V. 2012. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Numizmatika Zolotoi Ordy (Golden Horde Numismatics)* 2. Kazan: “Yaz” Publ.; Shigabuddin Mardzhani History Institute, Tatarstan Academy of Sciences, 144–162 (in Russian).

Maizlish, A. A. 2016. In Uvarov, P. Yu. (ed.). *Srednie veka. Issledovaniya po istorii srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (Middle Ages. Studies on Medieval and Early Modern History)* 77 (1–2). Moscow: “Nauka” Publ., 180–204 (in Russian).

Nakhlik, A. 1963. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin, B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition*) 4. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 123. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 228–313 (in Russian).

Pirenn, A. 2001. *Srednevekovye goroda Bel'gii (Medieval towns of Belgium).* Saint Petersburg: “Evraziya” Publ. (in Russian).

Rybina, E. A. 2009. *Novgorod i Ganza (Novgorod and Hansa)*. Moscow: “Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi” Publ. (in Russian).

Rybina, E. A. 1981. In *Sovetskaia Arkheologiya* (*Soviet Archaeology*) (1), 298–300 (in Russian).

Khoroshkevich, A. L. 1963. *Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoi i Zapadnoi Evropoi v XIV–XV vekakh (Veliky Novgorod's trade with the Baltic region and Western Europe in the 14th–15th centuries)*. Moscow: Academy of sciences of the USSR (in Russian).

Chernych, N. B. 1958. In *Vestnik Moskovskogo universiteta (Vestnik Moskovskogo Universiteta*) (4), 101–111 (in Russian).

Angermann, N. 1980. In *Hansische Geschichtsblätter* (98), 76–84 (in Deutsch).

Dollinger, Ph. 1970. *The German Hansa* (trans. from French and ed. D. S. Ault, S. H. Steinberg. Stanford: Stanford University Press (in English).

Munro, J. H. 2005. In *The Economic History Rewiew: A Journal of economic and social history* 58 (3), 431–484 (in English).

About the Author:

Kalugina Elizaveta M., Yaroslav – the – Wise Novgorod State University. Bolshaia Sankt-Peterburgskaia St., 41, Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation; kalugina_lizaa@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2025 г.
Статья принята к публикации 19.01.2026 г.

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.122.135

К ИЗУЧЕНИЮ НАДГРОБИЙ ЕГОШИХИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

© 2026 г. Ю.Д. Павлюк, П.Р. Смертин, С.П. Жижин

В статье приведены первые результаты полевых работ, направленных на изучение надгробий Егошихинского некрополя (участок «старого» кладбища, прилегающий к Успенской церкви). Некрополь является объектом культурного наследия и имеет юридическое наименование «Егошихинское кладбище», также более привычное жителям г. Перми. Несмотря на давнюю историю изучения этого комплекса, в описании надмогильных памятников позднего русского некрополя (XVIII – нач. XX вв.) впервые был применен системный археологический подход, разработанный в первой четверти XXI века. Цель статьи – введение в научный оборот новых данных для актуализации необходимости проведения исследований Егошихинского некрополя по единому протоколу. Судя по предварительным результатам исследования, сохранность памятников, в целом, удовлетворительная, преобладают надгробия из серого мрамора, наиболее распространенными типами основания являются вертикальные тумбы и плиты, надписи выполнены, в основном, в технике выемчатой резьбы. Крест на Голгофе является самым почитаемым изображением. Сделан вывод о необходимости включения надгробных памятников некрополей в маршруты археологических разведок.

Ключевые слова: археология, надгробие, погребальная культура, Егошихинский некрополь, Егошихинское кладбище, некрополистика, историческая память, археология, Пермь.

ON THE STUDY OF THE TOMBSTONES FROM THE YEGOSHIKHA NECROPOLIS: THE FIRST RESULTS

Yu.D. Pavlyuk, P.R. Smertin, S.P. Zhizhin

This paper presents the first results of fieldwork focused on studying the Yegoshikha necropolis, a section of the “old” cemetery adjacent to the Church of the Assumption of the Virgin. The necropolis is a cultural heritage site legally known as the “Yegoshikha cemetery,” a name more familiar to the residents of Perm. Despite the site's long research history, a systematic archaeological approach was applied for the first time in the early 21st century to describe the tombstones of this late Russian necropolis (18th – early 20th centuries). The article aims to introduce new data into scientific discourse and emphasize the need for unified research protocols on the Yegoshikha necropolis. Preliminary results are presented. Judging by the preliminary results of the study, the preservation of monuments is generally satisfactory, gray marble tombstones predominate, vertical pedestals and slabs are the most common types, the inscriptions are made mainly by the technique of indented carving. The cross on Golgotha is the most revered image. It is concluded that it is necessary to include tombstone monuments of necropolises in the routes of archaeological exploration.

Keywords: archaeology, tombstone, burial culture, Yegoshikha necropolis, Yegoshikha cemetery, necropolis studies, historical memory, archaeology, Perm.

Введение

Егошихинский некрополь расположен на холме в междуречье Егошихи и Стикса, на восточной окраине исторической части г. Перми. Несмотря на то, что это старейший некрополь города, где сохранились надгробия XVIII в., место является третьим по хронологии городским кладбищем.

С основанием Егошихинского медеплавильного завода в 1723 г., в самом центре заводского поселка у Петропавловской церкви (1724 г.), возникает кладбище первых его жителей, существовавшее на протяжении второй четверти XVIII в. (Памятная книжка…, 1863; Данич, 2023). В ходе спасательных археологических работ 2013 года был обнаружен хронологически синхронный Петропавловскому Старо-Егошихинский заводской некрополь. Он был расположен в менее чем полукилометре к югу от заводского поселка и топографически был отделен от него ныне засыпанным оврагом. Раскопки 2013, 2014 и 2019 гг. показали, что найденные чуть более 400 погребений были выполнены не позднее середины XVIII в. (Головчанский, Романова, 2016; Мингалева, 2020; Мингалев, 2022).

Упоминания этого кладбища в письменных источниках весьма туманны, поэтому археологические данные являются чуть ли не единственным свидетельством его существования.

К 80-м гг. XVIII в., когда Егошихинский медеплавильный завод получил статус губернского города и переименован в Пермь, захоронения по распоряжению пермского генерала-губернатора Е.П. Кашкина стали совершаться за городской чертой, на левом берегу Егошихи, на холме, отделенном от города её притоком (Смышляев, 1891). Хотя можно быть почти полностью уверенным, что захоронения на стрелке Егошихи и Стикса совершались и несколько раньше официального распоряжения. Одно из доказательств этому – датировка старых заводских кладбищ (вторая четверть XVIII в.) (Головчанский, Романова, 2016; Мингалева, 2019; Данич, 2023). Сегодня Егошихинский некрополь – это знаковое для города место, известное своими старинными надгробиями, крайне актуально для исторического исследования. Исторически Егошихинский некрополь разделен на несколько участков: Старое православное кладбище (Успенское, старое русское) – самое раннее среди остальных, существующее с самого основания некрополя, Новое православное кладбище (Всесвятское, новое русское), Иудейское кладбище (еврейское, «Бейт кварот»), Католическое кладбище, Мусульманское кладбище (Гладышев, 2001).

Юридически некрополь является объектом культурного наследия – ансамблем «Егошихинское кладбище», на территории которого выделены отдельные памятники. Среди них – надгробия над захоронениями выдающихся деятелей науки, искусства, просвещения, государственного устройства и др. (Приказ…, 2014)[1]. Обратим внимание, что выделение отдельных мест захоронений как памятников истории внутри ансамбля происходило прежде всего на основании их мемориальной ценности. Культурная значимость непосредственно надгробий как отдельных объектов не подвергалась серьезному рассмотрению.

Краткая история изучения Егошихинского некрополя

Свою мемориальную и историческую значимость Егошихинский некрополь получил изначально как основное место захоронений, где в том числе были погребены известные исторические деятели. Несмотря на кажущуюся специфичность некрополистики в городском сознании, значение кладбищ для пермской истории не вызывает сомнений. Исследовательский интерес к позднему русскому некрополю в отечественной науке существовал с конца XIX в., прослеживается также потребность в сохранении надгробий, воспринимавшихся уже как часть историко-культурного наследия (см., например: Петербургский некрополь…, 1883; Московский некрополь, 1907; Московский некрополь, 1908а; Московский некрополь, 1908б; Шереметевский, 1914).

В Перми интерес к направлению начинается со знаменитой работы В.В. Голубцова «Пермский некрополь», который был составлен в конце XIX в., но опубликован лишь в 2002 г. (Голубцов, 2002). Книга представляет собой первую попытку систематизированного изучения пермских некрополей, в том числе Егошихинского. Исследование это нужно рассматривать прежде всего как биографическое и генеалогическое, поскольку бóльшее значение в монографии придается содержанию формулярных текстов и эпитафий на надгробиях. Автор исследовал могилы выдающихся деятелей Перми: чиновников, купцов, военных, священников, деятелей культуры. Он подчёркивал, что некрополь – это «летопись», отражающая историю города через судьбы людей.

На стыке XIX и XX вв. публикуется много различных работ, посвященных изучению Егошихинского некрополя, что еще раз подтверждает его феномен как важное звено культурного кода (см., например: Колбас, 1999; Гладышев, 2000; Гладышев, 2001; Рафиенко, 2001; Рафиенко, 2002; Марченко, 2004; Храмы Егошихинского кладбища…, 2005; Гладышев, 2005; Корчагин, 2006; Гладышев, 2007; Субботин, 2012; Корчагин, 2016). Наиболее обширные здесь – книги В.Ф. Гладышева «Перми старинное зерцало», «Пермский некрополь: знаки памяти в мемориальной пластике», «Над Стиксом». Если в первом случае автора больше интересует контекст, следующий за надгробиями, прежде всего биография отдельных личностей, что следует из давней традиции XIX в., то во втором внимание все больше уделяется художественным деталям надмогильных памятников.

Основной темой «Над Стиксом» можно считать историю Егошихинского кладбища,

его роль в исторической памяти Перми. Автор описывает структуру кладбища, биографии известных пермяков, похороненных здесь, проводит анализ эпитафий и символики надгробий, упоминает утраченные захоронения, рассуждает о важности сохранения некрополя в контексте городской культуры. В.Ф. Гладышев пишет: «История Перми угадывается, в основных своих чертах, в зерцале старинного кладбища. Отсюда просматривается и обозримое будущее всего мегаполиса, и, конечно, каждого человека» (Гладышев, 2000).

«Перми старинное зерцало» ярко иллюстрирует Егошихинский некрополь как отражение истории города (Гладышев, 2001). Детальный разбор захоронений XVIII – начала XX вв. (купцы Смышляевы, Любимовы, чиновники Модерах, Циммерманы…). В книге уделено особое внимание истории кладбищенских церквей (Петропавловская, Всехсвятская, Успенская), судьбе кладбища в советское время, а также производится сравнительный анализ с другими уральскими некрополями.

В книге «Пермский некрополь: знаки памяти в мемориальной пластике» В.Ф. Гладышев уделяет внимание художественным и символическим аспектам надгробий Егошихинского кладбища (Гладышев, 2005). Автор исследует, как через мемориальные памятники отражаются социальный статус умерших, религиозные и культурные традиции, эволюция художественных стилей надгробий. Раскрываются эпитафии, символика (кресты, ангелы, урны с покрывалом, масонские знаки и др.). Также представлена типология надгробий: чугунные плиты, саркофаги и обелиски, старообрядческие «голубцы» (кресты с двускатными «крышами»), стелы. В.Ф. Гладышев пишет о разновидности материалов камня надмогильных памятников и кратко сравнивает Егошихинское кладбище с другими некрополями России.

Формирование и развитие ансамбля Егошихинского некрополя отображает все основные изменения сфер общественной жизни населения Перми с последней четверти XVIII в. до нашего времени. В 2025 г. сотрудниками Краевого центра охраны памятников проводились историко-культурные исследования (в том числе составление исторической справки) с целью внесения изменений в предмет охраны ансамбля «Егошихинское кладбище» (Историческая справка…, 2025)[2].

Можно заключить, что ведущие аспекты изучения кладбища на Егошихе – это биографический (история конкретных персон, чаще всего – известных исторических личностей) и историко-культурный, где кладбище предстает как элемент культуры и исторической топографии города. Все приведенные исследования являются крайне важными для городской истории, сочетаемая в работах научная точность и художественность текста сделала их известными широкому кругу пермяков. Но сколько еще интересного скрывают надгробия, оставленные в стороне, выполненные «типично», без ярких художественных элементов в декоре, вдали от троп, – надгробия безызвестных в письменной истории пермяков?

Материалы и методы

Если абстрагироваться от собственно археологических раскопочных работ, проводимых на Старо-Петропавловском и Старо-Егошихинском заводских некрополях, археологический подход при изучении Егошихинского кладбища использован впервые. Объект исследования – это *все* надгробия конца XVIII – начала XX вв., расположенные вокруг Успенской церкви на Егошихинском некрополе, который, как мы уже сказали, разделен на условные участки, выделенные по вероисповеданию похороненных (рис. 1) (План…, 1898). Исследуемый нами участок именуется «старым православным кладбищем». К сожалению, на наших глазах происходит постепенная утрата этих памятников, в том числе их «археологизация», поэтому важность исследований крайне высока. Главный принцип проводимых исследований – системность, который является важнейшим в любом археологическом исследовании. Так, все надгробия восприняты как *равнозначные* объекты материальной культуры, без акцентов на историческую значимость человека, покоящегося под этим надмогильным сооружением. Исключен субъективизм для включения надгробий в исследование, не принят в расчет указанный критерий временных рамок.

Протокол фиксации особенностей каждого надгробия выбран исходя из методических разработок Д.В. Пежемского с небольшими авторскими дополнениями (Пежемский, 2021). Выполнялась фотофиксация надгробия с разных ракурсов, отмечалось его положе-

Рис. 1 План Егошихинского кладбища на карте Перми 1898 года (План…, 1898)
Fig. 1. Yegoshikha cemetery on a map of Perm in 1898

ние в системе географических координат для создания общей карты некрополя, а также сохранность памятника, его размер, особенности морфологии, материал и технология обработки поверхности, расшифровывались формулярные надписи и эпитафии с указанием стиля, способа их выполнения. Фиксировалось также наличие знака мастерской и различных изображений, дополнительных конструктивных элементов. В случае необходимости надгробие очищалось от загрязнений без повреждения поверхности памятника. Базовый признак при описании надгробия – это общий тип основы, среди которых выделены: таблица, плита, стела, вертикальная тумба, горизонтальная тумба, «саркофаг», пирамида, колонна, обелиск, шар, урна/кубок/чаша, крест, дерево, скала, аналой, «часовня», «жертвенник», скульптурная композиция.

В ходе полевых работ пока исследовано чуть менее 200 надгробий, поэтому полученные данные являются предварительными, в связи с чем пока не публикуются таблицы с величиной выборки и частотами по отдельным признакам. Данная статья носит актуализирующий характер.

Результаты и обсуждение

В конце 2024 и на протяжении 2025 гг. в работах на Егошихинском некрополе приняли участие студенты-добровольцы ПГГПУ, а также практиканты, проходящие археологическую практику альтернативно. В ходе исследования были встречены в основном надгробия XIX в. Значительная часть из них ныне находится не на своем изначальном месте. Сохранность памятников в основном удовлетворительная, но часто встречаются утраты некоторых элементов, чаще наверший и металлических крестов, что связано с деятельностью вандалов.

Преобладающим материалом изготовления надгробий является камень, в частности серый камень – мрамор (84,6%) и известняк (11,0%), в то время как металли-

Рис. 2. Типы основ: вертикальная тумба с киотом
Fig. 2. Types of bases: vertical stand with a kiot

ческие конструкции составляют лишь 2,2%. В единичных случаях встречены надгробия из белого камня и ракушника. Поверхность каменных надгробий в большинстве случаев (свыше 90%) подвергалась шлифовке, гораздо реже встречалась комбинация шлифовки и полировки. Грубый тёс камня почти не встречался. Известняк сохраняется обычно хуже, а сохранность мрамора сильно варьирует. Обычно надгробия из мрамора сохраняются хорошо, но зачастую разрушается верхний слой, либо сильно темнеет, приобретая почти черный цвет.

По своей пространственной ориентировке памятники преимущественно вертикальные (68,0%), горизонтальные формы встречаются лишь в четверти случаев (27,3%). Смешанная (неопределенная) ориентировка почти не характерна (4,7%). Наиболее распространенными типами основы являются вертикальные тумбы (31,1%), плиты (18,2%). Гораздо реже встречаются саркофаги (9,9%), часовни (6,8%), аналои (5,3%) (рис. 2–5). Иные типы основы (обелиски, стелы, горизонтальные тумбы, пирамиды, скульптурные композиции и др.) ещё менее популярны.

Эпитафии и формулярные надписи на надгробиях выполнены в основном техникой выемчатой резьбы (89,6%), как, вероятно, более простой относительно резьбы обронной. Неоднократно было замечено, что надписи на некоторых надгробиях сделаны непрофессионально, не мастером, а, предположительно, рукой родственника покойного. В наборах надписей наиболее употребителен курсивный шрифт (55,2%), далее следует шрифт гражданский (40,0%), в то время как церковнославянское начертание непопулярно – всего 4,8%. К сожалению, знаков мастерских обнаружить не удалось.

Большинство надгробий имеют формулярный текст (81,1% от общего числа надгробий с надписями), где указаны Ф.И.О. покойного, его даты жизни, реже – чины и звания. Сравнительно редко надгробия имеют поэтические строки (3,8%), чуть более популярен проза-

Рис. 3. Тип основы – саркофаг
Fig. 3. Base type – sarcophagus

Рис. 4. Тип основы – часовня
Fig. 4. Base type – chapel

ический текст разного содержания (25,8%). Нередко формуляр дополнялся Библейскими цитатами (21,2% от общего числа надгробий с текстами). Полное отсутствие надписей на надгробиях для Егошихинского некрополя нехарактерно – всего 9,1% от числа всех случаев, где достоверно удалось определить присутствие или отсутствие текстов.

Изображения ровно в половине случаев отсутствуют. Наиболее популярными мотивами являются: Крест на Голгофе (31,3% от числа всех изображений), Крест (14,1%), Всевидящее око (14,1%), Орудия страстей Христовых (12,5%). Декор характеризуется наличием барельефов, картушей, фигурных рамок на некоторых надгробиях. Среди исследованных надгробий присутствуют семейные группы надгробий, под которыми нередко похоронены дети, супруги. Интересным является обнаружение среди исключительно православных захоронений иудейского надгробия 1894 г., содержащего надписи на иврите. Такое исключение из правил пока сложно интерпретировать.

На текущий момент исследования особенности погребальной культуры пермяков (на основании изучения «старого» кладбища в составе Егошихинского некрополя) выглядят следующим образом. Надгробия предстают в основном каменные, из мрамора, почти во

Рис. 5. Тип основы – аналой
Fig. 5. Base type – analogion

всех случаях – с текстами разного содержания. Пермяки чаще отдавали предпочтению указанию только формулярных данных, но в неко-

торых случаях дополняя это текстом разного содержания, в основном выполненным техникой выемчатой резьбы. Классический тип основы – вертикальная тумба, шлифованная. Крест на Голгофе является самым почитаемым изображением.

Заключение

Проведение подобных исследований актуально не только на Егошихинском некрополе. Гораздо острее проблема стоит по изучению и сохранению надгробий за пределами Перми. За редким исключением[3], на городских кладбищах и малых сельских погостах старинные могилы гораздо более серьезно подвержены разрушительному воздействию окружающей среды и человека. Это делает необходимым включение подобных памятников в маршруты археологических разведок и проведение охранно-спасательной работы местных краеведческих сообществ.

Примечания:

[1] Приказ Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края «Об установлении границ территории, утверждении режима использования территории и предмета охраны объекта культурного наследия регионального – ансамбля “Егошихинское кладбище”» от 18.08.2014 № СЭД-27-01-09-315.

[2] Приказ Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Пермского края "О внесении изменения в приказ Министерства культуры, молодежной политики и массовых коммуникаций Пермского края от 18 августа 2014 г. № СЭД-27-01-09-315 «Об установлении границ территории, утверждении режима использования территории и предмета охраны объекта культурного наследия регионального значения – ансамбля «Егошихинское кладбище»" от 08.09.2025 № Пр55-01-06-231.

[3] Например, могилы купцов Юргановых в г. Чердыни являются отдельным объектом культурного наследия и находятся под присмотром насельников Иоанно-Богословского мужского монастыря.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность студентам и сотрудникам исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета за участие в проводимых работах, в особенности к.и.н., доценту кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Н.С. Смертиной и студенту 4 курса Ю.В. Паздерину. Отдельная благодарность старшему преподавателю кафедры минералогии и петрографии ПГНИУ Е.Н. Томилиной за помощь в определении материала каменных надгробий.

Приложение 1. Эпитафии
Appendix 1. Epitaphs

№ надгробия	**Расшифровка эпитафии (при наличии)** ** стороны: лицевая/обратная/правая/левая* *** указаны наиболее информативные эпитафии*
2	Мария Васильевна Мальгина. Скончалась въ 1900 году. / - / - / -
3	Отрокъ Сергій Гавриловъ родился 22 Сентября 1880 г. Скончался 22 іюля 1893 года / Господи Іисус Христос прими съ миром душу раба твоего / - / -
4	… Иоан … померъ 2 марта 1871 / - / - / -
5	Младенцы Стрижевы / - / Алексий 26 феврал. 1887 12 Мая 1888 / Рожен. 10 июня 1889 Ум. 11 Ноября 1889 Верно любившая семья любившая мать
6	Капитолина Дмитриевна Березина урожденная Попова померла 30 ноября 1876 года / - / - / -
8	Александра Гавриловна Кураева
9	… Ивановъ скончался 11го Мая 186…го … 13 году / - / - / -
10	Аполлинарія Александровна Мякотина урожден. Обруцкая скончалась в марте 1909 года / - / - / -
11	Марія Александровна Мякотина родилась в 1881 г. скон. 29 Декабря 1907 г. / - / - / -
12	Жилъ іюкон … и прахъ Раисы и Софіи Новокрещенныхъ и Георгиѧ Ижевскаго / - / - / -
13	Маріи Петровны Протокоповой скончавшіеся 12го іюня 1880 г. на 64 году от рожденіѧ / Блаженны мертвій умирающіе о Господи / - / -
14	О милыхъ существахъ которые сей светъ собой для насъ животворили не говори съ тоской ихъ нетъ а съ благодарностью были. / … Кожевниковъ … 15 … 1864 г. 25 дня / - / -
15	Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь / - / Нина Холмогорова скончалась Апрѣ́ля 3 дня 1897 года 15 лѣ́тъ. / Иванъ Андреевичъ Холмогоровъ родившійся въ 1849 году 22 сентября скончавшійся въ 1896 году 16 сентября.

16	Покоится прахъ раба Божіего Губернск секретаря. Андрея Ивановича Холмогорова скончавшаяся 1894 г. 20 декабря 64 лѣ́тъ. / - / Покоится младенецъ Викторъ Холмогоровъ. Умиршаго 1899 9го апреля и младенецъ Николай Ворокинъ/ -
18	Статский Советник Антон Семенович Равич-Щербо родился 14.06.1838-ого умеръ 18 февраля 1880-го миръ праху твоему / Отъ друзей и сослуживцевъ / - / -
19	Сверху: *Прідитъ обременен ко Мнѣ́ всѣ́ ніи, н азъ труждаю упокощіся и вы* *Здісь покоится Священно-діакона Павла Аоанавъ Шилова Ум. 25 Янв. 1805 г. / 69 л. Отъ рож. Миръ праху твоему незабвенный родитель / - / -*
20	*... / Отъ любящих родныхъ Шиловыхъ / - / - / -*
21	Дмитрій Петровичъ Насоновъ род. 11 февраля 1883 умеръ 12 декаб. 1899. / - / - / -
22	Софія Дмітріевна Насонова род. 17 февр. 1844 умер. 30 марта 1894 года / - / - / -
23	Здесь покоится вдова губернскаго секретаря Варвара Ивановна Хныкина / Родилась 14 октября 1821 года скончалась 10 октября 1898 года / - / -
24	- / Рабы божие … вый скончалысь 4 августа 1875 года / - / -
25	Здѣ́сь покоится прахъ купеческаго сына Сергѣ́я Николаевича Еремѣ́ева скончался 26 Ноября 1899 г. … отъ рожденія / Вѣ́чная память тебе незабвенный сынъ / - / -
26	Здесь покоится прахъ раба божия Иоана Еграфовича Шварева от роду 48 летъ скончался 1863 марта 7 дня / Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь / - / -
27	Отъ Родной дочери Милому родителю Тихо … ову / … покоится прахъ ундер офицера Бухона кончился 1874 года … марта 66 лет / - /-
28	Упокой Господи Во Царствіи твоемъ Душъ усопшхъ Антонины 10 л. и Елены 3 лѣ́тъ Дѣ́ти Контролера Отд Госуд Б-ка Алексѣ́я Андр. Никольска. / Пропаютъ птички Божий Поклюютъ на ваши могилки зернышки / Спите наши милые Дети До радостного дня когда зайдет румяная заря / Тогда возрадуется Вся земля и Возвеселятся дети. Отъ искренне любящихъ родителей
34	Младіѣ́нецъ Сергѣ́й Хлопинъ
35	Пермский купецъ Матвей Гаврилович Рубановъ / Миръ праху твоему незабвенный супругъ и отецъ / Родился 9 Августс 1823 года / Умеръ 30 Июня 1882 года
36	Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа Здесь покоится прахъ Іерея осинского уезда Ковалевскаго села Рождество Богородицкой церкви Іоанна Александровича Смышляева / - / Родился 6го Мая 1838 года умеръ 27го октября 1889 года всего жилъ 57 годъ 5 месяцѣ́въ 22 дня / От любящей жены
37	Николай Холшовников Род. 31 Января 1875 г. Умеръ 18 Января 1877 г. / - / - / -
38	Здѣ́сь покоится тѣ́ло Стефаниды Сидоровны Бѣ́лобородовой Сконч. 3го Янв. 1883 г. на 87 году. / - / - / -
40	*Здѣ́сь покоится прахъ вдовы священника Анны Александровеы Матвѣ́евой родилась въ 1835 умерла въ 1897 г. 17 Іюня 62 лѣ́тъ. / - / - / -*
42	Здѣ́сь погребена жена почетнаго гражданина Анна Петровна Пѣ́тухова Скончалась 30 марта 1903 года 44 лѣ́тъ И дѣ́ти: Вѣ́ра, Соня, Оля и Шура / - / - / -
43	Кунгурский мѣ́щанинъ Федоръ Васильевичъ Лазаревъ / Скончался 19го Августа 1910 г. отъ роду 68 лѣ́тъ / - / -
44	Здѣ́сь погребено тѣ́ло Маріи Михайловны Черемисиновой скончалась 20 сентяб 1913 г. 80 лѣ́ть / - / -
45	Здѣ́сь погребены Кириллъ Григорьевичъ Моисеенко (1809-1866) / Дѣ́ти ихъ Александр (1853-1874) / Жена его Елизавета Васильевна (1826-1879) / Кириллъ 1857-1877 Георгій (1862-1882).
47	Жена Кунгурскаго мещанина Парасковья Петровна Лазарева / Скончалась 19 апрѣ́ля 1908 года 63 лѣ́тъ / - / -
48	Родной отрак … О если бы Господь своей … Твоі ісіѣ́ла … тебя благосл … / Здесь покоится прахъ полковника Лоиногена Борисовича Синицына родился 1819 года июля 16 дня, скончался 1889 года / - / -
52	Здѣ́сь погребено … Феодора Ивановича Билакина ум. 1896 Янв. 16 дня 40 л. и жены его Евдокии Васильевны 1897 г. 31 Января 39 л. / - / - / -
53	Сверху*: Во имя отца сына и святаго дух аминь. Под симъ камнѣ́мъ покоится прахъ пермского живописца Петра Прокофьевича Верещагина скончался в январе 1843 года / - / - / -*
54	Здѣ́сь погребено тѣ́ло раба Божія Петра Ивановича Реусъ Имѣ́вшаго отъ рожденія 54 г. и Скончавшагося 25го окт. 1884 года / - / - / -
55	Здѣ́сь Погребенъ Коллежский Ассесор Константинъ Алексеевичъ Золотавинъ Скончался 4 Февр. 1869 г. 60 лѣ́тъ отъ роду. / - / - / -
56	Вдова Коллежскаго Ассесора Анна Емнльяновна Золотавина сконч. 14 янв. 1899 г. 72 лѣ́тъ. / - / - / -
58	Сверху: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа* *Аминь Дѣ́вица Надежда Григорьевна Федоровна Скончалась 12 августа 1892 г. 53 лѣ́тъ отъ роду. Вѣ́чная память. / - / - / -*
59	Сверху*: Здѣ́сь покоится прахъ Ирины Ивановны Курочкиной сконч. 16 декабря 1907 г. / - / - / -*

60	Сверху: *Прідетъ ко Мнѣ́ вечному дающему ... упокою* *Юліанъ Каэтановичъ Нагродскій Скончался 16 сентября 1912 г. Миръ праху твоему* / - / - / -
61	Здѣ́сь покоится тѣ́ло Ольги Сысоевны Нагродской умерла 1873 года. 13 ноября 24 лѣ́тъ / - / - / -
62	Здѣ́сь покоится прахъ подпоручика артилеіи Леонида Юліановича Нагродскаго скончавшагося 18 ноября 1896 г. 23 лѣ́тъ отъ роду. / В память о незабвенномъ дорогомъ сынѣ́ отъ родителей. / - / -
63	Во имя Отца Сына и Святаго Духа Аминь Подъ симъ памятникомъ покоится тело Пермского мѣ́щанина Василья Романовича Федотова родился 19 Марта 1850 г. кончился 9 Декабря 1891 житія его было на свѣ́тѣ́ 41 г. 9 месяцовъ. Оставилъ после себя жену и двух малолѣ́тніхъ дѣ́т. / Ты не прідешь чтоб скорбь утешить Не взглянешь съ ласкою на насъ Но образъ твой въ сердцах храниться. Родныхъ твоихъ у всѣ́хъ у насъ. / - / -
64	Сверху: *Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь.* *Здѣ́сь покоится прахъ отрока Александра Шмырова скончался 2 июня 1901 г.*
65	Елизавета Феодоровна Пацевич / - / - / -
66	Вѣ́рочка Бѣ́ляева 1905 г. 1906 г. / - / - / -
68	Помяни Господи во Царствиіи Твоемъ умерших рабъ / - / Памятникъ купленъ личнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ Михайловичемъ Цвѣ́тковымъ 13 ноября 1916 года / Похоронена жена лична почетнаго гражданина Павла Никаноровна Цвѣ́ткова умершая 19 август. 1913 г.
69	Здесь покоится прахъ Пермского Купца Феодора Петровича Чечурова конч. 1873 года 18 Август. Житія его было 69 года и 6 месяцевъ / Со Стыми упокой Хрте душу усопшаго раба твоего / - / -
70	Сверху: *Михаилъ Стефановичъ Серебренниовъ. 4 Нояб. 1861 – 21 Дек. 1894 г.*
71	Анфиса Петровна Серебренникова 27 Авгус. 1850 – 10 Дек. 1889. / - / - / -
72	Здѣ́сь погребено тѣ́ло священника Петропавловскаго собора Іоанна Стефановича Серебренникова / - / - / -
73	Александра Лидія Владиміръ Евфиній Діаконъ Адрей Черепановы / - / - / -
74	Здесь погребено тело Коллежскаго Ассесора Феодора Кузмича Ніколаева кончился 3 января 1886 года 56 … от род. / - / - / -
75	Сверху: *Здесь покоится прахъ рабъ Божія Льва Дмитріевича Нвооселова умершаго 11 марта 1880 года. Отъ роду 75 лѣ́тъ и младенца Сергея Соболенскаго умершаго 5 мая 1889 года Миръ праху твоему*
77	Сверху*: Миръ праху тв…* *Памятникъ сооруженъ Пермским Драматическимъ Кружкомъ по постановлѣ́нію общего собранія членовъ кружка состоявшагося 12 Ноября 1900 г. / Артистъ Владиміръ Евграфовчъ Ильковъ Скончался въ г. Перми 10 ноября 1900 г. 48 лѣ́тъ отъ роду. / - / -*
78	Викторъ Эмануиловичъ Гойэръ род. 1 Дек. 1863 г. скон. 20 Нояб. 1895 г. / Отъ друга и почітателей / - / -
79	Сверху: *Пріидіте обречен ко мнѣ́ есть труждающ – нные Ась уопокою* *Мир проху твоему незабвенный супругъ и отецъ / Покоится прахъ твой родная …ица отъ трудовъ и заботъ в душѣ́ у меня ты живая оставила ... последн … / Здесь … покоится раба Божія Дмитрія Петровича Соларева сконч. … Нояб. 1884 г. … было нол… / Здѣ́сь покоится тѣ́ло отрокосицы Анны Соларевой сконч. 5 Дек. 1883 г. прожила 10 л. 10 мес.*
80	Здесь покоится … раба Божія Петра Алекс… Иванова скончался 14 … 1885 года в … 33 года. / Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа / - / -
81	Николай Николаевичъ Агѣ́евъ Технологъ 3го разряда Родился 2го Мая 1844 года умеръ 2го Іюля 1877 года. Жилъ 33 года 3 мѣ́сяца. / - / Миръ праху твоему честный труженникъ / -
82	Сверху: *Лариса Ивановна Наугольныхъ род. 7 февраля 1889 г. сконч. 25 Августа 1901 г.*
83	Сверху*: Константинъ Степановичъ Наугольныхъ род. 9 Апрѣ́ля 1817 г. сконч. 18 Апрѣ́ля 1898 г.*
84	Сверху*: Наталья Константиновна Наугольныхъ род. 31 Іюля 1860 г. конч. 19 Декабря 1895 г.*
85	Сверху: Маня Наугольныхъ род. 30 Декабря 1895 г. сконч. 15 Декабря 1908 г.
86	Сверху: *Антоніна Шерстобитова Скончалась 30 Августа 1895 года 18 лѣ́тъ*
87	Сверху: *Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Здесь погребено тѣ́ло дочери Губернскаго Секретаря 8го ра. Яковлева Бекрѣ́ева, Ларисы которая родилась 26 – Сентября 1845 г. переселилась въ Вѣ́чность 9го Декабря 1849 года.*
88	Сверху: *Здѣ́сь погребено тѣ́ло дочери титулярнаго Совѣ́тника Якова Бекрѣ́ева девицы Анны которая родилась 1808 года … Іюля … Представилась 1822 года. Февраля 10 числа* *Утѣ́хай, радостью для кровных ты была* *В Жизни на превотрачный гробъ Сошла.* *Не роза юная цвета ты не … Увела Недолго но крепко*
89	Николай Георгіевичъ Бекреевъ скончался 1 марта 1911 г. на 58 году / - / - / -

90	Подъ симъ памятникомъ покоится прахъ раба Божія булгалтера Пермской казенной палаты Григорія Марковича Маркова / Умершаго 9го Апреля 1895 года въ 5 часовъ вечера на 67 году жизни / - / Миръ праху твоему Добрый … енъ
91	Сверху: *Здесь покоится тело раба Божія Александры Егоровны Зобачевой скончалась 1896 г. Января …* *Святый / Святый / Безсмертный помилуй насъ / Боже Святый Боже крепкий*
92	- / - / Анна Ивановна Тамова / Кончилась 3 Августа 1900 г. 80 лѣ́тъ отъ роду
94	sit tibi terra levis Дорогой другъ и братъ безвременно погибший труженник / Константинъ Ивановичъ Степановъ 29 Марта 1895 года. / - / -
95	Елизавета Степановна Топоркова род. 27 Августа 1873 г. умерла 17 Декабря 1901 г. / Господи дай душѣ́ вѣ́чный покой/ - / -
98	А. И. Бояршиновой Отъ Р. Богородицокй церкви / Здѣ́сь покоится тѣ́ло рабы Божіей Антонины Ивановны Бояршиновой сконч. 29 Марта 1906 г. на 40 году / - / -
99	Н. П. Бояршинову Отъ Р. Богородицкой церкви / Здѣ́сь покоится тѣ́ло раба Божія Николая Петровича Бояршинова сконч.29 Декабря 1906 ш. на 54 году/ - / -
101	Подъ симъ камнемъ покоятся дѣ́ти Анна, Константинъ и Ольга Янчевскіе. / - / - / -
102	- / - / Здѣ́сь покится тѣ́ло отставного унтер офицера: Павла Устиновича Устинова скончался 7 Декабря 1868 г. 70 летъ День Ангела 29 Іюня / -
103	Сверху: *Пріидетѣ́ Ко мне …* *Во Имя Отца Сына и Святаго Духа Аминь. / Святый Боже Святый Крепкий Святый безсмертный помилуй насъ / Здѣ́сь покоится прахъ Раба Божія/ Михаила Карповича Работкина Скончался 20го Ноября 1883 г. 74 летъ отъ рождения / Здесь покоится прахъ рабы Божіей Марфы Михайловны Работкиной скончалась 17го Ноября 1883 г. на 71 году отъ рождения.*
104	Здесь покоится прах раба Божія Михаила Яковлевича Батракова скончался 4 сентября 1900 г. 69 лет. / - / - / -
106	Сверху: *Святый Боже Святый крѣ́пкий Святый безсмертный помилуй насъ* *Здесь покоится тѣ́ло Ивана Викуловича и жены его Евдокии Ивановны Кокушниныхъ*
107	Память признательность его друзей Якову Васильевичу Яковлеву умершему 7 Іюля 1885 г. / - / - / Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь.
108	Марія Ѳеодоровна Базанова Урожденная Владимирова / Гди пріми дух ее съ миромъ, и сподоби части избранныхъ твоихъ / Въ замужестве была 15 л. 2 месяца и 26 дней / -
113	Александръ Михайловичъ Рябовъ Род. 1822 г. Нояб. 21 д. скончался 1896 г. Авг. 25 д. / Рябова Лидия Ивановна 2 – II. 1876 – 3 IV – 1950 / - / -
114	Скончал. 28 Дек. 1885 г. въ … всѣ́го на светѣ́ прожила 61 г. 11 месяцев 26 д. миръ твоему праху незабвенная наша родительница / Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Здесь покоится прахъ Рабы Божія … жены Анны Максимовны Москвиной урожденной чиновникам Некрасова родившеися въ 1820 г. янв. 2 д. / - / -
115	Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Упокой Господи душу усобшей Рабы твоей Маріи Здесь лежитъ Марія петровна Ржевина. Урожденная Удникова. Родилась въ г. Чердынь въ 1860 г. померла на 35 г. въ 1894 г. Авгу 18 днѣ́ въ 5 часов утра. Миръ праъу твоему незабвенная супруга Добрая мать. / Аминь. Аминь. Глаголю вамъ яко грядеть часъ и ныне есть егда мертвии услышатъ гласъ Сына Божія и услышавшие в Боге живутъ Іоанн 5-25. / День смертный план дня рождеія Еклес – 7-2. Благая и злая живость и смерть нищета и богатство отъ Господа суть страх 11-1 / Не Имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуемъ. Евре 13-14. Пріидите ко мнѣ́ всѣ́ труждающиѣ́ и обременные и Ахть успокою вы. Матф. 11-28.
117	Сверху: *Анна Нестерова Явловова скончалась в 1884 года 17 Мая. 35 лѣ́тъ отъ роду Вѣ́чная память тебѣ́ дорогая жена и мать.*
119	- / - / Блажен путь воныне идеши душе яко уготовлен тебѣ́ мѣ́сто упокоения / Здесь погребено тело Пермского … Дмитрія Ивановича Багина … 2 Ноября 1873 года. 73 летъ отъ роду.
121	Иванъ Константиновичъ Рязанцевъ скончался на 72 году 6го августа 1911 г. / - / - / -
122	Здѣ́сь покоится дочь пермскаго купца Николая Дмитріевна Базанова младенецъ Лиза родилась 7го сент. 1863 г. скончалась 15го август. 1865 г.
124	Сверху: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Подъ симъ камнемъ покоится тѣ́ло т … руа Иоанна Силыча Поспѣ́лова Скончавшеся 1896 г. февраля 14 дня житія его было отъ роду 73 года Вѣ́чная память*
125	Никановъ Дороѳеевичь Горячевъ скончался 23 Апрѣ́ля 1907 года Пелагея Степановна Горячева сконч. 19 Декабря 1906 г.
126	Неонила Феодоровна Ельнина скончалась 27 января 1901 г. 61 года. / Святый Боже Святый крѣ́пкий Святый безсмертный помилуй насъ / Миръ праху твоему / Вѣ́чная память
127	Подъ симъ памятникомъ покоится прахъ младена Михаіла Николаевича Суслова / скончался 1 Марта того же года / родился 22 Октября 1876 года / Святый Боже Святый крѣ́пкий Святый безсмертный помилуй насъ

128	Сверху: *Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.* *Здѣ́сь покоится прахъ рабы Божіей Маріи Федоровны Стефановой скончалась 34 лѣ́тъ*
129	Сверху: *Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.* *Здѣ́сь покоится прахъ раба Божія Иоана Михаиловича Стефанова скончался 35 лѣ́тъ.*
130	Здѣ́сь покоится тѣ́ло раба Божія 2ій гилдіи купца Павла Ивановича Порошина скончался 28 Марта 1894 г. Имевший отъ роду 40 лѣ́тъ / Неумолимая смерть неожиданно подкосила тебя Отецъ И ты оставилъ сиротами легъ на вѣ́чно въ землю спать Услышь мольбы нашихъ страданій И благослови насъ всехъ Отецъ / Ты умеръ оставивъ меня сиротою Но – я непрестанная молюсь о тебѣ́ Тебя и любви твоей рѣ́къ не забуду О смерти твоей день и ночь плачу я. / Миръ праху твоему Добрый мужъ
131	Сверху: *Пріидети ко мне всѣ́ труждающиеся и обременные и ахъ успокою вас* *Здѣ́сь покоится прахъ рабы Божіи Парасковьи Павловны Чугиной акушерки г. Перми умерла 31 Января 1900. Отъ любящихъ родныхъ / - / - / -*
133	Лиц. слева: *Здѣ́сь покоится рабъ Божій Федоръ Ивановичъ Пономаревъ скончался 4 января 1911 г. 68 лѣ́тъ* Лиц. справа: *Здѣ́сь покоится рабъ Божій … Федоровичъ Пономаревъ скончался 23 августа 1909 г. 35 лѣ́т*

ЛИТЕРАТУРА

Гладышев В.Ф. Над Стиксом. Пермь: Пушка, 2000. 24 с.

Гладышев В.Ф. Перми старинное зерцало. Пермь: Раритет-Пермь, 2001. 176 с.

Гладышев В.Ф. Пермский некрополь: Знаки памяти в мемориальной пластике. Пермь: Астер, 2005. 24 с.

Гладышев В.Ф. Пермский парк памяти: Егошихинское кладбище. Пермь: б.и., 2007. 9 с.

Головчанский Г.П. Романова Л.В. Православный некрополь XVIII в. в историческом центре г. Перми // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы всероссийской научной конференции (с международным участием). / Отв. ред Е.М. Черных. Ижевск: УдГУ, 2016. С. 294–296.

Голубцов В.В. Пермский некрополь. Пермь: Реал, 2002. 177 с.

Данич А.В. Раскопки некрополя второй четверти XVIII в. при устройстве наружных сетей водоснабжения, канализации, теплоснабжения, наружного освещения здания «Петропавловский собор» по адресу: Пермь, Советская 1 // Региональные столицы России — точки опоры и роста / Отв. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: Альфа Принт, 2023. С. 17–19.

Историческая справка ОКН – ансамбля «Егошихинское кладбище» / Архив ГКБУК «КЦОП», Справочно-информационный фонд, 2025.

Колбас В.С. Материалы к топографии Пермского некрополя // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 2 / Отв. ред. А. Ф. Старовойтов, Т. И. Быстрых. Пермь: ПОУБ, 1999. С. 23–29.

Корчагин П.А. Итоги первого этапа инвентаризации Пермского Егошихинского кладбища в 2005 г. (пилотный проект «Католическое кладбище») // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2006. № 34. С. 94–95.

Корчагин П.А. «Легенда о могиле проклятой дочери»: откуда что взялось? // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2016. № 1. С. 40–61.

Марченко А.Н. Церковь Всех Святых – первый храм на Егошихинском кладбище: к 220-летию со дня освящения храма. Пермь: Астер, 2004. 24 с.

Мингалев В.В. Археологический детектив «Пермские некрополи». 2022. URL: https://perm.hse.ru/news/569993569.html. Дата обращения: 28.10.2025.

Мингалева М.К. Отчет об археологических раскопках на территории объекта археологического наследия «Пермь Губернская, поселение» в городе Перми в 2019 году (в 3 томах) Пермь, 2020 / Архив КА ПГНИУ

Московский некрополь. Т. 1: (А - І) / сост. В.И. Саитов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907. XIII, 517, (2) с.

Московский некрополь. Т. 2: (К - П) / сост. В.И. Саитов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. (2), 486, (1) с.

Московский некрополь. Т. 3: (Р - Ѳ) / сост. В.И. Саитов. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. (2), 432 с.

Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Год первый / изд. при Перм. губ. правлении; ред. неофиц. части Перм. губ. ведомостей С.С. Пенн. Пермь: Губ. тип., 1862. 436 с.

Пежемский Д.В. Новый этап в изучении русской погребальной культуры XVIII–XX вв. // Историческая память молодого человека: способы формирования и пути сохранения / Отв. ред. Е.В. Горбунова. М.: Российский православный университет святого Иоанна Богослова, 2021. С. 4–11.

Петербургский некрополь, или Справочный исторический указатель лиц, родившихся в XVII и XVIII столетиях по надгробным надписям Александро-Невской лавры и упраздненных петербургских кладбищ / сост. В.И. Саитов. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1883. 159 с.

План города Перми с показанием сети труб хозяйственно-противопожарного водопровода. М.: издание товарищества Н.П. Зимина и К.П. Карельских под фирмою Велтун, 1898.

Рафиенко Л.С. Проблемы выявления и публикации некрополей Урала и Сибири (О подготовке к изданию Пермского некрополя) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): сб. ст. памяти В.И. Буганова / Отв. ред. Н.М. Рогожин. М.: Институт Российской истории РАН, 2001. С. 257–263.

Рафиенко Л.С. В.В. Голубцов и его «Пермский некрополь» // Голубцев В.В. Пермский некрополь. Пермь: Реал, 2002. С. 3–20.

Храмы Егошихинского кладбища, их роль и значение как центров православной духовности и культуры Прикамья: Материалы «круглого стола» (г. Пермь, Всехсвятский храм, 11 декабря 2004 г.) / Отв. ред. А. Марченко, В.Ф. Гладыщев. Пермь: ЗёБРА, 2005. 48 с.;

Смышляев Д.Д. Сборник материалов по истории Пермского края. Пермь: Тип. П.Ф. Каменского, 1891. 436 с.

Субботин Е.П. Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора. Пермь: Арабеск, 2012. 260 с.

Шереметевский В.В. Русский провинциальный некрополь. Т. 1. М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1914. 29 с.

Информация об авторах:

Павлюк Юлия Дмитриевна, студент 4 курса, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); julpavuk@gmail.com

Смертин Павел Романович, научный сотрудник, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (г. Пермь, Россия); paulsmert@mail.ru

Жижин Сергей Павлович, главный специалист отдела по охране объектов культурного наследия, Пермский краевой научно-производственный центр по охране памятников (объектов культурного наследия) (г. Пермь, Россия); spzhizhin@pochta.permkrai.ru

REFERENCES

Gladyshev, V. F. 2000. *Nad Stiksom (Over the Styx)* Perm: “Pushka” Publ. (in Russian).

Gladyshev, V. F. 2001. *Permi starinnoe zertsalo (Perm's old mirror).* Perm: “Raritet-Perm” Publ. (in Russian).

Gladyshev, V. F. 2005. *Permskii nekropol': Znaki pamiati v memorial'noi plastike (Perm necropolis: Signs of memory in memorial plastic art).* Perm: “Aster” Publ. (in Russian).

Gladyshev, V. F. 2007. *Permskii park pamiati: Egoshikhinskoe kladbishche (Perm Memory Park: Yegoshikha Cemetery).* Perm (in Russian).

Golovchansky, G. P., Romanova, L. V. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie). Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) (Archaeological Heritage of the Urals: since the First Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Meeting). Materials of the All-Russian Scientific Conference (with International Participation)).* Izhevsk: Udmurt State University, 294–296 (in Russian).

Golubtsov, V. V. 2002. *Permskii nekropol' (Perm necropolis).* Perm: “Real” Publ. (in Russian).

Danich, A. V. 2023. In Surzhikova, N. V. (ed.). *Regional'nye stolitsy Rossii — tochki opory i rosta (Regional capitals of Russia — pillars and drivers of growth).* Ekaterinburg: “Alfa Print” Publ., 17–19 (in Russian).

2025. *Istoricheskaya spravka OKN – ansamblya «Egoshikhinskoe kladbishche» (Historical report on the cultural heritage site – the "Yegoshikha cemetery" ensemble).* Archive of the State budgetary regional cultural institution "Perm Regional Scientific and Production Center for the Protection of Monuments", Reference and Information Fund (in Russian).

Kolbas, V. S. 1999. In Starovoitov, A. F., Bystrykh, T. I. (eds.). *Stranitsy proshlogo: Izbrannye materialy kraevedcheskikh Smyshlyaevskikh chtenii v Permi (Pages of the past: Selected materials from the local history Smyshlyaev's readings in Perm)* Vol. 2. Perm:”POUB” Publ., 23–29 (in Russian).

Korchagin, P. A. 2006. In *Informatsionnyi biulleten' assotsiatsii «Istoriia i komp'iuter». (Newsletter of the association "History and computer")* 34, 94–95 (in Russian).

Korchagin, P. A. 2016. In *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra (Perm federal research center journal)* (1), 40–61 (in Russian).

Marchenko, A. N. 2004. *Tserkov' Vsekh Sviatykh — pervyi khram na Egoshikhinskom kladbishche: k 220-letiiu so dnia osviashcheniia khrama (The Church of All Saints — the first church at the Yegoshikha cemetery: on the 220th anniversary of the consecration of the church).* Perm: “Aster” Publ. (in Russian).

Mingalev, V. V. 2022. *Arkheologicheskii detektiv “Permskie nekropoli” (Archaeological detective story “Perm necropolises”).* Available at: https://perm.hse.ru/news/569993569.html (accessed: 11.05.2025) (in Russian).

Mingaleva, M. K. 2020. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii ob"ekta arkheologicheskogo naslediia «Perm' Gubernskaia, poselenie» v gorode Permi v 2019 godu (v 3 tomakh) (Report on archaeological excavations on the territory of the archaeological heritage site "Perm Gubernskaya, settlement" in the city of Perm in 2019 (in 3 volumes))*. Perm. Archive of Perm State National Research University (in Russian).

Saitov, V. I. (comp.). 1907. *Moskovskii nekropol' (Moscow Necropolis).* Vol. 1: (А - І). Saint Petersburg: “Tip. M.M. Stasiulevicha” Publ. (in Russian).

Saitov, V. I. (comp.). 1908. *Moskovskii nekropol' (Moscow Necropolis).* Vol. 2: (К - П). Saint Petersburg: “Tip. M.M. Stasiulevicha” Publ. (in Russian).

Saitov, V. I. (comp.). 1908. *Moskovskii nekropol' (Moscow Necropolis).* Vol. 3: (Р - Ѳ). Saint Petersburg: “Tip. M.M. Stasiulevicha” Publ. (in Russian).

Penn, S. S. (ed.). 1862. *Pamiatnaia knizhka Permskoi gubernii na 1863 god (Memorial book of Perm Province for 1863).* Perm: “Gub. Tip.” Publ. (in Russian).

Pezhemsky, D. V. 2021. In Gorbunova, E. V. (eds.). *Istoricheskaia pamiat' molodogo cheloveka: sposoby formirovaniia i puti sokhraneniia (Historical memory of a young man: ways of formation and ways of preservation).* Moscow: Rossiiskii pravoslavnyi universitet sviatogo Ioanna Bogoslova Publ., 4–11 (in Russian).

Saitov, V. I. (comp.). 1883. *Petersburgskii nekropol', ili Spravochnyi istoricheskii ukazatel' lits, rodivshikhsia v XVII i XVIII stoletiiakh po nadgrobnym nadpisiam Aleksandro-Nevskoi lavry i uprazdnennykh peterburgskikh kladbishch (Petersburg necropolis, or a reference historical index of persons born in the 17th and 18th centuries, based on tombstone inscriptions from the Aleksander Nevsky Lavra and the defunct St. Petersburg cemeteries).* Moscow: “M. Katkov” Publ. (in Russian).

1898. *Plan goroda Permi s pokazaniyem seti trub khozyaystvenno-protivopozharnogo vodoprovoda (Plan of the city of Perm showing the network of pipes for the domestic and fire-fighting water supply).* Moscow: “Izdanie tovarishchestva N.P. Zimina i K.P. Karel'skikh pod firmoy Veltun” Publ. (in Russian).

Rafienko, L. S. 2001. In Rogozhin, N. M. (ed.). *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.) (Research in source study of the history of Russia (until 1917)).* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 257–263 (in Russian).

Rafienko, L.S. 2002. In Golubtsev, V. V. *Permskii nekropol'* (Perm necropolis). Perm: “Real” Publ., 3–20 (in Russian).

Marchenko, A., Gladyshchev, V. F. 2005. *Khramy Egoshikhinskogo kladbishcha, ikh rol' i znachenie kak tsentrov pravoslavnoi dukhovnosti i kul'tury Prikam'ia (Churches of the Yegoshikha cemetery, their role and significance as centers of Orthodox spirituality and culture of the Kama region).* Perm: “ZeBRA” Publ. (in Russian).

Smyshlyaev, D. D. 1891. *Sbornik materialov po istorii Permskogo kraia (Collected materials on the history of the Perm region).* Perm: “P.F. Kamenskogo” Publ. (in Russian).

Subbotin, E. P. 2012. *Nekropol' Permskogo Spaso-Preobrazhenskogo kafedral'nogo sobora (Necropolis of the Perm Transfiguration Cathedral).* Perm: “Arabesk” Publ. (in Russian).

Sheremetevsky, V. V. 1914. *Russkii provintsial'nyi nekropol' (Russian provincial necropolis).* Vol. 1. Moscow: “Tipo-litografiia T-va I.N. Kushnerev i Co” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Pavlyuk Yulia D. , Historical Department, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, Perm, 614990, Russian Federation; julpavuk@gmail.com

Smertin Pavel R. , Institute of Humanitarian Studies, Perm Federal Center of Ural Branch RAS, Genkelja st., 4, Perm, 614013, Russian Federation; paulsmert@mail.ru

Zhizhin Sergey P. , Perm Regional Scientific and Production Center on Protection of Monuments, 25 Oktyabrya st., 18a, Perm, Russian Federation; spzhizhin@pochta.permkrai.ru

Статья поступила в журнал 02.10.2025 г.
Статья принята к публикации 14.01.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902.01 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.136.144

НАЗНАЧЕНИЕ СОСУДОВ, ОБЕРНУТЫХ БЕРЕСТОЙ, ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

© 2025 г. А. Д. Муратбакиева

Статья посвящена определению функций такой категории находок, как сосуды в берестяной оплетке, на примере памятника Охта-2. Выделено 4 явных функции: ремонт сосудов с помощью берестяных стяжек, укрепление с целью защиты от поломок, сохранение продуктов в холоде и защита рук при постановке сосуда в печь. Возможность ремонта и укрепления сосудов была проиллюстрирована в работах белорусских этнографов Н. Я. Никифоровского и Е. М. Сахуты. Использование чернолощеных сосудов, обернутых берестой, нашло отражение в гравюрах Х. Г. Г. Гейслера и его этнографических заметках о жизни в России. Найденные сосуды в берестяной оплетке датируются широким диапазоном конца XVIII — конца XIX века. По письменным упоминаниям и зарисовкам можно отнести чернолощеные кувшины с оплеткой к жизни и быту самого известного «Петербургского типа» — охтинкам-молочницам.

Ключевые слова: археология Нового времени, археология Петербурга, Охтинский мыс, Ниеншанц, Ниен, Охтинская верфь, чернолощеная керамика, поливная керамика, берестяная оплетка, Христиан Готфрид Гейслер.

THE PURPOSE OF VESSELS WRAPPED IN BIRCH BARK, ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC SOURCES

A.D. Muratbakieva

The article deals with the definition of the functions of such a category of finds as vessels in a birch bark braid, using the example of the Okhta-2 site. There are 4 obvious functions: repair of vessels using birch bark ties, strengthening to protect against breakage, keeping food in the cold and protecting hands when placing the vessel in the oven. The possibility of repairing and strengthening vessels was illustrated in the works of Belarusian ethnographers N. Y. Nikiforovsky and E. M. Sakhuta. The use of black-lined vessels wrapped in birch bark is reflected in the engravings of Christain Geisler and his ethnographic notes on life in Russia. The vessels found in birch bark braid date from a wide range of the end of the XVIII – the end of the XIX century. According to written references and sketches, black-lined braided jugs can be attributed to the life and everyday life of the most famous "Petersburg type" – okhtinky milkmaids.

Keywords: archaeology of Modern times, archeology of St. Petersburg, Okhtinsky Cape, Nienschanz, Nien, Okhtinskaya shipyard, black-flattened ceramics, irrigation ceramics, birch bark braid, Christian Gottfried Geisler.

В музейных собраниях, как и во время археологических раскопок, часто встречается такой тип керамического материала, как сосуды, обернутые берестой. Берестяная оплетка может иметь различный вид: тонкие полосы бересты или цельный пласт (Махнюк, 2008, с. 10). В данной статье мы попытаемся более точно охарактеризовать значение подобных сосудов на примере нескольких сосудов из городских раскопок Санкт-Петербурга.

В Санкт-Петербурге, в месте впадения реки Охты в Неву, расположен Охтинский мыс, включающий в себя несколько археологических памятников, начиная от стоянки эпохи неолита до шведской крепости Ниеншанц (Археологические исследования…, 2017, с. 10). В 1632 г. на правом берегу Охты, на месте бывшего новгородского поселения, был основан город Ниен (Александрова, 2024, с. 69). К концу XVII в. Ниен стал крупнейшим городом Нотеборгского лена и получил полные городские привилегии (Александрова, 2024, с. 130). Ниен был сожжен в октябре 1702 г. по приказу коменданта крепости Ниеншанц из-за ожидания скорого нападения после взятия русскими войсками крепости Нотебург (Орешек); население города ушло в Выборг (Александрова, 2024, с. 156).

Рис. 1. Красноглиняные сосуды, обернутые берестой: 1 – Красноглиняный горшок с коричневой поливой (фото ИИМК РАН); 2 – Фрагмент венчика красноглиняного сосуда с остатками бересты (фото ИИМК РАН).
Fig. 1. Red clay vessels wrapped in birch bark: **1** – A red clay pot with brown watering (photo by IIMK RAS); **2** – A fragment of the corolla of a vessel made of red clay with remnants of birch bark (photo by IIMK RAS).

После основания Санкт-Петербурга в мае 1703 г. территория Охты стала дальней окраиной новой столицы. Жизнь на территории бывшего города Ниена возродилась лишь после 1715 г., когда в среднем течении Охты был основан Пороховой завод. В 1720 г. появляются петровские указы о строительстве на Охте «по берегу Невы 500 изб с сеньми» для переселенцев из Вологодской, Архангельской и Ярославской губерний (Сорокин, 2005, с. 27). В 1782 г., согласно новому территориальному делению, Охта была выведена из состава города и стала лишь пригородной слободой до 1828 г., когда охтинские селения были включены в состав города и стали XIII-й частью Санкт-Петербурга.

Археологические раскопки на Охтинском мысу проводились с перерывами с 1992 по 2010 гг. (Сорокин, 1994). В 2023 г. Институтом истории материальной культуры (ИИМК РАН) проводились раскопки центральной части города Ниена. В результате работ было обнаружено более 60 тысяч находок, датируемых от периода шведского города до начала XXI в.

Среди находок керамического материала можно выделить такой тип изделий, как горшки, обёрнутые берестой. В коллекции имеется 3 условно целых сосуда, обтянутых берестой, и два фрагмента разных сосудов — венчик и ручка со следами берестяной оплетки[1] (рис. 1,2).

Сосуд № 1 (Охта_2-2023-Р5-1836) (рис. 1: 1) представляет собой красноглиняный сужающийся книзу горшок с ручкой и коричневой поливой по внутренней стороне; имеются утраты фрагментов, в том числе венчика. По внутренней стороне сосуда наблюдаются многочисленные трещины. Берестяная оплетка сделана из тонких полос и охватывает 2/3 сосуда. Сосуд №2 (Охта_2-2023-Р5-2096) — чернолощёный кувшин с утраченным венчиком и ручкой (рис. 2: 1). Берестяная оплетка представлена одним фрагментом, состоящим из спрессованных берестяных полосок. Сосуд № 3 (Охта_2-2023-Р3-2734) (рис. 2: 3) также

Рис. 2. Чернолощеные кувшины, обернутые берестой: 1 – Чернолощеный кувшин с оплеткой из цельного куска бересты (фото ИИМК РАН); 2 – Чернолощеный кувшин с остатками бересты (по: Археологические исследования…, 2017, с. 52): 3 – Чернолощеный кувшин с оплеткой из полос бересты (фото ИИМК РАН).
Fig. 2. Black Polished pitchers wrapped in birch bark: 1 – a black Polished jug with a braid of a single piece of birch bark (photo by IIMK RAS); 2 – a black Polished jug with remnants of birch bark (according to: Archaeological research…, 2017, p. 52); 3 – a black Polished jug with a braid of strips of birch bark (photo by IIMK RAS).

представлен широкогорлым чернолощеным кувшином с утраченным венчиком и фрагментарной оплеткой из берестяных полос.

Опираясь на этнографические источники, мы можем назвать четыре функции подобной оплетки: стяжка для ремонта сосудов, придача дополнительной устойчивости от поломок сосудов, сохранение холода или тепла помещенных внутрь продуктов и использование бересты в качестве «прихваток» для кухонной посуды, помещаемой в печь.

Ремонт керамических сосудов с помощью стяжек известен ещё с эпохи неолита. Наиболее часто встречаются сосуды со следами металлических скоб (Гутков, 2000, с. 170), но известно также использование веревок из органических материалов для крепления фрагментов между собой (Карманов, 2024, с. 229).

Для починки треснувшего горшка использовали мучной или крахмальный клей, после чего накрепко затягивали трещину берестяными лентами (Зеленин, 1991, с. 139). После такого ремонта посуду использовали вторично, но уже не для жидкостей, а для сыпучих продуктов; позднее таким же образом стали скреплять и чугунные горшки. Для этих целей использовалась береста, собранная ранней весной, отчего она оставалась влажной и более гибкой. При необходимости бересту кипятили с добавлением рыбьей чешуи. Готовую бересту отделяли от остатков луба и обрезали по форме сосуда, затем приклеивали на органический клей и крепко затягивали. Влажную бересту оставляли сохнуть, отчего она еще сильнее сжималась и крепко охватывала сосуд. В завершение изделие пропитывали смесью льняного масла и пчелиного воска, что сохраняло бересту от распада на волокна (Stellaccio, 2006, p. 51).

Ремонт сосудов с помощью берестяных оплеток был настолько распространен в быту, что получил отражение в народных поговорках: «Взят от земли, яко Адам; ввержен в пещь огненну, яко три отрока; посажен на колесницу, яко Илия; везен бысть на торжище, яко Иосиф; куплен женою за медницу; поживе тружеником в огне адском и надсадился; облечен бысть в пестрые ризы и нача второй век жити; по одряхлении же рассыпался, и земля костей его не приемлет» (Псковская губ.) (Загадки русского народа, 1995, с. 61); «Был я на копанце, был я на топанце, был я на кружале, был я на пожаре, был я на обваре. Когда молод был, то людей кормил, а стар стал, пеленаться стал» (Самарская губ.) (Загадки русского народа, 1995, с. 56); «Кабы не лыко да не береста, так бы мужичок рассыпался» (Даль, 1903, с. 205). В пословицах упоминается несколько названий, под которыми известны горшки в берестяной оплетке: берестень, берестяник, м*о*лостов (обвитая берестой маслобойка) (Бурдин, 2005, с. 132), пеленаша, сяканя. На территории Белоруссии такие сосуды имели название столбунки из-за схожести со столбом, вид которого приобретала обтянутая берестой посуда.

На предметах из музейных коллекций иногда удается проследить трещины, из-за которых сосуд потерял свою изначальную функцию и был отремонтирован. Например, в фондах Государственного музея истории Санкт-Петербурга хранится предмет под названием «опарник», но при ближайшем рассмотрении можно заметить трещины по внутренней стороне, которые были отремонтированы с помощью берестяной оплетки, и из-за которых сосуд стал использоваться исключительно для закваски теста (ГМИ СПб 27589) (goskatalog.ru).

Белорусский этнограф Н.Я. Никифоровский в книге «Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» неоднократно упоминает, что глиняная посуда оборачивалась берестой для прочности и долговременного использования (Никифоровский, 1895, с.74, 83, 88, 92). Он также отмечает, что «в наиболее расчетливых случаях “кухлик” — кружка — обвивается берестою и тогда несёт нескончаемо долгую службу» (Никифоровский, 1895, с.91). Кроме того, в его труде можно встретить важные наблюдения об использовании берестяной оплетки: «Главною, основною мерою и хранилищем водки, а также других жидкостей — уксуса, постнаго масла, чистого дегтя, ворвани, окрашивающего раствора, лекарственного снадобья, нюхательного табаку и проч. — является общеизвестная “бутэлька”, или “сулейка”. Из всех ходячих посудин бутылка весьма редко обвивается берестой, именно потому, что чрез это скрадывается содержимое ея» (Никифоровский, 1895, с. 91).

Этнолог Е.М. Сахута писал, что традиция оплетки сосудов берестой в XIX – первой

половине XX вв. занимала компактный ареал, включавший западную часть Поозерья и соседние территории Литвы. Обычно берестой оплетались грузные, массивные, широкогорлые изделия, которым была необходима дополнительная амортизация (Сахута, 1997, с. 113). А. Стеллаццио также предполагает, что использование берестяной оплетки на территории соседней Литвы было распространено в небогатой глиной районах, жители которых не могли себе позволить менять разбитую посуду (Stellaccio, 2006, p. 52). Техника работы с берестой, в том числе искусство изготовления берестяных оплеток, в Литве имеет название «Тошининкисте» (Tošininkystė, *лит*.; Tosininkyste, *англ*.) (Stellaccio, op. cit. p. 51). В настоящее время на территории Витебщины возрождается традиция берестяной оплетки керамики, а в 2023 г. данная технология была включена в Государственный список историко-культурного наследия Республики Беларусь (gosspisok.gov.by).

Таким образом, можно с высокой долей вероятности утверждать, что сосуд №1 треснул в период бытования, был отремонтирован с помощью бересты, а затем заново использован в быту. В процессе археологизации верхняя часть без берестяной утяжки была частично утрачена и восстановлена в ходе камеральных работ.

Обратимся к двум чернолощеным кувшинам, аналогичным кувшину в берестяной оплетке, найденному в крепости Ниеншанц в слое, относящимся к периоду Охтинских верфей XIX в. (Археологические исследования…, 2017, с. 48). В этом слое были обнаружены фрагменты поливных горшков, белоглиняной курительной орнаментированной трубки, фаянсовой помадной банки, бокала, стаканов, а также датирующие монеты: «5 копеек» 1766 г. и «2 копейки» 1824 г. (Археологические исследования…, 2017, с. 48). Один кувшин (Охта_2-2023-Р2-2096) имеет оплетку из цельного куска бересты. Кувшин (Охта_2-2023-Р3-2734) же стянут отдельными полосками. При камеральной обработке именно в последнем сосуде был услышан резкий кисломолочный запах. Этот факт подвигнул нас на выдвижении гипотезы о том, что подобные сосуды, благодаря таким свойствам чернолощеной керамики, как водонепроницаемость, прочность и возможность «дышать» из-за отсутствия глазури, использовались охтинками-молочницами.

Торговки молоком являются самым популярным «городским типом», и их изображения часто встречаются в описаниях современников и на широко распространяемых популярных картинках. Путешественник Иоганн Георги в конце XVIII в. писал: «Слобода не имеет пашней, но большое пажитное место; тем соделывается продажа молока в Санкт-Петербурге прибыточным промыслом баб…» (Георги, 1794, с. 487).

Важным источником о быте Петербурга XVIII – начала XIX вв. служат работы художников, в особенности иностранцев, работавших в России и фиксировавших т.н. «петербургские типы» — повседневные сценки с торговцами и разносчиками. Бесценными в этом плане являются заметки немецкого гравера Христиана Готфрида Гейслера, работавшего в России в 1790–1798 гг. и оставившего не только рисунки, но и наблюдения о быте петербургских торговцев. Именно в его заметках мы встречаем такие строки: «Эти женщины частью крестьянки из соседних деревень, частью — солдатские жены, имеющие собственных коров. Они разносят свой товар в глиняных, оплетенных лыком, крынках на изогнутой палке (коромысле), которую кладут на плечо…» (Гейслер, 2015, с.40). Именно на гравюрах Х. Г. Гейслера и в сборнике «Волшебный фонарь или зрелище С.-Петербургских расхожих продавцов» (Камалова, 2017, с.139) (рис. 3) можно увидеть у молочниц кувшины в берестяной оплетке, что указывает на две её функции: сохранение молока в холоде и защита сосуда от повреждений при переноске. Отметим, что оба произведения относятся к концу XVIII – началу XIX вв. В изображениях более позднего периода и на фотографиях начала XX в. кувшины, во-первых, тщательно не прорисованы; во-вторых, чаще можно увидеть молочниц с металлическими сосудами — прообразами бидонов.

Подведем итоги. Сосуды из раскопок памятника Охта-2 можно датировать широким периодом конца XVIII — конца XIX вв. По иконографическим источникам, а также по находке аналогичного сосуда в слое времен Охтинской верфи можно датировать чернолощеные сосуды началом XIX в. Красноглиняный горшок с поливой по внутренней стороне также имеет широкую датировку по археологическим находкам и музейным аналогиям.

Рис. 3. Изображения молочниц с сосудами, обтянутыми берестой: 1 – Гейслер Х.Г.Г. Молочница и продавщица клубники (по: Гейслер, 2015, с.41); 2 – Молошница и прачка (по: Волшебный фонарь…, 1817).
Fig. 3. Images of milkmaid with vessels covered with birch bark: 1 – Geisler H.G. The milkmaid and the strawberry seller (according to: Geisler, 2015, p.41); 2 – The milkmaid and the laundress (according to: The Magic Lantern ..., 1817).

Сосуд был частично восстановлен во время камеральной обработки, однако по трещинам в нижней части, охваченной берестой, можно предположить, что еще до попадания в культурный слой он был склеен и продолжил бытование.

Из указанных нами четырёх функций сосудов, по этнографическим и иконографическим источникам удалось подтвердить три. Сведения об использовании берестяной оплетки при постановке посуды в печь не были обнаружены, что может быть объяснено настолько распространенной практикой, что нужда в её фиксации отпадала.

Однако удалось найти некоторые сведения, опровергающие нашу гипотезу. Вышеупомянутый Николай Никифоровский в главе, посвященной типам сосудов, используемых на Витебщине, отмечает: «Ради прочности “слоик” (*банка* — перевод А. М.) обвивается берестой при первом же появлении в доме и тогда он весьма редко ставится в легкий печной дух» (Никифоровский, 1895, с.85). Также найдены упоминания о том, что горшки в берестяной оплетке изначально должны были быть использованы не для готовки в печи, а только для хранения молочных или сыпучих продуктов (cultinfo.ru).

Работа с данной, весьма немногочисленной, категорией материала должна проводиться так же, как и с находками сосудов в целом: сначала определение морфологии и материала, затем поиск дополнительных признаков, например, наличие трещин или запаха, указывающего на хранение в сосуде молочных продуктов.

Примечание:

[1] Выражаю благодарность Н. Ф. Соловьевой, А. Ю. Городилову, Е. Ю. Кононович, О. В. Андреевой, С. В. Александрову, Д. Д. Ёлшину за возможность использовать неопубликованные материалы.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Е.Л. Ландскрона. Ниен. Санкт-Петербург. СПб: «Гйоль», Остров, 2024. 264 с.

Археологические исследования в устье реки Охты. Т. 1 Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса / Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 5 / Ред. А.Н. Кирпичников и др. СПб.: КультИнформПресс, 2017. 238 с.

Бурдин Е. Дворянский род Молоствовых // Гасырлар Авазы = Эхо веков. 2005. № 1. С. 131–135.

Волшебный фонарь, или Зрелище С.-Петербургских расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных верною кистию в настоящем их наряде, и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию. №1. СПб: в Типографии В. Плавильщикова, 1817–1818.

Гейслер Х. Г. Г. Быт и нравы русского народа на рубеже XVIII–XIX веков [Текст] / Христиан Готлиб Генрих Гейслер; вступ. ст. Е. И. Иткиной; пер. с нем. В. В. Акунова, М. Д. Булычевой, Т. А. Граблевской. М.: Кучково поле, Фонд «Связь Эпох», 2015. 379 с., с илл.

Георги И. Г. Описание Российско-Императорскаго столичнаго города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях онаго. С планом. В трех частях. СПб: При Имп. Шляхетном Сухопутном Кадетском Корпусе, 1794. 790 с.

Госкаталог.рф: Опарник в берестяной оплетке. Доступно по URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39781361 (дата обращения:1716.09.2025).

Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Институт истории и археологии УО РАН, 2000. С. 170–186.

Даль В. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т.3. М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903. 1782 с.

Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей рэспублікі Беларусь. Доступно по URL: http://gosspisok.gov.by/?size=10&page=4. (дата обращения:17.09.2025).

Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Садовников. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивиной. Прим. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова. Послесловие К. В. Чистова. М.: Наука, 1991. 511 с.: ил.

Камалова А. А. «Волшебный фонарь» как опыт издания журнала нового типа в российской журналистике // Liberal Arts in Russia. 2017. Vol. 6. № 2. С. 136–144.

Карманов В.Н. Ремонт керамической посуды в неолите и энеолите (по материалам крайнего Северо-востока Европы) // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 228–240.

Махнюк В. Г. Береста: Техника. Приемы. Изделие: Энциклопедия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 168 с.: ил.

Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск: Губернская типография, 1895. 665 с.

Сахута Я. М. Народнае мастацтва Беларусі. Мн.: БелЭн, 1997. 287 с.:іл.

Сорокин П.Е. Археологические исследования в устье реки Охты // Петербургские чтения: Петербург и Россия / Отв. ред. Т.А. Славина. СПб.: Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга, 1994. С. 107–110.

Сорокин П.Е. Музей «700 лет – Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц». Путеводитель. СПб, 2005. 33 с.

Cultinfo. Культура в Вологодской области. Корчага, горлатка, сельница и другие: крестьянская посуда как она есть. Доступно по URL: https://cultinfo.ru/journal/2018-zima/korchaga-gorlatka-selnitsa-i-drugie-krestyanskaya-posuda/ (дата обращения: 28.01.2026).

Stellaccio A. Tosininkyste // Ceramics technical. 2006. № 22. P. 49–52.

Информация об авторе:

Муратбакиева Анастасия Дмитриевна, специалист по учету музейных предметов, Государственный музей истории Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург, Россия); muratbakieva.a.d@spbmuseum.ru

REFERENCES

Aleksandrova, E. L. 2024. *Landskrona. Nien. Sankt-Peterburg (Landskrona. Nien. St. Petersburg)*. Saint Petersburg: “Giol” Publ.; “Ostrov” Publ. (in Russian).

Kirpichnikov, A. N. at al. (eds.). 2017. *Arkheologicheskie issledovaniia v uste reki Okhty (Archaeological investigations at the mouth of the river Okhta)* 1. Series: Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga (Archaeological heritage of Saint Petersburg) 5. Saint Petersburg: “KultInformPress” Publ. (in Russian).

Burdin, E. 2005. In *Gasyrlar Avazy = Ekho vekov (Echo of Centuries)* (1), 131–135.

1817–181. *Volshebnyi fonar, ili Zrelishche S.-Peterburgskikh raskhozhikh prodavtsov, masterov i drugikh prostonarodnykh promyshlennikov, izobrazhennykh vernoiu kistiiu v nastoiashchem ikh nariade, i predstavlennykh razgovarivaiushchimi drug s drugom, sootvetstvenno kazhdomu litsu i zvaniiu (The Magic Lantern, or the Spectacle of St. Petersburg's common sellers, craftsmen and other common industrialists, depicted with a faithful brush in their real attire, and represented talking to each other, according to each person and rank).* 1. Saint Petersburg: “V. Plavilshchikov” Publ. (in Russian).

Geisler, H. G. G. 2015 *Byt i nravy russkogo naroda na rubezhe XVIII–XIX vekov (The life and customs of the Russian people at the turn of the XVIII–XIX centuries).* Moscow: “Kuchkovo Pole” Publ.; “Sviaz epoch” Publ. (in Russian).

Georgi, I. G. 1794. *Opisanie Rossiisko-Imperatorskago stolichnago goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostei v okrestnostyakh onago. S planom. V trekh chastyakh (Description of the Russian Imperial capital city of St. Petersburg and the memorabilia in its vicinity. With a plan. In three parts).* Saint Petersburg (in Russian).

Goskatalog.rf: Oparnik v berestyanoj opletke (A birch bark-wrapped jar) Available at: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=39781361. (accessed: 09.16.2025).

Gutkov, A. I. 2000. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologiy: trudy muzeya–zapovednika Arkaim: sb. nauchnykh trudov (Archaeological Sources and Modeling of Ancient Technologies: Proceedings of Museum-Reserve Arkaim*). Chelyabinsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for History and Archaeology, 170–186 (in Russian).

Dahl, V. I. 1903. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo iazyka (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language)*. Vol. 3. Saint Petersburg, Moscow: “Volf, M. O.” Publ. (in Russian).

Dziarzhaŭny spis gistoryka-kulturnykh kashtoŭnastsei respubliki Belarus (The State list of historical and Cultural values of the Republic of Belarus). Available at: http://gosspisok.gov.by/?size=10&page=4 (accessed: 17.09.2025) (in Belarusian).

Sadovnikov, D. (comp.). 1995. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach (Riddles of the Russian people: a collection of riddles, questions, parables and tasks).* Moscow: “Sovremennyi pisatel” Publ. (in Russian).

Zelenin, D. K. 1991. *Vostochnoslavyanskaya etnografiya (East Slavic ethnography)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kamalova, A. A. 2017. In *Liberal Arts in Russia* 6 (2), 136–144 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 228–240 (in Russian).

Makhnyuk, V. G. 2008. *Beresta: Tekhnika. Priemy. Izdelie: Enciklopediya (Birch bank: Technique. Receptions. Product: Encyclopedia).* Moscow: “AST-PRESS KNIGA” Publ. (in Russian).

Nikiforovskii, N. Ya. 1895. *Ocherki prostonarodnogo zhitia-bytia v Vitebskoi Belorussii i opisanie predmetov obikhodnosti (Essays on common folk life in Vitebsk Belarus and a description of everyday objects).* Vitebsk: “Gubernskaia tipografiia” Publ. (in Russian).

Sahuta, Ya. M. 1997. *Narodnae mastactva Belarusi (Folk art of Belarus)*. Minsk: “BelEn” Publ. (in Belarusian).

Sorokin, P. E. 1994. In Slavina, T. A. (ed.). *Peterburgskie chteniia: Peterburg i Rossiia (Petersburg readings: Petersburg and Russia).* Saint Petersburg: St. Petersburg Association of Researchers, 107–110 (in Russian).

Sorokin, P. E. 2005. *Muzei «700 let – Landskrona, Nevskoe uste, Nienshants». Putevoditel ("700 years — Landskrona, Nevsky ustye, Nienschanz")*. Saint Petersburg. (in Russian).

Cultinfo. Kultura v Vologodskoi oblasti. Korchaga, gorlatka, selnitsa i drugie: krestyanskaya posuda kak ona yest (Cultinfo. Culture in the Vologda region. Korchaga, gorlatka, selnitsa and others: peasant dishes as they are). Available at: https://cultinfo.ru/journal/2018-zima/korchaga-gorlatka-selnitsa-i-drugie-krestyanskaya-posuda/ (accessed 01.28.2026).

Stellaccio, A. 2006. In *Ceramics technical* (22), 49–52.

About the Author:

Muratbakieva Anastasia D. State Museum of the History of St. Petersburg. Peter and Paul Fortress, 3, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation; muratbakieva.a.d@spbmuseum.ru

Статья поступила в журнал 29.01.2026 г.
Статья принята к публикации 19.02.2026 г.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА: ЗАДАЧИ И РЕШЕНИЯ

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.155.169

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ И ХРОНОСТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СУХОТИНСКОГО РАЙОНА (ВОСТОЧНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)[1]

©2026 г. Е.А. Филатов, Н.В. Глушкова

На территории Восточного Забайкалья находится шестьдесят три палеолитических местонахождения, большая часть из которых представлена подъемными сборами, при этом опорные памятники региона расположены на юго-западе горного массива Титовская Сопка, входящего в систему хребта Черского (пригород г. Читы), и объединены в рамках Сухотинского палеолитического района. Проведённые исследования позволили охарактеризовать геолого-геоморфологический контекст палеолитических памятников Сухотинского района и выявить закономерности седиментогенеза четвертичных отложений и пространственной локализации палеолитических комплексов. Наиболее распространённым генетическим типом отложений в Сухотинском районе, с которым связаны палеолитические комплексы, являются эоловые отложения. К ним приурочены комплексы – Сухотино-2 (слои 1–3), -4 (слои 1–3), -5, -7 (слои 1–3) и -6. Формирование эоловых отложений, с которыми связано большинство стоянок района, датируется временем МИС 2, о чем свидетельствуют радиоуглеродные и ОСЛ датировки. К отложениям пойменной фации аллювия, формировавшейся в условиях сезонных паводков, приурочены палеолитические комплексы стоянок Сухотино-4 (слои 4–18) и -2 (слои 2–5). Время бытования комплексов в слоях 11–18 стоянки Сухотино-4 по аналогии с изученными террасами региона могут быть датированы началом МИС 2. Слои 4–10 по совокупности опубликованных радиоуглеродных определений и новых радиоуглеродных датировок, полученных нами по костям северного оленя, функционировали в период с 20 до 12 тыс. кал. л.н. В пространственной локализации памятников ведущими факторами являются выходы каменного сырья, вблизи которых расположены мастерские Сухотино-6, -12, -13 и береговая линия реки Ингоды, к террасам которой приурочены палеолитические стоянки и поселения Сухотино-2–4.

Ключевые слова: археология, палеолит, Восточное Забайкалье, Сухотинский палеолитический район, хроностратиграфическая корреляция, пространственная локализация, абсолютная хронология.

PATTERNS OF SPATIAL LOCALIZATION AND CHRONOSTRATIGRAPHIC CORRELATION OF PALEOLITHIC SITES AT THE SUKHOTINO PALEOLITHIC DISTRICT (EASTERN TRANSBAIKALIA)[2]

E.A. Filatov, N.V. Glushkova

Sixty-three Paleolithic sites are located on the territory of Eastern Transbaikalia, most of which are represented by surface finds, while the main sites of the region are located in the southwest of the Titovskaya Sopka mountain range, which is part of the Chersky Ridge system (a suburb of Chita), and are united within the Sukhotino Paleolithic region. The conducted studies made it possible to characterize the geological and geomorphological context of the Paleolithic monuments of the Sukhotino district and to identify patterns of sedimentogenesis of Quaternary deposits and spatial localization. The most common genetic type of sediments at the Sukhotino district, with which Paleolithic complexes are associated, are Aeolian sediments. The complexes Sukhotino–2 (layers 1-3), Sukhotino-4 (layers 1–3), Sukhotino-5, Sukhotino-7 (layers 1-3) and Sukhotino-6 are associated with them. The formation of Aeolian sediments, with which most campsites in the area are as-

[1] Работа выполнена по государственному заданию ИГМ СО РАН (FWZN-2026-0004).

[2] The work was prepared as a part of the state assignment of IGM SB RAS (FWZN-2026-0004).

sociated, dates back to the time of MIS 2, as evidenced by radiocarbon and OSL dating. The Paleolithic complexes of Sukhotino-4 (layers 4–18) and Sukhotino-2 (layers 2–5) campsites are associated with sediments of the alluvium floodplain facies, which formed under seasonal flood conditions. The time of the existence of the complexes in layers 11–18 of the Sukhotino-4 campsite, by analogy with the studied terraces of the region, can be dated to the beginning of MIS 2. Layers 4–10, based on the totality of the published radiocarbon definitions and new radiocarbon dates obtained by us from the bone remains of reindeer, functioned in the period from 20 to 12 thousand cal. BP. The leading factors in the spatial localization of the sites are outcrops of stone raw material, near which the workshops Sukhotino-6, -12, -13 are located, and the shoreline of the Ingoda River, whose terraces contain the paleolithic campsites and settlements of Sukhotino-2–4.

Keywords: archaeology, paleolithic, Eastern Transbaikalia, Sukhotino Paleolithic region, chronostratigraphic correlation, spatial localization, absolute chronology.

Введение

На территории Восточного Забайкалья находится шестьдесят три палеолитических местонахождения, большая часть из которых представлена подъемными сборами. Опорные памятники региона расположены на юго-западе горного массива Титовская Сопка, входящего в систему хребта Черского (пригород г. Читы), и объединены в рамках Сухотинского палеолитического района (рис. 1, 2) (Кириллов, Кириллов, 2011; Окладников, Кириллов, 1980; Черенщиков, 1998; Филатов, 2016). Палеолитические памятники, входящие в обозначенный район, исследовались с 1971 по 1998 гг. И. И. Кирилловым (Филатов, 2016; Разгильдеева, 2018; 2020). За этот пери-

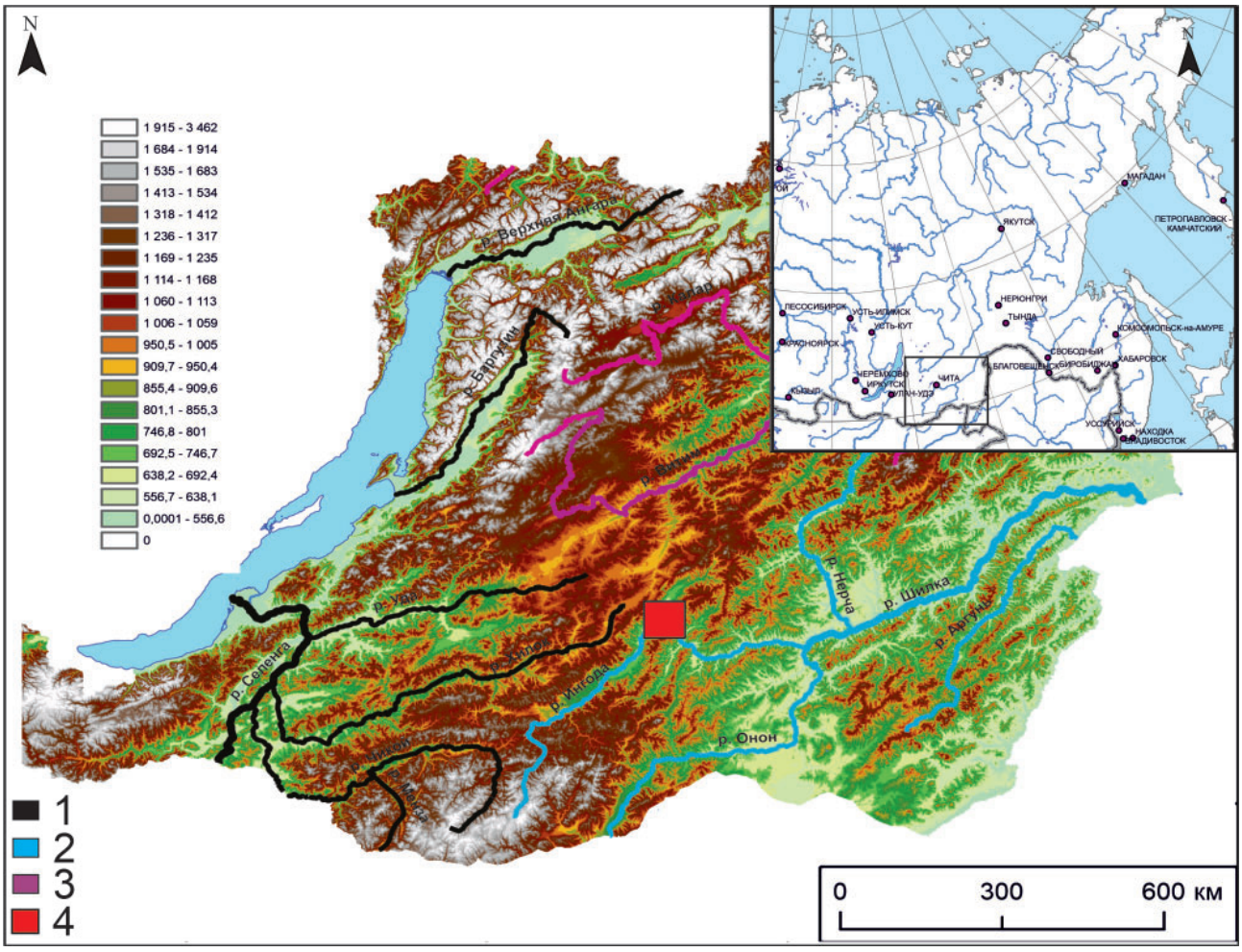


Рис. 1. Цифровая модель рельефа с районом исследования:
1 – бассейн реки Селенга; 2 – бассейн реки Амур; 3 – бассейн реки Лена; 4 – район исследования
Fig. 1. Digital elevation model with the study area:
1 – Selenga River basin; 2 – Amur River basin; 3 – Lena River basin; 4 – research area

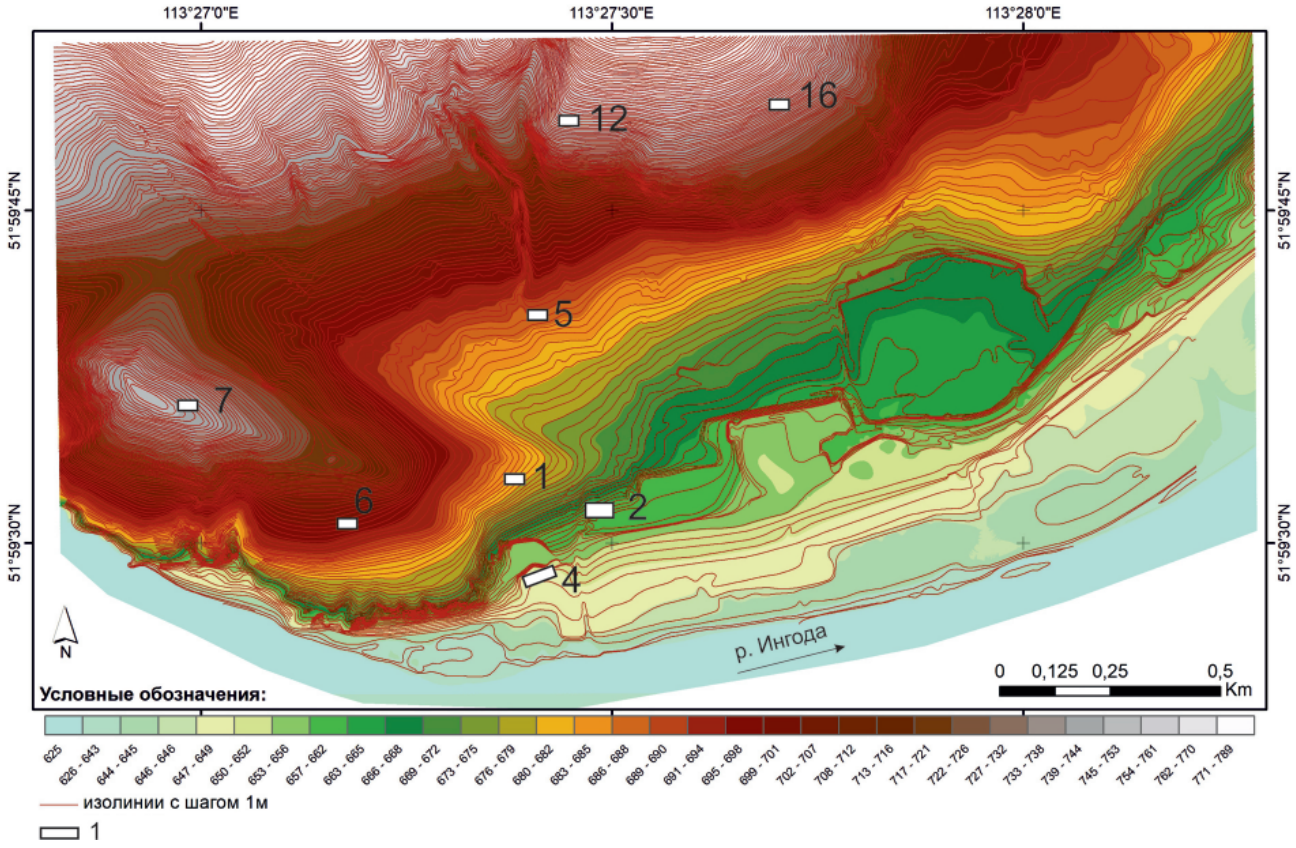


Рис. 2. Цифровая модель рельефа Сухотинского района:
1 – номера палеолитических памятников района: 1-7 – Сухотино 1-7; 12 – Сухотино-12; 16 – Сухотино-16.
Fig. 2. Digital elevation model of the Sukhotino area:
1 – numbers of paleolithic sites of the district: 1-7 – Sukhotino 1-7; 12 – Sukhotino-12; 16 – Sukhotino-16.

од открыты и изучены на разной площади двенадцать палеолитических стоянок, мастерских, поселений и местонахождений, при этом основные усилия были сосредоточены на раскопках верхнепалеолитических стоянок Сухотино-2 и -4, датируемых в диапазоне 35–11 тыс. кал. л.н. (Разгильдеева, 2020). С 2013 по 2020 гг. на территории района археологические исследования проводились сотрудниками лаборатории палеоэкологии Забайкальского университета под руководством М. В. Константинова, что позволило уточнить расположения памятников, открытых в предшествующие годы, и выявить новые стоянки и мастерские (Константинов, 2015; 2021; Филатов, 2016).

Основные работы в этот период были сосредоточены на раскопках мастерской Сухотино-12, где в слое 5 были выявлены материалы среднего палеолита (Константинов и др., 2020). Кроме того, с 2019 г. раскопки и разведка памятников палеолита проводятся сотрудниками Даурской экспедиции Забайкальского университета под руководством П. В. Мороза и направлены на изучение мастерских, расположенных на выходах каменного сырья (Мороз и др., 2021; 2024). Таким образом, за годы исследований на небольшой территории Сухотинского района было выявлено 16 палеолитических памятников, датируемых от среднего до финального палеолита.

Постановка проблемы и методы исследования

Стратиграфический контекст культуровмещающих отложений палеолитических памятников района в той или иной степени описан только для стоянок Сухотино-2, -4 и -12, тогда как информация об условиях залегания и геоморфологической привязки большинства памятников района опубликована в сжатой форме либо отсутствует. Кроме того, в научной литературе содержатся противоречивые данные по поводу топографической привязки палеолитических комплексов, что затрудняет анализ массива археологических данных.

В данной работе впервые для территории Восточного Забайкалья на примере опорного палеолитического района произведена попытка хроностратиграфической корреляции памятников палеолита, используя геолого-геоморфологические данные.

В работе используются методы геолого-геоморфологического картирования, фациально-генетической диагностики рыхлых четвертичных отложений, проведенной с использованием гранулометрического анализа, выполненного на лазерном анализаторе размеров частиц Microtrac X100. Также посредством использования ГИС-технологий произведена систематизация данных по геолого-геоморфологическому контексту и пространственной локализации основных палеолитических памятников района. Геодезическая съемка осуществлялась с использованием GNSS-приемника EFT M3 Plus и БПЛА DJI Mavic 2 Pro, что позволило создать детальную цифровую модель рельефа и закартировать геологические отложения. Ранее работа по созданию ЦМР с использованием фотограмметрии на территории Сухотинского района проводилась (Мороз и др., 2020), в ней было уделено внимание методическому аспекту. В данной работе под местонахождением понимаются подъемные сборы, к мастерским отнесены памятники, расположенные на выходах каменного сырья, в индустрии которых преобладают отходы производства (Кулаков, 1993), к поселениям отнесены памятники с жилищно-хозяйственными комплексами (Константинов, 2001), под стоянкой понимается кратковременная стоянка, культурный слой которой представлен небольшим узкоспециализированным набором изделий.

Характеристика района исследования

Палеолитические памятники Сухотинского района расположены на юго-западных отрогах горного массива Титовская сопка (далее ТС) (юго-западные окраины г. Чита), которая находится на северной оконечности Читино-Ингодинской котловины (рис. 2). Массив является одним из отрогов хребта Черского, который окаймляет Читино-Ингодинскую котловину с юга и юго-востока. Сопка представляет собой полого-наклонный массив, имеющий форму усеченного конуса с господствующей абсолютной высотой 945 м. Наименьшая высота Сопки в районе скальных выходов Сухотино равна 642 м. Относительное превышение над долиной составляет 303 м. С юга и юго-запада от основного массива хребта Черского Сопка разделяется узкой и антецедентной долиной р. Ингоды, шириной в среднем 120 м, которая, по мнению геолога А. Н. Чернюка, является грабеновой депрессией, сформированной в четвертичное время (Ларичев, 1961).

Геологическое строение дочетвертичных отложений горного массива обусловлено его вулканическим происхождением. Он относится к стратовулканам (сложен потоками лав и туфов), время формирования которого оценивается концом пермского – началом триасового периодов (280–245 млн. л.н.) (Синица и др., 2001). Стратовулкан относимый к цаганхнтейской свите (Государственная геологическая карта, 2006), сложен потоками трахитов, трахилиолитов, трахиандезитов, кластолавами трахитов (Синица и др., 2001).

С момента своего формирования массив ТС претерпел в мезозойское, а в особенности в кайнозойское время, сильные изменения, что, с одной стороны, приводило к эрозии и, как следствие, к оголению вулканогенных образований, с другой стороны – к перекрытию склонов и бортов Сопки четвертичными субаэральными и субаквальными отложениями, к которым приурочены памятники Сухотинского района.

Геолого-геоморфологическая характеристика палеолитических памятников района

Сухотино-2. Стоянка расположена на III надпойменной террасе высотой 16–18 м, вложенной в озерные отложения возраста МИС 4, которые распространены на южном фасе ТС на отметках до 25 м. Культурные слои 4 и 5 стоянки приурочены к субаквальным отложениям аллювиального генезиса пойменной фации, представленным переслаиванием песков и алевропесков. Отсутствие датировок затрудняет хронологическую атрибуцию комплексов, но, судя по технико-типологической характеристике, материал слоя 5 может быть датирован началом верхнего палеолита. Слои 1–3 связаны с субаэральными отложениями, представленными песками и алевропесками, при этом слои 2 и 3 связаны с инициальными палеопочвами МИС 2 (рис. 3–5) (Кирилов, Каспаров, 1990; Филатов, 2016).

Сухотино-4. Стоянка расположена на надпойменной террасе высотой 9–12 м, кото-

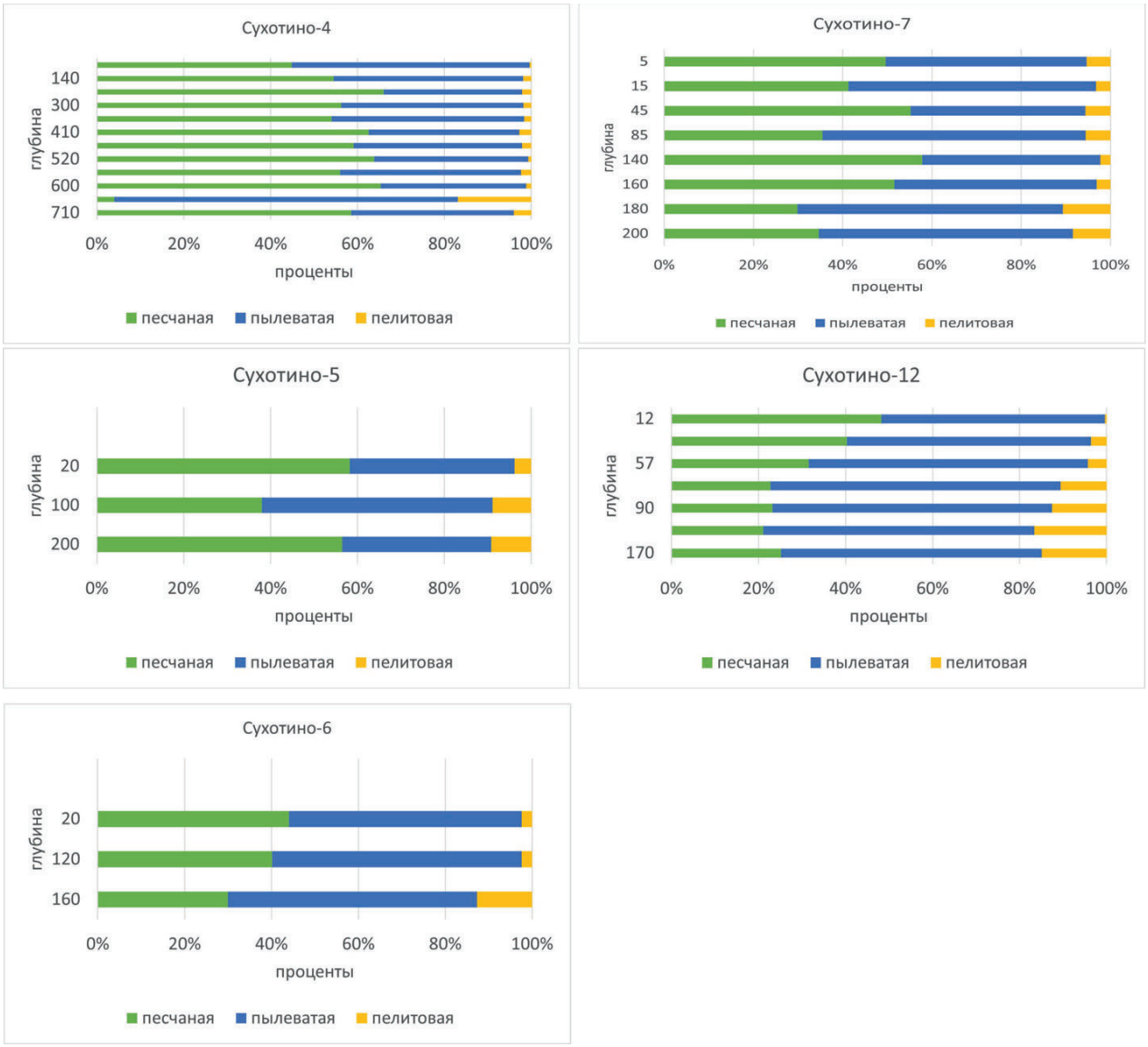


Рис. 3. Распределение гранулометрических фракций основных палеолитических памятников Сухотинского района.

Fig. 3. Distribution of granulometric fractions of the main paleolithic of the Sukhotino area.

рая, по мнению П. М. Долуханова, является II надпойменной, по А. К. Тулохонову – I надпойменной террасой (Окладников, Кириллов, 1980). Исследования 1990-х гг. позволили О. Ю. Черенщикову (1998) по характеру седиментации и возрасту культуровмещающих слоев убедительно соотнести ее со II надпойменной террасой, что согласуется с мнением В. В. Карасева о времени формирования аллювиальных террас Забайкалья (2002).

Отложения «верхнего комплекса» стоянки связаны с субаэральными образованиями террасы (рис. 5). Культурный слой 1 приурочен к светло-коричневым однородным пескам (до 60%) с включением алевритовых (47%) и незначительным количеством пелитовых фракций (рис. 3). Культурные слои 2 и 3 связаны с двумя позднеплейстоценовыми инициальными палеопочвами, которые представлены слабогумусированными прослоями мелкозернистых и алевропесков мощностью до 12–16 см (рис. 6 – D). Культурные слои «нижнего комплекса» стоянки (глубина 3,1–9 м) приурочены к субаквальным отложениям террасы, представленными пойменной фацией аллювия, формировавшегося в условиях сезонных паводков (культурные слои 4–18). Пойменные отложения стоянки представлены переслаиванием мелко-среднезернистых песков (60% и более) с включением алеври-

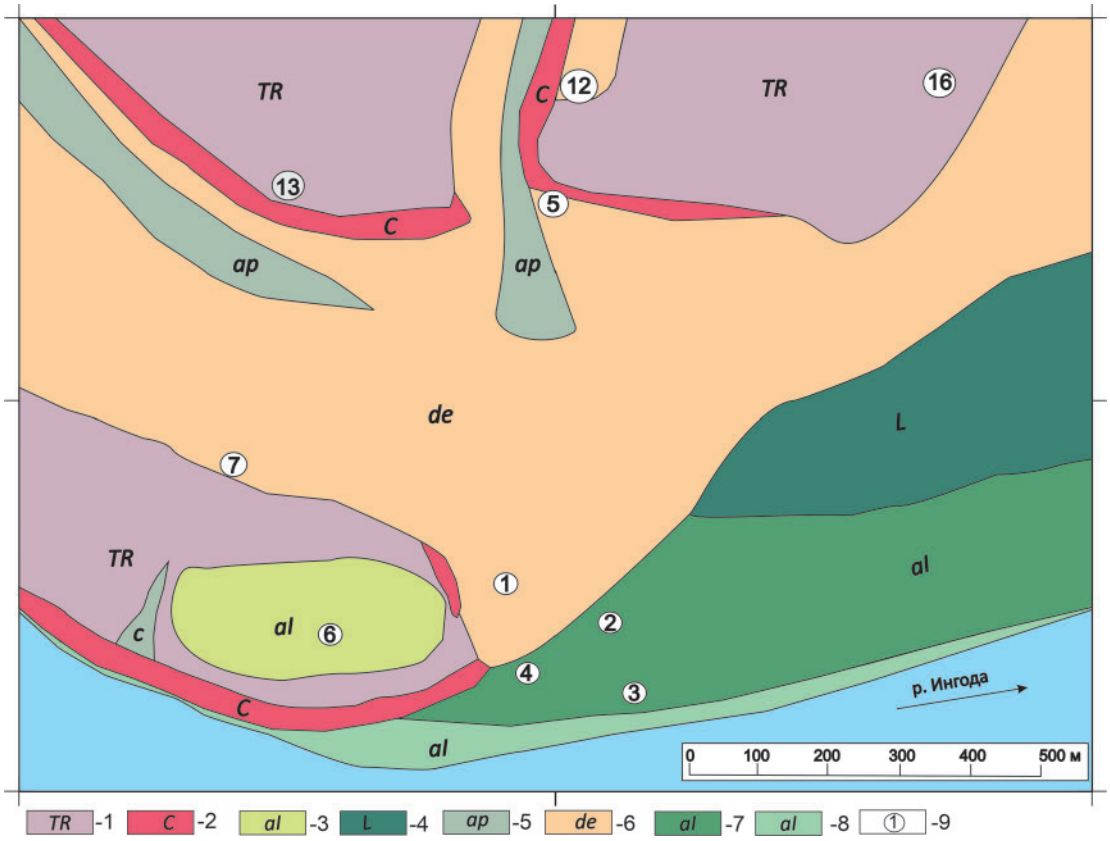


Рис. 4. Геологическая карта Сухотинского района: 1 – коренные выходы (дочетвертичные отложения); 2 – коллювиальные отложения; 3 – цокольные аллювиальные террасы; 4 – озерные отложения; 5 – аллювиально-пролювиальные отложения временных водотоков; 6 – делювиально-эоловые отложения; 7 – аллювиальные отложения; 8 – современная пойма; 9 – номера палеолитических памятников Сухотинского района (1–7 – Сухотино 1-7; 12 – Сухотино-12; 13 – Сухотино-13; 16 – Сухотино-16).

Fig. 4. Geological map of the Sukhotino area: 1 – bedrock outcrops; 2 – colluvial deposits; 3 – developed in bedrock alluvial terraces; 4 – lacustrine deposits; 5 – alluvial-proluvial deposits of temporary watercourses; 6 – deluvial-Aeolian deposits; 7 – alluvial deposits; 8 – modern floodplain; 9 – numbers of Paleolithic monuments of Sukhotinsky district (1–7 – Sukhotino 1–7; 12 – Sukhotino-12; 13 – Sukhotino-13; 16 – Sukhotino-16).

товых (в среднем 35%) и пелитовых (менее 5%) фракций влекомого наноса и прослоев наилков серо-сизых оттенков, состоящих из алеврита (в среднем 80%) с незначительным содержанием фракций мелкозернистого песка (в среднем 15%) и пелита (в среднем 5%) взвешенного наноса, к которым приурочены археологические комплексы стоянки (рис. 6 – С). Палеолитические комплексы слоев 11–18, по аналогии с изученными террасами региона, могут быть датированы началом МИС 2. Слои 4–10 по совокупности опубликованных радиоуглеродных определений (Орлова, 1995; Лисицын, Свеженцев, 1997; Васильев и др., 2018; Рыжов и др., 2021) функционировали в период с 20 до 16 тыс. кал. л.н. (табл. 1).

Сухотино-5. Местонахождение расположено на высоте 60–70 м, приурочено к вершине делювиального шлейфа, примыкающего к коренным выходам. Слой 2 связан с делювиальными отложениями, представленными переслаиванием мелкозернистого и алевритового песка, слой 1 вовлечен в эоловые отложения – неслоистые алевритистые пески (рис. 3–5).

Сухотино-6. Местонахождение расположено на цокольной террасе раннечетвертичного времени (Синица и др., 2001) на высоте 40–50 м. Культурные слои памятника связаны с эоловыми отложениями мощностью до 2 м, представленными монотонными светло-коричневыми неслоистыми песками, содержащими до 60% песка, 30% алеврита и незначительную долю пелитовых фракций – 10% с включением дресвы, щебня, мелких и средних по размеру глыб (рис. 3–5).

Сухотино-7. Стоянка расположена в привершинной части склона, вблизи его

Таблица 1. Абсолютные датировки палеолитических памятников Сухотинского района
Table 1. Absolute dates of Paleolithic sites at the Sukhotino district

№	Памятник/слой	^{14}C и OSL дата	Сигма (±)	Калиброванная дата (OxCal)	Номер образца	Материал	Источник
1	Сухотино-4, верхний комплекс	11900	130	12107–11621	COAH-841	кость	Орлова, 1995
2	Сухотино-4, верхний комплекс	13500	423	15594–13130	NSKA-s 377	кость	Васильев и др., 2018
3	Сухотино-4, верхний комплекс	14290	468	16442–14252	NSKA-s 378	кость	Васильев и др., 2018
4	Сухотино-4, верхний комплекс	26260	300	29100–28101	COAH-1138	уголь	Орлова, 1995
5	Сухотино-4, сл. 3	14940	690	17979–14481	ЛУ-8604	уголь	Рыжов и др., 2021
6	Сухотино-4, сл. 6	15820	300	17946–16679	ЛЕ-3652	кость	Лисицын, Свеженцев, 1997
7	Сухотино-4, сл. 7	16810	390	19456–17431	ЛЕ-3647	кость	Лисицын, Свеженцев, 1997
8	Сухотино-4, сл. 8	16970	620	20248–17190	ЛЕ-3653	кость	Лисицын, Свеженцев, 1997
9	Сухотино-4, сл. 8	17390	220	19798–18546	ЛЕ-8531	кость	Филатов, Власенко, Лямина, 2025
10	Сухотино-4, сл. 10	18120	250	20591–19301	ЛЕ-8532	кость	Филатов, Власенко, Лямина, 2025
11	Сухотинская мастерская, сл. 2.	18500	1200	-	Sh-1	кварц	Константинов и др., 2020
12	Сухотинская мастерская, сл. 3	34300	2800	-	Sh-2	кварц	Константинов и др., 2020
13	Сухотинская мастерская, сл. 3	37000	2800	-	Sh-3	кварц	Константинов и др., 2020
14	Сухотинская мастерская, сл. 4	66400	3970	-	Fk	полевой шпат	Константинов и др., 2020

сочленения с гребнем обособленного в рельефе массива высотой от 90 до 107 м. Культурные слои памятника связаны с покровными отложениями эолового генезиса. Основной слой (слой 3) приурочен к отложениям светло-коричневого мелкозернистого алевритистого песка с незначительным включением пелитовых фракций (до 8–10%) (рис. 3). Археологические материалы слоев 2 и 1 связаны с горизонтами А и В современной почвы, являются переотложенными в процессе эолового осадконакопления. В палеопочве МИС 3, характеризуемой алевритом песчанистым с незначительным содержанием пелитовых фракций (10%) (рис. 3), залегающей на коренных выходах, выявлены единичные палеолитические изделия (рис. 4, 5).

Сухотино-12 (Сухотинская мастерская) приурочена к нижней части склона юго-западной экспозиции высотой 115–120 м. Среднепалеолитический культурный слой 5 связан с делювиальными отложениями, представленными переслаиванием алевритов песчано-пелитовых с прослоями крупно-среднезернистого песка (рис. 6 – В). Слой насыщен грубообломочным материалом, представленным дресвой, щебнем и глыбами (рис. 3; 6 – А, В). Слой 4 характеризуется эолово-делювиальным осадконакоплением, представленным алевритом песчанисто-пелитовым, но с большим, по сравнению с вышележащим слоем, содержанием пелитовых и алевритовых фракций (79%), слоистость плохо выражена, в слое также отмечается обилие грубообломочного материала, достигающего до 50% заполнения. Имеющаяся ОСЛ датировка по полевому шпату – 66400 тыс. л.н. (Sh-4) (табл. 1), вероятно, является удревненной (рис. 5) (Константинов и др., 2020). Культурные слои 2 и 3 связаны с неслоистыми эоловыми отложениями, представленными алевритом песчанистым, где доля физического песка достигает в среднем 33%. ОСЛ датировки отложений слоя 3 по кварцу – 37000 тыс. л.н. (Sh-3) и 34300 тыс. л.н. (Sh-2) соотносят индустрию с ранними этапами верхнего палеолита. Вышележащее определение по слою 2 – 18500 тыс. л.н. (Sh-1) (табл. 1) этому не противоречит (рис. 5, 7) (Там же). Культурный слой 1, каменная индустрия которого отнесена к позднему палеолиту, связан с современным почвенно-растительным покровом, что говорит о его переотложении.

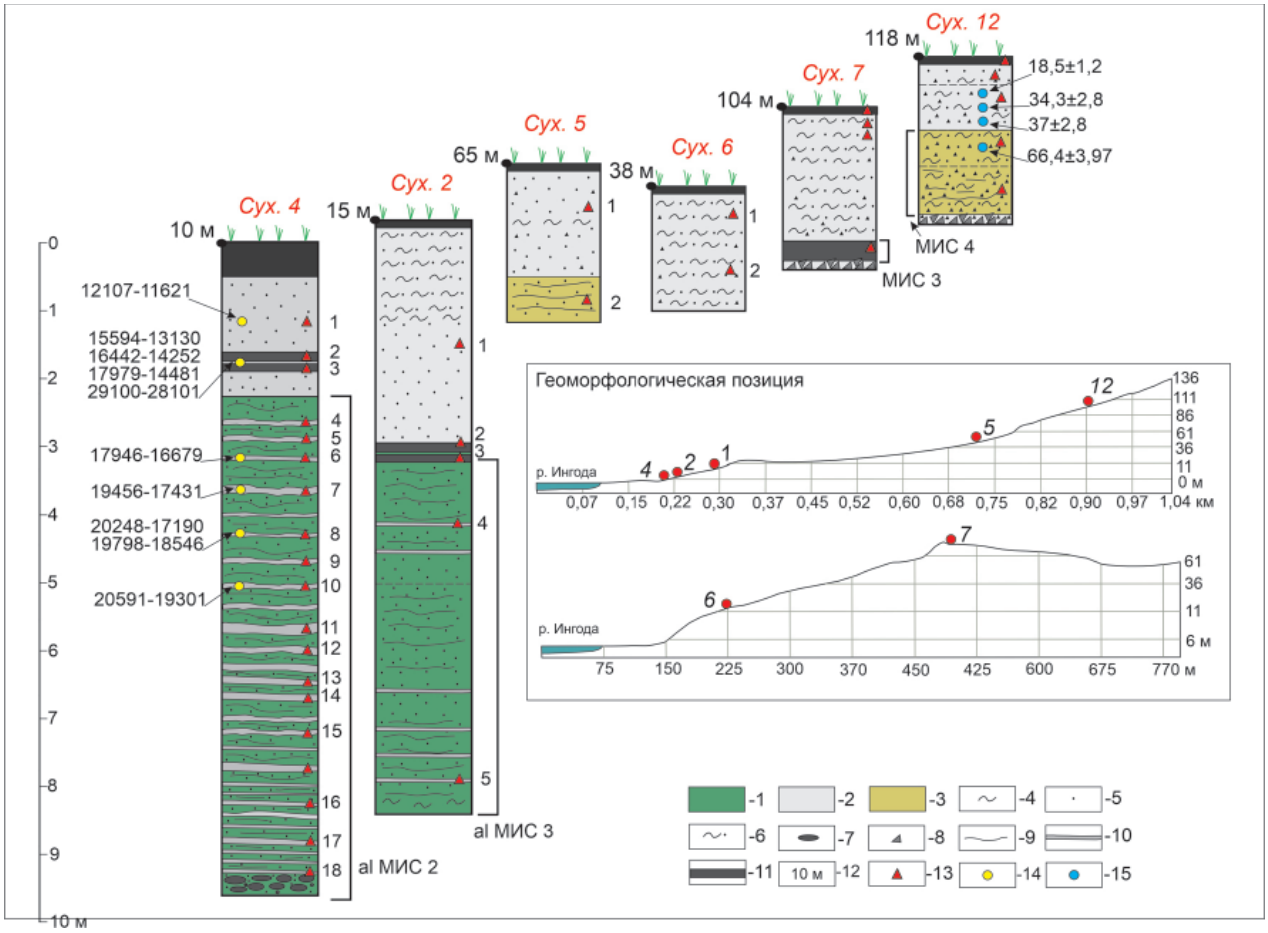


Рис. 5. Сводная стратиграфическая колонка основных палеолитических памятников Сухотинского района: 1 – аллювиальные отложения; 2 – эоловые отложения; 3 – делювиальные отложения; 4 – алеврит; 5 – песок; 6 – алеврит песчанистый ; 7 – окатанный обломочный материал; 8 – грубообломочный материал; 9 – слоистость; 10 – наилки пойменного аллювия; 11 – палеопочвы; 12 – относительная высота; 13 – позиция культурного слоя; 14 – место отбора радиоуглеродных дат; 15 – место отбора ОСЛ-дат.

Fig. 5. Summary stratigraphic list of the main paleolithic sites of the Sukhotino area: 1 – alluvial deposits; 2 – aeolian deposits; 3 – deluvial deposits; 4 – silt; 5 – sand; 6 – sandy silt; 7 – rounded clastic material; 8 – coarse-grained material; 9 – layering; 10 – floodplain sediments alluvium; 11 – paleosoil; 12 – relative height; 13 – position of the cultural layer; 14 – place of selection of radiocarbon dates; 15 – place of selection of OSL dates.

Хроностратиграфическая корреляция палеолитических комплексов Сухотинского района

Характер седиментации культуровмещающих отложений и время их формирования позволяет произвести хроностратиграфическую корреляцию палеолитических памятников района.

Субаэральные отложения

Наиболее древние комплексы связаны с делювиальными отложениями слоя 5 мастерской Сухотино. Они представлены переслаиванием алевритов песчано-пелитовых с прослоями крупно-среднезернистого песка. Имеющаяся единичная ОСЛ датировка перекрывающих отложений – 66,4 тыс. л.н., вероятно, является удревненной (табл. 1) (Константинов и др., 2020). С палеопочвой, сформировавшейся на коренных выходах, датируемой временем МИС 3, связаны единичные палеолитические изделия стоянки Сухотино-7 (слой 4) (рис. 5).

Наиболее распространённым генетическим типом отложений в Сухотинском районе, с которым связаны палеолитические комплексы, в том числе с признаками инициального почвообразования, являются эоловые отложения. К ним приурочены комплексы – Сухотино-2 (слои 1–3), -4 (слои 1–3), -5, -7 (слои 1–3) и -6. Как правило, отложения характеризуются неслоистой текстурой и преобладанием в гранулометрическом составе песков,

Рис. 6. Фото восточной стенки шурфа 1 мастерской Сухотино-12.
Fig. 6. Photo of the eastern wall of test pit 1 of the Sukhotino-12 workshop.

песков алевритистых и алевритов песчанистых. Формирование эоловых отложений, с которыми связано большинство стоянок района, датируется временем МИС 2, о чем свидетельствуют радиоуглеродные и ОСЛ датировки слоя 2 Сухотинской мастерской и слоев 1–3 стоянки Сухотино-4 (Орлова, 1995; Лисицын, Свеженцев, 1997; Васильев и др., 2018; Рыжов и др., 2021; Константинов и др., 2020). К эоловым отложениям, датируемым временем МИС 3, отнесены культурные слои 2–4 Сухотинской мастерской, по которым имеются ОСЛ датировки – 37000 ± 2,8 и 34300 ± 2,8 тыс. л.н. (Табл. 1) (Константинов и др., 2020) (рис. 5).

Субаквальные отложения аллювиального генезиса

К отложениям пойменной фации аллювия, формировавшегося в условиях сезонных паводков, приурочены палеолитические комплексы стоянок Сухотино-2 (слои 2–5) и -4 (слои 4–18). О характере седиментации отложений последней мы можем судить только по опубликованным данным (Кирилов, Каспаров, 1990), тогда как отложения стоянки Сухотино-4 были описаны авторами. Пойменные отложения стоянки, к которым приурочены культурные слои 4–18, представлены переслаиванием мелко-среднезернистых песков (60% и более) с включением алевритовых (35%) и пелитовых (менее 5%) фракций влекомого наноса и прослоев наилков серо-сизых оттенков, состоящих из алеврита (80%) с незначительным содержанием фракций мелкозернистого песка (15%) и пелита (5%) взвешенного наноса, к которым приурочены вышеупомянутые археологические комплексы стоянки (рис. 3, 5).

В период осушения поймы и перехода ее в субаэральный режим она активно заселилась человеком, тогда как в сезонные паводки происходила аккумуляция взвешенного наноса, представленного хорошо промытыми и сортированными песками. Такая особенность характерна для пойменных отложений II надпойменных террас Западного Забайкалья, где в аналогичной ситуации формировались культуровмещающие седимены стоянок Усть-Менза-2 (слои 5–31) и Студеное-2 (слои 3–8) (Базаров и др., 1982; Константинов, 1994; Карасев, 2002; Buvit, 2008). Время бытования

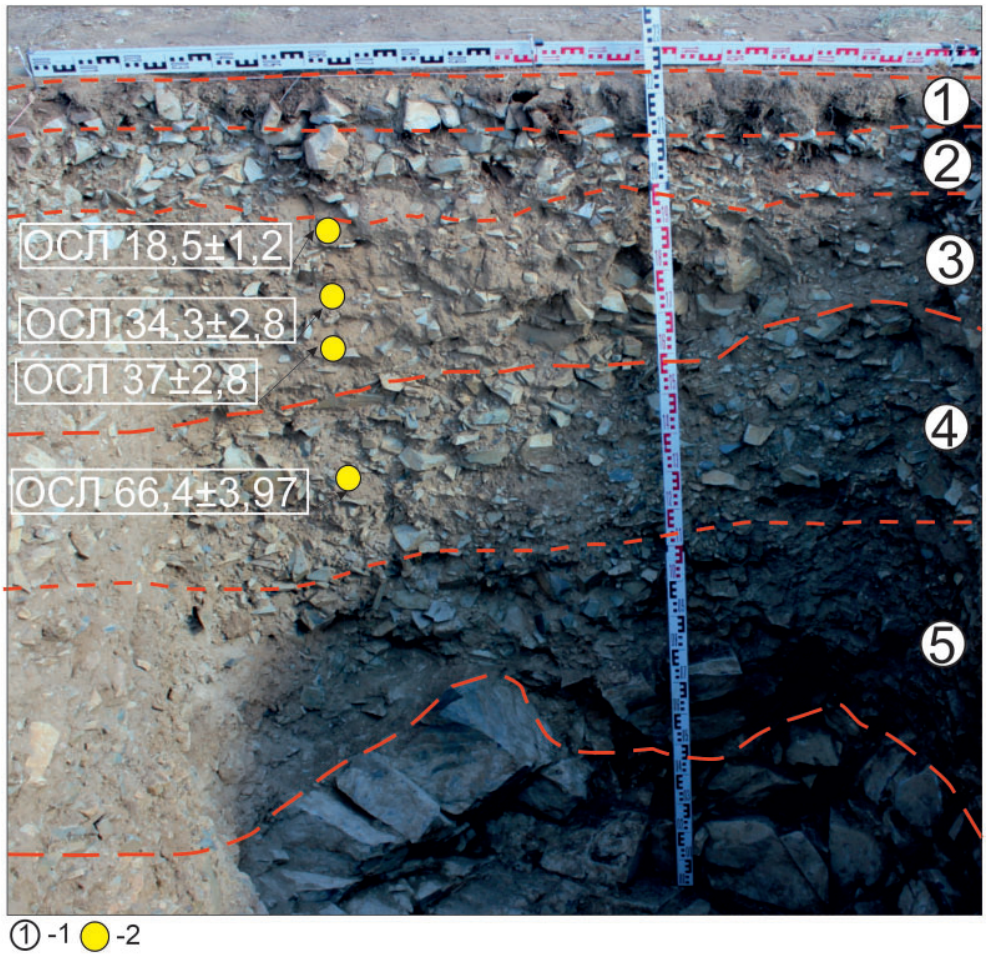


Рис. 7. Фото отложений мастерской Сухотино-12 и стоянки Сухотино-4: A – подстилающие коренные породы мастерской Сухотино-12; B – прослои песка в слое 5 мастерской Сухотино-12; C – пойменная фация аллювия стоянки Сухотино-4; D – субаэральные эоловые отложения с инициальными палеопочвами стоянки Сухотино-4.
Fig. 7. Photos of the deposits of the Sukhotino-12 workshop and the Sukhotino-4 campsite: A – the underlying bedrock of the Sukhotino-12 workshop; B – sand streaks in layer 5 of the Sukhotino-12 workshop; C – floodplain alluvial facies of the Sukhotino-4 campsite; D – subaerial aeolian deposits with initial paleosoils of the Sukhotino-4 campsite.

палеолитических комплексов слоев 11–18 стоянки Сухотино-4 по аналогии с изученными террасами региона могут быть датированы началом МИС 2. Слои 4–10 по совокупности опубликованных радиоуглеродных определений (Орлова, 1995; Лисицын, Свеженцев, 1997; Васильев и др., 2018; Рыжов и др., 2021) и новых радиоуглеродных датировок, полученных нами по костям северного оленя (Филатов, Власенко, Лямина, 2025), функционировали в период с 20 до 12 тыс. кал. л.н. (табл. 1).

Закономерности пространственной локализации палеолитических местонахождений Сухотинского района

Геологическое картирование четвертичных и дочетвертичных отложений территории Сухотинского археологического района позволило зафиксировать коренные породы, представленные эффузивными и пирокластическими образованиями палеозойского и мезозойского периодов, а также рыхлыми четвертичными образованиями, отнесенными к субаэральным и субаквальным отложениям (рис. 4). С учетом данных геологического картирования и геоморфологической привязки памятников был произведен пространственный анализ закономерностей расположения палеолитических памятников района.

Особенностью мастерских (Сухотино-6, -12 и -13) является их расположение у выходов или в непосредственной близости от каменного сырья (роговиков, дацитов, туфов и др. цаган-хунтейской свиты), которые использовались для обработки человеком на месте. Кроме того, мастерские расположены значи-

тельно выше (от 38 до 120 м) большинства стоянок района, что также связано с их приуроченностью к выходам каменного сырья.

Основные палеолитические стоянки района – Сухотино-2 (слои 1–5), -3; -4 (слои 1–18), напрямую не связанные с обработкой каменного сырья вблизи его выходов, относимые к базовым лагерям с жилищами и кратковременным стоянкам, расположены вблизи береговой линии р. Ингода на низких гипсометрических отметках (до 18 м) и связаны с отложениями надпойменных террас. Пойменные отложения террас, к которым приурочено большинство культурных комплексов, имеют субгоризонтальный наклон (до 3–5°), что благоприятствовало сооружению жилищ. Кроме того, в непосредственной близости находились гальки и валуны руслового аллювия реки, а также глыбы коллювиальных отложений, находящихся в непосредственной близости, которые использовались в качестве «строительного материала» для сооружения жилищ (рис. 4).

Восточнее вышеописанных местонахождений, на отметках от 18 до 25 м, несмотря на высокую обнаженность геологических разрезов и археологические изыскания, палеолитические комплексы отсутствуют, что может быть связано с распространением в этой области озерных отложений с ориентировочным возрастом – МИС 4, которые не были доступны для заселения в обозначенную эпоху, что не исключает возможность заселения этого участка в последующие периоды (рис. 4).

В расположении стоянки Сухотино-7 прямых связей с выходами каменного сырья или береговой линией реки не прослеживается, но она приурочена к вершине водораздельного гребня с хорошей обзорностью по сторонам света, что позволяет считать геоморфологический фактор лимитирующим признаком в ее расположении.

Таким образом, ведущими факторами в расположении палеолитических памятников Сухотинского района являются: выходы каменного сырья, береговая линия р. Ингоды и геоморфологическая позиция памятников.

Заключение

Проведённые исследования впервые позволили охарактеризовать геолого-геоморфологический контекст палеолитических памятников Сухотинского района и выявить закономерности седиментогенеза четвертичных отложений и пространственной локализации памятников палеолита. Установлено, что наиболее распространённым генетическим типом отложений в Сухотинском районе, с которым связаны палеолитические комплексы, являются субаэральные отложения эолового генезиса, к которым приурочены комплексы стоянок – Сухотино-2 (слои 1–3), -4 (слои 1–3), -5, -6 и -7 (слои 1–3). Как правило эоловые отложения отнесены к типу суперфляционных (навеянных), в том числе с инициальными палеопочвами, распространенных, как на коренных породах, так и формируя субаэральный чехол аллювиальных террас, которые были удобны для обитания в разные периоды позднего плейстоцена. Формирование эоловых отложений, с которыми связано большинство стоянок района, датируется временем МИС 2, о чем свидетельствуют радиоуглеродные и ОСЛ датировки. Палеолитическая культура, изученная на вышеупомянутых стоянках за исключением материалов слоев 1–3 стоянки Сухотино-4 опубликована в сжатой форме. На Сухотино-4 первичное расщепление основано на утилизации торцовых и торцово-клиновидных микронуклеусов, предназначенных для производства микропластин. В орудийном наборе преобладают разнообразные серии плосковыпуклых и двояковыпуклых бифасов, концевых скребков и продольных скребел. Также к эоловым отложениям, но датированным финалом МИС 3 отнесены материалы культурных слоев 2 и 3 мастерской Сухотино-12 (Константинов и др., 2020) (рис. 5), характеризующие ранние этапы верхнего палеолита, представленные в первичном расщеплении параллельным объемным скалыванием, разными вариантами концевых скребков и скребел, долотовидными орудиями и плосковыпуклыми бифасами. К субаэральным отложениям, но делювиального генезиса приурочены палеолитические материалы слоев 4 и 5 мастерской Сухотино-12, отнесенные к начальному этапу верхнего и среднему палеолиту соответственно (Константинов и др., 2020). Каменная индустрия слоя 5 вышеупомянутой мастерской представлена отходами производства, каменными и костяными орудиями. В первичном расщеплении присутствует леваллуазская техника, нацеленная на производство отщепов и острий, в том числе в рамках технологии конвергентного однонаправленного скалывания.

К отложениям пойменной фации аллювия, формировавшимся в условиях сезонных паводков, приурочены палеолитические комплексы стоянок Сухотино-4 (слои 4–18) и -2 (слои 2–5). Время бытования палеолитических комплексов слоев 11–18 стоянки Сухотино-4 по аналогии с изученными террасами региона может быть датировано началом МИС 2. Слои 4–10 по совокупности опубликованных радиоуглеродных определений функционировали в период с 20 до 16 тыс. кал. л.н. Палеолитическая индустрия, связанная с культурными слоями 4–5 стоянки Сухотино-2, датированная временем МИС 3, отнесенная к ранним этапом верхнего палеолита, характеризуется объемным однонаправленным, реже встречным скалыванием, направленным на производство крупных и средних пластин. В орудийном наборе преобладают скребла и скребки, выполненные на пластинах. В пространственной локализации памятников ведущими факторами являются выходы каменного сырья, вблизи которых расположены мастерские Сухотино-6, -12, и -13 и береговая линия реки Ингоды, к террасам которой приурочены палеолитические стоянки и поселения Сухотино-2–4.

ЛИТЕРАТУРА

Базаров Д.-Д.Б., Константинов М.В., Иметхенов А.Б., Базарова Л.Д., Савинова В.В. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1982. 162 с.

Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Кузьмин Я.В., Калинкин П.Н., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIV / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 42–46.

Государственная геологическая карта Российской Федерации. Третье поколение. Геологическая карта. Алдано-Забайкальская серия. ФГБУ «ВСЕГЕИ», ФГУГП Читагеолсъемка, 2006.

Карасев В.В. Кайнозой Забайкалья. Чита: Читагеолсъемка, 2002. 128 с.

Кириллов И.И., Каспаров А.К. Археология Забайкалья. Проблемы и перспективы (эпоха палеолита) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск: Ин-т истории, Ин-т теплофизики, 1990. С. 194–198.

Кириллов И.И., Кириллов О.И. Сухотино // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2011в. С. 280–282.

Константинов А.В. Древние жилища Забайкалья: (палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.

Константинов А.В., Курбанов Р.Н., Викулова Н.О., Филатов Е.А., Марков Н.А. Стоянка-мастерская каменного века Сухотино 12 (Восточное Забайкалье): первые результаты абсолютного датирования // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I / Ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. С. 46–47.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: БНЦ; ЧГПИ, 1994. 265 с.

*Константинов М.В***.** Научный отчет: Исследования Сухотинского археологического комплекса в Читинском районе Забайкальского края. Чита, 2015. 159 с. // Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ.

Константинов М.В. Научный отчет: Разведочные работы на территории мастерской каменного века Сухотино в Читинском районе Забайкальского края. Чита, 2021. 170 с. // Архив лаборатории палеоэкологии ЗабГУ.

Кулаков С.А. Мастерские в каменном веке: история выделения, критерии определения и классификации // Петербургский археологический вестник. 1993. № 7. С. 3–13.

Ларичев В.Е. Отчет о раскопках на Титовской сопке в 1961 г. // НОА ИА РАН, 1961. № 2238. 27 с.

Лисицын Н.Ф., Свеженцев Ю.С. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Северной Азии // Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: проблемы и перспективы / Археологические изыскания. Вып. 52 / Отв. ред. А.А. Синицын, Н.Д. Праслов. СПб.: ИИМК РАН, 1997. С. 67–108.

Мороз П.В., Славинский В.С., Верещагин С.Б., Юргенсон Г.А., Рыжов Ю.В., Кузьмин Я.В., Цыбанков А.А. Самые восточные в Азии индустрии среднего и начального верхнего палеолита: комплексы Сухотинской мастерской, Восточное Забайкалье, Россия // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2024. № 1. С. 24–40.

Мороз П.В. Новые объекты Титовской сопки в Восточном Забайкалье // Верхний палеолит Европы: время культурных новаций / Отв. ред. С.А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 142–145.

Мороз П.В., Курганович К.А., Босов М.А., Юргенсон Г.А., Разгильдеева И.И., Кочев Д.В. Геоархеологическое картирование памятников каменного века и выходов минерального сырья Титовской Сопки (Восточное Забайкалье): практический аспект // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 9. С. 13–23.

Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. 2 / Отв. Ред. А. П. Деревянко, Ю. П. Холюшкин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 207–232

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: Изд-во Забайкал. гос. ун-та, 2018. 208 с.

Разгильдеева И.И. История исследований памятников Титовской сопки: к юбилею открытия палеолитических стоянок Сухотино-2 и Сухотино-4 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 9–23.

Рыжов Ю.В., Мороз П.В., Смирнов М.В. Этапы формирования первой надпойменной террасы р. Хойто-Ага (Забайкальский край) в районе археологического памятника верхнего палеолита Сахюрта-1 // Геоморфология. 2021. Т. 52, № 3. С. 125–136.

Синица С.М., Василенко Д.В., Мясников А.В., Неживой М.Н., Смирнова А.А., Шафиков Т.А. Геологические аудитории под открытым небом // Ресурсы Забайкалья. 2001. № 1. С. 24–26.

Филатов Е.А. Сухотинский геоархеологический комплекс: научный путеводитель по палеолитическим памятникам Сухотинского геоархеологического комплекса. Чита: ЗабГУ, 2016. 44 с.

Филатов Е.А., Власенко Д.Е., Лямина В.А. Культурная и хронологическая характеристика палеолита Восточного Забайкалья // РА. 2025. № 3. С. 24–36.

Черенщиков О.Ю. Нижний комплекс многослойного поселения Сухотино 4 и его место в верхнем палеолите Северной Азии. Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998. 215 с.

Buvit, I. Geoarchaeological Investigations in the Southwestern Transbaikal Region, Russia. Ph.D. thesis. Washington State University, Pullman, WA, 2008. 235 p.

Информация об авторах:

Филатов Егор Алексеевич, младший научный сотрудник, Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН (г. Новосибирск, Россия); filatovea@igm.nsc.ru

Глушкова Надежда Владимировна, кандидат технических наук, научный сотрудник, Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН (г. Новосибирск, Россия); hope@igm.nsc.ru

REFERENCES

Bazarov, D.-D.B., Konstantinov, M. V., Imetkhenov, A. B., Bazarova, L. D., Savinova, V. V. 1982. *Geologiya i kultura drevnikh poseleniy Zapadnogo Zabaykalia (Geology and culture of ancient settlements of Western Transbaikalia)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

Vasiliev, S. K., Parkhomchuk, E. V., Serednev, M. A., Milyutin, K. I., Kuzmin, Ya. V., Kalinkin, P. N., Rastigeev, S. A. 2018. In Derevianko, A. P. (ed. in cheif). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 24. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 42–46 (in Russian).

2006. *Gosudarstvennaya geologicheskaya karta Rossiyskoy Federatsii. Tretye pokoleniye. Geologicheskaya karta. Aldano-Zabaykalskaya seriya (The state geological map of the Russian Federation. The third generation. Geological map. Aldano-Transbaikalian series),* FSBI «VSEGEI», FGUGP Chitageolsyemka (in Russian).

Karasev, V. V. 2002. *Kaynozoy Zabaykalia (The Cenozoic of Transbaikalia).* Chita: “Chitageolsyemka” Publ. (in Russian).

Kirillov, I. I., Kasparov, A. K. 1990. In *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi. Tsentralnoi i Vostochnoi Azii i Ameriki (Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central and East Asia and America).* Novosibirsk: Institute of History, Institute of Thermophysics, 194–198 (in Russian).

Kirillov, I. I., Kirillov, O. I. 2011. In Geniatulin, R. F. (ed. in chief). *Malaya entsiklopediya Zabaykalia. Arkheologiya (Small encyclopedia of Transbaikalia. Archaeology).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. 280–282 (in Russian).

Konstantinov, A. V. 2001. *Drevnie zhilishcha Zabaikalia: (paleolit, mezolit) (Ancient dwellings of Transbaikalia: (Paleolithic, Mesolithic)).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Konstantinov, A. V., Kurbanov, R. N., Vikulova N.O., Filatov E.A., Markov N.A. 2020. In Makarov N. A., Derevianko A. P., Mochalov, O. D. (eds.). *Trudy VI (XXII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare* (*Proceedings of the 6th (22th) All-Russia Archaeological Congress in Samara*) I. Samara: Samara State Pedagogical University Publ., 46–47 (in Russian).

Konstantinov, M. V. 1994. *Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikalskoi Azii (The Stone Age of the Eastern region of Baikal Asia)*. Ulan-Ude; Chita: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Chita State Pedagogical Institute (in Russian).

Konstantinov, M. V. 2015. *Nauchnyy otchet: Issledovaniya Sukhotinskogo arkheologicheskogo kompleksa v Chitinskom rayone Zabaykalskogo kraya (Scientific report: Studies of the Sukhotino archaeological complex in the Chita region of the Transbaikalia).* Chita. Archive of the Paleoecology Laboratory of the Trans-Baikal State University (in Russian).

Konstantinov, M. V. 2021. *Nauchnyi otchet: Razvedochnyye raboty na territorii masterskoi kamennogo veka Sukhotino v Chitinskom rayone Zabaykalskogo kraya (Scientific report: Survey works on the territory of the Sukhotino Stone Age workshop in the Chita region of the Transbaikalia).* Chita. Archive of the Paleoecology Laboratory of the Trans-Baikal State University (in Russian).

Kulakov, S. A. 1993. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Petersburg Archaeological Bulletin)* 7, 3–13 (in Russian).

Larichev, V. E. 1961. *Otchet o raskopkakh na Titovskoy sopke v 1961 g. (Report on excavations at Titovskaya Sopka in 1961).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. no 2238 (in Russian).

Lisitsyn, N. F., Svezhentsev, Yu. S. 1997. In Sinitsyn, A. A., Praslov, N. D. (eds.). *Radiouglerodnaya khronologiya paleolita Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii: problemy i perspektivy (Radiocarbon chronology of the Palaeolithic of Eastern Europe and Northern Asia: issues and perspectives).* Series: Arkheologicheskie izyskaniia (Archaeological Surveys) 52. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 67–108 (in Russian).

Moroz, P. V., Slavinskiy, V. S., Vereshchagin, S. B., Yurgenson, G. A., Ryzhov, Yu. V., Kuzmin, Ya. V., Tsybankov, A. A. 2024. In *Pervobytnaya arkheologiya. Zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (Prehistoric Archaeology. Journal of Interdisciplinary Studies)* 1, 24–40 (in Russian).

Moroz, P. V. 2021. In Vasiliev, S. A. (ed.). *Verkhnii paleolit Evropy: vremia kulturnykh novatsii (The Upper Palaeolithic of Europe: The Time of Cultural Innovations).* Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 142–145 (in Russian).

Moroz, P. V., Kurganovich, K. A., Bosov, M. A., Yurgenson, G. A., Razgildeeva, I. I., Kochev, D. V. 2020. In *Vestnik Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta (Transbaikal State University Journal)* 9 (26), 13–23 (in Russian).

Okladnikov, A. P., Kirillov, I. I. 1980. *Iugo-Vostochnoe Zabaikale v epokhu kamnia i rannei bronzy (Southeastern Transbaikalia in the Stone and Early Bronze Ages).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Orlova, L. A. 1995. In Derevyanko, A. P., Kholyushkin, Yu. P. (eds.). *Metody estestvennykh nauk v arkheologicheskikh rekonstruktsiiakh (Methods of natural sciences in archaeological reconstructions).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 207–232 (in Russian).

Razgildeeva, I. I. 2018. *Planigraficheskiy analiz zhilishchno-khozyaystvennykh kompleksov verkhnego paleolita Zabaykalia (Planographic analysis of housing and economic complexes of the Upper Paleolithic of Transbaikalia).* Chita: Zabaikal State University (in Russian).

Razgildeeva, I. I. 2020. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 16 (4), 9–23 (in Russian).

Ryzhov, Yu. V., Moroz, P. V., Smirnov, M. V. 2021. In *Geomorfologiia (Geomorphology)* 3 (52), 125–136.

Sinitsa, S. M., Vasilenko, D. V., Myasnikov, A. V., Nezhivoi, M. N., Smirnova, A. A., Shafikov, T. A. 2001. In *Resursy Zabaikalia (Resources of Transbaikalia)* (1), 24–26 (in Russian).

Filatov, E. A. 2016. *Sukhotinskiy geoarkheologicheskiy kompleks: nauchnyy putevoditel po paleoliticheskim pamyatnikam Sukhotinskogo geoarkheologicheskogo kompleksa (Sukhotino Geoarchaeological complex: a scientific guide on the Paleolithic sites of the Sukhotino Geoarchaeological complex).* Chita: Zabaikal State University (in Russian).

Filatov, E. A., Vlasenko, D. E., Lyamina, V. A. 2025. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (3), 24–36 (in Russian).

Cherenshchikov, O. Yu. 1998. *Nizhnii kompleks mnogosloinogo poseleniia Sukhotino 4 i ego mesto v verkhnem paleolite Severnoi Azii (The lower complex of the multilayer settlement of Sukhotino 4 and its place in the Upper Paleolithic of Northern Asia).* Diss. of Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Buvit, I. 2008. *Geoarchaeological Investigations in the Southwestern Transbaikal Region, Russia* (Ph.D. thesis). Washington State University, Pullman, WA.

About the Authors:

Filatov Egor A., engineer, Sobolev Institute of Geology and mineralogy SB RAS, Koptyuga Avenue, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation, filatovea@igm.nsc.ru

Glushkova Nadezhda V., Candidate of Engineering sciences, researcher, Sobolev Institute of Geology and mineralogy SB RAS, Koptyuga Avenue, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation, hope@igm.nsc.ru

Статья поступила в журнал 04.04.2025 г.
Статья принята к публикации 05.12.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК [903.39+903.211.2]"631"(571.53/55) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.170.182

МОРФО-ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ЖИЛИЩА КУЛЬТУРНОГО ГОРИЗОНТА 3Б СТОЯНКИ КОВРИЖКА IV (БАЙКАЛО-ПАТОМСКОЕ НАГОРЬЕ, ПОЗДНИЙ ПАЛЕОЛИТ)[1]

©2026 г. А.В. Тетенькин

В статье представлена морфо-типологическая характеристика коллекции каменных артефактов из жилища 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV, Байкало-Патомское нагорье, р. Витим. Публикуемая коллекция является самой многочисленной из всех ассамбляжей культурных горизонтов стоянки, насчитывая более 55 тыс. единиц. Возраст комплекса – около 18,8 тыс. кал. л.н. Орудия представлены ножами, скребками, резцами, резчиками, скобелями, проколками-проверткими. В основном это слабо модифицированные ретушью отщепы с рабочим краем, скребковой ретушью, резцовыми сколами. Особенностью комплекса является сочетание технических контекстов производства микропластин, макропластин, грубопризматических мелких пластин, производства отщепов, фасиальной обработки изделий. Впервые на Коврижке IV и в ее лице на Витиме в конце Последнего ледникового максимума выявлены нуклеус в технике юбецу, контекст производства грубопризматических пластин, ряд оригинальных орудийных форм. Получен один из репрезентативных наборов каменных артефактов базовой, резидентной стоянки, характеризующий культуру ранней стадии позднего верхнего палеолита региона. Обозначены морфо-типологические параллели кросс-регионального характера и широкого хронологического охвата. В сумме технические контексты производства макропластин, мезопластин и микропластин совместно определяют аккумулятивный характер сохранения и трансляции технических традиций, восходящих к раннему, среднему этапам верхнего палеолита Восточной Сибири и традиции, утвердившейся в позднем верхнем палеолите.

Ключевые слова: археология, поздний верхний палеолит, Байкало-Патомское нагорье, Нижний Витим, Последний ледниковый максимум, макропластины, грубопризматические пластины, микропластинчатое производство, резидентная стоянка, жилище, традиция каменного производства.

MORPHO-TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF LITHIC TOOLS FROM THE DWELLING OF THE CULTURAL HORIZON 3Б AT THE KOVRIZHKA IV SITE (BAIKAL-PATOM UPLAND, LATE PALEOLITHIC)[2]

A.V. Tetenkin

The article presents the morpho-typological characteristics of a collection of lithic artefacts from the dwelling of the cultural horizon 3B at the Kovrizhka IV site, Baikal-Patom Upland, Vitim River. This collection, numbering over 55,000 items, is the largest among all cultural horizons of the site. The complex dates to approximately 18.8 ka cal. BP. The tools include knives, end- and side-scrapers, burins, carvers, and borer-awls, which are weakly modified flakes with working edges, scraper retouch, and burin chips. A distinctive feature of the assemblage is the combination of technical production contexts for microblades, macroblades, coarse-prismatic small blades, flakes production, and fascial processing of products. For the first time at Kovrizhka IV and thus for the Vitim region at the end of the Last Glacial Maximum, a Yubetsu-technique core, a context of coarse-prismatic blade production, and several original tool forms have been identified. One of the representative assemblage of lithic artefacts from resident site characterizing the culture of the late Upper Paleolithic culture in the region is obtained. Morpho-typological parallels of a cross-regional nature and a wide chronological coverage are designated. Together, the technical contexts of macroblade, mesoblade, and microblade

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00028, https://rscf.ru/project/24-28-00028/»

[2] The study was financially supported by the Russian Science Foundation, the grant № 24-28-00028, https://rscf.ru/project/24-28-00028/»

production reflect an accumulative pattern of preservation and transmission of technical traditions tracing back to the early and middle stages of the Upper Paleolithic in Eastern Siberia, as well as to traditions established in the Late Upper Paleolithic.

Keywords: archaeology, Late Upper Paleolithic, Baikal-Patom Upland, Lower Vitim, Last Glacial Maximum, macroblades, coarse-prismatic blades, microblade production, resident site, dwelling, lithic production tradition.

Поздний этап верхнего палеолита (ПВП) в Восточной Сибири крайне неравномерно обеспечен объектами и научными знаниями. Огромные пространства представлены немногочисленными репрезентативными стоянками, проливающими свет на развитие культуры, жизнедеятельность и миграции древних охотников. Одним из значимых ПВП памятников Северного Прибайкалья (районы севера верхней Лены, Северного Байкала, нижнего Витима и верхнего Витима) в последнее десятилетие стала Коврижка IV. Она находится в центральной части Байкало-Патомского нагорья (БПН), в нижнем течении р. Витим (НВ) (Бодайбинский район, Иркутская область) (рис. 1: 1). Из 16 уровней залегания культурных остатков на Коврижке IV 14 нижних относятся к поздней фазе последнего ледникового максимума (ПЛМ), датируются в интервале 19–18 тыс. кал. л. н. и в этом качестве являются древнейшими четко стратифицированными комплексами в бассейне р. Витим. Наиболее изучены 6, 3/2, 2Г и 2Б культурные горизонты, в которых открыты остатки очагов и жилищ (Тетенькин, 2017б; Тетенькин, Анри, Клементьев, 2017; Тетенькин и др., 2021, 2023). Их исследование позволило приступить к характеристике культурного комплекса раннего ПВП БПН и НВ в различных аспектах каменного производства, строительства жилищ, мобильности, знаково-символической деятельности, искусства, использования охры в обстановке тундро-степного перигляциального ландшафта (Анри и др., 2018). В последние годы проведены раскопки жилища в 3Б к. г., четвертого на Коврижке IV, давшего обширный археологический материал. Нуклеусы раскопок 2020–2023 гг. изучались с применением 3D-технологий и опубликованы ранее (Тетенькин, Марковский, 2025). Задача данной статьи – в морфо-типологическом представлении каменного инвентаря завершенных уже в 2024 г. раскопок жилищного комплекса. Этот ассамбляж оказался самым многочисленным среди всех комплексов нижних горизонтов Коврижки IV и в силу данного обстоятельства наиболее репрезентативным и ключевым в понимании облика каменной индустрии всего этапа.

Общие сведения

Коврижка IV расположена на правом берегу р. Витим, на 11-й цокольной террасе (рис. 1: 2). Культурный горизонт 3Б залегает на глубине 0,80–0,85 м в слойке темно-серого алевролита, перекрытый и подстилаемый светло-серыми песками пойменной фации аллювия. Раскопаны остатки жилища диаметром около 5 м в виде очага с камнями на нем и контурной выкладки, сохранившейся в виде полукольца. Культурные остатки концентрировались вокруг очага (рис. 1: 3). Возраст комплекса определяется радиоуглеродными датами по углю 15520 ± 150 л. н. (Poz-131812), 15590 ± 90 л. н. (Poz-131810), около 18,8 тыс. кал. л. н. За пределами этого жилища ранее раскопано пятно находок меньшей концентрации в 9–15 м к северо-востоку (Тетенькин, 2022). Эти материалы в данную статью не входят, и публикуется коллекция, полученная исключительно с площади жилища. Она в этом смысле может рассматриваться как закрытый комплекс.

Каменные артефакты (материалы)

В пределах жилища было найдено 55 697 экз. каменных артефактов. Из них 52 356 экз. – это чешуйки, большей частью полученные при промывке разобранного грунта (табл. 1).

В каменном производстве в жилище 3Б к. г. есть следующие продукты расщепления: 1) микропластины, снятые с клиновидных нуклеусов (647 экз. целых или фрагментов) (рис. 4: 1–3); 2) грубопризматические пластины средних размеров, т. е. длиной до 5 см, шириной до 2,5 см (84 экз. целых или фрагментов) (рис. 4: 4–12, 14, 15); 3) макропластины шириной до 4,5 см и длиной до 12 см (26 экз. целых или фрагментов) (рис. 2: 8, 9); 4) отщепы, как снятые с нуклеусов, так и полученные в результате фасиальной обработки изделий (табл. 1). При этом нуклеусы для макропластин и грубопризматических средних пластин отсутствуют, что указывает на принос этих

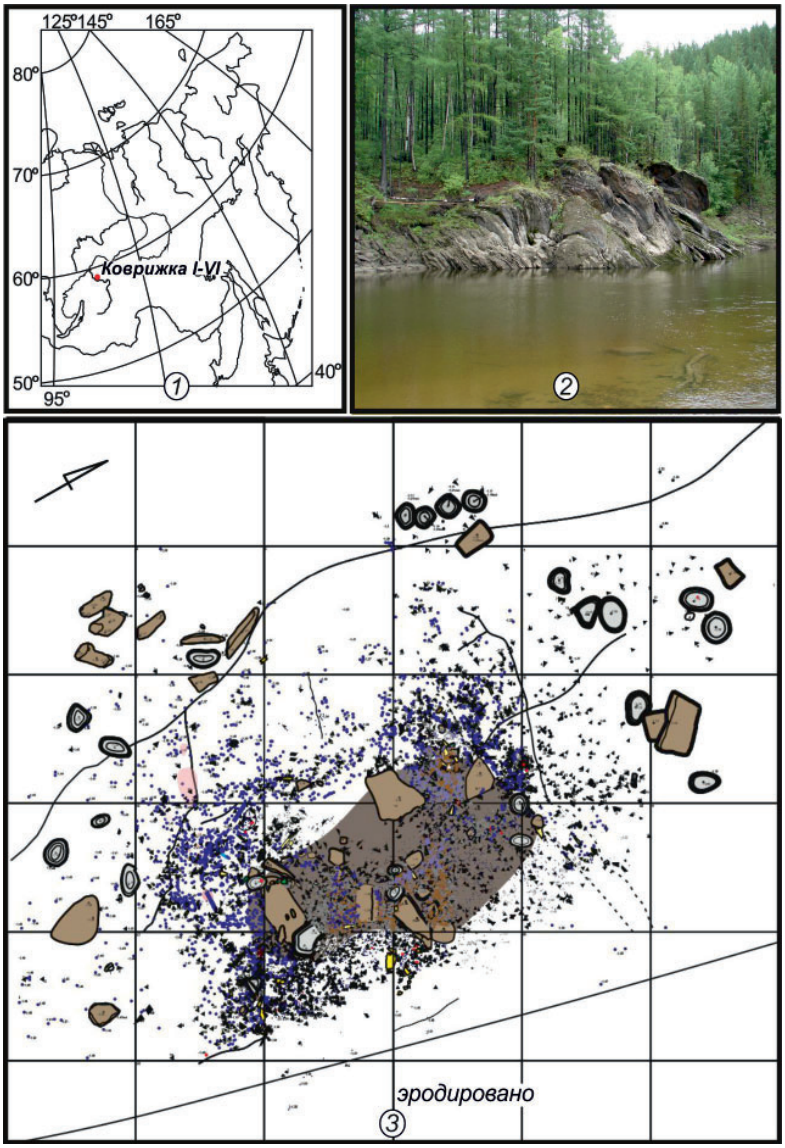


Рис. 1. Стоянка Коврижка IV: 1 – карта Восточной Сибири с расположением стоянок Коврижка I-VI; 2 – вид с юго-востока на стоянку Коврижка IV; 3 – план-схема жилища 3Б культурного горизонта.
Fig. 1. Kovrizhka IV site: 1 – map of Eastern Siberia with the location of the Kovrizhka I-VI sites; 2 – view from the southeast on the Kovrizhka IV site; 3 – sketch-map of the dwelling of the cultural level 3Б.

изделий в готовом виде. Есть два целых (рис. 7: 4) и один обломок нуклеуса для отщепов. Первичные снятия практически единичны (35 экз.). На этом фоне выразительно представлен цикл микропластинчатого производства.

В жилище у очага найдено восемь целых микронуклеусов в различной степени сработанности и один обломок (рис. 6: 1–4, 6, 8; 7: 1, 3). Есть также четыре преформы (рис. 7: 2), десять реберчатых сколов, два фронтальных скола, пять сколов подживления ударной площадки, пять лыжевидных сколов (рис. 2: 5; 6: 5, 7). Нуклеусы изготовлены из бифаса (4 ед.) (рис. 6: 1, 3; 7: 1, 3), из скола (3 ед.) (рис. 6: 2, 4, 6), из расслоенной гальки (1 ед.) (рис. 6: 8). Абсолютное большинство нуклеусов имеют ударную площадку, оформленную короткими сколами с латерали и фронта, что в целом типично для нуклеусов 6–2Б к. г., обозначенных как нуклеусы коврижкинской техники подготовки (Тетенькин, 2017а). Один нуклеус из бифаса изготовлен в технике юбецу (рис. 6: 3). Кроме него, есть еще пять лыжевидных сколов, и два из них несут на проксимальном конце фрагмент фронта микронуклеуса (рис. 6: 5, 7). Один из нуклеусов из бифасиальной преформы имеет вогнутый с ретушно оформленными шиповидными концами узкий край. Нуклеусы из сколов отличает разнообразная ориентация ударной площадки и фронта на

Таблица 1. Категории изделий (по морфологическим основаниям, без учета данных трасологии)
Table 1. The item categories (based on morphological grounds, excluding traceology data)

Микронуклеусы + Преформы (в т.ч. бифасы)	12 (8+4)
Отщеповые галечн. Нуклеусы (целые и обломки)	3
Скребла	2
Скребки	10
Отщепы с вогнутым ретушированным краем	3
Ножи	18
Резцы	8
Резчики	2
Отщепы с локальной краевой ретушью	5
Проколки-провертки	4
Обушковые отщепы с ретушированным краем	3
Реберчатые сколы	10
Фронтальные сколы с нуклеуса	2
Сколы подживления ударной площадки	5
Лыжевидные сколы	5
Микропластины (целые и фрагменты)	647
Грубопризматические пластины (целые и фр-ты)	84
Макропластины (целые и фрагменты)	26
Отщепы и сколы	2490
Всего	3339
Чешуйки**	52358
Всего	55697

преформе. В одном случае ударная площадка представляет собой транкирование скола по диагонали от края проксимального конца (рис. 6: 4). Во втором случае, напротив, макропластинчатый скол был поперечно обломан, и отжим микропластин начат по обломанному концу, т. е. поперек продольной оси скола-преформы, ударная площадка организована на маргинале скола (рис. 6: 2). Судя по видимым негативам рабочей утилизации на дистальном кончике нуклеуса, после залома на фронте изделие использовалось как резчик-скобель. В третьем случае ударная площадка организована на проксимальном конце пластины, прежде использовавшейся в роли ножа (рис. 3: 7). Пластина найдена воткнутой в угли, что дает возможность предположить прием теплового нагрева в дальнейшей ее обработке. Надо полагать, что должно было последовать усечение дистального конца в подготовке преформы под микронуклеус.

Грубопризматические пластинки и их фрагменты имеют ширину до 2,5 см и длину до 5 см (рис. 4: 4–12, 14, 15). Какая-то часть из них после трасологического обследования будет определена как орудия. Две пластины обращены в резец (рис. 4: 14, 15). Нуклеусов их производства не найдено.

Макропластины найдены также без сопутствующего набора артефактов цикла производства, в т. ч. нуклеусов. Здесь уверенно можно полагать, что эти большие пластины принесены. В двух случаях мы видим огранку дорсального фаса встречно-полюсными снятиями (рис. 2: 8, 9). Основные грани образованы снятиями пластин с нуклеуса с той же площадки, что была у конечной пластины. Встречно-полюсные снятия мельче, и они имеют технический характер подправления фронта нуклеуса.

Вторичная обработка изделий представляет собой подтеску концов, оформление и подживление лезвий. Судя по 52 356 ед. чешуек в коллекции (значительная часть из них имеет прямое отношение), отделка лезвий велась активно. При этом орудий, имеющих модифицированную ретушью форму, немного: это нож из макропластины с обработанным концом (рис. 2: 9), скребки (рис. 3: 1, 2, 5). В двух скреблах можно видеть, что отделкой были сформированы слабовыпуклые дугообразные края (рис. 5: 1, 2). В случае с двойным боковым скребком ретушью образованы два синусоидных края (рис. 3: 5). И есть три артефакта из сколов с вогнутым рабочим краем, образованным скребковой ретушью. Восемь артефактов несут резцовые сколы – угловые и трансверсальные. В остальных случаях вторичная обработка представляет собой мелкую краевую ретушь, в различной степени регулярную/нерегулярную, часто связанную с амортизационной мелкой ретушью.

Наиболее многочисленную группу орудий составили ножи – 18 экз. К ним отнесены артефакты с тонким относительно прямым краем с амортизационной микроретушью по кромке (рис. 2: 1–9; 3: 6–7). Надо полагать, что трасологическое обследование увеличит эту группу. Три ножа – двухлезвийные (рис. 2: 7, 9; 3: 7). Это три макропластины длиной до 12 см. У одной из них дистальный конец подтесан по вентральному фасу (рис. 2: 9). Еще одно двугранное, первичное макропластинчатое снятие со следами работы по обоим

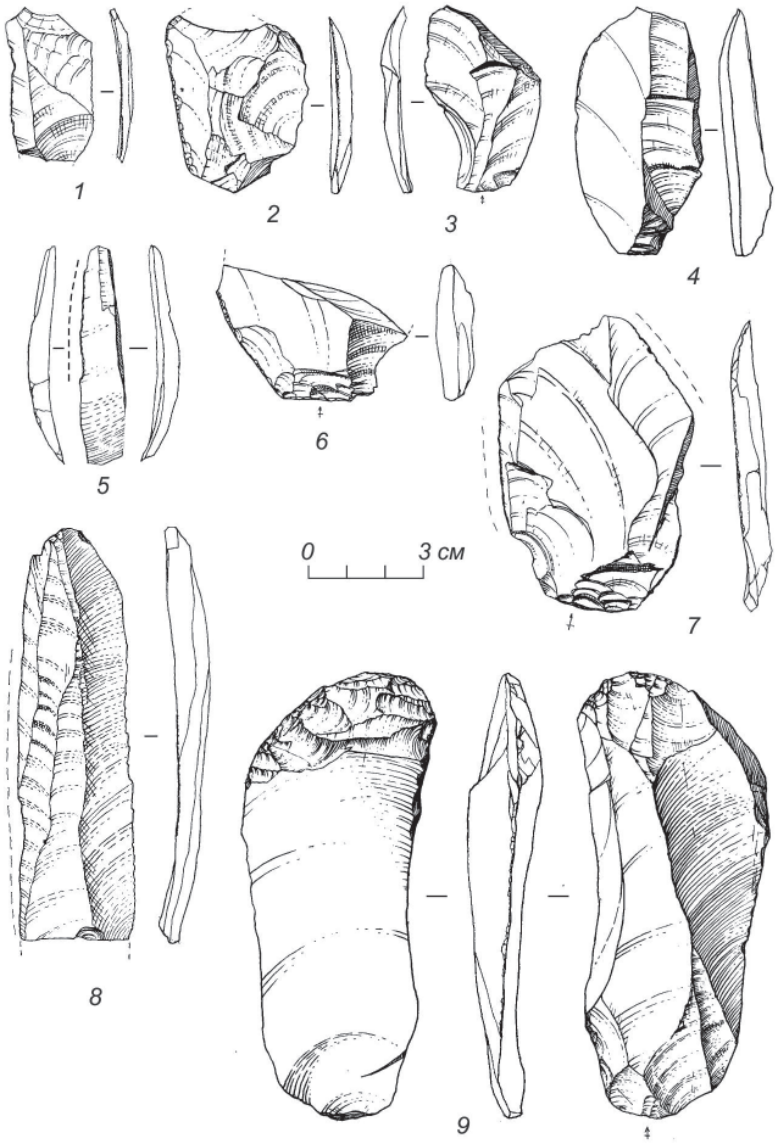


Рис. 2. Каменные изделия 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV:
1-9 – ножи; 5 – нож из лыжевидного скола.
Fig. 2. Stone items from the Kovrizhka IV site, cultural level 3Б:
1-9 – knives; 5 – knife made of ski-like spall.

краям на проксимальном конце имеет подготовленную ударную площадку для клиновидного нуклеуса (рис. 3: 7). Один из лыжевидных сколов также несет амортизационные следы на тонком длинном крае и определен как нож (рис. 2: 5).

Следующую большую группу образуют скребки – 10 экз. (рис. 3: 1–5). Общим для отнесения к скребкам признаком является крутая ретушь по краю. Два орудия имеют грибовидную форму широкой выпуклой скребковой головки и сужающегося к проксимальному концу тела скребка (рис. 3: 1, 2). В этом можно предполагать соединение с рукояткой. Тем более что у одного скребка от рабочего края имеются негативы заломов по вентральному фасу, указывающие на кинематику рабочих действий от себя (рис. 3: 2). Формально к скребкам отнесено орудие из пластинчатого снятия с двумя продольными выпукло-вогнутыми (синусоидными) краями, покрытыми регулярной ретушью по дорсальному фасу (рис. 3: 5). Ретушь одного из лезвий заходит на проксимальный конец. Ударный бугорок сбит. Все орудие сильно залощено. Один скребок имеет узкое лезвие на дистальном конце макропластины (рис. 3: 4). Еще один скребок, боковой, сделан из макропластинчатого обушкового обломка, его ретушь нанесена по длинному краю и заходит частично на дистальный конец (рис. 3: 3). В остальных пяти случаях скребковое лезвие нанесено на

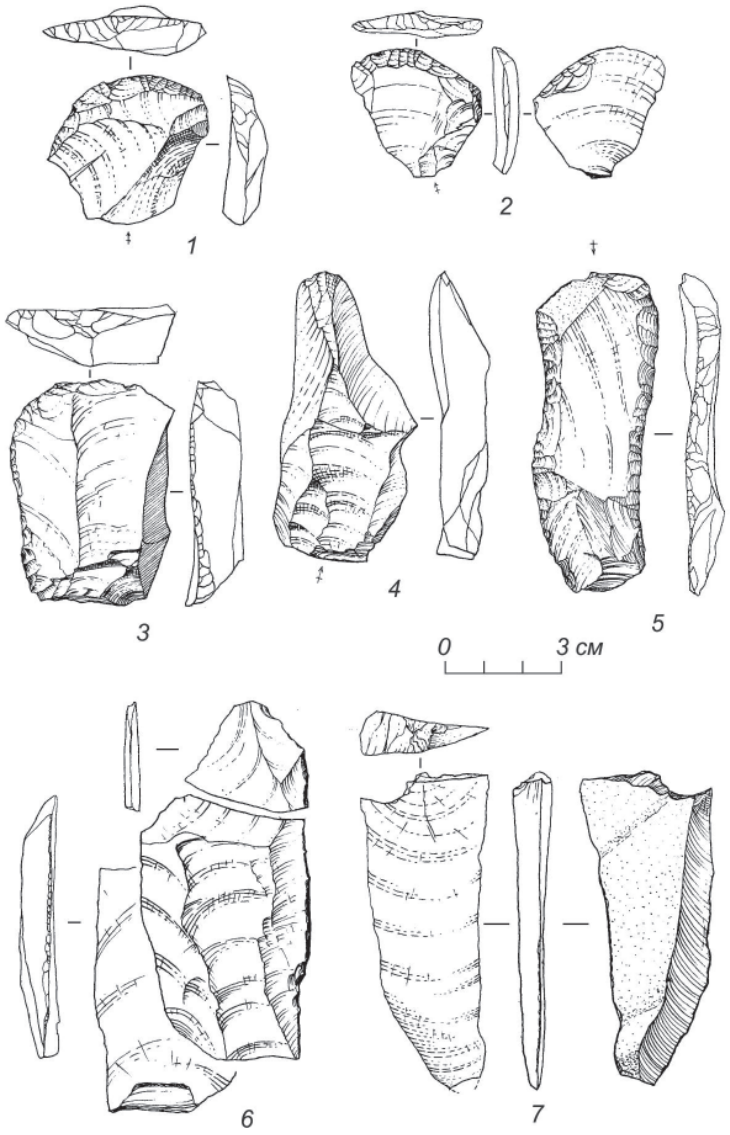


Рис. 3. Каменные изделия 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV:
1-5 – скребки; 6-7 – ножи (7 – на пластине оформлена ударная площадка для микронуклеуса).
Fig. 3. Stone items from the Kovrizhka IV site, cultural level 3Б:
1-5 – scrapers; 6-7 – knives (7 – a striking platform for the microcore preparation performed at the blade).

участок края – продольного, поперечного или на углу, и ввиду случайной формы эти скребки производят впечатление скоротечных орудий.

Еще три предмета со скребковой ретушью имеют вогнутый рабочий край.

Резцы составляют третью по численности группу – 8 экз. (рис. 4: 13–16, 19–21). К ней отнесены предметы с формально резцовым негативом. Один резец срединный, из грубопризматической пластины (рис. 4: 15), его резцовые сколы расходятся к обоим краям от рабочего угла. В трех случаях резцовые сколы диагональные, но прилегающий край так завален к срединной оси предмета, что резцы выглядят как односторонне-срединные (рис. 4: 16, 20, 21). Один резец несет негатив диагонального-трансверсального скола, прилегающий к рабочему углу край имеет мелкую краевую ретушь (рис. 4: 16). В двух случаях наблюдается резцовый негатив на углу со сломом отщепа (рис. 4: 13). Один резец имеет подтреугольную остроконечную форму обломка скола с резцовым сколом с острого угольного края (рис. 4: 19). Один угловой резец – из призматической пластины (рис. 4: 14). На углу массивного дистального конца пластины имеются следы работы резчиком, в т. ч. микронегатив. Это давление на артефакт привело к поперечному слому дистального конца. С образованной плоскости облома на

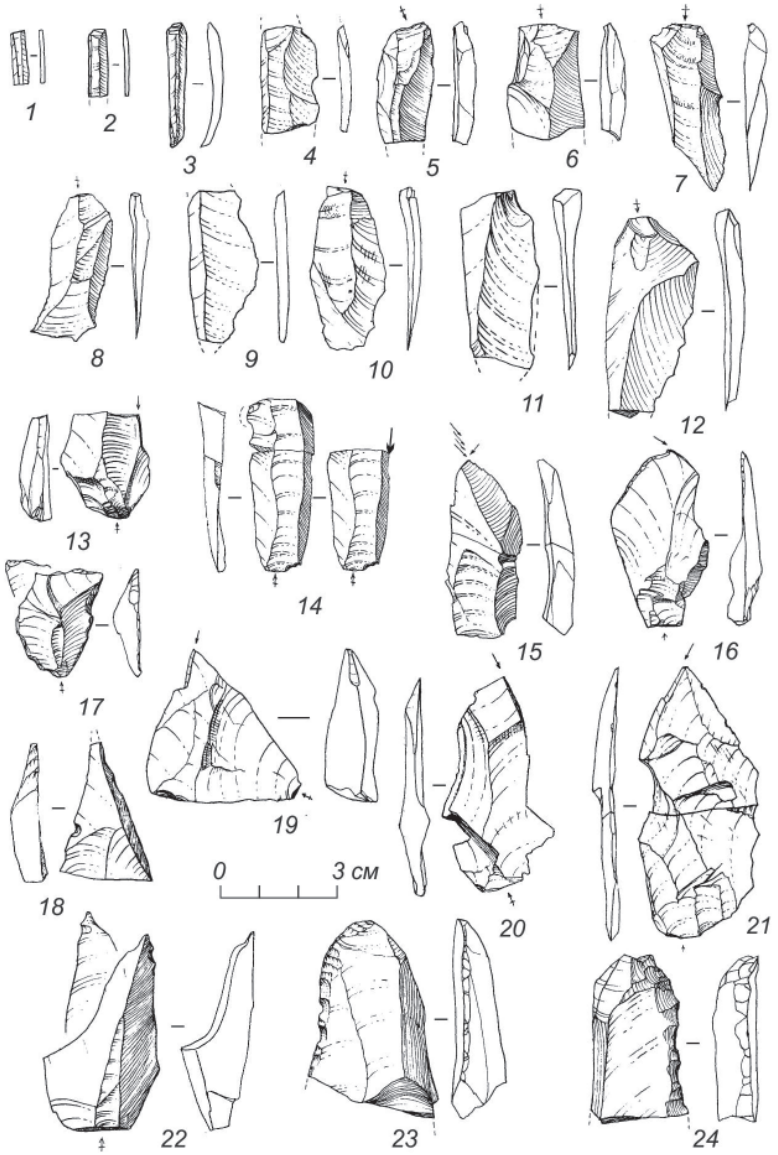


Рис. 4. Каменные изделия 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV:
1-3 – микропластины; 4-12 – грубопризматические пластины; 13-16, 19-21 – резцы; 17-18, 22 – проколки-провертки; 23, 24 – обушковые орудия с ретушированным продольным краем.
Fig. 4. Stone items from the Kovrizhka IV site, cultural level 3Б:
1-3 – microblades; 4-12 – coarse-prismatic blades; 13-16, 19-21 – burins; 17-18, 22 – borer-awls; 23, 24 – butted tools with retouched longitudinal edge.

угол пластины нанесен резцовый скол, и его угол имеет амортизационные следы. Таким образом, это дважды использовавшаяся в роли резца/резчика пластинка.

К резчикам отнесены два отщепа с остроугольно выступающими краями с видимыми следами работы на кончике.

Пять артефактов выделены в группу предметов с локальной краевой мелкой ретушью.

Четыре артефакта определены как проколки либо провертки по признаку шиповидного выступа с рабочей краевой ретушью на прилегающих к выступу краях (рис. 4: 17, 18, 22).

Три артефакта из отщепов имеют обушковую форму и ретушью обработанное неровное лезвие на тонком краю (рис. 4: 23, 24).

Два тщательно отделанных орудия формально отнесены к скреблам (рис. 5: 1, 2). Они подобны друг другу, изготовлены из крупных сколов. Оба двухлезвийные. В обоих орудиях одно лезвие оформлено регулярной мелкой краевой ретушью по выпуклому краю от самого рудимента ударной площадки. Второе лезвие оформлено по антитезе, т. е. по второму фасу. У одного орудия оно трансверсальное и прилегает конвергентно к перво-

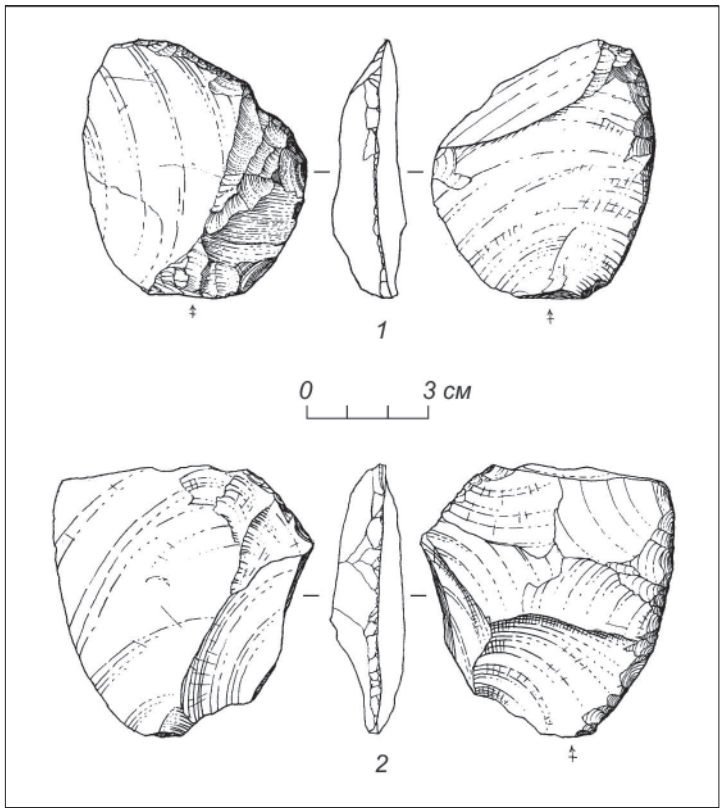


Рис. 5. Каменные изделия 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV: 1-2 – двухлезвийные скребла.
Fig. 5. Stone artifacts from the Kovrizhka IV site, cultural level 3Б: 1-2 – double working edge side-scrapers.

му лезвию, в этом качестве орудие похоже на скребло-dejete (рис. 5: 1). У другого орудия второе лезвие короткое, оно на противолежащем краю, не стыкуется с первым лезвием (рис. 5: 2).

Обсуждение

Каменный ассамбляж 3Б к. г. оказался самым многочисленным среди всех раскопанных комплексов 6, 3Б, 3/2, 2Г и 2Б к. г. Коврижки IV. Вероятнее всего, это объясняется весенним сезоном стоянки, когда дефицита галечного сырья, скрытого под снежным покровом, уже не было. А.М. Клементьевым (ИЗК СО РАН) сделано по фрагменту челюсти снежного барана, по характеру выроста зубов весеннее сезонное определение. Вероятно, избытком основного вида сырья (аргиллита) объясняется полное отсутствие артефактов из кварца. Обильный характер каменного ассамбляжа вылился в самую репрезентативную коллекцию. Здесь впервые для нижних горизонтов Коврижки IV обнаружен клиновидный нуклеус в технике юбецу (рис. 6: 3). Получены самые выразительные группы резцов, ножей, лыжевидных сколов, мезо- и макропластин. Однако обращает на себя внимание полное отсутствие долотовидных орудий типа *pièce esquillée*. Они есть в 6, 3/1, 2Г и 2Б к. г., но также отсутствуют в 3/2 к. г.

Самая многочисленная группа орудий – ножи. Они характерны для всех нижних комплексов (6–2Б к. г.) Коврижки IV. Вторая по численности группа скребков также типична. Морфологически выраженные скребки из отщепов подобны скребкам из 6, 2Г к. г. Выразительный двухлезвийный скребок из пластины оригинален (рис. 3: 5). Концевой скребок на дистальном конце макропластины также встречен на Коврижке IV впервые (рис. 3: 4). Резцы не демонстрируют какую-то одну устойчивую преформу. Даже тот резец, что определен формально как трансверсальный (рис. 4: 16), далек от тех стандартизированных трансверсальных резцов, что есть в конце МИС 2 на нижнем Витиме на Большом Якоре I, на верхнем Витиме на Усть-Каренге I–XVI, на Северном Байкале на Курле (Инешин, Тетенькин, 2010; Ветров, 1995; Шмыгун, Ендрихинский, 1978; Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина, 2019). И по нашим данным, устойчивая форма трансверсального резца появляется именно позднее 19–18 тыс. л. н., в конце МИС 2, 15–12 тыс. л. н. Два орудия, формально определенные как скребла (рис. 5: 1, 2), аналогов в предыдущих комплексах Коврижки IV не имеют.

Продолжая сравнение с имеющимися уже коллекциями 6–2Б к. г., следует учесть в 3Б

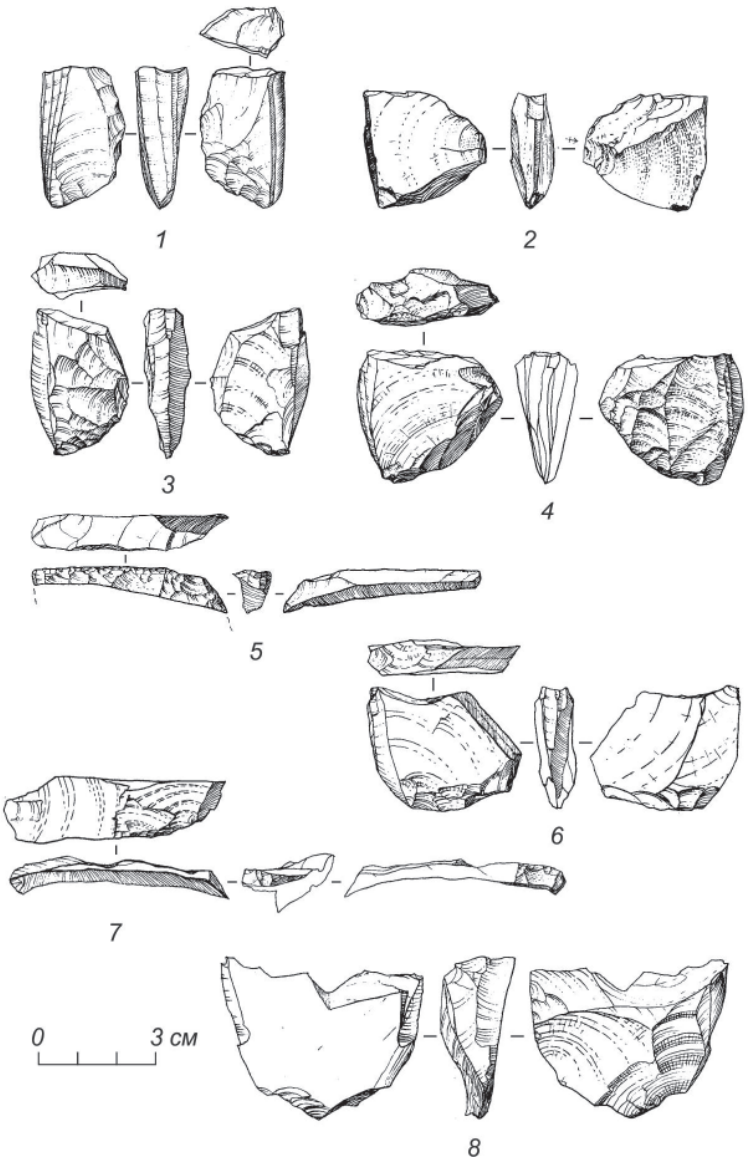


Рис. 6. Каменные изделия 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV: 1-4, 6, 8 – клиновидные микронуклеусы; 5, 7 – лыжевидные сколы с фрагментами фронта микронуклеуса на проксимальном конце.
Fig. 6. Stone artifacts from the Kovrizhka IV site, cultural level 3Б: 1-4, 6, 8 – wedge-shaped microcores; 5, 7 – ski-like spalls with fragments of the microcore front at the proximal end.

к. г. такие повторяющиеся признаки, как унифасильное изделие с регулярной ретушью по продольному краю (рис. 3: 5) и подтеска узкого конца изделия по вентральному фасу (рис. 2: 9).

Бифасы, выступающие как ключевой признак для дюктайской культуры Якутии, в 3Б к. г. Коврижки IV служат в роли преформ для нуклеусов (Мочанов, 1977). Бифасов-орудий, тем более со скошенной пяткой, характерных для более поздних ПВП культурных горизонтов Большого Якоря I, здесь нет (Инешин, Тетенькин, 2010).

В жилище 3Б к. г. интенсивно, судя по рекордной коллекции более 55 тыс. экз., велось расщепление камня, оно представлено фасиальной отделкой изделий, их лезвий, производством отщепов и сколов, производством микропластин. Часть нуклеусов была принесена на стоянку, однако и в самом жилище обитатели занимались производством клиновидных нуклеусов, причем разнообразно: и в коврижкинской технике, и в технике юбецу. Сумма способов организации скола в нуклеус, встреченных здесь, уникальна как для Коврижки IV, так и для Северного Прибайкалья в целом. Нуклеус, сделанный из рассло-

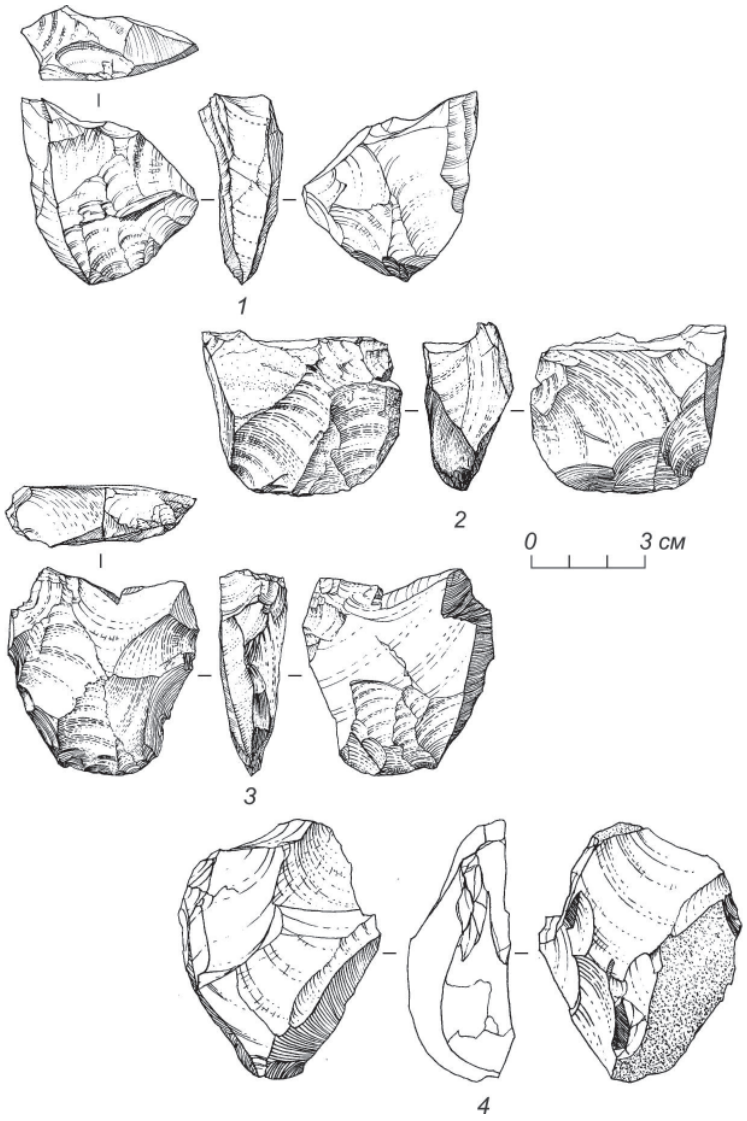


Рис. 7. Каменные изделия 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV:
1, 3 – клиновидные микронуклеусы; 2 – бифасиальная заготовка клиновидного нуклеуса; 4 – галечный отщеповый нуклеус.
Fig. 7. Stone artifacts from the Kovrizhka IV site, cultural level 3Б:
1, 3 – wedge-shaped microcores; 2 – bifacial preform of the wedge-shaped core; 4 – pebble flake core.

енной гальки (рис. 6: 8), находит параллель в 2Б к. г., где найдена унифасиально обработанная преформа (Тетенькин, 2017б, рис. 6: 2). Один из нуклеусов из бифасиальной преформы имеет вогнутый с ретушно оформленными шиповидными концами узкий край (рис. 7: 3). Он находит аналог в 3 к. г. Коврижки III, 13,2 тыс. л. н. (Тетенькин, 2016, рис. 3: 2). На Коврижке IV эта форма найдена впервые. Разнообразие приемов подготовки микронуклеуса, включая коврижкинскую технику и юбецу, можно оценить как уверенное владение технологией производства нуклеусов для микропластин. На фоне идеи о заимствовании технологии отжима микропластин и трансляции в Сибирь, на Дальний Восток и Аляску (Flenniken, 1987; Gómez Coutouly, Holmes, 2018), полученные на Коврижке IV, и в 3Б к. г. в частности, материалы свидетельствуют об успешном овладении технологией и адаптивном ответе в виде ситуативного приспособления ее к текущим условиям деятельности (Тетенькин, Марковский, 2025). На контрасте с архаичными микронуклеусами (низкие горизонтально вытянутые формы с коротким, менее 1,5 см в высоту фронтом на торце ребер-

чатой основы) более ранней стоянки Мамакан VI, 25–22 тыс. кал. л. н., эта техника клиновидного нуклеуса проявляет себя как существенно более технологичная в смысле стандартизации преформы и богатого арсенала приемов подготовки (Тетенькин, 2014, 2017а).

Массовое расщепление, обилие сколов различной морфологии, в конечном счете обилие каменного ресурса определило экспидиентный характер орудийной деятельности (“expedient tools” в англоязычной литературе, например: Prentiss, Kuijt, 2004), когда преобладают орудия быстрого изготовления и кратковременного использования при доступном сырье. Доля тщательно выделанных орудий морфологически или типологически устойчивых форм невелика. Почти все они найдены приложенными к очажным камням (рис. 2: 8; 3: 1, 2, 5; 5: 1, 2). Ножи, скребки, резцы, резчики, проколки, скобели характеризуют, надо полагать, полный набор домашних видов деятельности, осуществленных в этом жилище, в данной деятельностной ситуации. Орудийное использование неудавшегося микронуклеуса (рис. 6: 2), лыжевидного скола (рис. 2: 5) и, напротив, изготовление из пластины-ножа микронуклеуса (рис. 3: 7) как тип поведения можно определить как «оппортунистический прагматизм», т. е. рациональное поведение, использующее в своих интересах любые возникающие возможности.

Макропластины и ранее встречались в нижних горизонтах Коврижки IV. Например, в 3/2 к. г. есть принесенная макропластина без следов работы (Тетенькин и др., 2024, рис. 4: 18). Здесь же в 3Б к. г. найденные макропластины со всей очевидностью указывают на существующую традицию их производства. Она прослеживается в синхронных и в более поздних палеолитических комплексах конца МИС 2 здесь, на Витиме (Коврижка III) (Тетенькин, 2016, рис. 14: 4), на Енисее в пластинах кокоревской традиции (Абрамова, 1979), в Юго-Западном Прибайкалье (Сосновый Бор, Усть-Белая) (Медведев и др., 2001, рис. 43: 3, 50: 17), в Южном Забайкалье (Студеное 2, Усть-Менза I, II) (Разгильдеева, 2018, рис. 5.14: 3, 5.25: 8; Мороз, 2014, рис. 9: 1, 16: 3). Становление этой традиции относится к начальной стадии верхнего палеолита (Рыбин, Хаценович, 2023), в наиболее близком для Коврижки IV проявлении – к толбагинской культуре (Константинов, 1994).

Пластины средних размеров, грубопризматические, впервые на Коврижке IV встречены в ощутимом объеме и ранее как технический фактор или производственный контекст не учитывались. В сумме технические контексты производства макропластин, мезопластин и микропластин совместно определяют аккумулятивный характер сохранения и трансляции технических традиций, восходящих к раннему, среднему этапам верхнего палеолита Восточной Сибири и традиции, утвердившейся в позднем верхнем палеолите.

Главное значение ассамбляжа 3Б к. г. Коврижки IV состоит в том, что он, как один из наиболее полных наборов артефактов резидентной стоянки, представляет культуру каменного производства в позднем верхнем палеолите Байкало-Патомского нагорья и нижнего Витима, демонстрируя корреляционные связи в широком территориальном и хронологическом контекстах.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 200 с.

Анри А., Безрукова Е.В., Тетенькин А.В., Кузьмин М.И. Новые данные к реконструкции растительности и климата в Байкало-Патомском нагорье (Восточная Сибирь) в максимум последнего оледенения – раннем голоцене // Доклады Академии Наук. 2018. Т. 478. № 5. С. 584–587.

Ветров В.М. Резцы и нуклеусы усть-каренгской археологической культуры // Байкальская Сибирь в древности / Отв. ред. В.М. Ветров. Иркутск: ИркГУ, 1995. С.30–45.

Инешин Е.М., Тетенькин А.В. Человек и природная среда севера Байкальской Сибири в позднем плейстоцене. Местонахождение Большой Якорь I. Новосибирск: Наука, 2010. 270 с.

Каменный век Южного Приангарья. Т. 2 / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2001. 242 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ Чита: ИОН БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.

Молчанов Г.Н., Молчанов Д.Н., Липнина Е.А. Техноморфологический анализ каменной и костяной индустрии из культуросодержащего горизонта 2 многослойного местонахождения Курла I на Северном

Байкале // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этноархеология. Антропология. 2019. Т. 28. С. 3–37.

Мороз П.В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2014. 182 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. Чита: ЗабГУ, 2018. 208 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М. Начальный верхний палеолит Южной Сибири и Центральной Азии: концепции, хронология и пути распространения // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 4. С. 1039–1071.

Тетенькин А.В. Геоархеологическое местонахождение эпохи позднего палеолита Мамакан VI на Витиме // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 4(12). С. 9–26.

Тетенькин А.В. Технологический контекст производства и расщепления микропластинчатых нуклеусов по материалам культурных горизонтов 2Б и 6 стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017а. Т. 21. С. 107–135.

Тетенькин А.В. Каменный инвентарь 2Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV на Витиме // Известия лаборатории древних технологий. 2017б. Т. 13. №4. С. 9–26.

Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья. Дис. …д-ра ист. наук. Иркутск, 2022. 1052 с.

Тетенькин А.В., Демонтерова Е.И., Поплевко Г.Н., Разгильдеева И.И., Сальная Н.В., Анри О. Позднепалеолитический комплекс культурного горизонта 2Г стоянки Коврижка IV на р. Витим (Байкало-Патомское нагорье) // Stratum Plus. 2021. №1. С. 259–300.

Тетенькин А.В., Анри А., Говри Ру Э., Демонтерова Е.И., Разгильдеева И.И. Вновь открытый комплекс остатков жилища позднего верхнего палеолита на севере Прибайкалья: исследования культурного горизонта 3/2 стоянки Коврижка IV на реке Витим // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52. №1. С. 47–57.

Тетенькин А.В., Макровский Г.И. Технико-типологическая характеристика микронуклеусов 3Б культурного горизонта стоянки Коврижка IV (Витим, Байкало-Патомское нагорье) с применением морфометрии на основе 3D-моделирования // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 3. С. 20–33.

Шмыгун П.Е., Ендрихинский А.С. Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале: (предварит. сообщ.) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 4 / Отв. ред. М. П. Аксенов. Иркутск: Иркут. ун-т, 1978. С. 56–69.

Gómez Coutouly Y.A., Holmes C.E. The microblade industry from Swan Point cultural zone 4b: technological and cultural implications from the earliest human occupation in Alaska // American Antiquity. 2018. No.83 (4). P. 735–752.

Flenniken J.J. The Paleolithic Dyuktai Pressure Blade Technique of Siberia // Arctic Anthropology. 1987. Vol. 24, No. 2. P. 117–132.

Prentiss W.C., Kuijt I. The evolution of collectors on the Canadian Plateau // Prentiss W.C., Kuijt I. (Editors). Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America. Salt Lake City: University of Utah Press, 2004. P. 49–63.

Информация об авторе:

Тетенькин Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Иркутский национальный исследовательский технический университет (г. Иркутск, Россия); altet@list.ru

REFERENCES

Abramova, Z. A. 1979. *Paleolit Eniseia: Kokorevskaia kul'tura (Paleolithic of Yenisei: Kokorevo culture)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian)

Henry, A., Bezrukova, E. V., Tetenkin, A. V., Kuz’min, M. I. 2018. *Doklady Akademii Nauk (Doklady Akademii Nauk*) V. 478, no 5, 584–587 (in Russian).

Vetrov, V. M. 1995. In Vetrov, V. M. (ed.). *Baikal'skaia Sibir' v drevnost (Baikal Siberia in ancient times)*. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University, 30–45 (in Russian)

Ineshin, E. M., Tetenkin, A. V. 2010. *Chelovek i prirodnaya sreda severa Baikal'skoi Sibiri v pozdnem pleistotsene. Mestonakhozhdenie Bol'shoi Yakor' I (Human and environment in the North of Baikalian Siberia during the Late Pleistocene. Archeological site Bol'shoi Y'akor' I).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Medvedev, G. I. (ed.). 2001. *Kamennyi vek Iuzhnogo Priangar'ia. (Stone Age of Southern Angara region)* Vol. 2. Irkutsk: Irkutsk State University (in Russian)

Konstantinov, M. V. 1994. *Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikal'skoi Azii (Stone Age of the eastern part of Baikal Asia).* Chita: Chita State Pedagogical Institute (in Russian)

Molchanov, G. N., Molchanov, D. N., Lipnina, E. A. 2019. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 28, 3–37 (in Russian).

Moroz, P. V. 2014. *Kamennye industrii rubezha pleistotsena i golotsena Zapadnogo Zabaikal'ia (Lithic industries at the turn of Pleistocene-Holocene in Western Trans-Baikalia).* Chita: Trans-Baikal State University (in Russian)

Mochanov, Yu. A. 1977. *Drevneishie etapy zaseleniia chelovekom Severo-Vostochnoi Azii (The earliest stages of the Northeast Asia settlement by people)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian)

Razgildeeva, I. I. 2018. *Planigraficheskii analiz zhilishhno-khoziajstvennykh kompleksov verkhnego paleolita Zabajkal'ia (Planographic analysis of dwelling and economic complexes of the Trans-Baikalia Upper Paleolithic).* Chita: Trans-Baikal State University (in Russian)

Rybin, E. P., Khatsenovich, A. M. 2023. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. (Vestnik of Saint Petersburg University. History. Series)* 68 (4), 1039–1071 (in Russian).

Tetenkin, A. V. 2014. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy (Review of the Laboratory of ancient technologies)* 12 (4), 9–26 (in Russian).

Tetenkin, A. V., 2017a. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 21, 107–135 (in Russian).

Tetenkin, A. V. 2017б. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy (Review of the Laboratory of ancient technologies)* 13 (4), 9–26 (in Russian).

Tetenkin, A. V. 2022. *Srednii verkhnii paleolit – mezolit Severnogo Pribaikalia (Middle Upper Paleolithic – Mesolithic of the Northern Baikal region).* Thesis of Diss. of Doctor of Historical Sciences. Irkutsk (in Russian).

Tetenkin, A. V., Demonterova, E. I., Poplevko, G. N., Razgildeeva, I. I., Salnaia, N. V., Henry A., 2020. In *Stratum Plus* (1), 259–300 (in Russian)

Tetenkin, A. V., Henry, A., Gauvrit Roux, E., Demonterova, E. I., Razgildeeva, I. I. 2024. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 52 (1), 47–57 (in Russian).

Tetenkin, A. V., Makrovsky, G. I. 2025. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 24 (3), 20–33 (in Russian).

Shmygun, P. E., Endrikhinsky, A. S. 1978. In Aksenov, M. P. (ed.). *Drevniaia istoriia narodov iuga Vostochnoi Sibiri (Ancient history of the peoples of the South of Eastern Siberia)* 4. Irkutsk: Irkutsk University Publ., 56–69 (in Russian).

Gómez Coutouly, Y. A., Holmes, C. E. 2018. In *American Antiquity* 83 (4), 735–752.

Flenniken, J. J. 1987. In *Arctic Anthropology* vol. 24, no. 2, 117–132.

Prentiss, W. C., Kuijt, I. 2004. In Prentiss, W.C., Kuijt, I. (eds.) *Complex Hunter-Gatherers. Evolution and Organization of Prehistoric Communities on the Plateau of Northwestern North America*. Salt Lake City: University of Utah Publ., 49–63.

About the Author:

Tetenkin Aleksey V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Irkutsk National Research Technical University. Lermontov str., 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation, altet@list.ru

Статья поступила в журнал 17.03.2025 г.
Статья принята к публикации 28.04.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.183.196

ОСОБЕННОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ СОК В МЕЗОЛИТЕ-ЭНЕОЛИТЕ[1]

©2026 г. А.В. Сомов

Статья посвящена изучению особенностей заселения среднего течения реки Сок (Самарская область, Россия) в период мезолита, неолита и энеолита. Несмотря на многолетние исследования археологических памятников бассейна реки Сок, инициированные в 1980-х годах экспедициями КГПИ под руководством П. П. Барынкина, Е. В. Козина и А. Е. Мамонова, комплексный анализ закономерностей освоения территории на протяжении всего каменного века (мезолит-энеолит) до настоящего времени отсутствовал. В качестве объекта исследования рассматривается участок реки протяженностью около 60 км, расположенный между селами Чекалино и Красный Яр, где выявлено 19 археологических памятников каменного века. Основными задачами исследования стали: систематизация топографических данных; реконструкция природно-климатических условий; анализ эволюции поселенческих структур с применением ГИС-технологий для пространственного анализа. Методологическая основа включает комплексный анализ археологических, геоморфологических и палинологических данных с использованием современных геоинформационных систем. На основе проведенного анализа выявлены предпочтения древних коллективов в выборе мест обитания: установлено, что стоянки преимущественно располагались на левом берегу реки, на первой надпойменной террасе или мысах, отличающихся широкой долиной (от 2000 м). Такое расположение связано с охотничьей деятельностью и природно-климатическими условиями лесостепной зоны. Палинологический анализ свидетельствует о теплом и сухом климате с преобладанием лесостепных ландшафтов в мезолите-неолите. В энеолите зафиксирован переход к долговременным поселениям с крупными жилищами-полуземлянками.

Ключевые слова: археологические памятники, мезолит, неолит, энеолит, река Сок, лесостепное Поволжье, заселение, жилища, ГИС-технологии, природно-климатические условия

SETTLEMENT PECULIARITIES OF THE MIDDLE COURSE OF THE SOK RIVER DURING THE MESOLITHIC-ENEOLITHIC PERIODS[2]

A.V. Somov

The article deals with studying the settling features in the middle part of the Sok River (Samara Oblast, Russia) during the Mesolithic, Neolithic, and Eneolithic periods. Despite decades of research on archaeological sites within the Sok River basin, initiated in the 1980s by KSPI (Kuybyshev State Pedagogical Institute) expeditions under the leadership of P.P. Barynkin, E.V. Kozin, and A.E. Mamonov, a comprehensive analysis of settlement patterns throughout the entire Stone Age (Mesolithic-Eneolithic) has been lacking until now. The research focuses on a 60-km stretch of the river located between the villages of Chekalino and Krasny Yar, where 19 Stone Age archaeological sites have been identified. The main objectives of the study were: systematization of topographic data; reconstruction of paleoenvironmental and climatic conditions; analysis of the evolution of settlement structures using GIS technologies for spatial analysis. The methodological framework involves a comprehensive analysis of archaeological, geomorphological, and palynological data utilizing modern Geographic Information Systems (GIS). Based on the conducted analysis, the preferences of ancient communities in selecting habitation sites were identified: it was established that settlements were predominantly located on the left bank of the river, on the first floodplain terrace or promontories, characterized by a wide valley (from 2000 m). This positioning is linked to hunting activities and the natural-climatic conditions of the forest-steppe zone. Palynological analysis indicates a warm and dry climate with prevailing forest-steppe

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-10088) «Векторы и динамика культурно-исторических процессов в каменном веке Среднего Поволжья».

[2] The research was fanancially supported by the Russian Science Foundation (project No. 23-78-10088) "Vectors and dynamics of cultural and historical processes in the Stone Age of the Middle Volga region".

landscapes during the Mesolithic-Neolithic. In the Eneolithic, a transition towards long-term settlements with large semi-subterranean dwellings was recorded.

Keywords: archaeological sites, Mesolithic, Neolithic, Eneolithic, Sok River, forest-steppe Volga region, settlement, dwellings, GIS technologies, natural and climatic conditions

Район исследования расположен в восточно-европейской лесостепной зоне Русской равнины и охватывает левобережье Волги. Объектом изучения стало среднее течение реки Сок на участке между селами Чекалино и Красный Яр, протяженность русла которого составляет около 60 км. На этом участке река отличается сильно извилистым руслом, имеет ширину 25–35 м и глубину 2–4 м при скорости течения 0,2–0,4 м/с. Надпойменные террасы и пойма реки Сок сложены породами неоген-четвертичного возраста, в то время как водоразделы образованы породами татарского яруса пермской системы. В долине реки на геоморфологической карте Самарской области выделяются пойменная терраса, а также первая (хвалынская), вторая (хазарская) и третья (бакинская) надпойменные террасы. Пойма разделяется на несколько ступеней: низкую формирующуюся, типичную и старую, которая является наиболее высокой. Гидрографическая сеть включает множество притоков длиной менее 40 км, среди которых крупнейшими являются реки Кондурча, Сургут и Тростянка (Ляховская, Сергейчук, 2010).

Систематические археологические исследования памятников каменного века в бассейне реки Сок были начаты в 1980-х годах экспедициями КГПИ под руководством П.П. Барынкина, Е.В. Козина и А.Е. Мамонова. Значительный вклад в изучение каменного века исследуемого района внесли А.А. Выборнов, А.И. Королёв, О.В. Кузьмина, А.А. Ластовский и Н.В. Лебедева (Овчинникова). Современный этап исследований осуществляется экспедициями СГСПУ под руководством К.М. Андреева, О.В. Андреевой, А.В. Сомова и А.А. Шалапинина. Территория исследования охватывает Красноярский и Сергиевский муниципальные районы Самарской области. На сегодняшний день здесь зафиксировано 82 археологических объекта поселенческого типа, относящихся к периоду от мезолита до Средневековья (Культурное наследие…, 2022; Перечень…). Из них 19 памятников содержат артефакты каменного века (мезолит, неолит, энеолит), включенные в настоящий анализ (рис. 1). Площадь раскопок на этих памятниках варьируется от 192 м² (Лебяжинка I) до 1600 м² (Лебяжинка V), составляя в сумме 9576 м².

Несмотря на длительную историю изучения региона, комплексный анализ закономерностей заселения среднего течения реки Сок в мезолите (VIII–VII тыс. до н. э.), неолите (VII – вторая четверть V тыс. до н. э.) и энеолите (до первой половины IV тыс. до н. э.) до настоящего времени отсутствовал. Ранее А.Е. Мамонов (Мамонов, 2000, с. 148) отмечал, что ранненеолитические (елшанские) стоянки характеризуются расположением на останцах первых надпойменных террас в низкой пойме с близостью к притокам или протокам основного русла. Однако новые памятники, такие как Нива I, не подтверждают обязательную связь ранненеолитических стоянок с притоками (Андреева, 2025). Настоящее исследование впервые охватывает весь временной диапазон каменного века региона, включая 19 памятников, семь из которых выявлены и изучены в последнее десятилетие. Основные задачи исследования включают: систематизацию топографических характеристик памятников; реконструкцию природно-климатических условий на основе палинологических данных; анализ эволюции поселенческих структур с применением ГИС-технологий.

Топографическая характеристика и расположение памятников

Характеристика археологических объектов фокусируется на анализе их топографического положения, что позволяет выявить закономерности освоения древним населением речной долины. Основное внимание уделяется береговой принадлежности памятников, их расположению относительно современного русла реки и палеорусел, а также приуроченности к конкретным геоморфологическим элементам – пойменным террасам, мысовым выступам или дюнным всхолмлениям. Такой подход обусловлен необходимостью реконструкции стратегий выбора мест обитания в различных хронологических периодах, при

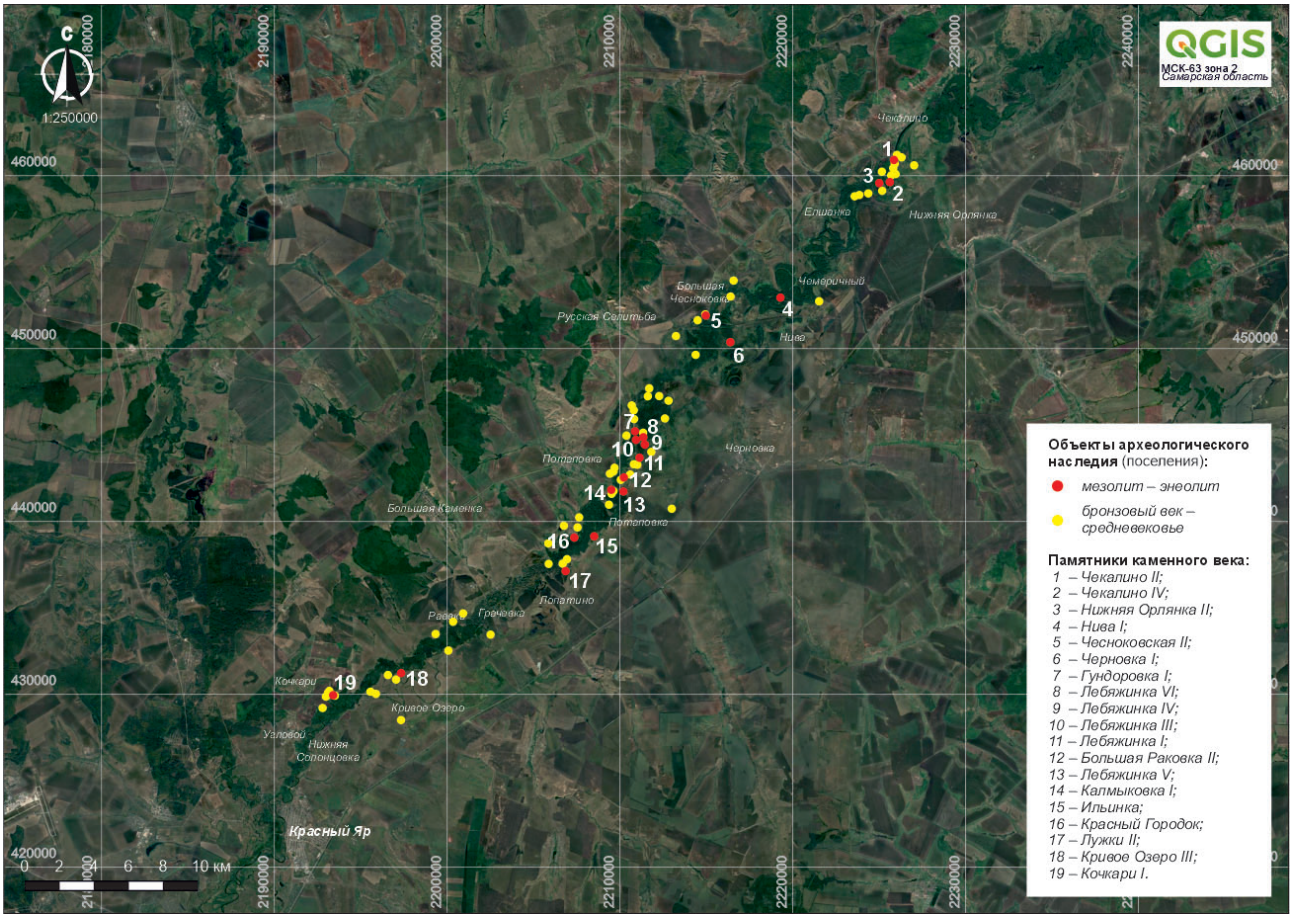


Рис. 1. Карта памятников среднего течения реки Сок.
Fig. 1. Map of the archaeological sites in the middle part of the Sok River

этом детальный анализ культурно-хронологической атрибуции данных материала выходит за рамки настоящего исследования. Характеристика археологических памятников представлена в порядке их расположения вдоль течения реки Сок от верхнего участка у села Чекалино к нижнему у села Красный Яр. Такой подход позволяет системно проследить пространственное распределение объектов в долине реки, выявить их связь с особенностями рельефа и гидрографической сети.

Стоянка **Чекалино II** находится в 1,5 км к юго-юго-востоку от одноименного села. Памятник расположен на левом берегу в непосредственной близости от современного русла (60–70 м). Топографически стоянка занимает низкую площадку мыса, образованного течением реки и старым руслом реки Орлянка (рис. 2: 1). Местность вокруг представляет собой влажную затопляемую пойму с лугами, участками кустарника и лиственного леса в понижениях пересохших стариц. Хорошо выраженное старое русло реки Орлянки к северу от памятника в настоящее время заросло лесом. Основное количество выявленных артефактов (около 80%) относится к мезолитической эпохе и залегает в слое темно-коричневого суглинка. В меньшей степени представлен комплекс маклашеевской культуры – финала бронзового века, залегавший в слое черного суглинка (Королев, Ластовский, Мамонов, 1997; Андреев и др., 2023).

Стоянка **Чекалино IV** расположена в 1,3 км ниже по течению на левом берегу. Памятник находится на северной оконечности останца первой надпойменной террасы в 120–130 м от современного русла. С востока территория памятника ограничена древними пересохшими руслами реки (рис. 2: 2). Культурный слой стоянки является многослойным и содержит артефакты раннего (елшанская культура) и развитого, позднего (средневолжская культура) неолита, энеолита и бронзового века. Они залегают в супесчаных слоях (Мамонов, 1995; Мочалов, 2008; Андреев, Васильева, Выборнов, 2018).

Стоянка **Нижняя Орлянка II** расположена в том же районе. Поселение находится в 4,1 км к западу-северо-западу от села Нижняя Орлянка II и в 0,6 км к западу от стоянки Чекалино IV. Памятник занимает мыс первой надпойменной террасы на левом берегу (130–140 м от современного русла), образованный излучиной реки Сок (рис. 2: 3). Основная часть культурного слоя представлена гумусированной супесью. Выявленные находки свидетельствуют о заселении памятника в раннем неолите, бронзовом веке (сусканский, «воротничковый», ивановский, маклашеевский, «текстильный» типы) и Средневековье (Колев и др., 1995).

Стоянка **Нива I** располагается в 1,7 км к северо-северо-западу (ССЗ) от северной окраины одноименного поселения. Памятник находится на левом берегу в низкой пойме, в 100–110 м от современного русла (рис. 2: 4). Основной культурный слой стоянки связан со срубной культуры позднего бронзового века, в меньшей степени выявлены артефакты елшанской культуры раннего неолита и в единичных случаях фиксируются находки раннего энеолита и Средневековья. Они залегают в слое светло-коричневой и коричневой супеси (Андреева, 2025).

II Чесноковская стоянка расположена на правом берегу, в 40–50 м от современного русла. Памятник находится на пологом склоне низкой надпойменной террасы, в 1 км к югу от села Большая Чесноковка. Территория стоянки ограничена с западной и южной сторон глубокими старицами (рис. 2: 5). Основное количество находок залегает в слое светло-серой гумусированной супеси. Выявленные артефакты свидетельствуют о заселении памятника в неолите (средневолжская культура), энеолите, эпохе средней бронзы и Средневековье (Бахарев, Овчинникова, 1991).

Стоянка **Черновка I** находится в 3,7 км к северу от одноименного села и в 770–780 м от современного русла. Памятник занимает край мысовидного останца, образованного старицей реки Сок и протокой к озеру Елховое (рис. 2: 6). В ходе исследований было выявлено несколько культурно-хронологических комплексов. Кратковременное заселение территории памятника происходило в мезолите и неолите. Эпизодическое посещение фиксируется в среднем (хвалынское) и позднем (керамика типа Чекалино) энеолите. Кроме того, обнаружены артефакты срубной культуры бронзового века и захоронения позднего Средневековья (Андреев и др., в печати).

Гундоровское поселение расположено на правом берегу (в 110–120 м от современного русла), в 0,9 км к юго-юго-западу от одноименного поселка. Памятник находится на широком мысе, огибаемом как современным, так и древним руслом реки с восточной и западной сторон соответственно (рис. 2: 7). В слое темно-серой супеси, расположенном под пашней, были обнаружены материалы эпох Средневековья, раннего железного века и бронзового века. Ниже залегает слой серой супеси, содержащий артефакты неолита – энеолита. В ходе раскопок был зафиксирован жилищный котлован общей площадью 95 м², который исследователи относят к самарской энеолитической культуре (Овчинникова, 1990, 1999).

На противоположном берегу выявлен «куст» памятников (группа близко расположенных объектов): Лебяжинка I, III, IV, V и VI, а также Большая Раковка II.

Поселение **Лебяжинка VI** располагается в 3 км к северо-северо-востоку от одноименного хутора. Поселение занимает северо-восточную оконечность останца первой надпойменной террасы, в 140–150 м от современного русла. Территория памятника ограничена с севера старицей, а с востока-юго-востока – пересохшим руслом, от которого в южной части осталось небольшое озеро (рис. 2: 8). Большая часть выявленных находок залегает в слоях плотной черной и серой супеси. Артефакты свидетельствуют о неоднократном заселении памятника в энеолитическое время. В небольшом количестве обнаружены фрагменты сосудов, относящиеся к неолиту (2 фр.) и бронзовому веку (6 фр.). Также в ходе исследований были обнаружены четыре крупных сооружения, три из которых интерпретируются специалистами как остатки жилищ, углубленных в предматериковый и материковый слои, площадью 17–55 м². Их наличие позволяет говорить о существовании «полноценных поселенческих комплексов» у энеолитического населения региона (Королев, Шалапинин, 2017).

Лебяжинка III представляет собой еще одно энеолитическое поселение, расположенное в 2,8 км к северу от хутора Лебяжинка (в 0,5 км от памятника Лебяжинка VI). Поселе-

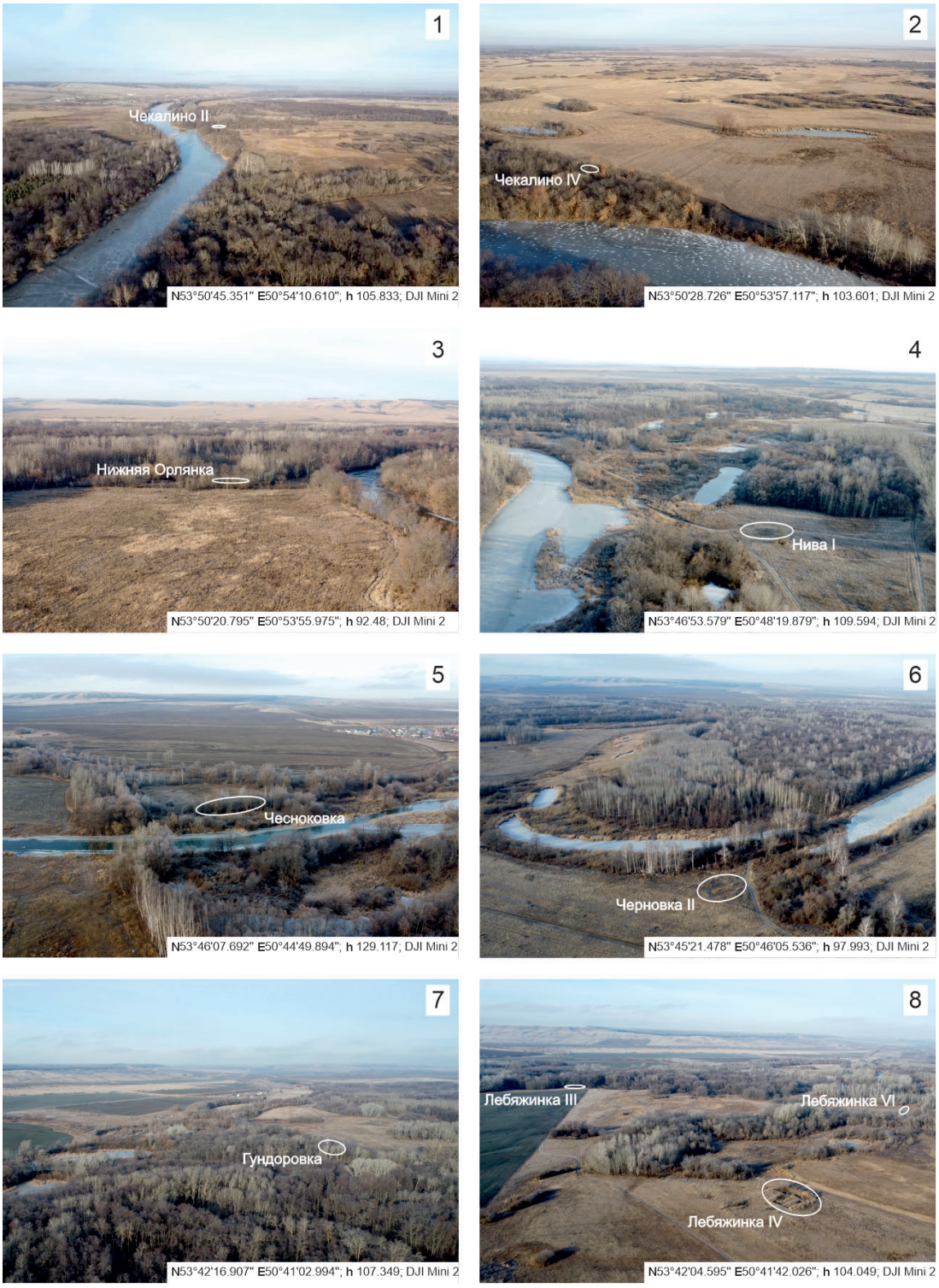


Рис. 2. Аэрофотосъемка территории исследованных археологических памятников.
Fig. 2. Aerial photograph of the area with the investigated archaeological sites.

ние занимает край небольшой возвышенности, находящейся в 250–260 м от современного русла (рис. 2: 8). Культурный слой представлен светло-коричневой и темно-серой гумусированной супесью. Все выявленные материалы по совокупности признаков относятся к энеолитическому времени. В ходе раскопок было обнаружено жилище полуземляночного типа (углубленное в материк на 25 см) общей площадью 110 м² (Овчинникова, 1995).

Стоянка **Лебяжинка IV** находится в 2,6 км к северу от хутора и в 700–710 м от совре-

менного русла. Стоянка занимает край первой надпойменной старичной террасы, ограниченной с северной и западной сторон пересохшей протокой и старицей реки Сок (рис. 2: 8). Культурный слой представлен супесчаной почвой и характеризуется отсутствием четкой стратиграфии. На памятнике выявлены комплексы неолита, энеолита и бронзового века, залегающие в перемешанном состоянии (Выборнов и др., 2007). Также при исследовании было обнаружено жилище, углубленное в материк на 30–35 см, площадью 35 м² (Овчинникова, 2009). По совокупности признаков исследователи относят его к развитому и позднему неолиту (Андреев, Выборнов, 2017, с. 75).

Стоянка **Лебяжинка I** расположена в 1,9 км к северо-северо-востоку от хутора Лебяжинка на незначительном возвышении, ограниченном с южной стороны пересохшим старичным озером (рис. 3: 1). Памятник находится в 500–510 м от современного русла. Результаты раскопок показали наличие двух разнокультурных комплексов: неолитического (средневолжская культура) и энеолитического (хвалынская культура) времени (Барынкин, Козин, 1995).

Стоянка **Большая Раковка II** расположена в 0,5 км к северу от хутора Лебяжинка и в 370–380 м от современного русла реки Сок. Она занимает останец первой надпойменной террасы, ограниченный с юга практически пересохшим руслом реки Черновка, а с севера и северо-востока – старичными озерами (рис. 3: 2). Находки, выявленные на памятнике, свидетельствуют о неоднократном заселении этой территории в неолите, энеолите и раннем бронзовом веке (Барынкин, Козин, 1991).

Поселение **Лебяжинка V** находится на мысовом выступе первой надпойменной террасы левого берега, в 460–470 м от современного русла. Южная часть памятника ограничена понижением, связанным с палеоруслом реки (рис. 3: 3). В настоящее время в низине протекает несколько мелких проток. В ходе исследований были обнаружены материалы неолита, энеолита, бронзового века (четыре комплекса) и Средневековья. Кроме того, на поселении найдены 12 разновременных погребений и три постройки бронзового века (Выборнов, Королев, Мамонов, 2002; Кузьмина и др., 2017).

Стоянка **Калмыковка I** расположена на противоположном берегу (в правобережье Сока). Памятник занимает край первой надпойменной террасы, в 110–120 м от современного русла (рис. 3: 3). В результате исследований выявлены два разновременных комплекса – неолита и бронзового века. Они залегают в перемешанном состоянии в слое светло-серой супеси (Андреев, Васильева, Выборнов, 2018).

Ильинская стоянка обнаружена и исследована в левобережье Сока. Она находится на останце мыса первой надпойменной террасы, в 0,25 км к северу от села Ильинка и в 280–290 м от современного русла. Территория памятника ограничена с севера практически пересохшим руслом реки Тростянки (рис. 3: 4). К югу наблюдается понижение, связанное с промоиной палеорусла. Выявленные находки свидетельствуют о заселении памятника в неолите и бронзовом веке (Мамонов, 1988, 2002). На основе переоценки характеристик кремневой индустрии мезолитического и неолитического населения региона (с учетом новых качественных данных) часть каменной коллекции Ильинской стоянки может быть отнесена к мезолитическому времени.

Стоянка **Красный Городок** расположена на противоположном берегу, в окрестностях одноименного села. Памятник занимает дюнный мысовидный выступ первой надпойменной террасы. Территория стоянки ограничена с западной, южной и северной сторон разновременными старичными водоемами и находится в 280–290 м от современного русла (рис. 3: 5). В ходе работ обнаружены артефакты раннего неолита и абашевской культуры бронзового века, залегающие в смешанном состоянии в слое темно-серой гумусированной супеси (Кузьмина, Ластовский, 1995). Однако в настоящее время рядом исследователей поставлен вопрос о неоднородности кремневого комплекса данной стоянки. В ходе повторного анализа каменный инвентарь был разделен на мезолитический и неолитический комплексы (Андреев, Бородулин, 2021).

Стоянка **Лужки II** находится в 0,5 км к юго-западу от поселка Лужки. Памятник расположен в левобережной пойме реки Сок, в 760–770 м от современного русла, на вытянутом останце (гриве) между двумя разновозрастными старичными понижениями (рис. 3: 6). В результате изучения стоянки установлено, что основное заселение ее территории происходило в развитом и позднем неолите.

Рис. 3. Аэрофотосъемка территории исследованных археологических памятников.
Fig. 3. Aerial photography of the area with the investigated archaeological sites.

Часть каменной коллекции рассматривается авторами в рамках мезолитического комплекса. Однако эти артефакты залегают в одном литологическом слое светло-серой супеси и не поддаются стратиграфическому разграничению. Кроме того, обнаружены артефакты, свидетельствующие об эпизодическом посещении территории памятника в энеолите, позднем бронзовом веке и Средневековье (Сомов и др., 2025).

Стоянка **Кривое Озеро III** расположена в 1,9 км к северо-северо-западу от северной окраины одноименного села. Она находится на дюнном всхолмлении левого берега реки

Сок, в 180–190 м от современного русла, и ограничена с северной и западной сторон старичными озерами (рис. 3: 7). Выявленные артефакты относятся к мезолиту, неолиту энеолиту, бронзовому веку и Средневековью. В ходе исследований также обнаружены три захоронения, из которых одно датируется Средневековьем, а культурно-хронологическая атрибуция двух других затруднена, хотя не исключается их энеолитический возраст (Пантелеева, 2024).

Стоянка **Кочкари I**, расположенная ниже всех на исследуемой территории на правом берегу Сока, находится в 1,5 км к востоку от поселка Кочкари. Памятник занимает небольшую площадку (80×70 м) дюнного мысовидного всхолмления, ограниченную с западной, южной и восточной сторон старичными озерами, в 290–300 м от современного русла (рис. 3: 8). Большая часть выявленных артефактов относится к мезолиту. В незначительном количестве обнаружены фрагменты неолитической и энеолитической керамики. Также территория памятника заселялась в бронзовом веке и Средневековье, о чем свидетельствуют найденные фрагменты сосудов и три погребения (Андреев и др., 2023).

Природно-климатические условия

Палинологический анализ, проведенный в последние годы с использованием современных методов (Андреев и др., 2023; 2024; Сомов и др., 2025), позволяет реконструировать природно-климатические условия в мезолите, неолите и энеолите. В этот период территория характеризовалась лесостепным ландшафтом, где сочетались открытые степные пространства и древесные массивы. В долине реки Сок преобладали березовые и березово-липовые леса, которые обеспечивали укрытие и ресурсы для древних обществ. На возвышенностях и водоразделах встречались небольшие сосновые боры, о чем свидетельствует незначительное присутствие пыльцы сосны в образцах. Открытые пространства занимали полынно-злаковые группировки с богатым разнотравьем, среди которого доминировали представители семейств цикориевых и астровых. Это указывает на теплый и преимущественно сухой климат, характерный для лесостепной зоны в послеледниковый период.

Температурный режим, вероятно, был мягким, с продолжительным теплым сезоном, что благоприятствовало сезонной активности древнего населения, включая охоту и собирательство. Наличие пыльцы сосны может указывать на эпизодические похолодания, особенно в позднем мезолите и раннем неолите (середина – вторая половина VII тыс. до н. э.), когда климатические колебания могли приводить к временному расширению хвойных лесов. Влажность оставалась умеренной, о чем свидетельствует сочетание степной и лесной растительности, а также наличие стариц и пересохших русел, связанных с сезонными колебаниями уровня воды в реке Сок и ее притоках. Эти условия поддерживали разнообразие фауны, включая крупных копытных (таких как олень, косуля и дикая лошадь), которые составляли основу охотничьего промысла мезолитического и неолитического (VI – вторая четверть V тыс. до н. э.) населения.

В энеолите (V – первая половина IV тыс. до н. э.) климатические условия оставались относительно стабильными, хотя отмечается некоторое увеличение доли сосны в растительном покрове, что может свидетельствовать о постепенном увлажнении или локальных изменениях микроклимата в долине реки. Лесостепной ландшафт сохранял свою мозаичность: открытые пространства продолжали доминировать на надпойменных террасах, а лесные массивы – в пойме и вдоль стариц. Это обеспечивало устойчивое сочетание ресурсов: леса для добычи древесины и дичи, а также водные объекты для рыболовства. Данные условия также наилучшим образом подходили для выпаса домашних животных, имеющихся у населения хвалынской культуры (Кулькова, Выборнов, 2024) и позднего энеолита (керамика гундоровского типа) (Рослякова и др., 2025). Можно также допустить зарождение производящего хозяйства у населения самарской культуры раннего энеолита, генезис которой специалистами связывается с прикаспийской культурой (Королев, 2013), в материалах которой достоверно фиксируются признаки производящего хозяйства в первой четверти V тыс. до н. э. (Выборнов и др., 2016). Сухой климат и просторные долины способствовали мобильности древних коллективов в мезолите и неолите, тогда как в энеолите более стабильные условия могли стимулировать переход к оседлости, о чем свидетельствуют крупные жилища на памятниках Лебяжинка III, VI и Гундоровка.

Определение ширины долины в местах выявленных памятников

Для анализа особенностей расположения археологических памятников в бассейне среднего течения реки Сок была определена ширина долины в местах их нахождения с использованием геоинформационных систем. Этот подход позволил получить количественные данные о рельефе и топографии, которые дополняют качественные описания стоянок и помогают понять предпочтения древних коллективов при выборе мест обитания. Работа проводилась в свободной геоинформационной среде QGIS, широко применяемой для пространственного анализа в археологии и геоморфологии. Основой для исследования стала цифровая модель рельефа SRTM 30m, предоставляющая данные о высотах с разрешением 30 м (Bamler, 1999). Эта модель была выбрана из доступных открытых источников как оптимальная для задач исследования благодаря балансу между детализацией и охватом территории (рис. 4: 1). Однако она имеет определенные ограничения, связанные с разрешением: мелкие детали рельефа (менее 30 м) могут быть упущены, что требует дополнительных полевых измерений для проверки (например, LiDAR). Тем не менее для установления ширины поймы в местах расположения выявленных памятников каменного века в бассейне Сока эта модель оказалась эффективной, обеспечивая воспроизводимые результаты. Дальнейшая обработка осуществлялась с использованием инструмента Resampling Filter (SAGA GIS) и модуля Profile tool для построения поперечных профилей (рис. 4: 2).

Результаты анализа показали значительную вариативность ширины долины: на левобережье она колеблется от 2200 м (стоянка Нива I) до 5000 м (например, в районе Чекалино IV), на правобережье – от 1400 м (Чесноковка II) до 2700 м (Калмыковка I). Для повышения достоверности учитывались дополнительные факторы, такие как наличие стариц и притоков, которые могли влиять на восприятие пространства древними обитателями. Например, в районе группы памятников Лебяжинка ширина долины измерялась с учетом палеорусла, что дало значения 2800–3100 м, отличающиеся от современных параметров русла реки Сок.

Применение ГИС-технологий позволило не только уточнить ширину долины, но и выявить её связь с выбором мест обитания. Широкие долины (от 2000 м и более) преобладают в местах расположения стоянок, что подтверждает гипотезу о предпочтении древними коллективами открытых пространств, удобных для охоты и мобильности. В то же время узкие участки (менее 2000 м), такие как в районе II Чесноковской стоянки, встречаются реже и могут указывать на иные стратегии использования ландшафта, например близость к воде или защита от ветров благодаря крутым склонам Сокских яров.

Обсуждение

Практически все рассмотренные памятники в среднем течении р. Сок содержат материалы не только каменного века, но и более поздних эпох (бронзовый век и Средневековье). Исключение составляют лишь стоянки Лебяжинка I (неолит – энеолит) и Лебяжинка III (исключительно энеолит). Данная привлекательность региона для долговременного заселения обусловлена стабильными природными условиями и доступностью ресурсов. Интенсивность и характер заселения памятников в мезолите – энеолите варьируются – от кратковременного/эпизодического использования (неолит – энеолит Черновка I и Кочкари I) до устойчивого обитания, особенно выраженного в энеолите (Лебяжинка VI, Гундоровка).

Сравнительный анализ выявил как преемственность, так и эволюцию в стратегиях освоения территории. На протяжении мезолита, неолита и энеолита население неизменно предпочитало левобережье с его пологим рельефом, широкими долинами (>2000 м) и привязкой к старицам или палеоруслам, что обеспечивало доступ к воде, защиту от паводков и пространство для хозяйственной деятельности (включая охоту на крупных копытных). Ключевое различие заключается в типе выбираемых геоморфологических элементов, напрямую связанном с характером поселений. Для мезолита и неолита характерно разнообразное использование ландшафта: стоянки располагались на мысах (Чекалино II), первой надпойменной террасе (Чекалино IV, Нижняя Орлянка II), а также в пойме и на дюнных всхолмлениях (Кочкари I, Нива I, Лужки II). Это соответствует преимущественно кратковременному или сезонному характеру обитания, подтверждаемому отсутствием капитальных жилищ на большинстве памят-

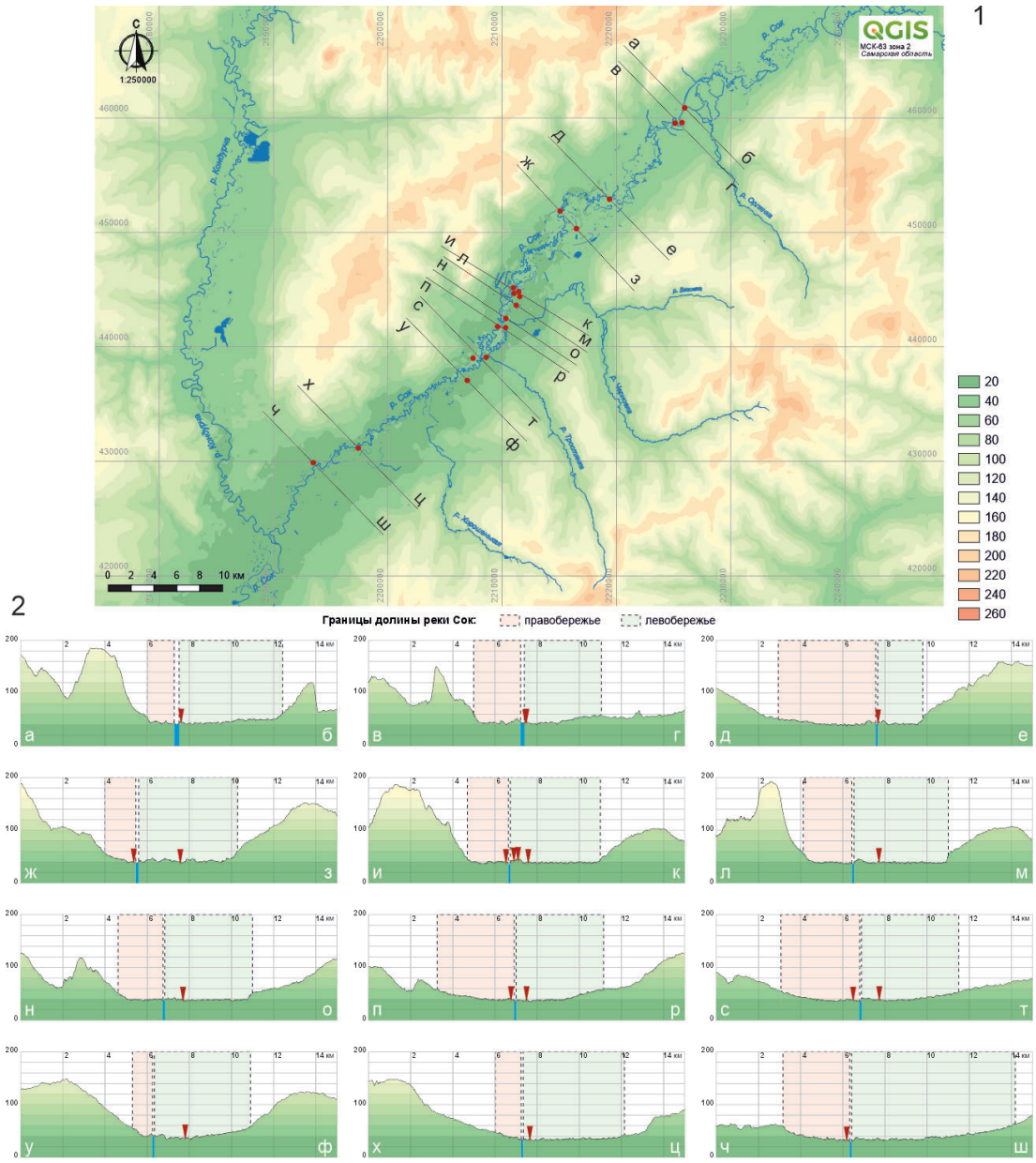


Рис. 4. Геоморфологические профили (2) и локализация археологических памятников каменного века на среднем течении реки Сок (1).
Fig. 4. Geomorphological profiles (2) and localization of the Stone Age archaeological sites in the middle part of the Sok River (1).

ников (исключение – небольшое жилище на Лебяжинке IV, 35 м²) и компактным расположением артефактов (например, Лужки II, 12×16 м), предполагающим легкие наземные конструкции.

В энеолите ключевым фактором размещения поселений становится пригодность местности для капитального строительства и длительного проживания. Это привело к смещению предпочтений в сторону устойчивых, хорошо дренируемых форм рельефа – мысов и останцов первой надпойменной террасы. Данный выбор топографической позиции, сменивший гибкость в более раннее время, был напрямую связан с переходом к оседлости. Наиболее ярким свидетельством этого перехода служат крупные полуземляночные жилища (от 35 до 110 м²), углубленные в материк и требовавшие значительных трудозатрат для возведения (Овчинникова, 1999). Таким образом, модель мобильных охотников-собирателей, использующих разнообразные ландшафты (включая пойменные участки), сменяется моделью более осед-

лого населения, сознательно выбирающего возвышенные места для создания постоянных поселков.

Природно-климатические условия (теплый/сухой климат мезолита-неолита и возможное увлажнение в энеолите) играли ключевую роль, поддерживая лесостепной ландшафт и адаптивный хозяйственный комплекс (охота, собирательство, потенциально скотоводство в энеолите). Лесостепная зона Сока, сочетая черты степных и лесных экосистем, обеспечила условия для эволюции от сезонной мобильности к оседлости. Эта преемственность в выборе мест обитания прослеживается и в более поздние эпохи, подчеркивая стабильность экологической ниши. Особенности заселения отражают не только адаптацию к ландшафту, но и эволюцию образа жизни, где природные факторы и человеческие стратегии взаимно усиливали друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев К.М., Андреева О.В., Алешинская А.С., Кулькова М.А., Бурыгин М.А. Стоянка Кочкари I – новый памятник позднего мезолита лесостепного Поволжья (итоги исследования) // РА. 2023. № 1. С. 7–24.

Андреев К.М., Андреева О.В., Бурыгин М.А., Королёв А.И., Сосновцева И.М., Пархомчук Е.В., Бачура О.П. Итоги изучения стоянки Черновка I в Самарском Поволжье // Поволжская археология. 2025. № 3 (53). С. 29–48.

Андреев К.М., Бородулин К.И. К вопросу о двух культурно-хронологических группах кремневого инвентаря стоянки Красный Городок // Известия СНЦ РАН. Исторические науки. 2021. Т. 3. № 3. С. 118–125.

Андреев К.М., Бурыгин М.А., Алешинская А.С., Рослякова Н.В. Комплексное исследование стоянки Чекалино II в лесостепном Поволжье (мезолит, финал бронзового века) // РА. 2024. № 3. С. 21–37.

Андреев К.М., Васильева И.Н., Выборнов А.А. Неолитический керамический комплекс стоянки Чекалино IV: морфология, технология, хронология // Поволжская археология. 2018. № 1 (23). С. 8–27.

Андреев К.М., Выборнов А.А. Ранний неолит лесостепного Поволжья (елшанская культура). Самара: ООО «Порто-Принт», 2017. 272 с.

Андреев К.М., Выборнов А.А., Васильева И.Н. Стоянка Калмыковка I - новый памятник неолита лесостепного Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2018. С. 143–160.

Андреева О.В. Отчет об археологических раскопках «Нива I. Селище» в Сергиевском районе Самарской области в 2024 году. Самара, 2025 // Архив археологической лаборатории СГСПУ.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 94–119.

Барынкин П.П., Козин Е.В. Стоянка Лебяжинка I и некоторые вопросы соотношения нео-энеолитических культур в степном и южном лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 136–164.

Бахарев С.С., Овчинникова Н.В. Чесноковская стоянка на реке Сок // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПИ, 1991. С. 71–93.

Выборнов А.А., Королев А.И., Мамонов А.Е. Комплекс каменного века поселения Лебяжинка V // Исторические исследования. Вып. 4 / Отв. ред. Н.П. Храмкова. Самара: СГПУ, 2002. С. 163–176.

Выборнов А.А., Мамонов А.Е., Королев А.И., Овчинникова Н.В. Неолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV в лесостепном Поволжье // Вестник СГПУ. Исторический факультет. 2007. Вып. 3. С. 107–155.

Выборнов А.А., Ойнонен М., Дога Н.С., Кулькова М.А., Попов А.С. О хронологическом аспекте происхождения производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21. № 3. С. 6–13.

Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р. Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 50–110.

Королев А.И. Некоторые аспекты изучения самарской культуры // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 87–95.

Королев А.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Мезолитический комплекс стоянки Чекалино II // Историко-археологические изыскания. Вып. 2 / Отв. ред. Н.П. Храмкова. Самара: СамГПУ, 1997. С. 3–13.

Королев А.И., Шалапинин А.А. Поселение Лебяжинка VI – памятник эпохи энеолита в лесостепном Поволжье // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 71–91.

Кузьмина О.В., Колев Ю.И., Ластовский А.А., Турецкий М.А. Материалы эпохи бронзы поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 6 / Отв. ред. М.А Турецкий. Самара: Книжное издательство, 2017. С. 124–278.

Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красной Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 25–50.

Кулькова М.А., Выборнов А.А. Палеоклиматические изменения и их влияние на культурно-исторические процессы в неолите энеолите Прикаспия и Нижнего Поволжья // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 241–252.

Культурное наследие Самарской области: объекты археологического наследия / авторы-сост. К.М. Андреев, П.П. Барынкин, А.В. Богачев [и др.]. Самара, 2020. 703 с.

Мамонов А.Е. Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 3–25.

Мамонов А.Е. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Глав. ред. П.С. Кабытов. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 147–176.

Мочалов О.Д. Отчет о раскопках поселения Чекалино IV в Сергиевском районе Самарской области в 2007 году. Самара, 2008 // Архив археологической лаборатории СГСПУ.

Овчинникова Н.В. Отчет о раскопках Гундоровского поселения в Красноярском районе Самарской области в 1990 году. Куйбышев, 1990 // Архив археологической лаборатории СГСПУ.

Овчинникова Н.В. Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье // Древние культуры лесостепного Поволжья. (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур) / Отв. ред. И.Б. Васильев. Самара: СГПУ, 1995. С. 164–191.

Овчинникова Н.В. Жилища самарской культуры в лесостепном Поволжье // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГПУ. 1999. С. 97–195.

Овчинникова Н.В. Неолитическое жилище на поселении Лебяжинка IV в лесостепном Заволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 220–229.

Пантелеева Т.Ю. Археологические раскопки на стоянке Кривое Озеро III в Красноярском районе Самарской области в 2024 году. Самара, 2024 // Архив археологической лаборатории Самарского государственного социально-педагогического университета.

Перечень выявленных объектов археологического наследия Самарской области. Доступно по URL: https://nasledie.samregion.ru/category/deyatelnost/spisok-okn (дата обращения: 09.07.2025).

Рослякова Н.В., Бачура О.П., Шаймуратова Д.Н., Аськеев И.В., Королев А.И. Жизнеобеспечение жителей поселения эпохи энеолита Лебяжинка VI по результатам комплексного изучения остеологических материалов // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 144–156.

Сомов А.В., Андреев К.М., Андреева О.В., Алешинская А.С., Кулькова М.А., Пархомчук Е.В., Рослякова Н.В., Сосновцева И.М. Итоги исследований стоянки каменного века Лужки II в лесостепном Поволжье // РА. 2025. № 2. С. 22–40.

Bamler R. The SRTM Mission: A world-wide 30 m resolution DEM from SAR Interferometry in 11 days // Photogrammetric week 99. 1999. P. 145–159.

Информация об авторе:

Сомов Анатолий Владимирович, старший преподаватель, Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Россия); somov.anatoly@gmail.com

REFERENCES

Andreev, K. M., Andreeva, O. V., Aleshinskaya, A. S., Kulkova, M. A., Burygin, M. A. 2023. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 7–24 (in Russian).

Andreev, K. M., Andreeva, O. V., Burygin, M. A., Korolev, A. I., Sosnovtseva, I. M., Parkhomchuk, E. V., Bachura, O. P. 2025. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 53 (3), 29–48 (in Russian).

Andreev, K. M., Borodulin, K. I. 2021. In I*zvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 3, no. 3, 118–125 (in Russian).

Andreev, K. M., Burygin, M. A., Aleshinskaya, A. S., Roslyakova, N. V. 2024. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 21–37 (in Russian).

Andreev, K. M., Vasilieva, I. N., Vybornov, A. A. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 23 (1), 8–27 (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A. 2017. *Ranniy neolit lesostepnogo Povolzh'ya (elshanskaya kul'tura) (Early Neolithic of the forest steppe Volga region (Elshanka culture))*. Samara: "Porto-Print" Publ. (in Russian).

Andreev, K. M., Vybornov, A. A., Vasilieva, I. N. 2018. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 11. Tver: "Triada" Publ., 143–160 (in Russian).

Andreeva, O. V. 2025. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh "Niva I. Selishche" v Sergievskom rayone Samarskoy oblasti v 2024 godu (Report on the archaeological excavations of "Niva I. Settlement" in the Sergievsk district of Samara Oblast in 2024)*. Samara. Archive of the Archaeological Laboratory of Samara State Social-Pedagogical University (in Russian).

Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 94–119 (in Russian).

Barynkin, P. P., Kozin, E. V. 1995. In Vasil'ev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 136–164 (in Russian).

Bakharev, S. S., Ovchinnikova, N. V. 1991. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Drevnosti Vostochno-Evropeiskoi lesostepi (Antiquities of the East-European Forest-Steppe)*. Samara: Samara State Pedagogical Institute, 71–93 (in Russian).

Vybornov, A. A., Korolev, A. I., Mamonov, A. E. 2002. In Khramkova, N. P. (ed.). *Istoricheskie issledovaniya (History Studies)* 4. Samara: Samara State Pedagogical University, 163–176 (in Russian).

Vybornov, A. A., Mamonov, A. E., Korolev, A. I., Ovchinnikova, N. V. 2007. In *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Istoricheskii fakultet (Bulletin of Samara State Pedagogical University. Faculty of History)* 3, 107–155 (in Russian).

Vybornov, A. A., Oinonen, M., Doga, N. S., Kulkova, M. A., Popov, A. S. 2016. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations)* 3 (21). 6–13 (in Russian).

Kolev, Yu. I., Lastovskiy, A. A., Mamonov, A. E. 1995. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 50–110 (in Russian).

Korolev, A. I. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 3 (1), 87–95 (in Russian).

Korolev, A. I., Lastovskiy, A. A., Mamonov, A. E. 1997. In Khramkova, N. P. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations)* 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 3–13 (in Russian).

Korolev, A. I., Shalapinin, A. A. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 71–91 (in Russian).

Kuz'mina, O. V., Kolev, Yu. I., Lastovskiy, A. A., Turetskiy, M. A. 2017. In Turetskiy, M. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 6. Samara: "Knizhnoe izdatel′stvo" Publ., 124–278 (in Russian).

Kuz'mina, O. V., Lastovskiy, A. A. 1995. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 25–50 (in Russian).

Kulkova, M. A., Vybornov, A. A. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 241–252 (in Russian).

Andreev, K. M., Barynkin, P. P., Bogachev, A. V. et al. (comp.). 2020. *Kul'turnoe nasledie Samarskoy oblasti: obekty arkheologicheskogo naslediya (Cultural heritage of the Samara Oblast: archaeological heritage sites)*. Samara: Government of Samara Oblast, Department of State Protection of Cultural Heritage Sites of Samara Oblast, Samara State Technical University (in Russian).

Mamonov, A. E. 1995. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 3–25 (in Russian).

Mamonov, A. E. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 147–176 (in Russian).

Mochalov, O. D. 2008. *Otchet o raskopkakh poseleniia Chekalino IV v Sergievskom raione Samarskoi oblasti v 2007 godu (Report on Excavations at Chekalino IV Settlement in the Sergievsky District of Samara Region in 2007*). Samara. Archive of the archaeological laboratory of Samara State Pedagogical University. Inv. 65, dossier 14 (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 1990. *Otchet o raskopkakh Gundorovskogo poseleniya v Krasnoyarskom rayone Samarskoy oblasti v 1990 godu (Report on the excavations of the Gundorovka settlement in the Krasny Yar district of the Samara Oblast in 1990)*. Kuibyshev. Archive of the Archaeological Laboratory of Samara State Social-Pedagogical University (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 1995. In Vasiliev, I. B. (ed.). *Drevnie kul'tury lesostepnogo Povolzh'ia (Ancient Cultures of the Forest-Steppe Belt of the Volga Basin)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 164–191 (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 1999. In Vybornov, A. A. (ed.). *Voprosy arkheologii Povolzh'ya (Issues on Archaeology of the Volga Region)* 1. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 97–195 (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 2009. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 7. Tver: Tver State United Museum, 220–229 (in Russian).

Panteleeva, T. Yu. 2024. *Arkheologicheskie raskopki na stoyanke Krivoe Ozero III v Krasnoyarskom rayone Samarskoy oblasti v 2024 godu (Archaeological excavations at the Krivoe Ozero III site in the Krasny Yar district of the Samara Oblast in 2024)*. Samara. Archive of the Archaeological Laboratory of Samara State Social-Pedagogical University (in Russian).

Perechen' vyyavlennykh obektov arkheologicheskogo naslediya Samarskoi oblasti (Samara Region Ministry of Culture (or relevant authority). Register of identified archaeological heritage sites of Samara region). https://nasledie.samregion.ru/category/deyatelnost/spisok-okn. Accessed 09.07.2025.

Roslyakova, N. V., Bachura, O. P., Shaymuratova, D. N., Askeyev, I. V., Korolev, A. I. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 144–156 (in Russian).

Somov, A. V., Andreev, K. M., Andreeva, O. V., Aleshinskaya, A. S., Kulkova, M. A., Parkhomchuk, E. V., Roslyakova, N. V., Sosnovtseva, I. M. 2025. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 22–40 (in Russian).

Bamler, R. 1999. In *Photogrammetric week* 99, 145–159.

About the Author:

Somov Anatoly V. Samara State University of Social Sciences and Education. Lev Tolstoy St. 47, Samara, 443010, Russian Federation; somov.anatoly@gmail.com.

Статья поступила в журнал 11.06.2025 г.
Статья принята к публикации 04.12.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.197.216

КЛАД КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ЁВДИНО V: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ[1]

© 2026 г. В.Н. Карманов, В.Н. Несанелене

Публикуются данные о скоплении каменных предметов памятника Ёвдино V (долина реки Выми, Республика Коми). Состав инвентаря и его контекст, данные об аналогичных комплексах центра Восточно-Европейской равнины позволяют интерпретировать местонахождение как клад. Отсутствие керамической посуды и материалов для инструментального датирования обусловило проблему культурной атрибуции и датировки. Для решения этой задачи были проанализированы морфография, морфометрия и морфология каменных изделий. Определены два наиболее вероятных варианта. В региональном контексте (бассейн реки Вычегды) приоритетна версия о том, что Ёвдино V – клад людей льяловской культуры, перв. пол. V тыс. до н.э. В макрорегиональном масштабе (Восточно-Европейская равнина) изученный комплекс – это памятник волосовской культуры втор. пол. IV–III тыс. до н.э.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, клад, каменный инвентарь, бифасы, льяловская культура, волосовская культура.

YOVDINO V STONE ARTIFACT CACHE: THE PROBLEM OF ATTRIBUTION[2]

V.N. Karmanov, V.N. Nesanelene

The data on the lithic assemblage from the Yovdino V site (Vym river valley, Komi Republic) are published. The composition of the collection and its context, along with data on similar complexes in the centre of the Eastern European Plain, support interpreting the site as a cache. The absence of pottery and material suitable for instrumental dating created challenges for cultural attribution and dating. To address this, the morphography, morphometry, and morphology of the stone artifacts were analyzed. Two most probable variants were identified. In the regional context (Vychegda river basin) - the version that Yovdino V is a cache of people of the Lyalovo culture, 1st half of the 5th millennium BC, has priority. On a macro-regional scale (Eastern European Plain) - the studied complex is a site of the Volosovo culture of the 2nd half of the IV – III millennium BC.

Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, cache, lithic assemblage, bifaces, Lyalovo culture, Volosovo culture.

Введение

Сегодня в полной мере опубликованы данные всего о двух компактных скоплениях каменных артефактов – «складах» или «кладах», найденных на памятниках крайнего северо-востока Европы (далее – КСВЕ). Это комплекс из 50 кремневых орудий стоянки Сирпач-шор на р. Печоре (Лузгин, 1977, с. 25–27) и часть предметов жилища Угдым IБ на р. Вычегде, (Карманов, Гиря, 2018). Кроме того, есть сведения о местонахождении Евдино I на р. Выми, на котором найдено 20 заготовок крупных кремневых орудий и около 40 крупных осколков и отщепов (Семенов, Несанелене, 1997, с. 95). Г.М. Буров приводит лаконичные данные о трех компактных скоплениях кремневых предметов, найденных им на стоянке Чуддинты I (Буров, 1960, с. 106).

Однако самый многочисленный и информативный по составу комплекс намеренно отобранных и сложенных компактно каменных артефактов на КСВЕ представляют материалы памятника Ёвдино V на р. Выми. Несмотря на то, что он был выявлен и изучался в 2000–2001 гг., до настоящего момента данные о нем в полном объеме не были введены в научный оборот. Первичные сведения опубликованы без иллюстраций как матери-

[1] Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы по теме «Выявление, изучение и сохранение археологического наследия северо-востока Русской равнины».

[2] The research was carried out as part of a research project on the topic "Identification, study and preservation of the archaeological heritage of the north-east of the Russian Plain".

Рис. 1. Ёвдино V. А – местоположение; Б – вид на современное состояние с запада; В – ситуационный план, 2001 г.
Fig. 1. Yovdino V. A – location; Б – current state view from the west; В – topographic plan, 2001.

алы недолговременной стоянки (Тарабукин, 2001) и склад каменных орудий (Тимушева, 2002) неолита.

Предлагаемое исследование нацелено на решение проблемы атрибуции комплекса Ёвдино V, в котором отсутствует керамическая посуда и материал для инструментального датирования. Поэтому была использована доступная информация о контексте его залегания и особенностях состава, морфологии, морфометрии, морфографии предметов. Одновременно предлагаемое исследование является первой полной публикацией клада.

Характеристика памятника

Памятник находится одновременно на правом берегу р. Выми и правом берегу ее притока р. Ёлвы, напротив д. Ёвдино Княжпогостского района Республики Коми (рис. 1). Он занимает прикраевой участок надпойменной террасы, примыкающей здесь к пойме (рис. 1: В). Высота поверхности составляет 6–7 м над урезом воды в обеих реках или 1–2 м над современным уровнем поймы. В откосе значительно размытого участки дороги (рис. 1: Б) В.Н. Несанелене в 2000 г. выявила обнажение культуровмещающих отложений – грунт насыщенного охристого цвета. Тогда же была произведена зачистка обнажения и найдено 18 кремневых предметов. В 2001 г. исследования памятника были продолжены. Раскоп площадью 76 кв. м включил центральной частью зону, разрушенную дорогой и

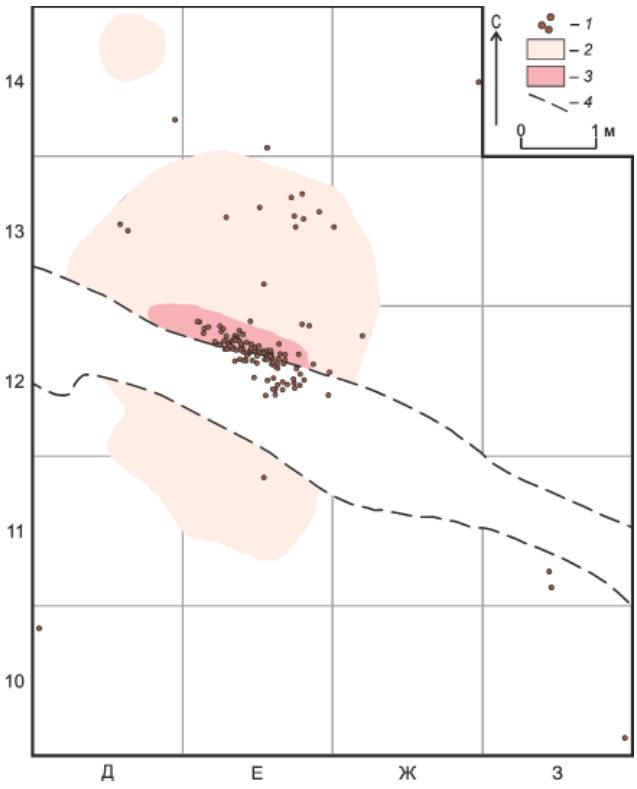


Рис. 2. Ёвдино V. План раскопа. 1 – артефакты; 2 – грунт слабо насыщенный охрой; 3 – грунт с высокой концентрацией охры; 4 – границы разрушенного участка

Fig. 2. Yovdino V. Excavation plan. 1 – artifacts; 2 – soil slightly saturated with ochre; 3 – soil with high concentration of ochre; 4 – limits of the destroyed zone

водостоком, а северной и южной частями – непотревоженные участки (рис. 2).

На большей площади раскопа выявлена последовательность отложений, типичная для подзолов иллювиально-железистых: лесная подстилка с зеленым мхом, мощность 0,10–0,15 м; белесый песок мощностью 0,15–0,46 м; желтый иллювиальный песок – условный материк. В частично разрушенном состоянии выявлена линза песка охристого цвета, «разорванная» упомянутой дорогой и временным водотоком. Первоначально она проявилась после удаления подстилки в виде отдельных пятен на фоне белесого песка и переотложенного грунта. Примерная площадь выявленного пятна – около 16 кв. м (кв. Д-Ж/11–13). Однако наибольшей мощности и интенсивности охристой окраски грунта она достигла на ограниченной площади в кв. Е-12 (рис. 2). На юге участок, наиболее насыщенный охрой и находками, был частично разрушен дорогой, а сохранившаяся часть имела в плане форму неправильного вытянутого овала площадью около 1 кв. м, ориентированного по линии СЗ – ЮВ. По мере удаления от пятна интенсивность охристой окраски грунта заметно ослабевала. В описанной линзе было обнаружено наибольшее количество артефактов – 112, которые залегали плотным скоплением, друг на друге. Площадь их основной концентрации достигала 0,6 кв. м, а распределение по вертикали концентрировалось на уровне 0,16–0,22 м от современной дневной поверхности. В линзе, слабо насыщенной охрой, в непосредственной близости от описанного сложения было обнаружено 18 предметов, а на остальной площади раскопа – 11. Подъемный материал 2000–2001 гг., собранный вблизи зачистки и зоны концентрации артефактов, включал 32 изделия, которые с наибольшей степенью вероятности были переотложены в результате упомянутой выше эрозии отложений. На это, в частности, указывает аппликация двух фрагментов одного предмета (рис. 6: 18), оказавшихся в скоплении и среди сборов на разрушенной поверхности.

Характеристика коллекции

Полученная коллекция включает 173 предмета. Ее количественные и качественные характеристики и данные об условиях обнаружения артефактов представлены в таблицах 1–3, а на иллюстрациях есть изображения 142 изделий (рис. 1–15).

Сырье. На этом этапе исследования детально и инструментально не изучалось. Всего три предмета изготовлены из некремнистых пород – абразив из песчаника (рис. 14), два тесла (рис. 15), предположительно из опоки. Остальные артефакты, судя по сохранившимся на них естественным поверхностями, в основном были сделаны из сравнительно крупных галек кремнистых пород с меловой коркой.

О цветовой гамме и структуре кремня судить затруднительно из-за применявшейся намеренной тепловой обработки артефактов, а также изменения цветности из-за залегания предметов в разных условиях. Так, признаки контролируемого термического воздействия определены на 121 изделии (табл. 3). А, например, аппликация одного орудия показывает разницу цвета его частей, залегавших в разных условиях: светло-коричневатый против серого (рис. 6: 18). С учетом этого предварительно определяются две основные разновидно-

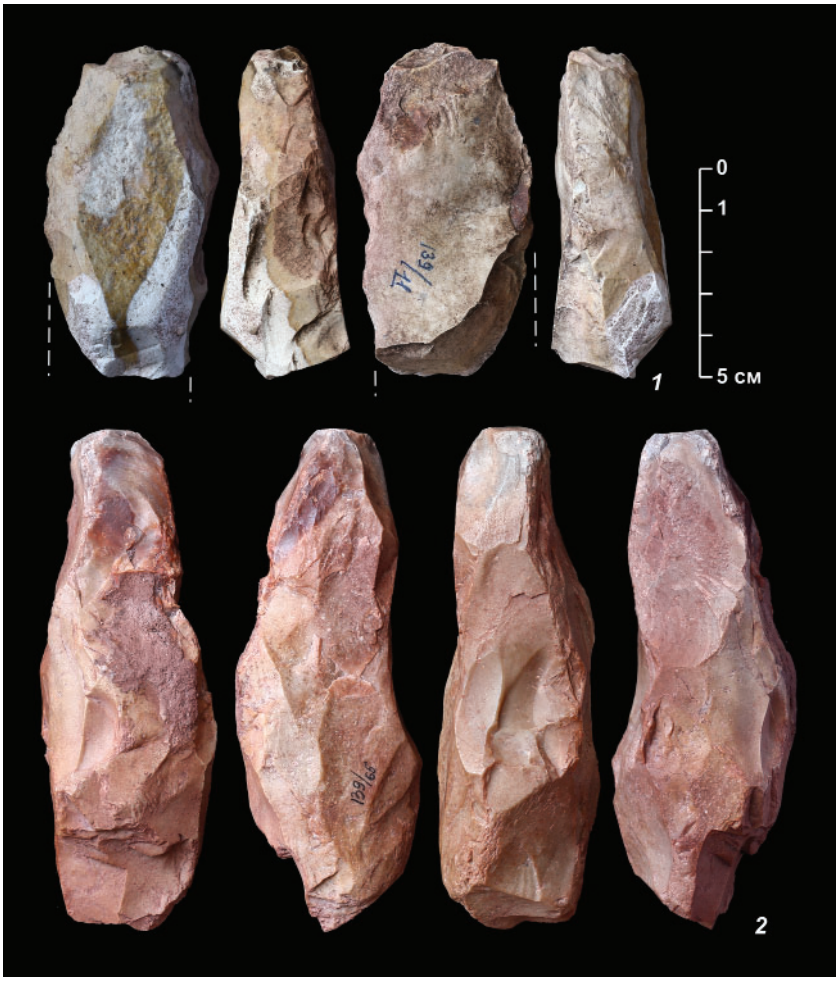


Рис. 3. Ёвдино V. 1 – преформа бифаса (?); 2 – кусок с пробными снятиями. Кремень
Fig. 3. Yovdino V. 1 – preform of biface (?); 2 – piece with test flakes. Flint

сти: порода неоднородно серого цвета из-за различных включений, с тонкой меловой коркой (рис. 6), а также кремень преимущественно светло-коричневого цвета, предположительно в некоторых случаях измененного тепловой обработкой до оттенков коричневого и розового (напр., рис. 3: 1; 4: 11, 12; 7: 10; 8: 5–8). Остальные предметы сделаны из разных кремней оттенков серого цвета. Еще одна особенность контекста Ёвдино V – высокая концентрация охры в отложениях. Из-за этого поверхности многих предметов, особенно их участки с пористой структурой и меловой коркой, окрашены в оттенки охристого цвета (напр., рис. 4: 11; 6: 2, 5, 15, 19–25; 8: 3, 7).

Помимо типичных для большинства каменных индустрий различных видов ретуши для комплекса Ёвдино V отметим тепловую обработку сколов и предметов расщепления, предваряющую их дальнейшее расщепление, а также намеренную фрагментацию сколов и орудий (табл. 3). Признаки использования первого технологического приема (детали см.: Карманов, 2018) выявлены на 121 кремневом изделии, что составляет 71,2% от их общего числа, а его следы хорошо определяются даже на фотографиях (напр., рис. 4: 5, 7–10).

Признаки намеренной фрагментации, применявшейся в жилищах для создания новых заготовок орудий, в том числе в условиях возможного дефицита сырья (детали см.: Карманов, Галимова, 2017), а в контексте Ёвдино V еще и для намеренной порчи предметов, определены по крайней мере на 10 артефактах (рис. 5: 8–11; 6: 1, 12; 8: 1; 11). Среди последних могут быть и все четыре ножа-бифаса (рис. 11). Вероятно, специально сломана и часть наконечников, но у них тонкое сечение, и определить, обломан предмет намеренно или случайно в процессе использования или погребения вещей, невозможно.

Таблица.1. Ёвдино V. Состав комплекса
Table 1. Yovdino V. Composition of the complex

Наименование предмета	**Всего**	**Местонахождение**		
		Клад	**Вне клада, раскоп**	**Сборы на поверхности**
Предметы из кремнистых пород	170	127	11	32
Бифасы на разной стадии расщепления	58	45	5	8
Незавершенные бифасы	*21*	*17*	*0*	*4*
Преформа	*1*	*0*	*0*	*1*
Начальная стадия расщепления	*19*	*17*	*0*	*3*
Готовые изделия	*37*	*27.5*	*5*	*4.5*
Наконечник стрелы	*32*	*24*	*5*	*3*
Нож	*5*	*3.5*	*0*	*1.5*
Орудия и предметы с макроследами утилизации, на сколах	65	43	4	18
Отщепы с ретушью и ретушью утилизации	22	17	0	5
Пластины с ретушью и ретушью утилизации	17	9	1	7
Скребки	6	4	0	2
Скобели	6	4	2	0
Ножи	6	4	0	2
Орудия неопределенные	4	2	1	1
Орудия комбинированные	2	1	0	1
Резец?	1	1	0	0
Острие	1	1	0	0
Сколы и их фрагменты	46	38	2	6
Пластины	22	18	0	4
Отщепы, пластинчатые отщепы	19	16	1	2
Осколки и отщепы термические	5	4	1	0
Отдельности сырья	1	1	0	0
Кусок с пробными снятиями - преформа рубящего орудия или бифаса	1	1	0	0
Предметы из некремнистых пород	3	3	0	0
Абразив	1	1	0	0
Тесла	2	2	0	0
Всего	**173**	**130**	**11**	**32**

Таблица. 2. Ёвдино V. Характеристика заготовок кремневых изделий
Table 2. Yovdino V. Characterisation of flint blanks

Вид исходной заготовки	Кол-во
Отщеп, отщеп пластинчатый	76
Пластина	51
Пластина или отщеп, точнее не определено	7
Неопределенный скол	35
Кусок	1
Всего	170

Отщепы, пластинчатые отщепы. Численно преобладают среди распознанных сколов (табл. 2; рис. 4, 5). Судя по размерам орудий и немодифицированным сколам, в основном присутствуют отщепы средних и крупных размеров – более 30 мм. Часть сколов этого вида, вероятно, была использована в качестве преформ для изготовления бифасов (рис. 4; 8: 3–5, 7). Как правило, это изделия с единичными или серийными избирательными негативами мелких сколов на одном или обоих фасах. Определено не менее девяти сколов оформле-

Таблица. 3. Ёвдино V. Специфические приемы обработки артефактов
Table 3. Yovdino V. Specific techniques of artefacts treatment

Характеристика	Всего	Местонахождение		
		Клад	Вне клада	Сборы на поверхности
Признаки тепловой обработки и термического воздействия, в т.ч.:	134	109	7	18
тепловой обработки	121	99	4	18
неконтролируемого термического воздействия или неудачной тепловой обработки	13	10	3	0
Признаки намеренной фрагментации	10	7.5	0	2.5

Рис. 4. Ёвдино V. Отщепы – бифасы на начальных стадиях расщепления и их преформы. Кремень
Fig. 4. Yovdino V. Flakes – bifaces at the initial stages of knapping and their preforms. Flint

ния бифасов (рис. 5: 1–7, 12) и четыре первичных снятия (рис. 3: 1; 4: 11). Обращает на себя внимание полное отсутствие чешуек (снятий менее 10 мм).

В рассматриваемой категории 16 сколов не имеют макроследов утилизации или обработки для оформления орудий. Остальные предметы были использованы (рис. 5: 12–19;

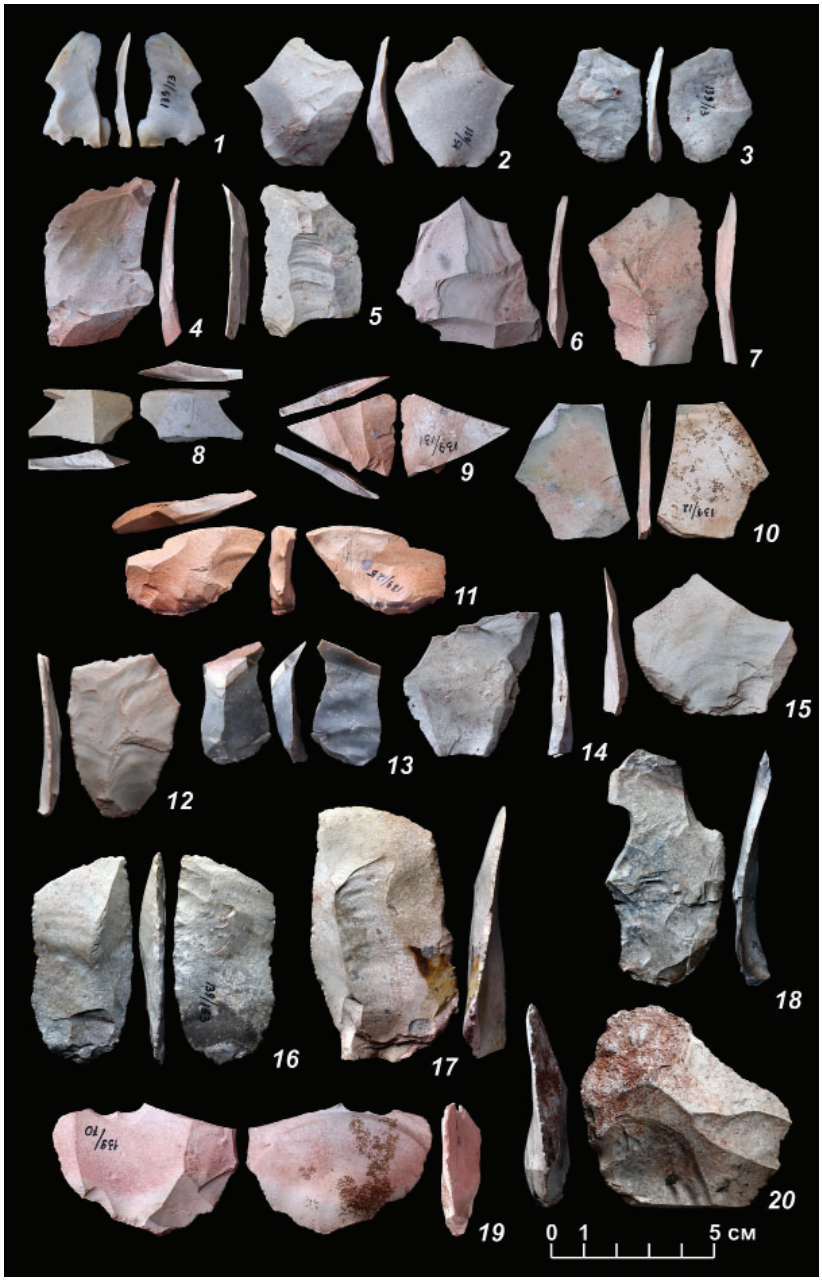


Рис. 5. Ёвдино V. Отщепы. 1–7, 12 – сколы оформления бифасов;
8–11 – намеренно фрагментированные сколы, 9, 12–19 – орудия. Кремень
Fig. 5. Yovdino V. Flakes. 1–7, 12 – biface trimming flake;
8–11 – intentionally fragmented flakes, 9, 12–19 – tools. Flint

12) в основном в качестве т. н. ситуационных орудий, в меньшей мере скребков, скобелей и прочих орудий (см. ниже).

Пластины. Представлены 51 сколом и их фрагментами (рис. 6, 7). Из них изготовлено не менее 26 изделий, включающих преимущественно морфологически невыраженные сколы с краевой ретушью и ретушью утилизации (17 экз.), реже ножи (5) и скобели (3). Из одной крупной неправильной пластины пытались оформить бифас (рис. 8: 8). Также здесь не учтены снятия, из которых могли быть изготовлены двусторонне обработанные наконечники стрел. Из-за сильно преобразования исходных поверхностей можно лишь предположить, что часть пластин была использована для этого (рис. 9: 2, 24; 10: 4, 5).

Бифасы на разной стадии расщепления, включая готовые изделия, – наиболее информативная категория изделий комплекса Ёвдино V, составляющая в нем 33,5% от общего числа артефактов. К предметам начальной

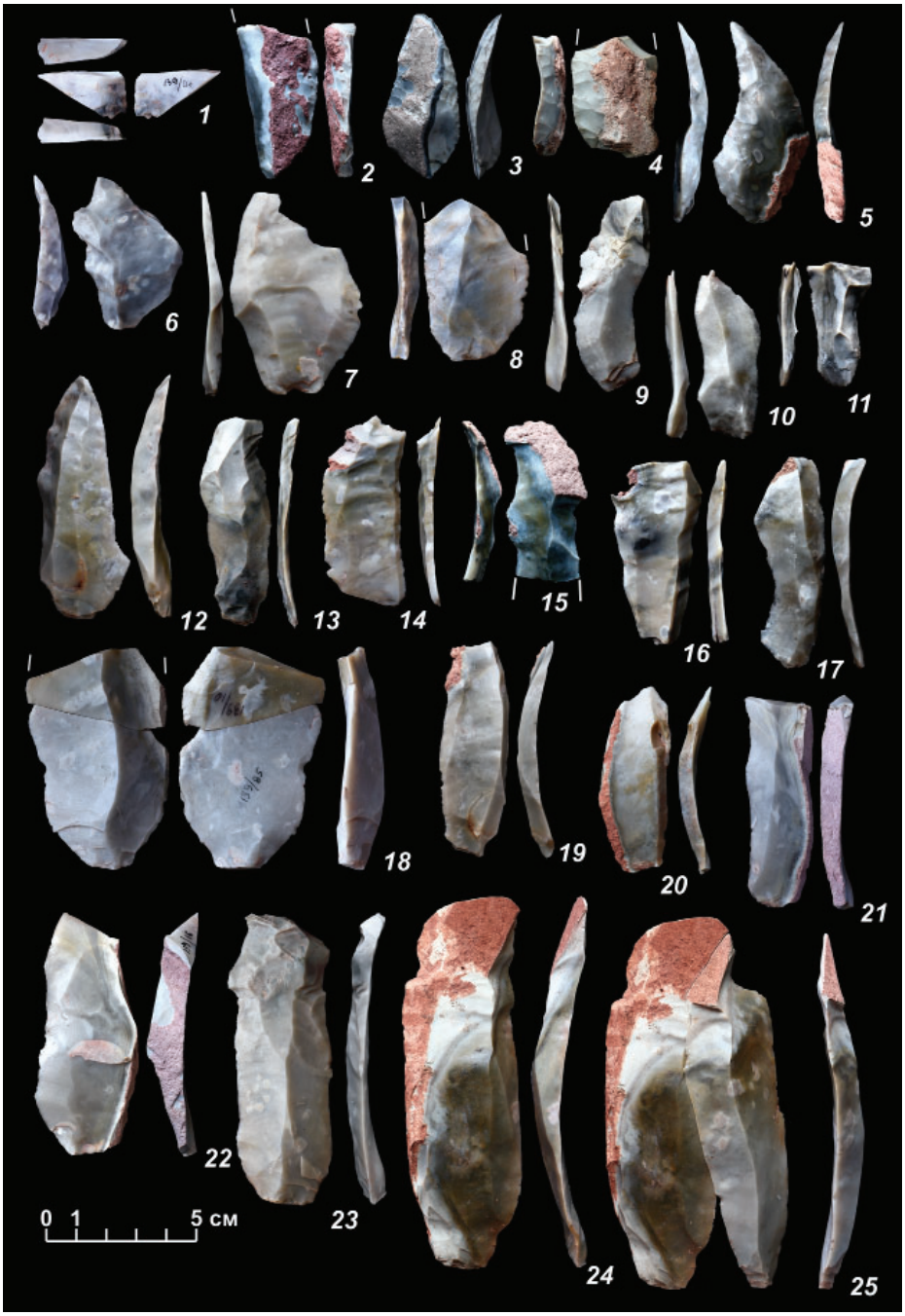


Рис. 6. Ёвдино V. Изделия, изготовленные из одной разновидности кремня
Fig. 6. Yovdino V. Tools made from a single variety of flint

стадии расщепления отнесены отщепы с избирательными снятиями, нацеленными на искривление профиля изделий или на утончение массивных участков, уплощение рельефа (рис. 4; 8: 3–5, 7). Среди артефактов промежуточных стадий обработки – унифасы или бифасы, которые оформлены комедиальными сколами и у которых уже намечена целевая форма (рис. 8: 2, 5–7). К группе завершенных, готовых орудий относятся изделия с прямым в профиле бифасиальным ребром, комедиальной или трансмедиальной покрывающей ретушью с полной или почти полной обработкой двух фасов в сочетании с очень мелкой регулярной краевой ретушью для финальной нивелировки поверхности и выпрямления бифасиального ребра (рис. 8–11). Определена, возможно, преформа на крупном массивном отщепе, она сломана, межнегативные ребра и рельеф на отдельных участках сглажены, что

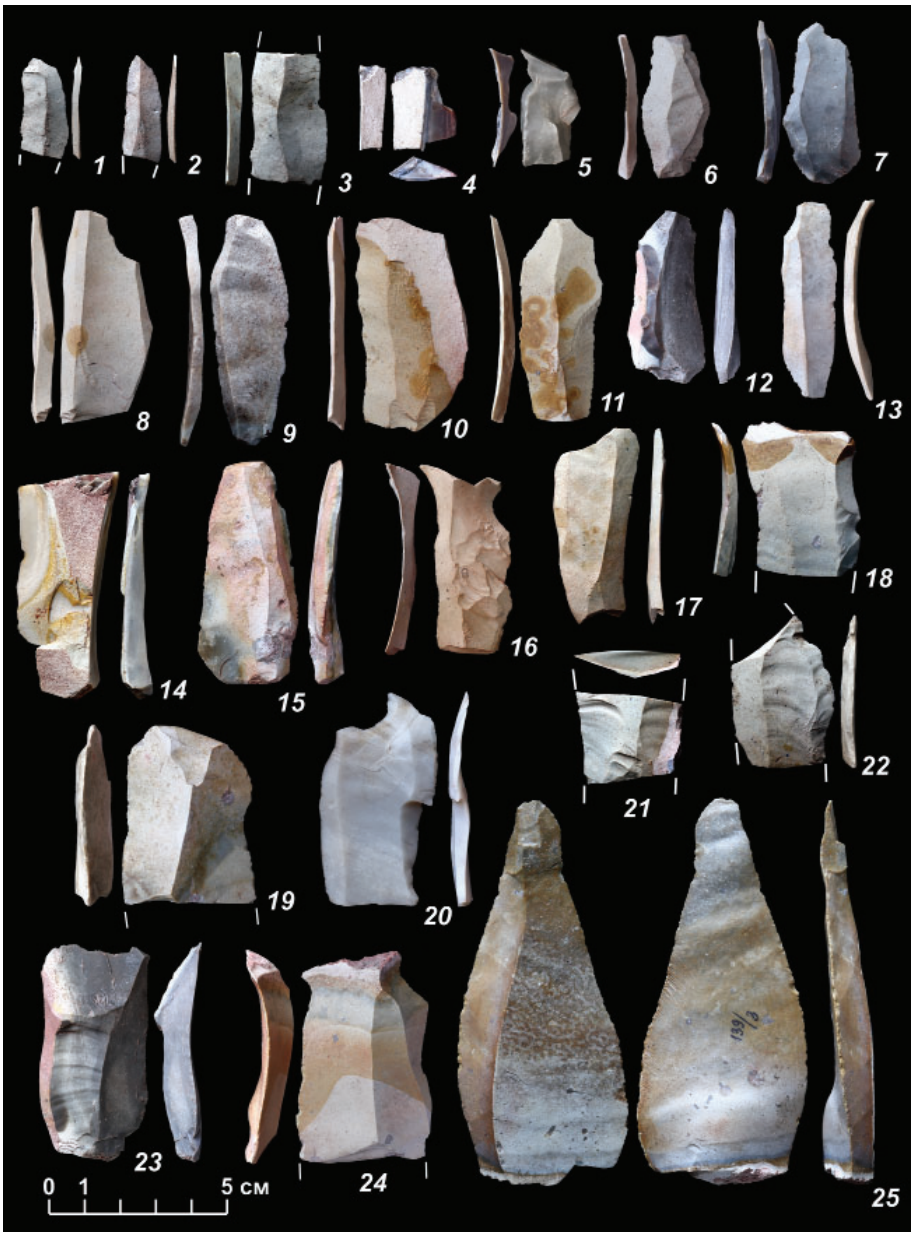


Рис. 7. Ёвдино V. Пластины и их фрагменты. Кремень
Fig. 7. Yovdino V. Blades and their fragments. Flint

может указывать на длительную транспортировку вещи (рис. 3: 1).

Наконечники стрел. Наиболее протяженная серия предметов одной категории комплекса Ёвдино V включает 32 изделия. В составе компактного скопления найдено 27 орудий (рис. 9), за его пределами рассеянно залегали пять наконечников (рис. 10). Изучение стратиграфии следов обработки, морфография наконечников иволистной формы, асимметрия и кривизна продольного профиля при наличии в коллекции пластинчатых сколов указывают на то, что последние могли быть использованы для заготовок наконечников стрел. Обратим внимание, что все они сделаны из разного сырья, при этом учитывается и намеренный нагрев, предварявший их изготовление.

По целым и незначительно обломанным артефактам определяются две группы согласно очертаниям контура изделия в плане – иволистные (рис. 9: 5–12, 15–18, 20–22, 24–27) и ромбические (рис. 9: 1, 2, 13, 14, 19, 23). Но в представленной серии это деление условно, есть артефакты с незначительной асимметрией контура: один край имеет вид ломанной линии, другой – дуги.

Выделяются четыре размерные по длине группы с плавными границами между друг

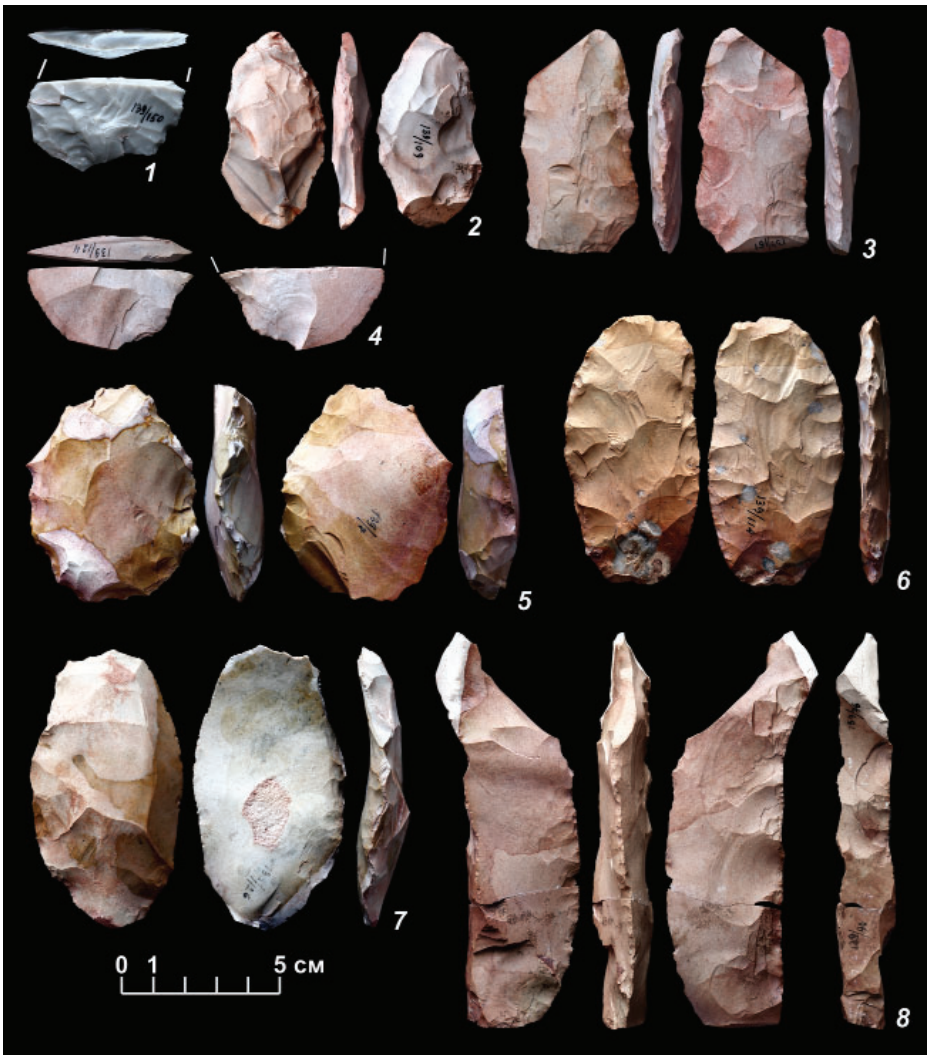


Рис. 8. Ёвдино V. Бифасы на разных стадиях расщепления. Кремень
Fig. 8. Yovdino V. Bifaces in various stages of knapping. Flint

другом: 25–32 (рис. 9: 1–6), 36–45 (рис. 9: 7–15), 51–62 (рис. 9: 16–22), 68–70 мм (рис. 9: 23–27). Ширина варьирует от 10 до 18 мм. Пропорциональность или соотношение длины к ширине орудия колеблется от 2,4 до 5,1. Все завершенные наконечники стрел имеют показатели соотношения ширины к толщине изделия от 1:3,2 до 1:5,4. Последний показатель позволяет утверждать, что предмет с такой морфометрией мог быть изготовлен только с использованием технологии вторичного бифасиального утончения (Аникович и др., 1998, с. 44).

Ножи-бифасы. Представлены одним условно целым изделием (рис. 11: 3) и тремя частями (рис. 11: 1, 2, 4). Это асимметричные в плане плоские предметы разных пропорций, с округлым или треугольным основанием. Не исключено, что они были намеренно фрагментированы ударом. Исходный вид заготовки для них не определен, но, учитывая наличие в коллекции сколов с пробными снятиями, бифасов на разных стадиях расщепления с сохранившимися исходными поверхностями, для изготовления ножей также могли быть использованы крупные отщепы.

О размерах ножей можно судить по единственному условно целому бифасу – 140,1×46,2 мм (рис. 9: 3). Часть другого предмета показывает, что были и изделия крупнее (рис. 11: 2). Показатель соотношения толщины к ширине варьирует в трех случаях от 1:5 до 1:6,5. Исключением является сломанное орудие, у которого аналогичный показатель составляет 1:3,7. В целом эти данные указывают на высокую вероятность использования технологии вторичного бифасиального утон-

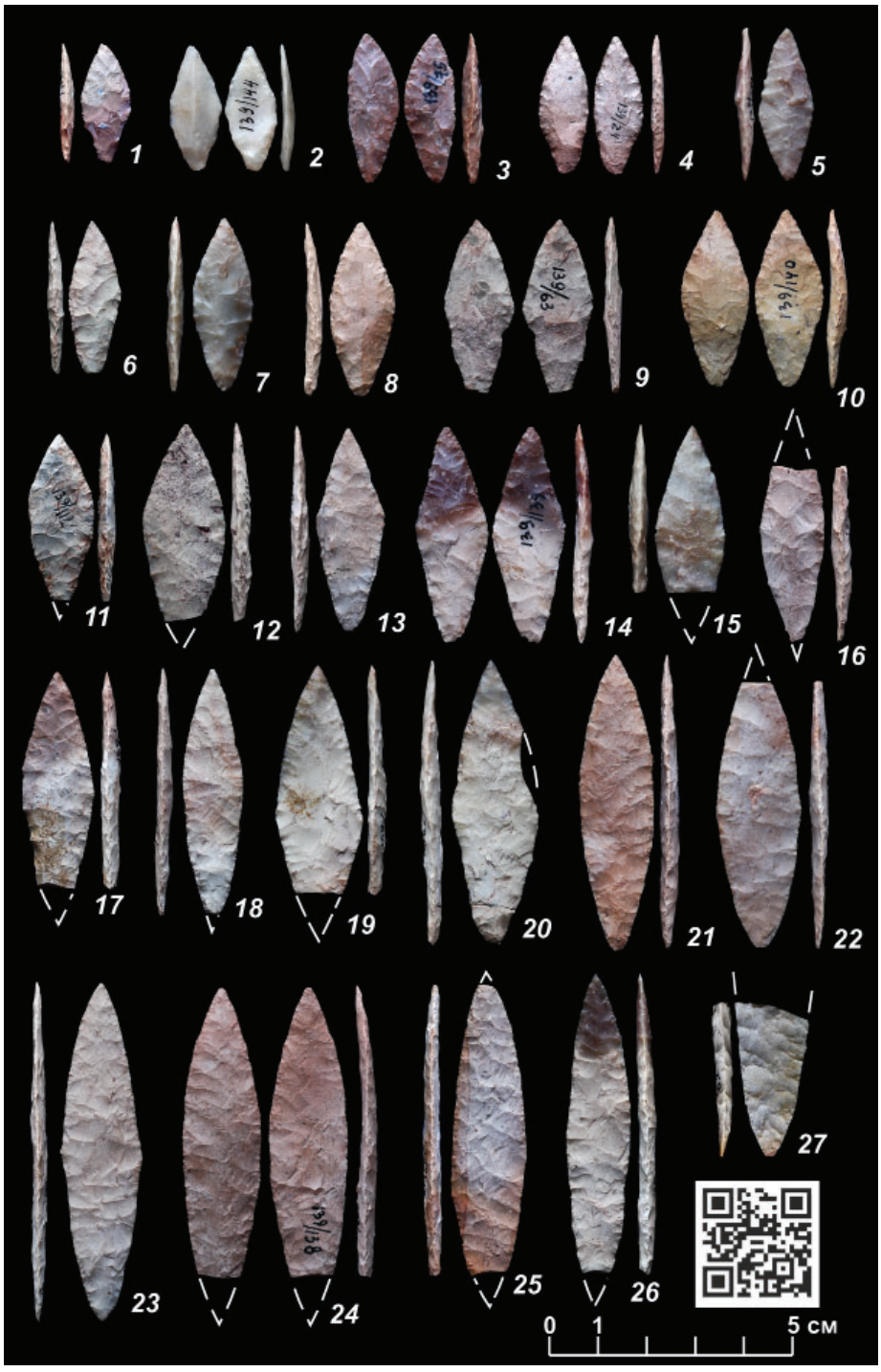


Рис. 9. Ёвдино V. Наконечники стрел из скопления. Кремень.
QR код содержит ссылку для просмотра 3d моделей артефактов на компьютере или смартфоне читателя
Fig. 9. Yovdino V. Arrowheads from the assemblage. Flint.
QR code contains a link to view 3d models of artifacts on the computer or smartphone

чения и для изготовления асимметричных в плане двусторонне обработанных ножей.

Изделия с макроследами утилизации и обработки для оформления орудий составляют 38,2% от общего числа кремневых артефактов комплекса Ёвдино V. Среди них преобладают морфологически не выраженные сколы с ретушью и ретушью утилизации – т. н. «ситуационные» орудия или предметы, использовавшиеся для кратковременных и сиюминутных потребностей. До проведения анализа микроследов можно предположить,

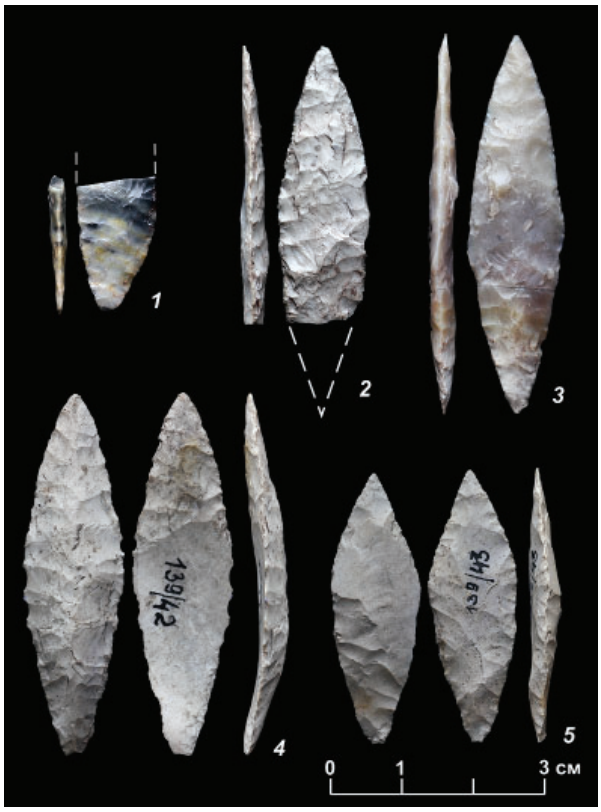


Рис. 10. Ёвдино V. Наконечники стрел, залегавшие вне скопления. Кремень
Fig. 10. Yovdino V. Arrowheads buried outside the assemblage. Flint

что они использовались в качестве ножей и скобелей (рис. 5: 12–19; 6: 8, 14, 19, 21, 23). Они составляют 60% от общего числа орудий без учета бифасов.

Немногочисленны и в равном количестве представлены ножи (рис. 5: 16, 17), скребки, скобели (рис. 12). Скребки изготовлены на отщепах, в том числе один из них сделан из первичного скола (рис. 12: 1–5). Он же отличается от остальных тем, что оба его края оббиты отвесной ретушью (рис. 12: 5). Рабочие участки всех орудий оформлены на дистальных концах, но имеют разную кривизну лезвия. Пять скребков объединяет трапециевидная в плане форма исходной заготовки, что указывает на намеренный отбор сколов с таким абрисом.

Скобели и ножи изготовлены различными видами ретуши на сколах разного вида, формы в плане и массивности и не демонстрируют избирательности в подборе заготовок (рис. 5: 16, 17; 12: 7, 8; 13: 1, 2). Орудия комбинированные сочетают рабочие лезвия скребка и скобеля (рис. 12: 6), перфоратора и ножа. Острие оформлено комедиальной ретушью на отщепе серповидной, случайно получившейся формы (рис. 6: 5). В качестве резца могла быть использована кромка между трещинами намеренно сломанного отщепа (рис. 4: 9). Вывод об этом основан на аналогиях изделиям такого типа в других коллекциях (Карманов, Галимова, 2017, рис. 5–9, табл. 2–4).

Еще три предмета в неординарном контексте Ёвдино V могут быть подвесками, в качестве которых могли быть использованы пластина и пластинчатый отщеп с противоположными выемками (рис. 13: 1, 2) и скол с отверстием от выпавшего фрагмента фоссилии, заключенной в породе (рис. 13: 3). Однако до проведения анализа микроследов на них первые два интерпретируются как орудия с оформленной аккомодационной частью, а третье – случайной формой.

Изделия из некремнистых пород. Представлены абразивом и двумя рубящими орудиями. Для абразива отобран кусок песчаника мелкозернистого (рис. 14). О его использовании свидетельствует снивелированный рельеф исходно неровных поверхностей и субпараллельные узкие борозды на двух противоположных фасах, а также желоб на одном из них.

Два шлифованных тесла отличаются формами и «биографиями» (рис. 15). Первое

Рис. 11. Ёвдино V. Ножи-бифасы. Кремень
Fig. 11. Yovdino V. Bifacial knives. Flint

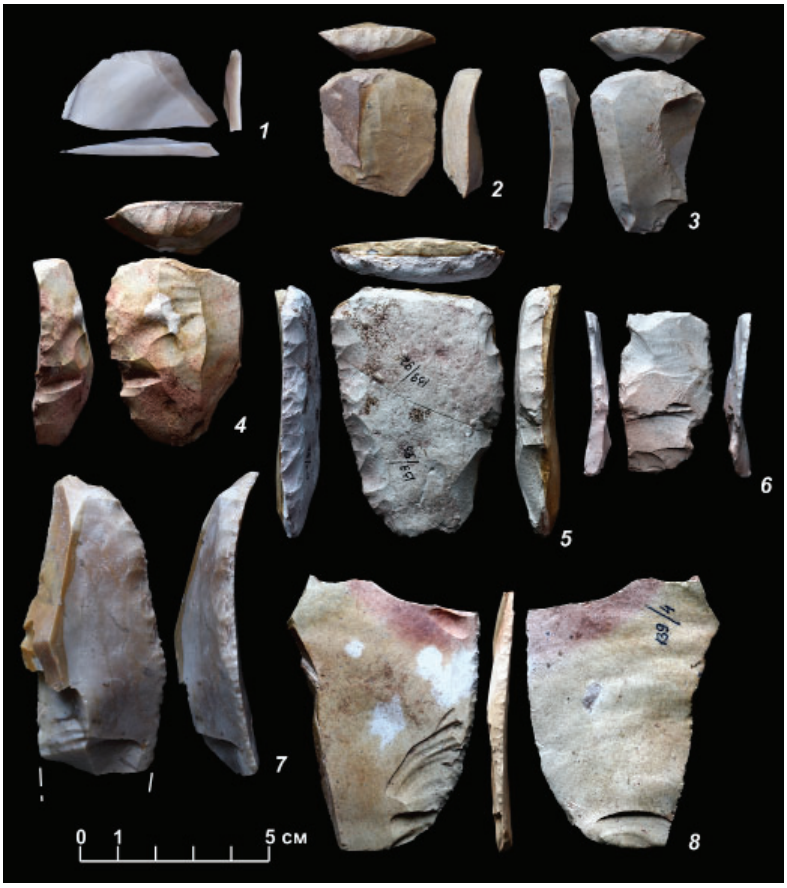


Рис. 12. Ёвдино V. 1–5 – скребки; 6–8 – скобели. Кремень
Fig. 12. Yovdino V. 1–5 – end-scrapers; 6–8 – side-scrapers. Flint

Рис. 13. Ёвдино V. Артефакты, которые могли быть импровизированными подвесками. Кремень
Fig. 13. Yovdino V. Artifacts that may have been improvised pendants. Flint

имеет в основе трапециевидную в плане форму и слабо выпуклое рабочее лезвие (рис. 15: 1). Продольное сечение асимметричное, клиновидное, а поперечное – прямоугольное. На одном углу лезвия и на обухе присутствуют негативы мелких сколов, вероятно образовавшиеся во время использования орудия. Один фас предмета сильно разрушен и частично восстановлен из фрагментов, залегавших рядом с самим теслом. Особенности разрушения орудия и залегания обломков указывают на естественные причины эрозии, например криогенный фактор. Второе тесло длиннее и массивнее, имеет форму в плане, близкую

Рис. 14. Ёвдино V. Абразив. Песчаник
Fig. 14. Yovdino V. Abrasive. Sandstone

к прямоугольнику со скругленными углами (рис. 15: 2). Лезвие тесла уже, чем у первого, и более выпуклое. Продольное сечение асимметричное клиновидное, поперечное – в виде прямоугольника со скругленными углами. В отличие от первого тесла, это орудие сильно фрагментировано сколами, которые залегали как в самом охристом пятне, так и немногочисленно вне его. Это отразилось на разном цвете отщепов. Найдены практически все части орудия, что позволило восстановить его первоначальный облик и сделать вывод о том, что тесло было разрушено намеренно, возможно контрударами.

Интерпретация контекста

Характеристики контекста Ёвдино V и его коллекции позволяют утверждать, что это неординарный тип памятника, который можно интерпретировать как место упокоения – клад артефактов из кремня и некремнистых пород. Доказательством этому служат:

– сложение большого числа предметов на площади около 0,6 кв. м;

– посыпка охрой;

– большое число завершенных и целых орудий по сравнению с местами обитания и производства в регионе;

– протяженная серия наконечников стрел, возможно, остатков колчанного набора или наборов;

– аномальное число и сохранность рубящих орудий в региональном контексте (детали см.: Карманов, 2024, с. 149);

– наличие аналогичных ситуаций – ритуальных кладов волосовской культуры.

Описанная ситуация может указывать на то, что основная масса артефактов была компактно сложена на поверхность, возможно расчищенную от лесной подстилки, а затем засыпана охрой. Промывной режим подзола обусловил распределение окраски грунта по вертикали и горизонтали. Слабая окрашенность песка охрой вокруг скопления, вероятно, свидетельствует о том, что часть пигмента могла быть намеренно рассыпана вокруг места упокоения предметов или это результат био-, педотурбации.

Проблема атрибуции

В комплексе Ёвдино V присутствует информативная серия завершенных наконечников стрел из кремня, целых или восстанавливаемых форм, а также ножей-бифасов, бифасов на разной стадии расщепления, пластин. Это дает возможность поиска аналогичных артефактов в опорных контекстах ближайших и сопредельных территорий.

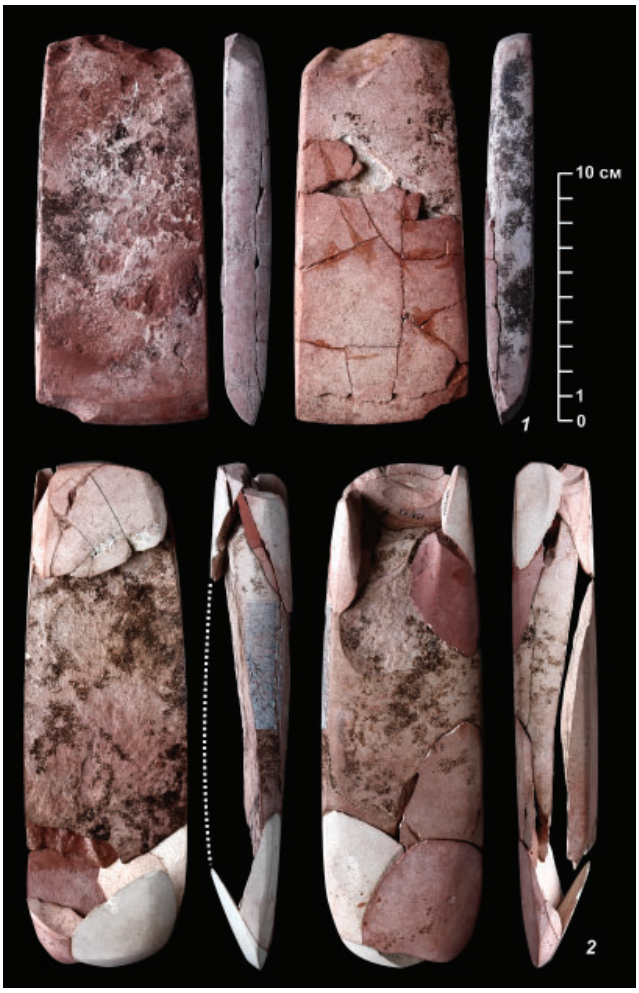


Рис. 15. Ёвдино V. Тесла. Некремнистая порода (ближе не определена)
Fig. 15. Yovdino V. Adzes. Non-flint rock (undefined)

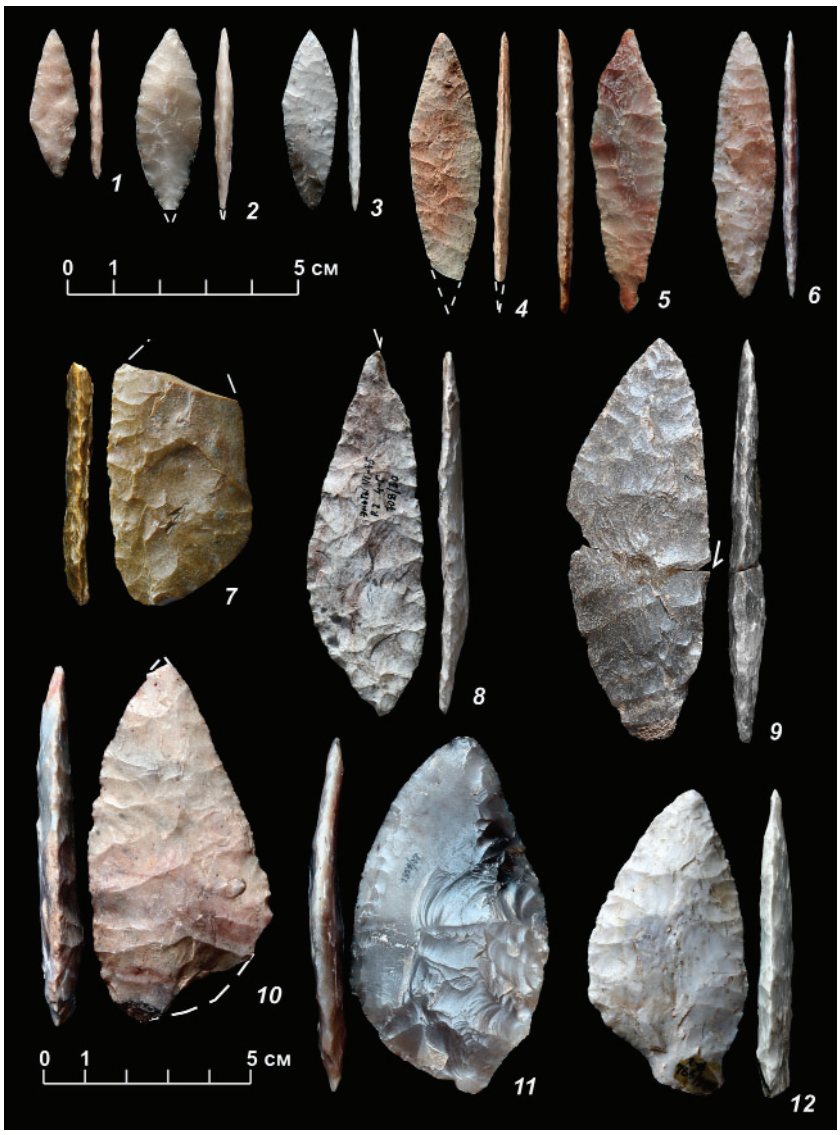


Рис. 16. Бифасы памятников с гребенчато-ямочной керамикой среднего неолита. 1–4 – Пезмогты 5; 5, 10 – Пезмогты 4Б; 6 – Эньты III/1; 7 – Эньты IБ; 8 – Эньты VI; 9 – Эньты IV; 11 – Пезмогты 3А; 12 – Эньты III/2.
Fig. 16. Bifaces from sites with comb-pit ceramics of the Middle Neolithic. 1–4 – Pezmogty 5; 5, 10 – Pezmogty 4B; 6 – Enty III/1; 7 – Enty IB; 8 – Enty VI; 9 – Enty IV; 11 – Pezmogty 3A; 12 – Enty III/2.

Ближайшие опорные комплексы с аналогичными артефактами – материалы углубленных жилищ с гребенчато-ямочной керамикой первой половины V тыс. до н. э. (Карманов, 2008, с. 45–54; Косинская, 1982). Эти данные опубликованы (Карманов, 2008, рис. 53, 57, 61, 64, 68, 70–73, 76, 78, 79, 81, 83, 84, 86, 92), и в настоящей статье представлены наиболее информативные изделия (рис. 16, 17). Вместе с очевидным сходством изделий Ёвдино V и памятников льяловского типа обратим внимание и на отличия. Для жилищных комплексов характерно большое число резцов на углу сломанных заготовок, нуклевидных резцов и намеренно фрагментированных сколов и орудий. В рассматриваемом комплексе такие предметы отсутствуют или единичны и в нем есть два крупных тесла, аналогии которым в жилищах не найдены (Карманов, 2008, рис. 90).

Однако на всем ареале льяловской культуры, включая северо-восток Европы, не известно ни одного достоверного клада каменных артефактов с таким многочисленным составом и особенным контекстом. Зато такие места упокоения характеризуют волосовскую культуру в центре Восточно-Европейской равнины. Здесь на сравнительно ограниченной территории обнаружено не менее 43 кладов с каменными предметами: на стоянках

Рис. 17. Заготовки бифасов памятников с гребенчато-ямочной керамикой среднего неолита.
1, 3 – Пезмогты 1А; 2 – Пезмогты 1Б; 4 – Пезмогты 4Б
Fig. 17. Blanks of bifaces from sites with comb-pit ceramics of the Middle Neolithic.
1, 3 – Pezmogty 1A; 2 – Pezmogty 1B; 4 – Pezmogty 4B

Волосово (один комплекс) (Цветкова, 1957) и Володары (10) (Цветкова, 1975; Костылева, Уткин, 2010), Сахтыш II (21), Сахтыш IIA (2), Сахтыш VIII (7) (Костылева, Уткин, 2010; 2015; 2021), Шагара I (Каверзнева, 1992) и Ильинский остров (Козырева, 1971).

Большая часть кладов центра Восточно-Европейской равнины связана с погребениями и интерпретируются как погребальные и поминальные. Лишь пять комплексов стоянки Сахтыш VIII обнаружены «в зоне жилищ», четыре из них, № 3–5, 7, по мнению их исследователей, связаны со строительной обрядностью, а один, № 6, с поминальной (Костылева, Уткин, 2015, с. 112). Однако сравнительно небольшая площадь раскопа Ёвдино V и отсутствие исследований за его пределами не дают возможности судить, был ли связан этот комплекс с местами обитания и упокоения людей. И этот вопрос открыт до изучения территории, окружающей раскоп 2001 г.

По составу многие клады волосовской культуры являются сложными, включающими изделия из кремня и некремнистых пород, кости, янтаря, реже керамику (Костылева, Уткин, 2011, табл.). Не исключено, что на Ёвдино V были погребены и артефакты из органических материалов, не сохранившиеся из-за особенностей подзолов, в которых они залегали. Кладов, в которых были найдены только артефакты из кремня и прочих пород, выявлено всего восемь. И все они содержат сравнительно небольшое число предметов: от 3 до 29. Наибольшее число изделий – 95 – входит в состав Волосовского клада, но, как было сказано выше, это вспомогательный источник.

Наибольшее число каменных изделий среди сложных комплексов характерно для

Сахтыш II и Володары, в которых найдено 601 и 1032 каменных изделия, рассредоточенных соответственно по 14 и 10 кладам (Костылева, Уткин, 2011, табл.). Из них лишь клад № 2 Сахтыш II «конкурирует» с Ёвдино V по числу каменных предметов: в него было положено 192 изделия. Однако 155 предметов в нем – это отщепы и осколки, что снижает число информативных артефактов до 37.

Заключение

Основная проблема в изучении комплекса Ёвдино V – его атрибуция. В контексте данных о неолите и периоде раннего металла КСВЕ наибольшее соответствие кремневый инвентарь клада имеет в материалах углубленных жилищ и мастерской льяловской культуры, т. е. памятников с гребенчато-ямочной керамикой среднего неолита, перв. пол. V тыс. до н. э. Однако ситуации, аналогичные Ёвдино V, на памятниках льяловской культуры пока не выявлены на всем ее ареале, но они характерны для могильников и одиночных погребений, реже поселений, волосовской культуры центра Восточно-Европейской равнины. Особенности клада Ёвдино V по сравнению с комплексами волосовской культуры на нынешний момент исследования таковы:

– отсутствие данных о наличии могильника или одиночного погребения, которые мог сопровождать клад;

– отсутствие признаков использования огня при погребении артефактов;

– многочисленность каменных предметов, в особенности бифасов – наконечников стрел и ножей – при меньшем разнообразии форм охотничьего вооружения и более мелком размере орудий этого типа;

– асимметричный контур ножей-бифасов;

– значительное число пластинчатых сколов.

Это результаты сравнения Ёвдино V с усредненным «портретом» всех волосовских кладов. Если же сопоставить с конкретными комплексами, то в наибольшей мере публикуемый клад соответствует коллекции Волосово, при условии гомогенности последнего. Их сближает большое число наконечников стрел и сходство форм большинства из них, асимметричные ножи-бифасы, наличие рубящих орудий.

Таким образом, технолого-типологические показатели клада Ёвдино V в полной мере соответствуют таковым памятников с гребенчато-ямочной керамикой среднего неолита, а символическое поведение, в результате которого он создан, характерно для волосовской культуры. Отсюда, правомерно предложить два варианта атрибуции. Первый, приоритетный в региональном контексте: Ёвдино V – комплекс льяловской культуры перв. пол. V тыс. до н. э. (Карманов и др., 2019, с. 166) и наиболее раннее проявление широко распространившегося феномена волосовских ритуальных кладов. Второй, актуальный для современного состояния изученности всех памятников льяловской и волосовской культур Восточно-Европейской равнины: Ёвдино V – клад волосовской культуры, датируемой по разным данным 2-й четв. IV – III тыс. до н. э. (Черных и др., 2011) или 2-й четв. IV – кон. IV тыс. до н. э. (Meadows et al., 2024, fig. 4). Особенности комплекса объясняются удаленностью от территории распространения устойчивой традиции создания таких мест упокоения и неизученностью территории вокруг раскопанного участка.

Перспективы

Последующие исследования необходимо нацелить на дальнейшее полевое изучение территории, прилегающей к раскопу Ёвдино V, а также анализ микроследов на предметах клада для восстановления «биографии» артефактов и получения новой информации об особенностях этого места упокоения.

Благодарность:

Авторы признательны археологам Е.А. Кашиной, А.А. Храмцовой и А.Ю. Тарасову за помощь и консультации по теме исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Аникович М.В., Бредли Б.А., Гиря Е.Ю. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // Археологические вести. Вып. 5/ Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 42–54.

Березина Н.С. Каменный век Чувашского Поволжья // Археология Евразийских степей. 2021. № 1. С. 8–261.

Буров Г.М. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде // Труды Коми филиала АН СССР. Вып. 9 / Отв. ред. П.П. Вавилов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. С. 98–129.

Каверзнева Е.Д. Шагарский могильник конца III – начала II тысячелетия до н.э. в Центральной Мещере // РА. 1992. № 3. С. 147–159.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2008. 226 с.

Карманов В.Н. Тепловая обработка кремня в неолите Крайнего северо-востока Европы // Известия лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 3. С. 22–42.

Карманов В.Н. Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском северо-востоке России: проблема атрибуции // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 81–97.

Карманов В.Н. Просто красота или еще и магия? Фигурные кремни и их место в первобытной культуре Севера // Stratum Plus. 2022. № 2. С. 139–158.

Карманов В.Н. Особый тип каменных топоров эпохи бронзы с реки Коротаиха (бассейн Баренцева моря) // УАВ. 2024. Т. 24. № 1. С. 149–160.

Карманов В.Н., Галимова М.Ш. Намеренная фрагментация кремнёвых изделий в неолите (по материалам стоянки Пезмогты 3а на средней Вычегде, Республика Коми) // Поволжская археология. 2017. № 3 (21). С. 46–65.

Карманов В.Н., Гиря Е.Ю. Артефакты со следами неутилитарного износа в контексте кремнеобрабатывающей мастерской энеолита Угдым IБ (Средняя Вычегда, Республика Коми) // Поволжская археология. 2018. № 3 (25). С. 139–155.

Карманов В.Н., Недомолкина Н.Г., Мельничук А.Ф. Современные представления о культурах неолита на северо-востоке Европы // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 159–171.

Козырева Р.В. Стоянка Ильинский остров в Архангельской области // КСИА. Вып. 126 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1971. С. 120–126.

Косинская Л.Л. Неолитическая стоянка-мастерская на Выми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока / Отв. ред. Р. Ф. Итс. Сыктывкар: СГУ, 1982. С. 132–144.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8. Т. I. / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: Триада, 2011. С. 340–360.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские «клады» стоянок Сахтыш II и Сахтыш VIII: планиграфия, структура, значение // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции / Отв. ред. В.М. Лозовский, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов. СПб.: ИИМК РАН, 2015. С. 109–114.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Ритуальные «клады» волосовской культуры стоянки и могильника Сахтыш II: новые исследования старых коллекций (Часть первая) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных Тверь: Триада, 2021. С. 289–298.

Костылёва Е.Л., Тарасов А. Ю., Уткин А.В. Импортные орудия русско-карельского типа из раскопок Сахтышских стоянок: стратиграфия, планиграфия, хронология // Вестник Ивановского государственного университета. 2014. Вып. 3(7). С. 34–40.

Лузгин В.Е. Неолитические стоянки в бассейне р. Индиги // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени / МАЕСВ. Вып. 6 / Отв. ред. В.С. Стоколос. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1977. С. 23–30.

Семенов В.А., Несанелене В.Н. Европейский Северо-Восток в эпоху бронзы (по материалам раскопок Сыктывкарского университета). Сыктывкар: СГУ, 1997. 169 с.

Тарабукин Ю.В. Кремневый материал поселения Евдино V // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Доклады 4-й научной конференции ФЦП «Интеграция». Сыктывкар: Геопринт, 2001. С. 78–81.

Тимушева И.М. Йовдин V – Коми Республикалын Вымь ю бокса неолитическӧй выль памятник // IFUSCO XVIII. Kansainvällen fennougristiikan opiskelijoiden konferensii. Helsinki, 11.-15.9.2002. Helsinki: Yliopistopaino, 2002. P. 98. *На коми языке.*

Храмцова А.А. Ритуальные волосовские комплексы (по материалам поселения Володары). Магистерская диссертация. М., 2017. 110 с.

Цветкова И.К. Волосовский клад / Труды ГИМ. Вып. XXIII. М.: Советская Россия, 1957. 44 с

Цветкова И.К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии / Отв. ред. П.М. Кожин, Л.В. Кольцов, М.П. Зимина. М.: Наука, 1975. С. 102–111.

\Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н. э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: ИА РАН, 2011. С. 24–62.

Meadows J., Khramtsova A., Piezonka H., Krause-Kyora B., Nicolas da Silva, Kostyleva E., Dobrovolskaya M., Veselovskaya E., Vasilyev S. Dietary ^{14}C reservoir effects and the chronology of prehistoric burials at Sakhtysh, central European Russia // Science Advance. 2024. Vol. 10. No. 8. DOI:10.1126/sciadv.adk2904

https://nav.shm.ru/exhibits/2453/ Дата обращения: 12.02.2025 г.

https://nav.shm.ru/exhibits/2457/ Дата обращения: 12.02.2025 г.

Информация об авторах:

Карманов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, зав. сектором, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия); vkarman@bk.ru

Несанелене Валентина Николаевна, независимый исследователь (г. Архангельск, Россия); valentinanes@mail.ru

REFERENCES

Anikovich, M. V., Bredli, B. A., Girya, E. Yu. 1998. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 5. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin” Publ., 42–54 (in Russian).

Berezina, N. S. 2021. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 8–261 (in Russian).

Burov, G. M. 1960. In Vavilov, P. P. (ed.). *Trudy Komi filiala AN SSSR (Proceedings of Komi branch of the USSR Academy of Sciences)* 9. Syktyvkar: “Komi knizhnoe izdatelstvo” Publ., 98–129 (in Russian).

Kaverzneva, E. D. 1992. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* 3, 147–159 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2008. *Neolit evropeiskogo Severo-Vostoka (Neolithic of European Notheast)*. Syktyvkar: Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Karmanov, V. N. 2018. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: sbornik nauchnykh trudov (Review of the Laboratory of ancient technologies: a collection of scientific papers)* 14 (3), 22–42 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 81–97 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2022. In *Stratum Plus* (2), 139–158 (in Russian).

Karmanov, V. N. 2024. In *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 24 (1), 149–160 (in Russian).

Karmanov, V. N., Galimova, M. Sh. 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 21 (3), 46–65 (in Russian).

Karmanov, V. N., Girya, E. Yu. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 25 (3), 139–155 (in Russian).

Karmanov, V. N., Nedomolkina, N. G., Melnichuk, A. F. 2019. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Scientific Bulletin)* 27 (2), 159–171 (in Russian).

Kozyreva, R. V. 1971. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 170. Moscow: “Nauka” Publ., 120–126 (in Russian).

Kosinskaya, L. L. 1982. In Its, R. F. (ed.). *Problemy etnogeneticheskikh issledovaniy Evropeyskogo Severo-Vostoka (The issues of ethnic-genetic research of European Northeast)*. Syktyvkar: Syktyvkar State University, 132–144 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neolithic -Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluve: Planigraphic and Chronological Structures*). Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 8 (1). Tver: "Triada" Publ., 340–360 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2015. In Lozovskiy, V. M., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A. (eds.). *Neoliticheskie kul'tury Vostochnoi Evropy: khronologiia, paleoekologiia, traditsii (Neolithic Cultures of Eastern Europe: Chronology, Paleoecology, Traditions)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 109–114 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2021. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 12 (1). Tver: "Triada" Publ., 75–80 (in Russian).

Kostylyova, E. L., Tarasov, A. Yu., Utkin, A. V. 2014. In *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Ivanovo State University)* 7 (3), 34–40 (in Russian).

Luzgin, V. E. 1977. In Savelyeva, E. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Pechory, Severnoi Dviny i Mezeni (Archaeological Monuments of the Pechora, Northern Dvina and Mezen Rivers)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeiskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of European Northeast) 6. Syktyvkar, 23–30 (in Russian).

Semenov, V. A., Nesanelene, V. N. 1997. *Evropeiskii Severo-Vostok v epokhu bronzy (po materialam raskopok Syktyvkarskogo universiteta) (European Northeast in the Bronze Age (on the Basis of Excavations Materials from the Syktyvkar University).* Syktyvkar: Syktyvkar State University (in Russian).

Tarabukin Yu. V. 2001. In Yushkin N. P. (ed.). *Geologo-arkheologicheskie issledovaniia v Timano-Severoural'skom regione* (*Geological and Archaeological Studies in the Timan-Northern Ural Region)*. Syktyvkar: "Geoprint*"* Publ., 78–81 (in Russian).

Timusheva, I. M. 2002. In Juntilla, S. (ed.). *IFUSCO XVIII. Kansainvällen fennougristiikan opiskelijoiden konferensii.* Helsinki: Yliopistopaino, 98. (in Komi).

Khramtsova, A. A. 2017. *Ritualnye volosovskie kompleksy (po materialam poseleniia Volodary) (Ritual Volosovo complexes (based on the materials of the Volodary settlement)).* Moscow (in Russian).

Tsvetkova, I. K. 1957. *Volosovskiy klad (Volosovo cache).* Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 23. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ. (in Russian).

Tsvetkova, I. K. 1975. In Kozhin, P. M., Kol'tsov L. V., Zimina, M. P. (eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii* (*Monuments of the Ancient History of Eurasia*). Moscow: "Nauka" Publ., 102–111 (in Russian).

Chernykh, E. N., Kuzminykh, S. V., Orlovskaia, L. B. 2011. In Chernykh, E. N. (ed.). *Analiticheskie issledovaniia laboratorii estestvennonauchnykh metodov (Analytical studies of the laboratory of the natural science methods)* 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 24–62 (in Russian).

Meadows, J., Khramtsova, A., Piezonka, H., Krause-Kyora, B., Nicolas da Silva, Kostyleva, E., Dobrovolskaya, M., Veselovskaya, E., Vasilyev, S. 2024. In *Science Advance*. Vol. 10. No. 8. DOI:10.1126/sciadv.adk2904

https://nav.shm.ru/exhibits/2453/ (accessed 12.02.2025)

https://nav.shm.ru/exhibits/2457/ (accessed 12.02.2025)

About the Authors:

Karmanov Viktor N. Candidate of Historical Sciences, Institute of Language Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Kommynisticheskay str., 26. Syktyvkar, 167982, Russian Federation; vkarman@bk.ru

Nesanelene Valentina N., independent researcher. Arkhangelsk, Russian Federation; valentinanes@mail.ru

Статья поступила в журнал 26.03.2025 г.
Статья принята к публикации 02.04.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.217.229

ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГУНДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ[1]

©2026 г. И.Н. Васильева

Статья содержит итоги изучения керамики Гундоровского поселения – одного из крупнейших энеолитических поселенческих памятников в Самарском Заволжье (V тыс. до н.э.). Памятник был исследован в 80-е годы XX в. археологической экспедицией КГПИ под руководством И.Б. Васильева и Н.В. Овчинниковой. По морфологическим особенностям керамический материал был разделен на культурно-хронологические группы: 1) комплекс воротничковой керамики (самарско-ивановский тип, хвалынская АК); 2) I этап лебяжинского типа (Лебяжинка III); 3) II этап лебяжинского типа (волосовский); 4) гундоровский тип; 5) чекалинский тип. Исследование гончарной технологии осуществлялось с помощью технико-технологического анализа, в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского (бинокулярная микроскопия, трасология, физическое моделирование). В статье представлены результаты изучения гончарных традиций по стадиям производства, подтвержденные фотоиллюстрациями и статистическими таблицами. В заключении автор излагает свое понимание этнокультурного состава энеолитического населения Гундоровки, а также процесса появления и формирования разных культурных традиций в Самарском Поволжье.

Ключевые слова: археология, энеолит, Самарское Поволжье, Гундоровское поселение, керамика, междисциплинарный подход, гончарная технология, анализ керамики по методике А.А. Бобринского

POTTERY-MAKING TECHNOLOGY OF THE ENEOLITHIC INHABITANTS OF THE GUNDOROVKA SETTLEMENT[2]

I.N. Vasilieva

The article deals with the results of the study of pottery from the Gundorovka settlement – one of the largest Eneolithic settlement sites in the Samara Trans-Volga region (5th millennium BC). The site was investigated in the 1980s by the Kuibyshev State Pedagogical Institute archaeological expedition under the leadership of I.B. Vasilyev and N.V. Ovchinnikova. Based on morphological features, the ceramic material was divided into cultural-chronological groups: 1) a complex of collar ceramics (Samara-Ivanovo type, Khvalynsk archaeological culture); 2) Stage I of the Lebyazhinka type (Lebyazhinka III); 3) Stage II of the Lebyazhinka type (the Volosovo component); 4) Gundorovka type; 5) Chekalino type. The study of pottery-making technology was carried out using techno-technological analysis within a historical-cultural framework following the methodology of A.A. Bobrinsky (binocular microscopy, traceology, physical modeling). The article presents the results of studying pottery traditions across production stages, supported by photo illustrations and statistical tables. In conclusion, the author outlines their understanding of the ethnic-cultural composition of the Eneolithic population of Gundorovka, as well as the processes of emergence and formation of different cultural traditions in the Samara Volga region.

Keywords: archaeology, Eneolithic, Samara Volga region, Gundorovka settlement, ceramics, interdisciplinary approach, pottery-making technology, ceramic analysis using the methodology of A.A. Bobrinsky.

Введение

Гундоровское поселение находится в Самарской области, на правом берегу р. Сок (левого притока р. Волги), на территории излучины, образованной рекой и ее старицей. Археологические раскопки памятника производились экспедицией КГПИ под руководством И.Б. Васильева и Н.В. Овчинниковой во второй половине 80-х годов XX в. (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 231). Поселение

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-28-01638 «Энеолит лесостепного Поволжья: традиции и инновации».

[2] The study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-01638 “Eneolithic of the Volga Forest-Steppe: traditions and innovations”.

является одним из самых крупных и наиболее исследованных памятников эпохи энеолита в Поволжье. Культурный слой содержал материалы от неолита до раннего Средневековья, но основным, наиболее мощным был энеолитический слой (V тыс. до н. э.), в котором находились котлованы пяти жилищ. Значительный керамический и вещевой материал систематизирован и хранится в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина, однако детальный анализ и полная публикация материалов пока не осуществлены. Актуальность и необходимость работ в этом направлении очевидны (Королев и др., 2025, с. 345–346). В последние годы были раскопаны новые памятники эпохи энеолита, давшие возможность переосмыслить материалы Гундоровки и найти им место в цепочке энеолитических культур Волго-Уралья. Появилась серия новых радиоуглеродных дат и новые методические подходы к исследованию археологических материалов. Все это позволяет провести анализ гундоровских материалов на современном уровне. Данная статья посвящена подведению итогов технико-технологического анализа энеолитической керамики Гундоровского поселения.

Методика исследования. Группировка керамики и разбивка на культурные типы производилась на основе морфологических признаков (особенностей форм и орнаментации) А.И. Королевым и А.А. Шалапининым. Были выделены следующие культурно-хронологические группы сосудов: 1) комплекс воротничковой керамики (самарская, хвалынская культуры, ивановский тип); 2) I этап лебяжинского типа (Лебяжинка III); 3) II этап лебяжинского типа; 4) гундоровский тип; 5) чекалинский тип (рис. 1). Исследование технологии их изготовления производилось по методике А.А. Бобринского, базирующейся на бинокулярной микроскопии, трасологии, физическом моделировании (Бобринский, 1978; 1999). Основная задача исследования – выявление и характеристика культурных традиций в энеолитическом гончарстве. Объектами изучения являются технологические следы на сосудах как результат использования древними гончарами конкретных навыков труда. Они выявляются, фиксируются, описываются и идентифицируются с помощью бинокулярного микроскопа, посредством сравнительного анализа керамики и моделей-эталонов, специально созданных в полевых и лабораторных условиях (физическое моделирование). Информация о гончарной технологии используется при решении вопросов историко-культурного характера. Источниковая база состоит из данных изучения 525 образцов от 452 разных сосудов в виде развалов, венчиков и придонных частей.

Материалы и их обсуждение. Технико-технологический анализ керамики Гундоровского поселения производился в соответствии со стадиями гончарного производства (подготовительной, созидательной, закрепительной) (Бобринский, 1999, с. 9–11).

1. *Комплекс воротничковой керамики* (48 обр.). Сосуды имеют горшковидную округлодонную форму. Для керамики самарской АК и ивановского типа характерны: плавно расширяющаяся наружу горловина; с внешней стороны – вытянутое утолщение-воротничок; гребенчатая орнаментация; иногда поясок ямок-жемчужин под воротничком. Сосуды хвалынской культуры отличаются более выраженным и коротким, массивным утолщением-воротничком, четким переходом горловины в тулово, использованием двух основных техник орнаментирования: гребенчатого штампования и отпечатков плетеных фактур.

Производители посуды с воротничковым оформлением горловины использовали только один вид ИПС – илистые глины. Среди них преобладали жирные (высокопластичные) подвиды (табл. 1 – 81%), хотя имели место в меньшем объеме приемы отбора тощих илистых глин (табл. 1 – 19%). Перед употреблением пластичное сырье находились в естественно увлажненном состоянии. В соответствии с существующими в изучаемом гончарстве традициями производилось составление рецептов ФМ (табл. 2): 1) ИПС+ОР (6%); 2) ИПС+ДР+ОР (69%); 3) ИПС+ДР+ПП+ОР (19%); 4) ИПС+ДР+Шо/г+ОР (4%); 5) ИПС+Ш+ОР (2%). Массово были распространены рецепты ФМ с дробленой раковиной и органическим раствором. Обращает на себя внимание тщательность подготовки примеси раковины: нагрев свежих раковин пресноводных моллюсков на костре (до серого цвета с жемчужным блеском), растирание и дробление ее до мелких размеров (1–3 мм), ручное отсеивание крупных обломков, введение этой примеси в ФМ в большой-средней концентрации. В рецептуре ФМ воротничковой керамики Гундоровско-

Таблица 1. Исходное пластичное сырье энеолитической керамики Гундоровского поселения
*Table 1.*Initial plastic raw material used in the production of Eneolithic pottery at the Gundorovka settlement

Культурные типы керамики	**Исходное пластичное сырье**						**ИТОГО:**
	Илы		**всего**	**Илистые глины**		**всего**	
	тощие	**жирные**		**тощие**	**жирные**		
1. Комплекс воротничковой керамики	-	-	**-**	9 19%	39 81%	**48** **100%**	**48** **100%**
2. I этап лебяжинского типа керамики	-	-	**-**	2 2%	85 98%	**87** **100%**	**87** **100%**
3. II этап лебяжинского типа керамики	-	1	**1** **0,5%**	18 8%	204 92%	**222** **99,5%** **(100% для ИГ)**	**223** **100%**
4. Гундоровский тип	1	4	**5** **6%**	25 32%	53 68%	**78** **94%** **(100% для ИГ)**	**83** **100%**
5. Чекалинский тип	-	-	**-**	5 45%	6 55%	**11** **100%**	**11** **100%**
ВСЕГО:	1	5	**6**	59	387	**441**	**452**

Примечания: АК – археологическая культура; единица изучения – образец (отдельный сосуд)

го поселения, в отличие от других энеолитических памятников Волго-Уралья, значительное место занимал смешанный рецепт: ИПС+ДР+ПП+ОР (19%). Из девяти сосудов с таким рецептом к ивановскому типу относится шесть, к хвалынскому – три (при этом необходимо отметить, что фрагменты керамики, отнесенные к данному типу, скорее носят отдельные черты хвалынского облика. Вполне возможно, что относятся к более позднему периоду хвалынской культуры). Птичий пух введен в ФМ в малой концентрации, в виде единичных включений, хотя имеются сосуды, содержащие значительное количество отпечатков ПП. Остальные рецепты ФМ представлены единичными сосудами, относящимися к ивановскому типу (табл. 2). Практически все сосуды хвалынского облика сделаны по «классическому» рецепту: ИПС+ДР+ОР. Навыки труда гончаров на *созидательной стадии* были связаны с техникой лоскутного налепливания, применением форм-моделей и выбиванием. Широко использовался зональный лоскутный налеп: отдельной зоной была верхняя часть сосуда с воротничком высотой 4–7 см. «Строительные элементы» – небольшие лоскутки ФМ длиной не более 1,5–2 см. В процессе изготовления сосудов, вероятно, привлекались разные формы-модели, следы которых на изделиях впоследствии были аккуратно заглажены. Придание окончательной формы осуществлялось также выбиванием стенок сосуда твердой колотушкой (имеются участки стенок толщиной до 4 мм). В среднем толщина стенок сосудов 5–8 мм, в отличие от посуды лебяжинского типа, толщина которых зачастую более 10 мм. Внешняя поверхность сосудов подвергалась тщательному уплотнению, внутренняя – заглаживанию твердым орудием и мягкими материалами. 17% сосудов данной группы имеют следы обработки внутренней поверхности гребенчатым штампом. На *закрепительной стадии* гончарного производства зафиксированы смешанные способы: «холодные» (введение ОР) и «горячие» (обжиг) (Бобринский, 1999). Поверхность сосудов серовато-коричневая. Изломы сосудов в основном с темно-серой сердцевиной. Предполагается низкотемпературный режим обжига, в восстановительной среде, в условиях изоляции изделий от открытого огня, с кратковременной выдержкой при температурах каления (650–700°).

2. Лебяжинский тип, этап I. Характеристика производства данной посуды может быть сделана по результатам изучения 87

Рис. 1. Гундоровское поселение: культурно-хронологические группы керамики: 1 – керамика самарской культуры раннего этапа; 2 – керамика хвалынской культуры; 3-4 – керамика самарской культуры ивановского этапа; 5-8 – керамика лебяжинского типа раннего этапа; 9-13 – керамика лебяжинского типа позднего этапа; 14 – керамика гундоровского типа; 15 - керамика чекалинского типа.

Fig. 1. Gundorovka settlement: cultural and chronological types of pottery: 1 – pottery of the Samara culture of the early stage; 2 – pottery of the Khvalynsk culture; 3-4 – pottery of the Samara culture of the Ivanovo stage; 5-8 – pottery of the Lebyazhinka type of the early stage; 9-13 – pottery of the Lebyazhinka type of the late stage; 14 – pottery of the Gundorovka type; 15 – pottery of the Chekalino type.

сосудов, имеющих горшковидную округлодонную форму с отогнутой наружу горловиной и хорошо выраженным утолщением снаружи (воротничком). Поверхность изделий имеет цвет от серо-коричневого до оранжевого и толщину стенок 7–12 мм. Декорирование сосудов производилось гребенчатыми, реже веревочными штампами, а также ямчатыми вдавлениями.

Для гончаров этой группы были характерны взгляды на илистые глины как сырье для изготовления бытовой посуды. Сосудов данного облика, сделанных из илов, не обнаружено. Отмечено преимущественное применение жирных (98%) илистых глин, единично зафиксированы приемы отбора тощих глин (2%) (табл. 1). Отбор пластичного сырья осуществлялся в естественно увлажненном состоянии. На ступени подготовки ФМ выявлена одна массовая традиция: ИПС+ДР+ПП+ОР (83 сосуда); единично представлены: 1) ИПС+ДР+ОР (3 сосуда); 2) ИПС+ДР+Ш+ОР (1 сосуд) (табл. 2). Птичий пух добавлялся в ФМ в значительной концен-

Таблица 2. Формовочные массы энеолитической керамики Гундоровского поселения
Table 2. Forming masses of the chalcolithic pottery of the Gundorovka settlement

Культурные типы керамики	**Формовочные массы**							**Итого:**
	ОР	**ДР+ОР**	**ДР+ПП +ОР**	**ДР+ Шо/г+ +ОР**	**Ш+ОР**	**ДР+ Ш+ +ОР**	**ДР+ ПП+ Ш+ ОР**	
1. Комплекс воротничковой керамики	3 6%	33 69%	9 19%	2 4%	1 2%			**48 100%**
2. I этап лебяжинского типа керамики	-	3 3%	83 96%		-	1 1%		**87 100%**
3. II этап лебяжинского типа керамики	1 0,5%	9 4%	212 95%	-	-	-	1 0,5%	**223 100%**
4. Гундоровский тип	4 5%	3 4%	75 90%	-	-		1 1%	**83 100%**
5. Чекалинский тип	-	5 46%	3 27%	-	3 27%	-		**11 100%**
ВСЕГО:	8	53	382	2	4	1	2	452

Примечания: единица изучения – образец (отдельный сосуд); ОР – органический раствор; ДР – дробленая раковина; ПП – птичий пух; Ш – шамот; Шо/г – шамот из обожженной сильноожелезненной глины.

трации и хорошо выражен в черепке сосудов. Раковина подвергалась предварительной подготовке, но не так тщательно, как в самарских и хвалынских производствах. Наряду с жемчужно-серыми тонкими включениями довольно часто встречаются остроугольные обломки раковины белого цвета размером до 6–8 мм. ОР фиксируется по пустотам, заполненным белым густым и паутинообразным веществом, он вводился в ФМ в разных объемах. Примесь шамота (менее 2 мм) добавлена в концентрации 1:6 и выявлена только в одном сосуде. Навыки конструирования: лоскутный налеп, многослойное (чаще двухслойное) размазывание комков ФМ снаружи или внутри форм-моделей. Строительными элементами служили небольшие комочки размером 1–2 см и лепешки размером до 4 см. Зафиксировано применение зонального лоскутного налепа, высота зон 5–7 см. Можно отметить факты дополнительного наращивания лоскутками зоны венчиков с наружной стороны для создания воротничка. В процессе изготовления изделий широко применялись приемы выдавливания и выбивания колотушкой тулова изделий. Обработка поверхностей производилась посредством заглаживания и уплотнения, следы которого фиксируются в основном на внешней поверхности. На 25% изученных сосудов выявлены следы горизонтального и диагонального заглаживания гребенчатым штампом внутренней поверхности или одновременно обеих поверхностей (три сосуда). Придание прочности и влагонепроницаемости изделиям достигалось смешанными способами: «холодными» и «горячими». Внешняя поверхность большинства изделий имеет однотонную светло-коричневую или светло-коричневую пятнистую окраску, реже встречается буровато-серая с черными пятнами. Изломы черепка: трехслойный с черной сердцевиной; двухслойный (внешний слой – коричневый, мощностью до 4–5 мм, остальная часть черепка и внутренняя поверхность – черного цвета); полностью черный; сквозной светло-коричневый. Такой спектр цветовой слоистости черепка и пятнистость внешней поверхности образцов свидетельствует о нестабильном костровом обжиге с кратковременной выдержкой при температурах каления (650–700°) и в то же время о внедрении приемов обжига, направленных на более продолжительную выдержку при температурах каления в окислительной среде.

3. *Лебяжинский тип, этап II* (223 сосуда). Эта группа керамики является самой многочисленной в культурном слое поселения, в том числе и в заполнении жилищ. Она включает сосуды горшковидной, реже баночной, формы; с уплощенным и округлым дном. Орнамент выполнен в геометрической стилистике гребенчатыми, рамчатыми, веревочны-

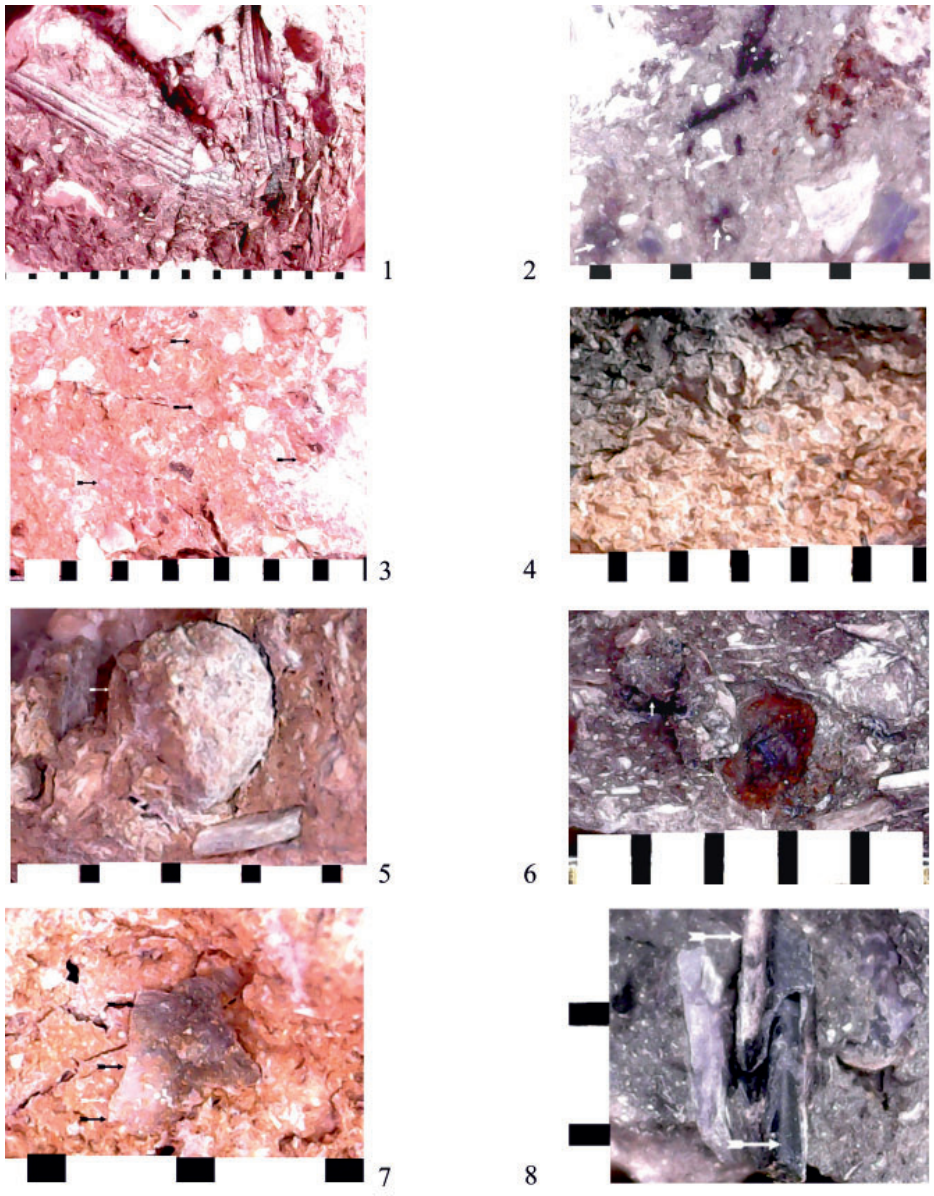


Рис. 2. Гундоровское поселение: микрофотосъемка компонентов исходного пластичного сырья керамики: 1 – остатки растительности в илистом сырье керамики; 2 – остатки растительности в илистых глинах; 3 – жирная илистая глина; 4 – тощая илистая глина; 5 – комочки нерастворившейся чистой глины; 6 – оолитовый бурый железняк; 7 – чешуя рыбы; 8 – кость рыбы.

Fig. 2. Gundorovka settlement: micrograph of the composition of the initial plastic raw material of ceramics: 1 – remains of vegetation in the muddy raw material of ceramics; 2 – remains of vegetation in muddy clays; 3 – fat muddy clay; 4 – lean muddy clay; 5 – lumps of undissolved pure clay; 6 – oolitic brown ironstone; 7 – fish scales; 8 – fish bone.

ми штампами, различного рода вдавлениями. Характерна существенная толщина стенок: до 15 мм, реже 6–8 мм. В окраске поверхностей сосудов преобладают светло-коричневые тона.

Установлено массовое распространение илистых глин в качестве ИПС (табл. 1). Только один сосуд был изготовлен из архаичного сырья – ила. Был использован жирный ил с незначительным количеством мелкой раковины, оолитового бурого железняка, единичных фрагментов птичьего пуха. На уровне подвидов ИПС было выявлено преимущественное распространение приемов отбора жирных илистых глин (92%) (табл. 1). ИПС применялось во влажном состоянии. Оно выполняло функцию основного сырья, к которому добавлялись искусственные примеси в разной концентрации. Были выявлены рецепты ФМ:

1) ИПС+ОР (один сосуд); 2) ИПС+ДР+ОР (девять сосудов); 3) ИПС+ДР+ПП+ОР (212 сосудов); 4) ИПС+ДР+ПП+Ш+ОР (один сосуд) (табл. 2). Самой массовой была смешанная традиция составления ФМ с ПП, ДР, ОР (95% – табл. 2). Птичий пух, как правило, добавлялся в ФМ в значительной концентрации и хорошо выражен в черепке сосудов. Однако 11% от изученных образцов керамики содержали эту примесь в единичной концентрации. Дробление раковины производилось после термической подготовки, но отмечены крупные остроугольные обломки раковины белого цвета размером до 10 мм. По-видимому, калибровка примеси почти отсутствовала. ОР представлен белым и ярко желтым веществом на стенках аморфных пустот, причем он вводился в ФМ в разных объемах. Один сосуд данной группы был сделан из ФМ с очень смешанным рецептом: помимо ПП, ДР и ОР он включал единичные частицы шамота светло-коричневого цвета (1–2 мм), в котором фиксировалась примесь раковины. На *созидательной стадии* производства можно констатировать распространение способов лоскутного налепливания. Наращивание строительных элементов производилось по кольцевой и спиральной траектории путем многослойного, чаще двухслойного размазывания комков ФМ размером 1×2–2×3,5 см. В одном случае видны очертания монолитной лепешки размером 4,5×5 см. Довольно часто между двумя слоями заметны остатки ОР, реже ложбинки-пустоты шириной 1–3 мм, прослежена разнонаправленность лоскутков в параллельных слоях. Зафиксированы способы спиралевидного лоскутного налепа из коротких жгутов 1×5 см. В поперечном изломе двух сосудов выявлены признаки совместного использования комков-лепешек и коротких жгутов, располагавшихся вертикально между двумя слоями ФМ в качестве «штырей». В процессе создания сосудов использовались формы-модели (емкости и основы). Найдены фрагменты тулова двух сосудов, на внутренней поверхности которых имеются отпечатки рыболовной крупноячеистой сети. Размер ромбических ячеек сетей примерно 1,5×2 см. Такие сетки могли использоваться в качестве прокладки на твердых формах-основах – для более удобного снятия готового сосуда с формы-модели. Прослежено массовое применение способов зонального лоскутного налепа, при котором сосуд делается в несколько этапов (высота зон 4,5–8 см). В процессе создания сосуда могла происходить смена форм-моделей. Заготовка сосуда могла вынималась с формы-основы и устанавливалась в форму-емкость для продолжения работы. В связи с этим вызывает интерес концентрация многочисленных отпечатков пуха птиц на отдельных зонах изделий: пух мог использоваться в качестве посыпки эластичных прокладок. Применение форм-моделей не удивительно при использовании ФМ с пухом птиц, обладающих большой связанностью и вязкостью. Выявлены факты выбивания поверхностей: имеется группа сосудов, толщина стенок которых не превышает 6–8 мм, со значительным перепадом толщины. Способы обработки поверхностей – простое заглаживание и уплотнение. Отмечены многочисленные случаи неоднократного заглаживания поверхностей одного сосуда разными орудиями и материалами, следы от которых перекрывали друг друга. Уплотнение производилось твердым отполированным предметом; заглаживание – мягкими материалами, деревянным ножом, а также гребенчатым штампом (горизонтально, диагонально и перекрестно). Чаще гребенчатый штамп использовался при обработке внутренней поверхности, значительно реже и фрагментарно – при заглаживании внешней или обеих поверхностей. Следы заглаживания гребенчатым штампом имеют 36% изученных сосудов. *Закрепительная стадия* гончарного производства керамики данной группы характеризуется смешанными технологическими навыками: применением «холодных» и «горячих» способов. Основная часть посуды отличается светло-коричневой, иногда оранжевой окраской внешней поверхности, но изломы преобладают или трехслойные (с темной сердцевиной) – 43%, или двухслойные – 45% (от общего количества сосудов этой группы). Как правило, светло-коричневые прослои находятся с внешней стороны, а внутренняя поверхность темно-серого или черного цвета. Полностью сквозной прокаленный черепок прослежен у 7,5% изученных сосудов; полностью темно-серый или черный – 4,5%. Предполагается применение нестабильного кострового обжига с небольшой выдержкой при температурах каления (650–700°), наблюдается тенденция изменения режимов обжига с целью более длительного пребывания сосу-

дов в зоне высоких температур для достижения большей прокаленности изделий.

4. *Гундоровский тип* (83 образца). Представлен горшковидными и баночными сосудами с округлыми днищами. Горловины довольно резко отогнуты наружу, характерной чертой является наличие четкого ребра на внутренней поверхности сосудов в месте перехода горла в тулово. Сосуды декорированы в геометрической стилистике оттисками гребенчатого штампа, ямчатыми отпечатками, редко – веревочным штампом.

Выявлена определенная неоднородность представлений гончаров об ИПС: 6% изученных сосудов сделаны из ила (преимущественно жирного), 94% – из илистых глин (табл. 1). Неоднородность прослеживается и на уровне традиций отбора ИПС: 32% сосудов сделаны из илистых тощих глин, 68% – из илистых жирных глин (табл. 1.) Рецептура ФМ включала следующие: 1) ИПС+ОР (5%); 2) ИПС+ДР+ОР (4%); 3) ИПС+ДР+ПП+ОР (90%); 4) ИПС+ПП+Ш+ОР (1%) (табл. 2). Основная часть изделий изготовлена из ФМ, содержащей птичий пух в значительной концентрации. Все сосуды с ОР изготовлены из ила (архаичный прием, встреченный в группе воротничковой керамики). По материалам гундоровского типа данного памятника не зафиксирована шамотная традиция, которая единично встречалась в производствах посуды чекалинского типа и воротничковой керамики. Однако имеет место один сосуд, изготовленный по смешанному рецепту: ИПС+ДР+ПП+Ш+ОР. Конструирование сосудов производилось посредством лоскутного налепа, вероятно с использованием различных форм-моделей. Фиксируется техника многослойного размазывания ФМ по твердой основе. Большая часть крупных сосудов изготовлена зональным лоскутным налепом, при этом почти всегда отдельной зоной являлась горловина высотой 4–5 см. Преимущественной техникой ручного налепливания являлся комковатый лоскутный налеп. «Строительными элементами» служили комочки ФМ длиной 2–3 см и толщиной до 1–2 см, а также короткие жгуты длиной 4–5 см, диаметром 0,5–0,7 см. Специфическим приемом являлось дополнительное наращивание лоскутов и жгутиков на внутреннем участке перехода горловины в тулово – для подчеркивания ребра. Иногда второй слой начинался от среза венчика, в итоге чего на поверхности его края образовывалась канавка, впоследствии не заглаженная. Отмечено применение приемов формообразования: выдавливание и выбивание внешней поверхности (до 4–5 мм). Изучение начинов выявило применение донно-емкостной программы конструирования начинов, при этом отмечен факт уплощения округлого дна на плоскости после снятия с формы-основы. Способы обработки поверхностей сосудов – заглаживание и уплотнение. Заглаживание производилось орудиями из дерева или кости, а также мягкими материалами. Массовым был прием заглаживания гребенчатым штампом – 57%. Преобладали способы обработки штампом обеих поверхностей: внешней и внутренней, гораздо реже встречены случаи заглаживания только одной из них. На *закрепительной стадии* выявлены смешанные способы («холодные» и «горячие»). Внешняя поверхность имела однотонную светло-коричневую или пятнистую окраску. Изломы черепка: трехслойный, двухслойный. Единичны образцы со светло-коричневым сквозным изломом. Керамика подвергалась длительному обжигу в кострище, в основном при низких температурах в восстановительной среде, с неполной выдержкой изделий при температурах каления глины (выше 650°).

5. *Чекалинский тип* (11 образцов). Представлен в культурном слое поселения незначительным количеством фрагментов стенок и венчиков, декорированных гребенчатым и веревочным штампами, ямчатым орнаментом (в том числе естественными орнаментирами – костями животных), ямочно-жемчужным пояском под венчиком.

Все сосуды изготовлены из илистых глин. Однако на уровне традиций отбора ИПС прослежена существенная неоднородность: 45% сосудов сделаны из тощих илистых глин, 55% – из жирных (табл. 1). Илистые глины использовались в естественно увлажненном состоянии. Рецептура ФМ: 1) ИПС+ДР+ОР (46%); 2) ИПС+ДР+ПП+ОР (27%); 3) ИПС+Ш+ОР (27%) (табл. 2). Таким образом, почти половина сосудов данного типа сделана по рецепту: ИГ+ДР+ОР. Три сосуда чекалинского типа сделаны из ФМ ИПС+ДР+ПП+ОР. Птичий пух был введен в ФМ в незначительной концентрации. Шамот разноцветный, размером не более 2 мм, добавлялся в концентрации 1:5–6. Сосуды

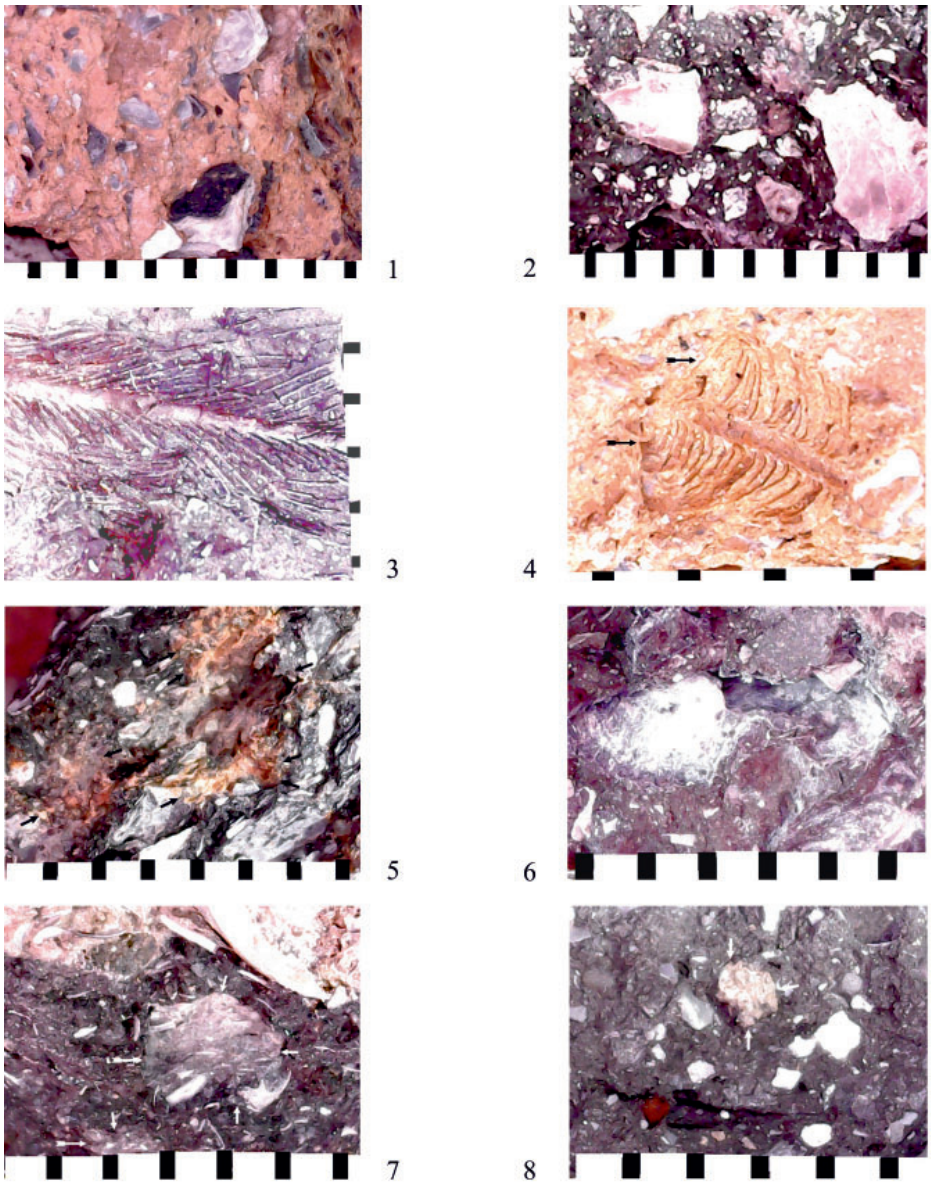


Рис. 3. Гундоровское поселение: микрофотосъемка искусственных примесей в составе формовочных масс керамики: 1-2 - дробленая раковина; 3-4 – птичий пух; 5-6 – органический раствор; 7-8 – шамот.
Fig. 3. Gundorovka settlement: micrograph of artificial tempers in the composition of ceramic molding masses: 1-2 – smashed shell; 3-4 – bird down; 5-6 – organic solution; 7-8 – grog.

чекалинского типа сильно фрагментированы. Можно предполагать применение способов лоскутного комковатого и спиралевидного налепа. Размер лоскутов 1×2–3 см. Характерно массовое выбивание стенок сосудов до толщины 0,5 см (средняя толщина стенок 0,6–0,8 см). Обработка поверхностей производилась с помощью заглаживания и уплотнения мягкими материалами и твердыми предметами. В материалах Гундоровского поселения отсутствуют сосуды данного типа со следами заглаживания гребенчатым штампом. Задачи *закрепительной стадии* решались смешанными способами: «холодными» и «горячими». Большая часть сосудов имеет светло-коричневую с серыми пятнами внешнюю поверхность и серо-черную сердцевину, что указывает на костровой обжиг с непродолжительной выдержкой при температурах каления (650–700°).

На основе полученной технологической информации можно сделать общие выводы. Вся бытовая посуда Гундоровского поселения в эпоху энеолита изготавливалась в рамках *домашних производств*; структура гончарной технологии была *простой*, включавшей 10

обязательных и одну дополнительную ступени (Бобринский, 1999, с. 9–11). Преимущественное распространение получили навыки отбора илистых глин с функцией *основного сырь*я и приемы составления ФМ с примесью органно-минеральных, минеральных, органических добавок. Изучение способов придания прочности и влагонепроницаемости изделиям показало *несформированность* представлений о термической обработке. Все эти черты гончарной технологии свидетельствуют о том, что изучаемое гончарство находилось на уровне *архегончарства* (Бобринский, 1999, с. 84). Важно подчеркнуть одновременное сосуществование в рамках одного поселка более архаичных (*протогончарных*) производств бытовой посуды такого же облика. В них продолжали использовать илы в качестве ИПС с добавкой ОР (Бобринский, 1999, с. 84).

Многочисленные производства бытовой посуды выделенных культурно-хронологических групп объединяют *массовые гончарные традиции*: 1) почти полное распространение представлений гончаров на илистые глины как сырье для бытовой посуды; 2) отбор в основном жирного ожелезненного сырья; 3) увлажненное состояние отобранного сырья; 4) наличие во всех изученных гончарствах традиции составления ФМ с дробленой раковиной. Общность массовых навыков труда отражает примерно одинаковый уровень эволюционного развития энеолитического гончарства в Поволжье, а единичные традиции указывают на специфику предыстории сложения разных коллективов и вероятность контактов и смешения между различными группами населения. В целом можно констатировать почти полное совпадение гончарных традиций населения 1 и 2 этапов лебяжинского типа и большую степень близости их с технологией керамики гундоровского типа, а также заметные отличия от воротничковой керамики и чекалинского типа.

Истоки комплекса воротничковой керамики уходят корнями в ранний энеолит. Начало формирования энеолита в Самарском Поволжье связано с приходом южных племен прикаспийской культуры (из Нижнего Поволжья?), что нашло отражение в материалах Съезженского могильника (Васильева, 2024). Гончарная технология пришлых племен характеризовалась специфичными, отличными от местных неолитических традициями: использованием жирных илистых глин и введением в ФМ дробленой, специально подготовленной раковины. У местных позднеолитических племен были распространены архаичные взгляды на ил как сырье для изготовления посуды, а обломки раковины являлись естественным компонентом этого сырья. В ФМ искусственно вводился только ОР (Васильева, Сомов, 2023). Немногочисленные группы первой волны южных мигрантов были довольно быстро ассимилированы местной средой, что дало толчок формированию новой культуры, археологически выделенной как «самарская культура». Вторая, более массовая волна южной миграции была связана с населением хвалынской культуры, по-видимому родственной прикаспийской культуре. Их объединяют близкие и идентичные гончарные традиции, о которых говорилось выше. Причем корни этих традиций уходят в орловское неолитическое гончарство Нижнего Поволжья (Васильева, 2012). Для хвалынского населения были характерны большая однородность и устойчивость форм керамики, орнаментальных традиций и гончарной технологии, что, по-видимому, отражало значительную консолидацию, монолитность и многочисленность самого этого населения. Смешение изначально во многом родственных групп населения самарской и хвалынской культур начало происходить очень быстро (Васильев, Овчинникова, 2000, с. 228). В этом процессе принимали участие местные постнеолитические коллективы и население сопредельных регионов. Все это приводило к формированию смешанных групп энеолитического населения Волго-Уралья, что проявлялось в изготовлении посуды различных культурных типов: ивановского, токского, турганикского, чекалинского, алтатинского и др. (Турганикское поселение…, 2017; Васильева, 2024). Общей чертой гончарств этих коллективов являлся факт распространения в них (в той или иной степени) тех специфичных гончарных традиций, которые были привнесены в Среднее Поволжье прикаспийским и хвалынским населением: переход на илистые жирные глины и примесь дробленой раковины в ФМ.

Трудно переоценить значение материалов Гундоровского поселения в процессе осмысления и понимания этнокультурных процессов, происходивших в Поволжье в эпоху энеолита. Именно они послужили основой для выделе-

ния нового для этого региона блока культурно-хронологических типов: Лебяжинка III (Королев, 2012), волосовского (Овчинникова, 1991) и гундоровского (Королев, Овчинникова, 2009). С точки зрения гончарной технологии эти типы керамики объединяет наличие совершенно новой для нашей территории примеси в керамике – птичьего пуха. Ранее эта примесь четко определялась лишь для керамики волосовской культуры. В последние десятилетия она была массово выявлена в керамике имеркской культуры Примокшанья и определенных культурных типов керамики Самарского Поволжья (Овчинникова, 1991; Королев, 2012). На современном этапе птичий пух известен в керамике энеолита Обь-Иртышского междуречья, в посуде ранней бронзы Сибири, в энеолитической керамике поселения Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) (Васильева, 2018; 2024). География и хронология распространения культурной традиции примеси птичьего пуха значительны: от Подонья до юга Западной Сибири; энеолит и раннебронзовый век. Ответ на вопрос о зарождении и распространении этой специфичной гончарной традиции очень непрост. Прежде всего необходимо установить наиболее ранние памятники с такой керамикой. По данным Ю.Б. Цетлина, таковыми могут быть стоянки верхневолжской *неолитической* культуры. Исследователем были выделены в керамике этой культуры рецепты с птичьим пометом, основным признаком которого являются включения птичьего пуха (Цетлин, 2024, с. 144). Однако новые радиоуглеродные даты материалов типа Лебяжинка III указывают на их более ранний возраст, чем даты по волосовской культуре Верхнего Поволжья (Королев, 2018, с. 39) и ранневолосовской культуре Марийского Поволжья (Шалапинин, Андреева, 2021, с. 395). Таким образом, важнейшим фактом, установленным по археологическим материалам, является появление этой традиции в Поволжье не в раннем неолите и не в неолите вообще, а в эпоху энеолита, что имеет большое значение в обсуждении механизма ее зарождения. Возможны два варианта объяснения этого культурного феномена. Первый связан с отнесением птичьего помета к органическим материалам животного происхождения, которые использовались в качестве пластичного сырья в доистории гончарства (догончарном периоде), а потом сохранялись в качестве реликтов в восточноевропейском гончарстве. Однако от такого предположения отказался сам А.А. Бобринский, не включив данный материал в список догончарных производств (Бобринский, 1999, с. 84). Это подтверждают и приведенные углеродные даты, указывающие на энеолитическое время появления этой традиции, а не на ранний неолит, когда зарождались очаги раннего гончарства. По нашему мнению, происхождение данной традиции нужно увязывать с эволюцией гончарства, процессами *замещения* пластичных свойств илистого сырья другими органическими материалами (навозом, шерстью животных, пухом птиц и др.), и значит, с культурно-исторической зоной зарождения раннего гончарства, основанного на илах. Нижнее Поволжье и Нижнее Подонье относятся к таким ранним очагам гончарства (Васильева, Выборнов, 2016). При этом нужно учитывать, что интенсивное изучение ранненеолитического гончарства Евразии все больше расширяет эту зону. Вторым вариантом объяснения механизма появления традиции ФМ с пухом птиц в Среднем Поволжье могут быть процессы миграции сюда новых энеолитических групп населения. В связи с этим большую важность имеет выяснение факта наличия птичьего пуха в керамике нижнедонской культуры в Подонье (Васильева, 2018) и в Суркско-Мокшанском междуречье (Королев, 1996). Известно, что правильно поставленный вопрос – это уже половина ответа. Однако для его достижения необходима проработка большого массива керамического материала Евразии и продолжение экспериментальных работ.

ЛИТЕРАТУРА

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства / Отв. ред. А.А. Бобринский. Самара: СГПУ, 1999. С. 5–108.

Васильев И.Б., Овчинникова Н.В. Энеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Ред. А.А. Выборнов и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 229–240.

Васильева И.Н. Технология керамики Варфоломеевской стоянки // Археология восточно-европейской степи. Вып. 9 / Под ред. доц. В.А. Лопатина. Саратов: СГУ, 2012. С. 5–22.

Васильева И.Н. О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалах в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Тезисы Международного симпозиума (29–31октября 2013 г.) / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2013. С. 16–23.

Васильева И.Н. Некоторые итоги технико-технологического анализа керамики поселения Ракушечный Яр // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 137–153.

Васильева И.Н. Культурные традиции в гончарстве энеолитического населения Поволжья // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 264–276.

Васильева И.Н., Сомов В.В. Керамические комплексы неолитической стоянки Лужки II: морфология и технология (предварительные итоги изучения) // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 3. С. 139–162.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. Время появления и динамика распространения неолитических керамических традиций в Поволжье // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 104–123.

Королев А.И. Многослойное поселение Имерка VIII на р. Вад // Историко-археологические изыскания. Вып. 1 / Отв. ред. С.Г. Басин. Самара: СГПИ. 1996. С. 113–147.

Королев А.И. К вопросу о месте материалов поселения Лебяжинка III в энеолите Средней Волги // Проблемы истории, археологии, образования / Отв. ред. Е.Л. Храмкова. Самара: ПГСГА, 2012. С. 31–42.

Королев А.И. О культурно-хронологическом соотношении материалов поселения Лебяжинка III и комплекса «волосовского» типа Гундоровского поселения // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 8-11 октября 2018 г. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 38–39.

Королев А.И., Васильева И.Н., Шалапинин А.А., Трофимов А.Г. Итоги изучения керамики волосовского облика Гундоровского поселения в лесостепном Поволжье и вопросы культурно-хронологического определения // Труды VII (XXIII) Всероссийского археологического съезда. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, А.В. Поляков, П.В. Мандрыка. Красноярск: СФУ, 2025. С. 345–346.

Королев А.И., Овчинникова Н.В. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики «с внутренним ребром» с поселений Самарского Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2009. С. 296–304.

Овчинникова Н.В. Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы Европейской части России / АЭМК. Вып. 19 / Ред. Г.А. Архипов, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. С. 89–98.

Турганикское поселение в Оренбургской области / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: изд. центр ОГАУ, 2017. 300 с.

Цетлин Ю.Б. Некоторые новые сведения о ходе этнокультурных процессов в Верхнем Поволжье в эпоху неолита // Археология Евразийских степей. 2024. № 4. С. 129–148.

Шалапинин А.А., Андреева О.В. Типологическая и технико-технологическая характеристика ранней волосовской керамики Марийского Поволжья // КСИА. 2021. Вып. 263. С. 394–407.

Информация об авторе:

Васильева Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Самарский государственный педагогический университет (г. Самара, Россия); in.vasil@mail.ru; https://orcid.org/0000 0002 0808 1285

REFERENCES

Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (East-European Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual’nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (Current Issues of Ancient Pottery Studies)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–108 (in Russian).

Vasiliev, I. B., Ovchinnikova, N. V. 2000. In Vybornov, A. A., et al. (eds.). *Istoriia Samarskogo Povolzh'ia s drevneishikh vremen do nashikh dnei. Kamennyi vek (History of the Samara Volga Region from Antiquity to the Present Day)*. Samara: Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 229–240 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2012. In Lopatin, V. A. (ed.). *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 9. Saratov: Saratov State University, 5–22 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2013. In Tsetlin, Yu. B. (ed.). *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii (Present-Day Approaches to the Studying of Ancient Ceramics in Archaeology)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 16–23 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2018. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 7, 24 (3), 137–153 (in Russian).

Vasilieva, I. N. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 264–276 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Somov, V. V. 2023. In *Samarskiy naychnyi vestnık (Samara Scientific Bulletin)* Vol. 7, 24 (3), 137–153 (in Russian).

Vasilieva, I. N., Vybornov, A.A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 104–123 (in Russian).

Korolev, A. I. 1996. In Basin, S. G. (ed.). *Istoriko-arkheologicheskie izyskaniia (Historical and Archaeological Investigations).* Samara: Samara State Pedagogical University, 113–147 (in Russian).

Korolev, A. I. 2012. In Khramkova, E. L. (eds.). *Problemy istorii, arkheologii, obrazovaniya (Issues of history, archaeology, education)*. Samara: Volga State Social and Humanitarian Academy, 31–42 (in Russian).

Korolev, A. I. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21th Urals Archaeological Congress)).* Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 38–39 (in Russian).

Korolev, A. I., Vasilieva, I. N., Shalapinin, A. A., Trofimov, A. G. 2025. In Derevyanko, A. P., Makarov, N. A., Polyakov, A. V., Mandryka, A. V. (eds.). *Trudy VII (XXIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 7th (28th) All-Russia Archaeological Congress)* I. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 345–346 (in Russian).

Korolev, A. I., Vasilieva, I. N., Shalapinin, A. A., Trofimov, A. G. 2009. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* 7. Tver: Tver State United Museum, 296–304 (in Russian).

Ovchinnikova, N. V. 1991. In Arkhipov, G. A., Solov'ev, B. S. (eds.). *Pozdnii eneolit i kultury rannei bronzy lesnoi polosy Evropeiskoi chasti Rossii (Late Eneolithic and Early Bronze Age cultures of the forest belt of the European part of Russia).* Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 19. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 89–98 (in Russian).

Morgunova, N. L. (ed.). 2017. *Turgankskoe poselenie v Orenburgskoi oblasti (Turganik settlement in Orenburg Oblast).* Orenburg: "OGAU" Publ. (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 129–148 (in Russian).

Shalapinin, A. A., Andreeva, O. V. 2021. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 263, 394–407 (in Russian).

About the Author:

Vasilieva Irina N. Candidate of historical sciences. Samara State Pedagogical University, M. Gorkogo, str. 65, Samara, 443099, Russian Federation; in.vasil@mail.ru; https://orcid. org/0000 0002 0808 1285

Статья поступила в журнал 27.11.2025 г.
Статья принята к публикации 23.12.2025 г.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ

УДК 9. 903. 7 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.230.238

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ЦИВИЛИЗАЦИИ ОКСА

©2026 г. А.М. Курбонов

Цивилизация Окса – современное археологическое обозначение археологической культуры, сформировавшейся на территории Центральной Азии в эпоху бронзы. Цивилизация Окса также известна в современных археологической и исторической науках как Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (или культура) (далее – БМАК). БМАК (или цивилизация Окса) существовала в Центральной Азии в 2500–1500 гг. до н.э., а затем распалась по неизвестным нам до сих пор причинам. Существует предположение, что период расцвета цивилизации Окса длился около 500 лет и соответствует хронологическому диапазону 2250-1700 гг. до н.э.. Археологические исследования БМАК (или цивилизации Окса), идущие с 1970-х гг. и по настоящее время, предоставили уникальный материал, свидетельствующий о преобладании здесь собственных религиозных и ритуальных практик в специально отведенных местах, сооружениях – храмах. Целью статьи является обобщение данных некоторых аспектов религиозного характера монументальных сооружений (храмов) рассматриваемой археологической культуры. На основе археологических, письменных источников выявлено основополагающее влияние мировоззрения населения Месопотамии, Элама, Хараппы и Египта на религиозные практики цивилизации Окса. В связи с этим существуют различные точки зрения на функциональное назначение и религиозный характер храмовой архитектуры БМАК. Сделано предположение о том, что в период формирования и расцвета цивилизации Окса в промежутке между III и II тыс. до н.э. – культ Митры распространялся на территории Азии, и возникли традиции поклонения ему как божеству. Широко распространено мнение о Митре как одной из центральных фигур с функциями организации природного космоса в иранской мифологии, отличной от идей зороастризма. Примером тому является композиция, изображенная на сосуде, найденном в «Калалыгыр 2» в Хорезме. Таким образом, можно утверждать, что на сегодня существует проблема характера религии населения цивилизации Окса в эпоху бронзы и нельзя говорить о приверженности храмовой архитектуры цивилизации Окса только к зороастрийской религии.

Ключевые слова: археология, Центральная Азия, эпоха бронзы, цивилизация Окса, БМАК, зороастризм, религия, храм, Митра, Джаркутан, Дашли-3, Тоголок-21, Гонур.

ON THE QUESTION OF THE RELIGIOUS VIEWS OF THE OXUS CIVILIZATION

A.M. Kurbonov

Oxus Civilization – a modern archaeological term for the archaeological culture formed in Central Asia during the Bronze Age. It is important to note that the Oxus Civilization is also known in contemporary archaeological and historical studies as the Bactria-Margiana Archaeological Complex (or culture) (hereinafter – BMAC). The BMAC (or Oxus Civilization) existed in Central Asia from 2500 to 1500 BCE and then collapsed for reasons unknown to us so far. It has been suggested that the florescence of the Oxus Civilization lasted approximately 500 years, corresponding to the chronological range of 2250–1700 BC. Archaeological investigations of the BMAC (or Oxus Civilization), ongoing from the 1970s to the present, has provided unique material evidencing the predominance of native religious and ritual practices in specially designated places and structures – temples. The aim of this paper is to summarize data on certain aspects of the religious character of monumental structures (temples) associated with this archaeological culture. Based on archaeological and written sources, the fundamental influence of the worldview of the populations of Mesopotamia, Elam, Harappa and Egypt on the religious practices of the Oxus civilization has been revealed. In this regard, there

are different points of view on the functional purpose and religious character of the temple architecture of the BMAK. It is assumed that during the formation and flourishing of the Oxus civilization between the third and second millennia BC, the cult of Mithras spread throughout Asia, and traditions of worshipping him as a deity arose. There is a widespread opinion about Mitra as one of the central figures with the functions of organizing the natural cosmos in Iranian mythology, which differs from the ideas of Zoroastrianism. An example of this is the composition depicted on the vessel found in "Kalaly-gyr 2" in Khorezm. Thus, it can be argued that today there is an issue of the nature of the religion of the population of the Oxus civilization in the Bronze Age and it is impossible to speak about the commitment of the temple architecture of the Oxus civilization only to the Zoroastrian religion.

Keywords: archaeology, Central Asia, Bronze Age, Oxus Civilization, BMAC, Zoroastrianism, religion, temple, Mithra, Jarkutan, Dashly-3, Togolok-21, Gonur.

Археологические исследования, проводимые со второй половины XX века на территории севера Ирана и Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, позволили открыть ряд новых археологических культур эпохи бронзы, совершенно отличающихся от других материальных культур рассматриваемого региона (Массон, 1959, 1982; Аванесова, Таитулатова, 1999; Аскаров, 1977; Аскаров, Ширинов, 1993; Сарианиди, 1972, 1977; Сагдуллаев, 1987; Кузьмина, 1978). В результате исследования данных культур, в частности Намазгаха на юге Туркменистана, Дашли на севере Афганистана, Сапалли на юге Узбекистана, фиксация на них общих тенденций развития послужила для ведущего исследователя центральноазиатского региона В.И. Сарианиди основанием объединить вышеперечисленные культуры в единую археологическую культуру под общим названием «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс» (далее – БМАК) (рис. 1) (Сарианиди, 2001). Следует отметить, что данный термин до сих пор вызывает определенные дискуссии среди исследователей древней истории Центральной Азии (Кузьмина, 1994; Аванесова, 2002). В частности, зарубежные исследователи, напротив, не только согласны с мнением В.И. Сарианиди, но стали использовать термин «цивилизация» по отношению к вышеназванным культурам. Так, американский профессор К. Ламберг-Карловский был первым, кто публично использовал термин «Цивилизация Окса» (Lamberg-Korlovsky C., 1994, с. 398–405). Итальянский профессор M. Tosi (Tosi, 1977, p. 45–67) и узбекский археолог Т.Ш. Ширинов использует в своих трудах словосочетание «Туранская цивилизация» (Аскаров, Ширинов, 1993). В коллективной монографии исследователи А. Бокиев А. Шайдуллаев и другие приводят несколько

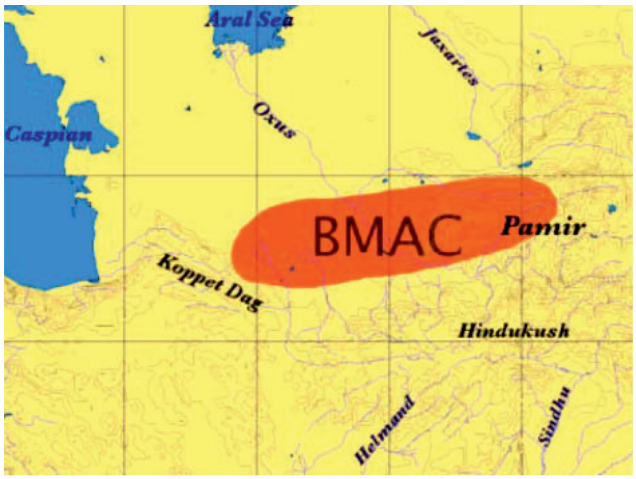


Рис. 1. Территория Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) (по: Абдуллоев, 2009, с. 12).
Fig. 1. The area of the Bactrian-Margian Archaeological Complex (BMAC) (according to Abdulloyev, 2009, p. 12).

аргументов, позволяющих объединить вышеупомянутые культуры в единую культуру и назвать её «Цивилизацией Окса» (Бокиев, Шайдуллаев, Юлдошева, 2015, с. 9).

B. Lyonnet и Н. Дубова не только поддержали термин «цивилизация Окса» или «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (или культура) (БМАК)», но и предположили географический ареал распространения этой цивилизации, а также и предполагаемые годы её существования и упадка. Так, согласно предположениям B. Lyonnet и Н. Дубовой, цивилизация Окса развивалась на юге Центральной Азии в эпоху средней и поздней бронзы, а период упадка, продолжавшийся около полутысячелетия (2250–1700 гг. до н. э.), относительно близок к предложенному географическому ареалу 1700–1500 гг. до н. э. (Lyonnet, Dubova, 2021, p. 7.,table 1.1).

По мнению О. Хамидова и Г. Каттаевой цивилизация Окса была одним из центров

цивилизации, сформировавшейся в эпоху бронзы в центральноазиатском регионе. Опираясь на археологические данные, исследователи отмечают, что хронологические рамки существования рассматриваемой цивилизации можно определить 2500–1350 гг. до н. э., а территориально центральная часть этой цивилизации представлена ареалом распространения таких археологических культур, как Сапалли, сформировавшейся на территории юга современного Узбекистана, Даштли, распространённой на юге современного Афганистана, и Намазга, преобладавшей на юге современной территории Южного Туркменистана: «...между 3000 и 1500 гг. до н. э. возникновение цивилизации... на обширной территории от Средиземноморья до долины р. Инда и от Персидского залива до южной части Центральной Азии привело к образованию общества, управляемого правящей элитой, а также к урбанизации и развитию видов ремесел, что не только подчеркивало, но и усилило культурную интеграцию между этими регионами...» (Хамидов, Каттаева, 2024, с. 31–34).

Следует отметить, что одним из критериев, позволивших рассматривать БМАК как раннюю форму цивилизации, исследователи называли наличие у её населения системы символических знаков, которые могли выполнять функцию фиксации информации.

Так, В.И. Сарианиди высказывал предположение, что некоторые символы на керамических фрагментах памятника Даштли представляют собой элементы определённой знаковой системы, возможно протописьменности (Сарианиди, 1974, 1977, с. 83; 1976, с. 38). Похожие находки и интерпретации отмечены и на других памятниках региона – в Сапаллитепа (Аскаров, 1973, с. 43), Алтын-депе (Массон, 1981, 1957, а,б; 1959; 1989), Сумбар (Хлопин, 1981, 1983), Тоголок и Гонур (Сарианиди, 1962, 1990, 2002), где также были зафиксированы артефакты с аналогичными символами. Тем не менее вопрос о существовании полноценной системы письма в БМАК остаётся дискуссионным, и большинство исследователей склонны говорить лишь о протописьменных формах фиксации информации.

Любопытно, что Ш.Б.Шайдуллаев отмечает пиктографические особенности этих символов, зафиксированных на артефактах памятников бронзового века цивилизации Окса (Шайдуллаев, 2009, с. 27). Кроме того, изучив 52 символа, начертанных на керамике памятника Джаркутан (Узбекистан) и сравнив с символами памятника Шахдад (Иран), Ш.Б. Шайдуллаев не только уверенно выделяет эти символы как пиктографические символы (Бокиев и др., 2015, с. 11), но и определяет их связь с определенной религиозностью населения цивилизации Окса.

Общеизвестно, что, когда говорят о религиозном характере цивилизации Окса, имеют в виду религиозные культы и атрибуты, служащие этой религии, а также храмы.

Раскопками М.Е. Массона, В.И. Сарианиди, А.А. Аскарова и Т.Ш. Ширинова были вскрыты фундаменты грандиозных для своего времени сооружений в Алтын-депе и Саразме эпохи ранней бронзы, Тоголоке, Гонуре, Дашли-3, Джаркутане эпохи средней и поздней бронзы (Массон, 1981; Исаков, 1991; Аскаров, Ширинов, 1993, с. 162; Сарианиди, 1977, 2001). Исследователи храмового сооружения Джаркутан цивилизации Окса А.А. Аскаров и Т.Ш. Ширинов пришли к выводу, что это – первый зороастрийский (или протозороастрийский) храм. В пользу зороастрийского характера рассматриваемого храма говорит фиксация здесь таких элементов, как: алтари, т. н. «святые колодцы», «комнаты для изготовления хаомы (вино)». Помимо молитвенного зала, исследователи отмечают фиксацию в семи погребениях Джаркутанского некрополя антропологического материала, а также в других погребениях небольших керамических цилиндрических сосудов, являющихся признаками раннего религиозного мировоззрения, а именно зороастризма (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 121).

Однако последние археологические исследования на археологическом объекте Джаркутан зафиксировали ряд свидетельств, которые, с одной стороны, вызывают сомнения в приверженности населения Джаркутан к зороастризму (Шайдуллаев, 2018, с. 124), а с другой стороны, демонстрируют особый характер религиозной жизни на данной территории. Так, например, на Джаркутане мы можем наблюдать погребение не только с костяком, но и в сопровождении погребального инвентаря, что является наиболее характерной традицией населения сапаллинской культуры (Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 83). Кроме

того, наличие кремационного сооружения на холме № 5 Джаркутана, на некрополе Бостон VI также полностью противоречит зороастрийским правилам (Аскаров, 1989; Аскаров, 1990; Аванесова, 1997.)

На наш взгляд, сам факт строительства монументальных храмов повсеместно по всей территории распространения цивилизации Окса указывает на полное формирование религии, на кульминационный период ее развития. В этом смысле если изученные в Бактрии и Маргиане монументальные памятники архитектуры представляют собой храмы, типичные для раннего зороастризма, то на памятниках цивилизации Окса о зороастризме следует говорить в буквальном смысле. Однако культовые сооружения на памятниках Джаркутан, Дашли, Тоголок-21 и Гонур, которые нередко представляются как первые зороастрийские храмы, свидетельствуют лишь о начальном этапе формирования зороастризма. Вместе с тем многочисленные археологические данные показывают, что в позднем бронзовом веке ещё не существовали устоявшиеся формы и классические практики этой религии. Следует отметить, что использовать слово «прото» для сообщества, которое вело активную деятельность до строительства централизованного храма, неверно по смыслу и сути. В ходе исследования социальный характер храма Джаркутан не был также полностью раскрыт. На наш взгляд, поиск решения этой задачи в образе жизни общин Джаркутан является правильным подходом к проблеме религиозного характера монументальной архитектуры цивилизации Окса.

Следует отметить, что попытки решения данной проблемы начинают возникать уже с началом открытия БМАК. Так, после того как В.И.Сарианиди назвал величественное здание Тоголок-21 «...первым зороастрийским храмом индоиранских народов» (Сарианиди, 1989, с. 152–170), эта идея вызвала начало бурных дискуссий. В частности, в журнале «Вестник древней истории» В.А.Лившиц и И.М.Стеблин-Каменский высказали ряд критических мнений, в том числе свое отношение к термину «протозороастризм», и серьезно возражали против использования этого термина в научных исследованиях. По мнению В.А.Лившица и И.М.Стеблина-Каменского начало зороастрийской религии связано с именем пророка Заратуштры, поэтому использовать термин «протозороастризм» до времени распространения идей, положений Заратуштры некорректно (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989, с. 176). Кроме того, источники сфрагистики и глиптики саппалинской культуры показывают, что в период господства цивилизации Окса создавались образы легендарно-мифических персонажей и эпических героев (Шайдуллаев, 2013, с. 91–98). При этом многие из этих изображений были созданы во время т. н. «единства индоиранцов» – периода, когда предки Хараппской и Окской цивилизаций сосуществали и взаимодействоали. Храмы и найденные в них священные предметы (алтари, ритуальные очаги, сосуды для священных напитков, статуэтки из керамики) показывают, что население Окской цивилизации в основном поклонялось богу Митре, связанному с дружественностью, справедливостью, договором, согласием и солнечным светом, богине воды и плодородия Ардвисуре Анахите, богу войны и победы Веретрагне и совершало обряды, связанные с огнем и приготовлением священного напитка – хаомы (Шайдуллаев, 2018, с. 124).

Действительно, в зороастризме Митра занимает важное место среди божеств, несмотря на то, что проповедь Заратуштры отвергает почитание древних богов, предлагая новую религиозную систему и этическую концепцию, в которой центральное место начинает занимать верховное божество Ахурамазда, сопутствующий ему святой дух, божественные сущности Амеши Спента. Однако Авеста демонстрирует возвращение к культам старых богов, «достойных поклонения» (язатов), среди которых Митра занимает одну из ведущих позиций, образ которого тесно переплетается с представлениями о справедливости, порядке и божественной воле. В связи с этим исследователь цивилизации Окса А. Шайдуллаев на основе результатов археологических исследований памятников эпохи бронзы в Средней Азии говорит о том, что в эпоху бронзы в Азии Митра исполнял роль главного бога и был обожествлен (Шайдуллаев, 2018, с. 126–131). Ассоциация бога Митры с солнечным светом наталкивала исследователей на предположение о связи бога Митры с т. н. «огненными» ритуалами. Так, исследователь Т. Ширинов, описывая храм Джаркутан как храм, посвященный солнцу, позже использовал термин «протозороастризм». Это мнение

подверглось первоначально критике со стороны А. Шайдуллаева (Шайдуллаев, 2018, с. 128), а затем, позже, А. Шайдуллаев пришел к выводу, что храм Джаркутан был построен как посвящение богу Митре (Шайдуллаев, 2018, с. 131). Другой исследователь, Ш. Абдуллоев, предоставил более точную информацию об этих идеях и сообщил о том, что в Богазкале была обнаружена настенная роспись. Он отмечал, что встречаются имена таких богов, как Варуна, Митра, Индра, Нанхайтья, упомянутых как гаранты договора между древними хеттами и Митанни 1380 года (Abdulloyev, 2023, с. 18). Любопытно, в этом месте Митра предстает как бог «справедливости и договора».

По мнению Ш. Абдуллоева, бог Митра – протоиндоарийский бог, пришедший в Переднюю Азию во II тыс. до н. э. и почитаемый, преимущественно, военной аристократией. Учитывая, что военная аристократия играла большую роль в общественно-политической жизни протоиндоариев в Передней Азии, понятно, что боги, в которых они верили, т. е. гиганты, олицетворяли идеалы войны. Факт, что эти боги не смогли найти места в религиозной системе народов Передней Азии, указывает на то, что они ограничиваются выражением интересов этнических и социальных категорий (Abdulloyev, 2023, с. 33).

Данное мнение позволяет предположить, что в период формирования и расцвета Окской цивилизации в промежутке между III и II тыс. до н. э. культ Митры распространялся на территории Азии и возникли традиции поклонения ему как божеству. Следует отметить, что широко распространено мнение о Митре как одной из центральных фигур с функциями организации природного космоса в иранской мифологии, отличной от идей зороастризма. Примером тому является композиция, изображенная на сосуде, найденном в «Калалы-гыр 2» в Хорезме (рис. 2). Композиция на лицевой стороне сосуда условно разделена на три части и, по мнению специалистов, изображает организацию природного космоса согласно индоевропейской мифологии. Также на нем присутствует стреляющий из лука юноша. Считается, что этот юноша – олицетворение бога Солнца Митры. Вместе с тем позади фигуры юноши (Митры) изображено растение с длинными извивающимися ветвями, которое отождествляют с растением-божеством Хаомой (Болелов, Мкртычев, 2013, с. 22–24). Это вновь наводит на предположение об истоках зороастризма.

Рис. 2. Фляга с рельефным изображением календарного мифа
(по: Болелов, Мкртычев, 2013, с. 25).
Fig. 2. A flask with a relief depiction of the calendar myth
(according to: Bolelov, Mkrtychev, 2013, p. 25).

С учетом вышеизложенного и результатов археологических исследований последних лет можно с уверенностью утверждать, что на сегодняшний день остается дискуссионной проблема характера верований населения цивилизации Окса в эпоху бронзы, и нельзя утверждать, что храмовая архитектура цивилизации Окса относится только к зороастрийской религии.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // Археологические исследования в Узбекистане 2001 год / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Самарканд: Народное наследие им. А. Кадыри, 2002. С. 19–26.

Аванесова Н.А., Таитулатова Н. Символика огня в погребальной культуры // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30 / Отв. ред. Т.Ш. Ширинов. Ташкент: Фан, 1999. С. 27–36.

Абдуллоев Ш.Б., Курбонов А.М., Ситдиков А.Г., Воробьева Е. Е. Археолог со стальной волей, открывший секреты эпохи бронзы и раннего железного века (к 65-летию профессора Ш.Б. Шайдуллаева) // Археология Евразийских степей. 2025. № 4. С. 319–329.

Аскаров А.А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 171 с.

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 232 с.

Аскаров А.А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 158–166

Аскаров А.А. Степной компонент в комплексах оседлых культур эпохи бронзы в Северной Бактрии // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа): краткие тезисы докладов науч. конференции, посвящ. 90-летию Б.А. Латынина / Ред. Н. Г. Кершнер-Горбунова, Н. К. Качалова. Л.: ГЭ, 1990.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. 122 с.

Аскаров АА., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент: Фан, 1979. 110 с.

Аскаров А.А, Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд: Институт археологии АН Республики Узбекистан, 1993. 245 с.

Бокиев А., Шайдуллаев А., Йўлдошева З. Окс Цивилизацияси. Тошкент: Yangi nashr, 2015. 176 бет.

Болелов СБ., Мкртычев Т.К. Религии и культы домусульманской Средней Азии (IV в. до н.э. – IV в. н.э.). М.: Государственный музей Востока, 2013. 88 с.

Дьяконов М.М. Сложение классового общества в северной Бактрии // СА. Вып. XIX / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР, 1954. С. 121–140.

Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Душанбе: Дониш; Адиб, 1991. 244 с.

Кузьмина Е.Е. Бактрийский мираж и археологическая действительность // ВДИ. 1978. № 2. С. 12–21.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Калина, 1994. 463 с.

Кузьмина Е.Е. Образ Митры в искусстве степей Евразии, Индии и Ирана во II – нач. I тыч. до н.э. и лингвистичнские данные // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1 / Отв. ред. В.А. Алёкшин. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. С. 127–134.

Курбонов А.М. Алтын-Депе – древнейшее место культовое место в Средней Азии // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 107–110.

Курбонов А.М. Инновационные процессы в храмовых сооружениях Центральной Азии в эпоху бронзы // Археология Евразийских степей. 2024. № 5. С. 322–336.

Лившиц В.А., Стеблин - Каменский И.М. Протозороастризм ? // ВДИ. 1989. №1. С. 174–176.

Массон В.М. Джейтун и Карадепе // СА. 1957а. № 1. С. 143–160.

Массон В.М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии // СА. 1957б. № 4. С. 44–54.

Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы / МИА. № 73. М.; Л.: АН СССР, 1959. 215 с.

Массон В.М. Алтын-Депе / Труды ЮТАКЭ. Т. XVIII. Л.: Наука, 1981. 176 с.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л.: Наука, 1989. 275 с.

Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент: Фан, 1987. 137 с.

Сариниди В.И. Культовые здания поселений анауской культуры // СА. 1962. № 1. С. 44–57.

Сариниди В.И. Раскопки Тилля-тепе в северном Афганистане. М.: Наука, 1972. 240 с.

Сариниди В.И. Бактрия в эпоху бронзы // СА. 1974. № 4. С. 49–70.

Сариниди В.И. Исследования памятников дашлинского оазиса // Древняя Бактрия / Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. / Отв.ред. И.Т. Кругликова М.: Наука, 1976. С. 21–86.

Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг. М.: Наука, 1977. 172 с.

Сариниди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 152–170.

Сариниди В.И. Сельский храм Тоголок I в Маргиане // ВДИ. 1990. № 2. С. 10–13.

Сариниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 244 с.

Сариниди В. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Туркмендовлетхабарлари, 2002. 357 с.

Топоров В.Н. Митра // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 154–157.

Хлопин И.Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии // Древний Восток и мировая культура / Отв. ред. И.М. Дьяконов. М.: Наука, 1981. С. 26–30.

Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Петерб. востоковедение, 2002. 334 с.

Шайдуллаев А.Ш. Образ змей в глиптике сапаллынской культуры // Археология Узбекистана. 2013. № 2 (7). С. 91–98.

Шайдуллаев А.Ш. В Истории религий народов Средней Азии образ Митра // Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы / Отв. ред. М.М. Саидов. Самарканд: Институт археологии АН Узбекистана, 2016. С. 63–66.

Шайдуллаев А.Ш. Сополли маданиятининг глиптикаси ва сфрагистикаси. Тарих фанлари буйича фалсафа доктори (PhD) диссертацияси. Тошкент, 2018. 195 с.

Шайдуллаев Ш.Б. Этапы возникновения и развития государственности на территории Узбекистана (на примере Бактрии). Самарканд. 2009, 350 с.

Шайдуллаева Г.Ш., Курбонов А.М. Отражение зороастризма в храмах Средней Азии эпохи бронзового века // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 294–301.

Abdulloyev Sh.B. O‘rta Osiyo xalqlari diniy qarashlarida dev obrazi: shakllanishi va evolyutsiyasi. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences.. Termez, 2023. 195 c.

Avanesova N.A. Spatbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flusoase nach den Befunden der Nikropole Bustan 6 // AMIT 29, 1997. P. 147–178.

B. Lyonnet and N.A.Dubova. 2021. “Questioning The Oxus Civilization or Bactria- Margiana archaeological culture (BMAC) An overview”. Chapter 1. The World of the Oxus Civilization. Edited by Lyonnet and Dubova. Pp.7-65.

Lamberg-Korlovsky C. C. The Bronze Age khanates of Central Asia // Antiquity 68, 1994. P. 398–405.

Kattayeva G., Xamidov O. Oks Sivilizatsiyasi Bo,,Yicha 2023-Yilda Nashr Etilgan Yangi Tadqiqotlar: 2-Qism (“Arxeologiya Yevraziyskix Stepey” Jurnali Misoloida) // O‘zMU XABARLARI. 2024. № 1(1.3.1). C. 55–57.

Tosi M. The Archaeological Evidence for Protostate Structures in Eastern Iran and Central Asia at the End of the 3rd Millennium B.C. // Le plateau iranien et l’Asie centrale des origines à la conquête islamique. Paris: CNRS, 1977. P. 45–67.

Информация об авторе:

Курбонов Абдусамад Мелигалиевич, преподаватель, Термезский государственный университет (г. Термез, Узбекистан); Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

REFERENCES

Avanesova, N.A. 2002. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane 2001 (Archeological researches in Uzbekistan. 2001)*. Samarkand A. Kadyri Folk Heritage, 19–26 (in Russian).

Avanesova, N.A., *Taitulatova, N.* 1999. In Shirinov, T. Sh. (ed.). *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana (History of Material Culture of Uzbekistan)* 30. Tashkent: “Fan” Publ., 27–36 (in Russian).

Abdulloev, Sh. B., Kurbonov, A. M., Sitdikov, A. G., Vorobeva, E. E. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–329 (in Russian).

Askarov, A. 1973. *Sapallitepa (Sapallitepe)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Askarov, A. A. 1977. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Uzbekistana (Ancient agricultural culture of the Bronze Age of the south of Uzbekistan)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Askarov, A. A. 1989. In Masson, V. M. (ed.). *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii* (*Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ., 158–166 (in Russian).

Askarov, A. A. 1990. In Kershner-Gorbunova, N. G., Kachalova, N. K. (eds.). *Problemy drevnei istorii Severnogo Prichernomoria i Srednei Azii (epokha bronzy i rannego zheleza) (Issues of the ancient history of the Northern Black Sea region and Central Asia (the Bronze and Early Iron Ages)).* Leningrad: State Hermitage Museum, (in Russian).

Askarov, A. A., Abdullaev, B. N. 1983. *Dzharkutan (Jarkutan).* Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Askarov, A. A., Al'baum L. I. 1979. *Poseleniye Kuchuktepa (The settlement of Kuchuk-tepe)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian)

Askarov, A. A., Shirinov, T. Sh. 1993. *Rannyaya gorodskaya kul'tura epokhi bronzy yuga Sredney Azii (Early urban culture of the Bronze Age in the south of Central Asia).* Samarkand: Institute of Arkhaeology of Academy of Sciences of the Uzbekistan Republic (in Russian).

Bokiev, A., Shaidullaev, A., Yuldosheva, Z. 2015. *Oks Tsivilizatsiiasi (The Oxus Civilization).* Tashkent: "Yangi nashr" Publ. (in Uzbek).

Bolelov, S. B., Mkrtychev, T. K. 2013. *Religii i kulti domusulmanskoy Sredney Azii (IV v. do n.e. - IV v. n.e.) (Religions and cults of Pre-Islamic Central Asia (4th century BC - 4th century AD)).* Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

D'yakonov, M.M. 1954. In Rybakov, B. A. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XIX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 44–57 (in Russian).

Isakov, A. I. 1991. *Sarazm (k voprosu stanovleniya drevnezemledel'cheskoy kul'tury Zeravshanskoy doliny) (Sarazm (on the question of the formation of the ancient agricultural culture of the Zeravshan Valley)).*Dushanbe: "Donish", "Adib" Publ. (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1978. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (2), 12–21 (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 1994. *Otkuda prishli indoarii? Material'naia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev (Where did the Indo-Aryans come from? Material culture of Andronovo Communion and the Origin of the Indo-Iranians).* Moscow: "Kalina" Publ. (in Russian).

Kuz'mina, E. E. 2012. In Alekshin, V. A. (ed.). *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 1. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 127–134 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 107–110 (in Russian).

Kurbonov, A. M. 2024. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 5, 322–336 (in Russian).

Livshits, M. A. Steblin-Kamenskiy, I. M. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 174–176 (in Russian).

Masson, V. M. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 143–160 (in Russian).

Masson, V. M. 1957. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 44–54 (in Russian).

Masson, V. M. 1959. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Margiany (The ancient agricultural culture of Margiana). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 73. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Masson, V. M. 1981. *Altyn-Depe (Altyn-Depe)* Series Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii (Proceedings of the South Turkmenistan Archaeological Integrated Expedition) 18. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Masson, V. M. 1989. *Pervye tsivilizatsii (The first civilizations)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sagdullaev, A. S. 1987. *Usad'by drevnei Baktrii (Estates of Ancient Bactria)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1962. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 44–57 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1972. *Raskopki Tillya-tepe v severnom Afganistane (Excavations at Tillya-tepe in Northern Afghanistan).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 49–70 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1976. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Drevniaia Baktriia (Ancient Bactria).* Series: Materialy Sovetsko-Afganskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Soviet-Afghan archaeological expedition). Moscow: "Nauka" Publ., 21–86 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1977. *Drevnie zemledel'tsy Afganistana. Materialy Sovetsko-Afganskoy ekspeditsii 1969–1974 gg. (Ancient agriculturalists of Afghanistan. Materials of the Soviet–Afghan expedition 1969–1974).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 152–170 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 1990. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (2), 10–13 (in Russian).

Sarianidi, V. I. 2001. *Nekropol Gonura i iranskoye yazichestvo (Necropolis of Gonur Depe and Iranian Paganizm).* Moscow: "Mir-Media" Publ. (in Russian).

Sarianidi, V. 2002. *Margush. Drevnevostochnoe tsarstvo v staroy del'te reki Murgab (Margush. Ancient Oriental Kingdom in the Old Delta of the Murghab river)*. Ashkhabad: "Turkmendovletkhabarlari" Publ. (in Russian).

Toporov, V. N. 1988. In Tokarev, S. A. (ed.). *Mify narodov mira: enciklopediya (Myths of the peoples of the world: an encyclopedia)* Vol. 2. Moscow: "Soviet Encyclopedia" Publ., 154–157 (in Russian).

Khlopin, I. N. 1981. In D'yakonov, I. M. (ed.). *Drevnii Vostok i mirovaia kultura (Ancient East and world culture).* Moscow: "Nauka" Publ., 26–30 (in Russian).

Khlopin, I. N. 2002. *Epokha bronzi Yugo-Zapadnogo Turkmenistana (Bronze age of South-West Turkmenistan).* Saint Petersburg: "Peterb. Vostokovedenie" Publ. (in Russian).

Shaidullaev, A. Sh. 2013. In *Arkheologiya Uzbekistana (Archaeology of Uzbekistan),* 2 (7), 91–98 (in Russian).

Shaidullaev, A. Sh. 2016. In Saidov, M. M. (ed.). *Arkheologiya Uzbekistana v gody nezavisimosti: dostizheniya i perspektivy (Archaeology of Uzbekistan During the Years of the Independence: progress and persrectives).* Samarkand: Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan, 63–66 (in Russian).

Shaidullaev, A.Sh. 2018. *Sopolli madaniyatining gliptikasi va sfragistikasi (Glyptics and sphragistics of Sapalli culture).* Diss. of PhD. Samarkand. (in Uzbek)

Shaidullaev, Sh. B. 2009 *Etapy vozniknoveniya i razvitiya gosudarstvennosti na territorii Uzbekistana (na primere Baktrii) (Stages of the emergence and development of statehood in the territory of Uzbekistan (on the example of Bactria)).* Samarkand (in Uzbek).

Shaidullaeva, G. Sh., Kurbonov, A. M. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 294–301 (in Russian).

Abdulloev, Sh. B. 2023. *Obraz diva v religioznix predstavleniyax narodov Sredney Azii: formirovaniye i evolyutsiya (The image of the div in the religious beliefs of the peoples of Central Asia: formation and evolution)*. Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Termez (in Uzbek).

Avanesova, N. A. 1997. In *AMIT* (29), 147–178 (in German).

Lyonnet, B. and Dubova, N.A. 2021. In Lyonnet, B., Dubova, N.A. (eds.). *The World of the Oxus Civilization*, 7–65.

Lamberg-Korlovsky, C. C. 1994. In *Antiquity* (68), 398–405.

Kattaeva, G., Xamidov, O. 2024. In O'zMU XABARLARI *(ACTA NUUz)* 1(1.3.1), 55–57 (in Uzbek)

Tosi, M. 1977. In *Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique.* Paris: CNRS, 45–67.

About the Author:

Kurbonov Abdusamad M. Termez State University, Barkamol avlod at street, 43, Termez city, 190111, Uzbekistan; Abdusamad_Qurbonov@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.10.2024 г.
Статья принята к публикации 17.11.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.239.251

КАМЕННЫЙ «ТОПОР С УШКАМИ» И ДОБЫЧА ЗОЛОТА НА САЛАИРЕ В ДРЕВНОСТИ[1]

©2026 г. А.П. Бородовский, П.В. Волков

В ходе обследования территории близ с. Егорьевского в Новосибирской области в русле реки Суенга было обнаружено каменное изделие, обработанное в технике пикетажа и пришлифовки. Анализ материала каменного орудия методом рамановской спектроскопии позволил установить, что материал, использованный для его изготовления, гомогенен по своей структуре и состоит преимущественно из кварца. К настоящему времени находка такого орудия является уникальной и единственной для территории Верхнеобского бассейна. В свою очередь, этот артефакт маркирует и юго-западную границу распространения изделий, известных в археологии как «топоры с ушками». Сравнение материла, из которого был изготовлен топор из Салаира, с аналогичными изделиями с Ангары и Байкала, позволило выявить существенные различия в материале изготовления. Трасологическое изучение следов износа на орудии установило факт его использования в качестве пешни для пробивания льда. Практически все находки аналогичных орудий связаны с территориями близ крупных водоёмов (Енисей, Ангара, Байкал). Весьма вероятно, что артефакты данного функционального типа могли использоваться при формировании и расчистке прорубей при зимней рыбалке. Обнаружение такого орудия на небольшой и сравнительно мелководной реке Суенге заставляет усомниться о связи данного «топора с ушками» с рыболовством. Выдвигается гипотеза о связи этого орудия с добычей золота. С таким предположением согласуется функциональная характеристика инструмента и его локализация на золотоносной реке, где добыча металла особенно результативна именно в зимнее время.

Ключевые слова: археология, топор с «ушками», Салаир, рамановская спектроскопия, трасология, пешня, зимняя золотодобыча

STONE "AXE WITH LUGS" AND GOLD MINING IN SALAIR REGION IN ANCIENT TIMES [2]

A.P. Borodovskiy, P.V. Volkov

During a survey of the area near the village of Yegoryevskoye in the Novosibirsk region, a stone item was discovered in the riverbed of the Suenga River, worked using the picketing and grinding techniques. Analysis of the tool's material by Raman spectroscopy revealed that the material used for its manufacture is homogeneous in structure and consists mainly of quartz. To date, this find is unique and the only one of its kind in the Upper Ob basin. In turn, this artifact also marks the southwestern boundary of the distribution of items archaeologically known as "axes with lugs". A comparison of the material of the axe from Salair with similar artifacts from the Angara and Baikal regions revealed significant differences in the raw materials used. Traces of wear analysis established that the tool was used as an ice pick for breaking ice. Nearly all similar finds are associated with areas near large bodies of water (Yenisei, Angara, Baikal), suggesting they were likely used for cutting and clearing ice holes for winter fishing. However, finding such a tool on the small and relatively shallow Suenga River casts doubt on the connection of the "axes with lugs" with fishing. A hypothesis is put forward linking this tool to gold mining. This assumption aligns with its functional characteristics and its location on a gold-bearing river, where metal extraction is especially productive in winter.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках госзадания НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2025-0013 , Функциональное исследование артефактов было осуществлено в рамках госзадания НИР ИАЭТ СО РАН проекту FWZG-2025-0001 «Сибирь и сопредельные территории: изучение и реконструкции историко-культурного прошлого».

[2] The study was carried out with financial support within the state task for research of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences FWZG-2025-0013. The functional study of the artifacts was conducted within the state task scientific research work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, project FWZG-2025-0001 "Siberia and adjacent areas: study and reconstruction of the historical and cultural past".

Keywords: archaeology, axes with lugs, Salair, Raman spectroscopy, traceology, ice pick, winter gold mining

Введение

Каменные «топоры с ушками» широко известны среди материалов сибирских археологических памятников Северной Азии конца IV – середины III тыс. до н. э. (История Сибири, 2022, с. 283). Ареал распространения этих орудий в основном тяготеет к крупным рекам, озёрам или другим водоёмам, где население занималось рыболовством. На основе морфологических признаков такие топоры получили в отечественной археологической литературе различные наименования (Мочанов, 1977, с. 211; Чернецов, 1953, с. 11). Это «поперечное тесло» и «топор с выступами» (Чернецов, 1953, с. 10–11), «мотыга с цапфами» (Фосс, 1952, с. 197) и «массивное тесло» (Гришин, 1980, с. 264–265), «топоры с ушками у обушка» (Мочанов, 1977, с. 245) и просто «топор с ушками» (Конопацкий, 1982, с. 29). Различия в описаниях артефактов наблюдаются, видимо, потому, что их анализ и классификация проводились на основе только данных морфологии, без учёта трасологической информации об их использовании (Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 71). Первый экспериментально-трасологический анализ серии образцов изделий данного типа был произведён в начале 80-х годов (Волков, 1986). Функциональное назначение изученного набора орудий было определено как инструментарий для прорубания и формирования прорубей при зимней рыбалке. Основная концентрация находок «топоров с ушками» характерна в основном для Ангаро-Байкальского региона. За пределами этой обширной территории такие инструменты представлены уже крайне дисперсно. На севере Восточной Сибири такие находки выявлены на стоянке Хоронноох-Вилюйский в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) (Алексеев, 1996, с. 49, табл. 34; История Сибири, 2022, с. 296–297; Вальков, Егорченко, Горлышкин, Выборнов, 2024, с. 992, рис. 2, с. 993, 994;).

На территории Западной Сибири находки каменных «топоров с ушками» встречаются редко. Более или менее компактно они выявлены в районе Средней Конды (Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 77, рис. 1), тогда как для Обь-Енисейского междуречья известна только одна случайная находка такого изделия (Чернецов, 1953, с. 9; Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 77, рис. 1). Еще одна находка такого типа была обнаружена на Салаире. Материаловедческому и функциональному анализу этого орудия посвящена настоящая публикация.

Материалы и методы

В начале 70-х годов прошлого века участником Салаирской партии Новосибирской геолого-поисковой экспедиции Валерием Петровичем Куковским у с. Егорьевское Маслянинского района НСО на р. Суенге (рис. 1) был обнаружен каменный «топор с ушками» (рис. 2). Предмет был найден в отвале после прохождения драги по реке Суенге после добычи золота. Очевидно, вследствие этого изделие получило несколько более поздних сколов, а его поверхность была покрыта маслянистой пленкой техногенного происхождения. В середине 90-х годов эта случайная находка была передана для исследований одному из авторов настоящей публикации (А.П. Бородовскому).

Предмет имеет размеры 24,5×8,5×5,5 см. Величина выступающих ушек составляет 1,5×1 см. Форма ушек коническая. Одно из них обломано у основания. Вес топора 2 кг. Визуально материал изделия можно определить как черный (асфальтного цвета) плотный камень. Над выступающими боковыми «ушками» изделия расположено длинное зигзагообразное углубление. Оно локализовано на одной из сторон инструмента у обломанного бокового ушка. Другие два коротких прямых нареза находятся на окончании «пятки» предмета. Лезвие инструмента имеет хорошую зашлифовку с двух сторон. Лицевая сторона режущей кромки выгнута, а оборотный край слегка вогнут внутрь.

Материал изделия, по предварительному визуальному определению директора Музея Института геологии СО РАН д.и.н. А.В. Вишневского, относится к галькам гранитогнейсовых метаморформических пород. Изучение фактуры материла изделия при осмотре под микроскопом позволило предположить, что это песчаник роговик, долерит. Анализ материала орудия, выполненный в лаборатории «ЦифрА» Института археологии и этнографии СО РАН (Центр коллективного пользования «Геохронология кайнозоя») методом рамановской спектро-

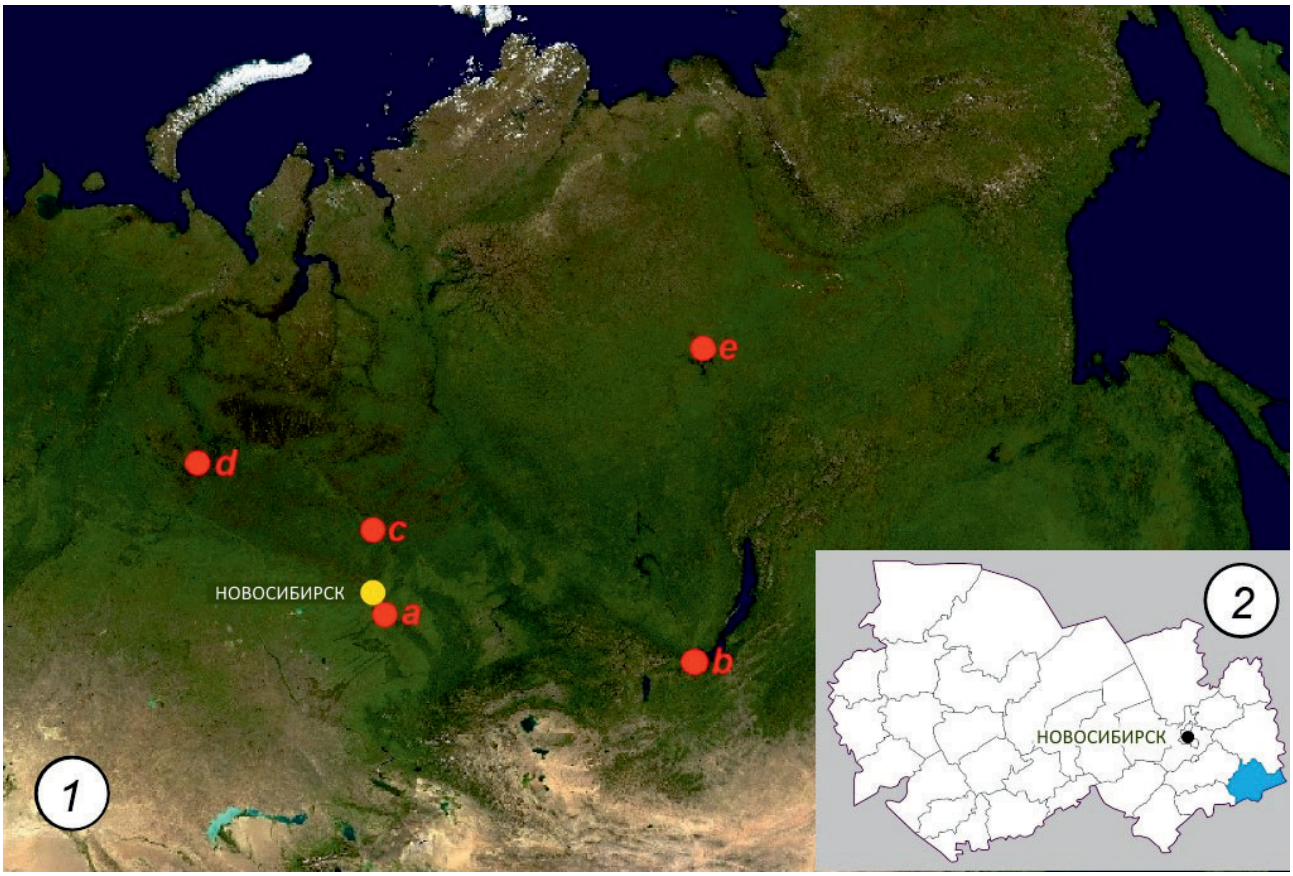


Рис. 1. Локализация находки 1 – Евразия; 2 – Новосибирская область (Маслянинский район):
a – Салаир; *b* – Байкал; *c* – Обь-Иртышский канал; *d* – Конда; *e* – Вилюй;
Fig. 1. Localization of the find 1 – Eurasia; 2 – Novosibirsk Region (Maslyanino District):
a – Salair; *b* – Baikal; *c* – Ob-Irtysh Canal; *d* – Konda; *e* – Vilyuy.

скопии м.н.с. Р.В. Давыдовым (Бородовский, Давыдов, Волков, 2024), позволил установить присутствие в материале изделия кварца (Wojcieszak, Wadley, 2019, fig. 2), полевых шпатов и кристаллизованного углерода (Martínez-Arkarazo et al., 2007, p. 353; Freeman et al., 2008, fig. 7). Исследования выполнялись на рамановском микроскопе M532/785 («Спектр-М») лаборатории «ЦифрА» ИАЭТ СО РАН. Спектральный диапазон прибора 100–4000 кв. см, входная щель 20 мкм. Использован лазер с длиной волны 532 нм (мощность 50 мВт). Время набора спектра 62–124 секунд., в зависимости от типа анализируемого вещества. В результате изучения поверхности орудия с Салаира было проанализировано шесть точек.

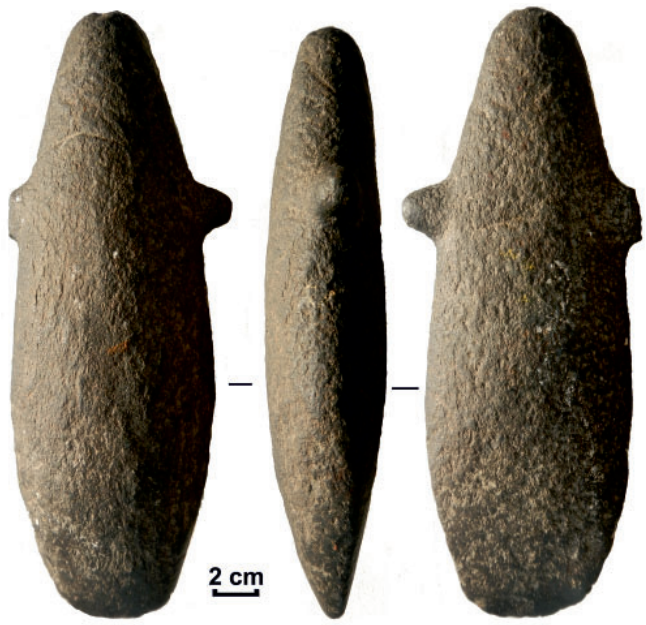


Рис. 2. Общий вид изделия с р. Суенга
у с. Егорьевское на Салаире.
Fig. 2. General view of the item from the Suenga River
near the village of Yegoryevskoye on Salair.

Поверхность каменного артефакта с р. Суенги у с. Егорьевского обработана в технике пикетажа с пришлифовкой. Лезвие инструмента пришлифовано с двух сторон. На режущей кромке лезвия располагается серия сколов,

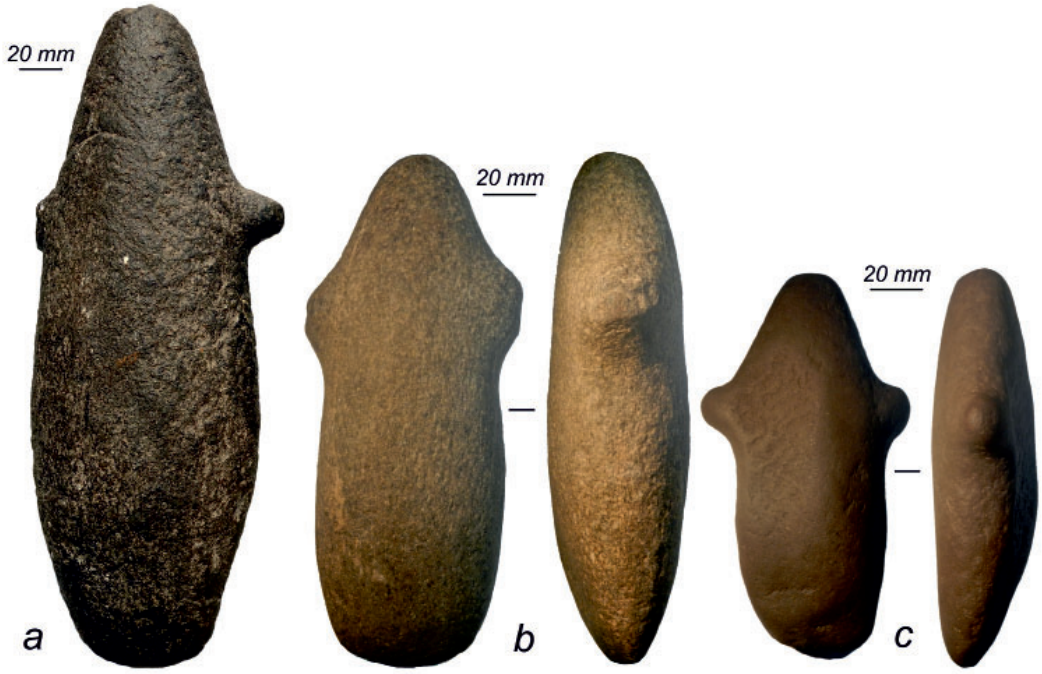


Рис. 3. Масштабированное изображение исследуемого орудия из Салаира (*a*) и двух изделий из сравнительной «ангарской коллекции» (*b*, *c*).
Fig. 3. Scaled representation of the investigated tool originating from Salair (*a*), alongside two artifacts from the comparative «Angara collection» (*b, c*).

образовавшихся при использовании инструмента. Каменные топоры такого типа характерны для эпохи байкальского энеолита (рис. 3).

Классифицировать изучаемый артефакт с р. Суенги согласно предлагаемой иркутскими археологами типологии (Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 84, рис. 4) оказалось непросто. Однако отнесение его к более традиционному типу «топоров с ушками» не повлияло на главную задачу настоящего исследования – определения функционального назначения данного орудия.

Предложенная иркутскими археологами схема типологии «топоров с ушками» (цапфами) (Липнина, Лохов, Медведев, 2013, с. 95) предполагает достаточно сложную многоуровневую классификацию изучаемых артефактов. В рамках такого подхода к орудию из р. Суенги можно выявить несколько важных аспектов. Среди них: 1) обнаружение изделия вдали от мест широкого распространения аналогичных изделий неожиданно; 2) в рамках общей стратегии развития цапфенных технологий для каменных топоров салаирская находка явно относится к завершающей стадии формирования типа этих инструментов и, возможно, является наиболее поздним образцом; 3) сама находка топора на Суенге вполне может быть рассмотрена в рамках определённого «палеокультурного импульса», представленного на широтных пространствах в несколько тысяч километров.

При определении хронологии «топоров с ушками» за пределами территории их основного бытования следует учитывать несколько важных факторов. Среди них: особенность локализации, условия находки, морфологические особенности изделия и культурно-хозяйственный контекст использования этих орудий. С точки зрения местоположения важно учитывать, где был обнаружен такой предмет – на исконной территории его распространения или далеко за ее пределами. Учет условий нахождения предмета – в определённом культурно-стратиграфическом контексте или вне его – также имеет важное значение при датировке изделия. Не меньшее значение имеют и морфологические особенности изделия, особенно если учесть значительную вариативность форм топоров с ушками. Культурно-хозяйственный контекст использования топоров с ушками, устанавливаемый по данным трасологических исследований, следует рассматривать в непосредственном применении этих орудий к местным природным условиям, в которых он был обнаружен.

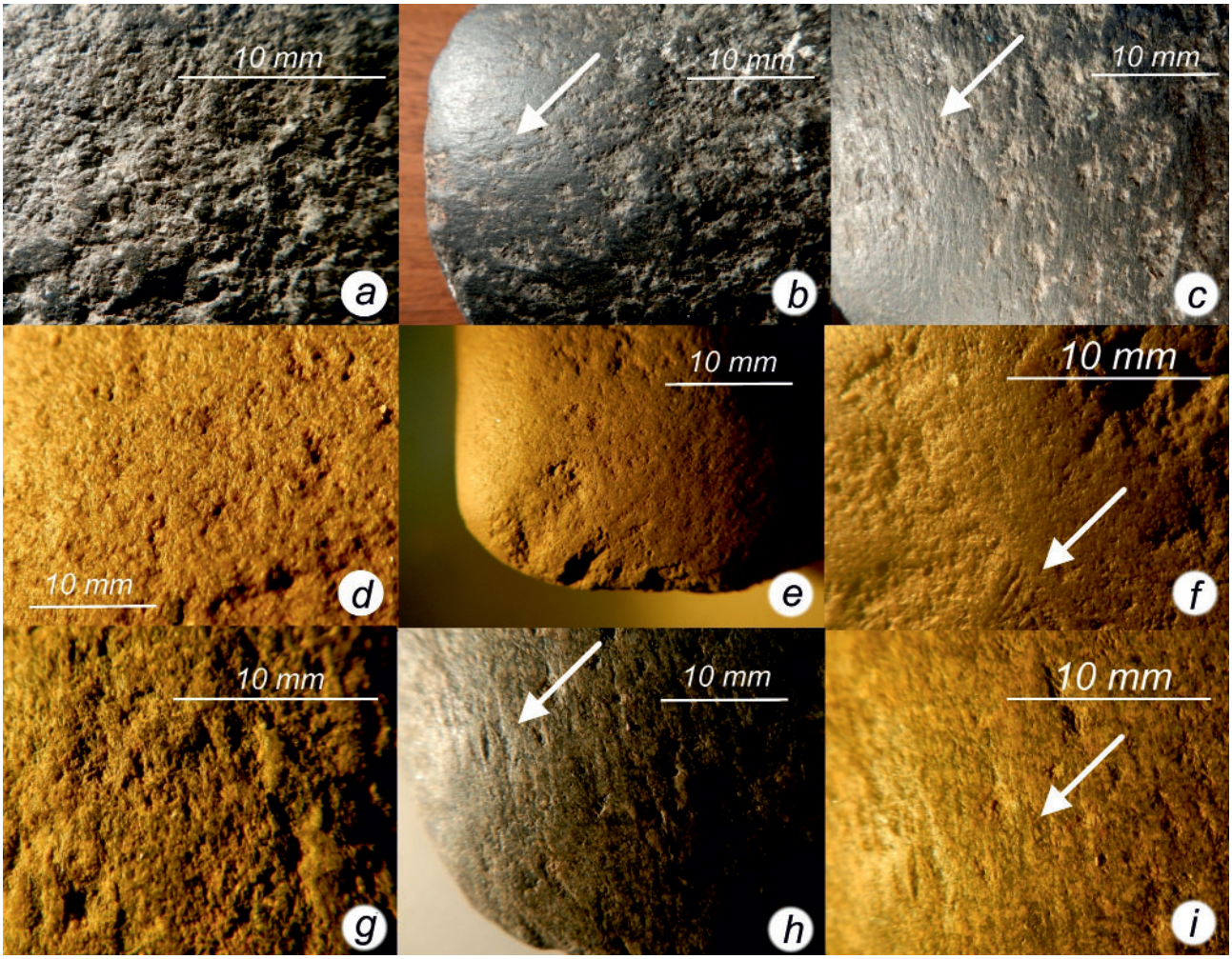


Рис. 4. Следы износа на артефакте с берега реки Суенга (*a-c*) и на орудиях из «ангарской коллекции» (*d-i*). Стрелками отмечены характерные линейные следы.
Fig. 4. Wear traces on an artifact from the bank of the Suenga River (*a-c*) and on tools from the "Angara collection" (*d-i*). Characteristic linear marks are indicated by arrows.

В ходе трасологического исследования на салаирском артефакте были выявлены следы износа, образовавшиеся на поверхности изделия в зоне его контакта с материалом воздействия. Износ представляет собой однотипные следы, хорошо фиксируемые при микроскопическом обследовании (рис. 4). Зона износа распространялась, как на исследуемом инструменте, так и на сравнительных экспериментальных образцах, преимущественно на выпуклой стороне («спинке») орудия (четверть от общей длины изделия) и в меньшей степени (около восьмой части общей длины) на его противоположной стороне.

Структура материала, из которого было изготовлено орудие с берегов реки Суенги, неоднородна по твёрдости. В относительно рыхлую (сравнительно тёмную) основу породы включены сравнительно светлые, более устойчивые к разрушению кристаллы. В процессе работы инструмента происходило регулярное истирание непрочной мелкозернистой основы породы и выпадение относительно более твердых кристаллов, что приводило к образованию продольных и параллельных друг другу, сглаженных коротких желобчатых микроуглублений вдоль основной оси инструмента (рис. 5).

Крепление изучаемых орудий к их деревянным рукоятям производилось, предположительно, с помощью верёвок из растительного материала (рис. 6). Следы такого рода «вязки» часто прослеживаются в виде лёгкой заполировки в зоне «ушек» инструментов.

В ходе экспериментов инструменты, работавшие в качестве пешни, показали свою высокую эффективность при раскалывании льда. Так, например, использование относи-

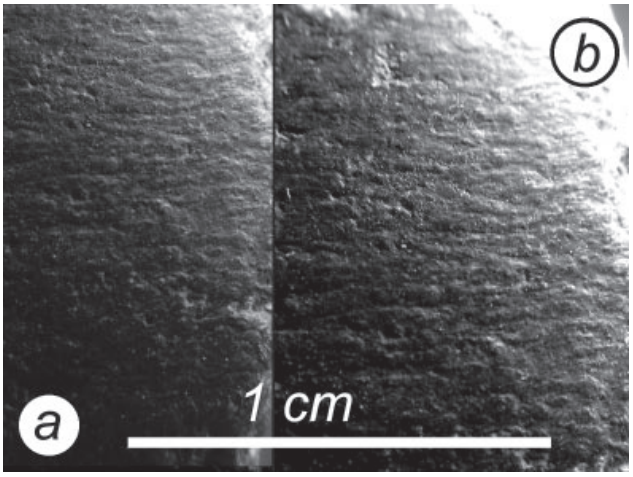


Рис. 5. Желобчатая структура линейных следов на вентральной (*a*) и дорсальной (*b*) поверхности в зоне износа орудия с реки Суенга.
Fig. 5. Grooved structure of linear traces on the ventral (*a*) and dorsal (*b*) surfaces in the wear zone of a tool from the Suenga River.

тельно средних по весу (750–900 г) экспериментальных орудий, закреплённых в прямой рукояти, давало возможность выбивать проруби диаметром около 1 м за один час рабочего времени (толщина льда 35–40 см). В ходе работы, вследствие разогрева орудия, талый лёд заполнил все углубления на поверхности камня; на выступающих из «ледяного панциря» фрагментах каменной поверхности орудия быстро образовались видимые невооружённым глазом следы заглаженности, наиболее отчётливо проявляющейся на рабочем крае орудия.

Сравнительный анализ экспериментальных образцов, испытавших длительное трение о ледяную поверхность, показал аналогичность типа следов износа экспериментальных образцов с контрольными орудиями из археологических коллекций и исследуемым в настоящей работе артефактом (рис. 7; 8).

В результате проведённого экспериментально-трасологического анализа можно заключить, что исследуемый тип артефактов представляет собой ударные орудия для колки льда. Орудия такого типа обычно применяются для пробивания прорубей во льду при зимней рыбалке, при установке подлёдных сетей, при извлечении из-подо льда крупной рыбы, при расчистке ранее вырубленных, но периодически замерзающих прорубей, для получения питьевой воды и тому подобных зимних работах человека на реке.

Можно предположить и вероятный размер рукояти исследуемых орудий. Исходя из размеров могильной ямы погребения № 5 могильника Хоротук (Конопацкий, 1982, с. 43, рис. 35, *1*) и расположению уместившегося в ней орудия исследуемого типа, рукоять инструмента имела длину около одного метра (рис. 9).

Типичными следами сработанности инструментов данного функционального типа можно считать заглаженность орудия в зоне его рабочего края, сравнительно далеко заходящую на спинку инструментов и относительно в незначительной степени – на их брюшко. Изредка встречающиеся прямые и относительно неглубокие линейные трассы, образовавшиеся от абразивных частиц в составе льда, всегда параллельны длинной оси орудий.

Никаких следов износа, образующихся на орудиях, использованных при работе с деревом, на поверхности изучаемого салаирского артефакта, равно как и на «топорах с ушками» с других территорий, выявлено не было. Бытующая в среде археологов гипотеза об их использовании в качестве деревообрабатывающих топоров не подтвердилась.

Обсуждение

Результаты материаловедческого и трасологического анализа каменного «топора с ушками» из р. Суенги позволяют обсудить

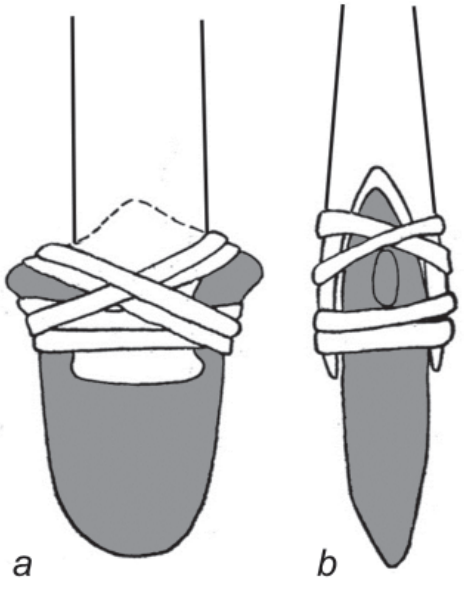


Рис. 6. Способ крепления экспериментальных орудий к рукоятям (*a, b*).
Fig. 6. Method of attaching experimental tools to handles (*a, b*).

Рис. 7. Поверхность первой группы экспериментальных образцов пород камня крупной (*a-c*), средней (*d-f*) и мелкой зернистости (*g-i*). Стрелкой обозначены участки формирования уплощения поверхности. Относительно слабый износ.

Fig. 7. Surface of the first group of experimental stone samples with coarse (*a-c*), medium (*d-f*), and fine grain (g-i). The arrow indicates areas of formation surface flattening. Relatively weak wear.

вопросы происхождения сырья и функционального переназначения данного инструмента применительно к конкретным условиям Салаира. Прежде всего рассмотрим проблему происхождения материала этого инструмента. Для этого было проведено сравнение естественно-научных данных (рамановского анализа) материала инструментов из Салаира, Байкала и Ангары. Материал аналогичного по форме топора с Байкала был определен как неоднородная структура с включением различных минералов. В ее составе доминировали полевые шпаты (альбит, анорит) (Freeman et al., 2008, tabl. 4, fig. 7) и зерна кварца (Wojcieszak, Wadley, 2019, fig. 2). Кроме того, зафиксированы крупные включения кристаллизованного углерода (Martínez-Arkarazo et al., 2007, p. 353; Maslova et al., 2019). В одном случае было даже обнаружено присутствие оксида железа (магнетита или магемита) (Hanesch, 2009). В целом материал орудия с Байкала можно определить как альбит и анортит с зернами кварца и отнести к полевым шпатам. Таким образом, аналогичное изделие с Байкала существенно отличалось от салаирской находки.

Материал другого сравнительного образца, происходящего с Ангары, состоял преимущественно из полевых шпатов, включая альбит, микроклин и анортит (Freeman et al., 2008, tabl. 4, fig. 7; Wojcieszak, Wadley, 2019, fig. 2). В структуре также было выявлено присутствие включений кристаллизованного углерода (Martínez-Arkarazo et al., 2007, p. 353; Maslova et al., 2019), характерного для кварца темного серого цвета. Таким образом, по

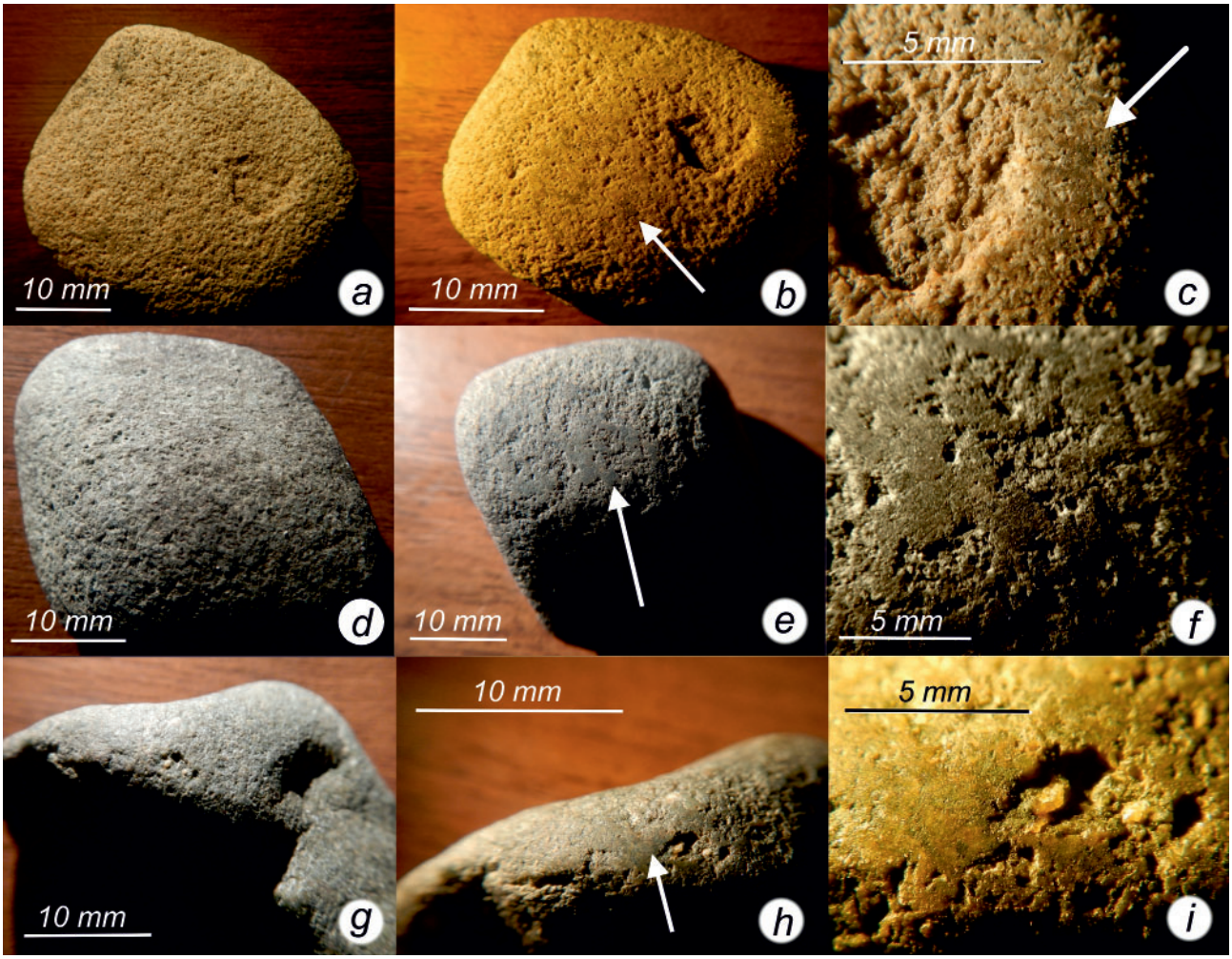


Рис. 8. Поверхность второй группы экспериментальных образцов пород камня крупной (*a-c*), средней (*d-f*) и мелкой зернистости (*g-i*). Стрелкой обозначены участки формирования уплощения поверхности. Относительно интенсивный износ.

Fig. 8. Surface of the second group of experimental samples with coarse (*a-c*), medium (*d-f*) and fine grain (*g-i*) rocks. The arrow indicates areas of formation surface flattening. Relatively intense wear.

данным материаловедческих исследований, «топоры с ушками» на удаленных друг от друга территориях производились из различного сырья. Хотя в целом для каменных изделий из Восточной Сибири были выявлены факты их транзита на достаточно значительные расстояния, вплоть до 1000 км (Demonterova et al., 2024).

Сравнение материала изделия с р. Суенги с каменным сырьем из Салаира пока не позволяет признать его местное происхождение. Для этой горной территории характерно присутствие талькового сланца, известняка кварца, каменноугольных песчаников кварца (Горный журнал, 1831, с. 377; Мамонтов, 1908, с. 62, 63). Кварцевые жилы, как правило, связаны с залежами самородного золота. Из них извлекают 75 процентов этого металла.

В свою очередь, вопрос о качестве сырья для каменных цапфенных топоров, кроме материаловедческого значения и значения для определения локализации их происхождения, имеет еще и классификационно-идентифицирующее значение. Первоначально А.П. Окладников (Окладников, 1950, с. 19) выделил в Прибайкалье, помимо «северного», еще два типа топоров с цапфами – «байкальский» из кристаллических горных пород и «ангарский» из кремнисто-сланцевых материалов (Чернецов, 1953, с. 10). Однако в настоящее время в некоторых археологических публикациях (Липнина, Лохов, Медведев, 2013 с. 95) такое разделение орудий рассматривается уже как анахронизм. Не обсуждая объективности такого утверждения, подчеркнём, что для достоверности подобных выводов следует

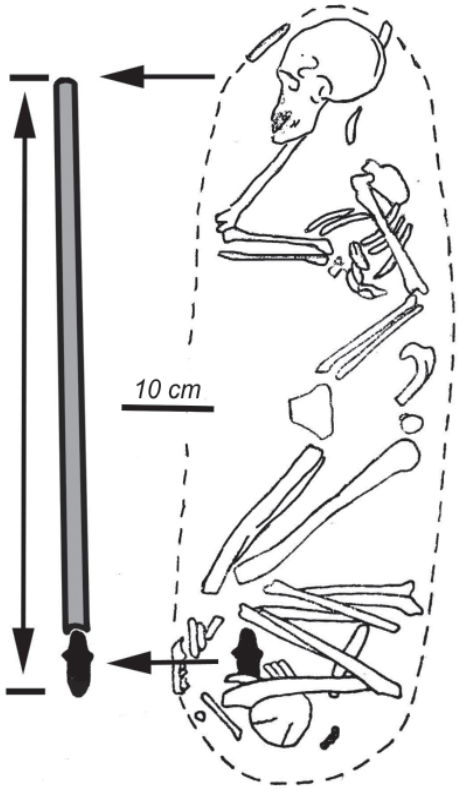


Рис. 9. Абрис погребения № 5 в могильнике Хоротук (Байкал) и реконструкция пешни.
Fig. 9. Sketch-map of burial No. 5 in the Khorotuk burial ground (Baikal) and reconstruction of the ice pick

располагать достаточно обширной базой сравнительных данных сырьевых особенностей цапфенных топоров (Бородовский, Давыдов, Волков, 2024). Тогда выводы по реконструкции сочетания определенной технологии и материала в рамках определенной территории и эпохи будут более достоверными. Именно это и позволит дать адекватные культурно-территориальные характеристики и географические наименования сериям артефактов.

Авторами статьи ранее уже высказывалось предположение, что появление каменной пешни на р. Суенге можно связывать как с севером Западной Сибири (среднее течение р. Конды), так и с Восточной Сибирью (Прибайкалье) (Бородовский, Давыдов, Волков, 2024, с. 421). Однако, кроме места поступления предметов, актуален вопрос о времени бытования такого орудия на Салаире. В этой связи вполне правомерна гипотеза о принадлежности топора с ушками из окрестностей с. Суенга (Масляниского района Новосибирской области) к эпохе раннего металла. Обоснованность такого предположения можно рассмотреть исходя из ряда аргументов.

Во-первых, такие орудия не типичны для неолита юга Западной Сибири в целом и территории Салаира в частности (История Сибири, 2022, с. 261, рис. 155; с. 262, рис. 156).

Во-вторых, на базовой территории распространения «топоров с ушками» – в Прибайкалье, такая разновидность орудий появляется в позднем неолите и явно «доживает» до эпохи раннего металла – конец IV – середина III тыс. до н. э. (История Сибири, 2022, с. 283). Поэтому не следует исключать более позднее происхождение или бытование топора с ушками из Салаира, который явно находится за пределами основной территории распространения таких орудий.

В-третьих, функциональное предназначение изучаемого каменного изделия как орудия для разбивания льда для зимнего рыбного промысла в конкретных условиях Салаира на р. Суенге далеко не однозначно. Обычно массовое скопление находок каменных «топоров с ушками», использующихся как пешня, характерно для полноводных рек (Ангара, Енисей) и озер (Байкал). В отличие от них р. Суенга малопригодна для зимнего рыболовства в силу своей мелководности и частичного промерзания до дна. Следует так же обратить внимание и на место, где был обнаружен «топор с ушками», которое является одной из территорий активной золотодобычи на Салаирском кряже. В Российской империи добыча россыпного золота ведется здесь с 1830 года (Горный журнал, 1831, с. 374). К началу XX века на р. Суенге было выявлено 12 месторождений золота (Мамонтов, 1908, с. 4–8, 12, 60, 62). В целом Салаирский кряж представляет собой крупную золоторудную-россыпную провинцию (Бакшеев и др., 2017). Она является горным понижением, способствующим логам удерживать россыпи золота (Горный журнал, 1831, с. 378). Они представляют собой пласты – механические скопления зерен золота, образованных водою в желобах рек. Вместилищем золотых россыпей в этих логах являются ручьи (Горный журнал, 1831, с. 377).

Река Суенга по характеру своего течения является паводковой, в основном связанной с таяньем снегов. Ее берега сложены светло-серыми глинистыми метаморфизированными известняками. Обломочный материал от вулканических прочных горных пород относится к золотосодержащим аллювиальным отложениям. Они откладываются на отмелях

реки, особенно после весеннего половодья. Во время паводковых явлений и половодья они ежегодно снова обогащаются содержащим золото песком. При традиционном способе золотодобычи ценный рассыпной металл гораздо проще обнаружить зимой в чистой прозрачной воде, чем летом. Не менее важно и то, что глубокие, перспективные для поиска места добычи золотых россыпей зимой становятся мельче и доступнее для изъятия крупиц драгоценного металла при промывке (Горный журнал, 1831, с. 378). В Российской империи зимняя добыча рассыпного золота на р. Суенге в районе с. Егорьевского (Маслянинский район НСО) началась 12 ноября 1830 г. и продолжалась на протяжении всей второй половины XIX столетия (Семевский, 1898, с. 274, 279). В современных условиях на территории Средней Азии (Киргизия) получила широкое распространение кустарная добыча рассыпного золота на реках именно в зимний период. Среди инструментов, задействованных в этом промысле для разбивания льда, присутствуют металлические ломы и пешни. В древности функциональным аналогом этих орудий могли быть, исходя из их трасологических характеристик, и каменные «топоры с ушками».

Заключение

Появление орудий исследуемого типа на реке Суенге (Маслянинский район НСО) на Салаире в настоящий момент маркирует юго-западную периферию встречаемости этих артефактов за Уралом. Рассмотрение широтного распространения орудий такого типа в совокупности с гипотезой об использовании этих инструментов для разбивания льда при зимнем промысле рассыпного золота на р. Суенге дает основание для объяснения причин появления этих артефактов в связи с началом эксплуатации новых природных ресурсов (драгоценного металла) для хозяйственных нужд обитателей территории в исследуемое время. Морфология и качество обработки «топора с ушками» с Салаира, представленные сочетанием тщательного пикетажа и пришлифовки, вполне соответствуют поздним образцам таких изделий, относящимся в некоторых случаях уже к эпохе раннего металла. Если гипотеза о таком предназначении изученного нами орудия верна, то это может косвенно свидетельствовать о весьма продолжительном бытовании изделий этого типа в регионе, вплоть до начала эпохи палеометалла. В этот же исторический период на юге Западной Сибири впервые встречаются изделия из самородного золота (Погожева, 1984). Одним из инструментов для получения такого металла в зимних условиях вполне мог быть «топор с ушками», обнаруженный в р. Суенге на Салаире. Архаичность предметов вне своего культурно-хронологического контекста обычно интерпретируется в формате сопроводительного инвентаря погребений как проявление хронологических парадоксов (Членова, Кубарев, 1990, с. 53, 54), обусловленных территориальной изоляцией или заимствованием изделий из более ранних археологических комплексов (Бородовский, 2002). В случае возможного использования топора с «ушками» в более позднюю эпоху как инструмента для зимней добычи золота как раз могла быть представлена именно такая тенденция.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 144 с.

Бакшеев Н.А., Калинин Ю.А, Житова Л.М., Фрадкин Е.И. Перспективы открытия нетрадиционных месторождений золота в поздненеоплейстоценовых отложениях Салаирского кряжа // Золото и технологии. 2017. № 3 (37) сентябрь. С. 158–164.

Бородовский А.П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3 / Отв. ред. О.А. Митько. Новосибирск: НГУ, 2004. С. 98–101.

Бородовский А.П. Давыдов Р.В. Волков П.В. Сравнение материала каменных топоров с «ушками» с Салаира и Байкала // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XXX / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. С. 418–421.

Вальков И.А., Егорченко С.Е., Горлышкин Н.Е., Выборнов А.В. Результаты полевых исследований стоянки Хоронноох-Вилюйский в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия) в 2024 году // Пробле-

мы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XXX / Гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2024. С. 989–995.

Волков П.В. Экспериментально-трасологическое исследование «топоров с ушками» // Известия СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1986. Вып. 1. С. 45–49.

Горный журнал. 1831. Кн. 12 (декабрь). С. 317–484.

Гришин Ю.С. Некоторые случайные находки из Забайкалья // СА. 1980. № 1. С. 264–266.

История Сибири. Т. 1 / Отв. ред. М.В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Липнина А.Е., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 71–101.

Мамонтов В.Н. Список рудных месторождений Алтайского округа (Золото, Серебро, Медь, Свинец и Цинк). Барнаул: Типо-Литография главного управления Алтайского горного округа. 1908. 486 с.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование Ч. 1, 2 / МИА. № 18. М.; Л.: АН СССР, 1950. 412 с.

Погожева А.П. Курганы эпохи бронзы на западе Горного Алтая // АО 1982 года / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука,1984. С. 225–226.

Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: историческое исследование. Т. 1 СПб.: Сибиряков, 1898. 578 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 280 с.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / МИА. Вып. 35 / Под ред. А.В. Збруевой. М.: АН СССР, 1953. С. 7–71.

Членова Н.Л., Кубарев В.Д. Хронологические парадоксы Горного Алтая // КСИА. Вып. 199. / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. С. 46–55.

Demonterova E.I., Tetenkin A.V., Ivanov A.V., Lebedev V.A., Shergin Dmitrii L., Pashkova G.V. Provenance of the pumice manuports from archaeological sites at the Vitim River, East Siberia, Russia // Archaeological Research in Asia Vol. 38, June 2024, 100513.

Freeman J.J., Wang A., Kuebler K.E., Jolliff B.L., Haskin L.A. Characterization of natural feldspars by Raman spectroscopy for future planetary exploration // The Canadian Mineralogist. 2008. № 46 (6). – P. 1477–1500.

Hanesch M. Raman spectroscopy of iron oxides and (oxy) hydroxides at low laser power and possible applications in environmental magnetic studies // Geophysical Journal International. 2009. № 177 (3) – P. 941–948.

*Martinez-Arkarazo I., Angulo M., Bartolome L., Etxebarria N., Olazabal M.A., Madariaga J.M***.** An integrated analytical approach to diagnose the conservation state of building materials of a palace house in the metropolitan Bilbao (Basque Country, North of Spain) // Analytica Chimica Acta. 2007. № 584. P. 350–359.

Maslova O.A., Ammar M.R., Guimbretiere G., Rouzaud J.-N., Simon P. Determination of crystallite size in polished graphitized carbon by Raman spectroscopy // Physical Review B. 2012. № 86 (13):134205. P. 1–5.

Wojcieszak M., Wadley L.A. Raman micro-spectroscopy study of 77,000 to 71,000-year-old ochre processing tools from Sibudu, KwaZulu-Natal, South Africa // Heritage Science. 2019. № 7 (1): 24. P. 1–14.

Информация об авторах:

Бородовский Андрей Павлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН (г Новосибирск, Россия); altaicenter2011@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

Волков Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный консультант, Институт археологии и этнографии СО РАН (г Новосибирск, Россия); volkov100@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-9303-4565

REFERENCES

Alekseev, A. N. 1996. *Drevnyaya Yakutiya: neolit i epoha bronzy (Ancient Yakutia: the Neolithic and the Bronze Age).* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Baksheev, N. A., Kalinin, Yu. A., Zhitova, L. M., Fradkin, E. I. 2017. In *Zoloto i tekhnologii (Gold and Technology)* 37 (3) September, 158–164 (in Russian).

Borodovskiy, A. P. 2004. In Mit'ko, O. A. (ed.). *Evraziia: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii (Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations)* 3. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 98–101 (in Russian).

Borodovskiy, A. P. Davydov, R. V. Volkov, P. V. 2024. In Derevianko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 30. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 418–421 (in Russian).

Val'kov, I. A., Egorchenko, S. E., Gorlyshkin, N. E., Vybornov, A. V. 2024. In Derevianko, A. P. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories)*. Vol. 30. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 989–995 (in Russian).

Volkov, P. V. 1986. In *Izvestiya SO AN SSSR. Ser. istorii, filologii i filosofii (Bulletin of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. Series of History, Philology and Philosophy)* 1, 45–49 (in Russian).

1831. *Gornyj zhurnal (Mining Journal).* Book 12 (December), 317 – 484 (in Russian).

Grishin, Yu. S. 1980. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 264–266 (in Russian).

Shunkov, M. V. (ed.). 2022. *Istoriya Sibiri (History of Siberia)* Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Konopatskiy, A. K. 1982. *Drevnie kul'tury Bajkala (o. Ol'khon) (Ancient cultures of Lake Baikal (Olkhon Island).).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lipnina, A. E., Lokhov, D. N., Medvedev, G. I. 2013. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 2 (1), 71–101 (in Russian).

Mamontov, V. N. 1908. *Spisok rudnykh mestorozhdeniy Altayskogo okruga (Zoloto, Serebro, Med', Svinets i Tsink) (List of ore deposits in the Altai Region (gold, silver, copper, lead, and zinc)).* Barnaul: "Tipo-Litografiya glavnogo upravleniya Altayskogo gornogo okruga" Publ. (in Russian).

Mochanov, Yu. A. 1977. *Drevneyshiye etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii (The oldest stages of the Northeast Asia settlement by human).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1950. *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya: Istoriko-arkheologicheskoe issledovanie (Neolithic and Bronze Age of the Baikal Region: Historical and Archaeological Research)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology) 18. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Pogozheva, A. P. 1984. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda (Archaeological Discoveries in 1982)*. Moscow: "Nauka" Publ., 225–226 (in Russian).

Semevskiy, V. I. 1898. *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh: istoricheskoe issledovanie (Workers at the Siberian gold mines: a historical study)* Vol. 1 Saint Peterburg: "Sibiryakov" Publ. (in Russian).

Foss, M. E. 1952. *Drevneyshaya istoriya severa evropeyskoy chasti SSSR* (*Ancient History of the Northern Area of the European Part of the USSR*) 29. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 99. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1953. In Zbrueva, A. V. (ed.). *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya (The ancient history of the Lower Ob region).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 35. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–71 (in Russian).

Chlenova, N. L., Kubarev, V. D. 1990. In Kruglikova, I. T. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 199. Moscow: "Nauka" Publ., 46–55 (in Russian).

Demonterova, E. I., Tetenkin, A. V., Ivanov, A. V., Lebedev, V. A., Shergin, D. L., Pashkova, G. V. 2024. In *Archaeological Research in Asia* Vol. 38, June, 100513 (in English).

Freeman, J. J., Wang, A., Kuebler, K. E., Jolliff, B. L., Haskin, L. A. 2008. In *The Canadian Mineralogist*. 46 (6), 1477–1500.

Hanesch, M. 2009. In *Geophysical Journal International*. 177 (3), 941–948.

Martinez-Arkarazo, I., Angulo, M., Bartolome, L., Etxebarria, N., Olazabal, M. A., Madariaga, J. M. 2007. In *Analytica Chimica Acta*. 84, 350–359.

Maslova, O. A., Ammar, M. R., Guimbretiere, G., Rouzaud, J.-N., Simon, P. 2012. In *Physical Review B*. 86 (13):134205, 1–5.

Wojcieszak, M., Wadley, L. A. 2019. In *Heritage Science*. 7 (1): 24, 1–14.

About the Authors:

Borodovskiy Andrey P. Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Akademika Lavrentyeva Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russia. E-mail: altaicenter2011@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

Volkov Pavel V. Doctor of Historical Sciences, Leading Scientific Consultant of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Academician Lavrentyev Ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russia. volkov100@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0001-9303-4565

Статья поступила в журнал 20.05.2025 г.
Статья принята к публикации 25.11.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 (572) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.252.266

К ПРОБЛЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ ХРОНОЛОГИИ БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКИХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА ИЗМАЙЛОВКА[1]

©2026 г.А.А. Ткачев

Среди разнообразных погребальных комплексов Восточного Казахстана особый интерес вызывает могильник Измайловка. Памятник включает поминальные объекты эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Небольшая группа из 13 курганов, оград и отдельных ящиков, объединенных в один культурно-хронологический комплекс, содержала посуду переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу, соотносимую с бегазы-дандыбаевскими, алексеевско-саргаринскими и раннекочевническими древностями. Планиграфически выделяются 5 подгрупп по две-три конструкции в каждой и два индивидуальных ящика вне выделяемых подгрупп. В результате ограбления вещевой комплекс минимален, но сохранившаяся в большинстве захоронений посуда позволяет наметить определенную хронологическую последовательность в развитии отдельных погребальных объектов, исходя из постепенного сокращения бегазы-дандыбаевских и алексеевско-саргаринских емкостей и медленного увеличения сосудов, характерных для эпохи ранних кочевников.

Ключевые слова: археология, Верхнее Прииртышье, могильник Измайловка, бегазы-дандыбаевский комплекс, хронологическое соотношение поминальных комплексов.

ON THE ISSUE OF THE INTERNAL CHRONOLOGY OF THE BEGAZY-DANDYBAI CULTURE COMPLEXES OF THE IZMAILOVKA BURIAL GROUND [2]

A.A. Tkachev

Among the various burial complexes of Eastern Kazakhstan, the Izmailovka burial ground is of particular interest. The site includes memorial objects from the Bronze Age, the Early Iron Age and the Middle Ages. A small group of 13 barrows, fences and individual boxes, united into one cultural and chronological complex, contained pottery of the transitional period from the Bronze to Early Iron Age, correlated with Begazy-Dandybi, Alekseevskoye-Sargary and Early Nomadic antiquities. There are 5 subgroups planographically, two or three structures in each and two individual boxes outside the allocated subgroups. As a result of looting, the movable artifact complex is minimal, but the pottery preserved in most burials allows outlining a certain chronological sequence in the development of individual burial objects, based on the gradual reduction of Begazy-Dandybai and Alekseevskoye-Sargary vessels and a slow increase in vessels characteristic of the Early Nomadic era.

Keywords: archaeology, Upper Irtysh region, Izmailovka burial ground, Begazy-Dandybai complex, chronological ratio of memorial complexes.

История изучения древностей эпохи бронзы и раннего железного века на территории Верхнего Прииртышья имеет длительный период, но переходные комплексы от одного периода к другому представлены единичными поминальными объектами. Одним из таких памятников в пределах Восточного Казахстана является могильник Измайловка, материалы которого имеют яркие индивидуальные черты, свидетельствующие о сложном

[1] Работа выполнена Институтом проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Археология древности и Нового времени Западной Сибири и сопредельных территорий: маркеры производственной и социокультурной адаптации населения».

[2] The work was performed by the Institute of Problems of the Development of the North of the TYUMSC SB RAS within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation "Archeology of antiquity and Modern times of Western Siberia and adjacent territories: markers of industrial and sociocultural adaptation of the population."

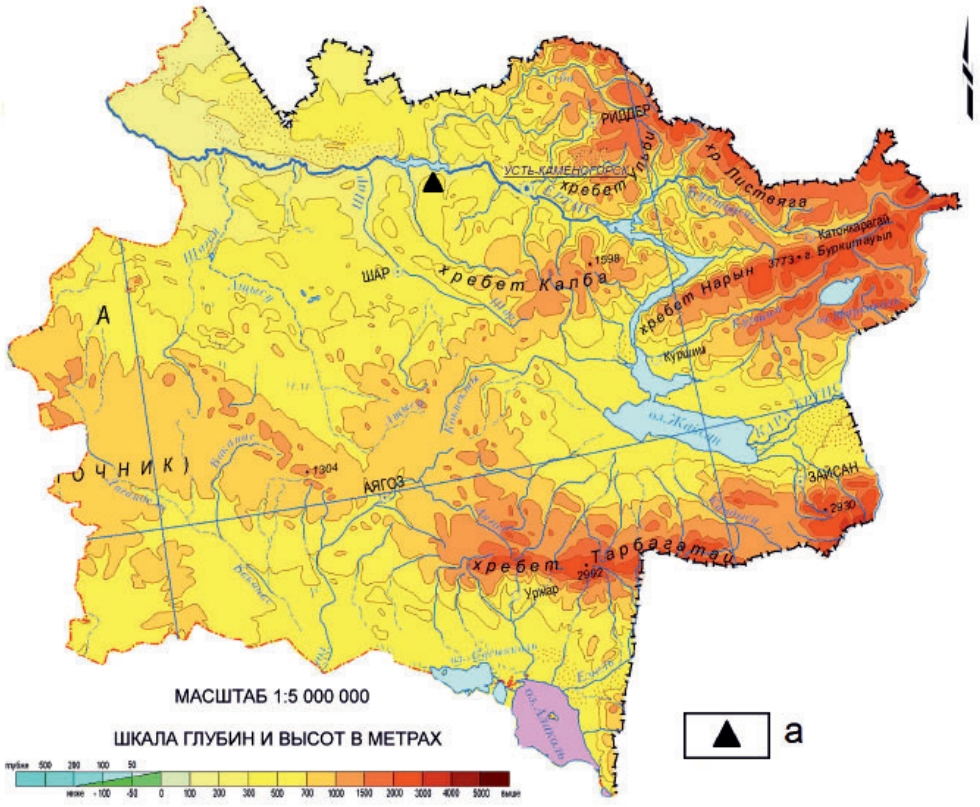


Рис. 1. Карта Восточно-Казахстанской области: а – местоположение могильника Измайловка
Fig. 1. Map of East Kazakhstan region: a – location of Izmailovka burial ground

процессе трансформации позднебронзовых традиций в раннекочевнические (Ермолаева, 2012). Интерпретационный подход автора раскопок к разнокультурным материалам, полученным при изучении данного поминального объекта, вызывает определенные сомнения. В силу этого данный памятник, отражающий эпохальные особенности развития и постепенные изменения культурных традиций восточно-казахстанского населения, требует нового рассмотрения через разработку внутренней периодизации и хронологии полученных материалов, раскрывающих специфику перехода от древностей бронзового века к культуре ранних кочевников региона.

Погребальная площадка могильника Измайловка расположена на невысоком всхолмлении второй надпойменной террасы р. Иртыш в 2 км к югу от кромки береговой террасы (бывший Таврический район – в настоящее время Уланский район, Восточно-Казахстанская область). Поминальный объект, как и большинство могильников Верхнего Прииртышья, объединяет разновременные погребальные конструкции, соотносимые с разными хронологическими периодами: раннебронзовым, переходным временем от эпохи бронзы к раннему железу, курганами ранних и средневековых кочевников (рис. 1).

Особый интерес вызывают материалы, полученные при изучении 13 погребальных конструкций финальной стадии бронзового века. Могильник исследован не полностью, поэтому до раскопок соотнести неисследованные сооружения с конкретным культурно-хронологическим комплексом не представляется возможным. Однако в планиграфическом отношении – в размещении исследованных погребальных конструкций финальной стадии бронзового века в пределах погребальной площадки – прослеживается определенная закономерность (рис. 2).

В основе планиграфического размещения погребальных сооружений на местности наблюдаются две сходящиеся линии. Первая объединяет семь конструкций, вытянутых в виде неправильной цепочки по линии северо-запад – юго-восток в центральной части погребальной площадки. Вторая линия, расположенная восточнее, объединяет пять конструкций из двух групп: в первой отмечается две ограды, во второй – две ограды и

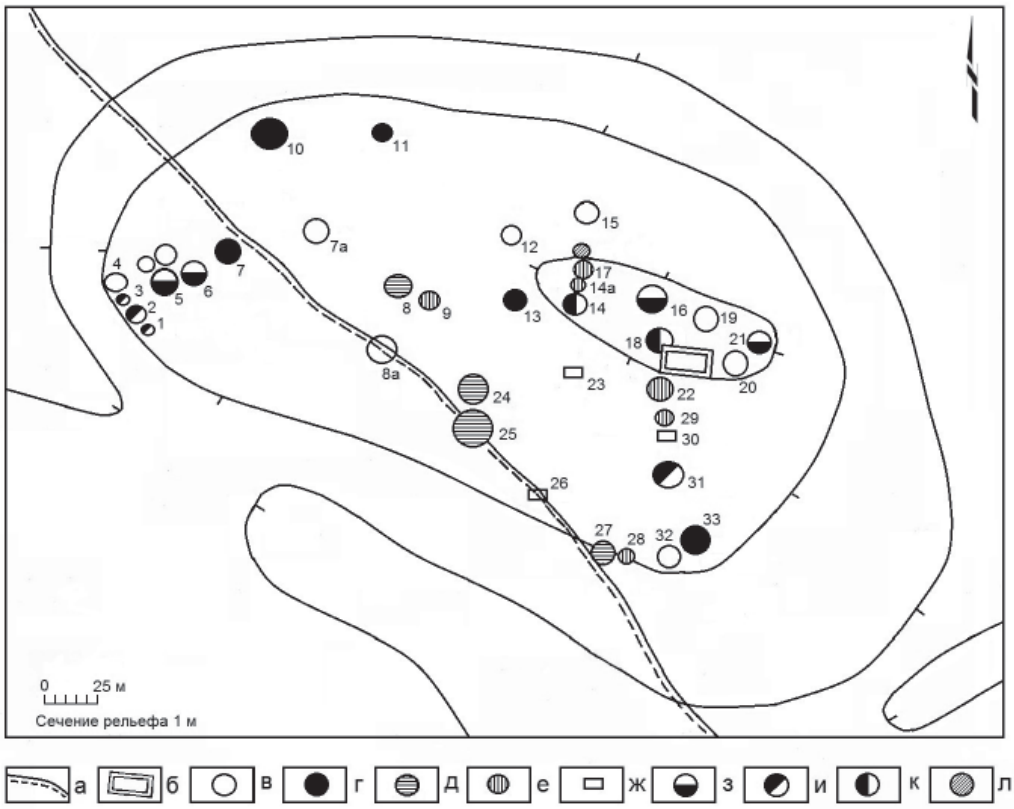


Рис. 2. Могильник Измайловка. План местности по: (Ермолаева, 1987; 2012). а – проселочная дорога; б – фундамент заброшенного тока; в – неисследованный курган; г – курган доандроновской бронзы; д – погребальная конструкция переходного времени с насыпью; е – погребальная конструкция переходного времени без насыпи; ж – каменный ящик переходного времени без ограды и насыпи; з – курганы раннего железного века; и – ритуальные выкладки раннего железного века; к – средневековые курганы тюркского времени; л – поминальная конструкция с неопределенной культурной и хронологической принадлежностью.
Fig. 2. Izmailovka burial ground. Site plan (according to Yermolaeva, 1987; 2012). а – country road; б – the foundation of an abandoned threshing floor; в – unexcavated barrow; г – a barrow of Pre-Andronovo Bronze Age; д – burial structure of the transitional period with a mound; е – burial structure of the transitional period without a mound; ж – stone box burial of the transitional period without fence or mound; з – Early Iron Age barrows; и – stone alignment of the Early Iron Age; к – medieval barrows of the Turkic period; л – memorial structure with uncertain cultural and chronological attribution

ящик. При общей ориентировке групп линии север – юг они несколько смещены относительно друг друга. Можно допустить, что основой соединения обеих цепочек является сооружение № 32, где они должны сойтись. С другой стороны, в каждой из цепочек просматриваются отдельные подгруппы в виде парных сочетаний погребальных конструкций. Так, в первой (западной) линии выделяется три подгруппы, и, несмотря на разрушения насыпей в процессе современного антропогенного воздействия, в двух подгруппах (№ 8–9, 27–28) сочетаются ограды с насыпью и ограды без насыпи. Исключение составляет пара курганов (№ 24 и 25), располагавшихся в центре западной цепочки. В восточной линии прослеживается две пары оград без насыпей (№ 14а–17, 22–29).

В расположении индивидуальных ящиков с отсутствующим ограждением определенной закономерности не прослежено: один встроен в западную цепочку, другой расположен южнее второй подгруппы восточной цепочки; третий – между цепочками конструкций, южнее первой подгруппы восточной цепочки (рис. 1). Таким образом, выделяются три группы погребальных конструкций: ограды с насыпью, ограды без насыпи и индивидуальные ящики без ограждений.

Курганы группы 1 являются основными в каждой из пар западной цепочки. Насыпи пары курганов в центре цепочки (№ 24 и 25)

перекрывали наиболее сложные внутримогильные конструкции. Менее крупный курган 24 располагался севернее кургана 25.

Ограды группы 2, сопровождающие курганы с насыпями, находясь восточнее основных конструкций (№ 8–9; 27–28), образуют отдельные подгруппы, вытянутые в меридиональном направлении (№ 14а–17; 22–29).

Индивидуальные ящики группы 3 дополняют общую систему планиграфии могильника: ящик № 23 располагался между цепочками; ящик 26, включенный в систему западной цепочки, равноудален от центральной и южной групп захоронений; ящик 30 примыкает с юга к ограде 29 восточной цепочки.

Могильные сооружения представлены каменными ящиками (10) и грунтовыми ямами (3). Каменные ящики крупных (2,6–2,0×1,8–1,9 м) и средних (2,0–1,8×1,1–1,6 м) размеров. Два ящика, исходя из размеров, могли содержать захоронения подростков – ограда 14а (по дну 1,05×0,63 м) и 29 (по дну 1,4×1,4 м). Ящики вытянуты в широтном направлении с незначительными отклонениями к северу или югу. Захоронения разграблены, но скопления костей в западной или восточной половине позволяют предполагать наличие ориентировки как на восток, так и на запад. Единственное непотревоженное захоронение обнаружено в ограде 28, где в грунтовой яме 1,1×0,8×0,6 м (размеры ямы, как и в других случаях, в тексте отсутствовали и реконструированы по планам (Ермолаева 2012, с. 63, рис. 56)) находились останки ребенка, лежавшего на правом боку в скорченном положении, головой на запад – юго-запад. Судя по развалу камней ограды, яма могла иметь деревянное перекрытие, обложенное по периметру небольшими плитками, формирующими ограду.

Из всего комплекса выделяются курганы 24 и 25, располагавшиеся в центре западной цепочки и отличающиеся от остальных сооружений могильника как размерами, так и особенностями могильных конструкций. В кургане 24 квадратная ограда содержала подквадратную грунтовую яму, ориентированную по сторонам света. В заполнении отмечены угли, зола и прокаленный слой, что позволяет предполагать сожжение деревянной конструкции в процессе совершения погребального обряда при отсутствии данных о воздействии огня на кости умершего, размещенного в могиле. В кургане 25 округлая ограда содержала грунтовую яму квадратной формы, ориентированную по сторонам света, перекрытую деревянными плахами, поверх которых располагалась каменная выкладка из колотых кварцевых камней. Захоронение по обряду трупоположения ограблено. В описании курганов 24 и 25 отсутствуют основные цифровые показатели, отражающие размеры могил (24–25) и оград (24) (Ермолаева, 1987б; 2012). Только в предварительной публикации есть упоминание, что грунтовая яма в кургане 24 имела размеры 2×2×2 м; в кургане 25 – 4×3,8×3 м (Ермолаева, 1987а, с. 155).

О сложности погребальной практики населения, оставившего могильник Измайловка, свидетельствует наличие жертвоприношений, сопровождавших умерших. Они обнаружены в большинстве погребальных конструкций, являясь характерными и для предшествующих периодов эпохи бронзы:

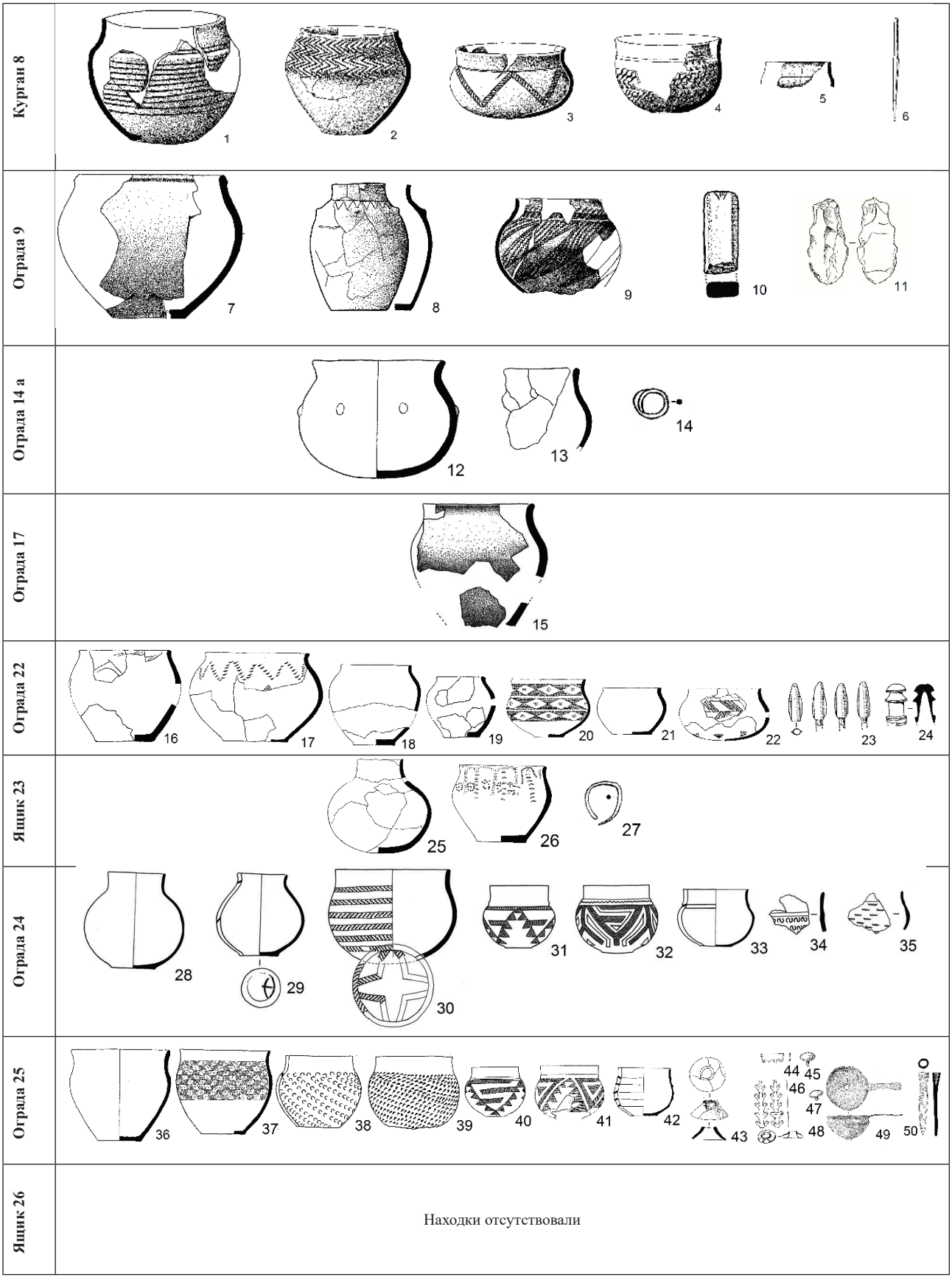
– жертвенные сосуды устанавливались вверх дном на перекрытие могилы (курган 8, табл. 1: 4), впускались в грунт внутри и за пределами ограждения (ограда 9 – табл. 1: 8; ящик 30, табл. 1: 60), в том числе закрытые каменной крышкой (курган 27, табл. 1: 51);

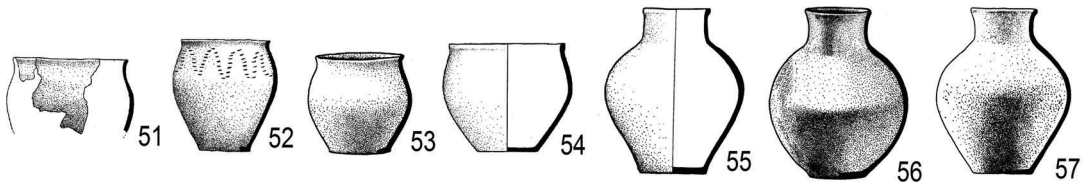
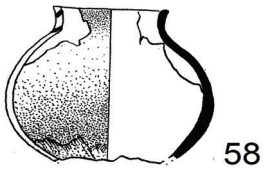
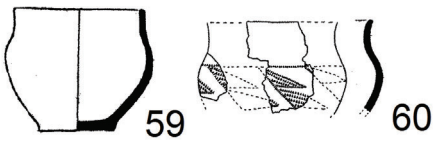
– поминальные куски мяса от крупного рогатого скота обнаружены внутри могилы (курган 25), останки мелкого рогатого скота найдены как внутри (курган 27), так и за пределами могил (ящик 23, курган 26, 30);

– уникальным проявлением в системе жертвоприношений для всех периодов бронзового века степной зоны Казахстана, Алтая и Сибири является размещение с останками умершего тушки или кусков рыбы (ограда 22).

Вещевой инвентарь из-за ограбления представлен незначительным количеством, часть из которого, например, кремневая пластинка (табл. 1: 11), попала в поминальный комплекс скорее случайно. Основная часть датирующихся изделий включает одностороннее четырехгранное шило с упором (табл. 1: 6) и пулевидные наконечники со скрытой втулкой и едва намечающимися узкими лопастями (табл. 1: 23), датированные IX–VIII вв. до н. э. (Ермолаева, 2012, с. 79–80). Втульчатое копьевидное долото имеет более широкое распространение в пределах конца II – начала I тыс. до н. э. (Черников 1960, с. 80, табл. 63, *1*; Гришин, 1971, с. 22–23, табл. II, *12*; Кузьмина, 1966, с. 27–28, табл. III, *1*; Матющенко, Синицына, 1988, с. 99–101, рис. 89, *1,2*). В ограде

Таблица 1. Вещевые комплексы могильника Измайловка (по: Ермолаева, 1987; 1987а; 2012)
Table 1. Artifacts from the Izmailovka burial ground (according to Yermolaeva, 1987; 1987a; 2012)



Ограда 27	
Ограда 28	
Ограда 29	Обломки не менне двух сосудов, один из которых рссыпалсят при снятии
Ящик 30	
Сборы с поверхности	

[a] Изображения сосудов и вещей указаны без масштаба (23, 45, 47-50 – бронза; 11 – камень; 24 – кость; 44, 46 – золото; остальное глина).

25 найдены обломки двух гроздевидных заколок (табл. 1: 45, 47), время бытования которых С.С. Черников связывал с заключительной фазой бронзового века (Черников, 1960, с. 83, табл. 77б). Близкие изделия переходного карасук-тагарского времени (X – начала VII вв. до. н. э.) известны и на территории Южной Сибири (Членова, 1961, с 279, табл. 1, *98, 99*) и Западной Сибири (Молодин и др., 2017, с. 134, рис. 112, *1, 7*) Находка литейной формы для отливки заколок с округлой шляпкой, совместно с керамикой малокрасноярского типа, позволяет предполагать их восточноказахстанское происхождение и появление данного вида изделий у населения региона в конце II тыс. до н. э. (Ткачева, Ткачев 2008, с. 39, рис. 8, *7*) Заколки продолжали использоваться, судя по измайловским находкам, и в переходное время. Основная часть погребального инвентаря (цедилка (табл. 1: 49), оселок (табл. 1: 10), бляшка-зажим (табл. 1: 48), золотая и серебряная серьги (табл. 1: 14, 27), поделки из кости (табл. 1: 24) и золота (табл. 1: 44, 46)) широко распространена как в культурном, так и в хронологическом диапазонах.

Измайловский комплекс посуды представлен разнообразными сосудами баночных, горшечно-баночных и горшечных форм, сохранившимися, несмотря на ограбление, в 11 захоронениях (табл. 1). Культурное своеобразие керамической коллекции придают кувшины (табл. 1: 25, 28, 29, 55–57) и сосуд вазовидной формы (табл. 1: 8). Измайловская посуда отличается применением единого сырья с наличием естественных примесей, единообразным способом формовки и обработки внешней поверхности, сочетанием до семи формовочных масс, что свидетельствует о смешении различных традиций и технологических навыков (Ермолаева, 1987, с. 157, 159; 2012, с. 91–111).

Сравнение между тасмолинским вазовидным сосудом (Ермолаева, 2012, с. 104–103, рис. 69, *1*) и вазовидными сосудами из курганов с «усами» могильников Зевакино и Кызылтас (Ермолаева, 2012, с. 103, рис. 69, *2*; 70, *4*) (последний в подрисуночных подписях залегендирован как измайловский) некорректно, так как между ними в хронологическом отношении более тысячелетия (Арсланова,

1975, с. 129, табл. II, *1, 2*) Единственное «сходство» между ними в том, что и измайловский сосуд, и емкости из курганов с «усами» отражают переходное время. Первый связан с переходным временем от бронзы к раннему железу; вторые – с переходом от эпохи ранних к средневековым кочевникам. Можно допустить и другое объяснение: кочевая культура отличалась достаточной стабильностью, появившиеся в новых условиях изделия могли сохраняться на протяжении тысячелетий. Возможно и третье объяснение – ограниченность сырьевой базы и близость культурно-хозяйственно типа, что и приводило к консервации традиций кочевой культуры на протяжении длительного времени.

Сложнейшая проблема в изучении памятников бронзового века степной Евразии с момента открытия и изучения могильника Дандыбай связана с культурно-хронологической атрибуцией дандыбаевских или бегазы-дандыбаевских древностей. За последнее столетие исследователями озвучены многочисленные подходы к объяснению данного феномена (Варфоломеев, 2013). В основе разрабатываемых гипотез о широком территориальном распространении древностей данного облика – от Барабинских и Кулундинских степей на северо-востоке до Северного Приаралья на юго-западе – лежат три основные гипотезы. Первая об автохтонном развитии бегазы-дандыбаевских комплексов в степях Центрального Казахстана (Маргулан и др., 1966; Варфоломеев 2013). Вторая – о культурном влиянии или миграции населения из Центрального Казахстана в Сибирь (Молодин, Нескоров 1992). Третья обосновывает формирование бегазы-дандыбаевских древностей под воздействием сибирских культурных традиций позднебронзового времени на территории западносибирской степи и лесостепи и миграции носителей данных культурных традиций через Центральный Казахстан до Приаралья (Грязнов 1952; Бобров 2002; Ткачев 2003; 2013).

Большинство исследователей признают, что население степной зоны Евразии на заключительной стадии бронзового века в результате постепенного увлажнения климата переходит от отгонного (пастушеского) к яйлажному (полукочевому), а от него – к кочевому скотоводству. В конце XX в. была высказана гипотеза о том, что на рубеже II–I тыс. до н. э. под воздействием населения, близкого к карасукскому, на территории Казахстана формируется первое в Евразийских степях кочевое объединение, оставившее памятники бегазы-дандыбаевской культуры, под политическим и экономическим влиянием оказалась огромная территория от Алтая до Приаралья (Исмагилов, 1988). Основные пути кочевания шли с севера-востока на юго-запад и обратно (Ткачев, 2003): Кулундинская степь (Удодов, 1994) – южная зона Павлодарского Прииртышья (Бейсенов и др., 2014; Мерц, 2006) – степи Центрального Казахстана (Маргулан, 1979) – Приаралье (Итина, Яблонский, 2001).

На границе Павлодарского и Восточно-Казахстанского Прииртышья в пределах Кривинско-Семиярского археологического микрорайона открыта серия поселений и могильников, которые позволяют предполагать наличие мощного перевалочного центра, связанного с сезонными миграциями бегазы-дандыбаевского населения (Мерц, 2013; 2017).

Этот центр, скорее всего, являлся исходной точкой, откуда небольшая кочевая группа, связанная с бегазы-дандыбаевскими традициями, оставила небольшой могильник Измайловка, периодически проникая на территорию Верхнего Прииртышья. Планиграфические наблюдения и особенности керамической посуды, обнаруженной в заполнении могил, позволяют наметить определенную хронологическую последовательность исходя из наличия в них бегазы-дандыбаевских емкостей при постепенном нарастании сосудов, на которых проявляются черты, характерные для эпохи ранних кочевников (табл. 1).

Планиграфическое распределение бегазы-дандыбаевских сооружений дает возможность выделить пять основных групп, отражающих количество семей, входивших в кочевое объединение. Сочетание в группе двух (четыре случая) и трех (один случай) погребальных конструкций позволяет предполагать, что данное кочевое объединение посещало рассматриваемое кладбище не менее двух раз. В каждом из сочетаний (курганы 24–25, курган 8 – ограда 9, ограда 22 – ограда 29 – ящик 39; курган 27 – ограда 28, ограда 14а – ограда 17) наблюдается постепенное сокращение бегазы-дандыбаевской посуды, вплоть до ее полного исчезновения. Одновременно происходит увеличение алексеевско-сарга-

ринских сосудов и емкостей новых форм, свидетельствующих о постепенных изменениях керамических традиций.

Курганы 24 и 25 по вещевому инвентарю и трудозатратам на их сооружение, скорее всего, принадлежали элите объединения (рис. 2). Умершего, погребенного в кургане 25, сопровождал богатый вещевой инвентарь (табл. 1: 44–50) и не менее восьми сосудов (табл. 1: 36–42), из которых только один вызывает алексеевско-саргаринские ассоциации (табл. 1: 36). Погребенного в более позднем кургане 24 сопровождали остатки восьми сосудов, пять из которых можно соотнести с бегазы-дандыбаевскими комплексами (табл. 1: 30–32, 34, 35), один – алексеевско-саргаринский (табл. 1: 33) и два неорнаментированных сосуда, в форме которых начинают просматриваться черты, характерные для раннекочевнической посуды (табл. 1: 28, 29).

Следующая хронологическая группа объединяет ограды 22 и 29, к которым примыкает ящик 30 (рис. 2). В ограде 22 погребенного мужчину сопровождали семь сосудов: два бегазы-дандыбаевских (табл. 1: 20, 22) и пять алексеевско-саргаринских (табл. 1: 16–19, 21), бронзовые наконечники стрел (табл. 1: 23) и обломок костяного «штуцера» (табл. 1: 24). С юга примыкала ограда 29, в могиле которой найдены обломки не менее двух сосудов, один из них являлся, судя по орнаментации, бегазы-дандыбаевским (Ермолаева, 2012, с. 63). Еще южнее располагался обособленный ящик, где ребенка сопровождала алексеевско-саргаринская емкость (табл. 1: 59), тогда как в жертвеннике сочетались кости мелкого рогатого скота и обломки бегазы-дандыбаевского сосуда (табл. 1: 60).

В группе из оград 8 и 9 (рис. 2) более ранней является первая, где умершего сопровождали два бегазы-дандыбаевских сосуда (табл. 1: 3), один из них стоял вверх дном на перекрытии (табл. 1: 4). Две емкости имеют сходство с алексеевско-саргаринской посудой (табл. 1: 1, 5), и один сосуд классического алексеевско-саргаринского типа по форме, наличию валика и орнаментации горизонтальной «елочкой (табл. 1: 2). В могиле ограды 9 найдены отдельные вещи: оселок (табл. 1: 10), кремневая пластинка (табл. 1, 11) и два сосуда – бегазы-дандыбаевский (табл. 1: 9) и алексеевско-саргаринский (табл. 1: 7). Последняя ограда выделяется наличием жертвенника, включающего сосуд тасмолинского облика раннего железного века (табл. 1: 8) (Ермолаева, 2012, с. 104–105).

Курган 27 и ограда 28 характеризуются отсутствием посуды бегазы-дандыбаевского облика (рис. 2). Погребенного в кургане 27 сопровождало семь сосудов: четыре алексеевско-саргаринских (табл. 1: 52–54), один из которых являлся жертвенной емкостью, накрытой каменной крышкой (табл. 1: 51), и три кувшина, характерных для кочевнической эпохи (табл. 1: 55–57). В ограде 28, примыкавшей к ограде 27 с востока, был погребен ребенок в сопровождении сосуда, отражающего процесс формирования керамики кочевнических форм (табл. 1: 58).

В оградах 14а и 17 отсутствовали сосуды с ярко выраженной бегазинской орнаментацией (рис. 2). В ограде 14а найдены круглодонная емкость, украшенная по тулову налепными «жемчужинами» (табл. 1: 12), и обломки сосуда, имеющего сходство с алексеевской посудой (табл. 1: 12). В ограде 17 обнаружены обломки сосуда, в котором просматриваются нарождающиеся формы посуды, характерные для традиций кочевников (табл. 1: 15).

За пределами основных комплексов расположены два индивидуальных ящика 23 и 26 (рис. 2). Ящик 23, находящийся на погребальной площадке между западной и восточной линиями погребальных сооружений, содержал останки человека в сопровождении серебряной серьги (табл. 1: 27) и двух сосудов – алексеевского облика (табл. 1: 26) и круглодонного кувшина (табл. 1: 25). В ящике 26, встроенном в западную линию (рис. 1), между центральной (24–25) и южной (27–28) парами сооружений, находки отсутствовали.

Особый интерес в измайловском комплексе представляют два жертвенных приклада раннего железного века, которые имеют только опосредованную связь с данным объектом. Они были привнесены в пределы погребального пространства оград значительно позже, когда бегазы-дандыбаевский могильник уже перестал функционировать, но память о погребенных здесь предках еще осталась. Необходимо отметить, что приклады обнаружены в достаточно поздних конструкциях.

Первый приклад состоит из жертвенного сосуда вазовидной формы, характерной для кочевнической эпохи степных районов Казахстана (табл. 1: 8). К сожалению, в ранних

скифо-сакских поминальных комплексах Верхнего Прииртышья керамическая посуда отсутствует, и данную емкость соотнесли с тасмолинской культурной традицией, развивавшейся на сопредельных территориях Казахстана (Кадырбаев, 1966, с. 393, рис. 61), и керамикой из курганов с «усами» Верхнего Прииртышья (Арсланова 1975, с. 127, табл. II, *1,10*) Привнесение жертвенного сосуда, соотнесенного с древностями тасмолинской культуры, исходя из датировки последней, имеет широкий хронологический диапазон в пределах VII–III вв. до н. э. (Кадырбаев, 1966, с. 311). Курганы с «усами» с территории Восточного Казахстана датированы III–V вв. н. э. (Арсланова, 1975, с. 129), т. е. жертвоприношение могли привнести и более чем через тысячу лет.

Второй приклад из могильника Измайловка связан с жертвоприношением конской упряжи скифо-сакского облика: удила с псалиями, подпружные (трочные) пряжки, пронизи, обоймы, бляшки-зажимы, ворворка. Подчеркивая архаичность удил и псалиев, А.С. Ермолаева соотносит их хронологическую позицию с датировкой всего поминального комплекса и отмечает их единовременность с посудой эпохи бронзы (Ермолаева, 1987, с. 159–160; 1987а, с. 90–93; 2012, с. 64–66). В качестве критики данного подхода было предложено рассматривать измайловский кочевнический набор как клад тасмолинской культуры (Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 272), тем более что большинство изделий приклада имеют длительный период бытования в пределах VII–V вв. до н. э. (Шульга, 2008, с. 22, 33). Обычно при рассмотрении аналогичных наборов хронологический показатель обосновывается по наиболее поздним изделиям. Полагаем, что наиболее поздними изделиями приклада являются подпружные (трочные) пряжки, которые упоминаются при характеристике вещевого комплекса, но их культурно-хронологическое положение никак не обосновывается (Ермолаева, 2012; с. 64–65, 79–83, рис. 58, *16–17*). Аналогичная ситуация просматривается и при описании приклада из кургана Талдысай, где также совместно с архаичными удилами найдены более поздние трочные пряжки (Бейсенов, Смаилов, 1998, с. 271, рис. 1, *2, 3*; Бейсенов, 2002, с. 208–209, рис. 1). Сочетание разновременных изделий не прокомментировано, но их появление происходит не ранее VII в. до н. э. (Шульга, 2008, с. 33).

В качестве жертвенного приклада можно рассматривать и единовременный тасмолинским жертвоприношениям «майэмирский клад» – комплекс вещей, включающий и бронзовые удила со стремевидными внешними окончаниями. Данный приклад обнаружен под крупным камнем из белого кварца, входившим в поминальную ограду, сопровождавшую курганы с погребениями раннего железного века. Исследователь охарактеризовал обнаруженный набор вещей как «клад», спрятанный грабителями после мародерства Майэмирских курганных захоронений (Адрианов, 1916, с. 67–61).

Появление подобных прикладов в рамках преемственности культурных традиций может быть связано с обычаем «приобщения» (Суразаков, 1999, с. 172), что позволяет предполагать наличие у древнего населения некоторых своеобразных погребальных практик:

– приклад мог выступать в качестве символа взаимосвязи коллектива, пришедшего на земли, где обитали ранее умершие предки, с одновременной просьбой-обращением о разрешении пришедшим использовать данную территорию;

– поздние мигранты жертвоприношением стремились приобщиться к своим предшественникам, оставившим конкретные погребальные объекты и получить право сооружать погребальные конструкции рядом с уже существующими, что подтверждается наличием курганов, соотносимых с ранним железным веком;

– данное жертвоприношение могло выступать искупительной жертвой за преднамеренное разрушение предшествующих захоронений, подчеркивая этим собственное право на владение конкретной территорией.

Более поздние жертвенные приклады отмечены и на памятниках эпохи бронзы в сопредельных регионах Казахстана. В раннеалакульском кургане могильника Нураталды I (Центральный Казахстан) в насыпи за оградой обнаружен приклад бронзовых изделий, характерных для металлургической традиции федоровской культуры эпохи средней бронзы (Кукушкин, Ломан, 2014, с. 585; Дегтярева и др., 2022, с. 60, рис. 2; Ломан и др., 2022, с. 99) На территории Северного Казахстана тасмолинские приклады конской упряжи отмече-

ны на могильниках эпохи бронзы Саргары II и Жабай-Покровка. Они располагались как внутри, так и за пределами оград в небольших углублениях, перекрытых плитками (Хабдулина, 1994, с. 22).

В ограде андроновской культуры кургана 1 могильника Семиярка IV (расположен на стыке Верхнего и Среднего Прииртышья) встречен тасмолинский жертвенный приклад из каменной ступки-«жертвенника» и керамического сосуда, на поверхности которого просматривалась знаковая система в виде семи секторов, отражающих показатели календарного значения. Появление жертвенного приклада, оставленного носителями тасмолинских традиций в андроновском поминальном комплексе, по мнению исследователей, предопределено не только наличием готовой каменной конструкции, сходной с тасмолинскими жертвенными кольцами, но и отсутствием доступных выходов камня, необходимого для строительства подобных ритуальных объектов (Грушин и др., 2019, с. 89, 92, 93).

Таким образом, приклад бронзовых вещей, обнаруженных у ограды 17, хронологически и культурно сопоставим с поминальным комплексом эпохи бронзы только на уровне культурно-хронологической преемственности. Причем данная преемственность имеет опосредованный характер, исходя из общих тенденций развития, связанных с постепенным нарастанием в керамическом комплексе черт, характерных для кочевнических традиций, и постепенным угасанием позднебронзовых. Исходя из этого, хронологическое положение могильника эпохи бронзы Измайловка вряд ли выходит за пределы IX вв. до н. э. В связи с общими тенденциями, направленными на удревнение комплексов раннего железного века, если признать VIII в. до н. э. временем становления не только степной тасмолинской культуры (Бейсенов и др., 2015, с. 13, 16, 22), но и остальных культурных проявлений раннего железа, можно допустить, что наиболее поздние погребальные объекты могильника Измайловка были оформлены в начале VIII в. до н. э.

Культурная и хронологическая позиция древностей, отражающих финальную фазу бронзового века, оценивается по-разному. Одни исследователи рассматривают данные комплексы в рамках переходного времени – как завершающую стадию бронзового века (Арсланова, 1974; Ермолаева, 2012); другие интерпретируют их как раннесакские в рамках раннескифской эпохи раннего железного века (Боковенко, 1986; Жунисханов, 2014, с. 139–140; Шульга, 2008, рис. 1).

Памятники переходного времени, выявленные на территории Верхнего Прииртышья, развивались в сложных условиях горного и горностепного ландшафтов, отражая противоречивую картину трансформации культурных традиций придомного и отгонного скотоводства эпохи бронзы в систему хозяйства, на основе которого функционировало общество ранних кочевников. Климатические изменения, происходящие на рубеже II–I тыс. до н. э. (Епимахов, Таиров, 2013), позволяют предполагать, что отдельные коллективы могли перейти к кочеванию уже в начале I тыс. до н. э. (Боковенко, 1986, с. 46; Исмагилов, 1988, с. 6; Ткачев, 2003, с. 377). Разнообразие основных компонентов погребального обряда и вещевого комплекса, при их определенной мозаичности, показывает, что географическая среда Верхнего Прииртышья способствовала формированию этнокультурной полиэтничности населения (Шульга, 1999, с. 248).

Сложность изучения проблемы, связанной с изменениями социальной и материальной переориентации общества, исходя из археологических данных, охватывает не менее двух столетий, тогда как конкретный памятник мог функционировать в течение одного, реже двух-трех поколений. Например, переходные комплексы, исследованные на могильниках Зевакино и Измайловка, расположенные, исходя из территориального показателя, фактически рядом, отражают совершенно разные подходы как в компонентах погребального обряда, так и в элементах материальной культуры. Несмотря на то, что, по мнению исследователей, оба объекта соотносятся с одним хронологическим периодом, вряд ли коллективы, оставившие данные памятники, контактировали между собой. Скорее всего, между этими комплексами, даже если они датируются одним периодом, лежит временное пространство не менее столетия, необходимого для трансформации культурных стереотипов. Исходя из общей тенденции удревнения памятников степной полосы эпохи бронзы и раннего железа, древности переходного периода во всем их своеобразии необходимо рассматривать в стадиальном порядке как

древности финальной бронзы и датировать X–IX вв. до н. э.

Итак, планиграфические наблюдения и сравнительный анализ вещевого инвентаря позволяют констатировать, что исследованный комплекс оставлен носителями, перешедшими к кочевому ведению хозяйства. Соотношение погребальных объектов на местности свидетельствует, с одной стороны, о наличии двух линий развития от общего предка, с другой – о значительной роли семьи в условиях кочевой организации. Это нашло отражение в появлении парных объединений погребальных конструкций, содержащих, вероятно, мужские и женские захоронения, при почти полном отсутствии детских погребений. Количество парных объединений и керамические емкости, обнаруженные в захоронениях, свидетельствуют о посещении данного кладбища носителями кочевых традиций не менее трех раз со значительным хронологическим разрывом между ними. Данное предположение подтверждается сокращением в погребальной обрядности бегазы-дандыбаевской и алексеевско-саргаринской посуды с постепенным её замещением емкостями, близкими по основным параметрам сосудам, характерным для эпохи ранних кочевников.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) / Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 62. Петроград: Типография главного управления уделов, 1916. 94 с.

Арсланова Ф.Х. Погребальный комплекс VIII-VII веков до нашей эры из Восточного Казахстана // В глубь веков / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1974. С. 46–60.

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв.ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 116–129.

Бейсенов А.З. К изучению памятников раннего этапа сакской культуры Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.). Доклады международной научной конференции / Под ред. Е.В. Ярового. Тирасполь, 2002. С. 208–212.

Бейсенов А.З., Смаилов Ж.Е. Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия / Отв. ред. А.Т. Толеубаев. Алматы: КазГНУ им. Аль-Фараби, 1998. С. 271–274.

Бейсенов А.З., Варфоломеев В.В., Мерц В.К, Мерц И.В. Раскопки могильника Караоба в 2013 г. (предварительное сообщение) // Диалог культур Евразии в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Астана: Сарыарка, 2014. С. 173–186, 264–265.

Бейсенов А.З., Исмагулова А.О., Китов Е.П., Китова А.О. Население Центрального Казахстана в I тысячелетии до н.э. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. 188 с.

Бобров В.В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроноидные культуры Западной Сибири // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культуры / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2002. С. 9–13.

Боковенко Н.А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алт. ун-т, 1986. С. 46–48.

Варфоломеев В.В. Керамика суперстратного облика из памятников бегазы-дандыбаевской культуры // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 167–197.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы / САИ. Вып. В3-12. М.: Наука, 1971. 90 с.

Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Фрибус А.В. Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан) // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 1 (25). С. 86–98.

Грязнов М.П. Памятники карасукского круга в Центральном Казахстане // СА. Т. XVI / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 129–162.

Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Метал в ритуалах эпохи бронзы Казахстана (по материалам могильника Нураталды I) // РА. 2022. № 2. С. 60–65.

Епимахов А.В., Таиров А.Д. К вопросу о переходе от бронзового к раннему железному веку в Урало-Иртышском Междуречье (степь и лесостепь) // Российский археологический ежегодник. 2013. № 3. С. 213–232.

Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: Изд-е Баш. гос. ун-та, 1987. С. 65–83.

Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович и др.. Челябинск: Башкирский ун-т, 1987а. С. 154–163.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987б. С. 64–94.

Ермолаева А.С. Памятники предгорной зоны Казахстанского Алтая (эпоха бронзы и раннего железа). Алматы: Хикари, 2012. 238 с.

Жунисханов А. Погребальный обряд населения Восточного Казахстана раннесакского времени // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. IV / Науч. ред. А. Онгар. Астана: ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2014. С. 139–143.

Исмагилов Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // УАВ. Вып. 1 / Отв. ред. И.М. Акбулатов. Уфа: НМ РБ, 1988. С. 3–7.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. 295 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. С. 303–433.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии / САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 150 с.

Кукушкин И.А., Ломан В.Г. Краткие итоги исследований элитных курганов эпохи бронзы Центрального Казахстана // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 584–587.

Ломан В.Г., Кукушкин И.А., Дегтярева А.Д., Кузьминых С.В. Вотивный клад бронзовых изделий федоровской культуры в Центральном Казахстане // Степные миры в зеркале археологии / Гл. ред. Т.С. Садыков. Нур-Султан: ARD-Print, 2022. С. 93–103.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: ТГУ, 1988. 136 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 453 с.

Мерц В.К. Археологические исследования в Бескарагае // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века / Отв. ред. С.П. Грушин. Барнаул: Алт. ун-т. 2006. С. 73–82.

Мерц В.К. Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 270–282.

Мерц В.К. Семиярское поселение бронзового века в контексте проблемы формирования протогородской культуры в Верхнем Прииртышье // Мир Большого Алтая. 2017. № 3 (4). С. 494–509.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. Ч. I. / Отв. ред. З.С. Самашев. М.: Наука, 1992. С. 93–97, 244–246.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 80 с.

Суразаков А.С. О традициях нарушения древних погребальных сооружения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 171–173.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура: проблема происхождения и датировки // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2003 С. 371–378.

Ткачев А.А. Дандыбаевская культура и проблемы сложения позднебронзового единства в степной зоне // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / Отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 330–339.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. Новосибирск: Наука, 2008. 304 с.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды. Автореф. дис. …канд. ист. наук. Барнаул: Алт. ун-т, 1994. 21 с.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / МИА. № 88. М.: АН СССР, 1960. 272 с.

Членова Н.Л. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. В.И. Дулов. Новосибирск: Наука, 1961. С. 279–263.

Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 245–250.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.

Информация об авторе:

Ткачев Александр Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФИЦ ТюмНЦ СО РАН (г. Тюмень, Россия); sever626@mail.ru

REFERENCES

Adrianov, A. V. 1916. *K arkheologii Zapadnogo Altaya (iz poyezdki v Semipalatinskuyu oblast' v 1911 g.) (Towards the archaeology of Western Altai (from a trip to Semipalatinsk region in 1911)).* Series: Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 62. Petrograd: Printing House of the Main Department of Provinces (in Russian).

Arslanova, F. Kh. 1974. In Akishev, K. A. (ed.). *V glub' vekov (Going back into ages)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 46–60 (in Russian).

Arslanova, F. Kh, 1975. In Akishev, K. A. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana (Antiquities of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. 116–129 (in Russian).

Beisenov, A. Z. 2002. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Ancient Communities of Agriculturers and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.))*. Tiraspol, 208–212 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Smailov, Zh. E. 1998. In Toleubaev, A. T. (ed.). *Problemy izucheniya i sokhraneniya istoricheskogo naslediya (Issues of studying and preserving historical heritage)*. Almaty: Kazakh State National University named after Al-Farabi, 271–274 (in Russian).

Beisenov, A. Z., Varfolomeev, V. V., Merts, V. K., Merts, I. V. 2014. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Dialog kul'tur Evrazii v arkheologii Kazakhstana (The Dialogue among Cultures of Eurasia through Archaeology in Kazakhstan)*. Astana: "Saryarka" Publ., 173–186, 264–265. (in Russian).

Beisenov, A. Z., Ismagulova, A. O., Kitov, E. P., Kitova, A. O. 2015. *Naseleniye Tsentralnogo Kazakhstana v I tysyacheletii do n.e. (The population of Central Kazakhstan in the I millennium BC)*. Almaty: Institute of Archaeology named after A.Kh. Margulan (in Russian).

Bobrov, V. V. 2002. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya. kultury (Northern Eurasia in the Bronze Age: space, time, cultures)*. Barnaul: Altai State University, 9–13 (in Russian).

Bokovenko, N. A. 1986. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Skifskaya epokha Altaya (Scythian epoch of Altai)*. Barnaul: Altai State University, 46–48 (in Russian).

Varfolomeev, V. V. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia)*. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 167–197 (in Russian).

Grishin, Yu. S. 1971. *Metallicheskiye izdeliya Sibiri epokhi eneolita i bronzy (Siberia metal items of the Eneolithic and Bronze Age).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B3-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Grushin, S. P., Merts, I. V., Merts, V. K., Fribus, A. V. 2019. In *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii (Theory and Practice of Archaeological Research)* 25 (1), 86–98 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1952. In Artamonov, M. I. (ed.). *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* vol. XVI. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences, 129–162 (in Russian).

Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V., Loman, V. G., Kukushkin, I. A. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 60–65 (in Russian).

Epimakhov, A. V., Tairov, A. D. 2013. In *Rossiyskiy arkheologicheskiy ezhegodnik (Russian Archaeological Yearbook)* 3, 213–232 (in Russian).

Bartseva, T. B. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluve Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 65–83 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 1987. In Zdanovich, G. B. (ed.). *Rannii zheleznyi vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ia (The Early Iron Age and the Middle Age of the Ural – Irtysh Interfluve Area)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk: Bashkir State University, 154–163 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 1987. In Akishev, K. A. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES (Archaeological Sites in the Flooding Area of Shulbinskaya Hydroelectric Power Station)*. Alma-Ata: "Nauka» Publ., 64–94 (in Russian).

Ermolaeva, A. S. 2012. *Pamyatniki predgornoj zony Kazahstanskogo Altaya (epoha bronzy i rannee* zhelezo *(Sites of the foothill area of Kazakhstan Altai (Bronze and Early Iron Age).* Almaty: "Khikari" Publ. (in Russian).

Zhuniskhanov, A. 2014. In Ongar, A. (ed.). *Vsadniki Velikoi stepi: traditsii i novatsii* (*Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations)*. Series: Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana (*Proceedings of the Branch of the A. Kh. Margulan Institute of Archaeology in Astana) IV.* Astana: The Branch of the Institute of Archaeology in Astana, 139–143 (in Russian).

Ismagilov, R. 1988. In Akbulatov, I. M. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 1. National Museum of the Bashkir Republic, 3–7 (in Russian).

Itina, M. A., Yablonskyi, L. T. 2001. *Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdniy bronzovyy vek Nizhney Syrdari. (Mausoleums of the Northern Tagisken. Late Bronze Age of the Lower Syrdarya)*. Moscow: "Vostochnaya literatura" Publ. (in Russian).

Kadyrbayev, M. K. 1966. In Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 303–433 (in Russian).

Kuzmina, E. E. 1966. *Metallicheskiye izdeliya eneolita i bronzovogo veka Sredney Azii (Metal items of the Eneolithic and Bronze Age of Central Asia).* Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) B4-9. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kukushkin, I.A., Loman, V. G. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* I. Kazan: "Otechestvo" Publ., 584–587 (in Russian).

Loman, V. G., Kukushkin, I. A., Degtyareva, A. D., Kuzminykh, S. V. 2022. In Sadykov, T. S. (ed.). *Stepnyye miry v zerkale arkheologii (Steppe worlds in the mirror of archaeology).* Nur-Sultan: "IP ARD-Print" Publ., 93–103 (in Russian).

Margulan, A. Kh. 1979. *Begazy-dandybaevskaya kultura (Begazy-Dandybay culture).* Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Matyushhenko, V. I., Sinitsyna, G. V. 1988. *Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska (Burial Ground in the Vicinity of Rostovka Village near Omsk)*. Tomsk: Tomsk State University Publ. (in Russian).

Margulan, A. Kh., Akishev, K. A., Kadyrbayev, M. K., Orazbayev, A. M. 1966. *Drevniaia kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana (Ancient culture of Central Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).

Merts, V. K. 2006. In Grushin, S. P. (ed.). *Altay v sisteme metallurgicheskikh provintsiy bronzovogo veka (Altai in the system of metallurgical provinces of the Bronze Age).* Barnaul: Altai State University, 73–82 (in Russian).

Merts, V. K. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia).* Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 270–282 (in Russian).

Merts, V. K. 2017. In *Mir Bolshogo Altaya (The world of the Great Altai)* 4 (3), 494–509 (in Russian).

Molodin, V. I., Neskorov, A. V. 1992. In Samashev, Z. S. (ed.). *Margulanovskie chteniya-1990 (Margulan Readings – 1990)* 1. Moscow: "Nauka" Publ., 93–97, 244–246 (in Russian).

Molodin, V. I., Mylnikova, L. N., Selin, D. V., Neskorov, A. V. 2017. *Vostochnyy variant pakhomovskoy kultury v Tsentralnoy Barabe (Eastern Trend of the Pakhomovka culture in Central Baraba)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Surazakov, A. S. 1999. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 171–173 (in Russian).

Tkachev, A. A. 2003. In Kiryushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo i kul'turnogo osvoeniya Zapadnoy Sibiri (Historical Experience of Economic and Cultural Development of Western Siberia).* Barnaul: Altay State University, 371–378 (in Russian).

Tkachev, A. A. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of Steppe Eurasia).* Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ., 330–339 (in Russian).

Tkacheva, N. A., Tkachev, A. A. 2008. *Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya (Bronze Age of the Upper Irtysh Region).* Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Udodov, V. S. 1994. *Epokha razvitoi I pozdnei bronzy Kulundy (The epoch of the developed and Late Bronze Age of Kulunda).* Thesis of the Dis. of Historical Sciences. Barnaul: Altai State Universiy (in Russian).

Khabdulina, M. K. 1994. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza (Steppe Ishim River Area in the Early Iron Age).* Almaty: "Rakurs" Publ. (in Russian).

Chernikov, S. S. 1960. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy (Eastern Kazakhstan in the Bronze Age)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 88. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Chlenova, N. L. 1961. In Dulov, V. I. (ed.). *Voprosy istorii Sibiri i Dalnego Vostoka (Issues of the history of Siberia and the Far East)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 279–263 (in Russian).

Shulga, P. I. 1999. In Kiriushin, Yu. F., Tishkin, A. A. (eds.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 245–250 (in Russian).

Shulga, P. I. 2008. *Snariazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poiasa na Altae. Ch.1. Ranneskifskoe vremia (Equipment of the Saddle Horseand Warrior Belts in Altai Part I. Early Scythian period).* Barnaul: "Azbuka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Tkachev Aleksandr A., Doctor of Historical Sciences, associate professor, Tyumen Scientific Centre of SiberianBranch RAS. Malygina 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; sever626@mail.ru

Статья поступила в журнал 06.04.2024 г.
Статья принята к публикации 27.03.2025 г.

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.267.281

МИГРАЦИИ САКОВ НА ТЕРРИТОРИЮ СЕВЕРНОЙ ИНДИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

©2026 г. В.Л. Денисенко, Е.А. Филатов, В.А. Лямина

На сегодняшний день в науке существуют различные мнения о том, какие именно сакские племена мигрировали на территорию Северной Индии, и кто из мигрировавших сакских объединений стал основателем Индо-скифского царства. Основной проблемой в исследовании данной темы является то, что приграничные территории Северной Индии изучены неравномерно. Вследствие этого затруднительно определить какие именно из сакских объединений использовали «западный» и «восточный» миграционный путь. В Гилгит-Балтистане не проводились археологические раскопки, а только собран подъемный материал и изучены памятники наскального искусства. В Афганистане преимущественно исследованы поселенческие комплексы. *Цель* данной статьи – реконструкция и определение последовательности миграционных волн саков на территорию Северной Индии до создания Индо-скифского царства. В *задачи* входит систематизация археологических и письменных свидетельств по передвижениям памирских саков, соотносимых с саками-хаумаварга, и притяньшаньских саков – саков-тиграхауда. Основными методами исследования выступают: историографический анализ, проблемно-хронологический метод, ГИС-технологии. Источниковая база состоит из письменных источников: ахеменидские надписи, китайские хроники, римские энциклопедические и исторические произведения, надписи письмом кхароштхи из Чиласа II (Гилгит-Балтистан). Археологические источники представлены подъемными находками (медные котелки, бронзовые ритон, курильница, зооморфные бляшки, золотые гривна, браслет, нашивки) и петроглифами. *Выявлено*, что памирские саки, обитавшие на границе Северной Индии (VII–II вв. до н.э.), имели культурные связи с населением Южной Азии, о чем свидетельствуют находки индийских вещей в их погребениях. Во II вв. до н.э. памирские саки были вытеснены с одной стороны греко-бактрийскими царями, а с другой – движением через их территорию других сакских объединений. На основе географического расположения петроглифов, надписей и случайных находок определен «восточный» миграционный маршрут саков, а также предварительно определен «западный» путь. «Ядро» сложения Индо-скифского царства было на территории Каракорумского региона, что подтверждают три надписи из Чиласа II с упоминанием первого индо-скифского правителя Моги (Мауэса).

Ключевые слова: археология, памирские саки, притяньшанские саки, миграции, юэчжи, Северная Индия, Памир, Китайский Памир, петроглифы, подъемные находки, эпиграфика.

THE MIGRATION OF THE SAKAS TO THE NORTHERN INDIA: OUTLINING THE KEY ISSUES[2]

V.L. Denisenko, E. A. Filatov, V.A. Lyamina

To date, there are various scholarly opinions regarding which specific Saka tribes migrated into Northern India and which of the migrating Saka unions founded the Indo-Scythian kingdom. The key issue in studying this topic is the uneven archaeological investigation of the border areas of Northern India. As a result, it is difficult to determine which of the Saka unions used the "western" and "eastern" migration routes. No archaeological excavations have been conducted in Gilgit-Baltistan; only surface finds have been collected and rock art sites have been studied. In Afghanistan, settlement complexes have been mainly studied. This paper aims to

[1] Исследование выполнено в рамках НИР ИИМК РАН 2025–2027 гг.: «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите – раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008). Карта (рис. 1) подготовлена Е. А. Филатовым и В. А. Ляминой по государственному заданию ИГМ СО РАН (FWZN-2026-0004)

[2] The study was carried out within the framework of the IIMC RAS research 2025-2027: "Peculiarities of the change of archaeological cultures among pastoralists of Eurasia and farmers of the Caucasus and Central Asia in the Neolithic – Early Middle Ages" (FMZF-2025-0008). The map (Fig. 1) was prepared by E. A. Filatov and V. A. Lyamina according to the state assignment of IGM SB RAS (FWZN-2026-0004)

reconstruct and establish the sequence of Saka migration waves into Northern India that preceded the founding of the Indo-Scythian kingdom. **The objectives** include systematizing archaeological and written evidence concerning the movements of the Pamir Sakas, associated with the Saka-haumavarga, and the Tian Shan Sakas, associated with the Saka-tigrahauda. **The main research methods** employed are: historiographical analysis, the problem-chronological method, and GIS technologies. **The source base** consists of written sources: Achaemenid inscriptions, Chinese chronicles, Roman encyclopedic and historical works, inscriptions in the Kharosthi script from Chilas II (Gilgit-Baltistan). Archaeological sources are represented by surface finds (copper pots, bronze rhyton, censer, zoomorphic plates, gold torque, a bracelet, appliqués) and petroglyphs. **Results**. It has been revealed that the Pamir Sakas, who inhabited the border region of Northern India (VII–II centuries BC), had cultural ties with the population of South Asia, as evidenced by finds of Indian items in their burials. In the II century BC, the Pamir Sakas were displaced on the one side by the Greco-Bactrian kings, and on the other by the movement of other Saka unions through their area. Based on the geographical location of petroglyphs, inscriptions and chance finds, the "eastern" migration route of the Sakas has been identified, as well as the "western" one was preliminarily determined. The "core" of the formation of the Indo-Scythian kingdom was located in the Karakorum region, as confirmed by three inscriptions from Chilas II mentioning the first Indo-Scythian ruler - Moga (Maues).

Keywords: archaeology, the Pamir Sakas, the Tian Shan Sakas, migrations, the Yuezhi, Northern India, Pamir, Chinese Pamir, petroglyphs, surface finds, epigraphy.

Введение

Саки представляли сложную этническую общность, включавшую несколько племенных объединений в Центральной Азии в эпоху раннего железного века. Начиная с середины I тыс. до н. э. саки, устремившиеся к центрам Северной Индии, прошли сложный путь миграций и военных столкновений с последующим оседанием в регионе. Миграции саков и последующее создание ими Индо-скифского царства оказали сильное влияние на культуру североиндийского региона, и постепенно саки/индо-скифы были полностью ассимилированы в индийское общество. Однако определение миграционных маршрутов саков до создания ими Индо-скифского царства является проблемной областью исследования, прежде всего из-за малой изученности Северной Индии, поэтому необходимо привлекать материалы с сопредельных территорий.

Большинство исследователей XX в. считали, что саки не могли мигрировать в Северную Индию через Восточный Гиндукуш, а прошли через более легкопроходимый Западный Гиндукуш в конце II в. до н. э. в Дрангиану. С этого момента Дрангиана стала именоваться Сакастаном, откуда началось формирование Индо-скифского царства (Konow, 1929, p. 31; Массон, Ромодин, 1964, с. 135–136). Однако археологические материалы, связанные с саками, обнаружены только при раскопках Старого Кандагара (Ball, 1997). Исследования второй половины XX в. Восточного Гиндукуша и Памира дополнили картину миграционных волн саков. Так, А.Н. Бернштамом, Б.А. Литвинским, А.Д. Бабаевым территории Памира исследовано множество сакских погребений, в которых были обнаружены индийские вещи. Последняя экспедиция в данном регионе, исследующая могильники раннего железного века, работала в 2008 г. (Бубнова, 2010, с. 137). Исследованию памятников наскального искусства на территории Гилгит-Балтистана, где обнаружены петроглифы в зверином стиле, надписи письмом кхароштхи, посвящены работы К. Йеттмара, Х. Гауптмана и А.Х. Дани. Весной 2010 г. полевые археологические работы на этом участке долины Верхнего Инда были завершены (Hauptmann, 2024, p. 291). Вследствие приостановки полевых работ в указанных регионах современные исследования по проблеме миграции саков в Северную Индию носят обобщающий характер и представлены в работах С.С. Иванова, Дж. Нилиса. Тем не менее до сих пор существуют различные мнения о том, какие именно сакские племена мигрировали на территорию Северной Индии и кто из мигрировавших сакских объединений стал основателем Индо-скифского царства.

Цель данной статьи – реконструкция и определение последовательности миграционных волн саков на территорию Северной Индии до создания Индо-скифского царства. В задачи входит систематизация археологических и письменных свидетельств по передвижениям памирских саков, соотносимых с саками-хаумаварга, и притяньшаньских саков

– саков-тиграхауда. В основе нашего исследования лежит комплексный подход, предполагающий всестороннее изучение исторического явления на основе сочетания сведений различных источников. Основными методами исследования выступают: историографический анализ, проблемно-хронологический метод, ГИС-технологии с пакетом программного обеспечения ArcGIS с расширениями Spatial Analyst и 3DAnalyst. Источниковая база состоит из письменных источников: ахеменидские надписи, китайские хроники, римские энциклопедические и исторические произведения, надписи письмом кхароштхи из Чиласа II (Гилгит-Балтистан). Археологические источники представлены в основном случайными находками, которые были обнаружены в ходе археологических разведок в Гилгит-Балтистане, а также при случайных обстоятельствах (медные котелки, бронзовые ритон, курильница, зооморфные бляшки, золотые гривна, браслет, нашивки). В том числе в работе используются данные наскального искусства, представленные петроглифами в зверином стиле и антропоморфными с кочевническими атрибутами (девять местонахождений). Научная новизна работы состоит в том, что мы привлекли все имеющиеся на данный момент источники, касающиеся миграций саков, и в качестве графического отображения полученных результатов использовали ГИС-технологии.

Памирские саки (саки-хаумаварга)

В ахеменидских надписях[1] с упоминанием саков в большинстве случаев последовательность при перечислении народов ведет от индийцев и гандхарцев к сакам-хаумаварга. В античных письменных источниках мы находим такую же последовательность. Например, в битве при Гавгамелах под началом Бесса наряду с индами и бактрийцами были согдийцы и саки (Арриан, 1962, III, 8, 3). Бесс считал, что к нему придут на помощь разные народы, в том числе «саки и инды» (Руф, 1993, VII, 4, 6). В перечне побежденных народов Александра Македонского за бактрийцами следуют саки (Арриан, 1962, VII, 10, 5). В рассказе Полиена упомянуты три сакских царя, живших в пустыне по ту сторону р. Бактр, которые выступили против Дария (Полиен, VII, 12). Имя одного из этих царей – Омарг/Аморг/Хомарг – отражает название саков-хаумаварга (Немировский, 2005, с. 220).

На основе археологических данных А.Н. Бернштам, раскопавший в Восточном Памире более 60 культовых и погребальных сооружений, отмечает, что территории Тянь-Шаня, Семиречья и Ферганы были местами проживания саков-хаумаварга, внутри которых автор выделяет три группы: тяньшанскую, ферганскую и яксартскую (Бернштам, 1952, с. 210–212). Впоследствии Б.А. Литвинский, исследовавший около 250 культовых и погребальных сооружений, отмечает, что упомянутые в иранских источниках саки-хаумаварга были огромным племенным образованием, охватывающим всю юго-восточную часть Центральной Азии и Восточного Туркестана (Литвинский, 1972, с. 186–187). Данная кочевая конфедерация состояла из нескольких племенных групп, среди которых исследователь выделяет памирскую и связанную с нею алайскую, ферганскую, восточнотуркестанскую, бактрийско-каратегинскую (Литвинский, 1972, с. 187). Современные исследователи подтверждают данную гипотезу о том, что к области проживания саков-хаумаварга можно отнести районы Таджикистана, Кыргызстана, Синьцзяна (Иванов, 2018, с. 10; Дебэн-Франкфор, 1989, с. 246–247). Более того, Э.А. Грантовский на основе данных лингвистики провел исследование на тему пребывания восточноиранских племен, а именно саков, на границе Индии. В ходе своей работы он пришел к выводу, что предки современных восточноиранских народов и близкородственные им древние племена саков заняли области от Памира до северо-западных границ Индии уже в VII–VI вв. до н. э. (Грантовский, 1963, с. 29).

Памирские саки (VII–II вв. до н. э.), будучи довольно изолированным племенным объединением, резко отличаются от остальных представителей сакских племен наибольшим числом скорченных погребений, антропологическим типом (долихокранным), а что самое важное – связями с Индией (Литвинский, 1972, с. 174–186). В погребениях памирских саков часто встречаются сердоликовые бусы, изделия из гималайского кедра, большое количество раковин моллюска из семейства Pectunculidae (Литвинский, 1972, табл. 47). С достоверностью можно говорить, что у памирских саков были налажены культурные связи с Южной Азией, о чем нам сообщают индийские вещи в их погребениях.

Ко II в. до н. э. количество погребений значительно сокращается (Литвинский, 1972, с. 193). Наиболее вероятной причиной упадка объединения памирских саков стало сокращение территории их проживания из-за деятельности Греко-Бактрийских царей. Так, на рубеже III–II вв. до н. э. при правлении Эвтидема (ок. 225–190 гг. до н. э.) и его сына Деметрия I (ок. 190–171 гг. до н. э.) был построен ряд крепостных сооружений вдоль среднего и нижнего течения р. Пяндж (Мандельштам, 1957, с. 77). Данные крепости были воздвигнуты с целью защиты торговых путей, ведущих через Ваханский коридор и Чилас в Синьцзян. Кроме этого, второй причиной миграции памирских саков стало движение через их территорию других сакских объединений.

Притяньшаньские саки (саки-тиграхауда)

Помимо миграции памирских саков/саков-хаумаварга на территорию Северной Индии, имели место миграции саков Притяньшанья/саков-тиграхауда во II–I вв. до н. э. (Литвинский, 1972, с. 193; Иванов, 2018, с. 14; Пьянков, 2013, с. 156). Часть притяньшаньских саков была вытеснена со своих территорий да-юэчжами, другая же часть саков, оставшихся под властью да-юэчжей в Притяньшанье, покинула в составе их объединения данный регион из-за наступления усуней (рис. 1: 1). Так, часть саков Притяньшанья принимает участие вместе с да-юэчжами в разгроме Греко-Бактрийского царства и оседает на территории Северной Бактрии. Данную гипотезу подтверждают материалы из группы могильников Ксиров I–V в Дангаринской долине (юго-западный Таджикистан). Анализ погребального инвентаря, проведенный С.С. Ивановым, демонстрирует, что материалы из Ксирова I–V (II в. до н. э. – II в. н. э.) находят соответствие в памятниках завершающего этапа сакской культуры Притяньшанья IV – первой половины II вв. до н. э. (Денисов, 1984; Иванов, 2016). Мы находим в письменных источниках упоминания о том, что наряду с азиатскими царями тохарами в завоевании Греко-Бактрийского царства участвуют сарауки (Юстин, 2005, XLI, XLII). В работе Страбона упомянуты асии, асианы, тохары и сакарауки (Страбон, XI, 8, 2). В «Хань шу» сказано: «…когда в прошлом Сюнну завоевали Да-юэчжи, последние двинулись на запад и утвердились в качестве хозяев Дася, именно при таких обстоятельствах царь Саи двинулся на юг и утвердился в качестве хозяина Цзибиня», а также «когда Да-юэчжи повернул на запад, разбил и изгнал царя Саи, последний двинулся на юг и перешел через Висячий переход, а Да-юэчжи поселился в его землях» (Falk, 2015, p. 45–46). Остановимся на упомянутых территориях из данного отрывка.

«Висячий переход» подразумевает горную долину, наиболее вероятно, что речь идет или об узкой долине, ведущей на юг к Хунзе (Гилгит-Балтистан), или же о перевалах в Вахане, которые ведут к подвесным переправам (Falk, 2015, p. 46; Зелинский, 1964, с. 113–115).

Отождествление топонима «Цзибинь» с Кашмиром было сделано С. Леви, а затем Э. Шаванном на основе изучения китайских первоисточников, где до 581 г. Кашмир именуется Цзибинем (Chavannes, 1905, p. 538). Но начиная с периода Тан, когда вошла в обиход новая транскрипция названия Кашмира как «Киа-ше-ми-ло», китайские авторы потеряли из виду старую идентичность и стали рассматривать Цзибинь как другое название Капиши (Wang, Sen, 2011, p. 145–147). Данная трактовка была довольно долго признанной, но ученые, не знакомые с китайскими записями, возобновили дискуссию и отвергли данную идентификацию. Итальянский исследователь Л. Петек отрицает, что Цзибинь связан только с Кашмиром и отождествляет Цзибинь с индийскими территориями всего Северо-Запада Индии (Petech, 1950, p. 63–80). В. Тарн считает, что это долина Кабула (Tarn, 1951, p. 469).

Поскольку идентификация Цзибиня тесно связана с проблемой одного из вторжений саков в Индию, представленные идентификации были основаны на собственных взглядах ученых по данной проблеме. Так, часть современных исследователей считают, что саки пришли северо-западным путем через Афганистан, таким образом, они вынуждены отождествлять Цзибинь с Капишей, Кабулом или Кафиристаном вопреки свидетельствам ранних записей. Для доказательства данной гипотезы исследователи приводят упоминания Исидора Харакского, что саки, после своей миграции из Притяньшанья, оседают в Дрангиане, которая впоследствии стала именоваться Сакастаном (Массон, Ромодин,

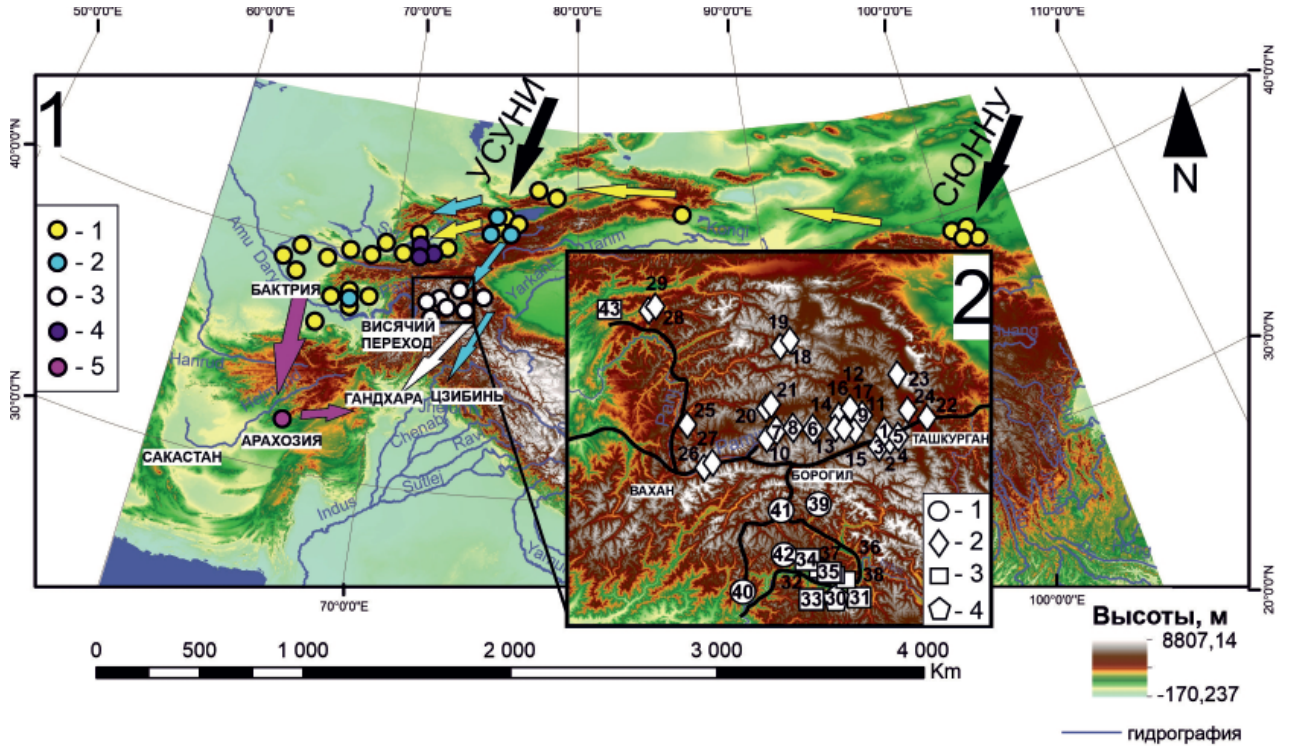


Рис. 1. 1. Культурно-исторические процессы в Центральной Азии во II – I вв. до н.э. 1 – могильники юэчжей; 2 – могильники притяньшаньских саков; 3 – могильники памирских саков; 4 – могильники ферганских саков; 5 – Старый Кандагар (археологическое свидетельство «западного» пути). 2. «Восточный» миграционный маршрут и распределение типов памятников и находок в Памире и Гилгит-Балтистане. 1 – подъемные находки, 2 – могильники памирских саков, 3 – местонахождения петроглифов, 4 – эпиграфика, 5 – миграционные пути. Могильники памирских саков: 1 – Кзыл-Рабат; 2 – Можуташ; 3 – Шаймак; 4 – Акбеит; 5 – Тегермансу; 6 – Памирская I (Тамды); 7 – Ичкилик; 8 – Харгуш; 9 – Андемин; 10 – Айдынкуль; 11 – Сарыкурум; 12 – Чештепе; 13 – Жарты-Гумбез; 14 – Зоркуль; 15 – Малый Истык; 16 – Истык; 17 – Койджилга; 18 – Карабулак; 19 – Кокуйбель; 20 – Аличур; 21 – Яшилькуль; 22 – Сяподи; 23 – Сянбабао; 24 – Йерзанкале; 25 – Поршинев; 26 – Чильхана; 27 – Ямчун; 28 – Ричив; 29 – Касвир. Петроглифы: 30 – Тхалпан. Эпиграфика: 31 – Чилас. Петроглифы: 32 – Минар Гах; 33 – Ходар; 34 – Дадам Дас; 35 – Гичой Дас; 36 – Ошибат; 37 – Хомар Дас; 38 – Дарбарати Дас. Подъемные находки: 39 – Имит; 40 – Паттан; 41 – Ясин; 42 – Дарель; 43 – Лянгар.

Fig. 1. 1. Cultural and historical processes in Central Asia in the II – I centuries BC. 1 – The Yuezhi burial grounds; 2 – burial grounds of the Tian Shan Sakas; 3 – burial grounds of the Pamir Sakas; 4 – burial grounds of the Ferghana Sakas; 5 – Old Kandahar (archaeological evidence of the "western" way). 2. The "Eastern" migration route and the distribution of types of monuments and finds in the Pamirs and Gilgit-Baltistan. 1 – surface finds; 2 – burial grounds of the Pamir Sakas; 3 – locations of petroglyphs; 4 – epigraphy; 5 – migration routes. Burial grounds of the Pamir Sakas: 1 – Kyzyl-Rabat; 2 – Mozhutash; 3 – Shaimak; 4 – Akbeit; 5 – Tegermansu; 6 – Pamir I (Tamdy); 7 – Ichkilik; 8 – Khargush; 9 – Andemin; 10 – Aydinkul; 11 – Sarykurum; 12 – Chesh tepe; 13 – Zharty-Gumbez; 14 – Zorkul; 15 – Maly Istyk; 16 – Istyk; 17 – Koijilga; 18 – Karabulak; 19 – Kokuibel; 20 – Alichur; 21 – Yashilkul; 22 – Syapodi; 23 – Xianbabao; 24 – Yerzankale; 25 – Porshinev; 26 – Chilkhana; 27 – Yamchun; 28 – Richiv; 29 – Kasvir. Petroglyphs: 30 – Thalpan. Epigraphy. 31 – Chilas. Petroglyphs; 32 – Minar Gah; 33 – Hodar; 34 – Dadam Das; 35 – Gichoy Das; 36 – Errat; 37 – Homar Das; 38 – Darbarati Das. Chance finds: 39 – Imit; 40 – Pattan; 41 – Yasin; 42 – Darel; 43 – Liangar.

1964, с. 135–136, 138–139). Однако археологические свидетельства присутствия саков в Сакастане отсутствуют, в отличие от Арахозии.

При площадных раскопках Старого Кандагара обнаружены баночные керамические сосуды с орнаментальным декором (волнистые линии, косые черты) в отложениях периода IV (II–I вв. до н. э.) (Ball, 1997). Также У. Болл отмечает, что вблизи Старого Кандагара выявлено большое количество курганных погребений различных размеров, предположительно часть из которых принадлежала сакам (Ball, p. 447–448). Благодаря керамике сакского типа из Старого Кандагара наиболее вероятно, что через Афганистан также

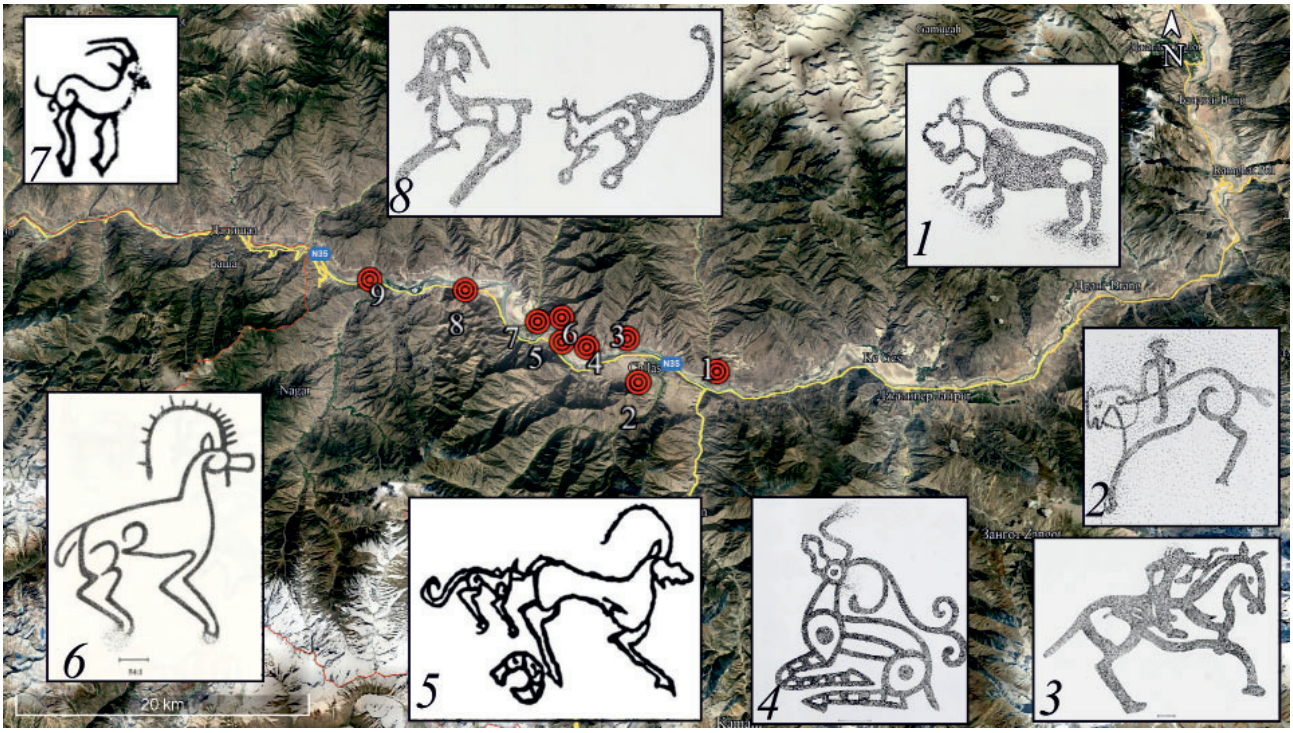


Рис. 2. Петроглифы раннего железного века в Гилгит-Балтистане. Название местонахождений: 1 – Талпан; 2 – Чилас; 3 – Хомар Дас; 4 – Дадам Дас; 5 – Гичой Дас; 6 – Дарбарати Дас; 7 – Ходар; 8 – Ошибат; 9 – Минар Гах. Петроглифы: 1, 2, 3, 4 – Тхалпан (1) (по: Denwood, 2009, tafel, 15, 499:1; tafel, 9, 503:126; Fussman G., 2007, tafel, 9, 273:5; tafel, 60, 30:310); 5, 7, 8 – Чилас (2), Минар Гах (9) (по: Jettmar, Thewalt, 1987, fig. 8, 9; Bandini-König, Fussman, 1999, tafel, 38, 13:2-3); 6 – Хомар Дас (3) (по: Bandini-König, Fussman, 2011, tafel, 66, 54:1).

Fig. 2. Petroglyphs of the Early Iron Age in Gilgit-Baltistan. Sites: 1 – Thalpan; 2 – Chilas; 3 – Khomar Das; 4 – Dadam Das; 5 – Gichoy Das; 6 – Darbarati Das; 7 – Hodar; 8 – Oshibat; 9 – Minar Gah. Petroglyphs: 1, 2, 3, 4 – Thalpan (1) (according to: Denwood, 2009, tafel, 15, 499:1; tafel, 9, 503:126; Fussman G., 2007, tafel, 9, 273:5; tafel, 60, 30:310); 5, 7, 8 – Chilas (2), Minar Gah (9) (according to: Jettmar, Thewalt, 1987, fig. 8, 9; Bandini-König, Fussman, 1999, tafel, 38, 13:2-3); 6 – Homar Das (3) (by: Bandini-König, Fussman, 2011, tafel, 66, 54:1).

проходил миграционный маршрут саков, но определить, какого именно объединения, на данный момент не представляется возможным. Разрозненные письменные источники повествуют, что саки, будучи вытесненными Парфянским царством, продолжают свою экспансию на восток и достигают Северной Индии, где, вероятно, создают Индо-скифские государственные образования (Массон, Ромодин, 1964, с. 141–146; Бонгард-Левин, Ильин, 2001, с. 391–392; Puri, 1994, p. 191–196). Данная гипотеза довольно прочно утвердилась среди исследователей, но новые материалы, рассмотренные нами далее, дополнят эту сложную и запутанную историю сакских миграций на территорию Северной Индии.

Реконструкция миграционных маршрутов саков

Исследователи в начале XX в. считали, что саки не могли проникнуть в Индию «восточным маршрутом» с севера через высокие горные хребты Памира, Гималаев и Каракорума (Konow, 1929, p. 31). Однако открытия К. Йеттмара, Х. Гауптмана и А.Х. Дани в Гилгит-Балтистане выявили новые археологические данные, требующие переоценки теоретических построений предшественников.

Петроглифы

Все памятники с петроглифами в зверином стиле выявлены вдоль берегов р. Инд, где равнинный характер местности обеспечивал благоприятные условия для миграций. По опубликованным материалам, из тысяч петроглифов, только на девяти местонахождениях в Гилгит-Балтистане обнаружено 29 изображений в зверином стиле (Денисенко, 2023, рис. 3). Все изображения объединяет динамизм, поза на цыпочках, сцены преследования, орнаментальные мотивы, акцентирующие передние и/или задние конечности завитком, волютами или кругом. Большинство изображений копытных представлены козеро-

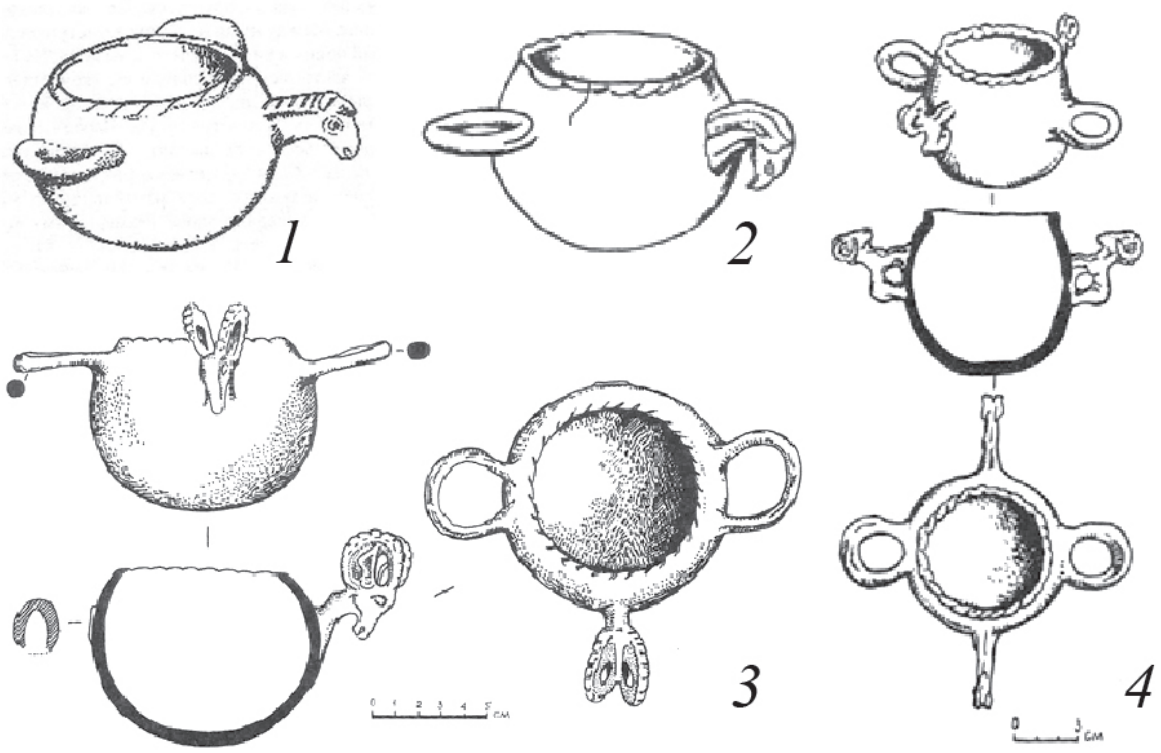


Рис. 3. Медные котелки. 1 – подъемная находка, Имит, долина Ишкоман, Гилгит-Балтистан; 2 – Памир; 3 – могильник Аличур II, курган 2; 4 – Харгуш II, курган 5 (по: Литвинский, 2001, рис. 1–3).
Fig. 3. Copper pots. 1 – surface finds, Imit, Ishkoman valley, Gilgit-Baltistan; 2 – Pamir; 3 – Alichur II burial ground, barrow 2; 4 – Khargush II, barrow 5 (according to Litvinski, 2001, fig. 1–3).

гом, лошадью и оленем (рис. 2). В петроглифах Северного Пакистана часто встречаются изображения хищников, как в сценах преследования, так и одиночные (рис. 2: 1, 5, 8). Стоит добавить, что на территории Памира выявлено множество петроглифов в зверином стиле, очень близких по иконографии к петроглифам Северной Индии (двойные волюты, завитки, динамичные позы животных) (Ранов, 2016, рис. 34, 103). Антропоморфные изображения в петроглифах Гилгит-Балтистана, которые можно было бы отнести к кочевникам из степной зоны Евразии, немногочисленны, а распределение их неравномерно (Тхалпан, Ходар) (рис. 2: 2, 3).

Стоит добавить, что разная стилистика, малое количество и неравномерное распределение изображений на местонахождениях демонстрируют кратковременное пребывание кочевников. Наиболее вероятно, территория Северной Индии служила коридором, по которому перемещались носители различных скифоидных культур на протяжении всего раннего железного века.

Случайные находки

Материальные доказательства миграции саков через Каракорумские горы не имеют контекста археологических раскопок, но несколько важных случайных находок подтверждают гипотезу постепенной миграции с севера через смежные долины.

В 1940 г. близ Имита в Ишкоманской долине к северо-западу от Гилгита были обнаружены медные и бронзовые сосуды (Neelis, 2007, p. 65). Данная территория связана через сеть горных плато с Восточным Памиром. Небольшой медный котелок из Имита с двумя ручками и протомой в форме головы лошади (рис. 3: 1) имеет аналогии с бронзовыми сосудами из курганов памирских саков, выявленных в районе Аличура, Чаргуша, Поршнева в Памирском районе южного Таджикистана, датируемых VI–III вв. до н. э. (рис. 3: 2–4).

Другой объект из Имита – бронзовый ритон с носиком в форме мифологического зверя – кентавра, держащего горного козла (рис. 4: 1). Определить точную культурную принадлежность данного изделия довольно

Рис. 4. 1 – бронзовый ритон с носиком в виде кентавра, держащего горного козла, Имит, долина Ишкоман. (по: Neelis, 2007, fig. 3.1); 2 – крышка курильницы с оленем, Северный Пакистан. (по: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/59576)

Fig. 4. 1 – bronze rhyton with a end in the form of a centaur holding a mountain goat, Imit, Ishkoman Valley (according to Neelis, 2007, fig. 3.1); 2 – the lid of the censer with a deer, Northern Pakistan. (by: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/59576)

проблематично. Однако сочетание эллинистического кентавра и горного козла указывает на то, что создатели данного изделия были связаны с эллинистическим греческим миром, в данном случае с Бактрией, но более приверженны искусству звериного стиля кочевников. Наиболее близкими территориально к Бактрии были ферганские саки.

Рассмотрим бронзовое навершие от курильницы со скульптурным изображением оленя, стоящего с сомкнутыми ногами, обнаруженное на территории северо-западного Пакистана (рис. 4: 2). Изделие представляет собой ажурный купол, украшенный тремя ярусами с растительными, геометрическими и зооморфными орнаментальными изображениями. Нижний ярус – растительный орнамент; средний ярус – шествие копытных и кошачьих; верхний ярус – геометрический орнамент, состоящий из двойных волют, столь свойственный памирским сакам. Аналогии данной находке мы находим в империи Ахеменидов и в империи Хань. В Иране и Китае подобный тип курильниц известен под названием «курильница на холме» из-за того, что она имеет конусообразную крышку в форме «холма», расположенную на чаше, в которую помещались благовония (Rawson, 2006, p. 75). Ханьцы переняли эти экзотические формы для своих курильниц только тогда, когда практика возжигания благовоний была уже устоявшейся. Таким образом, наиболее вероятно, что памирские саки, проживавшие в буферной зоне, переняли данную практику от ахеменидов.

Важные подъемные находки были сделаны в Паттане в округе Кохистан – золотые браслет и гривна. Отметим, что данная территория является точкой пересечения горных хребтов Гиндукуша, Каракорума и Гималаев, которая богата разнообразной флорой и фауной. Изделия были обнаружены местным жителем. Литая золотая гривна весом почти 16 кг была собрана из 11 больших и 46 маленьких фрагментов (рис. 5) (Dani, 1998, p. 158–170). Маленькие кусочки настолько малы, что невозможно составить представление об изображенных на них мотивах и их надлежащем месте (Jettmar, 1991, p. 11–17; Rahman, 1990, p. 5–17, fig. I–XV). Гривна изготовлена методом утраченной восковой модели. Четверть изделия имеет квадратное сечение, остальные части округлые (рис. 5: 1); на трех его гранях расположены изображения, а на четвертой – ряд из пяти параллельных линий. Гривна украшена различными изображениями животных (верблюды, бараны, тигры, олени, лошади, горные козлы, олени, кабаны, птицы, зайцы, обезьяны), фантастическими существами, антропоморфными фигурами (сцены охоты и сражений) и растительными мотивами (рис. 5: 2–6). Также присутствуют характерные сцены терзания и жертвенные позы животных. Аналогии данное изделие находит в материалах кургана Аржан 2, где была выяв-

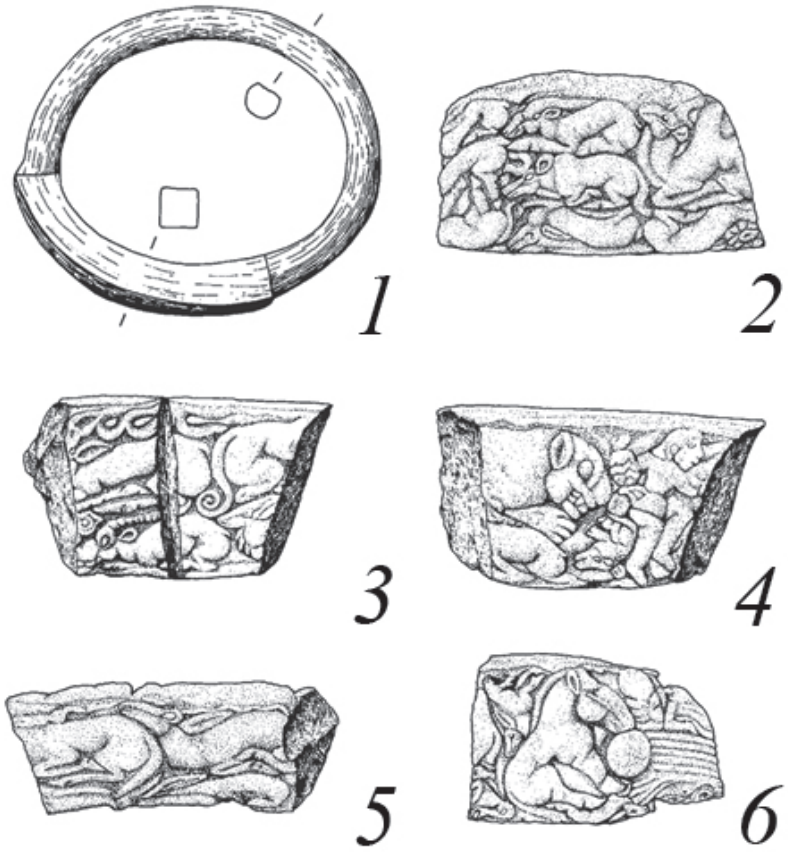


Рис. 5. Гривна из Паттана. 1 – схематичная прорисовка;
2 – прорисовки фрагментов (по: Чугунов и др. 2017, рис. 284, 1 – 2).
Fig. 5. Torque from Pattana. 1 – schematic drawing;
2 – drawings of fragments (according to Chugunov et al. 2017, fig. 284.1 – 2)).

лена гривна, которая имеет ту же форму, но в разы меньше гривны из Паттана (Чугунов и др., 2017, с. 49, 310). Черты сходства прослеживаются также с гривной из коллекции Петра Великого. Они имеют детальные соответствия в изображениях животных. Тем не менее уникальными изображениями гривны из Паттана являются антропоморфные фигуры, зайцы и обезьяны. Добавим, что на территории Памира была обнаружена бронзовая бляшка в виде оленя в раннескифском стиле, которая абсолютно повторяет изображение оленя с гривны из Паттана (Bunker, 2002, p. 145). Наиболее вероятно, что данный предмет был изготовлен в степной зоне Центральной Азии, однако это предположение носит гипотетический характер.

В Гилгит-Билтистане было случайно обнаружено множество бронзовых бляшек в виде оленей, горных козлов и лошадей с подогнутыми ногами (рис. 6: 1–4). Данные изделия объединяет общий стиль, а именно подчеркнутый синкретизм копытного с хищными птицами. Птицы являются составными элементами рогов оленей, горных козлов и хвоста лошади. Также важная черта, которая их объединяет, – округлые биконические отверстия (инкрустация?) на глазу, плече и бедре животного. Эти изделия находят прямые аналогии в торевтике памирских саков, которые были обнаружены как в погребальных комплексах, так и в подъемных сборах на территории Памира (рис. 6: 5–8) (Литвинский, 2000, с. 287). На территории Гандхары были обнаружены золотые бляшки, которые, по-видимому, являются подражанием сакским изделиям (рис. 6: 9–10).

Добавим, что в Гилгите обнаружены зооморфные нашивки из золотой фольги (рис. 6: 11–12). На них изображен горный козел с подогнутыми ногами со следами чеканки по краям и внутри фигуры (глаза, голова, плечо, бедро) (рис. 6: 11). Подобный тип орнаментального оформления мы находим в петроглифах региона (рис. 2). Следующая нашивка – изображение кошачьего со множе-

Рис. 6. 1–8 – бронзовые зооморфные бляшки. Подъемные находки из Гилгит-Балтистана: 1 – (по: Dani, 2001, fig. 56,3); 2 – (по: Neelis, 2007, fig. 3.3); 3, 4 – фотографии предоставлены частным коллекционером. Находки из Памира: 5 – подъемная находка (Ставиский, 1966, рис. 36); 6 – навершие от кинжала, могильник Памирская (по: Литвинский, 2001, рис. 5.1); 7, 8 – подъемные находки (по: Bunker, 2002, fig. 136,142–143,146); 9–10 – золотые бляшки с оленями в жертвенной позе. Случайные находки, Гандхара. Фотографии предоставлены частным коллекционером; 11–12 – нашивки из золотой фольги с горным козлом и кошачьим. Случайные находки, Гилгит-Балтистан. Фотографии предоставлены частным коллекционером.

Fig. 6. 1–8 – bronze zoomorphic plates. Surface finds from Gilgit-Baltistan: 1 – (according to Dani, 2001, fig. 56,3); 2 – (according to Neelis, 2007, fig. 3.3); 3, 4 – photos provided by a private collector. Finds from the Pamirs: 5 – surface finds (according to Stavisky, 1966, fig. 36); 6 – dagger pommel, Pamir burial ground (according to Litvinsky, 2001, fig. 5.1); 7, 8 – surface finds (according to Bunker, 2002, fig.136, 142–143, 146); 9–10 – golden plates with deer in a sacrificial pose. Chance finds, Gandhara. Photos provided by a private collector; 11–12 – gold foil stripes with a mountain goat and a feline. Chance finds, Gilgit-Baltistan. The photos are provided by a private collector.

ством орнаментальных мотивов, в том числе с одинарными и двойными волютами (рис. 6: 12). Голова животного повернута назад с оскалом, движение передано в динамике.

Недавние исследования пакистанских археологов на территории Ясина, Ишкомана, Дареля и Тангирской долины северного Пакистана привели к обнаружению новых находок: ножей, украшений, выполненных в характерном скифо-сакском зверином стиле (Neelis, 2007, p. 66). Данные территории являются наиболее удобными для прохождения. Вполне вероятно, что больше материалов, демонстрирующих связь Северной Индии с Центральной Азией, появится, когда будут раскопаны погребальные памятники, обнаруженные в XIX в. в Каракорумском регионе (Dani, 1998, p. 156).

Эпиграфика

На памятнике Чилас II в Гилгит-Балтистане обнаружены три надписи письмом кхароштхи с упоминанием индо-скифского правителя Мауэса (Моа) с царским титулом «Махатакаса» (Dani, 1983, p. 96–98, 100–101, 110; pl. 72–74). Относительно последовательности миграционного пути Мауэса многое говорят принятые им титулы. На раннем этапе своего царствования он использует титул на кхароштхи «Махатакаса», который использовался поздним греко-бактрийским царем Эвкратидом I[2]. Благодаря нумизматике известно, что Мауэс руководил мирной миграцией саков в Гандхару и получил контроль от индо-греческих правителей, женившись на индо-греческой царице, во время гражданского кризи-

са (Bivar, 1984, p. 14). В этот период Мауэс имитировал парфянские и индо-греческие царские титулы, а именно титул «*Царь царей*», и использовал их на двуязычных монетах: на греческом (*ΒΑΣΙΛΕΩΣΒΑΣΙΛΕΩΝ*) и на гандхари письмом кхароштхи (*rajatirajasa*). Таким образом, надписи из Чиласа II свидетельствуют о том, что они были созданы до прихода Мауэса на территорию Гандхары и связаны с установлением его власти.

На основе географического расположения могильников памирских саков, памятников наскального искусства, надписей и случайных находок в зверином стиле мы можем предварительно наметить миграционные маршруты саков (рис. 1: 2). Так, племена саков продвинулись из Памира через Ишкоман и верхнюю часть долины Гилгит в Кандию, с одной стороны, и к Инду, с другой, продолжая свой путь дальше на юг. Маршрут из Ташкургана на Малый Памир и далее в Вахан был путем вдоль реки Вахджир. Здесь перевал Борогил служит главным проходом на юг, в сторону перевала Даракот, который ведет к долине Ясин (Зелинский, 1964, с. 115). Данные перевалы Восточного Гиндукуша являются одними из самых легких для прохождения и располагают кормящими ландшафтами.

Заключение

Разрозненные археологические находки из Гилгит-Балтистана и письменные источники демонстрируют, что данная территория активно использовалась в эпоху раннего железного века кочевниками из степных и горных областей Евразии. Памирские саки, обитавшие в VII–II вв. до н. э. на границе Северной Индии, несомненно, имели культурные связи с населением Южной Азии. Об этом свидетельствуют находки раковин, бус, изделий из гималайского кедра, а также бронзовые котелки и бляшки в погребальных комплексах памирских саков. К. Йеттмар датирует начало возможных контактов населения Индии с саками с VII–IV вв. до н. э. (Jettmar, Thewalt, 1987, p. 13–14). В конце III–II вв. до н. э. памирские саки были вытеснены с одной стороны греко-бактрийскими царями, а с другой – движением через их территорию притяньшаньских саков. Относительно истории саков Притяньшанья с уверенностью мы можем говорить о том, что часть из них была вытеснена да-юэчжами в середине II в. до н. э. с территории своего первоначального проживания. Письменные свидетельства из «Хань шу» сообщают, что саки прошли через «Висячий переход» (горные перевалы Вахана/Памира/Каракорума) и завоевали «Цзибинь» (Кашмир). О присутствии притяньшаньских саков на территории Памира и Каракорума свидетельствуют исключительно топонимика и письменные источники (Литвинский, 1972, с. 193). Среди случайных находок с уверенностью отнести какие-либо материалы именно к притяньшаньским сакам не представляется возможным. Тем не менее многие ученые разделяют мнение о том, что определенная часть притяньшаньских саков проходила через данные области (Narain, 1957, p. 135–138; Dani, 1991, p. 119).

На территорию Северной Индии фиксируются миграции и других сакских объединений, например «западным путем» с территории Афганистана. Однако вопреки столь популярной гипотезе, что мигрировавшие саки с территории Афганистана стали основателями Индо-скифского царства, новые материалы свидетельствуют, что «ядро» сложения Индо-скифского царства было на территории Каракорумского региона – три надписи из Чиласа II с упоминанием первого индо-скифского правителя Мауэса (Моа). Вследствие этого мы можем утверждать, что Мауэс – первый индо-скифский правитель – проходил через Каракорумский регион. Однако вопрос относительно того, выходцем из какого сакского объединения – памирского, притяньшаньского или ферганского – был царь Мауэс (Моа), остается дискуссионным и может быть разрешен только благодаря междисциплинарным исследованиям территории Северной Индии.

Примечание:

[1] Надпись «е» Дария из Суз, надпись «е» Дария из Персеполя, надпись «а» Дария из Накши-Рустама, надпись Ксеркса из Персеполя

[2] Самым близким к Греко-Бактрии сакским объединением были ферганские саки. Согласно китайским хроникам, в конце II в. до н. э. в Ферганской долине правил царь по имени Му-Куа, которого связывают с Мауэсом/Могой (Narain, 1957, p. 142; Литвинский, 1972, с. 193). Однако в «Ши цзи» сказано, что он был убит даюаньской знатью. Тем не менее схожесть имен может говорить не об их тождественности, а о связи Мауэса с ферганскими саками.

ЛИТЕРАТУРА

Арриан. Поход Александра / пер. с древнегреческого М. Е. Сергеенко. Отв. ред. д.и.н. О.О. Крюгер. М.; Л.: АН СССР, 1962. 382 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА. № 26. М.; Л.: АН СССР, 1952. 348 с.

Бубнова М. А. Кто освоил пастбища Восточного Памира в I тыс. до н. э.? // Древние культуры Евразии/ Отв. ред. В.А. Алёкшин и др.. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 135–141.

Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. Исторический очерк. СПб.: Алетейя, 2001. 816 с.

Грантовский Э.А. Из истории восточноиранских племён на границах Индии // Краткие сообщения института народов Азии. № 61 / Отв. ред. Г. Ф. Ильин. М.: Изд-во вост. лит., 1963. С. 8–30.

Денисенко В.Л. Звериный стиль в петроглифах долины Верхнего Инда (Ладакх, Гилгит-Балтистан) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 10. С. 9–21. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-10-9-21

Денисов Е.П. Раскопки могильника Ксиров в Дангаринском районе в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XVIII / Отв. ред. Б.А. Литвинский. Душанбе: Дониш, 1984. С. 131–138.

Дэбен-Франкфор К. Саки в провинции Синьцзян до прихода Хань. Критерии идентификации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 246–257.

Иванов С.С. К проблеме культурного разрыва на рубеже сакского и усуньского периодов в Притяньшанье // Stratum Plus. 2016. № 3. С. 67–87. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-3-22-35

Иванов С.С. К основным этапам этнополитической истории саков–хаумаварга // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 8. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-8-9-19

Зелинский А.Н. Древние пути Памира // Страны и народы Востока. Вып. III / ред. А.В. Королев, И.В. Сахаров. М.: Наука, 1964. С. 99–119.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: Наука, 1972. 272 с.

Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира: (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. С.В. Ольховский. М.: ГЕОС, 2000. С. 277–294.

Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времён до X в. н.э. / Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Т. 3. Сталинабад: АН Таджик. ССР, 1957.181 с.

Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 1. М.: Наука, 1965. 551 с.

Немировский А.А. Массагеты Геродота и саки тиграхауда // Эдубба вечна и постоянна / сост. М.М. Дандамаева. СПб.: ГЭ, 2005. С. 217–224.

Полиэн. Стратегемы / пер. с греч. под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. 608 с.

Пьянков И.В. Средняя Азия и Евразийская степь в древности. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 736 с.

Ранов В.А. Бегущие по скалам: Наскальные рисунки Памира. Душанбе: Дониш, 2016. 412 с.

Руф К.К. История Александра Македонского. М.: МГУ, 1993. 464 с.

Страбон. География / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 940 с.

Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». СПб.: СПБГУ, 2005. 493 с.

Ball W. Kandahar, the Saka and India // South Asian Archaeology. Cambridge, 1997. P. 439–450.

Bandini-König D., Fussman G. Die Felsbildstation Hodar, Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 3, Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 1999, 693 p.

Bandini–König D., Fussman G. Die Felsbildstation Thalpan. Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans, Band 10: Mainz, 2011. 465 p.

Bivar A. D. H. Maues at Taxila: Problems of his Arrival – Route and Political Allegiance // Journal of Central Asia. Islamabad, 1984. № 7. P. 5–15.

Chavannes E. Les pays d'occident d'après le Wei lio: Avant-propos // T'oung Pao, 1905. № 6/5. P. 519–571.

Dani A. H. Origin of the Dardic Culture: a new discovery in the Northern Areas of Pakistan // Journal of Central Asia. 1998. Vol. 21. No. 1. P. 158–170.

Dani A. H. Chilas: The City of Nanga Parvat (Dyamar). Centre for the Study of Civilizations of Central Asia, Quaid–i–Azam Univ., 1983. 251 p.

Dani A. H. History of northern areas of Pakistan. Islamabad: National Institute of Historical & Cultural Research, 1991. 532 p.

Denwood P. Die Felsbildstation Thalpan. Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 9, Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2009. 465 p.

Falk H. Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers. Bremen, Hempen Verlag, 2015. 304 p.

Fussman G. Die Felsbildstation Thalpan. Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 8, Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften, 2007. 455 p.

Hauptmann H. Lords of the Mountains: Pre-Islamic Heritage along the Upper Indus in Pakistan / herausgegeben von Luca Maria Olivieri. Heidelberg: Heidelberg University Publishing, 2024. 364 p.

Jettmar K. Cultures and Ethnic Groups West of China in the Second and First Millennia B.C. // Asian Perspectives. 1985. Vol.24. No. 2. P. 145–162.

Jettmar K. The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // South Asian Studies. London, 1991. Vol. 7. P. 1–20.

Jettmar K., Thewalt V. Between Gandhāra and the Silk Roads. Rock-carvings Along the Karakorum Highway. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1987. 59 p.

Konow S. Kharoshthi Inscriptions with the Exception of Those of Asoka. Corpus Inscriptionum Indicarum, Calcutta: Government of India, 1929. Vol. 2. Part. 1. 351 p.

Narain A. K. The Indo-Greeks. Oxford: Clarendon Press, 1957. 201 p.

Neelis J. Three Passages to India: Sakas and Kusana Migrations in Historical Contexts // On the Cusp of an Era-Art in the Pre-Kushana World. Leiden, Brill's Inner Asian Library, 2007. P. 55–94. DOI:10.1163/ej.9789004154513.i-548.22

Petech L. Northern India according to the Shui-Ching-Chu. Roma, 1950. 300 p.

Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Yüeh-chih Migration // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1970. Vol. 3. P. 154–160.

Puri B. N. The Kushans // History of Civilizations of Central Asia. Quetingy: UNESCO Publishing, 1994. Vol II. P. 191–208.

Rahman S. Unique Find of Gold Ornaments from Pattan/Kohistan // Journal of Central Asia. 1990. Vol. 13. P. 5–17.

Rawson J. The Chinese Hill Censer, boshan lu: A Note on Origins, Influences and Meanings // Arts asiatiques, 2006. Vol. 61. P. 75–86. DOI:10.3406/arasi.2006.1640

Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge: University Press, 1951. 576 p.

Wang B., Sen T. Ki-pin and Kashmir // India and China: Interactions through Buddhism and Diplomacy: A Collection of Essays by Professor Prabodh Chandra Bagchi. Anthem Press, 2011. P. 145–154.

Информация об авторах:

Денисенко Валерия Леонтьевна, младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, Россия); valerialeontyevna@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2642-14154; WoS Researcher ID AET-7252-2022; RSCI Author ID 1118963; SPIN 6960-6398

Филатов Егор Алексеевич, Институт геологии и минералогии имени В. С. Соболева СО РАН (г. Новосибирск, Россия); filatovea@igm.nsc.ru, https://orcid.org/0000-0002-2675-7736; WoS Researcher ID LQK-1987-2024; RSCI Author ID 827306; SPIN 2925-1306

Лямина Виктория Александровна, Институт геологии и минералогии имени В. С. Соболева СО РАН (г. Новосибирск, Россия); vbalandis@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-1627-8483; WoS Researcher ID A-5351-2014; RSCI Author ID 66989; SPIN 7401-5644

REFERENCES

Arrian. 1962. *Pokhod Aleksandra (Alexander's Campaign).* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian'-Shania i Pamiro-Altaya (Historical and Archaeological Essays on the Central Tien Shan and Pamir-Altai).* Series: *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 26. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Bubnova, M. A. 2010. In Alekshin, V. A. et al. (eds.). *Drevnie kul'tury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint-Petersburg: "Info-ol" Publ., 135–141 (in Russian).

Bongard-Levin, G. M., Il'in, G. F. 2001. *Drevnyaya Indiya. Istoriya i kul'tura (Ancient Indiia. History and culture).* Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ. (in Russian).

Grantovskii, E. A. 1963. In Il'in, G. F. (ed.). *Kratkie soobshcheniia instituta narodov Azii (Brief reports of the Institute of Asian Peoples)* 61. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ., 8–30 (in Russian).

Denisenko, V. L. 2023. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 22 (10), 136–167 (in Russian).

Denisov E. P. 1984. In Litvinskiy, B.A. (ed.). *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane (Archaeological works in Tajikistan)* 18. Dushambe: "Donish" Publ., 131–138 (in Russian).

Deben-Frankfor, K. 1989. In Masson, V. M. (ed.). *Vzaimodeistvie kochevykh kul'tur i drevnikh tsivilizatsii* (*Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations).* Alma-Ata: "Nauka" Publ., 246–257 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2016. In *Stratum Plus* (3), 67–87 (in Russian).

Ivanov, S. S. 2018. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 17 (8), 9–19 (in Russian).

Zelinskii, A. N. 1964. In Korolev, A. V., Sakharov, I. V. (eds.). *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East)* 3. Moscow: "Nauka" Publ., 99–119 (in Russian)

Litvinskii, B. A. 1972. *Drevnie kochevniki «Kryshi mira» (Ancient Nomads of the "Roof of the World")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Litvinskii, B. A. 2000. Olkhovskii, S. V. (ed.). *Arheologiya, paleoekologiya i paleodemografiya Evrazii (Archaeology, palaeoecology and palaeodemography of Eurasia).* Moscow: "GEOS" Publ., 277–294 (in Russian).

Mandel'shtam, A. M. 1957. *Materialy k istoriko–geograficheskomu obzoru Pamira i pripamirskikh oblastei. S drevneishikh vremen do X v. n.e. (Materials for the historical and geographical survey of the Pamirs and the Pamir regions. From ancient times to the X century AD).* Series: Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii AN TadzhSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Academy of Sciences of Tajik SSR) 3. Stalinabad: Academy of Sciences of Tajikistan (in Russian).

Masson, V. M., Romodin, V. A. 1965. *Istoriia Afganistana (The history of Afghanistan)*. Vol. 1. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Nemirovskii, A. A. 2005. In Dandamaeva, M. M. (comp.). *Edubba vechna i postoianna (Edubba is eternal and constant).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 217–224 (in Russian).

Polien. 2002. *Strategemy (Strategems)*. Saint Petersburg: "Evraziia" Publ. (in Russian).

P'iankov, I. V. 2013. *Sredniaia Aziia i Evraziiskaia step' v drevnosti (Middle Asia and the Eurasian Steppe in Antiquity).* Saint Petersburg: Saint Petersburg Linguistic Society, 202–241 (in Russian).

Ranov, V. A. 2016. *Begushchie po skalam: Naskal'nye risunki Pamira (Running on the rocks: Rock paintings of the Pamirs).* Dushanbe: "Danesh" Publ. (in Russian).

Rufus Curtius Quintus. 1993. *Istoriia Aleksandra Makedonskogo (The history of Alexander the Great)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

Strabon. 1994. *Geografiia (Geography).* Stratanovskii, G. A. (transl.). Moscow: "Ladomir" Publ. (in Russian).

Chugunov K. V., Partsinger G., Nagler A. 2017. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve (The royal barrow of the Scythian period Arzhan–2 in Tuva).* Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian).

Justin Mark Junian. 2005. *Epitoma sochineniya Pompeya Troga «Historiae Philippicae» (Epitoma Historiarum Philippicarum Pompei Trogi).* Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).

Ball, W. 1997. In *South Asian Archaeology.* Cambridge, 439–450.

Bandini-König, D., Fussman, G. 1999. *Die Felsbildstation Hodar*, Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 3, Mainz, Heidelberger Akademie der Wissenschaften (in German).

Bandini-König, D., Fussman, G. 2011. Die *Felsbildstation Thalpan*. Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans, Band 10: Mainz (in German).

Bivar, A. D. H. 1984. In *Journal of Central Asia* (7), 5–15.

Chavannes, E. 1905. In *T'oung Pao*. (6/5), 519–571 (in French)

Dani, A. H. 1998. In *Journal of Central Asia*. Vol. 21. No. 1, 158–170.

Dani, A. H. 1983. *Chilas: The City of Nanga Parvat (Dyamar).* Centre for the Study of Civilisations of Central Asia, Quaid–i–Azam Univ. Publ.

Dani, A. H. 1991. *History of northern areas of Pakistan*. Islamabad: National Institute of Historical & Cultural Research.

Denwood, P. 2009. *Die Felsbildstation Thalpan. Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 9*. Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften (in German).

Falk, H. 2015. *Kushan Histories: Literary Sources and Selected Papers from a Symposium at Berlin, December 5 to 7, 2013*. Bremen, Hempen Verlag.

Fussman, G. 2007. *Die Felsbildstation Thalpan. Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans*. Band 8, Mainz: Heidelberger Akademie der Wissenschaften (in German).

Hauptmann, H. 2024. *Lords of the Mountains: Pre-Islamic Heritage along the Upper Indus in Pakistan*. Heidelberg: Heidelberg University Publishing.

Jettmar, K. 1985. In *Asian Perspectives*. Vol. 24. No. 2, 145–162.

Jettmar, K. 1991. In *South Asian Studies.* Vol. 7, 1–20.

Jettmar, K., Thewalt, V. 1987. *Between Gandhāra and the Silk Roads. Rock-carvings Along the Karakorum Highway*. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern.

Konow, S. 1929. *Kharoshthi Inscriptions with the Exception of Those of Asoka. Corpus Inscriptionum Indicarum*. Vol. 2. P. 1. Calcutta: Government of India.

Narain, A. K. 1957. *The Indo-Greeks*. Oxford: Clarendon Press.

Neelis, J. 2007. In *On the Cusp of an Era-Art in the Pre-Kushana World*. Leiden: Brill's Inner Asian Library, 55–94. DOI:10.1163/ej.9789004154513.i-548.22

Petech, L. 1950. *Northern India according to the Shui-Ching-Chu*. Roma.

Pulleyblank, E. G. 1970. In *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 3, 154–160.

Puri B. N. 1994. In *History of Civilizations of Central Asia*. *Vol. II.* Quetingy: UNESCO Publishing, 239–255.

Rahman, S. 1990. In *Journal of Central Asia*. Vol. 13, 5–17.

Rawson, J. 2006. In *Arts asiatiques* (61), 75–86. DOI:10.3406/arasi.2006.1640

Tarn, W. W. 1951. *The Greeks in Bactria and India*. Cambridge: Cambridge: University Press.

Wang, B., Sen, T. 2011. *In India and China: Interactions through Buddhism and Diplomacy: A Collection of Essays by Professor Prabodh Chandra Bagchi*. Anthem Press, 145–154.

About the Authors:

Denisenko Valeria L. Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Acad. Lavretiev Avenue, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; valerialeontyevna@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2642-14154; WoS Researcher ID AET-7252-2022; RSCI Author ID 1118963; SPIN 6960-6398

Filatov Egor A. V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS. Acad. Koptyug Avenue, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; filatovea@igm.nsc.ru, https://orcid.org/0000-0002-2675-7736; WoS Researcher ID LQK-1987-2024; RSCI Author ID 827306; SPIN 2925-1306

Lyamina Victoria A. V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS. Acad. Koptyug Avenue, 3, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; vbalandis@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0001-1627-8483; WoS Researcher ID A-5351-2014; RSCI Author ID 66989; SPIN 7401-5644

Статья поступила в журнал 15.01.2025 г.
Статья принята к публикации 19.07.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 903.02(571.53) https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.282.296

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ПРИАНГАРЬЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

© 2026 г. И.В. Уланов, А.В. Уланова, Г.Л. Иванов

В статье представлен обзор историографии и современного состояния исследований раннего железного века Южного Приангарья. Несмотря на ведущиеся с конца XIX в. работы, эпоха раннего железа остается одной из самых слабо изученных в регионе. В основном накопление данных ограничивалось случайными находками, разведочными работами и сбором подъемного материала. Исключение – масштабные раскопки 1950-х гг. в зонах затопления Иркутской и Братской ГЭС. Однако, полученные материалы по РЖВ остались практически не опубликованными. Известные к настоящему моменту комплексы условно разделены на два периода. К XI–III вв. до н. э. относятся объекты этапа перехода от бронзового к железному веку и скифского времени. Погребения представлены плиточными могилами в долине р. Куды и захоронениями, условно относимыми к бутухейской группе (Муруйский и Троицк 1). Стоянки и поселения маркируются в основном находками керамики тышкинейского (сеногдинского) типа. Комплекс бронзовых изделий наряду с влиянием скифского мира демонстрирует региональное своеобразие. Для хунно-сяньбийского времени (II в. до н. э. – IV в. н. э.) известны четыре разрушенных захоронения (Остров Осинский и Игетейский Лог 2). На стоянках, поселениях и городищах фиксируется керамика трех типов – сосновоостровского, елгинского и борисовского. На сегодняшний день интерес к РЖВ Южного Приангарья у исследователей растет, что выражается в разворачиваемых тематических работах. Недостаточное количество информации для построения культурно-хронологической схемы делает тематику раннего железа одной из наиболее актуальных и перспективных в археологии региона.

Ключевые слова: археология, Южное Приангарье, ранний железный век, скифское время, хунно-сяньбийское время, бутухейский этап, елгинский этап, погребения, стоянки и поселения.

EARLY IRON AGE OF THE SOUTHERN ANGARA REGION: CURRENT ISSUES AND RESEARCH PROSPECTS[2]

I.V. Ulanov, A.V. Ulanova, G.L. Ivanov

This paper provides an overview of the historiography and current state of research on the Early Iron Age in the Southern Angara region. Despite ongoing investigations since the late 19th century, this period remains one of the most poorly stidied in the area. Data accumulation has largely been confined to chance finds, exploratory surveys, and the collection of surface materials. A notable exception was the large-scale excavations conducted in the 1950s within the flood zones of the Irkutsk and Bratsk hydroelectric power stations. However, the Early Iron Age materials recovered during these projects were never fully published. The assemblages known to date are conventionally divided into two periods. Sites dating to the transitional phase from the Bronze to the Iron Age and the Scythian period (11th–3rd centuries BC) include burials represented by slab graves in the Kuda River valley and interments tentatively attributed to the Butukhei group (the Muruisky burial ground and the single grave Troitsk 1). Campsites and settlements are primarily identified by finds of Tyshkine (Senogda)-type ceramics. The bronze artifact set exhibits regional distinctiveness alongside influences from the Scythian world. For the Xiongnu-Xianbei period (2nd century BC – 4th century AD), four disturbed burials are known (Osinsky Island and Igeteisky Log 2). Ceramics of three types – Sosnovy Ostrov, Elga, and Borisovo—are documented at campsites, settlements, and hillforts. Recently, researcher interest in the Early Iron Age of the Southern Angara region has grown, reflected in the development of targeted thematic studies. The paucity of data required to construct a comprehensive cultural-chronological framework renders the Early Iron Age one of the most relevant and promising research directions in the archaeology of the region.

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России, проект № FZZE-2026-0005

[2] The study was carried out as a part of the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project no. FZZE-2026-0005

Keywords: archaeology, Southern Angara region, Early Iron Age, Scythian period, Xiongnu-Xianbei period, Butukhei stage, Elga stage, burials, settlements.

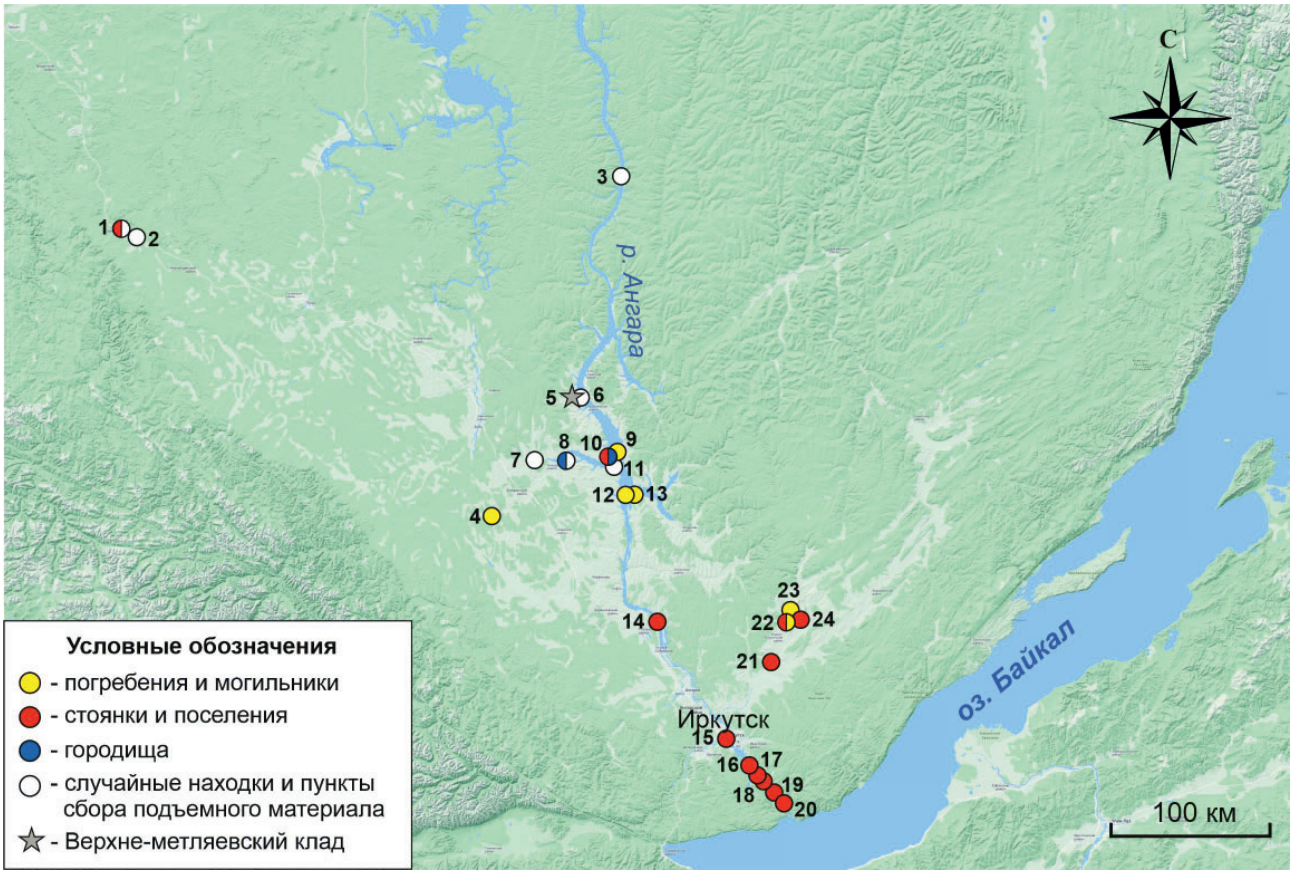


Рис. 1. Карта Южного Приангарья с археологическими объектами раннего железного века. Цифрами на карте обозначены: 1 – Гурбей, Лохановский Луг; 2 – Вознесенский; 3 – Распутина; 4 – Троицк; 5 – Верхне-метляевский клад; 6 – Шивера; 7 – левый берег р. Куйты; 8 – Зун-Туренское городище, Падь Мироновская; 9 – Улан-Бор; Усть-Талькинское поселение; 10 – Муруйский; 11 – Балаганские пески, Устье р. Унги; 12 – Остров Осинский; 13 – Игетейский Лог 2; 14 – Усть-Белая; 15 – Приют Сукачева; 16 – Патроны, Остров Кочерга; 17 – Остров Коноваловский; 18 – Остров Варакина; 19 – Остров Лесной, Остров Малый Сизовский; 20 – Остров Сосновый; 21 – Капсал 6; 22 – Манхай 3, 4; 23 – Урлэхэ-Хушун 1; 24 – Балин 1.

Fig. 1. Map of the Southern Angara region with archaeological sites of the Early Iron Age. The numbers on the map indicate: 1 – Gurbei, Lokhanovsky Lug; 2 – Voznesensky; 3 – Rasputin; 4 – Troitsk; 5 – hoard fromVerkhne-Metlyaevo; 6 – Shivera; 7 – left bank of the Kuita river; 8 – Zun-Turenskoe settlement, Pad Mironovskaya; 9 – Ulan-Bor, Ust-Talkin settlement, 10 – Muruisky; 11 – Balaganskye peski, Ust-Unga; 12 – Ostrov Osinsky; 13 – Igeteisky Log 2; 14 – Ust-Belaya; 15 – Priyut Sukacheva; 16 – Patrony, Ostrov Kocherga; 17 – Ostrov Konovalovsky; 18 – Ostrov Varakina, 19 – Ostrov Lesnoy, Ostrov Maly Sizovsky; 20 – Ostrov Sosnovy; 21 – Kapsal 6; 22 – Mankhai 3, 4; 23 – Urlekhe-Khushun 1; 24 – Balin 1.

Введение

Южное Приангарье (рис. 1) археологически изучено крайне неравномерно. Основной упор зачастую делался на каменный век (палеолит и неолит). Более поздние периоды исследованы гораздо хуже. Одной из наиболее слабоизученных является эпоха раннего железного века (РЖВ).

К западу, югу и востоку от Южного Приангарья – в степных регионах Минусинской котловины, Алтая, Монголии и Забайкалья культуры РЖВ довольно широко представлены и относительно хорошо изучены.

Предбайкалье (составной частью которого географически является Южное Приангарье) отделено от сопредельных степных территорий горными цепями, таежными массивами и озером Байкал. Степи в Предбайкалье представлены отдельными участками среди лесного ландшафта – Унгинско-Осинским,

Кудинским и Приольхонским. Первые два – расположены в Южном Приангарье.

В 2023 г. дан старт проекту РНФ «Заполняя лакуны: Древние культуры раннего железного века и раннего средневековья в Южном Приангарье», одной из основных задач которого является проведение планомерных исследований РЖВ региона. Для этого необходимо обобщить предыдущий опыт, определить состояние проблемы и наметить перспективные направления дальнейшей работы, что и составляет задачи настоящей статьи.

История изучения РЖВ Южного Приангарья

В мае 1890 г. вблизи д. Верхне-Метляево бурятским крестьянином при распашке были найдены 18 бронзовых предметов скифского времени: меч, кинжал, боевой топор, 3 шила, 4 ножа, 8 кельтов. Коллекция выкуплена ВСОИРГО и вошла в историю под названием «верхне-метляевский клад» (рис. 2: 1–5, 7–9).

Находка стала событием, привлекшим внимание к изучению бронзового века (к этому периоду долгое время относили предметы скифского времени) Приангарья. С тех пор Балаганский уезд стал рассматриваться как наиболее перспективный район для исследования данной тематики. В 1900–1920-е гг. его с разведками посещали разные исследователи (М.П. Овчинников, Г.П. Сосновский, Г.М. Константинов), собиравшие подъемный материал, в том числе бронзовые предметы скифского времени (Сосновский, 1923; Константинов, 1928, рис. 3).

В статьях, посвященных поездке 1921 г., Г.П. Сосновский сделал ряд предположений о культурной ситуации в бронзовом веке. Исследователь считал, что в то время как в Минусинской котловине наступил бронзовый век, Прибайкалье, как и вся Восточная Сибирь, находилась в переходной энеолитической эпохе, когда использовались одновременно

Рис. 2. Южное Приангарье. Бронзовые изделия скифского времени.
1–5, 7–9 – Верхне-Метляевский клад; 6, 10 – Гурбей (случайные находки).
Fig. 2. Southern Angara region. Bronze items of the Scythian period.
1–5, 7–9 – hoard fromVerkhne-Metlyaevo; 6, 10 – Gurbei (chance finds).

каменные и бронзовые предметы (Сосновский, 1923, с. 134). Г.П. Сосновский отмечает, что местная культура с одной стороны находилась под сильным влиянием Минусинского очага, а с другой – имела самобытный характер. В этом контексте исследователь проанализировал предметы верхне-метляевского клада, дав его первое научное описание. По мнению ученого, часть предметов аналогична минусинским изделиям, а другая характерна преимущественно для «определенной территории в таежной полосе средней Сибири» (Сосновский, 1926).

В 1928 г. в обобщающей работе по археологии региона «Далекое прошлое Прибайкалья», Б.Э. Петри, предположил, что в бронзовом веке здесь продолжала существовать неолитическая культура. Соседство с развитой бронзовой культурой Минусинского края привело к появлению импортных бронзовых предметов в Прибайкалье, не влияя на неолитическую структуру хозяйства таежных охотников-рыболовов (Петри, 1928, с. 45-54).

Этнокультурная ситуация резко поменялась с приходом «каких-то орд, знакомых с обработкой железа», которые были вытеснены из Центральной Азии. Каменный век в Прибайкалье сменился сразу железным. Исследователь прямо не пишет, но по сути начальный период употребления железа, связанный с приходом «орд», можно считать соответствующим РЖВ, поскольку далее Б. Э. Петри уже описывает средневековую культуру курумчинских кузнецов (Петри, 1928, с. 45-54).

Репрессии против иркутских археологов, привели к спаду исследований в 1930–1940-е гг. Почти все работы этого времени связаны с именем А. П. Окладникова.

Контур для выделения РЖВ Прибайкалья у А.П. Окладникова наметился по материалам работ на р. Ангаре и р. Лене 1920–1930-х гг. В «Истории Якутии» 1949 г., он обозначил комплексы III–II вв. до н. э., к которым отнес погребение у с. Белоусова (Верхняя Лена) и поселения ангарских островов[1] (Окладников, 1949, с.185-186). В 1927 г. на о-ве Сосновом А.П. Окладников нашел фрагменты тонкостенной керамики со своеобразным орнаментом, который помимо налепных валиков, составляли тонкие прочерченные изогнутые линии, причудливо переплетавшиеся между собой и дополнявшиеся небольшими наколами. Поскольку узор напоминал декоративно-стилизованное изображение дерева с ветвями и листьями, ученый назвал этот орнамент «растительным» (Окладников, 1958, с. 19).

Масштабные раскопки в том числе на объектах РЖВ были проведены в 1950-е гг. в связи со строительством Иркутской и Братской ГЭС. В 1951–1955 гг. Ангарская археологическая экспедиция АН СССР под общим руководством А.П. Окладникова вела исследования в зоне затопления Иркутской ГЭС на участке р. Ангары от ее истока из оз. Байкал до г. Иркутска. Поселения в том числе бронзового века (скифского времени) и РЖВ выявлены на ангарских островах Сосновый, Лесной, Малый Сизовский, Коноваловский, Варакина, Кочерга, а также у села Патроны (Окладников, 1958). В ходе работ в зоне затопления Братской ГЭС обнаружено аналогичное ангарским островам поселение Братский Камень около пос. Братск (Окладников, 1958). В 1957–1959 гг. при раскопках стоянки Усть-Белая фиксировалась керамика с растительным орнаментом (Харинский, 2005, с. 209).

Важным событием стало обнаружение А.П. Окладниковым в 1952 г. при осмотре городища и писаниц на горе Манхай (долина р. Куды) характерных для Забайкалья плиточных могил. Всего было зафиксировано 10 комплексов (могильник Манхай 3). До этого самыми западными плиточными могилами считались захоронения в Приольхонье.

Учитывая отсутствие в Кудинской долине более древних плиточных могил бронзового века, манхайский могильник А.П. Окладников считал свидетельством миграции забайкальских скотоводов, которая связана с хуннской экспансией с территории современной Монголии (Окладников, 1955, с. 195–196).

К сожалению, обобщающих работ А.П. Окладников по РЖВ не издал и большинство его материалов остались неопубликованными. Периодизация Прибайкалья была обрисована в общих чертах в разных книгах и статьях (Окладников, 1955, 1958, 1959).

К РЖВ в современном понимании относятся два периода, выделенных А.П. Окладниковым.

1) Период развитого бронзового века (VIII–IV вв. до н. э.), сменивший шиверское время. Эти комплексы широко представлены на ангарских островах, где были найдены бронзовые изделия: кинжалы, ножи, мечи, кельты, иглы, наконечники стрел, украшения. Своео-

бразие бронзовой культуры таежного Прибайкалья А.П. Окладников видел в уникальной форме накладок лука и наконечников стрел, а также характерной керамике с тонкими примазочными валиками (и то и другое – по материалам погребения на реке Цэпань в Северном Приангарье). Аналогичная керамика по мнению автора встречается по всей территории Прибайкалья (Окладников, 1958, с. 20; 1959, с. 84–86).

2) Период раннего железного века (III в. до н. э. – V в. н. э.). К этому времени относится захоронение в д. Белоусово (Верхняя Лена) и обнаруженные на ангарских островах поселения металлургов с большим количеством железоплавильных ям, рабочих площадок и следов производства (куски шлака и криц, каменные молоты в виде крупных галек с желобами для привязывания к рукояти, глиняные воздуходувные трубки, каменные плиты-наковальни). Основным культурным маркером выступала керамика с «растительным орнаментом», а датирующими предметами – бронзовые китайские монеты периода правления Ван Мана (начало I н. э.). Интересными находками были железные ножи и кельты, повторявшие более ранние бронзовые (Окладников, 1958; 1959).

После А.П. Окладникова долгое время крупных полевых исследований РЖВ не проводилось, а начатая им разработка хронологии остановилась.

В 1960 г. Г.А. Максименков полностью опубликовал верхне-метляевский клад. Исследователь пришел к выводу, что все его предметы относятся к одному периоду – второй стадии минусинской курганной (тагарской) культуры (по С.В. Киселеву V–III вв. до н. э.) (Максименков, 1960б, с. 17).

Г.А. Максименков разделил артефакты на три группы: 1) местные формы, не имеющие аналогов в минусинских материалах (кельты с геометрическим орнаментом, кинжал, меч, шило с шаровидной головкой, возможно чекан); 2) встречающиеся как в Приангарье, так и Минусинской котловине (ножи и шилья); 3) характерные для лесостепных районов, но возникшие под влиянием минусинских образцов (кельт с ушками в виде стилизованных птичьих голов). Исходя из этого, Г.А. Максименков пришел к выводу, что в Восточной Сибири бытовала оригинальная культура поздней эпохи бронзы, которая имела местную основу, но развивалась во взаимовлиянии с тагарской культурой. Отсутствие достаточного количества находок не позволяло подробно характеризовать культуру Восточной Сибири, однако, исследователь не сомневался, что это была самостоятельная культурная область наряду с Минусинской котловиной и Забайкальем (Максименков, 1960б, с. 26–31).

Исследования археологов Иркутского университета, развернутые в 1960–1970-е гг. в основном были направлены на изучение каменного века. Отдельные комплексы, определяемые по керамике «позднего облика» встречались на многослойных стоянках региона и датировались широкими рамками (2-е тыс. н. э, 1-е тыс. н. э. и т. д.). Исключение составляли тематические работы В.В. Свинина, однако он сконцентрировал свои исследования на побережье оз. Байкал.

Новые материалы в Южном Приангарье получены в 1980-е гг. в связи с крупным падением уровня Братского водохранилища, когда на обнажившихся берегах и островах фиксировались многочисленные разрушаемые комплексы. Организованный для их спасения Ангарский отряд КНИЭ ИОКМ под руководством В.И. Смотровой проводил работы сначала на о-ве Осинском в 1981–1982 гг., а после повышения уровня воды – в 1983–1985 гг. на южном берегу Осинского залива.

На острове обнаружены 12 разновременных погребений от неолита до бурятских трупосожжений XIX века (Уланов, Веренская и др., 2017). Два разрушенных захоронения в южной части острова отнесены к хуннскому времени. Среди разрозненных костей найдены предметы из кости, железа и бронзы. Самыми выразительными находками стали три бронзовые ажурные поясные пластины из погребения 1981 г. (Смотрова, 1991).

В 1985 г. на берегу Осинского залива на местонахождении Игетейский Лог 2 в борту пади обнаружены 4 безинвентарных захоронения и одно разрушенное погребение также с предметами хуннского облика (Уланов, Николаев, 2024, с. 104).

Открытие первых погребений хуннского времени для Южного Приангарья стало следствием случайных, а не систематических работ. В основном археологи в 1980–2000-е гг. с целью решения вопросов культурно-хронологической ситуации Предбайкалья в РЖВ

работали на побережье оз. Байкала в рамках двух районов – Приольхонья и северо-западного побережья. Многочисленные погребально-ритуальные комплексы, визуально обнаруживаемые благодаря наличию надмогильных кладок, стали источниковой базой для создания периодизации комплексов РЖВ Предбайкалья.

О.И. Горюнова выделила для Приольхонья три группы захоронений: 1) плиточных могил (VII–III вв. до н. э.), 2) елгинскую (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.), 3) бутухейскую (II в. до н. э. – I в. н. э.) (Горюнова, 1993). В последующие годы по мере исследования новых погребально-поминальных комплексов, «байкальская» схема была значительно модернизирована (Туркин, 2003; Харинский, 2005; Коростелев, 2022).

Несмотря на малочисленность могил в Южном Приангарье, эта периодизация стала автоматически распространяться и на него. Так погребения хуннского времени на о-ве Осинском О.И. Горюнова относила к бутухейской группе (Горюнова, 1993, с. 79), а А.В. Харинский – к елгинской (Харинский, 2014, с. 21).

В 1980–2000-е гг. осуществлен ряд исследований объектов РЖВ в Кудинской долине. В ходе проведения работ по паспортизации и инвентаризации памятников в 1980–1990-е гг. осматривались известные городища и были выявлены новые (Харинский, 2007, с. 205). В 1987 г. А.А. Титовым проведены небольшие раскопки городища Дарбай 1. Найденные фрагменты керамики с рассеченными налепными валиками и костяной наконечник с раздвоенным насадом, позволили датировать городище елгинским этапом РЖВ (III в. до н. э. – IV в. н. э.) (Харинский, 2018, с. 203).

Спустя 40 лет после исследований А.П. Окладникова возобновлено изучение плиточных могил на р. Куде. В 1994 г. А.В. Харинский раскопал ограбленное захоронение № 11 на могильнике Манхай 3. В 1996 г. проведены раскопки некоторых из изученных А.П. Окладниковым могил (Туркин, 2003, с. 42–48).

В 1994 г. А.В. Харинским и Г.В. Туркиным исследован могильник Урлэхэ-Хушун 1. На нем зафиксированы две плиточные могилы, одна из которых была раскопана и оказалась кенотафом (Туркин, 2003,с. 208).

В 1995 г. исследовано частично разрушенное захоронение Троицк 1, датированное первоначально эпохой поздней бронзы (Луньков, Задонин, Дзюбас, 1996).

Подводя краткий итог стоит отметить, что исследование РЖВ Южного Приангарья носило эпизодический и часто сопутствующий спасательным работам характер. Значительная часть интересных предметов найдены случайно и вырваны из археологического контекста. Результаты наиболее масштабных раскопок практически не опубликованы.

Современное состояние проблемы

На сегодняшний день продолжается накопление данных по археологии РЖВ Южного Приангарья. Очередное падение уровня в Братском водохранилище привело к обнаружению новых комплексов на островах Осинский и Муруйский. В 2016–2017 гг. на первом из них найдены остатки разрушенного захоронения и собран подъемный материал. ^{14}С-дата 2155±20 л. н. (UCIAMS-186302) и датирующие предметы указывают на интервал II в. до н. э. – I в. н. э. Эти находки стали еще одним свидетельством наличия (в дополнение к захоронениям 1981–82 гг.) на о. Осинском могильника хуннского времени, активно разрушаемого абразионной деятельностью водохранилища (Уланов, Веренская и др., 2017).

В 2017–2019 гг. на острове Муруйском В.С. Николаевым и О.Б. Варламовым исследован первый для Южного Приангарья могильник скифского времени (Николаев, Варламов, 2024).

Четыре захоронения разной степени сохранности находились под каменными овальными кладками из плит красноцветного песчаника. Погребенные находились, лежа на спине, ориентированные головой на ЮВ. Также на территории комплекса обнаружены два ритуально-поминальных комплекса в виде скоплений нижних челюстей лошади.

Поистине уникальной и многочисленной является коллекция найденных предметов. Разнообразны бронзовые изделия: крюки-карабины, спиральные кольца, зеркало, лопаточка, трубочка, втулки, удила (фрагмент), наконечники стрел, различного вида подвески и бляшки в скифо-сибирском стиле (рис. 3: 1–9). Также найдены изделия из кости и рога: накладка с изображением оленей, застежка, язычок, фрагмент рога, накладка лука, псалий (Николаев, Варламов, 2024). Серия из семи ^{14}C AMS-дат с учетом калибровки определяет

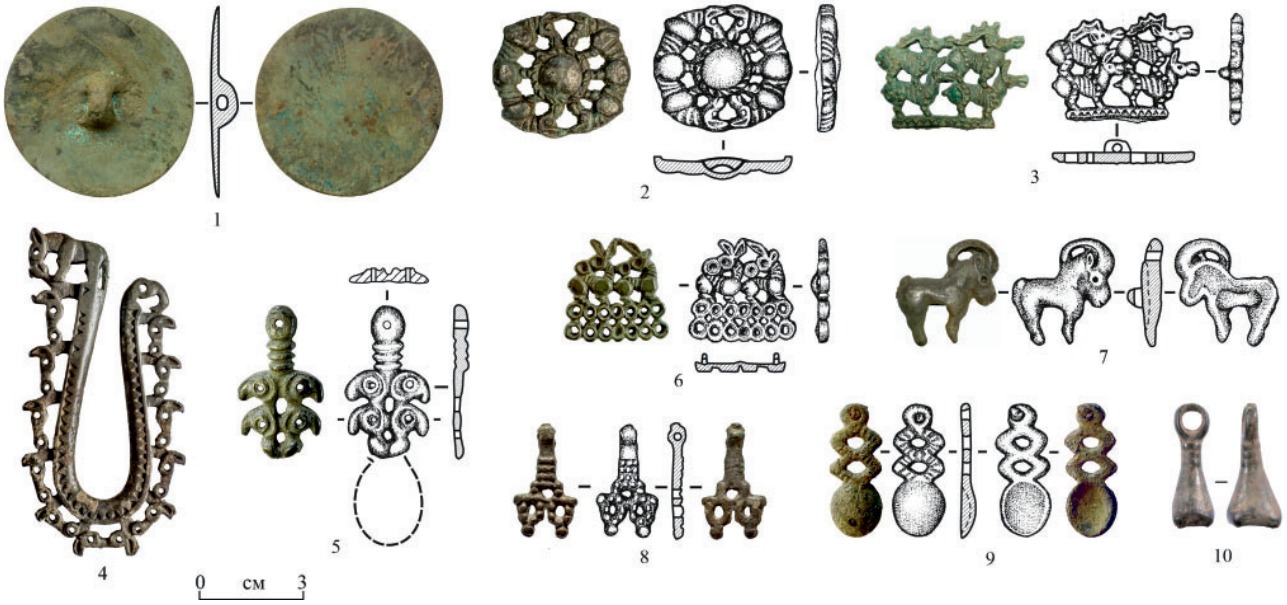


Рис. 3. Южное Приангарье. Бронзовые изделия скифского времени.
1–9 – могильник Муруйский (Николаев, Варламов, 2024, с. 52, рис. 6: 3, 4, с. 60, рис. 11: 3, 4, 7, с. 61, рис. 12: 3, 5, с. 67, рис. 16: 5, 6); 6, 10 – Гурбей (случайная находка).
Fig. 3. Southern Angara region. Bronze items of the Scythian period.
1–9 – Muruisky burial ground (Nikolaev, Varlamov, 2024, p. 52, fig. 6: 3, 4, p. 60, fig. 11: 3, 4, 7, p. 61, fig. 12: 3, 5, p. 67, fig. 16: 5, 6); 6, 10 – Gurbei (chance find).

возраст могильника VIII–V вв. до н.э. (даты пока не опубликованы).

Помимо спасательных раскопок в 2010–2020-е гг. разворачиваются тематические работы, направленные на изучение культур РЖВ.

В Кудинской долине работу по изучению стоянок и поселений железного века ведет Г.Л. Иванов. Исследуются объекты Балин 1, Капсал 6, Манхай 4 с находками керамики скифского и хунно-сяньбийского времени (Иванов, 2022; Иванов, Харинский и др. 2017; Иванов, Шергин, 2023 и др.).

В 2023–2024 гг. автором проведены археологические разведки по поиску объектов РЖВ. В 2023 г. в Унгинском заливе Братского водохранилища обнаружены два городища, идентифицированные как Барун-Туренское и Зун-Туренское. Оба памятника открыты в 1947 г. Э.Р. Рыгдылоном (1955), после чего работы на них не велись, и они не значились в списке выявленных ОАН. В шурфе на Зун-Туренском городище обнаружена керамика РЖВ с «растительным» орнаментом (рис. 6: 8–10).

В 2024 г. на окраинах г. Нижнеудинска зафиксированы два объекта – Гурбей и Лохановский Луг. Местные жители ранее находили здесь бронзовые предметы: ножи и фрагменты, два обломка кельтов, серповидное орудие и подвеску (рис. 2: 6, 10; рис. 3: 10). Кроме последнего все предметы имеют аналоги в погребениях тагарской культуры Южной Сибири.

Несмотря на ведущиеся исследования и новые открытия, стоит констатировать, что степень изученности РЖВ в Южном Приангарье остается низкой. Имеющихся данных пока недостаточно для создания адекватной локальной культурно-хронологической схемы.

Тем не менее выделяется определенная региональная специфика и намечаются перспективы исследований. Рассмотрим основные проблемы РЖВ по хронологическим блокам.

1. Переход от поздней бронзы к раннему железному веку и скифское время (XI–III в. до н. э.)[2]. *Погребальные комплексы.* При определении культурной принадлежности захоронений исследователи пользуются упомянутой выше «байкальской» периодизацией. Согласно ее последней версии в обозначенный период в Предбайкалье бытовали две погребальные традиции: культуры плиточных могил (XI–III вв. до н.э.) и бутухейская (XIV–I вв. до н.э.). Считается, что бутухейцы – это представители местного населения, а плиточники

Рис. 4. Южное Приангарье. Находки хунно-сяньбийского времени. 1, 3–6, 8–10, 13–15, 17, 18, 20–26 – могильник Остров Осинский; 2 – левый берег р. Куйты (случайная находка); 7, 11, 12, 27, 28 – погребение Игетейский Лог 2; 16 – Вознесенский (случайная находка). 2 – 5, 11–15, 17–28 – (по: Уланов, Николаев, 2024, с.102, рис. 2: 9, 11–13, 15, 16, 25, с. 103, рис. 3: 2, 6, с. 104, рис. 4, 2, 3, 4, 7, 8, с. 105, рис. 5: 1–3, 5, с. 110, рис. 8: 4); 8, 16 – (по Коростелев, 2022, С. 401, рис. 149: 1; 402, рис. 150: 2).

Fig. 4. Southern Angara region. Finds from the Xiongnu-Xianbei period. 1, 3–6, 8–10, 13–15, 17, 18, 20–26 – Ostrov Osinsky burial ground; 2 – left bank of the Kuyty River (chance find); 7, 11, 12, 27, 28 – Igeteisky Log 2 burial; 16 – Voznesensky (chance find). 2–5, 11–15, 17–28 – (according to: Ulanov, Nikolaev, 2024, p. 102, fig. 2: 9, 11–13, 15, 16, 25, p. 103, fig. 3: 2, 6, p. 104, fig. 4, 2, 3, 4, 7, 8, p. 105, fig. 5: 1–3, 5, p. 110, fig. 8: 4); 8, 16 – (according to Korostelev, 2022, p. 401, fig. 149: 1; 402, fig. 150: 2).

– пришлого из Забайкалья и Монголии (Коростелев, 2022).

Захоронения Южного Приангарья формально хорошо делятся территориально в соответствии с этими традициями.

Плиточные могилы зафиксированы только в Кудинской долине. Это 14 погребений с могильника Манхай 3 и два комплекса с Урлэхэ-Хушун 1. ^{14}C-даты из могилы № 11 Манхая 3, полученные в разных лабораториях – 2640±110 (ГИН-7631) и 2080±32 (Ua-49654), в калиброванном виде демонстрируют разброс XI в. до н. э. – I в. н. э., но в целом близки интервалу, принятому в Предбайкалье для бытования этой группы захоронений – XI–III вв. до н.э. (Иванов, 2022, с. 176).

К бутухейскому типу, опираясь на особенности погребального обряда (сплошная

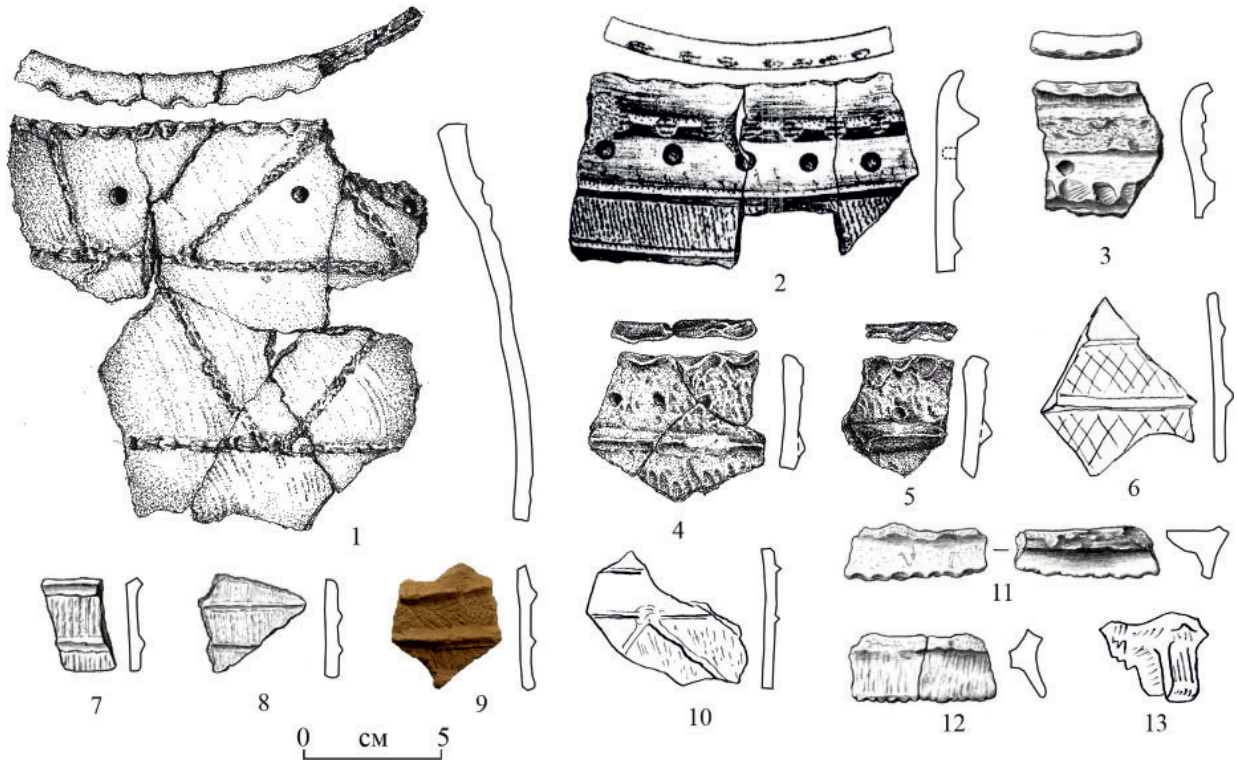


Рис. 5. Южное Приангарье. Керамика скифского времени. Тышкинейский (сеногдинский) тип. 1, 4, 5 – Капсал 6; 2, 3, 7, 8, 11, 12 – Усть-Белая (2 – Бердникова, 2001, рис. 66; 3, 7, 8, 11, 12 – Уланов, Бердников, 2015, с. 59, рис. 8); 6, 10 – Остров Сосновый; 9 – Приют Сукачева (Бердников, Бердникова и др., 2019, с. 10, рис. 3: 4); 13 – Остров Кочерга.

Fig. 5. Southern Angara region. Ceramics of the Scythian period. Tyshkine (Senogda) type. 1, 4, 5 – Capsal 6 (Ivanov, Shergin, 2023, p. 98, fig. 2: 5, 6, p. 99, fig. 3: 3); 2, 3, 7, 8, 11, 12 – Ust-Belaya (2 – Berdnikova, 2001, fig. 66; 3, 7, 8, 11, 12 – Ulanov, Berdnikov, 2015, p. 59, fig. 8); 6, 10 – Ostrov Sosnovy; 9 – Priyut Sukacheva (Berdnikov, Berdnikova et al., 2019, p. 10, fig. 3: 4); 13 – Ostrov Kocherga.

каменная овальная надмогильная конструкция; размещение умерших в могильной яме в вытянутом положении на спине головой на ЮВ), исследователи относят разрушенное захоронение Троицк 1 (Коростелев, 2022, с. 103) и недавно открытый могильник Муруйский (Николаев, Варламов, 2024).

Как справедливо заметили В.С. Николаев и О.Б. Варламов, термин «бутухейская погребальная традиция» – весьма расплывчатый и обширный, существующий в силу невозможности выделения культуры (Николаев, Варламов, 2024, с. 69–70). Об этом же свидетельствует разница между захоронениями. Погребения с Муруйского могильника демонстрируют богатую развитую скотоводческую культуру скифского времени с большим количеством бронзовых изделий, в то время как захоронение у с. Троицк в сравнении с ними «бедное». Сопроводительный инвентарь, состоящий из одного бронзового ножа, набора каменных изделий и костей соболя указывает на палеометаллический облик таежного обитателя (Луньков, Задонин, Дзюбас, 1996).

Стояночные и поселенческие комплексы. О принадлежности их к скифскому времени указывают находки керамики и бронзовых изделий.

Проблема типологии керамики для РЖВ в Прибайкалье еще не решена. По сравнению с неолитом и ранним бронзовым веком, декор становится более разнообразным, многие группы керамики еще не отнесены к типам (см. напр. Уланов, Бердников, 2015).

Для скифского времени О.И. Горюнова выделила тышкинейский (сеногдинский) тип (ранее на его своеобразие обратил внимание В.В. Свинин). К нему относятся емкости как правило закрытой формы с уплощенным дном или с округлым на поддоне, с выраженной шейкой и отогнутым венчиком. Сосуды покрыты оттисками шнура и налепными валиками. В зоне венчика они толстые, рассеченные насечками, а в зоне тулова – тонкие

(Кичигин, 2010). Тышкинейская керамика в Южном Приангарье (рис. 5) фиксируется как правило на стоянках и поселениях в горизонтах со смешанными культурными остатками: Сосновый, Лесной, Варакина, Коноваловский, Кочерга, Патроны, Усть-Белая, Приют Сукачева, Капсал 6 (Окладников, 1958; Уланов, Бердников, 2015, с. 58–59; Бердников, Бердникова и др., 2019, с. 9; Бердникова, 2001, рис. 66: 2; Иванов, 2022, с. 177).

Своеобразие бронзовых изделий. Еще со времен первых описаний верхне-метляевского клада исследователи отмечали, что в материалах Южного Приангарья есть как типично тагарские предметы (кольчатые ножи, чеканы и т.д.), так и предметы с местной спецификой, не имеющие аналогов в Южной Сибири (кельты с геометрическим орнаментом, мечи и т.д.).

Изделия первого вида периодически попадаются в виде случайных находок и при раскопках (рис. 2: 2, 3, 6–8, 10; рис. 3: 1). Традиционно факт их наличия рассматривается как влияние степных регионов (Минусинская котловина и Забайкалье).

Кельты без ушек с геометрическим орнаментом из верхне-метляевского клада (рис. 2: 4, 5, 9), а также из раскопок ангарских островов широко встречаются в таежной зоне Восточной Сибири (Средний Енисей, Северное Приангарье, Якутия), и в литературе обозначаются кельтами красноярско-ангарского типа (Максименков, 1960а).

Эти кельты, меч из верхне-метляевского клада (рис. 2: 1) и некоторые ножи условно относят к местным формам. Как отмечалось выше, крюки-карабины, часть бляшек с изображением копытных и некоторые подвески из могильника Муруйский (рис. 3: 2–8) также не имеют аналогов на сопредельных территориях, несмотря на явно скифо-сибирские мотивы.

В совокупности верхне-метляевский клад и могильник Муруйский (расположенные в 40 км друг от друга, см. рис. 1) указывают на существование в Южном Приангарье оригинальной культуры скифского времени, соединяющей элементы скифского мира Центральной Азии и местные черты. Судя по материалам Муруйского, носители этой культуры были кочевниками-скотоводами. В целом, эти факты подтверждают предположение Г.А. Максименко о своеобразной культуре скифского времени в Прибайкалье, имевшей влияние со стороны Минусинской котловины. Однако для серьезных выводов материалов еще недостаточно.

2. Хунно-сяньбийское время (II в. до н. э. – IV в. н. э.). *Погребальные комплексы*. Все известные захоронения данного периода сконцентрированы в Унгинско-Осинском расширении. Это разрушенные могилы II вв. до н. э. – I вв. н. э. (три на острове Осинском и одна на Игетейском Логу 2) с погребальным инвентарем хуннского времени (рис. 4: 1, 3–15, 17–28). Об ориентировке и положении костяков невозможно судить вследствие разрушения захоронений. Кладки отсутствуют. Несмотря на это А.В. Харинский и А.М. Коростелев относят их к елгинскому типу (Харинский, 2014; Коростелев, 2022).

Стояночные и поселенческие комплексы хуннского времени маркируются керамикой (в захоронениях Южного Приангарья не встречена) (рис. 6).

Первый тип глиняной посуды, отнесенный к РЖВ еще А.П. Окладниковым (согласно А.В. Харинскому – сосновоостровский) – с «растительным» орнаментом и рассеченными налепными валиками (рис. 6: 5–10) массово встречался на ангарских островах и Патронах. Также эта керамика найдена на стоянках Усть-Белая, Манхай 4 (Харинский, 2005, с. 205, рис. 6 – 5; с. 208), поселении Усть-Талькин, городищах Улан-Бор (Коростелев, 2022, с. 24) и Зун-Туренское. Возраст на основании четырех ^{14}С-дат с разных объектов Предбайкалья, А. В. Харинским определен концом I тыс. до н. э. – началом I тыс. н. э. (Харинский, 2005, с. 208).

Второй тип керамики – елгинский. К нему относятся гладкостенные сосуды закрытой формы с профилировкой верхней части и прямым, иногда отогнутым венчиком. Декор представлен одним или двумя горизонтальными валиками, рассеченными поперечными вдавлениями или насечками (рис. 6: 1, 2). Один валик располагается по краю венчика, второй – ниже. В пространстве между валиками часто нанесен поясок округлых ямок. Фрагменты этой керамики встречается в елгинских погребально-поминальных комплексах Приольхонья. В Южном Приангарье ее находки отмечены на ангарских островах (Сосновый, Лесной, Варакинский, Коноваловский), на стоянках Усть-Белая, Падь Шелот, Братский Камень.

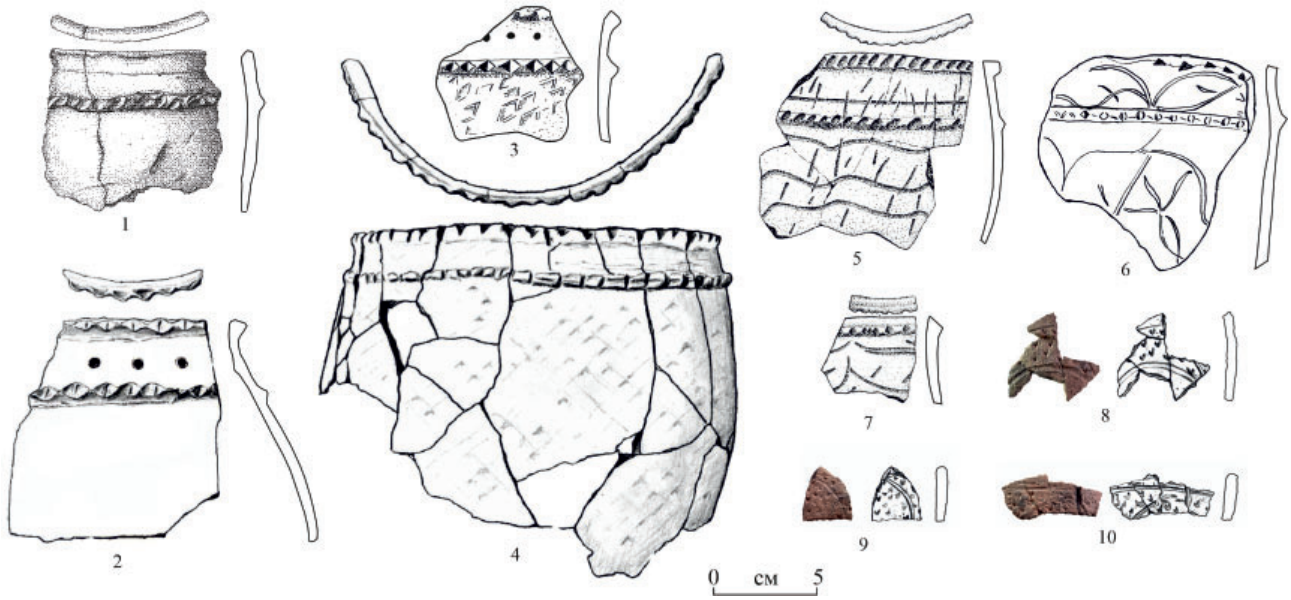


Рис. 6. Южное Приангарье. Керамика хунно-сяньбийского времени. 1 – Манхай 4; 2, 4 – Усть-Белая (Уланов, Бердников, 2015, с. 61, рис. 10: 3, 4); 3 – Остров Варакина; 5 – Остров Лесной (Харинский, 2005, с. 209, рис. 6: 1); 6 – Остров Кочерга; 7 – Усть-Белая (Харинский, 2005, с. 209, рис. 6: 5); 8–10 – Зун-Туренское городище.
Fig. 6. Southern Angara region. Xiongnu-Xianbei period ceramics. 1 – Mankhai 4; 2, 4 – Ust-Belaya (Ulanov, Berdnikov, 2015, p. 61, fig. 10: 3, 4); 3 – Ostrov Varakina; 5 – Ostrov Lesnoi (Kharinsky, 2005, p. 209, fig. 6: 1); 6 – Ostrov Kocherga; 7 – Ust-Belaya (Kharinsky, 2005, p. 209, fig. 6: 5); 8–10 – Zun-Turenskoy hillfort

Третий тип – борисовский. По морфологии и орнаменту аналогичен елгинскому. Выделен А.В. Харинским по местонахождению Борисовская Падь (Южный Байкал). Главное отличие этой керамики от предыдущей – наличие «вафельного» технического декора, полученного от выбивки стенок резной ячеистой колотушкой.

В Южном Приангарье почти целый сосуд, относящийся к этому типу, найден на Усть-Белой. Также довольно крупные фрагменты найдены на острове Варакина (рис. 6: 3, 4). Отдельные фрагменты с вафельными оттисками найдены на островах Сосновый и Лесной.

Все три группы керамики А.В. Харинский считает типами внутри одной керамической традиции – елгинской (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н. э.) И если отнесение последних двух, отличающихся только наличием вафельного декора и встречающихся в елгинских захоронениях, к одной группе вопросов не вызывает, то относительно сосново-островской керамики остается неясность. Во-первых, в захоронениях елгинского типа она не встречается, а во-вторых с елгинской ее роднит только наличие рассеченных налепных валиков и близкий возраст. Нет исчерпывающих данных о технологических традициях елгинской и сосновоостровских групп. Целых сосудов также очень мало, что не позволяет полностью судить об их морфологии.

В целом для всего РЖВ Южного Приангарья характерна слабая изученность, отсутствие четкой корреляции между керамикой стоянок/поселений и погребальными комплексами, а также определенная региональная специфика, отличающая регион от сопредельных.

Перспективы (вместо заключения)

Анализ имеющихся данных по РЖВ Южного Приангарья позволяет наметить перспективные направления и территории для проведения дальнейших исследований.

Поскольку обнаружение погребений было связано с падением уровня Братского водохранилища, необходимо при следующем понижении проводить мониторинг размываемых берегов и островов на предмет разрушаемых объектов.

Поиск погребений затруднен отсутствием или редкостью видимых надмогильных сооружений. Кладки зафиксированы только в двух случаях (могильник Муруйский и Троицк 1), но обнаружены случайно при угрозе разрушения. Необходимо проанализировать закономерности расположения синхронных могильников на сопредельных

территориях и попытаться обнаружить погребальные комплексы в аналогичных ситуациях в Южном Приангарье.

При исследовании стоянок и поселений основной категорией находок для определения культурной и хронологической принадлежности является керамика, но она пока что недостаточно изучена. Для каждого из известных типов полностью не установлены ареал, хронология и технология изготовления. Большое количество разнообразной керамики с налепными валиками, различными наколами, прочерченными линиями, ногтевыми вдавлениями и пальцевыми защипами с поселений и стоянок Южного Приангарья (ангарские острова, Усть-Белая) не отнесены к каким-либо группам и типам. Продолжение работы по классификации, типологии и датированию массива необработанной керамики приведет к появлению новых типов и групп керамики РЖВ или потребуют уточнения уже имеющихся.

Соответственно в будущем необходимо попытаться создать периодизацию по керамике и соотнести результаты исследований поселенческих и погребальных комплексов.

Городища в массе своей остаются неизученными. Находки растительной керамики на Улан-Боре, Зун-Туренском и характерного наконечника стрелы на Дарбае позволяют предполагать, что некоторые из объектов этого типа возводились в РЖВ. Для решения этой проблемы необходимо проводить разведочные работы на городищах, а там, где найдены артефакты РЖВ – раскопки.

Перспективными районами являются по-прежнему степные территории Осинско-Унгинского расширения и Кудинской долины. Однако необходимо изучать и другие районы Южного Приангарья, поскольку часть из них не изучена полностью, а часть уже дала интересные комплексы и находки, как например Нижнеудинский район или верховье р. Ангары.

Результаты обзора свидетельствует о наличии интересных комплексов и о широких перспективах решения обозначенных проблем РЖВ в Южном Приангарье. При проведении планомерных и тематических исследований безусловно будут найдены новые объекты, доизучены известные, а полученные данные помогут пролить свет на культурно-исторические процессы, протекавшие в Южном Приангарье в эпоху раннего железа.

Примечания:

[1] Здесь и далее ангарскими островами названы острова, расположенные от истока р. Ангары из оз. Байкал до с. Патроны – Сосновый, Лесной, Малый Сизовский, Коноваловский, Варакина, Кочерга. Ныне они затоплены Иркутским водохранилищем.

[2] Указанные диапазоны имеют условный и предварительный характер, основанные на имеющихся данных

ЛИТЕРАТУРА

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Уланов И.В., Крутикова К.А., Абрашина М.Е., Золотарёв Д.П., Абдулов Т.А. Новые данные по мезолиту Южного Приангарья (по материалам местонахождения Приют Сукачева 2) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2019. Т. 29. С. 3–24.

Бердникова Н.Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья: Путеводитель международного симпозиума «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». Т. 2 / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: Иркут. гос. ун-та, 2001. С. 113–146.

Горюнова О.И. Ранний железный век на территории Предбайкалья (современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика / Отв. ред. Ю.Б. Рандалов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1993. С. 76–80.

Иванов Г.Л. Кудинская долина (Предбайкалье) в скифскую эпоху: обзор источников и дальнейшие перспективы исследований // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 176–178.

Иванов Г.Л., Харинский А.В., Лозей Р.Д., Номоконова Т.Ю., Клементьев А.М. Балин I – стоянка железного века в долине реки Куды // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 2 (23). С. 44–69.

Иванов Г.Л., Шергин Д.Л. Предварительный анализ материалов стоянки Капсал VI – памятника эпохи поздней бронзы – раннего железного века Кудинской долины (по итогам полевых археологических работ 2022 г.) // Древние культуры Монголии, Байкальской и Южной Сибири и Северного Китая

/ Отв. ред. Д.Н. Лохов, Е.А. Липнина. Иркутск: Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 97–101.

Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 154–192.

Константинов Г.М. Археологические находки близ деревни Верхнее-Метляево // Изв. ВСОРГО, 1928. Т. 53. С.141–146.

Коростелев А.М. Бутухейские и елгинские погребально-поминальные комплексы Предбайкалья V в. до н. э. – IV в. н. э. Дисс. … канд. ист. наук. Барнаул, 2022. 413 с.

Луньков А.В., Задонин О.В., Дзюбас С.А. Троицкое захоронение эпохи развитой бронзы // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXXVI РАСК. Ч.2 / Ред. Н. Е. Бердникова и др. Иркутск: Иркут. ун-т, 1996. С. 49–52.

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960а. № 1. С. 148–162.

Максименков Г.А. Верхне-метляевский клад. Иркутск: Иркут. книжное изд-во, 1960б. 43 с.

Николаев В.С., Варламов О.Б. Могильник раннескифского времени Муруйский: общая характеристика комплексов // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2024. Т. 48. С. 46–72.

Окладников А.П. История Якутии. Т. 1: Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосиздат, 1949. 436 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР: Якутия до присоединения к русскому государству. М.; Л.: АН СССР, 1955. 432 с.

Окладников А.П. Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) // Записки Иркутского областного краеведческого музея / Ред. К.В. Чуйко. Иркутск: Иркут. книжное изд-во, 1958. С. 17–28.

Окладников А.П. Шишкинские писаницы – памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркут. книж. изд-во, 1959. 210 с.

Петри Б.Э. Далекое прошлое Прибайкалья. Иркутск, 1928. 73 с.

Рыгдылон Э.Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // СА. Т. XXII / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский, Д.Б. Шелов. М.: АН СССР, 1955. С. 177–189.

Смотрова В.И. Погребения с ажурными пластинами на острове Осинском // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири / Отв. ред. Г.И. Медведев. Иркутск: ИГУ, 1991. С. 136–143.

Сосновский Г.П. К археологии Ангарского края // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1. С.121–139.

Сосновский Г.П. Заметки по археологии Прибайкалья (из отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской области, летом 1921 г.) // Известия ВСОРГО. 1926. Т.51. С.145–149.

Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н.э. (по материалам погребально-поминальных комплексов). Дисс. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 333 с.

Уланов И.В., Бердников И.М. Керамические комплексы Усть-Белой: систематизация, хронометрия, хронология // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2015. Т. 12. С. 47–80.

Уланов И.В., Николаев В.С. Погребения хуннского времени лесостепного Предбайкалья // Археологические вести. 2024. Вып. 43. С. 100–115.

Уланов И.В., Веренская А.В., Иванов Г.Л., Никулина Е.Д., Тарановский А.Ю. Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 22. С. 124–149.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Харинский А.В. Капсальские «городища» // Известия Лаборатории древних технологий. 2007. Вып. 5. С. 200–217.

Харинский А.В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 3 (12). С. 19–43.

Харинский А.В. Верхнекудинские городища-святилища // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. Т. 1 / Отв.ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. С. 200–205.

Информация об авторах:

Уланов Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия); ussr-ilya@yandex.ru

Уланова Александра Владимировна, хранитель фондов, Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия); verensk1987@gmail.com

Иванов Григорий Леонидович заведующий сектором научно-фондового отдела, Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, (г. Иркутск, Россия); ivanov85@mail.ru

REFERENCES

Berdnikov, I. M., Berdnikova, N. E., Ulanov, I. V., Krutikova, K. A., Abrashina, M.E., Zolotarev, D.P., Abdulov, T.A. 2019. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 29, 3–24 (in Russian).

Berdnikova, N. E. 2001. In Medvedev, G. I. (ed.). *Kamennyi vek Iuzhnogo Priangaria: Putevoditel mezhdunarodnogo simpoziuma «Sovremennye problemy paleolitovedeniia Evrazii» (The Stone Age of the Southern Angara region: A guide to the International symposium "Current issues of Paleolithic studies of Eurasia")* 2. Irkutsk: Irkutsk State University, 113–146 (in Russian).

Goryunova, O. I. 1993. In Randalov, Yu. B. (ed.). *Etnosotsial'nye obshchnosti v regione Vostochnoi Sibiri i ikh sotsial'no-kul'turnaya dinamika (Ethnic-social communities in the region of Eastern Siberia and their social and cultural dynamics)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 76–80 (in Russian).

Ivanov, G. L. 2022. In Molodin, V. I. (ed.). *Izuchenie drevnei istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii: ot istokov k sovremennosti (Ancient history of Northern and Central Asia: From the genesis to the present)*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 176–178 (in Russian).

Ivanov, G. L., Kharinskii, A. V., Lozei, R. D., Nomokonova, T. Yu., Klement'ev, A. M. 2017. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 23 (2), 44–69 (in Russian).

Ivanov, G. L., Shergin, D. L. 2023. In Lokhov, D. N., Lipnina, E. A. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baykal'skoy i Yuzhnoy Sibiri i Severnogo Kitaya: Materialy XII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (25–30 sentyabrya 2023 goda, g. Irkutsk) (Ancient cultures of Mongolia, Baikal and Southern Siberia and Northern China: Proceedings of the XII International scientific conference (September 25-30, 2023, Irkutsk))*. Irkutsk: V.B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 97–101 (in Russian).

Kichigin, D. E. 2010. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 8, 154–192 (in Russian).

Konstantinov, G. M. 1928. In *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of Siberian Departament of the Russian Geographic Society)* 53, 141–146 (in Russian).

Korostelev, A. M. 2022. *Butukheiskie i elginskie pogrebal'no-pominal'nye kompleksy Predbaikal'ya V v. do n. e. – IV v. n. e. (Butukhei and Elga burial and memorial complexes of the Cis-Baikal region of the 5th century BC – 4th century AD)*. Diss. of the Candidate of Historical Sciences. Barnaul (in Russian).

Lun'kov, A.V., Zadonin, O.V., Dzyubas, S.A. 1996 In *Arkheologiya, paleoekologiya i etnologiya Sibiri i Dal'nego Vostoka (Archaeology, paleoecology and ethnology of Siberia and the Far East)* Part 2. Irkutsk: Irkutsk State University, 49–52 (in Russian).

Maksimenkov, G. A. 1960. In *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 148–162 (in Russian).

Maksimenkov, G. A. 1960. *Verkhne-metlyaevskii klad (Hoard from Verkhne-Metlyaevo)*. Irkutsk: "Irkut. knizhnoe izd-vo" Publ. (in Russian).

Nikolaev, V.S., Varlamov, O.B. 2024. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) 48, 46–72 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1949. In Bakhrushin, S.V. (ed.) *Istoriya Yakutii (History of Yakutia)* 1. Yakutsk: "Yakutgosizdat" Publ. (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1955. *Istoriya Yakutskoi ASSR: Yakutiya do prisoedineniya k russkomu gosudarstvu (History of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic: Yakutia before joining the Russian state)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1958. In Chuiko, K. V. (ed.). *Zapiski Irkutskogo kraevedcheskogo muzeya (Transactions of the Irkutsk Museum of Local History)*. Irkutsk: Irkutsk book publishing house, 17–28 (in Russian).

Okladnikov, A. P. 1959. *Shishkinskie pisanitsy – pamyatnik drevnei kul'tury Pribaikal'ya (Shishkino petroglyphs – a site of the ancient culture of the Baikal region)*. Irkutsk: "Irkut. knizh. izd-vo" Publ. (in Russian).

Petri, B. E. 1928. *Dalekoe proshloe Pribaykal'ya (The deep past of the Baikal region)*. Irkutsk (in Russian).

Rygdylon, E. R. 1955. In Piotrovskii, B. B., Shelov, D. B. (eds.). *Sovetskaya Arkheologiya (Soviet Archaeology)* XXII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 177–189 (in Russian).

Smotrova, V. I. 1991. In Medvedev, G. I. (ed.). *Paleoetnologicheskie issledovaniya na yuge Srednei Sibiri (Paleoethnological studies in the South of Central Siberia)*. Irkutsk: Irkutsk State University, 136–143 (in Russian).

Sosnovskiy, G.P. 1923. In *Sibirskaya zhivaya starina (Siberian living antiquity)* 1, 121–139 (in Russian).

Sosnovskiy, G. P. 1926. In *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of Siberian Departament of the Russian Geographic Society)* Vol. 51, 145–149 (in Russian).

Turkin, G. V. 2003. *Lesostepnoe Predbaykal'e v kon. II – I tys. do n.e. (po materialam pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov) (Forest-steppe Cis-Baikal region in the late 2nd – 1st millennia BC (based on materials from burial and memorial complexes))* Diss. of the of Candidate of Historical Sciences. Vladivostok (in Russian).

Ulanov, I. V., Berdnikov, I. M. 2015. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) Vol. 12, 47–80 (in Russian).

Ulanov, I. V., Nikolaev, V. S. 2024. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 43, 100–115 (in Russian).

Ulanov, I. V., Verenskaya, A. V., Ivanov, G. L., Nikulina, E. D., Taranovskii, A. Yu. 2017. In *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Proceedings of Irkutsk State University*). Series: «Geoarkheologiia. Etnologiia. Antropologiia (Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology) Vol. 22, 124–149 (in Russian).

Kharinskii, A. V. 2005. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 3, 198–215 (in Russian).

Kharinskii, A. V. 2007. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 5, 200–217 (in Russian).

Kharinskii, A. V. 2014. In *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy: (Journal of Ancient Technology Laboratory)* 12 (3), 19–43 (in Russian).

Kharinskii, A. V. 2018. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Drevnie kul'tury Mongolii, Baikalskoy Sibiri i Severnogo Kitaia (Ancient cultures of Mongolia, Baikalian Siberia and Northern China)* 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 200–205 (in Russian).

About the Authors:

Ulanov Ilya V. Candidate of Historical Sciences, Irkutsk State University. Karl Marx St., 1, Irkutsk, 664003, Irkutsk region, Russian Federation; ussr-ilya@yandex.ru

Ulanova Alexandra V. Irkutsk State University. Karl Marx St., 1, Irkutsk, 664003, Irkutsk region, Russian Federation; verensk1987@gmail.com

Ivanov Grigorii L. N.N. Muravyov-Amursky Irkutsk Regional Museum of Local History. Karl Marx St., 13, Irkutsk, 664003, Irkutsk Region, Russian Federation; ivanov85@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2025 г.
Статья принята к публикации 24.06.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/903 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.297.302

НОВОВАВИЛОНСКАЯ ПЕЧАТЬ В КОНТЕКСТЕ МОГИЛЬНИК САРМАТСКОЙ ЭПОХИ У СТАНИЦЫ ТБИЛИССКОЙ

©2026 г. М.Г. Бодрова

В статье рассматривается нововавилонская печать, найденная в составе инвентаря сарматского погребения кургана № 3 у станицы Тбилисской (Прикубанье). Несмотря на то, что само погребение датируется концом I – началом II века н. э., иконография и техника исполнения печати указывают на её происхождение из нововавилонского культурного круга VI–V вв. до н.э. На печати представлен человек в позе поклонения перед символами божеств Мардука и Набу. Изображение выполнено в стиле «cut-and-drilled» и сопровождается клинописной надписью, схожей с теми, которые известны на оттисках из Административного архива Персеполя. Автор прослеживает возможную «культурную биографию» печати: её функционирование в вавилонскую, ахеменидскую и сарматскую эпохи, а также предполагает, что изображение на печати в последний период ее бытования могло осознаваться в качестве ритуальной сцены. Основанием для этого предположения служит контекст печати среди погребального инвентаря курганов у станицы Тбилисской. В трех комплексах могильника обнаружены железные треножники с зооморфными навершиями, интерпретируемые автором как алтари, связанные с культом огня. Таким образом, печать рассматривается не как случайная диковинная вещь, а как предмет, сохраняющий важное значение на протяжении веков в различных культурах.

Ключевые слова: археология, сарматская эпоха, Прикубанье, нововавилонская печать, ритуальная практика, межкультурные контакты

NEO-BABYLONIAN SEAL IN THE CONTEXT OF A SARMATIAN PERIOD BARROW FIELD NEARBY THE VILLAGE OF TBILISSKAYA

M.G. Bodrova

The article examines a Neo-Babylonian seal discovered among the grave goods of a Sarmatian burial in the barrow No. 3 nearby the village of Tbilisskaya (Kuban region). Although the burial itself dates to the late 1st – early 2nd century BC, the seal iconography and carving technique indicate its origin in the Neo-Babylonian cultural sphere of the 6th–5th centuries BC. The seal depicts a human figure in a gesture of worship before the symbols of the gods Marduk and Nabu. It is made in the "cut-and-drilled" style and bears a cuneiform inscription similar to those found on the prints from the Persepolis Administrative Archive. The author traces the seal's possible "cultural biography": its use during the Babylonian, Achaemenid, and Sarmatian periods, and suggests that in the final stage of its existence, the image on the seal may have been perceived as a ritual scene. This hypothesis is supported by the seal's context among the funeral set of the barrows nearby the village of Tbilisskaya. Three complexes of burial grounds contained iron tripods with zoomorphic tops, which the author interprets as altars associated with fire worship. Thus, the seal is viewed not as a random curiosity, but as an object that retained significant meaning over the centuries across different cultures.

Keywords: archaeology, Sarmatian period, Kuban region, Neo-Babylonian seal, ritual practice, intercultural contacts

В погребальных памятниках сарматской эпохи Прикубанья время от времени встречаются находки, происхождение и датировка которых существенно выходят за рамки ожидаемого археологического контекста. Такие предметы в древности в силу разных причин, пережив несколько столетий, оказались вдали от своей родины. Одной из подобных находок является необычная печать, обнаруженная в кургане № 3 у станицы Тбилисской в 1978 г. Несмотря на то, что погребение, в составе инвентаря которого она была найдена, датируется концом I – началом II века нашей эры (Ждановский, 1984, с. 78), сама печать, судя по стилистике и иконографии, восходит к значительно более раннему времени.

Печать изготовлена из коричневого кварца и имеет октагонально-пирамидальную форму с отверстием для подвешивания (рис. 1, 2). Клише изделия содержит изображение человеческой фигуры с воздетыми вверх руками перед стилизованной композицией неких

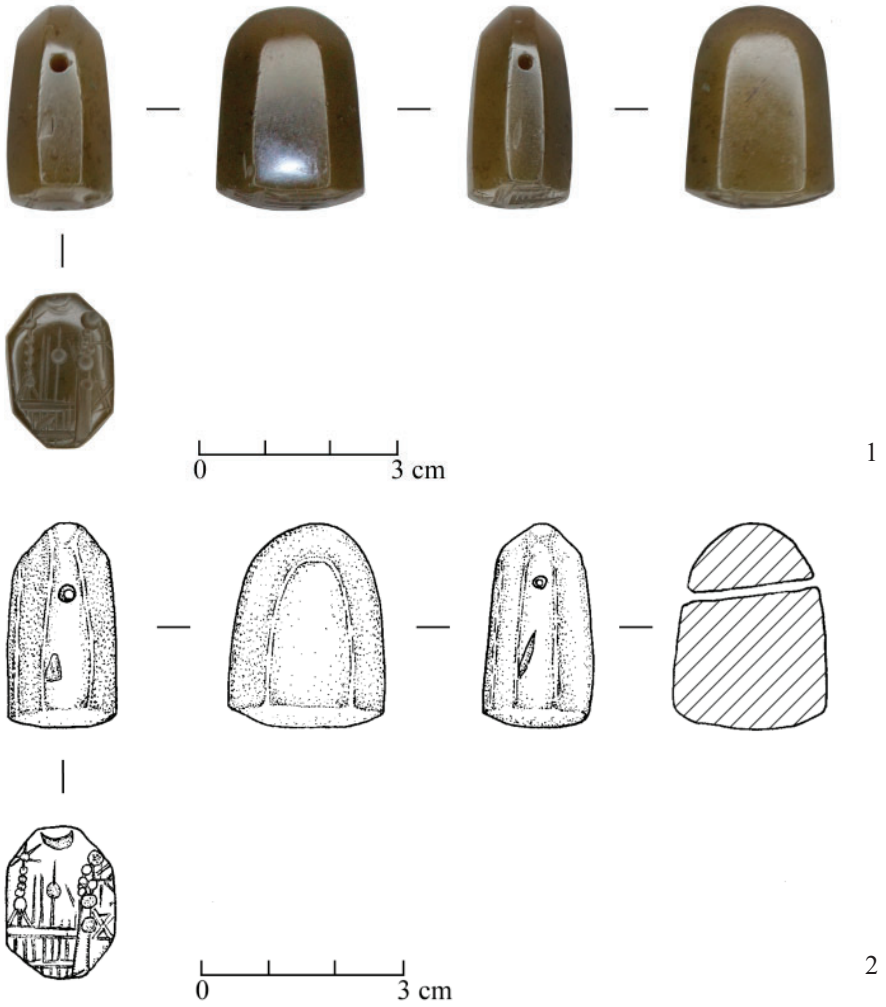


Рис. 1, 2 Печать из кургана № 3 у станицы Тбилисской (фотографии и рисунок выполнены Жадаевой А.)
Fig. 1, 2 Seal from barrow No. 3 nearby the village of Tbilisskaya (photos and drawing were made by A. Zhadaeva)

объектов. Впервые печать была упомянута автором раскопок – А.М. Ждановским при публикации материалов катакомбных комплексов курганной группы у станицы Тбилисской (Ждановский, 1984, с. 72–99). В дальнейшем находка фигурировала в каталогах различных выставок и монографиях (Шедевры…, 1987, с. 133; Gold und…, 1989, s. 142, № 160; The Treasures…, 1991, p. 53, № 23; Marčenko, Limberis, 2008, s. 353, № 64, Taf. 92, 2, Мордвинцева, Хачатурова, 2010, с. 338; Хачатурова, 2011, с. 8), оставаясь без тщательного исследования. Впервые подробную атрибуцию и иконографический анализ печати проделал М. Ю. Трейстер в статье 2019 года (Трейстер, 2019, с. 20–31).

Рассматривая ее существование до момента помещения в сарматское погребение, можно предположить, что она могла бытовать по меньшей мере в трех разных эпохах: в нововавилонской, где печать, по всей видимости, была создана и использовалась по прямому назначению; в ахеменидской, где вавилонские печати продолжали бытовать, а изображения на них, скорее всего, переосмыслялись; и, наконец, в сарматской, где она могла получить новое значение.

С первой из этих эпох – вавилонской – связана иконография, представленная на лицевой поверхности печати. Сцена трактуется как изображение человека в позе поклонения перед символами Мардука (лопата или мотыга) и Набу (стилус). Эти знаки размещены на пьедестале; над ними помещён полумесяц, интерпретируемый как знак бога Сина (Seidl, 1989, s. 97-98; 117-125). Концепция изображения человека перед неантропоморфными формами божеств появляется в VIII–VII вв. до н.э. (Ornan 1995, p. 41), но на печатях известна с VI–V вв. до н.э. (Zetler, 1979). В течение этих

периодов изображение претерпевает стилистические изменения. Уже в VII в. до н. э. наблюдается тенденция к упрощению исполнения. В нововавилонское время все чаще встречаются печати в стиле «cut-and-drilled», при котором фигуры и знаки сведены к простым геометрическим формам (Leick, 2007, p. 116). В подобной технике вырезана и печать из погребения у станицы Тбилисской: символы выполнены схематично, а фигура редуцирована до сочетания линий и точек. Лопата или по-другому «марру» Мардука представлена вариативно в виде пики и шара, что встречается на поздних печатях (Ritter, 2007, p. 1/5). Стилус Набу изображен двумя линиями (Gilibert, 2007, 1/4-2/4). Дополнительный элемент в композиции – тренога, с шестью кругами, верхний из которых снабжён расходящимися лучами — может интерпретироваться как лампа, стойка или иной культовый объект (Jakob-Rost, 1997, p. 74, № 256–257). Позади человеческой фигуры присутствуют дополнительные черточки, кажущиеся на первый взгляд случайными и не наделенными сематическим значением. Однако, согласно исследованию материалов Административного архива Персеполя, похожие метки встречаются еще на семи оттисках печатей и интерпретируются как клинописная надпись ^{AN}KASKAL (рис. 3), означающая имя некого божества (Chandler, 2021, p. 89–90). Надпись встречается исключительно на печатях. Судя по контексту, они датируются VI–V вв. до н.э. Ареал находок – Вавилон, Ниппур, Персеполь и Нимруд (Chandler, 2021, p. 89).

Сюжет, столь понятный и буквально транслирующий свой смысл через надпись и символику в вавилонской среде, продолжает бытовать и в эпоху Ахеменидов, однако его восприятие постепенно меняется. Несмотря на предполагаемую утрату понимания символики и стилистическую трансформацию, изображение сохраняет узнаваемую композицию – фигура человека, обращенная к сакральным объектам. Эта устойчивость позволяет изображению «пережить» свою культуру, оставаясь интерпретируемым вне изначального контекста. В эпоху Ахеменидов такие сцены могли восприниматься как культовое действие перед алтарём огня, сходное с зороастрийской традицией. Как отмечает М. Гаррисон, именно нововавилонский иконографический мотив мог повлиять на формирование ахеменидской визуальной системы изображения жрецов и алтарей (Garrison, 2017, p. 354–355).

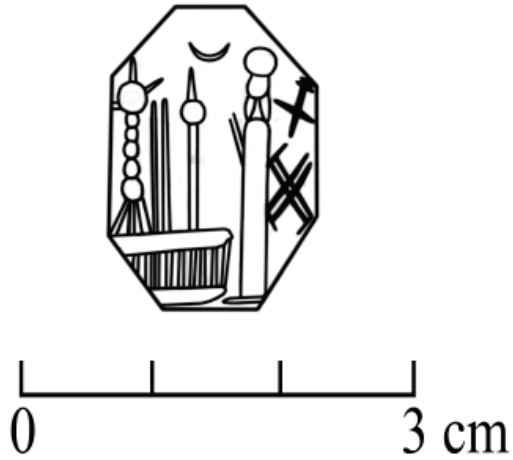


Рис. 3 Печать PFS1205*S из Административного архива Персеполя (Chandler, 2021, p.838)
Fig. 3 The seal PFS1205*S from the Persepolis Administrative Archive (Chandler, 2021, p.838)

Изображение на печати продолжает восприниматься как значимое даже тогда, когда теряется точное знание о его происхождении. Сама композиция – человек, стоящий перед алтарём или символами – остаётся понятной как сцена поклонения или ритуального действия. Узнаваемость сцены обеспечивается не отдельными деталями, а её общей структурой. Благодаря этому изображение может быть переосмыслено в разных культурах, но при этом сохранять своё ритуальное значение. Такой переход от одной традиции к другой хорошо объясняется через идею культурной биографии предмета – представлении о том, что вещь может на протяжении своей «жизни» переходить из одного контекста в другой, при этом сохраняя функциональную и символическую актуальность.

Печати с данным сюжетом распространены в ахеменидское время довольно широко. Ближайшие к Северному Предкавказью локализации – это Малая Азия (Kaptan, 2002, p. 3, DS1; Dusinberre, 2005, p. 58–59, Cat. 38, Fig.48; Yilmaz, 2015, p. 59-61, Fig. 1) и Закавказье, где похожая печать найдена в погребении IV в. до н.э. (Kacharava, Kvirkvelia, 2008, p. 293, 295, Fig. 49). Именно из Иберии, по предположению М. Ю. Трейстера, рассматриваемая находка могла попасть в погребение кочевника в Прикубанье (Трейстер, 2019, с. 25).

Бытование в сарматскую эпоху стало последним этапом использования печати до ее

археологизации. Захоронение, в котором была обнаружена находка, входит в состав курганной группы к западу от станицы Тбилисской в Прикубанье. Первые насыпи могильника были раскопаны Н.И. Веселовским в начале XX века, остальные исследовались А. М. Ждановским в 1970-е гг. (Ждановский, 1984, с. 72–99). Их объединяет схожесть погребального обряда – основные катакомбные захоронения, расположенные по центру[1] насыпи (Ждановский, 1984, с. 72–99). Эти признаки позволяют рассматривать курганы как единый памятник, характеризующийся устойчивым ритуалом и определённым набором инвентаря.

Несмотря на то, что большинство курганов были ограблены в древности, уцелевший инвентарь демонстрирует общие черты: в половине погребений обнаружены предметы вооружения, элементы доспехов, в некотором количестве катакомб обнаружены кости лошадей. По наблюдению С.А. Яценко, данная группа погребений, при отсутствии «по-настоящему массивных золотых изделий»[2], характеризуется высоким уровнем экипировки и разнообразием оружия, что позволяет интерпретировать её как погребения членов профессиональной дружины (Яценко, 2014, с. 257–258).

Наряду с вооружением, в ряде погребений присутствуют и предметы ритуального назначения: три железных треножника с зооморфными навершиями (рис. 4), а также две лепные курильницы (Ждановский, 1984, с. 72–99). Треножники, считающиеся эволюционным развитием жезлов с зооморфными композициями, характерных для комплексов зубовско-воздвиженской группы памятников (II в. до н.э. – I в. н.э.) Кубанского региона встречаются в могильниках так называемого Золотого кладбища (втор. пол. I – III вв. н.э.). Вопрос их назначения является предметом давней дискуссии. М.П. Абрамова в этих предметах видит символы власти (Абрамова, 2007, с. 43), Н.Ф. Шевченко предполагает их ритуальное использование (Шевченко, 2006, с. 141–149). Опираясь на этнографические параллели из зороастрийского Ирана и осетинской культуры, а также на археологические аналогии недавно была предложена интерпретация, согласно которой их использовали в качестве портативных алтарей, связанных с ритуалами огня (Бодрова, 2025, в печати).

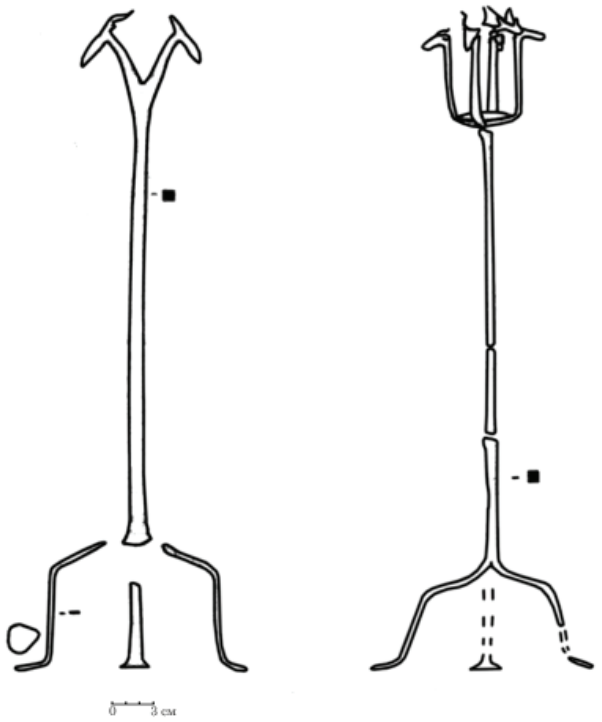


Рис. 4 Треножники-алтари из курганов № 6,9 у станицы Тбилисской
Fig. 4 Tripods-altars from barrow No. 6, 9 nearby the village of Tbilisskaya

Учитывая эту гипотезу, рассматриваемая печать с изображением молящегося перед алтарём уже не выглядит случайной диковинной вещью. Можно допустить, что носители кочевнической культуры, воспринимая изображение поклонения, узнавали в нем практикуемую ритуальную сцену. Именно поэтому печать могла быть значимой для последнего владельца. Наличие среди погребального инвентаря комплексов могильника у станицы Тбилисской трех треножников-алтарей укрепляет это предположение[3].

Таким образом, вне зависимости от конкретного значения, закреплённого за печатью в момент изготовления, композиция на ней сохраняла свое значение в качестве ритуальной сцены. Включение печати в состав погребального инвентаря могло отражать как личный статус погребённого, так и особое значение предмета для него. Даже при утрате исходного контекста, визуальный образ продолжал функционировать как символический знак – возможно, как амулет, реликвия или оберег. Печать не была изолированной вещью: она могла восприниматься в окружении других предметов ритуального характера, с которыми формировала некий значимый комплекс.

Смена значений, смена владельцев, смена культурных контекстов не препятствовали тому, чтобы печать оставалась важным предметом. Её восприятие адаптировалось, смысл дополнялся, но статус сохранялся. Это делает печать ярким примером того, как предмет может быть включён в новые системы символов и интерпретаций, продолжая выполнять ритуальную функцию.

Печать из кургана у станицы Тбилисской – это не только редкая находка, иллюстрирующая дальние культурные контакты, но и пример устойчивости визуального образа в условиях глубокой исторической трансформации. Она демонстрирует, как вещи «живут» за пределами своего времени, как они меняют функции и значения, оставаясь узнаваемыми благодаря структурному коду изображения. В этом — ценное свидетельство того, что материальные объекты способны не только перемещаться, но и адаптироваться, сохраняя при этом значимость для разных культур.

Примечания:

[1] Только одно погребение не находится в центре.

[2] Это наблюдение не кажется надежным, поскольку, как сказано выше, почти все погребения ограблены.

[3] Могильник у станицы Тбилисской выделяется количеством находок треножников среди синхронных памятников Прикубанья.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М. П. Абрамовой / МИАР. № 8 / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев, Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2007. С. 11–187.

Бодрова М.Г. Жезлы и треножники с зооморфными навершиями у кочевников Северного Предкавказья II в. до н. э. – III в. н. э.: вариант интерпретации // ВДИ. 2025. № 4. В печати.

Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар: КубГУ, 1984. С. 72–99.

Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. Сокровища древней Кубани / Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе. Вып. 4. Симферополь; Краснодар: Универсум, 2010. 448 с.

Трейстер М.Ю. Скарабеоид из погребения 1 кургана 1/2015 могильника Чеботарев V на Нижнем Дону (о ближневосточных печатях в погребениях среднесарматского времени) // РА. 2019. № 1. С. 20–31.

Хачатурова Е.А. Античные печати и геммы // Каталог войсковых и станичных печатей XVIII–XX вв. [Из коллекции КГИАМЗ] / Отв. ред. А.Г. Еременко, Т.А. Павленко, В.И. Колесов. Краснодар: КГИАМЗ, 2011. С. 6–13.

Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1. С. 141–154.

Шедевры древнего искусства Кубани / Отв. ред. А.М. Лесков, В.Л. Лапушнян. М.: М-во культуры СССР, 1987. 187 с.

Яценко С.А. О некоторых формах контактов сарматов с внешним миром // Сарматы и внешний мир / Уфимский археологический вестник. Вып. 14 / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфа: Центр «Наследие», 2014. С. 257–262.

Chandler C. Text and Images of Authority: The Inscribed Seals from the Persepolis Fortification Archive. Ph.D. diss., Bryn Mawr College. 2021.

Dusinberre, E.R. Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology, 2005.

Garrison M.B. The ritual landscape at Persepolis: glyptic imagery from the Persepolis Fortification and Treasury archives. (Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper). Chicago, 2017.

Gilibert A. 2007. Stylus // Egger J., Uehlinger Ch. (eds.) *Iconography of Deities and Demons in the Ancient Near East*, Electronic Pre-Publications. Available at: http://www.religionswissenschaft.uzh.ch/idd/prepublication.php (accessed 27.05.2025).

Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban / Leskow, A.M., Lapuschnjan W.L. (eds.). Stuttgart: Konrad Theiss, 1989.

Jakob-Rost, L. Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum Berlin. Mainz: Philipp von Zabern, 1997.

Информация об авторе:

Бодрова Мария Геннадьевна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия), младший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); maborydrova@gmail.com

REFERENCES

Abramova, M. P. 2007. In Kozenkova, V. I., Malashev, V. Yu., Munchaev, R. M. (eds.). *Severnyi Kavkaz i mir kochevnikov v rannem zheleznom veke: sbornik pamiati M. P. Abramovoi (The North Caucasus and the world of nomads in the Early Iron Age: an edited book in memory of M.P. Abramova)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of the Russian Archaeology) 8. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 11–187 (in Russian).

Bodrova, M. G. 2025. *In Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (4), in print (in Russian).

Zhdanovskii, A. M. 1984. In Kirei, N. I. (ed.). *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and Ethnographical Research in the Northern Caucasus)*. Krasnodar: Kuban State University, 72–99 (in Russian).

Mordvintseva, V. I., Khachturova, E. A., Yurchenko T. V. 2010. *Sokrovishcha drevnei Kubani (Treasures of the ancient Kuban)*. Series: Drevniaia torevtika i iuvelirnoe delo v Vostochnoi Evrope (Ancient toreutics and jewelery art in Eastern Europe) 4. Simferopol; Krasnodar: “Universum” Publ. (in Russian).

Treister, M. Yu. 2019. In *Rossiiskaya arheologiya (Russian Archaeology)* (1), 20–31 (in Russian).

Khachaturuva, E. A. 2011. In Eremenko, A. G., Pavlenko, T. A., Kolesov, V. I. (eds.). *Katalog voiskovykh i stanichnykh pechatei XVIII–XX vv. (Catalog of military and stanza seals of the XVIII–XX centuries*). Krasnodar: Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E. D. Felitsyn, 6–13 (in Russian).

Shevchenko, N. F. 2006. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History)* (1), 141–154 (in Russian).

Leskov, A. M., Lapushnyan, V. L. (eds.). *Shedevry drevnego iskusstva Kubani (Masterpieces of the ancient art of Kuban).* Moscow: Ministry of Culture of the USSR (in Russian).

Yatsenko, S. A. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute for History, Language, and Literature; “Nasledie” Publ., 257–262 (in Russian).

Chandler, C. 2021. *Text and Images of Authority: The Inscribed Seals from the Persepolis Fortification Archive*. Ph.D. diss., Bryn Mawr College.

Dusinberre, E. R. 2005. *Gordion Seals and Sealings: Individuals and Society*. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology.

Garrison, M. B. 2017. *The ritual landscape at Persepolis: glyptic imagery from the Persepolis Fortification and Treasury archives*. (*Extraction and Control: Studies in Honor of Matthew W. Stolper).* Chicago.

Gilibert, A. 2007. *Stylus*. In Egger J., Uehlinger Ch. (eds.) *Iconography of Deities and Demons in the Ancient Near East*, Electronic Pre-Publications. Available at: http://www.religionswissenschaft.uzh.ch/idd/prepublication.php (accessed 27.05.2025).

Leskow, A. M., Lapuschnjan W. L. (eds.). 1989. *Gold und Kunsthandwerk vom antiken Kuban*. Stuttgart: Konrad Theiss.

Jakob-Rost, L. 1997. *Die Stempelsiegel im Vorderasiatischen Museum Berlin*. Mainz: Philipp von Zabern.

About the Author:

Bodrova Maria G., HSE University. Pokrovsky boulevard, 11, Moscow, 109028, Russian Federation; Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation; maborydrova@gmail.com

Статья поступила в журнал 29.06.2025 г.
Статья принята к публикации 05.09.2025 г.

УДК 902.2:624.1(477.75)"03/06" https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.303.318

ЗАЩИТНАЯ СТЕНА С КОНТРФОРСАМИ НА ЮЖНОМ ПРИГОРОДЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО: РЕКОНСТРУКЦИЯ АНТИЧНОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ СТРАТЕГИИ[1]

©2026 г. В.В. Вахонеев

Исследование посвящено анализу уникального античного инженерного сооружения – монументальной стены с контрфорсами, выявленной на южном пригороде Херсонеса Таврического. Целью работы является установление функционального назначения этого сооружения, его хронологии и роли в градостроительной и сакральной структуре города. На основании стратиграфических наблюдений, архитектурных особенностей и данных инженерно-геологических изысканий показано, что стена выполняла функцию противоэрозионной защиты участка некрополя от пролювиальных отложений, скапливающихся в тальвеге балки. Применение контрфорсов и дренажной засыпки у основания указывает на осознанный инженерный подход к размещению и конструкции сооружения. Особое внимание уделено синтезу утилитарной и сакральной функции стены, воспринимаемой как граница сакрального пространства. Сравнение с аналогичными сооружениями древнего Средиземноморья позволяет интерпретировать этот объект как элемент местной гидротехнической стратегии и ранний пример интеграции инженерных решений в структуру пригородного ландшафта. Работа вносит вклад в изучение античной строительной мысли, особенно в контексте адаптации к местным природным условиям.

Ключевые слова: археология, инженерные сооружения, защитные стены, Херсонес Таврический, античные некрополи, пролювиальные отложения, подпорные конструкции, контрфорсы, сакральная топография, античная гидротехника.

DEFENSIVE WALL WITH BUTTRESSES AT THE SOUTH SUBURB OF TAURIC CHERSONESOS: RECONSTRUCTION OF CLASSICAL ENGINEERING PRACTICES[2]

V.V. Vakhoneev

This study deals with the analysis of a unique classical engineering structure – a monumental retaining wall with buttresses, discovered in the southern suburb of Tauric Chersonesos. The purpose of the work is to determine the functional purpose, chronology, and role of the structure in the urban planning and sacral topography of the city. Based on stratigraphic observations, architectural features, and data from engineering and geological surveys, it is shown that the wall functioned as an anti-erosion protection for a section of the necropolis against alluvial fan deposits accumulating in the thalweg of a gully. The use of buttresses and a drainage fill at the base indicates to a deliberate engineering approach to the location and construction of the structure. Particular attention is paid to the synthesis of utilitarian and sacred functions of the wall, perceived as a boundary of the sacred space. Comparison with similar structures from the ancient Mediterranean allows this feature to be interpreted as an element of local hydraulic engineering strategy and an early example of integrating engineering solutions into the structure of a suburban landscape. This work contributes to the study of classical architectural thought, with particular emphasis on the adaptation of construction practices to local environmental conditions.

Keywords: archaeology, engineering structures, defensive walls, Tauric Chersonesos, classical necropoleis, alluvial fan deposits, retaining structures, buttresses, sacral topography, classical hydraulic engineering.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20456, https://rscf.ru/project/24-28-20456/

[2] This study was financially supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-20456, https://rscf.ru/project/24-28-20456/

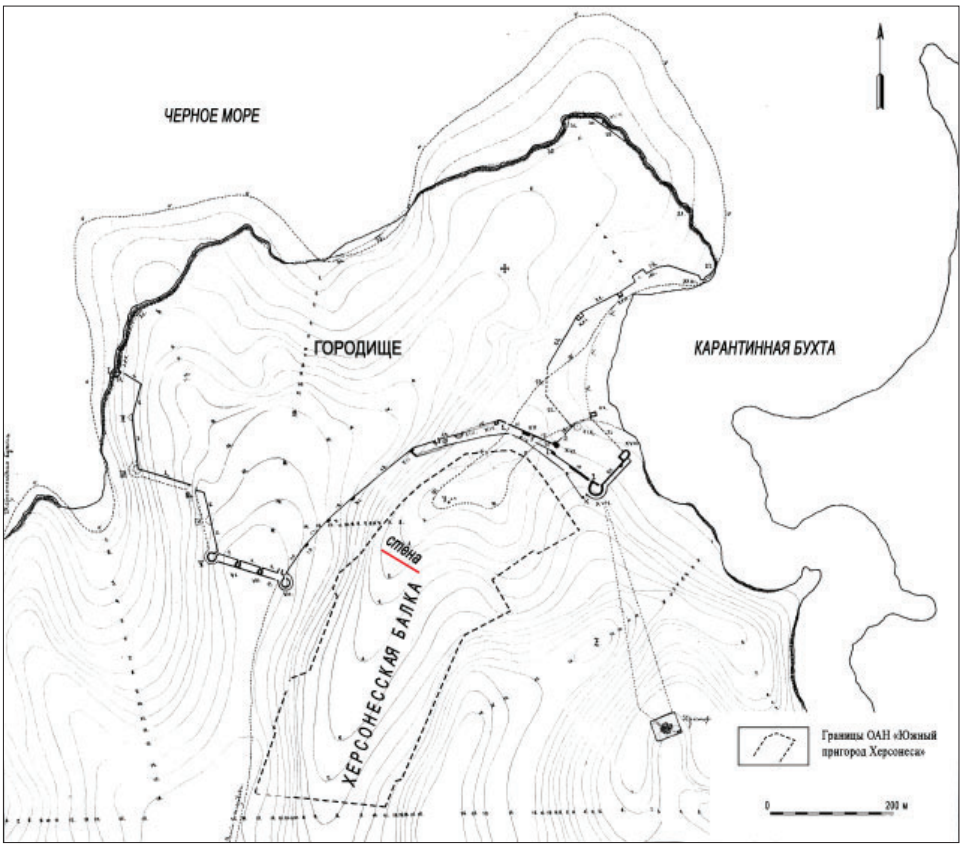


Рис. 1. Расположение Херсонесской балки и стены с контрфорсами на южном пригороде Херсонеса (топооснова по: Бертье-Делагард, 1907).
Fig. 1. The location of the Chersonesos gully and the retaining wall in the Southern suburb of Chersonesos (toponymy according to Berthier-Delagard, 1907).

Южный пригород античного города Херсонес Таврический, расположенный в районе Херсонесской балки, был неотъемлемо связан с основной территорией города, не только составляя вместе с ней единое целое, но и символически служа границей между миром живых и пространством погребальной и сакральной деятельности. Его ландшафт характеризуется сложными природными условиями на месте древней палеодолины.

Первые сооружения пригорода на участке в непосредственной близости от городских ворот появились в первой половине IV в. до н.э. (Соловьева, Виноградов и др., 2024, с. 17). Первоначально тут были возведены сакральные комплексы, такие как храм в антах и монументальный ордерный героон с саркофагом. Немного позднее начали обустраиваться и рядовые погребения. В римское время Южный пригород Херсонеса – уже сформировавшийся некрополь со своей внутренней пространственной организацией, характеризующийся большим разнообразием погребальных сооружений. Сохранность этих строений, безусловно, имела важное значение для горожан. Однако рельеф Херсонесской балки делал данную территорию уязвимой к периодическим наносам пролювиальных отложений.

Данная балка представляет собой глубокую эрозионную палеодолину, которая вплоть до настоящего времени характеризуется постоянным стоком воды. Её врез пересекает также и юго-восточную часть городища с прилегающими оборонительными линиями, расширяясь к северу и впадая в Карантинную бухту (рис. 1). В древности балка служила руслом временного водотока, особенно активного в периоды дождей и сезонных паводков. Исток балки расположен примерно в 3 км на юго-запад на уровне 69,5 м по БС.

Тальвег Херсонесской балки в современности представляет собой выраженную, удлинённую эрозионную форму рельефа, заполненную грунтовыми водами неглубокого водоносного горизонта. Склоны балки сложены устойчивыми коренными породами – известняками, формирующими чётко выраженные скальные стенки с горизонталь-

Рис. 2. Вид на исследованный участок Южного пригорода Херсонеса с юго-запада: 1 – стена с контрфорсами; 2 – грунтовые воды в тальвеге балки; 3 – Карантинная бухта.
Fig. 2. View of the excavated section of the Southern Suburb of Chersonesos from the southwest: 1 – retaining wall with buttresses; 2 – groundwater in the talweg of the gully; 3 – Quarantine Bay

ной стратификацией геологических слоёв. Дно балки, согласно результатам инженерно-геологических изысканий, выстлано слоем серо-зелёных глин, залегающих на глубинах от 0,5 до 26,5 м и характеризующихся низкой водопроницаемостью, что способствует накоплению и удержанию воды в русле балки (Технический отчет…, 2022, с. 16). Такое геологическое строение обеспечивает условия для формирования локального водоёма в древней эрозионной палеодолине (рис. 2).

Междисциплинарные исследования подтверждают, что сезонный сток существовал на протяжении всего времени жизни полиса, регулярно переносив по балке обломочный материал (Глазунов. Букатов и др., 2023, с. 34). В основании оврага залегают скальные известняки, а склоны и дно балки заполняет мощная толща пролювиальных отложений – глинистых и суглинистых, с примесью дресвы и щебня известняка, насыщенных археологическим материалом. Накопление этих отложений тесно связано с хозяйственной деятельностью жителей. Распашка земель и строительные работы на прилегающих территориях ускоряли эрозию рыхлых почв, смываемых в овраг водными потоками. В результате продолжительной аккумуляции наносов рельеф балки сильно изменился – к IX–X вв. н.э. мощность отложений у подошвы городских стен достигла 5–6 м (Антонова, 1996, с. 119; Глазунов, Букатов и др., 2023, с. 26–27). Эти данные наглядно свидетельствуют о масштабности пролювиальных процессов и потенциальной угрозе заноса прилегающих участков (в том числе некрополя) грунтом.

Помимо наносов, Херсонесская балка характеризуется важными гидрогеологическими особенностями. Археологическими раскопками в тальвеговой зоне выявлен достаточно обширный по площади «водозаборный узел» древнего Херсонеса – комплекс из большого количества колодцев, вырубленных в скальном грунте по дну и бортам оврага (Вахонеев, Глазунов и др., 2023, с. 437).

Геологические и археологические данные свидетельствуют, что конфигурация русла балки менялась под влиянием как природных, так и антропогенных факторов. В ранние эпохи (до основания полиса) долина могла иметь постоянный водоточный характер:

Рис. 3. Вид на стену с контрфорсами с северо-востока.
Fig. 3. View of the retaining wall from the northeast.

батиметрический анализ Карантинной бухты показал наличие древнего лагуноподобного устьевого расширения балки, что указывает на более устойчивый сток воды в прошлом (Глазунов, Букатов и др., 2024, с. 304–308). С течением времени, особенно при хозяйственном освоении округи, балка приобрела черты переменного водотока. В сезон дождей и весеннего половодья она превращалась в канал для бурного стока.

Таким образом, данный участок характеризуется активными процессами поверхностного стока и периодическим проявлением эрозионных процессов, которые усиливаются в периоды выпадения интенсивных осадков. В связи с этим отмечается потенциальная опасность развития процессов овражной и склоновой эрозии, а также локального подтопления участков с пониженным рельефом.

Письменные источники напрямую не сообщают о подобных подтоплениях, однако стратиграфия культурного слоя фиксирует многократные отложения мощных слоёв наносного грунта. Каждый сильный ливень мог вызывать отложение пролювия вниз по балке. В понижениях рельефа у устья происходило кратковременное подтопление, после чего вода уходила в море, а твёрдый нанос оседал на дне балки и в прилегающих низинах. Наиболее уязвимыми оказывались участки у городских ворот и южного некрополя, располагавшиеся на пути стихии. Пролювиальные смывы могли заносить грунтом погребальные и сакральные сооружения, вызывать их разрушение или скрытие под слоем наносного грунта. Таким образом, природная динамика балки создавала постоянную угрозу для сохранности расположенного в низине балки некрополя и даже городских стен и портовой части города. Осознание этой угрозы, по-видимому, побудило жителей Херсонеса реализовать специальные инженерные решения для контроля наносов и защиты важных объектов пригорода.

В ходе спасательных археологических работ 2021–2023 гг. в Южном пригороде Херсонеса, связанных с созданием историко-археологического парка (Соловьева, Виноградов и др., 2024), была открыта монументальная стена, пересекающая балку поперек. Первоначально ее идентифицировали как вспомогательную «оборонительную стену» пригорода времен Диофантовых войн (Соловьева, Виноградов и др., 2024, с. 21, рис. 7). Однако детальное изучение конструкции, стратиграфии и функции сооружения показа-

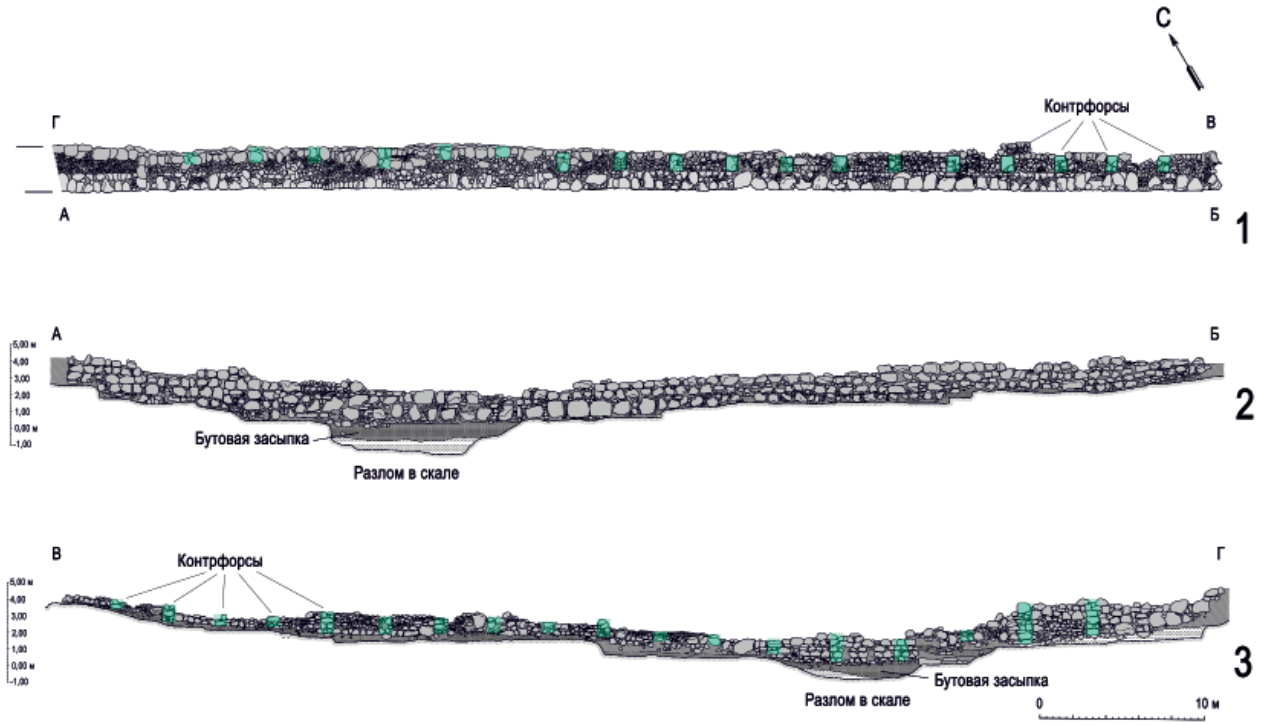


Рис. 4. Планиграфия стены с контрфорсами: 1 – план; 2 – юго-западный фас; 3 – северо-восточный фас.
Fig. 4. Planigraphy of the retaining wall with buttresses: 1 – plan; 2 – southwest face; 3 – northeast face.

ло, что его предназначение выходит за рамки только оборонительных задач.

Массивная стена была выявлена в северной части раскопа 10 (объект 115) и смежном раскопе 10.1 (объект 10, кладка № 1), примерно в 250 м к юго-западу от линии городских ворот (Вахонеев, 2024, с. 193; Горбунов, 2024, с. 188). Кладка прослежена непрерывно в длину не менее 60 м, проходя по линии северо-запад – юго-восток поперек балки. В пределах раскопа 10.1 было открыто 40 м стены, еще 20 м ее длины изучено на площади раскопа 10 (рис. 3). Остальная часть, продолжающаяся в северо-западном направлении, осталась неисследованной.

Сооружение было возведено непосредственно на поверхности скального основания. Стена сложена насухо с использованием глиняного раствора; в отдельных местах применены крупные каменные блоки, уложенные горизонтальными рядами (постелистая двухлицевая кладка). Толщина стены в среднем составляла 2,0–2,4 м, сохранившаяся высота – до 2,7 м (рис. 4; 5).

При возведении использована в основном техника двухпанцирной кладки: наружные облицовочные ряды сформированы из крупных блоков, частично обработанных по лицевой стороне, с неплотной пригонкой и заполнением зазоров мелким бутом. Внутреннее пространство между лицевыми слоями было заполнено разноразмерным бутовым камнем с прослойками глинистого раствора.

К уникальным особенностям данного сооружения относится наличие контрфорсов – вертикальных выступов упорных пилонов, пристроенных к северо-восточному фасу стены (рис. 5: 4–6). Они размещены с интервалом примерно 3,0–3,5 м друг от друга. Ширина их оснований составляет 0,7–1,2 м. Всего в пределах вскрытых отрезков стены было зафиксировано 18 контрфорсов. Конструктивно удалось установить, что усиление могло появиться в позднеэллинистическое или даже римское время. К этому необходимо добавить, что на поздней стадии эксплуатации стены промежутки между контрфорсами были дополнительно забутованы камнем, что сделало стену сплошной и увеличило её толщину до максимальных значений.

Наличие контрфорсов свидетельствует о том, что строители стремились повысить устойчивость стены против бокового давления грунта. Применение таких упорных конструкций нехарактерно для оборонительных стен античного периода, но типично для подпор-

Рис. 5. Детали конструкции защитной стены с контрфорсами:
1, 2 – юго-западный фас; 3 – северо-восточный фас; 4–6 – контрфорсы.
Fig. 5. Details of the construction of the retaining wall with buttresses:
1, 2 – southwest face; 3 – northeast face; 4–6 – buttresses.

ных стен (Ortloff, 2009, p. 264). Контрфорсы в таком варианте воспринимают нагрузку от внешней насыпи, препятствуя выпячиванию или разрушению основной кладки.

Таким образом, уже сама архитектура стены указывает на её функцию в качестве барьера, рассчитанного на противодействие значительным давлением со стороны верховья балки. Стратиграфический контекст закладки стены подтверждает идею о её инженерном назначении. Стена пересекает балку, перекрывая русло сезонного водотока. При строительстве, по-видимому, была намеренно выровнена площадка по склонам до материковой скалы, после чего возведены опорные секции стены. Одновременно произошло заполнение (засыпка) бутом тальвега.

К западу от стены на всем протяжении ее функционирования продолжали откладываться наносы светло-коричневого суглини-

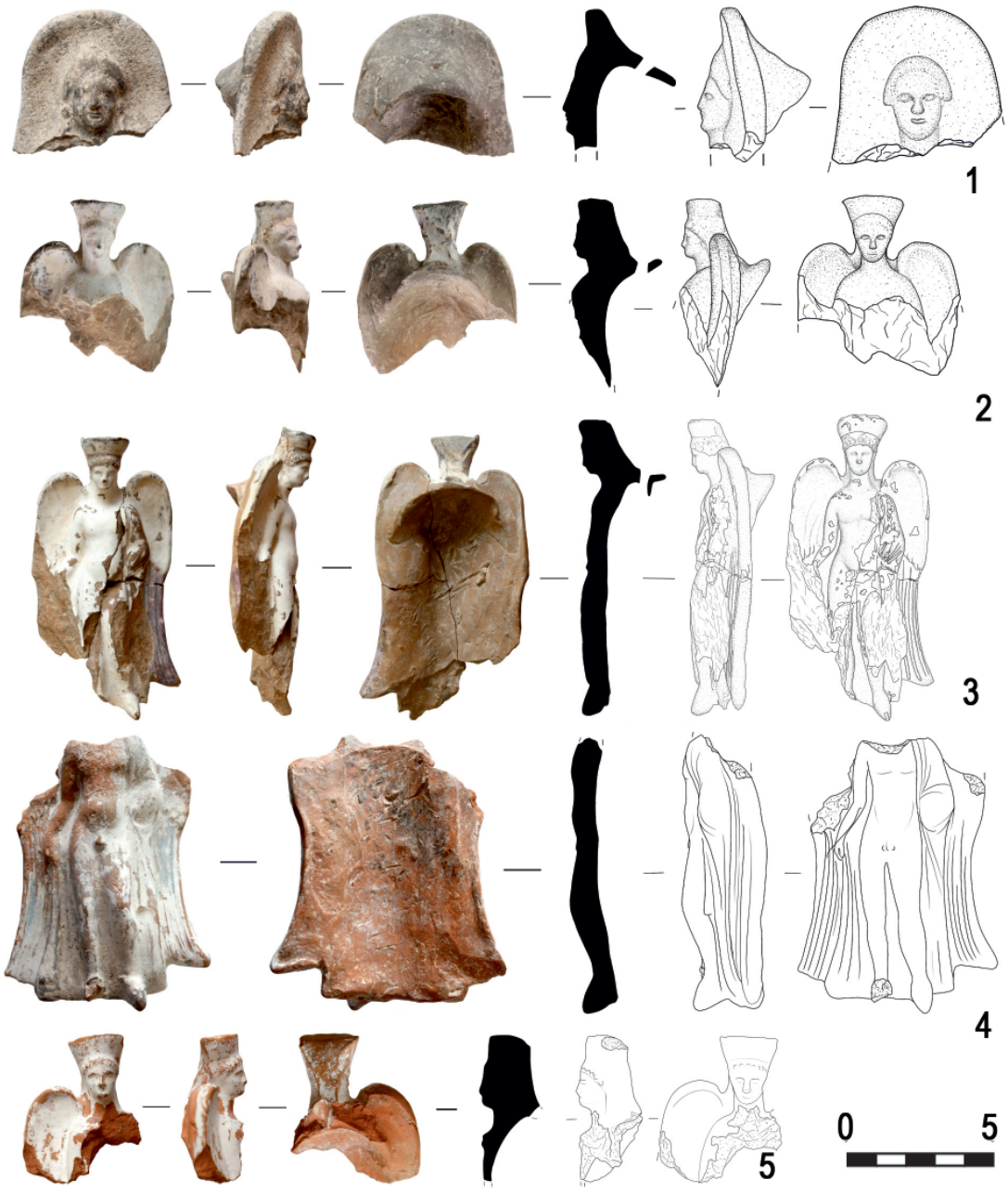


Рис. 6. Находки из подсыпки стены с контрфорсами: 1 – лепта, Херсонес, середина IV в. до н.э.; 2–7 – амфорные клейма Херсонеса; 8–13 – амфорные клейма Синопы.
Fig. 6. Finds from the wall fill: 1 – lepton, Chersonesos, middle of the IV century BC; 2–7 – amphora stamps of Chersonesos; 8–13 – amphora stamps of Sinop

стого грунта с минимальным, почти единичным количеством керамики. Мощность этих пролювиальных отложений местами достигает нескольких метров. Таким образом, стратиграфическая ситуация свидетельствует, что стена действительно задерживала выносной материал балки, предохраняя территорию непосредственно к востоку (где находился некрополь) от подтопления и засорения.

Очевидно, что стена отгораживала и одновременно защищала часть некрополя с наиболее ценными и статусными памятниками и культовыми сооружениями. Её траектория могла определяться стремлением охватить именно эту зону захоронений, оставив её с внутренней стороны барьера, ближе к городу. Таким образом, на основании анализа планиграфии стены можно сделать предварительный вывод, что эта монументальная подпорная конструкция была целенаправленно выстроена поперёк русла балки.

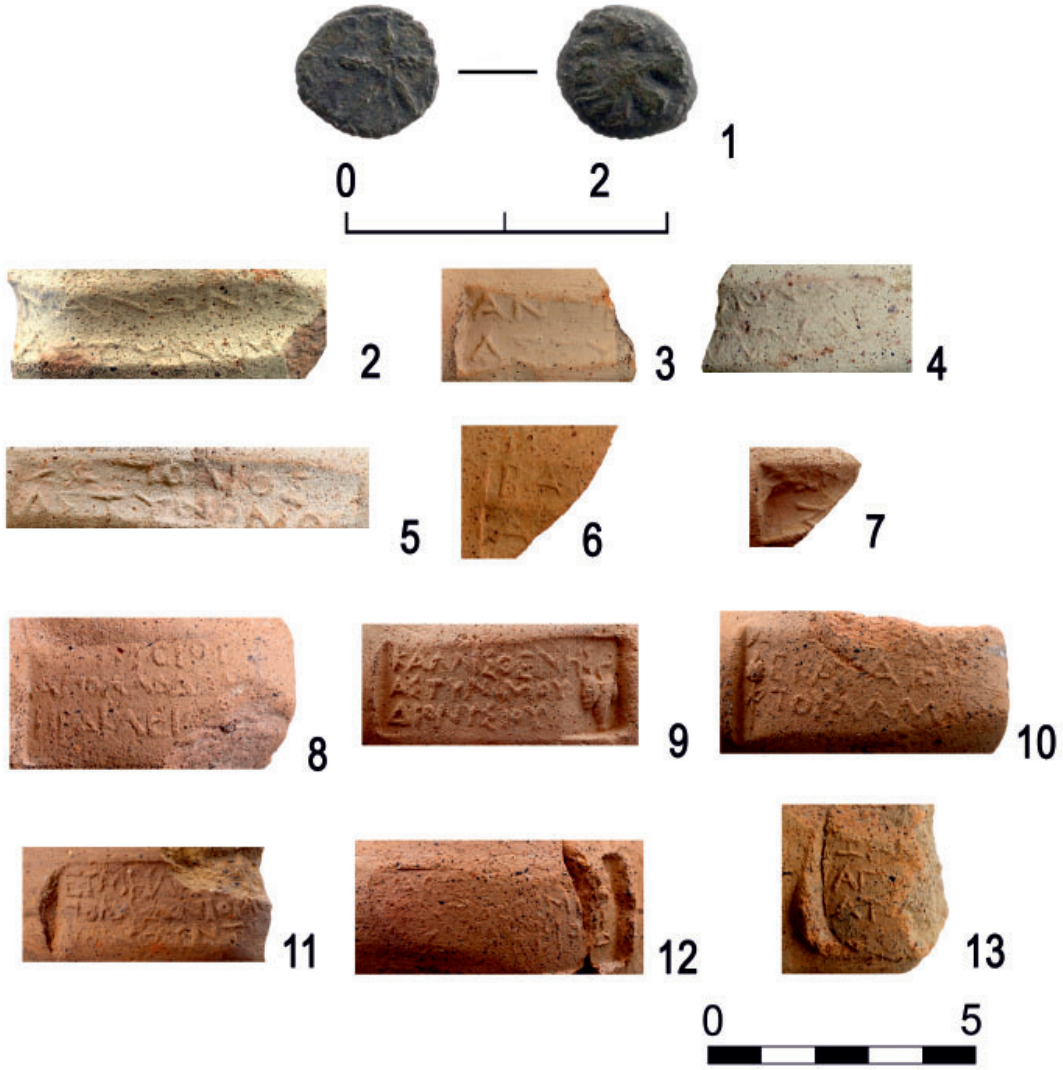


Рис. 7. Фрагменты терракот из каменного навала у фундамента стены с контрфорсами:
1 – протома Коры-Персефоны; 2–5 – протомы Танатоса.
Fig. 7. Fragments of terracotta from the stone heap at the foundation of the wall:
1 – protome of Kore-Persephone; 2–5 – protomes of Thanatos.

Установление времени возведения и использования стены имеет ключевое значение для понимания исторического контекста её появления. Датирующие материалы были получены как из слоя у подножья стены, так и из засыпки, связанной с её строительством и разборкой.

На уровне фундамента юго-западного фасада стены был выявлен локальный каменный навал, в котором обнаружена группа терракотовых статуэток второй половины IV–III вв. до н.э., включающая четыре протомы Танатоса (Шевченко, 2016,, с. 67, кат. 342) и одну протому Коры-Персефоны (рис. 6). Особенно характерно, что большая часть аналогичных терракот в Херсонесе найдена именно на некрополе (Стоянов, 2007, с. 154; Шауб, 2023, с. 248–249).

В данном случае помещение терракот в основании стены может быть истолковано как акт сакрального «освящения» сооружения, выполнявшего не только инженерную, но и граничную, защитную функцию. Стена, возведённая по тальвегу балки, также символически маркировала и рубеж сакрального пространства мёртвых. В таком случае, группа терракот может рассматриваться как вотивное подношение, связанное с культом крылатого демона Танатоса и Персефоны, и интерпретироваться как апотропейное вложение в фундамент.

Датировка комплекса этих археологических находок является terminus post quem для стены. Эту же дату подтверждают и находки из слоя подсыпки под основание стены непо-

средственно в разломе скалы на дне тальвега. Тут были обнаружены фрагменты амфор Синопы, Херсонеса, Фасоса, Менды, Гераклеи. Особенно следует выделить находку лепты Херсонеса середины IV в. до н.э. (рис. 7: 1) (Анохин, 1977, с. 136, кат. 27, 28), а также 12 фрагментов херсонесских и синопских амфор с клеймами, датировка которых укладывается в промежуток второй половины IV – середины III вв. до н.э. (табл. 1).

Таким образом, самое позднее клеймо из слоя подсыпки относится к периоду около середины 240-х гг. до н.э. Это позволяет отнести возведение стены к периоду после этой даты, предположительно, к третьей четверти III в. до н.э.

Возможно, рассматриваемая стена могла быть частью масштабных строительных работ по укреплению города и прилегающих территорий в период внешней опасности. Но

Таблица 1. Каталог клейм из слоя подсыпки под основанием стены
Table 1. Catalogue of stamps from the bedding layer beneath the wall foundation

№	Центр	Легенда	Датировка	Примечание
1	Херсонес	Νάνωνος ἀστυνόμ[ου]	306–287 г. до н.э. (Кац, 1994, с. 105 № 80; Кац, 2007, с. 442, хрон. гр. I В).	рис. 7:2
2	Херсонес	Ἀντι[βίωνος] ἀστυ[νόμου] Сигма лунарная	325–319 г. до н.э. (Кац, 1994, с. 86 № 10; Кац, 2007, с. 442, хрон. гр. I А).	рис. 7:3
3	Херсонес	[Ἀπο]λλαθέ[ου] [ἀστυ]νομοῦ[ντος]	318–307 г. до н.э. (Кац, 1994, с. 87 № 12; Кац, 2007, с. 442, хрон. гр. I Б).	рис. 7:4
4	Херсонес	Σωπόλιος ἀστυνόμ[ου]	325–319 г. до н.э. (Кац, 1994, с. 113 № 112; Кац, 2007, с. 442, хрон. гр. I А).	рис. 7:5
5	Херсонес	Βαθ[ύλλου] ἀ[στυνόμου]	318–307 г. до н.э. (Кац, 1994, с. 91 № 32; Кац, 2007, с. 442, хрон. гр. I Б).	рис. 7:6
6	Херсонес	[--]ς [ἀστυνομοῦ]ντος		рис. 7:7
7	Синопа	[ἀστυνομοῦντος] [Διον]υσίου [τοῦ] Ἀπολλοδώρ[ου] Ἡρακλείδ[ης]	кон. 270-х гг. до н.э. (Conovici, 1998, p. 39, 51. Gr. IV); нач. 260-х гг. до н.э. (Garlan, 2004, p. 97. Gr. V A).	рис. 7:8
8	Синопа	Καλλισθένης ἀστυνόμου Διονυσίου эмблема: гроздь	кон. 270-х гг. до н.э. (Conovici, 1998, p. 39, 51. Gr. IV); сер. 260-х гг. до н.э. (Garlan, 2004, p. 97. Gr. VA).	рис. 7:9
9	Синопа	ἀ[στυνόμου] Ἑκαταίου τοῦ Λαμάχο[υ] эмблема: тирс ↑	кон. 260-х гг. до н.э. (Conovici, 1998, p. 39, 51. Gr. IV); сер. 250-х гг. до н.э. (Garlan, 2004, p. 97. Gr. VC).	рис. 7:10
10	Херсонес	Εὐμήλ[ου τοῦ Ἀ]- πολλωνίου ἀσ- [τυνομ]οῦντ[ος]	272–266 г. до н.э. (Кац, 1994, с. 94 № 45; Кац, 2007, с. 442, хрон. гр. II Б).	рис. 7:11
11	Синопа	ἀσ[τυνόμο]- [ῦ]ντος Σιμί- [ου] Χαβρίο[υ] эмблема: канфар	нач. 260-х гг. до н.э. (Conovici, 1998, p. 39, 51. Gr. IV); сер. 260-х гг. до н.э. (Garlan, 2004, p. 97. Gr. VB).	рис. 7:12
12	Синопа	[ἀστυνόμου] Ζήν[ιος τοῦ] Ἀπο[λλοδώρου] Ἀτ[ώτης]	Сер. 240-х гг. до н.э. (Conovici, 1998, p. 48, 51. Gr. Vb); сер. 240-х гг. до н.э. (Garlan, 2004, p. 97. Gr. VI B).	рис. 7:13

её расположение на некотором удалении от основной линии обороны города и специфика конструкции заставляют предположить иную причину. Вероятно, толчком к строительству стены послужил не столько военный фактор, сколько природный. Можно предположить, что в этот период произошла серия подтоплений, повредивших пригородную территорию и некрополь.

Стена функционировала длительное время – вплоть до позднеримского или ранневизантийского периода. Непосредственно на кладке стены был выявлен развал двух амфор. К сожалению, их профильные части отсутствовали, но на основании формы тулова и характеристик теста две из них отнесены к типу 95 по классификации И.Б. Зеест (Зеест, 1960, таб. XXXVIII, 95), они же LRA 3 по Д. Пиери (Pieri, 2005, p. 94) (рис. 8: 2, 3), третья – к типу LRA 4 (Sazanov, 2017) (рис. 8: 1). Бытование первых двух традиционно относится к концу IV – концу VI вв. н.э. Очевидно, эта дата может быть принята в качестве terminus ante quem для стены. Датировка амфор LRA 4 не противоречит этим датам.

Сооружение периодически ремонтировалось. Первоначально был воздвигнут южный панцирь с контрфорсами, толщиной в среднем 1,2 м. В римское время после частичного разрушения западной части стены со стороны склона балки она была восстановлена и достроена путем пристройки с северной стороны второго панциря с забутовкой. В это время толщина стены достигла 2 м. На участке дна тальвега был сооружен дополнительный контрфорс, а в самой стене на этом месте было проложено четыре дренажных прямоугольных отверстия, выходящих на северо-восточную сторону.

К началу византийской эпохи ее защитная функция могла быть ослаблена ввиду изменения гидрологических условий или изменения характера погребальных сооружений на некрополе. Не позднее VI в. н.э. её частично разбирают для использования камня в новых постройках. Оставшиеся фрагменты кладки в дальнейшем были погребены под наносами и хозяйственными слоями. К X–XI вв. остатки стены полностью скрылись под землёй.

Итак, суммируя имеющиеся данные, следует подчеркнуть, что стена была возведена в эллинистический период, активно выполняла свою функцию в I–III вв. н.э., частично сохраняя ее в IV–V вв., и была выведена из строя не позднее VI в. Для более глубокого понимания предназначения стены важно сравнить её с другими аналогичными сооружениями Херсонеса.

Херсонес известен сложной системой оборонительных линий разного времени. Наиболее близким по расположению и отчасти по функции аналогом рассматриваемой стены является так называемая протейхизма – передовая (внешняя) оборонительная стена Херсонеса. Протейхизма была возведена в конце I – начале II вв. н.э. (хотя, не исключено и в позднеэллинистическое время) и значительно повышала эффективность защиты города.

Её постройка совпала по времени с изменением планировки подъезда к городским воротам: древняя дорога, ранее шедшая по западному склону балки, была перенесена на восточный склон.

Возведение передовой стены потребовало подъёма уровня главной оборонительной линии и башен, а пространство между основной стеной и протейхизмой (перибол) поначалу использовалось под захоронения (Антонова, 1996, с. 124–125). Последняя была призвана затруднить доступ неприятеля к главным воротам и дать дополнительную линию обороны. С другой стороны, в кладке протейхизмы были обнаружены многочисленные надгробия и архитектурные детали вторичного использования. Так, из её рядов извлекли рельефные стелы эллинистического времени. Этот факт указывает, что при строительстве протейхизмы частично разобрали участок некрополя или использовали его материалы. Прилегающие склепы № 1013 и 1014 оказались включены в систему укреплений: они были наземными мавзолеями I–II вв. н.э., входы которых теперь оказались внутри перибола (Антонова, 2009).

По мнению И.А. Антоновой, протейхизма защищала перибол не только от врагов, но и от потока пролювиальных отложений, поступавших из балки (Антонова, 1996, с. 103, 118–119, 123, 124, 125). Отмечено, что за внешней стеной (протейхизмой) накопилась значительно более мощная толща суглинков, чем внутри перибола. Исследователь объясняла это тем, что протейхизма служила барьером на пути грязевых потоков: балка, перегороженная стенами, превращалась в «ловушку для наносов». Наносы откла-

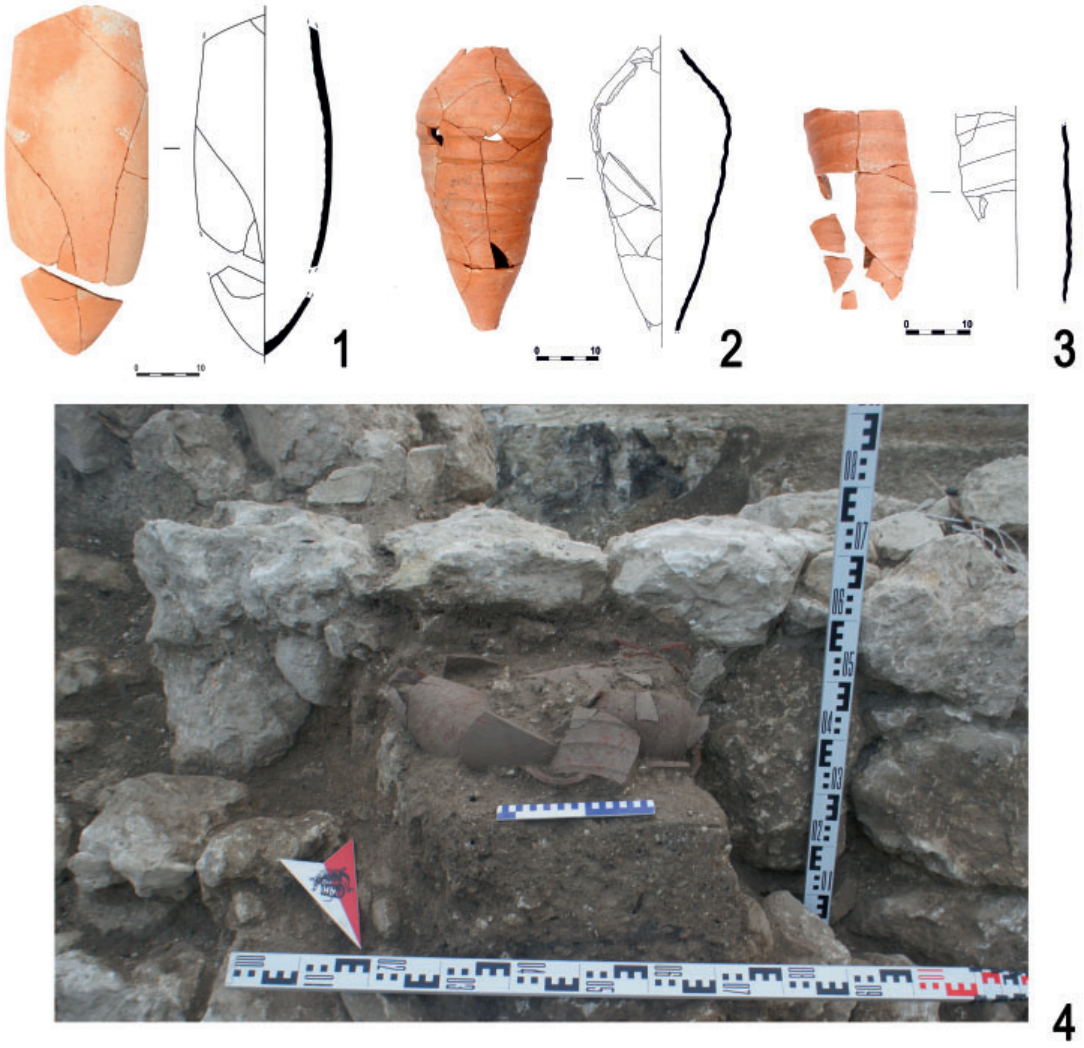


Рис. 8. Находки из расчистки верхней части стены с контрфорсами: 1–3 – фрагментированные амфоры LRA 3–4; 4 – скопление фрагментированных амфор in situ.

Fig. 8. Finds from the unearthing of the upper part of the wall: 1–3 – amphora fragments LRA 3–4; 4 – cluster of amphora fragments in situ.

дывались перед протейхизмой (со стороны балки), постепенно поднимая уровень грунта снаружи. Тем самым протейхизма выполняла двойную задачу: оборонительную – создавая дополнительный рубеж для неприятеля, вынужденного двигаться вдоль стены под обстрелом с городских стен, и инженерную – предохраняя городское предместье и некрополь в периболе от затопления и замывания. Эта ситуация близка к роли стены в южном пригороде.

Подобно протейхизме, стена в раскопах 10 и 10.1 располагалась перед основными объектами (в данном случае – перед некрополем) и принимала на себя удар стихии. Можно сказать, что она являлась своеобразным внешним барьером, ограждавшим некрополь от наносов в низине балки. Различие в том, что первая примыкала к городским укреплениям и имела, вероятно, более явную военную функцию, тогда как рассматриваемая стена стояла обособленно и, по сути, выполняла роль дамбы.

Таким образом, существовал целый комплекс инженерных мер по управлению наносными потоками вдоль балки, которая на нескольких участках была перегорожена стенами, превращавшими её в каскад «отстойников» для наносов. Обнаруженная в раскопах 10 и 10.1 стена идеально вписывается в эту систему. Хронологически она немного старше, но функционально предвосхищает идеи

позднейших инженеров. Возможно, опыт её эксплуатации послужил примером для строителей римского времени. В любом случае, сопоставление с протейхизмой убеждает, что рассматриваемая стена – не единичный случай, а составной элемент херсонесской градостроительной стратегии, сочетавшей военные и инженерно-технические задачи.

Подобная защита поселений от паводков и наводнений была актуальной задачей и для других центров античности, начиная с эпохи бронзы.

Сравнимым примером является гидротехнический комплекс у Тиринфа (Арголида), где около 1200 г. до н.э. после разрушительного наводнения и сдвига русла ручья жители возвели искусственную дамбу высотой около 10 м и длиной примерно 100 м. (Zangger. 1994, pp. 203–204). Еще один пример связан с осушением озера Копаис в Беотии и обустройством системы каналов и плотин для дренажа обширной равнины (Ghembaza, Windell, 2021, pp. 67–84). Ок. 2000–1600 гг. до н.э. начались мелиоративные работы, а позднее была создана уникальная по масштабам система каналов, дамб и дренажных сооружений, позволившая полностью осушить озеро в летние месяцы. Этот крупнейший проект бронзового века потерпел крах ок. 1200 г. до н.э., но продолжал жить в коллективной памяти вплоть до эллинистической эпохи, когда инженер Крат по поручению Александра Македонского пытался возобновить осушение, пробив туннель под перевалом Кефалари (Strabo, IX, 2, 18).

В классическую эпоху греки продолжили традиции инженерной защиты предшествующего времени. Например, полис Селинунт в Южной Италии стоял на берегу реки, и линия городской стены вдоль воды служила также и защитной дамбой (Scalisi, 2010, p. 121–122). В основании крепостной кладки были обнаружены специальные водопропускные каналы, проходящие сквозь стены и выходящие наружу в виде сливов. Такая конструкция позволяла стене сдерживать напор паводка.

Показательна и ситуация в святилище Великих Богов в Самофракии. Через территорию святилища пролегал овраг, по которому в сезон дождей сходил поток. Уже в эллинистическую эпоху русло было укреплено валунами и подпорными стенками, а в римское время вдоль берегов дополнительно возведены мощные бетонные стены, защитившие культовые сооружения от размыва (Samothrace, 2019).

В римскую эпоху технологии защиты от наводнений и подтоплений получили ещё большее развитие. Римляне сделали мероприятия по борьбе с водной стихией неотъемлемой частью градостроительных работ. Ещё в самом Риме начиная с царских времён была создана система сточных каналов, а знаменитая Cloaca Maxima осушила заболоченную низину Форума, став главной артерией отвода ливневых вод. В провинциях Римской державы возводились десятки плотин и дамб, призванных одновременно регулировать сток рек, обеспечивать орошение и предохранять земли от паводков. Римские мастера первыми начали повсеместно применять водостойкий бетон и гидравлический раствор, что позволило строить плотины и дамбы небывалой высоты и прочности. Одним из самых грандиозных сооружений считалась плотина Нерона в Субьяко, высотой 40 м и длиной 80 м, перекрывавшая естественное ущелье и простоявшая до 1304 г. (Viollet, 2007, p. 142). К периоду около 130 г. н.э. относится плотина Вади аль-Барда в 70 км от Пальмиры, длиной 365 м и высотой 21 м. Это крупнейшее античное сооружение подобного рода, создававшее водоём для орошения (Viollet, 2007, p. 177). Таким образом, римская инженерная традиция подняла на новый уровень методы защиты от наводнений – от береговых насыпей и очистки русел до грандиозных плотин, изменивших ландшафты рек.

Приведённые примеры подчёркивают, что античные общества разных регионов выработали сходные решения для защиты от стихий – использование дамб, отводных каналов, подпорных стен и продуманной дренажной системы. При этом инженерные сооружения нередко приобретали и символическое значение границы между обжитым, «безопасным» пространством и хаотичной стихией природы.

Херсонесская балка и стена с контрфорсами вписываются в этот широкий контекст взаимодействия города с природной средой, являясь редким примером подобного сооружения в Северном Причерноморье. В сочетании с археологическими данными о некрополе, изучение данной балки позволяет не только реконструировать древний ландшафт и систему водоснабжения Херсонеса, но и понять инженерные стратегии херсонесси-

тов в защите своего некрополя и пригородных святынь от действия природных стихий. Перспективы дальнейшего изучения связаны с более глубоким анализом гидрологических аспектов: моделирование потоков в балке с учетом стены могло бы количественно оценить эффективность этого древнего сооружения.

Установив, что стена южного пригорода в значительной мере выполняла функцию защиты от водно-эрозионных процессов, рассмотрим, в чем конкретно выражалось её значение для сохранности некрополя и города.

Она предотвращала прямое разрушение погребальных памятников наносами с верховий балки. Без этого барьера мощные ливневые сезонные потоки, стекающие по балке, загрязняли бы непосредственно низинные участки некрополя. Эрозия могла размывать грунт вокруг склепов, вызывая их обрушение, а надгробия – опрокидывать. Однако мощная каменная основа стены с контрфорсами задерживала подобные наносы и равномерно их распределяла. Согласно наблюдениям с внешней стороны стены, объём отложений практически стерильного светло-коричневого суглинка, накопившихся за столетия в тальвеге балки, колоссален.

Взаимодействие данной стены с естественным рельефом и гидрологией балки свидетельствует о несколько более сложной конструкции, сочетающей функции заграждения и фильтрации. Важно отметить, что место ее сооружения не было произвольным: оно совпадает с участком балки, где разлом в известняковом монолите формирует естественный тальвег и зону аккумуляции грунтовых и поверхностных вод. Именно здесь происходит интенсивный сбор и стекание сезонных потоков, а также фильтрация влаги по контактной линии между известняком и наносами.

Разлом под стеной античными строителями был отсыпан мелким бутовым камнем. Такая каменная подсыпка, благодаря своей пористой структуре, выполняла дренажную функцию. Вода, проходящая по тальвегу, фильтровалась через этот слой бута, снижая гидравлическое давление у основания стены и минимизируя риск подмыва. Это свидетельствует о намеренном использовании природных особенностей рельефа и геологии при создании сооружения.

Таким образом, локализация стены не только обоснована с инженерной точки зрения, но и указывает на сознательный выбор точки максимальной водонагрузки, что позволяет говорить о высоком уровне понимания гидродинамики местности античными строителями.

Конструкция стены включала не только вертикальный барьер, противостоящий механическому воздействию паводка, но и горизонтальный водопроницаемый компонент, снижавший давление воды у основания. Этот приём сопоставим с практикой античных инженеров. К примеру, в Приене и Эфесе использовались дренажные засыпки, создающие фильтрационную прослойку (Ortloff 2009, p. 338–350).

Проникая вниз к дренажному слою, вода теряла скорость, оставляя взвесь частиц перед стеной. Только очищенная от грубого материала вода просачивалась дальше или находила выход в водоносных слоях тальвега. Таким образом, благодаря стене дневная поверхность некрополя оставалась относительно стабильной, что подтверждается сохранностью погребальных сооружений на протяжении длительного времени. А сама же стена способствовала дренированию и регулировке гидрологического режима участка. Перегороженная балка превращалась в своего рода бассейн-отстойник, из которого вода выходила постепенно. Это сглаживало пики паводков.

Наконец, нельзя исключать и культово-символическое значение стены как границы сакрального пространства некрополя. Монументальное сооружение могло восприниматься не только как утилитарная конструкция, но и как черта, отделяющая «город мёртвых». В этом смысле её защитная функция была двоякой – от физических угроз и от профанации.

Таким образом, значение исследуемой конструкции выходит далеко за рамки рядового археологического объекта. Она представляет собой редкий пример античного инженерного сооружения превентивной защиты, аналог ранних дамб и плотин. Этот опыт демонстрирует высокий уровень понимания жителями Херсонеса природной обстановки и умение адаптировать фортификационную архитектуру под нужды ландшафтной защиты. Подобные объекты – важная часть наследия древнего города, свидетельствующая о комплексном подходе к освоению территории.

Всё вышесказанное позволяет утверждать, что стена на Южном пригороде Херсонеса Таврического является инженерным сооружением противоэрозионной защиты некрополя. Ее исследование обогащает наши представления об инженерной мысли античности и уровне развития полисного хозяйства древнего города.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.

Антонова И.А. Оборонительные сооружения Херсонесского порта в средневековую эпоху // АДСВ. Вып. 7 / Отв. ред. М.Я. Сюзюмов. Свердловск: Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького, 1971. С. 102–118.

Антонова И.А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса: проблемы датировки // Херсонесский сборник. Вып. VII / Отв. ред. И.А. Антонова. Севастополь: Ахтиар, 1996. С. 101–131.

Антонова И.А. Об исследованиях в периболе в 16-й куртины в Херсонесе в 1970–1971 гг. // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 622–655.

Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе / Известия ИАК. Вып. 21. СПб: тип. В.Ф. Киршбаума, 1907. 208 с.

Глебов В.П., Ильяшенко С. М., Толочко И.В. Оружие из некрополя Танаиса эллинистического времени // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч.1 / Отв.ред. В.Ю. Зуев. СПб.: изд-во ГЭ, 2004. С. 292−307.

Вахонеев В.В., Глазунов В.В., Букатов А.А, Панченко В.В. К вопросу о водоснабжении Херсонеса в античный и средневековый период (по материалам южного пригорода Херсонеса в 2021-2023 гг.) // Боспорский феномен: Quarta Pars Saeculi. Итоги. Проблемы, дискуссии / Ред. В. А. Хршановский и др. СПб.: Чистый лист, 2023. С. 436–440.

Вахонеев В.В. Археологические исследования на раскопе 10.1 // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: Невская типография, 2024. С. 192–200.

Глазунов В.В., Букатов А.А., Вахонеев В.В., Ефимова Н.Н., Панченко В.В. Геоморфология и водоснабжение прибрежной территории Херсонеса Таврического у Карантинной бухты по данным междисциплинарных исследований // МАИЭТ. 2023. Вып. XXVIII. С. 24–43.

Глазунов В.В., Букатов А.А, Вахонеев В.В., Панченко В.В. Особенности геологии и гидрологии Херсонесской балки в свете новых археологических исследований // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: Невская типография, 2024. С. 304–314.

Горбунов П.А. Археологические исследования на раскопе 10 // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. Вып. 15 / Отв. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: Невская типография, 2024. С. 187–191.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора / МИА. № 83. М.: Наука, 1960. 180 с.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов: Саратовский университет, 1994. 168 с.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского НАН Украины, 2007. 480 с.

Соловьева Н.Ф., Виноградов Ю.А., Мыц В.Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В.В. Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН: охранная археология. Вып. 15/ Отв. ред. Н.Ф. Соловьева. СПб.: Невская типография, 2024. С. 17–28.

Стоянов Р.В. Танатос: к характеристике одной группы эллинистических терракот // Hyperboreus. 2006. № 12. С. 153–165.

Технический отчёт по результатам инженерно-геологических изысканий для подготовки проектной и рабочей документации. Часть 9 «Амфитеатр». 22.1-23–ИГИ 9. Севастополь: Крымспецгеология, 2022. 126 с.

Шауб И.Ю. К интерпретации одной разновидности херсонесских терракот (Эрот или Танатос?) // Археологические вести. 2023. № 41. С. 247–257.

Conovici N. Histria: Les résultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2, Sinope (tuiles timbrées comprises). Bucureşti: Editura Enciclopedica, 1998. 206 p.

Garlan Y. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue / Varia Anatolica. Vol. XVI. Paris: Institut français d'études anatoliennes Georges Dumézil, De Boccard., 2004. 310 p.

Ghembaza T., Windell D. Mysteries of Lake Copais: The Drainage – Massive Bronze Age and Hellenistic Hydraulic Engineering Works // Open Journal for Studies in History. 2021. Vol. 4, no. 2. P. 67–84.

Ortloff C.R. Water Engineering in the Ancient World: Archaeological and Climate Perspectives on Societies of Ancient South America, the Middle East, and South East Asia. Oxford: Oxford University Press, 2009. 424 p.

Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque byzantine (Ve – VIIe siècles): le témoignage des amphores en Gaule. Beirut: Institut français d'archéologie du Proche-Orient, 2005. 329 p.

Samothrace – 2019, Archaeology in Greece Online, report 8116. URL https://chronique.efa.gr/?r=report&id=8116 (дата обращения: 07.05.2025).

Sazanov A. Les amphores LRA 4. Problèmes de typologie et de chronologie // Dixneuf D. (éd.). Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. LRCW 5. Vol. 2. Alexandria: Centre d'Études Alexandrines, 2017. P. 629–647.

Scalisi F. Le strutture difensive delle colonie greche di Sicilia: storia, tipologia, materiali. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. 290 p.

Viollet P.-L. Water Engineering in Ancient Civilizations: 5,000 Years of History. Leiden; Boston: CRC Press, 2007. 322 p.

Zangger E. Landscape Changes around Tiryns during the Bronze Age // American Journal of Archaeology. 1994. Vol. 98, no. 2. P. 189–212.

Информация об авторе:

Вахонеев Виктор Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия); заведующий научно-исследовательской лабораторией, Севастопольский государственный университет (г. Севастополь, Россия); vvvkerch@mail.ru

REFERENCES

Anokhin, V. A. 1977. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.) (Coinage of Chersonesos (4th century B.C. – 12th century A.D.))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 1977. 176 s.

Antonova, I. A. 1971. In Syuzyumov, M. Ya. (ed.). *Antichnaya drevnost' i srednie veka (Antichnaya drevnost' i srednie veka)* 7. Sverdlovsk: Ural State University, 102–118 (in Russian).

Antonova, I. A. 1996. In Antonova, I. A. (ed.). *Khersonesski sbornik (Chersonesos collection)* 7. Sevastopol:"Akhtiar" Publ., 101–131 (in Russian).

Antonova, I. A. 2009. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (15), 622–655 (in Russian).

Bert'e-Delagard, A. L. 1907. *O Khersonese (About Chersonesos)*. Series: Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission) 21. Saint Petersburg: "Tip. V.F. Kirshbauma" Publ. (in Russian).

Glebov, V. P., Il'yashenko. S. M., Tolochko, I. V. 2004. In Zuev, V. Yu. (ed.). *Bosporskii fenomen: problem khronologii i datirovki pamiatnikov* (*The Bosporan Phenomenon: Issues of Chronology and Dating of Monuments*). 1. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 292−307 (in Russian).

Vakhoneev, V. V., Glazunov, V. V., Bukatov, A. A, Panchenko, V. V. 2023. In Khrshanovskii, V. A. et al. (eds.). *Bosporskii fenomen: Quarta Pars Saeculi. Itogi. Problemy, diskussii (Bosporanum Phaenomenon: Quarta Pars Saeculi Results. Problems. Discussions)*. Saint Petersburg: "Chistyi list" Publ., 436–440 (in Russian).

Vakhoneev, V. V. 2024. In Solov'eva, N. F. (ed.). *Bulleten' IIMK RAN: okhrannaya arkheologiya (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences: (rescue archaeology))* (15). Saint Petersburg: "Nevskaya tipografiia" Publ., 192–200 (in Russian).

Glazunov, V. V., Bukatov, A. A., Vakhoneev, V. V., Efimova, N. N., Panchenko, V. V. 2023. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (28), 24–43 (in Russian).

Glazunov, V. V., Bukatov, A. A., Vakhoneev, V. V., Panchenko, V. V. 2024. In Solov'eva, N. F. (ed.). *Bulleten' IIMK RAN: okhrannaya arkheologiya (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture*

Russian Academy of Sciences: (rescue archaeology)) (15). Saint Petersburg: “Nevskaya tipografiia” Publ., 304–314 (in Russian).

Gorbunov, P. A. 2024. In Solov’eva, N. F. (ed.). *Bulleten’ IIMK RAN: okhrannaya arkheologiya (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences: (rescue archaeology))* (15). Saint Petersburg: “Nevskaya tipografiia” Publ., 187–191 (in Russian).

Zeest, I. B. 1960. *Keramicheskaia tara Bospora (Bosporus transport ware).* Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 83. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Kats, V. I. 1994. *Keramicheskie kleyma Khersonesa Tavricheskogo (Ceramic stamps of Tauric Chersonesos)*. Saratov: Saratov State University (in Russian).

Katz, V. I. 2007. *Grecheskie keramicheskie kleyma epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniya)(Greek ceramic stamps of classical and hellenistic epoch (Complex research result)).* Series: Bosporskie issledovaniia (Bosporan Studies) XVIII. Simferopol; Kerch: Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymsky of the NAS of Ukraine (in Russian).

Solov'eva, N. F., Vinogradov, Yu. A., Myts, V. L., Solov'ev, S. L., Vakhoneev, V. V. 2024. In Solov’eva, N. F. (ed.). *Bulleten’ IIMK RAN: okhrannaya arkheologiya (Bulletin of the Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences: (rescue archaeology))* (15). Saint Petersburg: “Nevskaya tipografiia” Publ., 17–28. (in Russian).

Stoyanov, R. V. 2006. In *Hyperboreus* (12), 153–165 (in Russian).

Tehnicheskiy otchjot po rezul'tatam inzhenerno-geologicheskih izyskaniy dlya podgotovki proektnoy i rabochey dokumentacii. Chast' 9 «Amfiteatr». (A technical report on the results of engineering and geological surveys for the preparation of design and working documentation. Part 9 "Amphitheater"). 2022. 22.1-23–IGI 9. Sevastopol: “Krymspecgeologiya” Publ. (in Russian).

Shaub, I. Yu. 2023 In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (41), 247–257 (in Russian).

Conovici, N. 1998. *Histria: Les résultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2, Sinope (tuiles timbrées comprises)*. Bucureşti: Editura Enciclopedica.

Garlan, Y. 2004. *Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue.* Series : Varia Anatolica. Vol. XVI. Paris: Institut français d’études anatoliennes Georges Dumézil, De Boccard.

Ghembaza, T., Windell, D. 2021. In *Open Journal for Studies in History* 4 (2), 67–84.

Ortloff, C. R. 2009. *Water Engineering in the Ancient World: Archaeological and Climate Perspectives on Societies of Ancient South America, the Middle East, and South East Asia*. Oxford: Oxford University Press.

Pieri, D. 2005. *Le commerce du vin oriental à l’époque byzantine (Ve – VIIe siècles): le témoignage des amphores en Gaule*. Beirut: Institut français d’archéologie du Proche-Orient (in French).

Samothrace. 2019. *Archaeology in Greece* Online, report 8116. URL https://chronique.efa.gr/?r=report&id=8116 (viewed 07.05.2025).

Sazanov, A. 2017. In Dixneuf, D. (éd.). *Late Roman coarse wares, cooking wares and amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry* (2). Alexandria: Centre d’Études Alexandrines, 629–647 (in Italian).

Scalisi, F. 2010. *Le strutture difensive delle colonie greche di Sicilia: storia, tipologia, materiali*. Alessandria: Edizioni dell’Orso.

Viollet, P.-L. 2007. *Water Engineering in Ancient Civilizations: 5,000 Years of History*. Leiden; Boston: CRC Press.

Zangger, E. 1994. In *American Journal of Archaeology* 98 (2), 189–212.

About the Author:

Vakhoneev Viktor V. Candidate of Historical Sciences, Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya emb., 18, Letter A, St. Petersburg, 191181, Russian Federation; Sevastopol State University. Universitetskaya St., 30, Sevastopol, 299053, Russian Federation; vvvkerch@mail.ru

Статья поступила в журнал 12.05.2025 г.
Статья принята к публикации 18.06.2025 г.

УДК 902/903
ББК 63.4
https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.319.334

КРЫШКИ НА СОСУДАХ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ФРОНТОВОЕ 3). К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА[1]

©2026 г. А.Н. Свиридов

В статье рассматриваются некоторые особенности погребального обряда, зафиксированные на отдельных памятниках Юго-Западного Крыма. В ходе изучения полностью раскопанного в 2018 году в пригороде г. Севастополь некрополя Фронтовое 3, был открыт ряд малоизвестных на памятниках римского времени Крыма обрядовых практик. Одной из них, массово выявленной на могильнике, является перекрытие керамических сосудов закрытых форм своеобразными крышками. В статье рассматриваются планиграфические особенности распространения подобной черты обряда, изучается материал крышек, а также обсуждается форма сосудов, которые они перекрывают. Рассматриваются вопросы, связанные с происхождением данного обряда, приводится круг аналогий. В результате изучения этого феномена высказывается мнение о наличии локальных обрядовых приемов у населения, проживавшего в Бельбекской долине в 1-й половине I тысячелетия.

Ключевые слова: археология, римское время, могильник Фронтовое 3, погребальный обряд, заупокойная пища, краснолаковая посуда, лепная посуда, каменная крышка.

LIDS ON VESSELS IN ROMAN PERIOD BURIAL ASSEMBLAGES IN SOUTHWESTERN CRIMEA (BASED ON THE MATERIALS OF THE FRONTOVOYE 3 BURIAL GROUND): RAISING AN ISSUE[2]

A.N. Sviridov

The article examines certain features of the burial rite recorded at specific archaeological sites in Southwestern Crimea. During the study of the Frontovoye 3 burial ground, which was fully excavated in 2018 in the suburbs of Sevastopol, a number of ritual practices previously little known at Crimean Roman period sites were discovered. One such practice, widely documented at the burial ground, involves the covering of closed-form ceramic vessels with distinctive lids. The article discusses the planographic distribution patterns of this ritual feature, examines the material of the lids, and explores the forms of the vessels they cover. Issues regarding the origin of this rite are addressed, and a range of analogies is presented. As a result, the author suggests the existence of local burial traditions among the population inhabiting the Belbek valley in the first half of the first millennium AD.

Keywords: archaeology, Roman period, Frontovoye 3 burial ground, burial rite, funeral food, red-glazed ware, hand-made vessel, stone lid.

Традиционно считается, что погребальный обряд является алгоритмом действий и мероприятий с устоявшимся, четко определенным набором правил. Вероятнее всего для большинства древних обществ погребальный обряд был строго регламентирован и незначительные вариации могли допускаться в пределах обрядовых норм. Изучение отдельных обрядовых практик тех или иных народов поможет лучше понять их культурные традиции, связи с соседями и религиозные представления.

В 2018 году на левом берегу р. Бельбек в Нахимовском районе г. Севастополь Крымской новостроечной археологической экспедицией Института археологии РАН

[1] Исследование выполнено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Сохранение археологического наследия: методические аспекты и материалы полевых исследований 2010—2020 гг.» (№ НИОКТР 122011200265-6).

[2] The research was carried out as part of the research topic of IA RAS "Preservation of archaeological heritage: methodological aspects and field research materials for 2010-2020" (R&D No 122011200265-6).

Рис. 1. Могильник Фронтовое 3. Расположение на плане Крымского полуострова.
Fig. 1. Frontovoye 3 burial ground. Location on the map of the Crimean peninsula.

был открыт и полностью изучен могильник Фронтовое 3 (рис. 1). В результате исследований выявлено 332 погребальных сооружения, содержавших более 420 погребенных. За исключением четырех могил эпохи бронзы все изученные захоронения относятся к римскому времени и могут быть датированы последними десятилетиями I – началом V в. н.э. Могильник имеет четкую планиграфическую структуру и содержит выразительные комплексы с хорошо датированным инвентарем. Эта особенность позволила выделить в его развитии два периода, первый датируется последними десятилетиями I – первой половиной III в., второй период с середины III по начало V в. Материалы памятника опубликованы (Гавритухин и др., 2020; Свиридов, Язиков, 2023; 2024а; 2024б).

Материалы могильника Фронтовое 3 дают возможность по-новому взглянуть на погребальный обряд варварского населения, его особенности, а также на проявляющиеся изменения с течением времени. Благодаря установленной последовательной линии развития могильника с СЗ на ЮВ были выявлены отдельные хронологические особенности в погребальном обряде, имеющие четкую зональность. Отслеживание динамики трансформации погребального обряда в рамках одного памятника поможет уточнить хронологические и этнические изменения происходящее в обществе, оставившем его.

Для различных хронологических зон некрополя характерна определённая специфика расположения керамической и стеклянной посуды в могиле.

Практически всегда керамическая посуда размещается за головой погребённого, но ее состав и количество имеет некоторые отличия для различных этапов развития памятника. В рамках настоящей работы рассмотрим только общую характеристику размещения сосудов в погребальных комплексах некрополя Фронтового 3, более подробнее она представлена в специальной статье (Свиридов, 2024а, с. 33–34).

Для раннего этапа некрополя, датируемого последними десятилетиями I в., набор посуды в могиле представлен комбинацией сосуда открытой формы с напутственной пищей и ножом внутри, совместно с сосудом закрытой формы (рис. 2: 1, 2). В отдельных случаях ставился только один сосуд открытой формы. Могилы с указанной обрядовой практикой являются преобладающим типом вплоть до второй четверти II в. Отдельные комплексы расположены среди погребений, датирующихся последними десятилетиями II – серединой

Рис. 2. Могильник Фронтовое 3. Расположение посуды и напутственной пищи в погребениях.
1 – могила 202; 2 – могила 287; 3 – могила 71; 4 – могила 191; 5 – могила 51; 6 – могила 137.
Fig. 2. Frontovoye 3 burial ground. The arrangement of pottery and funeral food in graves.
1 – grave 202; 2 – grave 287; 3 – grave 71; 4 – grave 191; 5 – grave 51; 6 – grave 137.

III в. Другой обрядовой чертой является помещение за головой погребенного одного керамического сосуда закрытой формы вместе с мясной пищей, уложенной на полу подбоя (рис. 2: 3, 4). В отдельных случаях ставились только сосуды, либо укладывалась только мясная пища. Наиболее ранние комплексы с набором подобного типа известны в ранней зоне кладбища и могут датироваться концом I – 1-й четвертью II в. С середины II до конца III века подобная обрядовая практика доминирует в размещении напутственной пищи и посуды в могилах. В конце II – 1-й половине III в. в погребениях на северо-восточной периферии и центральной части некрополя появляется практика размещения в могиле двух краснолаковых сосудов закрытых форм, иногда с добавлением стеклянных сосудов.

Примерно в это же время распространяются могилы, в которых помещены лепные сосуды. С середины III века употребление лепной посуды в обряде значительно возрастает, при этом лепные кувшины встречаются в том числе и как единственные керамические сосуды закрытых форм в могиле. Начиная со второй четверти IV века резко меняется система размещения посуды совместно с заупокойной пищей в погребениях. Преобладают многочисленные посудные сервизы (рис. 2: 5, 6). При этом встречаются как краснолаковые, так и лепные сосуды, зачастую дополненные посудой из стекла. Во 2-й четверти IV – начале V в. на памятнике в отдельных комплексах вновь появляется практика размещения мяса копытных животных внутри сосудов открытых форм. Но для комплексов этого времени керамический набор и напутственная пища имеет уже другой состав – помимо мяса копытных животных использовались мясо птицы и куриные яйца.

Одной из уникальных обрядовых черт, массово выявленной на могильнике, является практика перекрытия керамических сосудов закрытых форм своеобразными крышками.

Всего подобная черта обряда выявлена в 122 случаях (рис. 3). Сосуды с крышками обнаружены в основном в подбойных могилах (рис. 4), в одной из грунтовых могил. В грунтовых склепах подобные случаи не зафиксированы. В основном крышки на сосудах характерны для погребений конца I – середины III в., среди захоронений, датированных IV в., известно всего несколько случаев.

Крышками накрыты были сосуды различных типов (табл. 1). Наиболее часто это краснолаковые кувшины, всего сосуды подобной формы перекрыты крышками в 91 погребении, краснолаковые кружки отмечены в 17 могилах, краснолаковые столовые амфоры в 9 случаях, краснолаковые кубки в 2 комплексах. В единичных случаях перекрыты были амфора светлогиняная, горшок лепной, ойнахойя краснолаковая. Использование посуды скорее всего зависело от периода совершения погребения. Кувшины являются наиболее встречаемым типом сосудов закрытых форм, поэтому их известно наибольшее количество. Столовые амфоры были обнаружены в ранних погребениях, датированных концом I – началом II века. Кружки преимущественно так же характерны для комплексов первого периода развития могильника, в основном встречены в погребениях II в. В одном случае в комплексе конца II – первой полвины III и в одном случае в могиле, датированной 2-3 четвертью IV в.

Значительный интерес вызывает материал, из которого изготовлены крышки и специфика их распространения на могильнике. Материал представлен тремя типами: камень, фрагменты лепных и краснолаковых сосудов. Каменные крышки встречаются наиболее часто. Они обнаружены в 82 (67,2%) случаях, выполнены из известняка. Крышки из камня имеют некоторую вариативность. Чаще всего использовались небольшие плоские камни размером до 10х10 см (рис. 5: 1, 2; 6: 3, 6, 8, 16), в ряде случаев плоской является только одна сторона, тогда как другая представлена в

Таблица. 1. Соотношение форм посуды, накрытой «крышками» в могильниках Фронтовое 3 и Бельбек IV.
Table. 1. The correlation of shapes of pottery covered with "lids" in the Frontovoye 3 and Belbek IV burial grounds.

Категория керамики	**Фронтовое 3**		**Бельбек IV**	
	Количество	**Процент**	**Количество**	**Процент**
Краснолаковый кувшин	91	74,5	34	74
Краснолаковая кружка	17	14	4	8,7
Краснолаковая столовая амфора	9	7,4	2	4,3
Краснолаковый кубок	2	1,7	2	4,3
Светлоглиняная амфора	1	0,8	-	-
Горшок лепной	1	0,8	-	-
Краснолаковая ойнахойя	1	0,8	1	2,2
Красноглиняный горшок	-	-	1	2,2
Краснолаковый канфар	-	-	2	4,3
	122	100 %	46	100 %

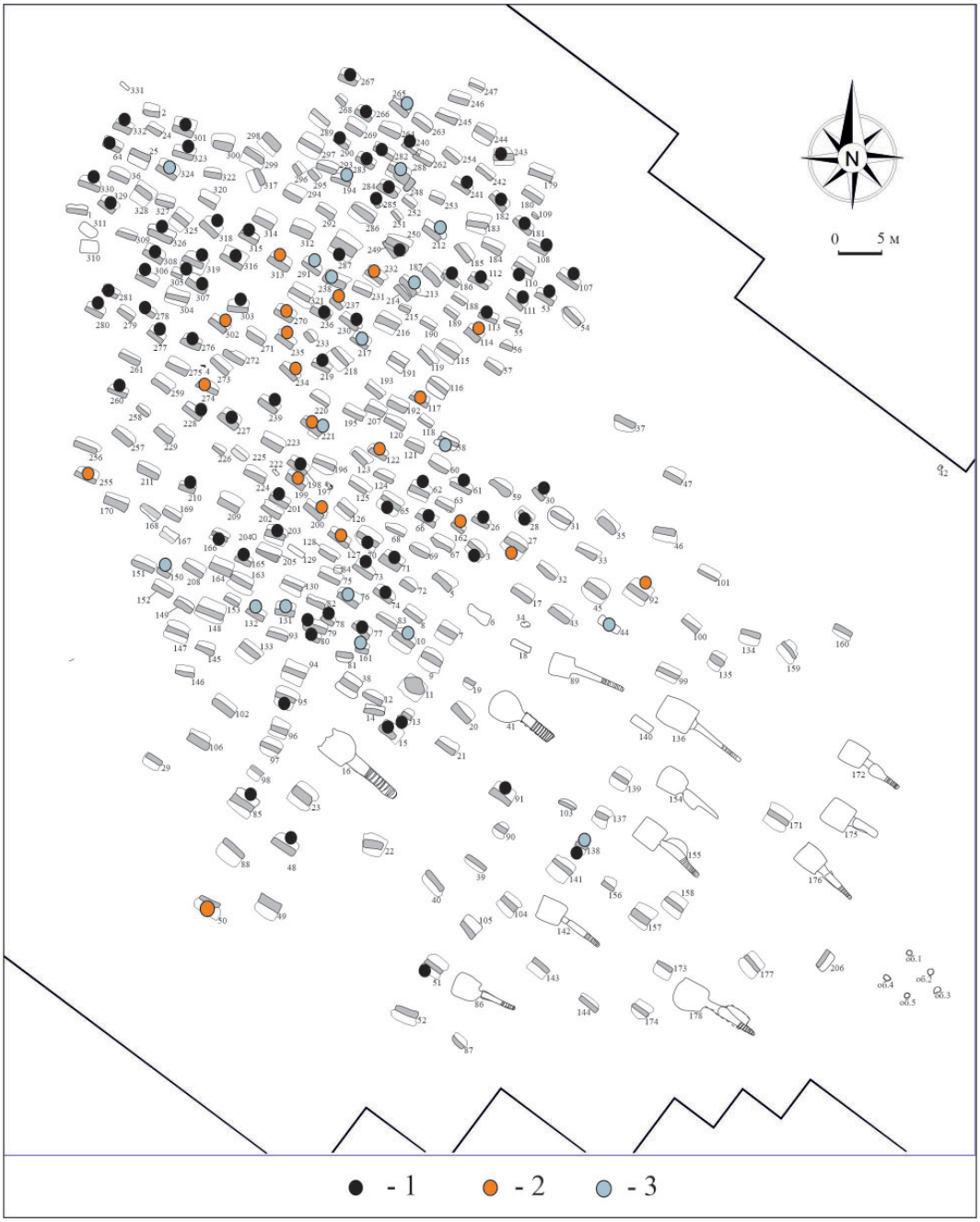


Рис. 3. Могильник Фронтовое 3. Планиграфия распространения могил с «крышками» на керамических сосудах закрытых форм: 1 – крышка из камня; 2 – крышка из фрагмента стенки краснолакового сосуда; 3 – крышка из фрагмента стенки лепного сосуда.

Fig. 3. Frontovoye 3 cemetery. The spatial distribution of graves with "lids" on closed-shape ceramic vessels: 1 – a lid made of stone; 2 – a lid from a fragment of the red-glazed ware; 3 – a lid from a fragment of the hand-made vessel.

виде «рванного» камня (рис. 5: 3; 6: 7, 9, 13). Ко второму варианту могут быть отнесены камни, несомненно оббитые по определенному размеру, но не уплощенные, поверхность их неровная (рис. 6: 1, 2, 10). В ряде случаев подобные аморфные камни имели небольшой размер и не перекрывали сосуд сверху, а располагались в горле сосуда, в виде своеобразной пробки (рис. 5: 4, 5; 6: 4, 5, 14, 15). Подобная ситуация отмечена примерно в 15 могилах, при этом большинство из них расположены в ранней зоне некрополя, среди погребений, датированных концом I – началом II в. В одном случае (могила 219) роль крышки выполнял фрагмент предположительно зернотёрки (рис. 6: 11).

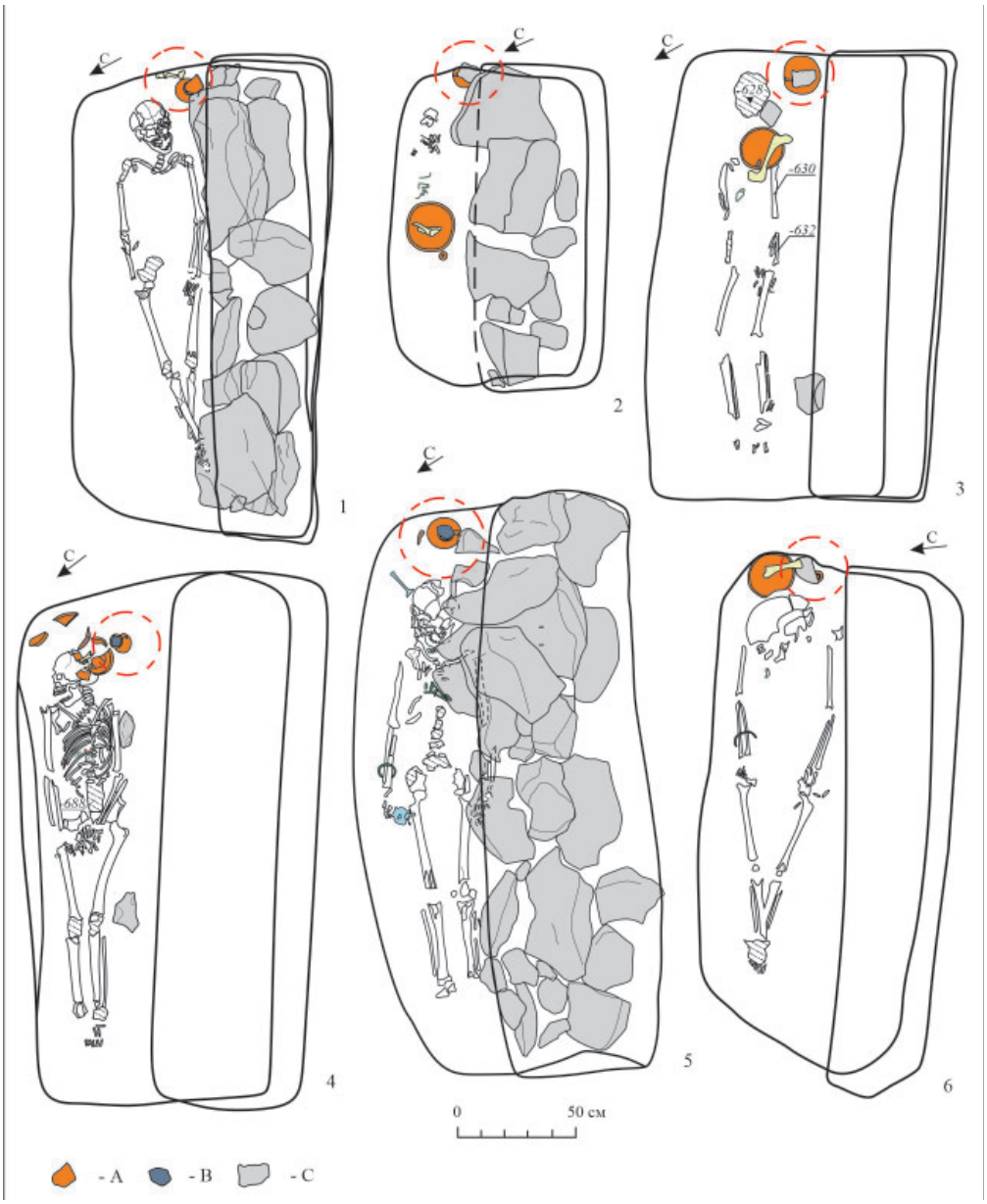


Рис. 4. Могильник Фронтовое 3. Планы погребений с сосудами накрытыми «крышками»:
1 – могила 117; 2 – могила 278; 3 – могила 277; 4 – могила 265; 5 – могила 288; 6 – могила 260.
A – стенка краснолакового сосуда; B – стенка лепного сосуда; C – камень.
Fig. 4. Frontovoye 3 burial ground. Grave plans with pottery covered with "lids":
1 – grave 117; 2 – grave 278; 3 – grave 277; 4 – grave 265; 5 – grave 288; 6 – grave 260.
A – a fragment of the red-glazed ware; B – a fragment of the hand-made vessel; C – stone.

Крышки из фрагментов красноглиняной посуды отмечены в 21 (17,2%) погребении (рис. 5: 6, 7; 7: 1-13). Практически всегда это фрагмент стенки. В нескольких комплексах стенки имели рифление (рис. 5: 7; 7: 1-3). В одном случае обнаружен фрагмент дна кольцевого поддона (рис. 7: 5), еще в одном фрагмент стенки амфоры с основанием ручки (рис. 7: 6).

Крышки из фрагментов лепных сосудов обнаружены в 19 (15,6%) погребениях (рис. 5: 8, 9; 8: 1-12). В подавляющем большинстве это были фрагменты стенок, и только в двух случаях в качестве крышки использовалось дно лепного сосуда (рис. 8: 9, 12).

Крышки из фрагментов сосудов имеют больший размер, чем крышки из камня, достигая в отдельных случаях размера 20х25 см.

Картографирование различных типов крышек в погребальных сооружениях, дало интересную информацию по распространению различных материалов, из которых они

Рис. 5. Могильник Фронтовое 3. Керамические сосуды, накрытые «крышками». 1 – могила 281; 2 – могила 28; 3 – могила 111; 4 – могила 301; 5 – могила 303; 6 – могила 237; 7 – могила 27; 8 – могила 131; 9 – могила 44.
Fig. 5. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with "lids". 1 – grave 281; 2 – grave 28; 3 – grave 111; 4 – grave 301; 5 – grave 303; 6 – grave 237; 7 – grave 27; 8 – grave 131; 9 – grave 44.

были изготовлены. Среди погребений крайнего северо-запада, относящихся к наиболее ранним комплексам, характерно использование практически только каменных крышек, с середины II века применяются как каменные, так и керамические крышки. К концу II – 1-й половине III в. опять начинают преобладать каменные крышки. Начиная со 2-й половины III в. использование крышек для перекрытия сосудов практически прекращается, для IV в. известны только несколько комплексов.

Для лучшего понимания специфики использования крышек необходимо рассмотреть материал их изготовления в сравнении с материалом изготовления самих сосудов. К первому периоду существования могильника (конец I – 1-я половина III в.) относится только 6 погребений, где лепная керамика была использована в погребальном обряде (могилы 180, 255, 62, 224, 118, 218) (Суханов, 2020, с. 75; рис. 5-8). Из них 4 датируются не ранее конца II в., а 2 относятся к середине –

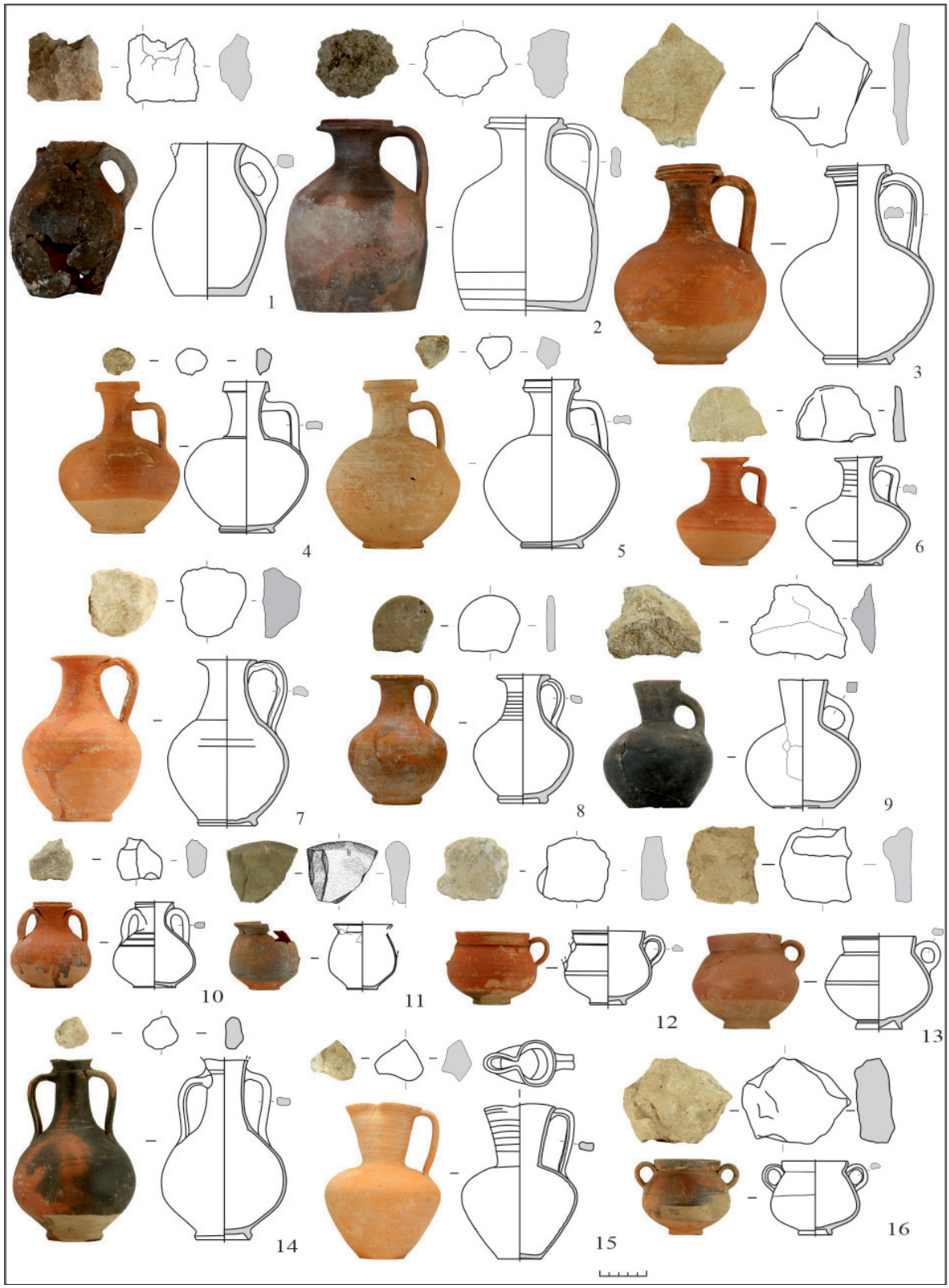


Рис. 6. Могильник Фронтовое 3. Керамические сосуды с каменными «крышками».
1 – могила 30; 2 – могила 51; 3 – могила 203; 4 – могила 323; 5 – могила 332; 6 – могила 287; 7 – могила 179; 8 – могила 71; 9 – могила 138; 10 – могила 210; 11 – могила 219; 12 – могила 290; 13 – могила 239; 14 – могила 315; 15 – могила 64; 16 – могила 278.

Fig. 6. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with stone «lids». 1 – grave 30; 2 – grave 51; 3 – grave 203; 4 – grave 323; 5 – grave 332; 6 – grave 287; 7 – grave 179; 8 – grave 71; 9 – grave 138; 10 – grave 210; 11 – grave 219; 12 – grave 290; 13 – grave 239; 14 – grave 315; 15 – grave 64; 16 – grave 278.

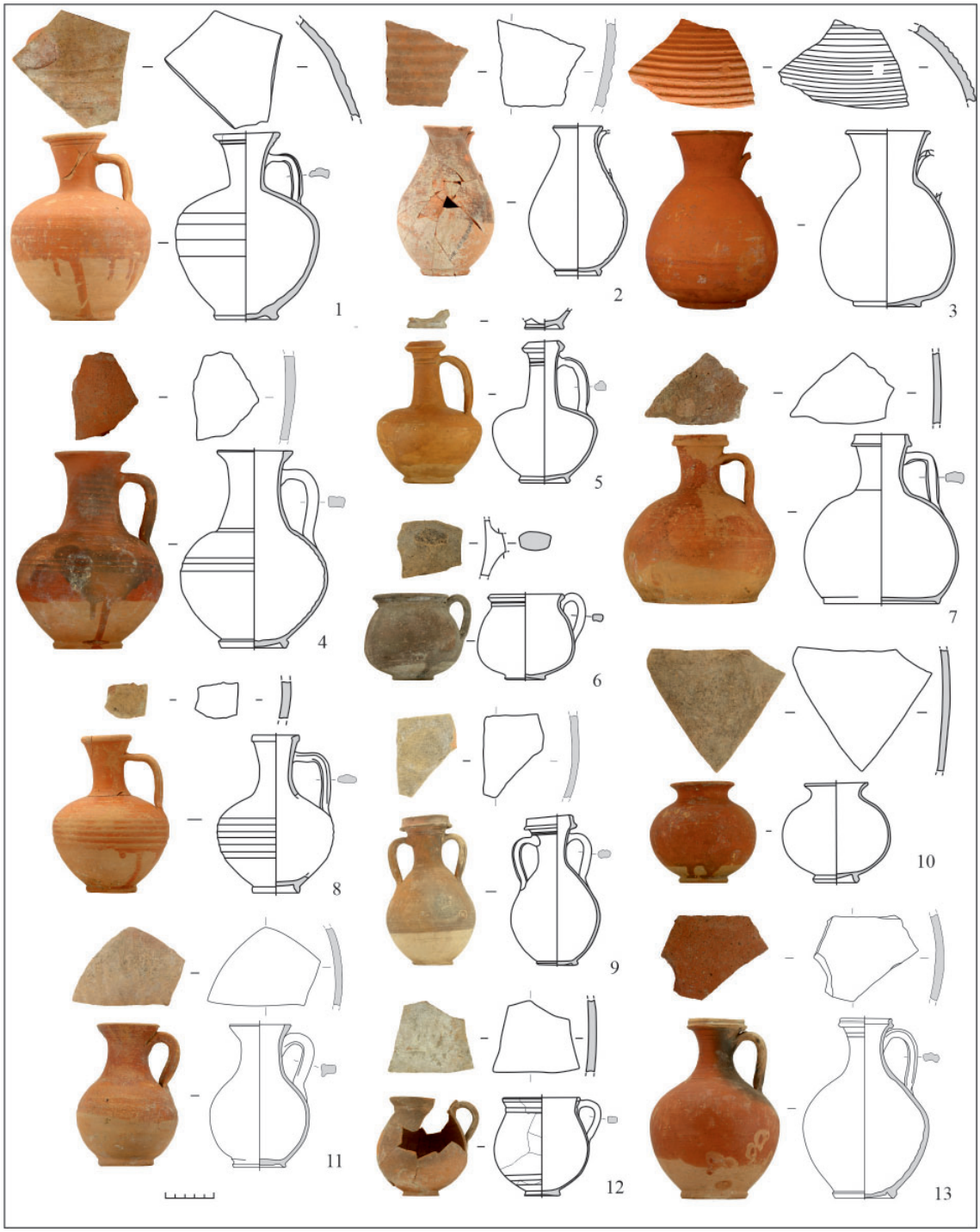


Рис. 7. Могильник Фронтовое 3. Керамические сосуды с краснолаковыми «крышками».
1 – могила 122; 2 – могила 162; 3 – могила 27; 4 – могила 221; 5 – могила 302; 6 – могила 235; 7 – могила 313; 8 – могила 199; 9 - могила 270; 10 - могила 234; 11 - могила 127; 12 - могила 274; 13 - могила 200.
Fig. 7. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with red-glazed ware «lids». 1 – grave 122; 2 – grave 162; 3 – grave 27; 4 – grave 221; 5 – grave 302; 6 – grave 235; 7 – grave 313; 8 – grave 199; 9 – grave 270; 10 – grave 234; 11 – grave 127; 12 – grave 274; 13 – grave 200.

2-й половине II в. При этом перекрытия посуды лепными крышками известны в первый период не менее чем в 15 комплексах, в большинстве своем они датируются серединой II – 1-й половиной III в, а отдельные могилы (324, 194) и более ранним периодом, и соотносятся с началом – серединой II в. Исходя из вышесказанного, становиться очевидным, что лепная посуда в первый период развития могильника в погребальном обряде практиче-

Рис. 8. Могильник Фронтовое 3. Керамические сосуды с лепными «крышками».
1 – могила 138; 2 – могила 194; 3 – могила 150; 4 – могила 217; 5 – могила 238; 6 – могила 288; 7 – могила 132; 8 – могила 324; 9 – могила 265; 10 – могила 58; 11 – могила 291; 12 – могила 221.

Fig. 8. Frontovoye 3 burial ground. Ceramic vessels with hand-made «lids».
1 – grave 138; 2 – grave 194; 3 – grave 150; 4 – grave 217; 5 – grave 238; 6 – grave 288; 7 – grave 132; 8 – grave 324; 9 – grave 265; 10 – grave 58; 11 – grave 291; 12 – grave 221.

ски не используется, а вот фрагменты лепных сосудов в качестве своеобразных крышек активно применяются.

Ранее для могильника Фронтовое 3 были выделены три погребальных практики, для каждой из которых определен набор признаков. Первая датируется концом I – 2-й половиной II в., вторая - 1-й половиной II – рубежом III - IV в.; третья 1-й четвертью IV - началом V в. (Свиридов, 2024б, с. 18-19). При картографировании расположения погребений, в которых присутствует перекрытие керамического сосуда крышкой, стало очевидно, что этот обряд практически прекращает свое существование совместно с исчезновением погребений, выполненных по второй погребальной практике.

Среди захоронений, соотносимых с со вторым периодом существования могильника, подобный обряд выявлен всего в нескольких комплексах (рис. 3). При этом только одна могила (№138) может быть точно соотнесена с третьей погребальной практикой.

В могиле 92 в разных подбоях захоронены индивиды, обряд погребения которых выполнен по разным погребальным практикам (Свиридов, Язиков, 2023, с. 117-118; рис. 293-296). В северном подбое совершенно женское захоронение с выполнением обрядовых норм второй практики (два сосуда за головой совместно с заупокойной пищей в виде части туши КРС, распложённой на полу, а также наличие стеклянного сосуда в правой руке). В южном подбое погребен мужчина, за головой которого присутствует расширенный набор посуды, представленный тремя стеклянными сосудами, среди заупокойной пищи помимо мяса КРС обнаружено так же куриное яйцо. Именно в северном, женском погребении, выполненном по второй практике, керамический кувшин накрыт крышкой в виде стенки лепного сосуда.

Еще один интересный комплекс расположен на крайнем юго-западе могильника в зоне погребений начала V в. В могиле 51, в южном подбое был захоронен мужчина, в голове которого располагался кувшин, накрытый камнем (Свиридов, Язиков, 2023, с. 70-71; рис. 163-167). При рассмотрении комплекса сопроводительного инвентаря выяснилось, что набор посуды в южном подбое представлен одним краснолаковым кувшином, к которому добавлены два стеклянных сосуда, в отличие от северного, где расчищен многочисленный посудный набор. Помимо этого, в южном подбое не обнаружены ни кости птицы, ни яичная скорлупа. Подобная ситуация отмечена также и в грунтовой могиле 44, расположенной на стыке раннего и позднего периода могильника, но выполненной по второй погребальной практике, где сосуд был перекрыт лепной стенкой (Свиридов, Язиков, 2023, с. 65-66; рис. 145-147).

Единственной могилой, в которой крышки на керамических сосудах соотносятся с третьей погребальной практикой, является детская двухподбойная могила 138 (Свиридов, Язиков, 2024, с. 34; рис. 69-71). В ней в обоих подбоях в сосудах открытых форм располагалась яичная скорлупа, в северном подбое кружка была накрыта стенкой лепного сосуда, а в южном подбое кувшин накрыт рванным камнем.

Происхождение обряда

Наиболее простым объяснением появления черты обряда в виде накрытия сосудов своеобразными крышками, является предположение о заимствовании ее от практики перекрытия керамических урн кремационных захоронений. Подобная норма известна в Юго-Западном Крыму. В частности, она широко применялась в погребальном обряде Херсонеса (Зубарь, 1982, с. 54). А также среди погребений могильника, насчитывающего наибольшее количество кремационных погребений в регионе – некрополе Севастопольский (Совхоз-10) (Стржелецкий, 1954, рис. 8, 23, 27; Стржелецкий и др., 2003-2004, с. 48; рис. 11). Известны подобные примеры и на Чернореченском могильнике (Веймарн, 1950, карточка 57). Среди погребальных комплексов черняховской культуры перекрытие (покрытие) погребальных урн в кремационных погребениях также достаточно частое явление (Никитина, 1985, с. 68).

Здесь нужно отметить два важных момента, противоречащих этой гипотезе. Во-первых, на могильнике Севастопольский (Совхоз-10) перекрытие керамических урн, используемых для кремации, очень частое явление. В качестве своеобразных крышек используются чаще всего разнообразные сосуды открытых форм, а также стенки и придонные части других, как краснолаковых, так и лепных сосудов. Но для керамики, располагаемой в наборах заупокойной пищи, обрядовая норма

перекрытия посуды крышками не характерна. Таким образом, связи между этими двумя практиками не прослеживается.

Во-вторых, как показали материалы некрополя Фронтовое 3, обрядовая черта в виде перекрытия посуды начала активно применяться с самых ранних этапов существования могильника, то есть с конца I в н.э. При этом основной объем кремационных захоронений, известных на варварских памятниках в округе Херсонеса, датируется III в.

Показательным и в этом вопросе являются ряд захоронений могильника Фронтовое 3. В нем в одноподбойных могилах 28,30, в южном подбое могилы 62, в комбинированных (ингумация+кремация) погребениях могил 78, 281 обнаружены кремационные захоронения в виде скопления пережженных костей без керамических урн. При этом во всех указанных комплексах присутствовали сосуды закрытых форм, накрытые крышками (Свиридов, 2022, рис. 2: 3, 6; 3: 1, 38; 5: 52). Материал этих погребений показывает, что для населения, хоронившего в них своих близких, общепринимая для памятника практика расположения заупокойной пищи была важнее расположения праха усопших в специальных урнах, связано это было по всей видимости с тем, что местом упокоения погребенного являлась, видимо, сама подбойная камера.

В ряде последних работ, посвященных кремационным погребениям Крыма, высказывается мнение о существовании подобной традиции в Крыму длительный период, охватывая время с I в. до н.э. до конца IV в. н.э., возможно и начала V в. н.э. (Стоянова, 2024, с. 225), либо еще длительнее с VI в. до н.э. по V в. н.э. (Зайцев, 2024, с. 119). При этом большинство исследователей соглашаются, что основной объем кремационных захоронений связан именно со временем II - III вв., для которого и характерны перекрытия керамических урн. Пока еще мало изученные памятники, обнаруженные в Байдарской долине с кремационными комплексами рубежа эр – первых веков н.э., не дают информацию о наличии в них рассматриваемой в статье погребальной обрядовой черты (Савеля, Савеля, 2018; Нессель, 2018).

Исходя из этих двух озвученных моментов, становиться очевидным, что обрядовая норма в виде перекрытия своеобразными крышками керамических урн для кремационных погребений и керамических сосудов, используемых для ритуальных подношений, имеют две разные линии происхождения.

Аналогии

Анализ архивных и опубликованных материалов могильников Юго-Западного Крыма показал, что накрытие крышками именно сосудов, используемых в наборе заупокойной пищи, явление за пределами Бельбекской долины малоизвестное. Единичные случаи встречены на отдельных памятниках. В Усть-Альминском некрополе в могиле 754 датированной концом I – 1-й половиной II в., на венчик краснолакового кувшина был поставлен краснолаковый канфар (Пуздровский, Труфанов, 2017, с. 22; рис. 41). В грунтовом склепе №6 могильника Чернореченский в ногах погребного среди набора инвентаря были расчищены две лепные чаши, накрытые перевернутыми краснолаковыми чашками (Веймарн, 1950, карточка 19-21). Непосредственно крышкой из фрагмента камня накрыты сосуды в нескольких могилах, датированных рубежом эр – 1-й половиной I в. (могила 44) и I - II вв. (могила 7) в могильнике Красная Заря (Белый, Неневоля, 1995, с. 8-9; рис. 20; Зайцев и др., 2003, с. 7; рис. 13). Подобная обрядовая черта обнаружена также в отдельных комплексах Битакского могильника, датированных концом I – серединой II в. (Пуздровский, 1996, с. 81-82; рис. 439, 444).

Значительно больше случаев известно на некрополе Бельбек IV. Всего на памятнике за все годы исследований открыто не менее 46 погребений, в которых керамическая посуда, используемая в заупокойной пище, была бы перекрыта своеобразными крышками (Гущина, Журавлев, 2016; Труфанов, Стоянова, 2023). По типам перекрытой посуды так же, как и на Фронтовом, преобладают краснолаковые кувшины, на обоих памятниках они составляют около 74 % (табл. 1). Вторым типом по массовости встречаемости являются краснолаковые кружки – 8,7 %. Остальные формы представлены единичными случаями. На Бельбеке IV форма и материал самих «крышек» отличается от Фронтового 3. Преобладают так же каменные крышки, их насчитывается 19 случаев (41,3%). Вторую значительную группу представляют целые сосуды различных форм. Подобная ситуация отмечена не менее чем в 17 погребениях (37%). Чаще всего это краснолаковые кубки, они обнару-

жены в 11 могилах. В отдельных погребениях обнаружены сосуд грушевидной формы, одноручный сосуд, а также такие формы, как кружка, тарелка, горшок, канфар, чашечка. Наименьшую группу составляют фрагменты стенок амфор, подобные случаи отмечены в 10 захоронениях (21,7%). Использование стенок лепных сосудов в качестве крышек на могильнике Бельбек IV не зафиксировано.

За пределами Крыма подобная обрядовая черта также не имеет распространения. В синхронных памятниках Прикубанья, Волго-Донского региона, Приуралья не была обнаружена подобная практика. Не выявлена она и среди круга черняховских памятников.

Аналогии неожиданно нашлись в достаточно удаленной от Крыма части Евразии, на памятниках юго-западного Семиречья (Казахстан) среди погребений первой половины I в. Отдельные комплексы были открыты в могильниках Актас 1 и Караша. Несмотря на то, что большинство захоронений на обозначенных памятниках были сооружены в подбоях или грунтовых ямах под курганными насыпями, обряд захоронения достаточно схож. Погребенные уложены вытянуто на спине, за головой располагалась керамическая посуда и рядом с ней заупокойная пища, представленная мясом барана. В могильной яме кургана 74 могильника Караша, в голове погребенного лепная чаша, перекрытая каменной плиткой, кости барана и железный нож (Максимова, 1976, с. 170). В могильнике Актас 1, в отдельной группе курганов зафиксировано не менее трех случав подобного обряда (курганы 12, 21, 42), в некоторых из них рядом с сосудом располагались кости барана и железный нож (Акишев, 2024, с. 150, 161, 183; рис. 3.90, 3.91, 3.126). Авторы публикаций не дают узких хронологических рамок погребений, в которых зафиксирована подобная обрядовая черта. Поэтому приведенные аналогии могут выступать больше как яркий пример существования схожих элементов погребального обряда на разных территориях.

Заключение

Пока остаётся неясным вопрос, почему известная, но мало распространённая в Крыму обрядовая норма, представленная накрытием керамических сосудов своеобразными крышками, получила большее распространение именно у отдельных групп населения долины реки Бельбек. Помимо этого, остаются открытыми целый ряд вопросов относительно этой обрядовой черты: 1) непонятен принцип выбора материала для перекрытия сосуда, обусловлено ли это случайностью или это определённый регламентированный процесс; 2) с чем связано, использование на Фронтовом 3, в качестве крышек фрагментов стенок лепной посуды, тогда как среди сосудов, связанных с заупокойной пищей вплоть до конца III в. лепные сосуды практически не используются; 3) неясным также остаётся принцип выборности применения подобного обычая на памятниках, связано ли это с содержимым сосуда или другими процессами.

Проведенное исследование показало, что на отдельных могильниках, расположенных в долине реки Бельбек, широкое распространение получила обрядовая черта в виде перекрытия, используемых среди набора заупокойной пищи сосудов закрытых форм своеобразными крышками, выполненными из разных материалов. Подобная практика за исключением отдельных комплексов на некоторых синхронных памятниках, не характерна для погребальных комплексов Юго-Западного Крыма. При этом для населения, оставившего могильник Фронтовое 3, перекрытие сосудов наряду с другими отдельными чертами погребального обряда (такими как расположение стеклянного сосуда в районе правой кисти, широкое применение подбойных могил без каменного заклада, распространения каменного заклада в виде навал камней), по всей видимости является локальной обрядовой чертой, которая на данный момент не имеет широких аналогий.

ЛИТЕРАТУРА

Акишев К.А. Хунну-усуньский комплекс Актас / Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XXI. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2024. 256 с.

Белый О.Б., Неневоля И.И. Отчет об охранных археологических раскопках могильника первых веков нашей эры у села Красная Заря Бахчисарайского района в 1994 году. Бахчисарай, 1995 // Архив Института археологии Крыма РАН.

Веймарн Е.В. Отчет о работах археологической экспедиции МПИ и Крымского филиала АН СССР // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 556-557, 559. 1950.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение) // РА. 2020. № 2. С. 91–110.

Зайцев Ю.П. Кремации Крымского Барбарикума. Археологическая карта и современное состояние источника // КСИА. 2024. Вып. 276. С. 119–139.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Неневоля И.И. Отчет об археологических исследованиях могильника первых веков н.э. у с. Красная Заря Бахчисарайского района АР Крым в 2002 г. Симферополь, 2003 // Архив Института археологии Крыма РАН.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев: Наукова думка, 1982. 144 с.

Максимова А.Г. Курганные могильники Караша I и II // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 163–182.

Нессель В.А. Керамический комплекс могильника у села Гончарное в Юго-Западном Крыму // Херсонесский сборник. Вып. XIX / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Альбатрос, 2018. С. 217–228.

Никитина Г.Ф. Систематика погребального обряда племен черняховской культуры. М.: Наука, 1985. 209 с.

Пуздровский А.Е. Отчет о раскопках Битакского могильника в 1989-1992 гг. Симферополь, 1996 // Архив Института археологии Крыма РАН. 646-а.

Пуздровский А.Е., Труфанов А.А. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь: ИП Зуева Т.В., 2017. 300 с.

Савеля О.Я., Савеля Д.Ю. Поля погребальных урн в горах Юго-Западного Крыма (по материалам разведок 2014–2015 гг. в Байдарской и Варнутской долинах) // Херсонесский сборник. Вып. XIX / Отв. ред. Н.А. Алексеенко. Севастополь: Альбатрос, 2018. С. 269–288.

Свиридов А.Н. Кремационные погребения могильника Фронтовое 3 // Могильник римского времени Фронтовое 3: варвары на границах Империи / Отв. ред. А.В. Мастыкова, Э.А. Хайрединова. М.: ИА РАН, 2022. С. 71–85.

Свиридов А.Н. Хронологические и планиграфические особенности погребальных традиций могильника Фронтовое 3 // Этнокультурные процессы на северных границах Восточной Римской империи / Отв. ред. А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. Симферополь: Антиква, 2024а. С. 32–40.

Свиридов А.Н. Погребальный обряд округи Херсонеса в римское время (по материалам могильника Фронтовое 3). Автореф. дисс…канд. ист. наук. М., 2024. 30 с.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 1 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 1 / М.: ИА РАН, 2023. 460 с.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 2 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Ч. 2. М.: ИА РАН, 2024а. 452 с.

Свиридов А.Н., Язиков С.В. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму: в трех частях. Часть 3 / Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. Часть 3. М.: ИА РАН, 2024б. 436 с.

Стоянова А.А. Новый могильник с кремациями римского времени в горном Крыму // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Вып. X. / Глав. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2024. С. 208–231.

Стржелецкий С.Ф. Отчет о разведке могильника III в. н.э. в совхозе №10 в 1954 г. // Научный архив государственного историко-археологического музея-заповедника Херсонес Таврический. Ф.1. Д. 690/5 а, б. 1954.

Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum Plus. 2003–2004. №4. С. 27–277.

Суханов Е.В. Лепная керамика могильника римского времени Фронтовое 3 (предварительная публикация) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). 2020. Вып. XXV. С. 66–89.

Труфанов А.А., Стоянова А.А. Некрополь Бельбек IV (исследования 2021 г.) / Археологические памятники Северного Причерноморья 5. Симферополь: Ариал, 2023. 259 с.

Информация об авторе:

Свиридов Алексей Николаевич, младший научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); a_sviridov@mail.ru

REFERENCES

Akishev, K. A. 2024. *Khunnu-usunskii kompleks Aktas (Xiongnu-Wusun complex of Aktas).* Series: Materials and Research on the Archaeology of Kazakhstan. Vol. 21. Almaty: Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan (in Russian).

Belyi, O. B., Nenevolya, I. I. 1995. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh mogilnika pervykh vekov nashei ery u sela Krasnaia Zaria Bakhchisaraiskogo raiona v 1994 godu (Report on the archaeological excavations of the burial ground of the first centuries of our era near the village of Krasnaya Zarya in the Bakhchysarai region in 1994).* Bakhchisarai. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Veimarn, E. V. 1950. *Otchet o rabotakh arkheologicheskoi ekspeditsii MPI i Krymskogo filiala AN SSSR (Report on the work of the archaeological expedition of the MPI and the Crimean branch of the USSR Academy of Sciences).* Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, F-1, R-1, dossier 556-557, 559 (in Russian).

Gushchina, I. I., Zhuravlev, D. V. 2016. *Nekropol rimskogo vremeni Belbek IV v Zapadnom Krymu (The Roman period necropolis of Belbek IV in Western Crimea).* Part 1. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

Gavritukhin, I. O., Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2020. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 91–110 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P.2024. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 276, 119–139 (in Russian).

Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva, V. I., Nenevolya, I. I. 2003. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh mogilnika pervykh vekov n.e. u s. Krasnaia Zaria Bakhchisaraiskogo raiona AR Krym v 2002 g. (Report on archaeological investigations of the burial ground of the first centuries AD near the village of Krasnaya Zarya, Bakhchysarai district of the Autonomous Republic of Crimea in 2002).* Simferopol. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zubar, V. M. 1982. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo* I–IV *vv. n.e. (Tauric Chersonesus necropolis of the I–IV centuries A.D).* Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Maksimova, A. G. 1976. In Akishev, K. A. (ed.). *Proshloe Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam* (*The Past of Kazakhstan based on Archaeological Sources*). Alma-Ata: "Nauka" Publ., 163–182 (in Russian).

Nessel V. A. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection)* XIX. Sevastopol: "Albatros' Publ., 217–228. (in Russian).

Nikitina, G. F. 1985. *Sistematika pogrebalnogo obriada plemen cherniakhovskoi kultury (Systematics of the burial rite of the Chernyakhov culture tribes).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian)

Puzdrovskyi, A. E. 1996. *Otchet o raskopkakh Bitakskogo mogilnika v 1989-1992 gg. (Report on the excavations of the Bitak burial ground in 1989-1992).* Simferopol. Archive of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences, inv. 646-a (in Russian).

Puzdrovskyi, A. E., Trufanov, A. A. 2017. *Polevye issledovaniia Ust-Alminskogo nekropolia v 2000–2003 gg. (Field studies of the Ust-Alminsky necropolis in 2000-2003).* Simferopol: "IP Zueva T. V." Publ. (in Russian).

Savelya O.Ya., Savelya, D. Yu. 2018. In Alekseenko, N. A. (ed.). *Khersonesskii sbornik (Chersonesos collection of articles)* XIX. Sevastopol: "Albatros' Publ., 269−288. (in Russian).

Sviridov, A. N. 2022. In Mastykova, A. V., Khairetdinova, E. A. (eds.). *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsakh Imperii (The Roman Period Burial ground of Frontovoe 3: the Barbarians on the Borders of the Empire).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences Publ., 71–85 (in Russian).

Sviridov, A. N. 2024. In Aibabin, A. I., Khairetdinova, E. A. (eds.). *Etnokulturnye protsessy na severnykh granitsakh Vostochnoi Rimskoi imperii (Ethnic-cultural processes on the northern borders of the Eastern Roman Empire).* Simferopol: "Antikva" Publ., 32–40 (in Russian).

Sviridov, A. N. 2024. *Pogrebalnyi obriad okrugi Khersonesa v rimskoe vremia (po materialam mogilnika Frontovoe 3) (The burial rite of the district of Chersonesos in Roman period (based on the materials of the Frontovoye 3 cemetery)).* Thesis of Diss. of Candidate of Historical Sciences. Moscow (in Russian).

Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2023. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastiakh (Roman period Frontovoye 3 nekropolis in Southwestern Crimea: in three parts)* Part 1. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Materials of Rescue Archaeological Studies)* Vol. 33 Part 1. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2024. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastiakh (Roman period Frontovoye 3 nekropolis in Southwestern Crimea: in three parts)* Part 2. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Materials of Rescue Archaeological Studies)* Vol. 33 Part 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Sviridov, A. N., Yazikov, S. V. 2024. *Mogilnik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Iugo-Zapadnom Krymu: v trekh chastiakh (Roman period Frontovoye 3 nekropolis in Southwestern Crimea: in three parts)* Part 3. Series: Materialy spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniy *(Materials of Rescue Archaeological Studies)* Vol. 33 Part 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Stoyanova, A. A. 2016. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) II. 20 let issledovanii mogil'nika Neizats (Crimea during the Sarmatian epoch (II century BC – IV century AD)* X. Simferopol: "Nasledie tysyacheletii" Publ., 208–231 (in Russian).

Strzheletskii, S. F. 1954. *Otchet o razvedke mogilnika III v. n.e. v sovkhoze №10 v 1954 g. (Report on the survey works of the of the III century AD burial ground at state farm No. 10 in 1954).* Scientific Archive of the State Historical and Archaeological Museum-Reserve Chersonesos Tauric. F. 1, dossier 690/5 а, б. (in Russian).

Strzheletskii, S. F., Vysotskaya, T. N., Ryzhova, L. A., Zhestkova, G. I. 2003–2004. In *Stratum Plus* (4), 27–277

Sukhanov, E. V. 2020. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials in the Archaeology, History and Ethnography of Tauria)* (25), 66–89 (in Russian).

Trufanov, A. A., Stoyanova, A. A. 2023. *Nekropol Belbek IV (issledovaniia 2021 g.) (Necropolis of Belbek IV (studies in 2021)).* Series: Arkheologicheskie pamiatniki Severnogo Prichernomoria (Archaeological sites of the Northern Black Sea region) 5. Simferopol: "Arial" Publ. (in Russian).

About the Author:

Sviridov Aleksey N., Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; a_sviridov@mail.ru

Статья поступила в журнал 31.03.2025 г.
Статья принята к публикации 17.05.2025 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.335.339

РЕЦЕНЗИЯ НА ИЗДАНИЕ «АРХЕОЛОГИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ. В 7 Т. Т. 7. ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (СЕРЕДИНА XV – XVII ВВ.) / ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АН РТ; ПОД ОБЩ. РЕД. А.Г. СИТДИКОВА; ОТВ. РЕД. Ф.Ш. ХУЗИН. – КАЗАНЬ: ИЗД-ВО АН РТ, 2022. – 534 С.: ИЛ.

©2025 г. В.Л. Мыц

Рецензируемая работа «Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т.7. Позднее средневековье (середина XV – XVII вв.)» представляет собой коллективную монографию, подготовленную группой академических и вузовских учёных. На страницах тома авторами выполнена презентация новейших археологических исследований, осуществлявшихся на территории Волго-Уралья в XXI столетии. Научная актуальность современных широкомасштабных археологических раскопок стимулировала рождение новых научных учреждений. Одним из них, теперь выступающим в роли организатора и координатора подготовки данного тома, является Институт археологии АН РТ им. А.Х. Халикова, созданный в 2014 г.

Ключевые слова: археология Волго-Уралья, позднее Средневековье, Нижнее Поволжье, Казанское ханство, Свияжск.

REVIEW FOR: ARCHAEOLOGY OF THE VOLGA-URALS. IN 7 VOLS. VOL. 7: LATE MIDDLE AGES (THE MIDDLE OF THE XV – XVII CENTURIES) / INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES; UNDER THE GENERAL EDITORSHIP OF A.G. SITDIKOV; EX. ED. F.SH. KHUZIN. – KAZAN: PUBLISHING HOUSE OF THE TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES, 2022. – 534 PP.: ILL.

V.L. Myts

Peer–reviewed work "Archaeology of the Volga-Urals. In 7 vols. Vol. 7. Late Middle Ages (middle of the XV – XVII centuries)" is a multi-author monograph prepared by a group of academic and university scientists. On the pages of the book, the authors present the latest archaeological research conducted in the Volga-Urals in the XXI century. The scientific relevance of modern large-scale archaeological excavations has stimulated the birth of new scientific institutions. One of them, now acting as the organizer and coordinator of the preparation of this volume, is the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Tatarstan Academy of Sciences, established in 2014.

Keywords: archaeology of the Volga-Urals, Late Middle Ages, Lower Volga region, Khanate of Kazan, Sviyazhsk

Рецензируемый труд является завершающим томом семитомного труда «Археология Волго-Уралья», посвященным эпохе позднего Средневековья, пока еще слабо изученного не только в указанном регионе, но и в масштабе всей страны.

В своих исторических построениях авторы опираются на достоверные датированные репрезентативные документальные факты. Коллектив исследователей «Археологии Волго-Уралья» свои выводы основывает на хорошо опробированных в ходе изучения археологических материалах и письменных источниках. Безусловной заслугой авторского коллектива следует признать инновационность содержания, т. к. впервые в отечественной историографии представлена комплексная картина материальной культуры и исторического развития обширного региона Волго-Уралья второй половины XV–XVII вв.

Для выполнения сложной научно-просветительской задачи руководителем проекта А.Г. Ситдиковым собран большой коллектив авторов, состоящий из 24 исследователей – специалистов не только в средневековой археологии, но и в других историко-гуманитарных областях позднего Средневековья. При этом в коллектив вошли сотрудники Института археологи им. А.Х. Халикова АН РТ (Ф.А. Ахметгалин, А.В. Беляев, Р.Р. Валиев, Г.И. Дроздова, Д.Г. Мухаметшин, М.В. Сивицкий, А.Г. Ситдиков, Р.Н. Хамзин, Ф.Ш. Хузин), а также учёные института истории им. Ш. Марджани (Х.М. Абдуллин), Казанского федерального университета (И.Р. Газимзянов), Елабужского института КФУ (А.З. Нигамаев), школы «Археология Нижнего Поволжья» Астраханского государственного университета (Д.В. Васильев), Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва (Э.Л. Дубман), Самарской областной универсальной научной библиотеки (Н.М. Малкова), Марийского государственного университета (Ю.А. Зеленеев, В.С. Патрушев), Учебно-научного археолого-этнографического центра (УНАЭЦ) Марийского университета (Е.М. Пигарев), Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Т.Б. Никитина), научного издательства «Поволжская археология» (А.С. Старков), Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника (З.Г. Шакиров).

Представленные в седьмом томе материалы исследований носят комплексный характер, так как охватывают широкий спектр изучения археологических памятников Волго-Уралья периода позднего Средневековья: с середины XV – до конца XVII вв. Об этом свидетельствует структура тома, содержащая данные изучения археологии Казани и Казанского ханства 1445–1552 гг. (раздел I, главы 1–9), архитектурно-археологической застройки острова-града Свияжска (раздел II, главы 1–5), городских поселений Волго-Уралья середины XV – первой половины XVIII вв. (раздел III, главы 1–7), погребальных памятников народов Волго-Уралья середины XV – первой половины XVIII вв. (раздел IV, главы 1–4). В качестве заключительного аккорда представлено исследование фортификационных сооружений региона, выполненных некогда в виде засечных черт Волго-Уралья XVI – первой половины XVIII вв. (раздел V, главы 1–2). Следует отметить, что при необходимости более полного раскрытия затронутых тем авторы расширяют хронологические рамки повествования до второй половины XVII – первой половины XVIII вв., и это вполне оправданно.

Таким образом, том состоит из пяти разделов, включающих 27 глав. В завершение представлены: библиография, список сокращений, именной указатель, указатель упоминаемых в тексте памятников и информация об авторах. Издание снабжено высококачественными иллюстрациями, которые, в свою очередь, являются ценным источником, так как несут в себе объективную информацию. Библиографический указатель содержит все необходимые данные об использованной исследователями литературе. Изложение материала представлено объективно без конъюнктурных посылок, критика авторов и источников всегда выполнены корректно.

Высоко оценивая профессионализм и компетентность авторов тома, считаю возможным сделать небольшие дополнения. Например, в главе 4 (раздел I), где описывается «Мавзолей казанских ханов», содержится важная информация об истории образования Казанского ханства, когда первым ханом Казани в 1445 г. становится сын Улу-Мухаммеда – Махмутек. Стоит также обратить внимание, что политическая история Казани была тесно связана с формирующимся на базе Крымского юрта Крымским ханством. Например, в 1450–1460-х гг. дважды на престоле Крымского ханства пытались закрепиться казанские ханы. Первоначально (в 1456 г.) это сделал Махмутек, а второй раз (в 1466 г.) – его сын Ибрагим. Сравнительно недавно Ж. Сабитов и А. Якушечкин обратили внимание на армянский источник (Евангелия), в котором сохранилась запись: «В этом году [1456] пришёл султан Mahмутаг и обратил в бегство хана Ћатжи-Кирея, и город этот [Кафа] очень рад, да сделает Бог завершение (этих событий) добрым» (Саргсян, 2010, с. 251–253). Изучение комплекса доступных документов позволило авторам обосновать предположение, что в 1456 г. в Крыму ханом стал Махмутек. При этом авторы настаивают на том, что Махмутек являлся сыном Сеид-Ахмеда-Кучука (Сабитов, Якушечкин, 2015, с. 175–185). В следующий раз, после смерти

Хаджи-Гирея, наступившей 25 августа 1466 г., престол Крыма занял ставленник старшего крымского бека Ширина Мамака – Ибрагим, сын Казанского хана Махмутека. Нового хана активно поддержали генуэзцы и его двухмесячное правление (сентябрь-октябрь 1466 г.) подтверждено чеканившимися в Каффе монетами (Пономарёв, 2014а, с. 128–169; 2014б, с. 191–225; Гулевич, 2018, с. 237–240). Однако в результате упорной борьбы (вплоть до военных столкновений) Ибрагим был вынужден покинуть полуостров и на престол взошёл старший сын Хаджи Гирея – Нур-Девлет. Но и ему не удалось надолго закрепить свою власть. В междоусобной борьбе (при активной финансовой и военной поддержке генуэзцев (Heyd, 1886, II, p. 399) победу одержал четвёртый сын Хаджи Гирея – Менгли I Гирей (1469–1475, 1478–1515) (Гулевич, 2018, с. 249–277).

К сюжету о погребениях некоторых крымских ханов в «Дюрбе Хаджи Гирея» (глава 4, с. 69), возведённом Менгли I Гиреем к 21 марта 1501 г., сделаю некоторые дополнения. Исследование дюрбе в Салачике в 2003–2008 гг. предприняли А.М. Ибрагимова и Н.А. Гаврилюк. При раскопках мавзолея, находившегося в основании дюрбе, было in situ обнаружено 18 погребений в деревянных гробах, обёрнутых тканью: 13 погребённых представляли собой захоронения взрослых и пять оказались детскими захоронениями (Гаврилюк, Ибрагимова, 2010)[1].

Раздел II посвящен археологическому изучению острова Свияжска и его округи. Он представляет собой одну их ярких частей седьмого тома. Краткое изложение материала соответствует ранее опубликованной монографии «Музей археологического дерева «Татарская слободка» (Ситдиков, Старков, 2022). Свияжск как архитектурно-археологический памятник заслуживает такого пристального и высоко профессионального внимания. Тем более что на сегодняшний день созданный здесь Музей археологического дерева следует относить к числу лучших на территории нашей страны. Среди сотен представленных в экспозиции музея отреставрированных артефактов обращают на себя внимание обломки моделей двух церквей, изготовленных из белого камня. К сожалению, ни в монографии, ни в текстовой части тома нет сведений, уточняющих условия этих двух редких находок (раздел II, глава 5, с. 233, рис. 3) (Ситдиков, Старков, 2022, с. 116, рис. 3.1.1.54–55). Предлагаемая исследователями дата этих находок – XVI – первая половина XVII вв. – не вызывает сомнения. Свои наблюдения дополню тем, что подобные миниатюрные модели церквей встречаются редко и происходят из памятников византийского круга XIII–XV в., где они иногда использовались в качестве основы штампа для изготовления просфор. В таких случаях на дне моделей вырезались рельефные кресты. В качестве примера могу привести находку модели октагонального в плане храма с вырезанным на дне рельефным крестом из слоя пожара XIII в. в крепости Алустон (Мыц, 2018, с. 179–181, ил. 16). К тому же на трёх «фасадных» стенах модели храма из Свияжска сохранились изображения крестов с равноконечными ветвями. Сами кресты помещены в круг, что позволяет их идентифицировать как кресты Константина Великого. Плохая сохранность основания модели храма из Свияжска не позволяет установить наличие на нижней плоскости рельефного креста, а значит, лишает нас основания интерпретировать его как штамп для изготовления просфор.

В связи с затронутой темой о пребывании христианского населения в Свияжске следует отметить отсутствие в разделе II специальной главы с описанием расположенных здесь храмов и монастырей, например: 1) Свияжского Богородице-Успенского мужского монастыря (1555 г.); 2) церкви Николая Чудотворца (1555 г.); 3) церкви во имя Сергия Радонежского (1604 г.); 4) деревянной Троицкой церкви (1550 г.); 5) церкви святых равноапостольных Константина и Елены (конец XVII в.).

Считаю нужным обратить внимание авторов тома на отмеченные недостатки:

1. Среди авторов тома (в заключении) не представлены П.С. Данилов, А.В. Егоров, А.Л. Кряжевских, М.И. Федулов.

2. На концевой странице, содержащей выходные данные, неожиданно всплывает название VII тома: «Археология Волго-Уралья. Эпоха Великого переселения народов».

3. В третьем разделе «Археология других городских поселений», в главах 1 («Нижнее Поволжье XV–XVIII вв.») и главе 6 («Царевококшайск») дополнительно введены по два параграфа, отсутствующие в оглавлении тома.

4. Для каждого раздела предложена система индивидуальной нумерации иллюстраций, что создаёт сложности с её использованием и может вызывать путаницу при цитировании.

5. При описании погребения II в раскопе 2004 г. не проставлен номер мавзолея (с. 186), а стоит знак вопроса.

6. На с. 93 указаны «две монеты Василия II (начало XV в.)». Не уверен, что правление Василия II Тёмного (1425–1433 гг.) можно относить к началу XV в. Может быть, имелся в виду Василий I (1389–1425)?

Отмеченные замечания носят технический характер и не влияют на общее восприятие содержания.

Издание седьмого тома «Археология Волго-Уралья» станет важным событием в развитии отечественной археологии. Данный научный труд носит комплексный характер и потому будет представлять интерес не только для археологов, но и для специалистов широкого профиля гуманитарных дисциплин: этнологии, социальной (культурной) антропологии, нумизматики, искусствоведения, источниковедения, отечественной истории, сравнительной и транснациональной истории, историографии и проч. Изложенные в томе материалы в перспективе послужат исследователям научным ориентиром в дальнейших поисках на ближайшие десятилетия.

Примечание:

[1] Применённая методика полевых работ и предпринятая публикация полученных в ходе раскопок материалов подверглись обстоятельной критике со стороны специалистов (Кирилко, 2012, с. 180–183).

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Герая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: Дикое поле, 2010. 176 с., 346 ил.

Гулевич В.П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.

Кирилко В.П. Рецензия на: Гаврилюк Н.А., Ибрагимова А.М. Тюрбе хана Хаджи Гирая (по материалам археологических исследований 2003–2008 гг.). Киев; Запорожье: Дикое Поле, 2010. 176 с., 346 ил. // РА. 2012а.№ 3. С. 180–183.

Мыц В.Л. Двуглавый орёл в «геральдике» князей Феодоро XV в. // Материалы и исследования Отдела нумизматики: по материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика, геральдика средневекового Крыма» / Труды ГЭ. Т. XCIV / Отв. ред. В.В. Гурулёва. СПб.: ГЭ, 2018. С. 162–222.

Пономарёв А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (1) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1 (3). С. 128–162.

Пономарёв А.Л. Ибрагим, сын Махмудека: вхождение во власть и кошельки (2) // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 191–225.

Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) / Сост., рус. перевод и примеч. Т.Э. Саргисян. Симферополь: Сонат, 2010. 312 с.

Сабитов Ж. Якушечкин А. Кто был ханом в Крыму в 1456 г.? // Крымское историческое обозрение. 2015. № 2. С. 175–185.

Ситдиков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Mogen-Age par. T. II. Leipzig, 1886. 799 p.

Информация об авторе:

Мыц Виктор Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия); vic.mytz@yandex.ru

REFERENCES

Gavrilyuk, N. A., Ibragimova, A.M. 2010. *Tyurbe khana Khadzhi Geraya (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy 2003–2008 gg.) (Turbe of the Haci Geray Khan (based on the materials of archaeological research in 2003-2008)).* Kiev; Zaporozhye: "Dikoe pole" Publ. (in Russian).

Gulevich, V. P. 2018. *Ot ordynskogo ulusa k khanstvu Gireev: Krym 1399–1502 gg. (From the Horde ulus to the Girays' Khanate: Crimea 1399–1502).* Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Kazan: Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences

Kirilko, V. P. 2012. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 180–183 (in Russian).

Myts, V. L. 2018. In Guruleva, V.V. (ed*.). Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki: po materialam konferentsii «Sfragistika, numizmatika, geral'dika srednevekovogo Kryma» (Materials And Researches of the Numismatics Department: proceedings of the Conference 'Sphragistics, Numismatics, Heraldry in the Medieval Crimea').* Series: Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Transactions of the State Hermitage Museum) 94. Saint Petersburg: The State Hermitage, 162–222 (in Russian).

Ponomarev, A. L. 2014. In *Zolotoordynskoye obozreniye (Golden Horde review)* 4 (2), 128–162 (in Russian).

Ponomarev, A. L. 2014. In *Zolotoordynskoye obozreniye (Golden Horde review)* 4 (2), 191–225 (in Russian).

Sargisyan, T. E. (comp.). *Svod armyanskikh pamyatnykh zapisey, otnosyashchikhsya k Krymu i sopredel'nym regionam (XIV-XV vv.) (A code of Armenian commemorative texts relating to the Crimea and adjacent regions (XIV-XV centuries)).* Simferopol: “Sonat” Publ. (in Russian).

Sabitov, Zh. Yakushechkin, A. 2015. In *Krymskoe istoricheskoe obozrenie (Crimean historical review)* 2, 175–185 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. 2022. *Muzey arkheologicheskogo dereva «Tatarskaya slobodka» (Archaeological Wood Museum «Tatarskaya Slobodka»).* Kazan: “Master-Graf” Publ. (in Russian).

Heyd, W. 1886. *Histoire du commerce du Levant au Mogen-Age par*. T. II. Leipzig.

About the Author:

Myts Viktor L., Candidate of Historical Sciences, State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; vic.mytz@yandex.ru

Статья поступила в журнал 06.06.2024 г.
Статья принята к публикации 06.06.2024 г.

ХРОНИКА

УДК 902 572+378 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.340.347

СЕКЦИЯ «ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ» МЕЖДУНАРОДНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В БОЛГАРЕ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БИОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

©2026 г. Д.В. Пежемский, Н.А. Лейбова, Е.А. Вагнер-Сапухина

Данная статья обобщает многолетний уникальный опыт реализации биолого-антропологического образовательного модуля в рамках Международной археологической школы в г. Болгар (Республика Татарстан). Секция «Палеоантропология» существует с момента открытия Болгарской школы в 2014 г., давая возможность студентам-археологам повышать уровень знаний в смежной специальности и расширять свои профессиональные навыки. Первые два года работы секции можно считать экспериментальными: программа изобиловала практическими занятиями и представляла собой первое погружение в науку об ископаемых останках человека. В дальнейшем учебный курс был переработан и расширен, что позволило студентам-гуманитариям из региональных вузов глубоко изучать биологическую (физическую) антропологию и выбирать палеоантропологию в качестве своей будущей специальности. На сегодняшний день секция «Палеоантропология» использует двухступенчатый формат образования, что позволяет продолжать стажировки в области изучения анатомо-морфологической изменчивости организма человека, в том числе получать дополнительное образование студентам-биологам. Среди выпускников секции есть как молодые исследователи, уже защитившие диссертации и признанные профессиональным сообществом, так и начинающие палеоантропологи, только что поступившие в профильные магистратуры и аспирантуры центральных учебных заведений. Таким образом, за десять лет работы Болгарская археологическая школа стала хорошим стартом в науке для многих биоантропологов.

Ключевые слова: археология, биологическая (физическая) антропология, палеоантропология, естественно-научные методы в археологии, биолого-антропологическое образование, Международная археологическая школа в г. Болгар.

SECTION "PALEOANTHROPOLOGY" OF THE INTERNATIONAL ARCHAEOLOGICAL SCHOOL IN BOLGAR AND ITS SIGNIFICANCE FOR BIOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA

D.V. Pezhemsky, N.A. Leibova, E.A. Vagner-Sapukhina

This article summarizes the long-term and unique experience of implementing a bioligical andanthropological educational module within the International Archaeological School in Bolgar (Republic of Tatarstan). The Paleoanthropology section has existed since the school's inception in 2014, offering archaeology students the opportunity to deepen their knowledge in a related field and enhance their professional skills. The first two years were experimental, focusing heavily on practical training and introducing the study of human remains. Subsequently, the program was revised and expanded, enabling humanities students from regional universities to study biological (physical) anthropology in greater depth and to pursue paleoanthropology as a specialization. Currently, the section employs a two-stage educational format that supports continued training in anatomical and morphological human variability. This structure also provides additional education options tailored for biology students. Graduates include both accomplished young researchers with defended PhD dissertations and emerging paleoanthropologists enrolled in specialized master's and doctoral programs at leading institutions. Over ten years, the Bolgar Archaeological School has established itself as a valuable starting point in scientific development for many bioanthropologists.

Keywords: archaeology, biological (physical) anthropology, paleoanthropology, natural science methods in archaeology, biological and anthropological education, International Archaeological School in Bolgar.

В 2014 г. была организована первая Международная полевая археологическая школа на базе Бóлгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Её фактическими учредителями выступили Институт археологии им. А.Х. Халикова АН Республики Татарстан и Казанский (Приволжский) федеральный университет (при существенной поддержке Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры). Археологические полевые школы для студентов, аспирантов и молодых исследователей не были в нашей стране новым и исключительным явлением к этому году (см., например: Беляева, 2021). Однако обычно такие школы проводились среди школьников и студентов, принимавших участие в конкретных экспедициях, а лекционная составляющая в них была довольно ограниченной, как, например, в Сибирской археологической полевой школе (Лбова, Зоткина, Бочарова, 2014). Формат Болгарской школы (далее – Школа) был на тот момент уникален и реализован в виде двухнедельного образовательного интенсива, включавшего общие лекции, круглые столы и секционные занятия с большим практическим уклоном, а также заключительную Конференцию молодых учёных (Ситдиков, Вязов, Макарова, 2014). Отличительной чертой археологической школы в Бóлгаре стало широкое привлечение специалистов разных профилей и формирование в рамках Школы естественно-научного направления. Так, по инициативе Е.М. Макаровой в число первых семи секций была включена и секция «Палеоантропология». Её же усилиями занятия были прекрасно обеспечены всем необходимым для практической работы – оборудованием, приспособлениями и специальными инструментами. Позднее, когда Школа стала ежегодной, данная секция была проведена ещё девять раз, и только в 2016 г. занятий по палеоантропологии не было в программе. Данная статья ставит целью обобщить многолетний опыт работы секции «Палеоантропология» в рамках Международной археологической школы в Болгаре и проследить развитие биолого-антропологического образовательного блока, созданного в её рамках.

Образовательная программа секции «Палеоантропология», конечно же, менялась на протяжении десяти лет своего существования. Первые две Школы можно назвать экспериментальными. В 2014 г. в качестве преподавателей были приглашены к.б.н. Д.В. Пежемский и к.и.н. Н.В. Харламова. Основными темами курса были: краткая история и методология палеоантропологии, изучение анатомии зубной системы и определение изолированных зубов, обзор анатомии и морфологии черепа и посткраниального скелета с последующими практикумами, знакомство с основными методиками исследования морфологии черепа, зубов и посткраниального скелета – с практическими занятиями, введение в палеопатологию и обзор основных соматических модификаций – с практикумом по определению патологически изменённой кости, обсуждение посмертных изменений кости, комплектности и сохранности скелетных останков, а также практических приёмов консервации и реставрации остеологических коллекций. Таким образом, курс включал обширный практический блок.

В 2015 г. эксперименты с образовательной программой были продолжены. Во II-й Болгарской школе преподавали член-корреспондент РАН, д.и.н. А.П. Бужилова, на лекциях и практикумах которой был сделан упор на изучение патологических изменений скелета человека, д.б.н. О.П. Балановский, раскрывший на своих занятиях информационный потенциал палеогенетического материала, а также д.и.н. А.А. Хохлов и к.и.н. И.Р. Газимзянов, осветившие историю палеоантропологического изучения Волго-Уральского региона. Образовательный модуль, сформированный в предыдущий год Д.В. Пежемским и Н.В. Харламовой, также входил в основную программу секционных занятий в 2015 г., но в сокращённом виде.

В 2017 г. происходит возвращение образовательной программы к образцу первой Школы. В преподавательском составе появляется другой специалист в области изучения зубной системы – к.и.н. Н.А. Лейбова. Основной одонтологический блок, разработанный Н.В. Харламовой, был дополнен такими важными разделами, как организация сбора и хранения одонтологического материала, методические различия между Российской одонтологической школой и Одонтологической системой Аризонского университета (ASUDAS) – протоколом, который принят в подавляющем большинстве зарубежных исследований. Кроме того, Н.А. Лейбовой

был предложен практикум по приёмам фотографической фиксации палеоантропологических объектов, который в дальнейшем станет традиционным в секции «Палеоантропология». Из лекционно-практических занятий, проводимых Д.В. Пежемским, был исключён отдельный раздел по палеопатологии и соматическим модификациям, а также теоретико-практический блок о состоянии костной ткани и методах её стабилизации в полевых и лабораторных условиях. Тем не менее практический блок остаётся довольно обширным. Рассматриваются как анатомия и морфология черепа и посткраниального скелета человека, так и измерительные методики. В 2017 г. в работе секции приняла участие к.б.н. Н.Н. Гончарова, которая обогатила курс материалом по первичной биометрической обработке палеоантропологических данных.

В 2018–2019 гг. программу можно считать устоявшейся, как и преподавательский состав. В эти годы Д.В. Пежемский вводит в курс ранее не затрагиваемые общетеоретические вопросы о филогенезе рода *Homo* и расовом разнообразии человека современного вида. Тогда это были только общие лекции, призванные дать элементарные знания об эволюционном пути, приведшем к *Homo sapiens*. Практический блок оставался таким же, как и в 2017 г.

В 2021 г. происходят значительные изменения в структуре программы, связанные с пересмотром тематического раздела, преподаваемого Д.В. Пежемским. Заметно сокращается количество практических занятий за счёт расширения круга теоретических вопросов, рассматриваемых в курсе. Так, была введена лекция о биологическом возрасте и возрастной изменчивости человека как преддверие практикумов по определению «зубного», «шовного» и «скелетного» возраста. В предыдущие годы данная тема кратко упоминалась в установочных лекциях. Был исключён практический блок по измерительным методикам черепа и посткраниального скелета человека, за счёт чего появилась возможность увеличить количество лекций по эволюционной антропологии и внутривидовому разнообразию *Homo sapiens*. Кроме того, в этом году программа секции была дополнена занятием по экологическим аспектам биоантропологии, призванным восполнить исключение из неё палеопатологического раздела. В тот момент мы вернулись к обсуждению проблем сбора и хранения скелетных останков, археологической тафономии, полевой фиксации скелетных останков в погребальных комплексах разных типов. Тематически учебная программа не изменялась в 2022–2023 гг., за исключением дополнительной лекции по основам биометрии в 2023 г.

Отличительной особенностью этого периода стало включение в педагогический состав секции бывших учеников Школы, выпущенных секцией «Палеоантропология» в 2014 г. – А.Н. Абрамовой, Е.А. Вагнер-Сапухиной, А.Х. Чирковой, ставших к этому времени сложившимися исследователями анатомо-морфологической изменчивости человеческого организма (рис. 1). В 2022 г. на секции был апробирован новый формат двухступенчатого обучения, о котором мы расскажем, рассмотрев структуру слушателей Школы по палеоантропологическому направлению подготовки.

В 2024 г. преподаватели пошли на новый эксперимент и изменили программу, включив в неё обширный блок лекций и практикумов по палеопатологии человека и биоархеологическим исследованиям, пригласив в качестве лектора к.б.н. Н.Я. Березину. Устоявшийся тематический набор лекций удалось сохранить, но в значительно сокращенном объёме. Стоит упомянуть о том, что это сотрудничество, помимо личных контактов, выросло из крайне удачного образовательного модуля 2022 г., когда наша секция работала в рамках выездного этапа Школы, проведенного на базе Кыргызско-Узбекского Международного университета им. Б. Сыдыкова в г. Ош (Республика Кыргызстан).

Программа секции «Палеоантропология» была разработана и в дальнейшем совершенствовалась именно для студентов-археологов, чтобы дать им общее представление о биологической (физической) антропологии как самостоятельной науке с собственным методологическим аппаратом и отдельными от археологии задачами, а также чтобы привить практические навыки, необходимые для корректной работы с ископаемыми скелетными останками, научить читать палеоантропологическую литературу и ставить научную задачу специалистам-антропологам.

Отдельно хотелось бы отметить общие лекции, прочитанные преподавателями

Рис. 1. Первый набор студентов секции «Палеоантропология» Международной археологической школы в Болгаре, 2014 г.
Fig. 1. The first group of students of the Paleoanthropology section at the International Archaeological School in Bolgar, 2014

секции для всех слушателей Школы. В них затрагивались вопросы о биологической природе человека как историческом источнике (2014–2015 гг.), о задачах этнической антропологии и расоведения, о связи физической антропологии и популяционной генетики (2017, 2021, 2022 гг.), рассматривались отличия палеоантропологии от биоархеологии (2022–2024 гг.), обсуждались информационный потенциал одонтологических данных (2021–2022 гг.), основные этапы филогенеза рода *Homo*, палеопатологические аспекты изучения скелетных останков и палеогенетические данные в реконструкциях естественной истории человечества (2024 г.). Также были прочитаны уникальные лекции об этноархеологическом исследовании обряда кремации в Индии (2018 г.), об интерпретации статистических данных (2017 г.), о комплексных исследованиях истории древних народов (2023 г.). Лекции были призваны не только рассказать студентам-археологам о широком круге вопросов, обсуждаемых как в рамках биологической антропологии, так и в области междисциплинарных исследований, но и существенно дополнить занятия самой секции «Палеоантропология».

Всего за 10 лет проведения Школы секционные занятия по палеоантропологии прослушали около 120 человек. Некоторые приезжали неоднократно, рассматривая их как ежегодную стажировку. Можно выделить несколько категорий учащихся в секции «Палеоантропология». Самую небольшую категорию составляют студенты первых лет обучения, главным образом Казанского федерального университета, которые только выбирают специализацию и ищут своё профессиональное призвание. В 2015 г. в нашей секции принимали участие в качестве слушателей специалисты-генетики. Это был единичный случай образовательной коллаборации с генетиками в рамках Школы, так как именно в том году преподавал О.П. Балановский, который привлёк к участию своих учеников. Кроме того, по линии международного сотрудничества Школы палеоантропологическую подготовку прошли студенты и специалисты из Республики Беларусь и других стран СНГ, Центральной и Западной Европы, Турции, а также Латинской Америки (Ситдиков, Вязов, Макарова, 2015; Воробьева, Голубева, 2019).

Самая обширная группа студентов, магистрантов и молодых специалистов – это археологи, которые хотели бы повысить свою квалификацию и получить знания по физической антропологии для реализации собственных исключительно археологических задач. Именно для таких студентов курс и был окончательно сконструирован к 2021 г. Впоследствии из выпускников секции выделилась подгруппа так называемых «определяторов». В основном это специалисты-археологи, занятые в области охраны культурного наследия. В ходе курса палеоантропологии они получили первичные знания о методах определения морфологического пола и биологического возраста по скелетным останкам и стали реализовывать их, проводя так называемую антропологическую экспертизу, которая необходима для отчётов о полевых исследованиях погребальных памятников. Профессиональное сообщество палеоантропологов настороженно относится к «ремесленному» примене-

нию полученных ими знаний. Тем не менее мы обязаны упомянуть, что некоторые выпускники секции «Палеоантропологии» занимают такую нишу в археологических полевых исследованиях. Отчуждение происходит не по причине того, что «определяторы» не занимаются академическими исследованиями, а в силу крайне слабой их подготовки в области биологической антропологии, что ведет к непониманию всех информационных возможностей палеоантропологического источника и массовой его гибели после первичных определений, к качеству которых, кстати сказать, тоже имеется множество вопросов.

Другую большую группу учащихся составляли студенты-археологи или студенты-историки, которые намеревались сменить свою специальность и стать палеоантропологами. В нашей стране на протяжении XX – первого десятилетия XXI в. существовало несколько способов стать специалистом в области физической антропологии. Первый и самый распространённый – окончить кафедру антропологии биологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, основанную ещё в 1919 г. (Бахолдина, Негашева, Синёва, 2019). Кроме того, для студентов-историков имелась возможность окончить кафедру этнографии исторического факультета Ленинградского (Санкт-Петербургского) государственного университета, где преподавали И.И. Гохман, Н.Н. Цветкова, А.Г. Козинцев, В.И. Селезнёва, приглашались в качестве лекторов Г.Л. Хить, А.А. Зубов. Второй ступенью антропологического образования здесь была аспирантура при профильном отделе Музея антропологии и этнографии РАН. В Москве с 1940-х гг., как для молодых биологов, так и для выпускников исторических факультетов, существовала возможность поступить в аспирантуру к специалистам Отдела антропологии Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ныне – Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН). С 1990-х гг. таким же образовательным узлом для студентов-историков стал Отдел теории и методики Института археологии РАН, где усилиями академика В.П. Алексеева была сформирована Группа физической антропологии. К 2014 г. многие из этих путей обретения специальности оказались в значительной мере осложнены. Так, антропологическое направление в Санкт-Петербурге лишилось внутреннего кадрового пополнения ввиду отсутствия аспирантских мест по специальности «Антропология». Возможности поступления в ведущие гуманитарные учреждения Академии наук с некоторых пор также весьма ограничены, учитывая тот факт, что в аспирантуру принимаются в первую очередь этнологи и археологи соответственно титульному профилю научного института. Кроме того, крупнейшие центры и сообщества биологов-антропологов сосредоточены в столичных городах, что крайне затрудняло знакомство с ними мотивированных студентов из региональных университетов. По сути, Болгарская школа стала для многих молодых исследователей «порталом», через который они получили новую возможность вырасти в профессиональных палеоантропологов. Так, например, из студентов первых двух Международных археологических школ в Болгаре пятеро человек – А.Х. Чиркова (Гильмитдинова), А.В. Дедик (Южакова), Е.А. Вагнер-Сапухина, А.Н. Абрамова, А.В. Слепцова – уже защитили кандидатские диссертации и в настоящее время являются признанными специалистами в области физической антропологии. В последние годы обучение в Болгаре стало важной вехой перед поступлением в магистратуру или аспирантуру центральных учреждений – на Кафедру антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова (П.В. Ковзунова, Р.Р. Фаткуллова), в Отдел антропологии Института истории НАН Беларуси (В.Е. Винникова), в Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (П.Р. Смертин), в Центр физической антропологии ИЭА РАН (А.Ж. Нуркенова). С целью приобретения дополнительных профессиональных навыков в области палеоантропологии в Болгарскую школу приезжают и вполне зрелые специалисты (Л.А. Бембеева, г. Элиста; Е.М. Васина, г. Псков).

В 2022 г. в Болгарской школе была впервые реализована модель двухступенчатого обучения. В так называемый «второй класс» были набраны те студенты, которые в предшествующие годы уже прошли основной лекционно-практический курс секции «Палеоантропология» и на новом этапе хотели осваивать дополнительные методики работы с палеоантропологическими останками, совершенствовать уже освоенные методы, проводя

Рис. 2. Группа студентов и преподавателей секции «Палеоантропология» в 2023 г.
Fig. 2. The students and academic tutors of the Paleoanthropology section in 2023.

коннексии с преподавателями и друг с другом, работая над устранением межисследовательских расхождений. Этот класс был специально создан для тех, кто намеревается стать биологом-антропологом. Особой приметой в истории секции на данном этапе стало участие в её работе выпускников и студентов кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, которые увидели для себя здесь новые образовательные возможности (Ю.А. Алексеев, Д.С. Ходырева, К.А. Фильц, М.Н. Лазарев). Дело в том, что для каждого слушателя второго класса формируется индивидуальный контур занятий, который необходим ему для повышения квалификации. Так, на втором уровне совершенствуются навыки работы с разрозненными останками и тафономически сложным материалом, осваиваются измерительные и описательные методики изучения черепа, посткраниального скелета и зубной системы. В отдельных случаях обсуждаются методы реставрации остеологического материала, происходит обучение основам пластической реконструкции лица по черепу. По сути, второй класс секции «Палеоантропология» стал для молодых биоантропологов местом стажировки и оттачивания своих профессиональных навыков. Особенно это актуально для студентов, которые продолжают обучение в региональных вузах (рис. 2). Двухступенчатое обучение в секции «Палеоантропология» показало свою эффективность и было взято на вооружение преподавателями направления «Археозоология», которые успешно реализовали этот подход в 2024 г.

Десятилетие Международной археологической школы, которое мы отмечали в 2024 г., – это безусловное достижение её главных организаторов: руководителя Школы – д.и.н. А.Г. Ситдикова, его заместителей и помощников – Н.Л. Айтугановой, к.и.н. Л.А. Вязова, Е.М. Макаровой, к.и.н. Е.Е. Воробьевой, Е.Н. Голубевой. Однако есть в этом некоторая заслуга и коллектива палеоантропологов, столь длительное время непрерывно преподающих в Болгаре. В юбилейном году руководство Школы пошло на беспрецедентный эксперимент: все направления её работы были подчинены задачам естественно-научных исследований в археологии. В 2024 г. Болгарская школа работала как биоархеологическая! Названия секций говорили сами за себя – «Археоботаника и палеопочвоведение» (рук. – к.б.н. А.Н. Бабенко), «Основы археозоологии: методы и изучение костей млекопитающих» (рук. – к.и.н. Л.В. Яворская), «Археозоология: особенности скелета и остатков рыб из археологических коллекций» (рук. – Д.Н. Шаймуратова), «Основы палеоантропологии» и «Палеоантропология: подходы и методы» (рук. – к.б.н. Д.В. Пежемский). Квинтэссенцией интеллектуального единения специалистов-естественников, продуцирующих знания для археологической науки, стало проведение Круглого стола «Биологические науки и археология: междисциплинарные взаимодействия, предмет и границы дисциплин», где удалось обсудить трудности терминологии, очертить предмет и объект в биоархеологических исследованиях на современном этапе развития науки, детализировать разницу между палео-

антропологией и биоархеологией, поговорить о сложностях образовательной системы для воспитания специалистов сразу в двух научных областях (биологические и исторические науки), прояснить границы собственных дисциплин и понять пути их междисциплинарного взаимодействия.

В 2025 г. главной темой и направлением подготовки в Болгарской школе стали реставрация и консервация объектов движимого археологического наследия и музейных предметов. Для нашей секции это стало поистине эпохальным событием, так как в палеоантропологической науке систематического обсуждения этого ключевого аспекта работы не было уже более 70 лет. В ходе двухнедельной практики удалось передать начинающим исследователям навыки работы с традиционными консервационными и реставрационными материалами (БФ-6, ПВА, воско-канифольная мастика), научить правильно готовить и применять их в разных ситуациях, а также много времени посвятить обсуждению и экспериментам с новыми для палеоантропологической реставрации материалами (Paraloid B-72, термоклей на основе этиленвинилацетата, быстросохнущие клеи типа «Момент» и др.). Особое внимание было уделено вопросам сохранности костной ткани – методам и материалам, использующимся при ее консервации. Впервые предложены степени деструкции зубной эмали (Д.С. Ходырева). Крайне продуктивным оказалось общение и консультации палеоантропологов с реставраторами, которые были преподавателями других секций Школы, в силу особенностей специализации использующими другие подходы и вещества.

Секция «Палеоантропология» в рамках Международной археологической школы в Болгаре является уникальным образовательным проектом, который стал настоящей кузницей кадров в области палеоантропологии и биоантропологии в целом, особенно для студентов, исходно обучавшихся по гуманитарным направлениям подготовки. Именно они получили возможность обоснованной смены специальности, дальнейшего профессионального роста и развития. С другой стороны, палеоантропологи задали особый тренд на набор в Болгаре молодых специалистов в области биоархеологических дисциплин, и, возможно, в дальнейшем это поспособствует увеличению сообществ ученых-естественников, работающих во благо как исторических, так и биологических наук.

ЛИТЕРАТУРА

Бахолдина В.Ю., Негашева М.А., Синёва И.М. История преподавания антропологии в Московском университете. М.: Клуб печати, 2019. 123 с.

Беляева В.С. Опыт молодежных полевых школ в изучении памятников городской археологии // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 49–53.

Воробьева Е.Е., Голубева Е.Н. О работе VI Международной археологической школы // Археология Евразийских степей. 2019. № 5. С. 99–112.

Лбова Л.В., Зоткина Л.В., Бочарова Е.Н. Образовательный проект «Сибирская археологическая полевая школа – 2014» // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 7: Археология и этнография. С. 9–16.

Ситдиков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 294–303.

Ситдиков А.Г., Вязов Л. А., Макарова Е.М. О работе II Международной полевой археологической школы // Поволжская археология. 2015. № 3 (13). С. 264–266.

Информация об авторах:

Пежемский Денис Валерьевич, кандидат биологический наук, старший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия), pezhemsky@yandex.ru

Лейбова Наталья Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва, Россия), nsuvorova@mail.ru

Вагнер-Сапухина Елена Андреевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, (г. Санкт-Петербург, Россия), lena.sapuhina@gmail.com

REFERENCES

Bakholdina, V. Yu., Negasheva, M. A., Sineva, I. M. 2019. *Istoriya prepodavaniya antropologii v Moskovskom universitete (History of teaching anthropology at Moscow University)*. Moscow: "Klub Pechaty" Publ. (in Russian).

Belyayeva, V. S. 2021 In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 49–53 (in Russian).

Vorobeva, E. E., Golubeva, E. N. 2019. In *Arkheologiia Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 5, 99–112 (in Russian).

Lbova, L. V., Zotkina, L. V., Bocharova, E. N. 2014. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 13 (7), 9–16 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2014 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 294–303 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2015 In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 13 (3), 264–266 (in Russian).

About the Authors:

Pezhemsky Denis V., Candidate of Biological Sciences, Lomonosov Moscow State University, Anuchin Research Institute and Museum of Anthropology, Mokhovaya st., 11, Moscow, 125009, Russian Federation. pezhemsky@yandex.ru

Leibova Natalya A., Candidate of Historical Sciences, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Leninsky Prospekt, 32a, Moscow, 119991, Russian Federation; nsuvorova@mail.ru

Vagner-Sapukhina Elena A., Candidate of Biological Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Universitetskaya Naberezhnaya, 3, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, lena.sapuhina@gmail.com

Статья поступила в журнал 07.08.2025 г.
Статья принята к публикации 21.11.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.348.352

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА МОЦИ (30 МАЯ 1950 – 18 НОЯБРЯ 2025)

©2026 г. А.Е. Леонтьев, А.А. Медынцева, А.Е. Мусин, В.Я. Петрухин, А.В. Чернецов, Ф.Ш. Хузин

Публикация посвящена памяти Александра Петровича Моци, известного украинского археолога-слависта, члена-корреспондента НАНУ, почти 30 лет возглавлявшего отдел древнерусской и средневековой археологии Института археологии НАНУ. Его научные труды были посвящены преимущественно погребальному обряду южнорусских земель. Наряду с этим исследователь внес значительный вклад в изучение сельских поселений, этнической истории и духовной культуры средневековой Руси. Ряд публикаций А.П. Моци посвящен изучению древностей соседей восточных славян – кочевников южнорусских степей. Совместно с признанным лидером археологов Татарстана А.Х. Халиковым он руководил крупным исследовательским проектом «Путь из Булгара в Киев». А.П. Моця многие годы сотрудничал и поддерживал дружеские связи со многими российскими археологами.

Ключевые слова: археология, А.П. Моця, член-корреспондент Национальной Академии наук Украины, археолог-славист, один из руководителей проекта «Путь из Булгара в Киев», некролог.

IN MEMORIAM ALEKSANDR PETROVICH MOTSIA (30.05.1950 – 18.11.2025)

A.E. Leontyev, A.A. Medyntseva, A.E. Musin, V.Ya Petrukhin, A.V. Chernetsov, F.Sh. Khuzin

On the 18th of November 2025 passed away Aleksandr Petrovich Motsia, an outstanding Ukrainian specialist in Slavic archaeology, corresponding member of the National Academy of Sciences of Ukraine, who he led the Department of Medieval Rus and Medieval Archaeology at the Institute of Archaeology of the NASU in Kiev for nearly thirty years. His extensive research was primarily devoted to the burial rites of South Rus. Motsia also made significant contributions to the study of rural settlements, ethnic history, and the spiritual culture of Medieval Rus. Furthermore, a number of his publications examine the antiquities of the Eastern Slavs' neighbors – the nomadic peoples of the Eurasian steppes. Together with the eminent Tatar archaeologist A.Kh. Khalikov, he co-directed the important scientific project "The route from Bolgar to Kiev." For many years, Aleksandr Motsia actively fostered cooperation and maintained warm professional relationships with numerous archaeologists in Russia.

Keywords: archaeology, A.P. Motsia, the corresponding member of the National Academy of Sciences of Ukraine, Slavic archaeologist, one of the leaders of the project “The Route from Bulgar to Kiev”, obituary.

18 ноября 2025 г. на 76 году жизни скончался Александр Петрович Моця, видный украинский археолог-славист, исследователь памятников средневековой Руси, член-корреспондент Национальной академии наук Украины (с 2003 г.), доктор исторических наук, профессор (Моця, 2010), до конца своих дней возглавлявший отдел древнерусской и средневековой археологии Института археологии НАНУ (рис. 1).

Александр Петрович родился 30 мая 1950 г. в с. Летки Киевской обл. В 1967–1972 гг. учился на Историческом факультете Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. В 1972–1974 гг. А.П. Моця проходил военную службу в Советской Армии, служил в Забайкалье и на Дальнем Востоке в танковых войсках. В 1974–1976 гг. работал в качестве старшего лаборанта в Археологическом музее АН УССР в Киеве. В 1976–1979 гг. Александр Петрович проходил обучение в аспирантуре Института археологии АН УССР, в котором он впоследствии проработал всю жизнь, начав с должности младшего научного сотрудника, затем став старшим научным сотрудником, заведующим сектором и отделом Института. Без малого 30 лет, с 1997 до 2025 г., А.П. Моця возглавлял отдел древнерусской и средневековой археологии.

Рис. 1. Александр Петрович Моця (1950–2025). Фото 1987 г.
Fig. 1. Aleksandr Petrovich Motsia (1950–2025) in 1987.

В 1980 г. Александр Петрович защитил кандидатскую диссертацию «Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. по данным погребальных памятников», а в 1991 г. – докторскую «Южнорусские земли в IX–XIII вв. по данным погребальных памятников». Обе диссертации были опубликованы автором в виде монографий (Моця, 1987; 1990). Список печатных трудов А.П. Моци насчитывает более 500 публикаций, в том числе 15 монографий (библиографию для периода 1975–2020 см.: Павленко, 2010; Біляєва, Павленко, 2020; в настоящее время коллеги Александра Петровича составляют список его публикаций за последнее пятилетие).

С 1969 до 2000 гг. А.П. Моця активно участвовал в археологических исследованиях, а затем возглавлял целый ряд экспедиций Института археологии, изучавших памятники средневековой Руси (Чернигов, Шестовица, Новгород-Северский, Батурин, Седнев, Липовое, Автуничи в Черниговской обл.; Зелёный Гай в Сумской обл.; Яблунивицы и Торческ в Киевской обл.; и др.). Значительная часть его полевых исследований связана с Черниговским Подесеньем. Эти работы преимущественно включали изучение курганных могильников. При этом Александр Петрович уделял особое внимание также сельским поселениям. Отметим исключительное значение открытий украинских археологов, внесших существенные коррективы в бытовавшие в научном сообществе представления об этом типе памятников. В числе этих открытий важное место занимают материалы раскопок поселения Автуничи, исследовавшегося А.П. Моцей совместно с Владимиром Петровичем Коваленко (Село…, 2003; Моця, 2014).

Важное место в научном наследии Александра Петровича занимают дискуссионные и весьма актуальные вопросы изучения этнической истории восточного славянства эпохи Средневековья (Моця, 2012). Многие его работы посвящены специальным вопросам истории духовной культуры (См. напр.: Моця, 2009). А.П. Моця также неоднократно обращался к изучению средневековых древностей соседей Руси – степных кочевников (Моця, 2015).

Александр Петрович прекрасно понимал, что средневековые древности на территории Украины при всем их своеобразии связаны с материалами памятников Белоруссии, Северо-Восточной Руси и Русского Севера и их нужно изучать комплексно, в контакте с коллегами из соседних стран. На XVI Международном конгрессе славистов (Белград, 2018) он возглавил комиссию по археологии. А.П. Моця был сторонником поддержания подобных связей до последней возможности. Он в свое время нередко участвовал в научных мероприятиях, проводившихся на территории России, привлекал российских специалистов для участия в украинских конференциях; то же самое касалось его отношения к публикациям украинских ученых в российских научных журналах и сборниках, равно как и российских специалистов в украинских изданиях. Александр Петрович принимал деятельное участие в разработке проектов международного научного сотрудничества, части из которых, к сожалению, не суждено было осуществиться.

Сотрудничество А.П. Моци с российскими археологами носило не только официальный, служебный характер. Он умел легко сближаться с коллегами, со многими из которых у него сложились дружеские отношения. Это относится не только к его контактам со сверстниками или представителями более молодого поколения. В начале 80-х годов Александр Петрович работал в тесном сотрудничестве с известным московским археологом Андреем Васильевичем Кузой (1939–1984), возглавляв-

Рис. 2. А.П. Моця и А.Н. Кирпичников.
Fig. 2. A.P. Motsia and A.N. Kirpichnikov.

шим тогда Новгород-Северскую экспедицию. Небольшой коллектив, работавший в то время под руководством А.П. Моци и занимавшийся разведками и раскопками в округе древнерусского города, Куза шутливо называл «смежнопорхающим отрядом».

Приятельские отношения завязывались у Александра Петровича и с другими представителями старшего поколения российских археологов, своего рода «патриархами» отечественной археологии. Среди них можно назвать Анатолия Николаевича Кирпичникова (1929–2020), археолога с берегов Невы, крупнейшего специалиста по истории оружия и военного дела, известного также как исследователь древнерусских крепостей (рис. 2). Дружеские отношения связывали А.П. Моцю и с Альфредом Хасановичем Халиковым (1929, 1994), классиком археологии Татарстана, имя которого присвоено казанскому Институту археологии. Совместно с А.Х. Халиковым Александр Петрович стал инициатором известного проекта «Путь из Булгара в Киев» (рис. 3) и одним из главных авторов публикаций, связанных с реализацией этого проекта (Моця, Халиков, 1997).

Много лет у Александра Петровича были серьезные проблемы со здоровьем. Однако это не препятствовало его интенсивной научной и экспедиционной деятельности. А.П. Моця оставлял эти трудности для себя, они никак не отражались на окружающих. Не отражались

Рис. 3. М. Иевлев, А.П. Моця, А.Х. Халиков. Экспедиция Киев – Болгар. 1989–1991 гг.
Fig. 3. M. Ievlev, A.P. Motsia, A.Kh. Khalikov. The Kiev – Bolgar expedition. 1989–1991.

они и на его неизменно бодром и жизнерадостном отношении к житейским происшествиям и обстоятельствам. Свойственные Александру Петровичу оптимизм и доброжелательность передавались тем, кто с ним общался, помогали им справляться со своими проблемами.

Чувства горечи и отчуждения, разделившие многих российских и украинских археологов, обусловленные неблагоприятными политическими обстоятельствами, не могут и не должны отражаться на оценке научных достижений исследователей, заставлять предать забвению имевшее место плодотворное сотрудничество и дружеские связи.

Мир праху твоему, дорогой Александр Петрович! Да будет земля тебе пухом.

Искренние соболезнования родным и близким покойного, его коллегам и ученикам.

ЛИТЕРАТУРА

Біляєва С.О., Павленко С.В. Список наукових праць Олександра Петровича Моці (2009–2019 рр.) // Археологія і давня історія України. 2020. Вип. 2. С. 26–32 (на укр. яз.).

Моця А.П. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. (по данным погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1987. 160 с.

Моця А.П. Погребальные памятники южнорусских земель IX–XIII вв. Киев: Наукова думка, 1990. 156 с.

Моця А.П. Київська Русь: православ'я і народність // Наукові записки Центральноукраїнського державного університета. Історичні науки. Вип. 12 / від. Ред. В.М. Філоретов. Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. С. 226–237 (на укр.яз.)

Моця Олександр Петрович: бібліографічний покажчик (до 60-річчя з дня народження) / уклад. С. В. Павленко, О. Б. Супруненко. Київ; Полтава: Дивосвіт, 2010. 36 с. (на укр. яз.).

Моця А.П. «Анти» – «руси» – «українці». Формування ідентичності у слов'ян півдня Східної Європи V–XIX ст. Київ: Наукова думка, 2012. 216 с. (на укр. яз.).

Моця А.П. Автуничи // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / Под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 10.

Моця О.П. Землероби та кочівники на Великому Кордоні Східної Європи в часи Київської Русі. Київ: Інститут історії Україні НАНУ, 2015. 296 с. (на укр. Яз.).

Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар – Киев: пути – связи – судьбы. Киев: ИА НАНУ, 1997. 191 с.

Павленко С.В. Список наукових праць член-кореспондента НАН України Олександра Петровича Моці // Археологія і давня історія України. 2010. Вип. 1. С. 11–21 (на укр. яз.).

Село Київської Русі (за матеріалами південноруських земель) / відп. ред. О. П. Моця. Київ: Шлях, 2003. 232 с. (на укр. яз.).

Информация об авторах:

Леонтьев Андрей Евгеньевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); leont3@mail.ru

Медынцева Альбина Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); medyntc@gmail.com

Мусин Александр Евгеньевич, доктор исторических наук, кандидат богословия, профессор, Центр исторических исследований, Высшая школа социальных наук (г. Париж, Франция); aleksandr.musin@ehess.fr

Петрухин Владимир Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (г. Москва, Россия); vladimir.petrukhin@gmail.com

Чернецов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); avchernets@yandex.ru

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

REFERENCES

Biliaeva, S. O., Pavlenko, S.V. 2020. In *Arkheologia i davnia istoria Ukrainy (Archaeology and Early History of Ukraine)* (2), 23–32 (in Ukrainian).

Motsia, A. P. 1987. *Naseleniye Srednego Podneprov'ya IX–XIII vv. (po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov) (The population of the Middle Dnieper region in the IX-XIII cenuries. (based on burial sites materials))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Motsia, A. P. 1990. *Pogrebal'nyye pamyatniki yuzhnorusskikh zemel' IX–XIII vv. (The burial sites of the South Rus in the IX-XIII centuries)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).

Motsia, A. P. 2009. In Filaretov, V. M. (ed.). *Naukovi zapysky Tsentral'noukrains'kogo universiteta. Isorychni nauki (Scientifi c Proceedings of the Central Ukrainian State University. Historical Sciences)* 12. Kirovograd: Volodymyr Vinnichenko central Ukrainian State University, 226–237 (in Ukrainian).

Pavlenko, S. V., Suprunenko, O. B. (comp.). 2010. *Motsya Oleksandr Petrovich: bibliografichniy pokazhchik (do 60-richchya z dnya narodzhennya) (Motsia Aleksandr Petrovich: bibliographic guide (on the occasion of 60th anniversary))*. Kiev; Poltava: "Divnosvit" Publ. (in Ukrainian).

Motsia, A. P. 2012. *"Anti" – "Rusy" – "Ukrayintsi". Formuvannia identychnosti u slov'yan pivdnia Skhidnoi Yevropy V-XIX st. ("Ants" – "Rus'" – "Ukrainians". The Establishment of Identity among the Slavs of the South of Eastern Europe in 5th–19th Cent.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).

Motsia, A. P. 2014. In Melnikova, E. A., Petrukhina, V. Ya. (eds.). *Drevniaya Rus' v srednevekovom mire (Ancient Russia in the Medieval World)*. Moscow: "Ladomir" Publ., 10 (in Russian).

Motsia, A. P. 2015. *Zemleroby ta kochivnyki na Velikomu Kordoni Skhidnoi Yevropy v chasy Kyivs'koi Rusi (Agrarian Population and the Nomads on the Great Fronteer in the Eastern Europe in the Epoch of Kiivan Russia)*. Kiev: Institute of Archaeology of NASU (in Ukrainian).

Motsia, A. P., Khalikov, A. Kh. 1997. *Bulgar – Kiev: puti – sviazi – sud'by (Bolgar to Kiev: Routes, Links and Fates)*. Kiev: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).

Pavlenko, S.V. 2010. In *Arkheologia i davnia istoria Ukrainy (Archaeology and Early History of Ukraine)* (1), 11–21 (in Ukrainian).

Motsia, A. P. (ed.). 2003. *Selo Kiivs'koi Rusi (za materialami pivdennorus'kykh zemel') (Village of Kievan Russia (after the Materials of Southern Russian Lands)*. Kiev: "Shliakh" Publ. (in Ukranian).

About the Authors:

Leontyev Andrey E. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; leont3@mail.ru

Medyntseva Albina A., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; medyntc@gmail.com

Musin Aleksandr E., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Theology, Professor, École des hautes études en sciences sociales, Centre de recherches historiques. Paris, France, 54 boulevard Raspail, Paris, 75006 France; aleksandr.musin@ehess.fr

Petrukhin Vladimir Ya., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. Leninskiy Ave., 32-F, Moscow, 119991, Russian Federation; vladimir.petrukhin@gmail.com

Chernetsov Aleksey V. Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dm. Ulianova, str. 19, Moscow, 117292, Russian Federation; avchernets@yandex.ru

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Статья поступила в журнал 03.12.2025 г.
Статья принята к публикации 23.12.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.353.359

АРХЕОЛОГИЯ ТАТАРСТАНА В ТРУДАХ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. А. МАКАРОВА (К 70-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА Н. А. МАКАРОВА)

©2026 г. Ф.Ш. Хузин, Е.П. Казаков, В.С. Баранов, А.У. Урбушев, Р.Р. Мухаметшин

В статье показан вклад академика Н. А. Макарова в развитие российской археологии и его влияние на формирование региональных научных исследований. Объектом анализа стали научные труды, методологические подходы и институциональная деятельность учёного, а предметом - их влияние на изучение трансевразийских историко-культурных процессов. Особое внимание уделено исследованию ключевых памятников Среднего Поволжья в рамках общих моделей средневековой урбанизации и межкультурных взаимодействий. Определена роль Н.А. Макарова в развитии сотрудничества с археологами Татарстана, что способствовало переходу от изучения древностей в узко региональном смысле к их интерпретации в евразийском научном контексте. Внедрение междисциплинарных методов, организация, при его непосредственном участии, совместных проектов, научных форумов и издательских инициатив обеспечили рост эмпирической базы, формирование новых исследовательских парадигм и комплексных подходов в исследовательской деятельности. Вклад Н.А. Макарова оказал значительное влияние на сложение региональных научных школ, способствовал формированию общероссийского научного пространства. Исследования и концептуальные модели учёного позволили по-новому интерпретировать процессы колонизации, урбанизации и трансрегионального обмена в средневековой Евразии.

Ключевые слова: археология Республики Татарстан, Н. А. Макаров, историография археологии, Болгар, Свияжск, Казань, средневековая урбанизация, Золотая Орда, Волжская Булгария, трансевразийские связи, археологическое наследие.

ARCHAEOLOGY OF TATARSTAN IN THE WORKS AND SCIENTIFIC ACTIVITY OF N. A. MAKAROV (ON THE 70TH ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN N. A. MAKAROV)

F.Sh. Khuzin, E. P. Kazakov, B.S. Baranov, A.U. Urbushev, R.R. Mukhametshin

The article shows the contribution of academician N. A. Makarov to the development of Russian archeology and his influence on the formation of regional scientific research. The object of the analysis is the scientific works, methodological approaches and institutional activities of the scientist, and the subject is their influence on the study of trans-Eurasian historical and cultural processes. Special attention is paid to the study of key monuments of the Middle Volga region within the framework of general models of medieval urbanization and intercultural interactions. The role of N. A. is defined. Makarova was involved in the development of cooperation with archaeologists of Tatarstan, which contributed to the transition from the study of antiquities in a narrow regional sense to their interpretation in the Eurasian scientific context. The introduction of interdisciplinary methods, the organization, with his direct participation, of joint projects, scientific forums and publishing initiatives ensured the growth of the empirical base, the formation of new research paradigms and integrated approaches in research activities. Contribution of N. A. Makarova had a significant influence on the formation of regional scientific schools, contributed to the formation of the all-Russian scientific space. His research and conceptual models allowed him to reinterpret the processes of colonization, urbanization, and trans-regional exchange in medieval Eurasia.

Keywords: archaeology of the Republic of Tatarstan, Nikolai Andreevich Makarov, historiography of archaeology, Bolgar, Sviyazhsk, Kazan, medieval urbanization, Golden Horde, Volga Bulgaria, trans-Eurasian networks, archaeological heritage.

Юбилей учёного – это всегда подведение итогов, непредвзятый взгляд на путь, пройденный в науке.

Научные взгляды Н.А. Макарова сформировались под влиянием его знаменитых учителей В.Л. Янина, Д.А. Авдусина, Л.А. Голубевой. Его творческая лаборатория изначально включала материалы средневековой Руси – преимущественно северных и центральных регионов. Интерес к вопросам урбанизации и образования центров власти Северо-Восточной Руси определил внимание исследователя к изучению сельских и городских центров, включая Московский Кремль, Новгород Великий, территорию Владимиро-Суздальского ополья.

Исследуя вопросы расселения и взаимодействия культур на окраинах Древней Руси, учёный определил необходимость глубокого изучения колонизационных процессов, «как особой формы деятельности, особого явления в русской средневековой истории», и перспективность в этой связи археологических методов, позволяющих определить специфику наиболее ранних этапов освоения северных территорий. В своих трудах он рассматривал региональные процессы в русле более общих закономерностей, например, освоение Русского Севера им трактуется как завершающий этап восточнославянской колонизации и часть общемировой истории освоения новых земель (Макаров, 1997, с .6–7). Освоение территории Поволжья после монгольских завоеваний и в составе Русского государства, в свете разработанной Н.А. Макаровым парадигмы, может быть охарактеризовано как продолжение тех же средневековых колонизационных трендов. Такой взгляд становится очевидным при сопоставлении разнородных региональных данных, в том числе привлекая материалы XII–XIV вв. поселенческих памятников и могильников низовий Камы.

Центральное место в научной деятельности Николая Андреевича занимает идея рассмотрения локальных данных сквозь призму построения широких историко-культурных моделей. Несомненно, продуктивной является интерпретация им средневекового сельского заселения Русского Севера, как составной части экономики и торговли всей Восточной Европы (например, снабжение пушниной европейских рынков), что позволяет выявить глубинное целеполагание этих процессов (Макаров, 1997, с. 15–16, 36–37). Разработка концепции центр-периферийных отношений в средневековой археологии (Макаров, Беляев, Энговатова, 2015, с. 13), перекликается с позиционированием положения Поволжья, как промежуточного, по отношению сразу к нескольким глобальным евразийским центрам (христианский мир Северо-Восточной Руси, мусульманский мир Золотой Орды, кочевой мир Великой степи), что определило специфику его историко-культурного и геополитического развития и влияния.

Обсуждая вопросы взаимоотношений центра и периферии в программном докладе на одном из Европейских археологических конгрессов, Н.А. Макаров затронул тему соотношения торговли и натурального хозяйства между Византией и Балтикой в эпоху викингов (Макаров, 1997), что косвенно характеризует и территорию Волго-Камья, через которую проходил важный путь «из варяг в персы». Совокупность данных, показывает, что периферийные регионы (Русский Север, Поволжье) были не пассивными получателями влияний, а активными игроками, *интегрированными в надрегиональные экономические системы*. Такой вывод, основанный на материалах изучения Русского Севера, созвучен ситуации Волжской Булгарии, которая являлась активным экономическим и культуртрегерским агентом во взаимоотношениях с северными территориями т.н. «Страны мрака», снабжая их товарами и получая из взамен пушнину и металлы.

Широта научных взглядов Н.А. Макарова, вероятно, определила его роль и заинтересованность в организации научных исследований Казани, Болгара и Свияжска – важных городских центров Поволжья, во многом формирующих картину урбанизации региона в Средневековье и Новое время. Результаты исследований Болгара были опубликованы в ряде монографий и научных статей, сразу привлёкших внимание специалистов. Коллекции археологических материалов, полученных в процессе исследований Болгарского городища X–XV вв. (керамика, монеты, орудия труда, бытовые предметы, торговый инвентарь и др.), позволили включить Болгар в систему торговых, экономических и культурных отношений регионов Евразии (рис. 1; 2).

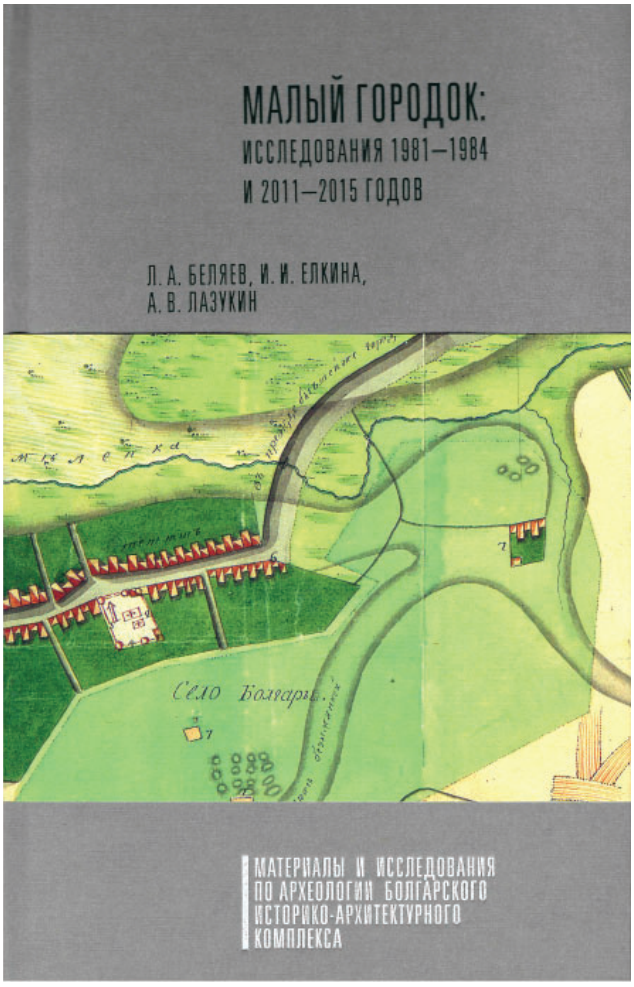


Рис. 1. Раскопки Болгарского городища и обложка монографии «Малый городок Великого Болгара: исследования 1981–1983 и 2011–2015 годов» (Беляев Л.А., Елкина И.И., Лазукин А.В.), отражающей результаты совместных работ Института археологии РАН и Института археологии АН РТ.

Fig. 1. Excavations of the Bulgarian hillfort and the cover of the monograph "Small Town of the Great Bolgar: research in 1981-1983 and 2011-2015" (Belyaev L.A., Elkina I.I., Lazukin A.V.), reflecting the results of joint work of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

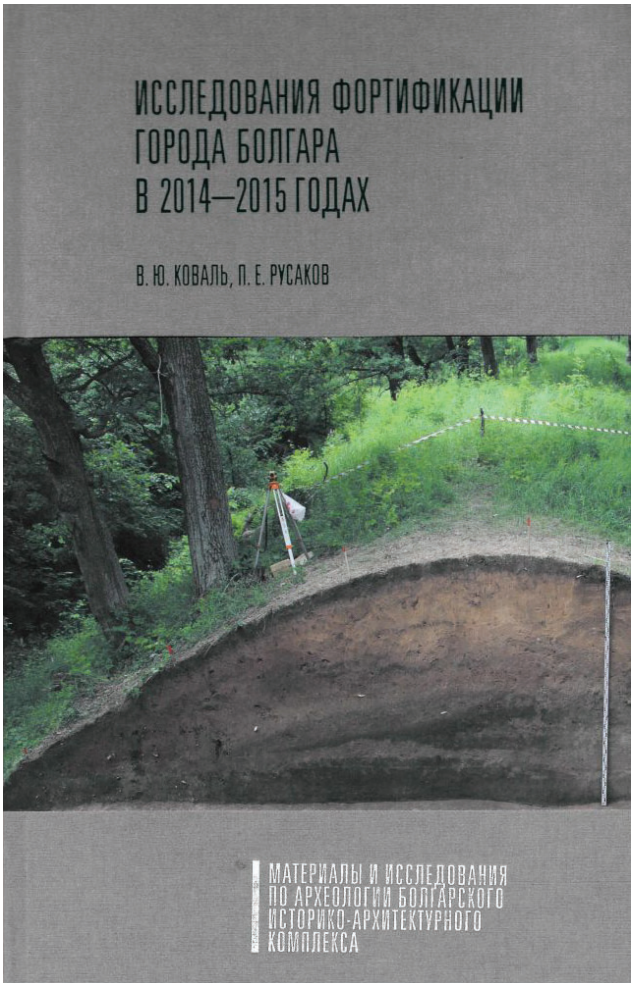


Рис. 2. Раскопки Болгарского городища и обложка монографии «Исследования фортификации города Болгар в 2014–2015 годах» (Коваль В. Ю., Русаков П. Е.), отражающей результаты совместных работ Института археологии РАН и Института археологии АН РТ.

Fig. 2. Excavations of the Bolgar fortified settlement and the cover of the monograph "Research on the fortification of the city of Bolgar in 2014-2015" (Koval V. Yu., Rusakov P. E.), reflecting the results of joint work of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences and the Institute if Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

Исследования Свияжского городища, проведённые Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ совместно с Институтом археологии РАН в 2010 г. (Кузьмина, 2022), позволили осуществить масштабные работы по сохранению на его территории археологического наследия. В ходе реставрационных работ были сохранены и использованы для музейного показа многочисленные изделия из археологического дерева и кожи XVI–XVII вв. – предметы быта, инструментарий, фрагменты зданий и т.п. (Ситдиков, Старков, 2022, с. 8–22). Прекрасно осознавая уникальность Свияжска, как археологического комплекса, позволяющего сохранить и представить к обозрению давно ушедший мир Среднего Поволжья эпохи позднего Средневековья и Нового времени, и используя опыт создания археологических музеев под открытым небом, Н.А. Макаров уделял большое внимание *музеефикации и популяризации Свияжска*, поддержав идею музеефикации

раскопок с влажным культурным слоем на территории острова (Макаров, Беляев, Энгаватова, 215, с. 14).

Систематические исследования и их актуализация в публичной и образовательной сфере не возможны без *институционального и организационного обеспечения*, поэтому под его эгидой закрепилось плодотворное сотрудничество Института археологии РАН с Академией наук РТ. Результатом стали не только совместные экспедиции, но и создание *Международного болгарского центра археологических исследований* в самом Болгаре. Обладая авторитетом в академических и административных кругах, Николай Андреевич поддержал привлечение кадров и оснащение центра современным оборудованием, что подняло уровень археологических исследований в регионе на новую высоту.

При его содействии в августе 2014 г. на Болгарском городище была организованы занятия Международной полевой археологической школы для молодых исследователей. Программа школы включала как *теоретические лекции* ведущих учёных о евразийской средневековой археологии, так и *практическое участие* слушателей в раскопках. Это мероприятие способствовало не только подготовке нового поколения археологов, но и подчеркнуло значение Болгара, как площадки международного научного форума.

Деятельность Н. А. Макарова оказала разностороннее воздействие на археологическую науку Поволжья, выходящее за рамки отдельных объектов изучения или реализации многочисленных исследовательских и научно-представительских проектов. Его непосредственное участие в решении важных организационных вопросов, методические и методологические консультации и просто советы опытного специалиста-археолога определили заинтересованность учёного в позитивном развитии археологии региона, функционировании казанской археологической школы как составной части общероссийской науки. Его усилия создали возможности для интеграции научного сотрудничества, взаимодействия и взаимного обогащения научных школ, внедрения в научной практике региона передовых методик полевых и камеральных исследований, комплексного и междисциплинарного подхода. Значительным событием в жизни региона стал IV (XX) Археологический съезд, организованный и проведённый при деятельном участии Н.А. Макарова в Казани 21–25 октября 2014 г.

Работы Н. А. Макарова не только расширили источниковую базу, но и обозначили ряд концептуальных задач для археологии Татарстана. В его публикациях подчёркивается важность методологической проработки региональных материалов и их включения в обобщающие исследования. Так, данные Свияжска и Болгара стимулировали в том числе и постановку новых вопросов о преемственности заселения Казанского края.

Вклад Н. А. Макарова в археологию проявился как в конкретных исследованиях, так и в переосмыслении роли регионов для создания научной картины прошлого. Формулируя задачу «изучения России как единого археологического пространства, а не бесчисленных серий дискретных, не связанных друг с другом явлений прошлого» (Макаров и др., 2015, с.14), он таким образом, подчёркивает необходимость интеграции узко региональных представлений в широкий исторический контекст. Прилагая усилия к организации изучения памятников региональной археологии, Николай Андреевич предлагает осмысливать значение этих объектов на обширном фоне Восточной Европы и Евразии в целом, что выявляет их коммуникативные особенности и способствует получению связной и непротиворечивой хронологической и пространственной картины прошлого. Значение этой, предложенной Н.А. Макаровым, исследовательской и актуализирующей парадигмы трудно переоценить, т.к. она изменила отношение к периферийным регионам, фиксируя их самозначимость с одной стороны и включенность в единое глобальное пространство с другой. Татарстан, как один из важных территориальных и культурно-исторических элементов этого пространства, в результате занял прочное место среди ключевых узлов археологической карты Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическое изучение Болгарского городища / авт.-сост. А.Г. Ситдиков, С.Г. Бочаров. Казань: АН РТ, 2024. 564 с.

Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Исследования гончарного производства у Галанского озера Болгарского городища / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. 3. Казань: АН РТ, 2023. 184 с.

Коваль В.Ю., Русаков П.Е. Исследования фортификации города Болгара в 2014–2015 годах / Материалы и исследования по археологии Великого Болгара. Т. II. М.; Казань: ИА АН РТ, ИА РАН, 2018. 160 с.

Кузьмина И.Р. От археологических разведок до междисциплинарных научных исследований памятников острова-града Свияжск в 1990-х-2000-х гг. // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 329–338.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.

Макаров Н.А. Сохранение археологического наследия в 2010-е годы: новые реалии // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 12. С. 1203–1209.

Макаров Н.А., Зеленцова О.В., Коробов Д.С. Пространство древностей: археологические памятники на карте России // Вестник РАН. 2017. Т. 87. № 3. С. 243–252.

Макаров Н.А., Беляев Л.А., Энговатова А.В. Археология в современной России: перспективы и задачи // РА. 2015. № 2. С. 5–15.

Руденко К.А., Казаков Е.П. Торговля на пойменных селищах эпохи средневековья низовий Камы в XII–XIV вв. (по находкам металлических зеркал) // Поволжская археология. 2024. № 4 (50). С. 209–221.

Ситдиков А.Г., Саттаров Р.Р. Научная деятельность института археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстана в 2024 году // Археология Евразийских степей. 2025. № 1. С. 330–346.

Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе Международной полевой археологической школы в Болгаре (18–31 августа 2014 г.) // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 294–303.

Ситдиков А.Г., Старков А.С. Музей археологического дерева «Татарская слободка». Казань: Мастер-Граф, 2022. 500 с.

Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш. Ханская Казань в свете новых археологических исследований // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 3–4. С. 46–59.

Советская историческая энциклопедия. Т. 14 / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1973. 524 с.

Татарский Энциклопедический Словарь / М.Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1999. 703 с.

Хузин Ф.Ш. Средневековая Казань: археология и история. Казань, 2008. 74 с.

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); epkaz@mail.ru

Баранов Вячеслав Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sl.baranov@mail.ru

Урбушев Айдын Урматович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); aidurbushev@yandex.ru

Мухаметшин Рамис Рустамович, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); rom.fi g@mail.ru

REFERENCES

Sitdikov, A. G., Bocharov, S. G. (comp.). 2024. *Arkheologicheskoe izuchenie Bolgarskogo gorodishcha (Archaeological study of the Bolgar fortified settlement).* Kazan: Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. 2023. *Issledovaniya goncharnogo proizvodstva u Galanskogo ozera Bolgarskogo gorodishcha (Studies of pottery production at Lake Galanka of the Bolgar fortified settlement).* Series: Materialy i issledovaniya po arkheologii Velikogo Bolgara (Materials and research on the archaeology of the Great Bolgar) 3. Kazan: Academy of Sciences of Republic of Tatarstan (in Russian).

Koval, V. Yu., Rusakov, P. E. 2018. *Issledovaniya fortifikatsii goroda Bolgara v 2014–2015 godakh (Research in the city of Bolgar fortification in 2014–2015).* Series*:* Materialy i issledovaniya po arkheologii Velikogo Bolgara (Materials and Studies on the Great Bolgar Archaeology). Vol. II. Moscow-Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Kuzmina, I. R. 2022. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 329–338 (in Russian).

Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Belozer'ia i Poonezh'ia (Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Rus in 11th –13th Centuries: on the Materials of Archaeological Mouments on the Tracks of Belozerye and the Onega Region)*. Moscow: "Skriptorii" Publ. (in Russian).

Makarov, N. A. 2019. In *Vestnik RAN (Herald of the Russian Academy of Sciences)* 89 (12), 1203–1209 (in Russian).

Makarov, N. A., Zelentsova, O. V., Korobov, D. S. 2017. In *Vestnik RAN (Herald of the Russian Academy of Sciences)* 87 (3), 243–252 (in Russian).

Makarov, N. A., Belyaev, L. A., Engovatova, A. V. 2015. In *Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 5–15 (in Russian).

Rudenko, K. A., Kazakov, E. P. 2024. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 50 (4), 209–221 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Sattarov, R. R. 2025. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 1, 330–346 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Vyazov, L. A., Makarova, E. M. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (4), 294–303 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Starkov, A. S. 2022. *Muzey arkheologicheskogo dereva «Tatarskaya slobodka» (Archaeological Wood Museum «Tatarskaya Slobodka»).* Kazan: "Master-Graf" Publ. (in Russian).

Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. 2008. In *Ekho vekov = Gasırlar avazı (Echo of Centuries)* (3–4), 46–59 (in Russian).

Zhukov, E. M. (ed. In chief.). 1973. *Sovetskaia istoricheskaia entsiklopediia (The Soviet Historical Encyclopedia)* 14. Moscow: "Sovetskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).

Khasanov, M. Kh. (ed. In chief.). 1999. (*Tatarskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Tatar Encyclopedic Dictionary).* Kazan: Institute of Tatar Encyclopedia (in Russian)

Khuzin, F. Sh. 2008. *Srednevekovaia Kazan: arkheologiia i istoriia (Medieval Kazan: archaeology and history*). Kazan (in Russian).

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Kazakov Evgeniy P., Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; epkaz@mail.ru

Baranov Vyacheslav S. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; sl.baranov@mail.ru

Urbushev Aidyn U. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; aidurbushev@yandex.ru

Mukhametshin Ramis R. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; rom.fi g@mail.ru

Статья поступила в журнал 03.12.2025 г.
Статья принята к публикации 23.12.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

УДК 902/904 https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.1.145.154

К ВОПРОСУ О «МАРКСИСТСКОЙ» НАУКЕ НА РУБЕЖЕ 1920-Х- 1930-Х ГГ. НА ПРИМЕРЕ «ДЕЛА РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАРТИИ»: С.А. ТЕПЛОУХОВ, Ф.А. ФИЕЛЬСТРУП И Г.А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКИЙ

© 2026 г. А.А. Назаров, А.М. Белова

В статье рассматривается проблема трансформации советских этнографии, археологии и антропологии в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на примере участников «Дела Российской национальной партии» С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского. Исследование ставит вопрос однородности научных подходов в советской науке данного периода с использованием микроисторического подхода. Сквозь призму биографий и подходов ученых были рассмотрены большие политические и научные процессы, проанализированы результаты различных мероприятий, проведенных академическим сообществом с целью унификации подходов в советской науке. По итогам работы сделан вывод о наличии большого разнообразия исследовательских методологий, различавшихся даже в рамках одной научной школы. Отмечена интеграция всех трех рассматриваемых ученых в политическую сферу СССР 1920-х гг., а также выявлены разные стратегии адаптации С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского к меняющимся требованиям в научной среде. С другой стороны, сделан вывод о неоднородности самой «марксистская наука»: разные ее сторонники в научной и политической сферах по-разному совмещают старые и новые подходы и по-разному определяют, кто является марксистом.

Ключевые слова: археология, «Дело славистов», «Дело Российской национальной партии», С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп, Г.А. Бонч-Осмоловский, палеоэтнология, марксизм.

ON THE QUESTION OF «MARXIST» SCIENCE AT THE TURN OF THE 1920S - 1930S: THE RUSSIAN NATIONAL PARTY CASE: S.A. TEPLOUKHOV, F.A. FIELSTRUP AND G.A. BONCH-OSMOLOVSKY

A.A. Nazarov, A.M. Belova

The article examines the issue of transformation of Soviet ethnography, archaeology, and anthropology in the late 1920s and early 1930s through the “Russian National Party Case” participants: S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup, and G.A. Bonch-Osmolovsky. The study raises the question of the uniformity of scientific approaches in Soviet science of this period by applying a microhistorical approach. In the light of the biographies and approaches of these scientists, major political and scientific processes were examined, and the results of various activities undertaken by the academic community to unify approaches in Soviet science were analyzed. Following the results of the work, it is concluded that a significant diversity of research methodologies existed, which differed even within a single scientific school. The integration of all three examined scholars into the political sphere of the USSR in the 1920s is noted, and different adaptation strategies of S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup, and G.A. Bonch-Osmolovsky to the changing demands within the scientific environment are identified. On the other hand, a conclusion is drawn regarding the heterogeneity of "Marxist science" itself: its various proponents in the scientific and political spheres combined old and new approaches differently and defined who was a Marxist in different ways.

Keywords: archaeology, “the Slavists Case”, the Russian National Party Case, S.A. Teploukhov, F.A. Fielstrup, G.A. Bonch-Osmolovsky, paleoethnology, Marxism.

Рубеж 20–30-х гг. XX в. является особым временем в истории СССР. В этот короткий период во всех областях жизни общества происходили большие перемены. Победа И.В. Сталина во внутрипартийной борьбе ознаменовала завершение ранних советских экспериментов 1920-х гг. и начало формирования «сталинского» СССР. Осуждение в 1928 г. «правого уклона» стало началом отказа от сотрудничества со старыми специалистами

и поиска опоры в виде молодых «выдвиженцев» – лояльных партии деятелей «культурной революции». Вместе с этим начали проводиться индустриализация и коллективизация, связанные с внедрением в экономику пятилетних планов. С «Шахтинского дела» 1928 г. начались репрессии против старых специалистов, получивших образование и сделавших карьеру до революции. В сфере науки эти процессы проявились во внедрении принципов марксизма в научные работы и обновлении кадрового состава научных работников. Это должно было осуществляться при помощи выдвижения кандидатур приверженцев «молодой марксистской науки» различных научных школ, например, «школы Марра» в этнографии и археологии, а также «чисток» «идеологически чуждого элемента». Подобные репрессии сопровождались увольнением старых «буржуазных специалистов» и реализации в их отношении прямого уголовного преследования (Fitzpatrick, 1978, p. 30–40).

Репрессии по отношению к научному сообществу начались в ноябре 1929 г. с «Академического дела», в ходе которого были в основном арестованы ученые, являвшиеся дореволюционными специалистами (Степанов, 2013, с. 159). Волна арестов представителей научного сообщества Москвы и Ленинграда рубежа 1920–1930-х гг. завершилась «Делом славистов» («Делом Российской национальной партии») 1933–1934 гг. (Формозов, 1998, с. 195–196).

«Дело славистов» – это уголовный процесс, в рамках которого на скамье подсудимых оказались московские и ленинградские ученые разных специальностей. Они обвинялись в симпатии к националистическим идеям Н.С. Трубецкого, участии в контрреволюционной террористической организации и сотрудничестве с французскими и немецкими фашистскими объединениями. Изначально разделения между городами не было – в сентябре 1933 г. из Ленинграда в Москву были отправлены под следствие четыре человека. После оформления первой группы осужденных из Ленинграда допросы производили на месте. В Ленинграде было арестовано 37 человек. Фигурантами процесса стали ученые разных направлений: филологи, лингвисты, этнографы, искусствоведы, химики и геологи (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 6–8).

Аресты сотрудников Этнографического отдела Русского музея в ленинградской ветке начались с его бывшего заведующего А.А. Миллера. Следующим был арестован Д.А. Золотарев, исполнявший обязанности заведующего после А.А. Миллера. В течение 26–29 ноября были заключены под стражу Ф.А. Фиельструп и С.А. Теплоухов, а также Г.А. Бонч-Осмоловский. Осужденные были приговорены Особым совещанием при коллегии ОГПУ весной 1934 г. к различным мерам наказания: лагерному заключению от 3 до 10 лет или ссылке (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 39–40). В 1937–1938 гг. часть людей, проходивших по «Делу Российской национальной партии», была осуждена повторно и приговорена к высшей мере наказания (ВМН). В лагерях было расстреляно 11 человек, двое фигурантов «Ленинградского Дела славистов» в период с лета 1937 г. – весны 1938 г. Все участники «Дела Российской национальной партии» были реабилитированы: ленинградская часть 28.11.1956, московская – 26.10.1964 (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 202–206).

В историографии изучение «Дела славистов» представлено достаточно слабо. В советский период 1960–1980-х гг. люди, фигурировавшие в данном процессе, упоминались в различных историографических статьях (Алексеев, 1962, с. 51–58). Однако факт того, что эти ученые «проходили» по уголовным делам, до рубежа 1980–1990-х гг. являлся «фигурой умолчания». В исследованиях 1990–2000-х гг. начала подниматься тема участия научного сообщества в «Деле славистов», но эти события рассматривались как противостояние однородных политического (или околополитического) и научного сообществ (Платонова, 2002, с. 272–273) либо как противостояние тоталитарного государства с интеллигенцией (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 3). Также на материалах более ранних дел 1929–1931 гг. еще с середины 1970-х гг. Ш. Фицпатрик (Fitzpatrick, 1978, p. 14–17) и Ю.Л. Слёзкин (Слёзкин, 1993, с. 121) выделяли проблему гетерогенности «марксистской науки» в этот период. В последние годы исследователи рассматривают «Дело славистов» в контексте жизнеописания крупных научных деятелей (Алёкшин, 2023; Застрожнова, 2022).

Учитывая подобный поворот от больших нарративов к анализу отдельных биографий,

мы бы хотели рассмотреть, насколько однородны научные подходы репрессированных по «Делу славистов»?

Поэтому нами был выбран метод *case study* (изучение казусов – конкретных ситуаций) (Petrina, 2020, p. 4–5). Наиболее оптимально применение этого метода при анализе нестандартных, крайних случаев, поскольку в них сильнее выражены общие исторические закономерности (Bessmertnaya, 2021, p. 701). Поэтому нами было принято решение рассмотреть данную проблему на примере трех исследователей: С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского. С.А. Теплоухов и Ф.А. Фиельструп трагически погибли, находясь под следствием, при не до конца выясненных обстоятельствах. По версии следствия, С.А. Теплоухов покончил с собой, а Ф.А. Фиельструп умер в шоковом состоянии на допросе, выпив стакан кипятка (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 86). Все остальные участники «Дела Российской национальной партии» были осуждены и получили наказание. С Г.А. Бонч-Осмоловского, напротив, при жизни в 1941 г. были сняты все обвинения, что было единичным случаем для пенитенциарной системы СССР 1930-х гг. в целом (Платонова, 2016, с. 99). Кроме этого, С.А. Теплоухов, Ф.А. Фиельструп и Г.А. Бонч-Осмоловский были близкими друзьями, представителями ленинградских научных школ. Их объединяло то, что в студенческие годы Г.А. Бонч-Осмоловский и Ф.А. Фиельструп участвовали в деятельности Эрмитажного кружка (Анциферов, 1992, с. 203), а в последние годы своей жизни совместно с С.А. Теплоуховым работали в Этнографическом отделе Русского музея, где и разворачивалась этнографическая часть «Дела Российской национальной партии». Все трое были арестованы в одно время – 26–29 ноября 1933 г. (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 39–40). Помимо *case study*, нами был применен метод новой биографии, в рамках которого биография служит инструментом для раскрытия исторического процесса через оптику жизни конкретного человека (От редакции, 2009, с. 12).

Сергей Александрович Теплоухов родился в Пермской губернии, в семье известных краеведов, археологов и собирателей древностей. Он поступил в 1908 г. Казанский университет на естественное отделение физико-математического факультета, затем в 1912 г. начал обучаться второй специальности, антропологии, у Б.Ф. Адлера, ученика Д.Н. Анучина, создавшего принципы комплексного изучения в этнографии, антропологии, археологии и пр. (Китова, 2010, с. 167). За выдающиеся успехи в изучении происхождения финских народностей С.А. Теплоухов был отправлен на стажировку в Петербург к основателю палеоэтнологической школы Ф.К. Волкову. Летом 1918 г. Сергей Александрович находился в родовом поместье в с. Ильинское Пермской губернии. Из-за наступления войск Колчака он оказался отрезан от Казани и Петербурга и несколько месяцев преподавал в Пермском университете. Затем С.А. Теплоухов в 1919 г. был эвакуирован в Томск вместе с частью преподавательского состава университета. Там он работал в центре археологических исследований вместе с Ф.А. Фиельструпом.

В течение нескольких лет после свержения белого правительства усилился контроль за деятельностью Томского университета. Поэтому С.А. Теплоухов в 1922 г. перебрался в Петроград совместно с Ф.А. Фиельструпом и С.И. Руденко. Там он преподавал антропологию и этнографию на кафедре антропологии сначала физико-математического, а затем географического факультета; занимался полевыми археологическими исследованиями в Ленинградской области. Сергей Александрович проработал в звании доцента до 1 сентября 1929 г., пока не был уволен в связи с упразднением данных предметов из учебной программы (Китова, 2010, с. 167–169). В последующие годы продолжил работу в Русском этнографическом музее в должности хранителя этнографического отдела (Березников, 2018, с. 3038), а также работал научным сотрудником в ГАИМК. Помимо преподавательской деятельности С.А. Теплоухов в 1924 г. участвовал в раскопках курганов в Ноин-Уле и впервые указал его правильное хронологическое определение. В 1925–1926 гг. и в 1929 г. уже возглавлял экспедицию АН СССР в Танну-Тувинской республике (Березовиков, 2018, с. 3039). Благодаря работе в Томском университете Сергей Александрович начал комплексное изучение Минусинской котловины (Теплоухов, 1929). Им была произведена подробная классификация памятников данной территории. С.А. Теплоухов выступал за комплексное исследование среды обитания ископаемого человека. Глав-

ную роль в формировании различных археологических культур он отводил климатическим и природным факторам: наличию или отсутствию ресурсов, естественным границам, которые могут быть проникаемы для единичных и являться преградой для массовых контактов и миграций (Китова, 2010, с. 171–172).

С.А. Теплоухов был арестован 26.11.1933 и в марте 1934 г. по версии следствия, повесился в Доме предварительного заключения, в связи с чем дело было прекращено (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 205).

Во время работы в Томске С.А. Теплоухов уделял время изучению современных ему этнических сообществ. Он ввел в широкое употребление этноним «хакасы» как название тюркоязычных групп юга Западной Сибири, встречавшийся в китайских исторических источниках и принятый в качестве самоназвания некоторыми племенами (Яковлев, 1928, с. 227). В 1923 г. был образован Хакасский уезд Енисейской губернии (Прокопьева, 2023, с. 600). Видимо, часть работ Сергея Александровича была ипримененина в рамках политики «коренизации». Используя их, советские политические элиты смогли применить этот этноним для территориального размежевания СССР (Алпатов, 2001, с. 6).

Федор Артурович Фиельструп родился в 1889 г. в Петербурге. Его отец служил старшим механиком в Управлении городских телеграфов. В 1914–1915 гг. Ф.А. Фиельструп в составе экспедиции совершил поездку в Южную Америку (Фиельструп 2002, с. 4–5). С 1917 г. перед большевистской партийной номенклатурой стояла сложная задача по выстраиванию системы управления разными этническими сообществами РСФСР (а затем и СССР). Поэтому уже в 1917 г. на базе Российской академии наук была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (КИПС). Ф.А. Фиельструп работал при ней с 1918 г., что позволило ему участвовать в основных этнографических экспедициях. Помимо работы в КИПСе, в 1920-х Ф.А. Фиельструп работал в этнографическом отделе Русского музея, а с 1926 г. – помощником хранителя данного отдела, совершая ежегодные полевые исследования Киргизии, Средней Азии и Кавказа (Фиельструп, 2002, с. 6).

На момент ареста Федор Артурович занимал должность старшего научного сотрудника Русского музея, занимался этнографией тюркских народов. Он был задержан в один день с С.А. Теплоуховым и, как указано в следственном деле, умер от несчастного случая в Доме предварительного заключения через две недели, 07.12.1933 (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 206).

Ф.А. Фиельструп занимался этнографическим изучением тюркских народов: крымских татар, казахов и киргизов. Исследования Федора Артуровича были посвящены изучению структуры традиционных обществ, архаичных пластов мировоззренческих систем тюркских народов, общему и особенному в культуре тюркских народов, этногенетическим и культурным связям. В них широко использовался историко-сравнительный метод. Однако труды Ф.А. Фиельструпа не содержат в себе никакой авторской интерпретации, но представляют собой сборники богатого фактического материала по этнографии и лингвистике тюркоязычных сообществ.

Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский родился в 1890 г. в семье, происходившей из старинного белорусского дворянского рода. Его отец, А.О. Бонч-Осмоловский, был активным участником движения народников, подвергаясь арестам на протяжении всей деятельности. Отец и сестра Глеба Анатольевича участвовали в вооруженном восстании 1905 г. в Москве (Воробьев, 2017). В 1910 г. Г.А. Бонч-Осмоловский вступил в пролетарский кружок при Эрмитаже по подготовке студентов к экскурсиям для рабочих. На тот момент Глеб Анатольевич являлся студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (Платонова, 2016, с. 105–107). В 1915 г. Г.А. Бонч-Осмоловский ушел добровольцем на фронт, где тяжело заболел туберкулезом, в связи с чем был отправлен на лечение в Крым. Здесь он участвовал в деятельности красного подполья, а после установления большевистской власти заведовал Крымским комитетом по делам музеев (Платонова, 2005, с. 305).

В 1922 г. вместе с семьей Глеб Анатольевич переехал в Петроград, где начал работать научным сотрудником в этнографическом отделе Русского музея, дослужившись до главного помощника хранителя музея. В это же время им были проведены масштабные

исследования пещеры Киик-Коба в Крыму, в ходе которых Глеб Анатольевич занимался изучением устройства жизни палеолитического человека. На протяжении 1920-х Г.А. Бонч-Осмоловский сотрудничал с иностранными антропологами: в 1926 г. он совершил поездку во Францию для консультации с А. Брейлем, Г. Мартеном, Д. Пейрони и другими крупными учеными (Севастьянов, 2013, с. 131). Параллельно с работой в Русском музее он возглавлял Четвертичный отдел в Геологическом институте АН СССР, а также был ассистентом кафедры антропологии Ленинградского университета (Грусман, Дмитриев, 2014, с. 14).

Он был арестован 29.11.1933 (Севастьянов, 2013, с. 131–132). 12.04.1934 приговорен к трем годам лагерного заключения в Ухто-Печорском лагере, откуда был досрочно освобожден 26 февраля 1936 г. (Севастьянов, 2013, с. 132). Затем жил в Старой Русе без права прописки в Москве и Ленинграде (Ашнин, Алпатов, 1994, с. 203). Но Глебу Анатольевичу хотелось продолжать полноценно работать, и после нескольких ходатайств он был признан невиновным 22.02.1941. К тому же на заседании Ученого совета ИИМК имени Н.Я. Марра АН СССР от 27 сентября 1941 г. Г.А. Бонч-Осмоловский был утвержден как доктор наук без защиты диссертации. Заседание подготовило все необходимые документы: отзывы, рецензию на II том «Палеолита Крыма», принятый в качестве диссертационного текста (Севастьянов, 2013, с. 137–138). Вскоре из-за начала блокады Ленинграда Глеб Анатольевич с женой и сыном был отправлен в эвакуацию в Казань в качестве университетского преподавателя антропологии, где и умер в 1943 г.

Глеб Анатольевич также стал автором множества археологических и этнографических работ по изучению народов Крыма. Он описывал быт, язык, жилище, питание, одежду, брак, семью крымских татар. Также Г.А. Бонч-Осмоловский выделил многокомпонентность этнического устройства крымско-татарского этноса, различные факторы, сформировавшие его. Главным из них он считал производственно-экономические условия, второстепенными – географическое положение и гибкость традиционной культуры (Бонч-Осмоловский, 1925, с. 78). Однако этнос в социально-экономическом плане у Бонч-Осмоловского представлен как нечто однородное, без явной классовой дифференциации.

Все упомянутые ученые были ровесниками и принадлежали к поколению людей, родившихся на рубеже 1880–1890-х гг. Будучи уроженцами разных регионов Российской империи и выходцами из разных социальных групп, они получили высшее образование. Но карьеру они сделали уже при советской власти. К этому же периоду относятся их главные работы и участие в формировании советской научной школы. Оказавшись в экстремальных условиях – эпицентре Гражданской войны на белых территориях, ученые выбрали разные стратегии поведения. Когда С.А. Теплоухов и Ф.А. Фиельструп работали в Томском университете при А.В. Колчаке, Г.А. Бонч-Осмоловский участвовал в борьбе большевистского подполья против А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. Несмотря на это, все они были встроены в советскую политическую систему, в которой их научные наработки использовались для реализации национальной политики партии.

Также мы видим, что двое исследователей – С.А. Теплоухов и Г.А. Бонч-Осмоловский – принадлежали к ленинградской палеоэтнологической школе Ф.К. Волкова, который выступал за комплексный подход в антропологии – сочетание методов биологии (классификации), геологии (стратификации), палеонтологии, археологии и др., результатом чего является этнологическая реконструкция образа жизни человека в прошлом. Подобный подход существовал и в московской школе под руководством Б.С. Жукова (Кузьминых, 2023). В позднейшем периоде историографии исследователи в основном рассматривали палеоантропологическую школу как одну московскую часть, но исследователи «ленинградской ветви», напротив, разделяли их (Платонова, 2008, с. 96).

Для понимания причин репрессий в отношении выбранных нами исследователей далее мы рассмотрим основные события, произошедшие в академической среде археологов, этнологов и антропологов в ходе изменений в научной среде 1929–1932 гг.

Начать стоит с Совещания этнографов Москвы и Ленинграда, проходившего 5–11 апреля 1929 г. В ходе него в академическом сообществе был поднят вопрос унификации подходов в этнографии на основании

методологии диалектического материализма. Оживленную дискуссию вызвали понятия «этнос», «раса» и «культура». Часть присутствовавших выступала за рассмотрение этих терминов в рамках классового и формационного подходов. К этой группе в основном принадлежали «выдвиженцы», представленные в этнографической среде «школой Н.Я. Марра» (Стенограмма…, 2014, с. 217–231). В рамках дискуссии «диалектики» использовали ссылки на различные труды советской политической элиты. В частности, В.Б. Аптекарь и Я.П. Кошкин аргументировали свои позиции выдержками из работ Н.И. Бухарина, на тот момент уже осужденного Политбюро за «правый уклон» (Стенограмма…, 2014, с. 182; с. 198–203). Другая группа исследователей выступила в защиту традиционного изучения «этноса» и «культуры» или адаптировала эти понятия в рамках диалектического материализма, без дробления, присущего «диалектикам» (Стенограмма…, 2014, с. 269–270), которая в историографии получила название «механицистов» (Стенограмма…, 2014, с. 28).

Также в этом году был арестован С.Н. Руденко, а методологическое совещание семинара, учрежденного для внедрения марксизма-ленинизма в работу Этнографического отдела, осудило т. н. «руденковщину» за защиту эксплуатации капиталистами колониальных и полуколониальных народов. Примечательно, что Ф.А. Фиельструп был определен им как «защитник Руденко», а С.А. Теплоухов и Г.А. Бонч-Осмоловский – как «главные защитники Руденко» (Грусман, Дмитриев, 2014, с. 12–13).

В 1930 г. вышла работа другого «выдвиженца», В.И. Равдоникаса, «За марксистскую историю материальной культуры». Автор требовал от научного сообщества исследовать эволюцию средств производства и производственных отношений, находящих отражение в археологическом материале. Для этого он предложил рассматривать функционал артефактов и среду, в которой они были созданы, в комплексе с другими типами источников (Равдоникас, 1930, с. 14–20). В.И. Равдоникас критиковал палеоэтнологию за биологизацию исторических процессов, выраженную в связи археологических находок и объектов с этносами как биологическими общностями людей (Равдоникас, 1930, с. 76–79). Однако стоит заметить, что В.И. Равдоникас взял свой «комплексный метод» у палеоэтнологов, которые исследовали человека в контексте окружающей его природной и социальной среды (Платонова, 2002, с. 273).

В 1930 г. КИПС был упразднен. На его место пришел Институт изучения народов СССР, задачей которого являлось определение и ликвидация пережитков, затрудняющих переход к более продвинутым социально-экономическим формациям (Москвина, 2021, с. 77). Это стало демонстрацией перехода к системе, предложенной В.И. Равдоникасом. Но уже в октябре 1931 г. в журнале «Пролетарская революция» вышло письмо И.В. Сталина в редакцию (Сталин, 1931). В нем Иосиф Виссарионович, заняв «механицистские» позиции, высказался о поддержке большевиками «угнетенных народов и наций» без какого-либо деления на классы. Эта точка зрения была схожа с методологией Г.А. Бонч-Осмоловского, осужденного спустя два года, и отчасти противоречила подходу Равдоникаса.

Попытка «унификации» методологий в академической среде была предпринята в 1932 г., когда состоялось Всероссийское археолого-этнографическое совещание. По итогам выступлений была составлена программа объекта изучения «марксистской этнографии»: вопросы этногенеза и определение территориальных границ различных этнических сообществ; материальное производство; происхождение семьи, классов, экономической надстройки в виде религии, искусства и т. д.; формы разложения разных социально-экономических формаций в капиталистическом окружении и их перехода к социализму минуя капитализм; строительство культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию (Слёзкин, 1993, с. 119–121).

Таким образом, можно отметить изменения в требованиях среды «выдвиженцев» к науке. В 1929–1930 г. они выступали сугубо за классовый подход в археологии и этнографии. Но после «Письма» Сталина их позиция несколько изменилась. В финальной программе Совещания 1932 г. появились «механицистские» термины – этнос и культура.

До 1931 г. подходы С.А. Теплоухова, Ф.А. Фиельструпа и Г.А. Бонч-Осмоловского были объектом критики «диалектиков». С.А. Теплоухов выступал за исследование

влияния климатических факторов на археологические культуры; Ф.А. Фиельструп занимался публикацией полевого этнографического материала, не сопровождая его исследовательскими интерпретациями; Г.А. Бонч-Осмоловский не выделял внутри этноса классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Можно утверждать, что все трое исследователей были ближе к «механицистам», чем диалектикам. Однако это деление достаточно условно, поскольку на примере трех исследователей можно говорить о разнородности научных подходов даже в рамках одной научной школы. Единственным, кто пытался интегрировать элементы диалектического материализма в свои работы, был Г.А. Бонч-Осмоловский. Благодаря такому научному подходу Глеб Анатольевич снискал расположение части марксистского научного сообщества. Так, в 1930 г. разбирательства в отношении него, начавшиеся после конфликта с В.И. Равдоникасом, были прекращены, когда за исследователя заступился Н.Я. Марр. А в 1934 г. поручительное письмо написал ученик Н.Я. Марра, директор Института археологии, антропологии и этнографии СССР И.И. Мещанинов. В нем он отметил «вульгарный материализм» как единственный недостаток работ Глеба Анатольевича (Севастьянов, 2013, с. 131–132).

Однако с появлением «компромиссной» программы 1932 г. методологии исследователей совпадают, представляя собой изучение этногенеза и структуры этносов. Более того, при помощи различных советских институтов все трое ученых участвовали в национальной политике РСФСР и СССР, в частности определении состава и границ этнических групп. Во всех случаях исследователь оказывался прямо вовлечен в политические события рубежа 1910–1920-х гг. – проведение советской национальной политики, определение идентичности национальностей, проживавших на территории СССР.

Также необходимо отметить, что даже до 1931 г. часть «механицистских» подходов некоторыми группами «выдвиженцев» понималась как марксизм. Например, взгляды на однородное экономическое устройство этноса совпадали с терминами «полуколонизированные» и «колонизированные народы», фигурировавшими в обвинениях, предъявленных методологической комиссией С.Н. Руденко.

Вместе с этим оба сообщества придерживались в исследованиях междисциплинарных, комплексных подходов. По-видимому, репрессии против «механицистов» и «диалектиков» на какое-то время остановили процесс развития междисциплинарных научных полей в рамках советской археологии, этнографии и антропологии.

Наконец, несмотря на политическую ангажированность «диалектиков» («выдвиженцев»), можно предположить, что даже они не успевали адаптироваться к менявшемуся курсу партийной номенклатуры. Это косвенно подтверждают ссылки на Бухарина на конференции, проводившейся спустя год после его политической опалы, и начало «Дела славистов» через два года после выхода письма Сталина. Возможно, в условиях подобной методологической полифонии это письмо не было понято «выдвиженцами» как указание к прекращению репрессий и консолидации академического сообщества. С другой стороны, генезис молодой советской археологии, этнографии и антропологии не был первоочередной задачей партийной элиты рубежа 1920–1930-х гг., поэтому, возможно, унификация исследовательских подходов, в том числе и при помощи проведения репрессий, была отдана на откуп «выдвиженцам». Однако те самые «выдвиженцы», позиция которых не смогла измениться вслед за изменением «генеральной линии партии», были привлечены по новым уголовным делам значительно позже – уже на новом витке трансформаций в молодой советской науке.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В.П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. 1962. № 3. С. 49–58.

Алёкшин В.А. Ненаучные проблемы отечественных археологов (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Археологические вести. 2023. № 38. С. 17–29.

Алпатов В.М. Нужны ли литературные языки народам Севера? // Языковое бытие человека и этноса. Вып 3 / Ред. В.А. Пищальникова. Барнаул: АлтГУ, 2001. С. 3–9.

Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

Березовиков Н.Н. Сергей Александрович Теплоухов (1888–1934) - археолог и член Томского орнитологического общества имени С. А. Бутурлина // Русский орнитологический журнал. 2018. № 1629. С. 3027–3041.

Бонч-Осмоловский Г.А. Крымские татары: этнографический очерк // Путеводитель по Крыму / под ред. А.И. Маркевича, А.И. Полканова, Н.Л. Эрнста. Симферополь: Крымиздат, 1925. С. 78–96.

Воробьев А.А. Бонч-Осмоловский – семья революционеров в истории Беларуси // Романовские чтения – 12: сборник статей Международной научной конференции, Могилев, 23–24 ноября 2016 г. / Под общ. ред. А. С. Мельниковой. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2017. С. 68–69.

Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семенов А. От редакции. «Homo Imperii: поворот к биографии» // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. 2009. № 1. С. 11–16.

Грусман В.М., Дмитриев В.А. Из истории Российского этнографического музея: к 80-летию обретения самостоятельности // Музей. Традиции. Этничность. 2014. №. 1. С. 6–24.

Застрожнова (Панкратова) Е.Г. Следственное дело А. А. Миллера (1933–1934 гг.): общий обзор // Гуманитарно-педагогические исследования. 2022. № 3. С. 29–32.

Китова Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.

Кузьминых С.В. Б.С. Жуков – лидер московской палеоэтнологической школы (по материалам переписки с А.М. Тальгреном) // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 8–66.

Москвина Д.А. Прикладная наука в Институте по изучению народов СССР в Академии наук СССР в 1930-е: проект колхозной этнографии // Кунсткамера. 2021. №1(11). С. 75–87.

Платонова Н.И. Панорама отечественной археологии на «Великом переломе» по страницам книги В. И. Равдоникаса («За марксистскую историю материальной культуры») // Археологические вести. Вып. 9 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, Дмитрий Буланин, 2002. С. 261–278.

Платонова Н.И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // Археологические вести. Вып. 12 / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 301–316.

Платонова Н.И. Палеоэтнологическая школа в археологии и Ф. К. Волков // Вестник Том. гос. ун-та. 2008. № 315. С. 96–103.

Платонова Н.И. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2016. № 3. С. 95–123.

Прокопьева Е.А. Административно-территориальное строительство Хакасии (1930-е – начало 1990-х гг.) // Путеводитель по фондам муниципальных архивов Республики Хакасия / сост. Т.В. Коростелева и др.. Абакан: ООО «Типография Хакасии», 2023. С. 596–642.

Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры / Известия ГАИМК. 1930. Т. 7. №. 3–4. Л.: Государственное социально-экономическое издательство. 1930. 94 с.

Севастьянов А.В. Возвращение ученого: вокруг реабилитации Г. А. Бонч-Осмоловского (конец 30-х – начало 40-х гг. Хх В.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2013. №1. С. 125–142.

Слёзкин Ю.Л. Советская этнография в нокдауне: 1928–1928 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» // «Пролетарская Революция». М.; Л.: Московский рабочий. 1931. № 6 (113). С. 16.

Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) // От классиков к марксизму: Стенограмма совещания этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / Серия КА «Кунсткамера — Архив» VII / Под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 509 с.

Степанов М.Г. «Академическое дело» (1929 – 1931 гг.): взгляд современной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013.№ 7 (2). С. 158–161.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2 / Отв. ред. Ф.К. Волков. Л.: Изд-во Этногр. отд. Рус. музея имп. Александра III, 1929. С. 41–62.

Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.

Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920-1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.

Яковлев Н.Ф. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. 1928. № 3. С. 206–234.

Bessmertnaya O.Y. Magomet-Bek Hadjetlaché and the Muslim Question. Deceit, Trust, and Orientalism in Imperial Russia after 1905 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2021. № 4 (22). P. 697–727.

Fitzpatrick Sh. Cultural Revolution as Class War // Cultural Revolution in Russia, 1928-1931. Indiana University Press, 1978. P. 8–40.

Petrina St. Historical Case Study // Methods of Analysis. Vancouver: The University of British Columbia, 2020. P. 1–6.

Информация об авторах:

Назаров Артём Алексеевич, стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва, Россия); aralnazarov@edu.hse.ru

Белова Александра Максимовна, студент 5 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Пермь, Россия); ambelova_2@edu.hse.ru

REFERENCES

Alekseev, V. P. 1962. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (6), 49–58 (in Russian).

Alekshin, V. A. 2023. In *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* (38), 17–29 (in Russian).

Alpatov, V. M. 2001. In Pischalnikova, V. A. (ed.). *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa (Linguistic being of the individual and the ethnos)* 3. Barnaul: Altai State University, 3–9 (in Russian).

Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. 1994. *«Delo slavistov»: 30-e gody ("The Slavists Case": 1930s).* Moscow: "Nasledie" Publ. *(in Russian).*

Berezovikov, N. N. 2018. In *Russkiy ornitologicheskiy zhurnal (The Russian Journal of Ornithology)* (1629), 3027–3041 (in Russian).

Bonch-Osmolovsky, G. A. 1925. In Markevich, A. I., Polkanov, A. I., Ernt, N. L. (eds.). *Putevoditel' po Krymu (Guide to Crimea).* Simferopol: "Krymizdat" Publ., 78–96 (in Russian).

Vorob'ev, A. A. 2017. In Mel'nikova, A. S. (ed.). *Romanovskie chteniya — 12 (Romanov Readings-12).* Mogilev: Mogilev State University named after A. A. Kuleshov, 68–69 (in Russian).

Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovsky, A., Mogilner, M., Semenov, A. 2009. In *Ab Imperio: Issledovaniya po novoy imperskoy istorii i natsionalizmu v postsovetskom prostranstve (Ab Imperio: Studies in New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space)* (1), 11–16 (in Russian).

Grusman, V. M., Dmitriev, V. A. 2014. In *Muzey. Traditsii. Etnichnost' (Museum. Traditions. Ethnicity)* 1, 6–24 (in Russian).

Zastrozhnova (Pankratova), E. G. 2022. In *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya (Humanities and Pedagogical Research)* (3), 29–32 (in Russian).

Kitova, L. Yu. 2010. In Rossiyskaya arkheologiya (Russian Archaeology) (2), 166–173 (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 2023. In *Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 8–66 (in Russian)..

Moskvina, D. A. 2021. In *Kunstkamera* 11 (1), 75–87 (in Russian).

Platonova, N. I. 2002. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 9. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS; "Dmitrii Bulanin" Publ., 261–278 (in Russian). *vesti (Archaeological News), 9, 261–278 (in Russian).*

Platonova, N. I. 2005. In Nosov, E. N. (ed.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 12. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS; "Dmitrii Bulanin" Publ., 301–316 (in Russian).

Platonova, N. I. 2008. In. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Tomsk State University Journal)* 315, 96–103 (in Russian).

Platonova, N. I. 2016. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* (*Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Hystorical sciences.* (3), 95–123 (in Russian).

Prokop'eva, E. A. 2023. In Korosteleva, T. V. et al (eds.). *Putevoditel' po fondam municipal'nykh arkhivov Respubliki Khakasiya (Guide to the holdings of municipal archives of the Republic of Khakassia).* Abakan: "LLC "Tipografiya Khakasii" Publ., 596–642 (in Russian).

Ravdonikas, V. I. 1930. *Za marksistskuyu istoriyu material'noy kul'tury (For a Marxist history of material culture).* Series: Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury (Reports of the State Academy for the History of Material Culture) Vol. 7 (3–4). Leningrad: "Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo" Publ. (in Russian).

Sevastyanov, A. V. 2013. In *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* (*Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Hystorical sciences.* (1), 125–142 (in Russian).

Slezkin, Yu. L. 1993.In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (2), 113–125 (in Russian).

Stalin, I. V. 1931. In *Proletarskaya Revolyutsiya (Proletarian Revolution),* 6 (113). 16 (in Russian).

In Arzyutov, D. V., Alymov, S. S., Anderson, D. J. (eds.). 2014. *Ot klassikov k marksizmu: Stenogramma soveshchaniya etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelya 1929 g.) (From Classics To Marxism: The Meeting Of Ethnographers From Moscow And Leningrad (5–11 April 1929)).* Series: Kunstkamera — Arkhiv (Kunstkamera — Archives) VII. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Stepanov, M. G. 2013. In *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki (Historical, philosophical and law sciences and study of art. Theory and practice issues)* 7 (2), 158–161 (in Russian).

Teploukhov, S. A. 1929. In Volkov, F. K. (ed.). *Materialy po etnografii (Materials on Ethnography)* vol. IV, issue 2. Leningrad, 41–62 (in Russian).

Fielstrup, F. A. 2002. *Iz obryadovoy zhizni kirgizov nachala XX veka (From the ritual life of the Kyrgyz people in the early 20th century).* Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Formozov, A. A. 1998. In *Rossiyskaya arkheologiya* (*Russian Archaeology*) (3), 191–206 (in Russian).

Yakovlev, N. F. 1928. In *Revolyutsionnyy Vostok (Revolutionary East)* 3, 206–234 (in Russian).

Bessmertnaya, O. Y. 2021. In *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 4 (22), 697–727.

Fitzpatrick, Sh. 1978. In *Cultural Revolution in Russia, 1928-1931.* Indiana University Press, *8–40.*

Petrina, St. 2020. In *Methods of Analysis.* Vancouver: The University of British Columbia, 1–6.

About the Authors:

Nazarov Artem Al. Research Intern, Center for South Arabian Studies, National Research University Higher School of Economics, Pokrovsky Boulevard, 11, 109028, Moscow, Russian Federation; aralnazarov@edu.hse.ru

Belova Alexandra M. 5th year student Bachelor's degree, National Research University Higher School of Economics, Studencheskaya St., 38, 614070, Perm region, Russian Federation; ambelova_2@edu.hse.ru

Статья поступила в журнал 30.09.2025 г.
Статья принята к публикации 03.02.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
АЭМК – Археология и этнография Марийского края
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВА – Вопросы антропологии
ВАУ – Вопросы археологии Урала.
ВДИ – Вестник древней истории
ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского русского географического общества
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ГАИМК – Государственная Академия материальной культуры
ГИК – главная инвентарная книга
ГИМ – Государственный исторический музей
ГИС – геоинформационная система
ГЭС – гидроэлектростанция
ДГУ – Днепропетровский государственный университет
ЗабГУ – Забайкальский государственный университет
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИИ АН РТ – Институт истории АН РТ
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИОКМ – Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьев-Амурского
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАЭЭ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КГПИ – Куйбышевский государственный институт
КНИЭ – комплексная научно-исследовательская экспедиция
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН/ СССР
КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры АН СССР/Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
КФУ – Казанский федеральный университет
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории имени В.М. Васильева
МАРТ – Музей археологии Республики Татарстан ИА АН РТ
МАЭ ИАЭ УНЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА – Материалы и исследования по археологии
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МК РФ – Министерство культуры Российской Федерации
НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан
ОАН – объект археологического наследия
ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.
ПГГПУ – Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук.
РГО – Российское географическое общество
РЖВ – ранний железный век
РНФ – Российский научный фонд
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
Труды КАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции
УАВ – Уфимский археологический вестник
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
УрО РАН – Уральское отделение РАН

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Порядок приема материалов

№ 1 (февраль) – не позднее 1 декабря
№ 2 (апрель) – не позднее 1 февраля текущего года
№ 3 (июнь) – не позднее 1 апреля текущего года
№ 4 (август) – не позднее 1 июня текущего года
№ 5 (октябрь) – не позднее 1 августа текущего года
№ 6 (декабрь) – не позднее 1 октября текущего года

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

INSTRUCTIONS FOR AUTHORS

All information for authors concerning the submission of papers, the procedure of their examination, review, instructions and recommendations for the execution of materials, issues regulating the communication between the author and the publisher are provided on the journal's website at:

http://evrazstep.ru/index.php/aes/author_guidelines

Manuscripts shall be submitted by the following dates:

Vol.1 (February) – not later than December 1 of the current year
Vol.2 (April) – not later than February 1 of the current year
Vol.3 (June) – not later than April 1 of the current year
Vol.4 (August) – not later than June 1 of the current year
Vol.5 (October) – not later than August 1 of the current year
Vol.6 (December) – not later than October 1 of the current year

Manuscripts not meeting the specified requirements in terms of execution shall not be examined by the editorial board!

These instructions come into effect since their publication in the journal and on the journal's website.

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–79080
от 28 августа 2020 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
Технический редактор *И.А. Першагина*
420111 г. Казань, ул. Баумана, 20
Дата подписи в печать 26.02.2026
Дата выхода в свет 28.02.2026
Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 42,08
Тираж 1000 экз. Первый завод 100 экз. Заказ №
Свободная цена
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографи "Orange Key"
420015, г. Казань, ул. Галактионова, 14

16+